

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б.Д. ГРЕКОВ

25

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1948

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Академик *Б. Д. Греков* (ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. М. Дружинин*, *В. Д. Мочалов*,
член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказкин*.

Ответственный секретарь *И. У Будовниц*

А. Л. СИДОРОВ

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАШЕЙ РОДИНЫ

Трудящиеся массы всего мира признают величайшее значение Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории нашей страны и в мировой истории. В обстановке продолжавшейся первой мировой войны, 25 октября 1917 г., в результате победоносного вооруженного восстания было свергнуто буржуазное Временное правительство. Власть перешла в руки народа — к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Выступая 25 октября 1917 г. на заседании Петроградского совета с докладом «О задачах власти Советов», Ленин выразил уверенность в том, что революция «должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» в нашей стране.¹

Победа рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством в октябре 1917 г. является исходным моментом социалистического преобразования нашей в прошлом отсталой Родины в могучую социалистическую державу. Оценивая значение происшедших в результате Великой Октябрьской социалистической революции перемен, товарищ Сталин говорил: «Мы завоевали диктатуру пролетариата и создали тем самым *политическую* базу для продвижения к социализму. Можем ли мы создать своими собственными силами *экономическую* базу социализма, новый экономический фундамент, необходимый для построения социализма?». ² На поставленный вопрос партия большевиков дала положительный ответ. Громя злейших врагов рабочего класса, коммунистическая партия, возглавляемая Лениным и Сталиным, мобилизовала трудящиеся массы России на построение полного коммунистического общества. «Построить социализм в СССР,— говорил товарищ Сталин,— это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу, советскую, буржуазию». ³

Великая Октябрьская социалистическая революция, создав политическую базу для строительства социализма, открыла переходный период от капитализма к коммунизму, на протяжении которого Советское государство в условиях капиталистического окружения должно было построить социалистическое общество.

Товарищ Сталин со всей глубиной показал, в чем сущность строительства экономической базы социализма. «Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социали-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 4.

² Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) III, стр. 155. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г. — «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии».

³ Там же, стр. 154.

стической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов». ⁴

Несмотря на все трудности предстоящей задачи, коммунистическая партия, ее вожди Ленин и Сталин еще до Октябрьской социалистической революции уверенно заявляли о возможности победы социалистической революции в России и построения социализма. Еще на Всероссийской партийной конференции в апреле 1917 г. Ленин разбил капитулянтский тезис Рыкова о том, что «социализм должен придти из других стран с более развитой промышленностью». Ленин назвал эти взгляды пародией на марксизм ⁵ Ленинский тезис о возможности победы у нас социалистической революции товарищу Сталину пришлось защищать на VI съезде партии от врагов партии и рабочего класса, выступавших против ленинской теории победы социализма в одной стране. «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь», — сказал товарищ Сталин, защищая положение о социалистическом характере революции в России. ⁶

Большевистская партия и ее вожди Ленин и Сталин готовили рабочий класс нашей Родины к величайшей исторической задаче — строительству социализма после перехода власти в руки пролетариата. План перехода к социализму был изложен в Апрельских тезисах и в знаменитых ленинских работах: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?» В последней работе Ленин выражал полнейшую уверенность в способности большевистской партии — 240 тысяч большевиков — справиться с задачей организации советского государственного аппарата и управления страной «в интересах бедных и против богатых». ⁷ При этом он говорил о «чудесном средстве», имеющемся у большевиков, которое позволит «одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат», — о привлечении трудящихся и бедноты к повседневной работе по управлению государством. ⁸

Огромная трудность социалистического строительства после Октябрьской социалистической революции происходила из факта экономической отсталости России. Никто так хорошо не видел и не понимал особенностей экономического развития России — наличия крепостнических пережитков в экономике и государственном строе страны, факта полуколониальной зависимости России от иностранного империализма, переплетения экономического империализма с остатками крепостничества, как вожди рабочего класса Ленин и Сталин.

Выступая в 1928 г. на пленуме ЦК, товарищ Сталин в докладе «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» особенно подробно охарактеризовал технико-экономическую отсталость царской России. «Мы пришли к власти в стране, — говорил он, — техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными круп-

⁴ Там же, стр. 155.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 253.

⁶ И. В. Сталин. Соч., т. III, стр. 187.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 264.

⁸ Там же, стр. 264—265.

ными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений».⁹ Товарищ Сталин показал, что техническая отсталость промышленности является следствием общей технико-экономической отсталости царской России. «Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный» Ни один из прежних господствовавших классов царской России,— указывал товарищ Сталин,— «ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме».¹⁰

Приведенная выше характеристика в одинаковой мере относится как к промышленности России, так и к ее сельскому хозяйству, ибо отсталость промышленности определяла и сельскохозяйственную отсталость.

В период империализма экономический прогресс страны шел в высшей степени медленно. По расчетам Прокоповича, продукция промышленности и сельского хозяйства увеличилась с 1900 по 1913 г. (в ценах 1900 г.) по промышленности на 62,2%, по сельскому хозяйству и того менее — на 33,8%. Удельный вес сельского хозяйства в экономике страны составлял 51,4%, промышленности — 28%, а остальные 20,6% приходились на строительство, транспорт, торговлю и связь. По данным, опубликованным Госпланом, средний ежегодный народный доход на душу населения по всей империи равнялся в 1913 г. 102,2 руб., или был почти в 3 раза меньше, чем в Германии, в 3½ раза меньше, чем во Франции, в 4½ раза — чем в Англии и почти в 7 раз — чем в США.¹¹ Эти данные показывают, что на основе аграрной политики Столыпина и привлечения иностранных капиталов царской России, несмотря на промышленный подъем накануне мировой войны в 1910—1914 гг., не удавалось выкарабкаться из экономической отсталости.

Характеризуя экономическое развитие России в эпоху империализма, В. М. Молотов, вслед за Лениным, писал: «Заслуживает особого внимания тот факт, что Россия тогда не только не догоняла наиболее развитых капиталистических стран, а, наоборот, все более отставала от них по ряду важнейших производств». Сравнивая производство чугуна и стали на душу населения в разных странах в 1900 и в 1913 гг., товарищ Молотов показал усилившееся отставание России от Германии, Соединенных Штатов Америки и Франции.¹²

Ленин в ряде своих статей, написанных накануне первой мировой войны, указывал на огромное отставание России по производству электроэнергии, чугуна, стали, добыче каменного угля. Тогда находились наемные писаки, которые до небес превозносили успехи индустриализации России, столыпинской аграрной политики. В ответ им Ленин писал: «...Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями

⁹ Ленин и Сталин. Указ. соч., т. III стр. 315.

¹⁰ Там же, стр. 315—316.

¹¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. М., 1939, стр. 582.

¹² В. М. Молотов. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад на XVIII съезде ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 16—17.

производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки». ¹³ Ленин не только констатировал факт все усиливавшегося отставания России, но он дал ответ на вопрос, почему развитие капитализма идет у нас «с черепашьей медленностью? почему мы отстаем все больше и больше?» ¹⁴

Характеризуя сатрапов русской промышленности — монополистическую буржуазию, Ленин писал: «Они (эти сатрапы. — А. С.) — не представители свободного и сильного капитала, вроде американского, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и тниение». Чтобы приблизиться к Америке в экономическом развитии, указывал Ленин, «нужна беспощадная, беззаветная борьба с этим классом (с черносотенными помещиками. — А. С.) по всей линии». ¹⁵

Во всех своих многочисленных работах, посвященных экономическому положению страны, Ленин связывал экономическое положение России с ее политическим и классовым строем. При власти помещиков и верхушки торгово-промышленной буржуазии невозможен был быстрый экономический прогресс страны. Только в результате революционной ломки и победы в России народной революции возможно было быстрое экономическое развитие.

Поражение революции 1905 г. и последовавший вслед за этим грабеж деревни при Столыпине не могли создать, и действительно не создали, условий для быстрого капиталистического развития, для крупных сдвигов, для ликвидации экономической отсталости. Несмотря на наличие в России крупных капиталистических предприятий, связанных с финансовым капиталом и банками, несмотря на наличие новейшего финансового капитала и империализма, общая экономическая структура России была отсталой из-за феодально-крепостнического оплетения, которое тормозило экономическое развитие России.

В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин оценивал Россию как наиболее отсталую страну среди шести великих капиталистических стран мира (США, Германия, Япония, Англия, Франция и Россия). Он выделял ее как «страну наиболее отставшую в экономическом отношении..., в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических». ¹⁶

Общезвестно замечание Ленина о том, что в России преобладает не современный новейший экономический империализм, а империализм «военно-феодальный».

Удельный вес докапиталистических элементов в стране Ленин показал в своей гениальной работе «Развитие капитализма в России», в которой дал блестящий анализ предреволюционной экономики России. В этой работе, а также в ряде глубоких исследований аграрного строя, Ленин показал, что коренной причиной, тормозившей экономическое развитие страны в новейшее время, являлись наличие пережитков крепостничества и самодержавия, опиравшееся на феодально-крепостническое землевладение дворян. Наличие сильных крепостнических пережитков в стране — 70 млн. десятин у 30 тыс. помещиков — вот что в первую очередь представляло экономическую базу самодержавия.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 543.

¹⁴ Там же, стр. 544.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 136.

Классовой опорой самодержавия являлись помещики и верхушка финансовой и торгово-промышленной буржуазии. Несмотря на быстрые успехи капиталистического развития страны в послереформенное время, Ленин считал его медленным по сравнению с другими. „И оно не может не быть медленным,— писал Ленин,— ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»”.¹⁷

Именно поэтому Ленин и Сталин воспитывали большевистскую партию в том духе, что пролетариат не должен быть в стороне от борьбы с самодержавием, а должен возглавить общенародную буржуазно-демократическую революцию и стараться перевести ее в революцию социалистическую.

Мы не будем углубляться в тактические вопросы, укажем лишь, что характеристика особенностей буржуазной революции в России, данная большевиками, опиралась на глубокое изучение экономического строя России. Уже во время первой мировой войны Ленин в статье «О двух линиях революции» указывал на необходимость освобождения *«буржуазной России от военно-феодального «империализма» (= царизма)*. При этом Ленин добавляет, что освобождением буржуазной России от власти помещиков пролетариат «воспользуется немедленно» для совершения социалистической революции.¹⁸

Ленин и Сталин с исчерпывающей полнотой выяснили в своих классических работах антинародный характер самодержавия и показали, что именно оно являлось главным тормозом на пути экономического, политического и культурного прогресса страны. Политика самодержавной монархии, включая сюда и широкий приток иностранных капиталов, не обеспечивала быстрого экономического прогресса. Эта политика не преследовала задачи укрепить национальную независимость страны, создать мощную промышленность и обеспечить быстрый подъем экономического благосостояния народа. Это была политика привилегий помещикам, банкирам, русским и иностранным монополистам.

При активной помощи самодержавия в лице его агентов — Вышнеградского и Витте в конце XIX в. происходит массовое вторжение иностранного капитала во все основные отрасли народного хозяйства страны, особенно в горную, металлургическую и топливную промышленность. Немецкий, французский, бельгийский и английский капиталы легко перешагнули через стену протекционистских тарифов, которыми огородилась Россия в конце царствования Александра III. В эпоху империализма вывоз капитала сменяет вывоз товаров — учит Ленин. Это позволяло легко обойти таможенные барьеры и начать завоевание страны изнутри. Этот процесс и начинается в России с 80-х годов прошлого столетия. Он тем легче осуществлялся, что руководители экономической политики России — Вышнеградский, Витте, Столыпин, Коковцов сознательно направляли экономическое развитие страны в сторону подчинения западноевропейским империалистическим биржам. И Вышнеградский, и Витте, и Коковцов были тесно связаны с крупнейшими спекулянтами, железнодорожными воротилами, крупнейшими бабьирскими домами Европы и России. Никто из них не мыслил возможности создать железные дороги, крупную промышленность, металлургию, даже попросту вооружить русскую армию, ввести устойчивую валюту без широкого привлечения иностранного капитала. Ни Витте, ни

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 469.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 318.

Коковцов не собирались ждать, пока образуются национальные накопления. Они торопились по возможности больше привлечь иностранного капитала. Особым «искусством» и размахом в этом отношении отличался Витте. Используя политические противоречия между Германией и Францией, он сделал ставку на французский империализм, и миллиарды золотых франков широким потоком потекли в промышленность и в государственные займы.

Путем притока иностранных капиталов достигался некоторый внешний эффект в отдельных отраслях хозяйства, усиливались скачкообразность и неравномерность развития капитализма. «Развитие капитализма в молодых странах, — писал Ленин, — значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран». ¹⁹ Но эта «помощь» передовых империалистических стран отсталой России стоила последней экономической и политической самостоятельности и вела к иноземной кабале. Товарищ Сталин особенно ярко показал зависимость промышленного развития России от кабальных займов. Говоря о различных способах и путях индустриализации, имевших место в истории, он сказал о России следующее: «Россия, старая Россия, сдала кабальные концессии и получала кабальные займы, стараясь таким образом выбраться постепенно на путь индустриализации... Но это — путь кабалы или полукабалы, путь превращения России в полуколонию». ²⁰

Этот путь вполне явственно наметился в России уже в конце XIX в. Бакинская нефтяная промышленность создавалась, главным образом, благодаря вложениям английских капиталов, передовая промышленность в Донском бассейне строилась за счет французских, бельгийских и немецких капиталов; первые предприятия химической промышленности и электротехники находились в немецких руках и строились, главным образом, на немецкие деньги. В золотопромышленности нашел применение английский капитал. Русская железнодорожная сеть, одна из отсталых в Европе, в значительной мере была построена за счет гарантированных правительством иностранных займов. Таким образом, иностранный капитал прочно контролировал ведущие отрасли народного хозяйства страны. Недаром в своем докладе «К двадцатилетию Октябрьской революции» В. М. Молотов говорил: «...в крупнейших отраслях промышленности главными хозяевами были не русские, а иностранные капиталисты. Оборудование для своих фабрик и заводов в большинстве случаев закупалось за границей. Во всем сказывалась промышленная отсталость страны». ²¹

Хотя различные подсчеты о размере иностранных капиталовложений в промышленность России между собою и не совпадают, но если взять средние данные, то они показывают, что доля иностранного капитала в промышленных акционерных предприятиях составляла накануне первой мировой войны около одной трети всего капитала — 1343,5 млн. руб. на 4 млрд. руб. акционерных капиталов. Накануне первой мировой войны иностранные капиталы в электропромышленности составляли 75%, в горной и металлургической промышленности — 53%, в промышленности по благоустройству и химической промышленности — свыше 40% общего капитала. Металлургические предприятия на 72% зависели от иностранного капитала. В банках удельный вес иностранного капитала составлял более 40%.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 381.

²⁰ Ленин и Сталин. Указ, соч., т. III, стр. 59.

²¹ В. М. Молотов. К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. Партиздат, 1937, стр. 19—20.

Чрезвычайно интересно распределение иностранных капиталов по национальному признаку: почти 380 млн. руб., или 28,2% всей суммы иностранных вложений в промышленность, приходится на германские капиталы; свыше четверти миллиарда (253,3 млн. руб.), или 19%, — на французские капиталы; 226,5 млн. руб. (17%) — на долю англичан и почти столько же — 224,3 млн. руб. (16,5%) — на долю смешанных франко-бельгийских предприятий; не установлена национальная принадлежность капиталов в количестве около 80 млн. руб.

Таким образом, если ограничиться анализом только вложений иностранных капиталов в промышленность, то уже этот факт позволяет установить огромную зависимость экономики страны от крупнейших империалистических монополий Запада. Многие монопольные организации, существовавшие в русской промышленности, как синдикаты «Продуголь», «Продвагон», «Продруда» и т. д., как это бесспорно установлено исследователями, являлись организациями иностранного капитала и управлялись из-за границы. Царское правительство было бессильно обуздать заправил этих организаций и тянулось в хвосте этих филиалов международных организаций.

Привлечение иностранных капиталов в промышленность России вовсе не обеспечило ни индустриализации страны, ни создания мощных передовых отраслей промышленности, ни строительства развитой сети железных дорог. Накануне первой мировой войны Владивосток, Мурманск, Архангельск оставались либо совсем без прямой связи с центром России, либо эта связь являлась совершенно не удовлетворительной (узкоколейной — на участке Архангельск—Вологда). Для эксплуатации существовавших дорог не хватало 80 тыс. товарных вагонов, 2 тыс. паровозов и т. п.

Погоня за высокой сверхприбылью толкала иностранный капитал в Россию, и царское правительство верно охраняло вложения иностранцев, помогая им выколачивать сверхприбыли. «Значительная часть прибылей русской промышленности шла в заграничные, по преимуществу — в англо-французские, банки». ²² По самым скромным подсчетам (Л. Я. Эвентова), иностранные промышленные фирмы получили за четверть века (с 1888 по 1913 г.) 2326,1 млн. чистого дохода, т. е. не только полностью покрыли всю сумму своих капиталовложений, но и накопили резерв в размере 543,1 млн. руб. ²³ Возрастание иностранного капитала в стране происходило в значительной мере за счет капитализации доходов от прежних вложений. Хищническая разработка естественных богатств страны и тяжелая эксплуатация трудящихся масс России приводили к увеличению накоплений иностранного капитала в России и систематической утечке за границу золота, сырья и продовольствия. Таким образом, происходила систематическая эксплуатация России окружающими империалистическими странами; активное сальдо торгового баланса России было недостаточно для поддержания расчетного равновесия, а это приводило к систематическому росту суммы государственного долга, особенно внешнего.

Перед реформой 1861 г. сумма государственного долга России достигала 1264,3 млн. руб. Накануне русско-турецкой войны (1876) она поднялась до 2950 млн. руб., накануне русско-японской войны (1903) — до 6679 млн. руб. ²⁴

²² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 156.

²³ Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности, М.—Л., 1931, стр. 38.

²⁴ М. И. Боголепов. Государственный долг, СПб., 1910, стр. 26—27.

Особенно быстро вырос государственный долг России за время русско-японской войны и первой русской революции. Чтобы залатать дыры в бюджете и подавить революцию, царское правительство обратилось холопски за деньгами к иностранным банкам. В 1906 г. царское правительство заключило миллиардный заем для подавления революции. Кредиторами Николая II выступила единым фронтом французская, немецкая, английская, бельгийская, итальянская и австрийская буржуазия. Западноевропейская реакционная буржуазия услужливо предоставила свой кошелек русскому империализму. Поэтому товарищ Сталин указывал, что «Европа ввозит в Россию не только социализм, но и контрреволюцию в виде займов царю и т. п., а Россия в Европу кроме политических эмигрантов — революцию».²⁵

Под влиянием быстро развивающихся событий в России все теснее сплачиваются «в один буржуазный противореволюционный союз, вопреки различиям национальностей, французские биржевики и английские тузы, немецкие капиталисты и русские купцы».²⁶

За 10 лет, с 1904 г. по 1 января 1914 г., сумма государственного долга увеличилась на 2.2 млрд. руб. и достигла 8825 млрд. руб., причем относительная доля внешнего долга увеличилась с 37% в конце XIX в. до 46% в 1904 г. и до 48% к 1 января 1914 г. Соответственно увеличилась сумма процентов по займам, выплачиваемым за границу (с 114 млн. руб. до 200—250 млн. руб. ежегодно). Если же к сумме государственного долга прибавить железнодорожные займы, займы Дворянского и Крестьянского поземельных банков и займы городов, гарантированные правительством, то общая сумма довоенной задолженности царской России достигала 13 241.5 млн. руб. Вместе с платежами по займам железнодорожных обществ, городов и других частных предприятий ежегодные платежи за границу, по признанию министерства финансов, составляли свыше 300 млн. руб., а вместе с погашениями почти 400 млн. руб.²⁷ Внешние займы правительства являлись вторым решающим рычагом финансового и политического закабаления России англо-французским империализмом.

С точки зрения экономической, платежи процентов и дивидендов иностранным держателям лишали страну одного из серьезнейших источников накопления для индустриализации. Достаточно сказать, что за 33 года — с 1881 по 1913 — Россия уплатила за границу только процентов по займам и дивидендов на помещенные капиталы 7900 млн. руб., или сумму почти в два раза большую, чем основные фонды крупной акционерной промышленности, и превышающую все капиталовложения в русские железные дороги.

Основным кредитором довоенной России являлась Франция, которая после образования франко-русского союза щедро снабжала царское правительство деньгами. Накануне мировой войны французское правительство предоставило России кредит на ближайшие пять лет по 500 млн. франков ежегодно на развитие стратегических железных дорог. Отнюдь не экономическое развитие России, а усиление ее мобилизационной готовности с целью быстрейшего наступления на Германию — вот что интересовало французское правительство, Пуанкаре и начальника французского генерального штаба генерала Жоффра. Кредитные обязательства царского правительства за границей перепле-

²⁵ И. В. Сталин. Соч., т. V, стр. 73.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. VII, стр. 179.

²⁷ «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 131; La dette publique de la Russie, Paris, 1922, p. 10.

тались с политическими и военно-стратегическими обязательствами в интересах франко-английского империализма. Эти обязательства лишали русскую армию и ее стратегию свободы операций и превращали ее в резерв армий Антанты.

Германия и союзная с ней Австро-Венгрия занимали второе место в кредитовании царского правительства. Англичане охотнее помещали свои капиталы в русскую промышленность, в банки, чем в государственные займы. Маленькая Голландия кредитовала царское правительство в полтора раза более, чем богатая Англия. Однако перед войной уже ясно обозначилось преобладающее влияние стран Антанты в кредитовании царской России. Царское правительство вступало не в равносторонние экономические договоры в интересах экономического развития страны, а заключало кабальные сделки, невыгодные для России ни с точки зрения ее экономики, ни с политической точки зрения. На русских займах наживались лишь иностранные банкиры, получавшие огромные скидки, комиссионные вознаграждения и тому подобные выгоды за счет России.

Достаточно сказать, что лишь по займу 1906 г. в 2250 млн. франков правительство недополучило против номинала подписки 371.25 млн. франков.²⁸ По займу 1909 г. в 1.4 млрд. франков чистая выручка определялась лишь в 83%.²⁹ Только по этим двум займам царское правительство недополучило более 600 млн. франков.

Эти сотни миллионов франков были премией иностранным банкирам и держателям русских займов. Займы царского правительства в руках иностранных банкиров являлись орудием политического закабаления России. Политические последствия этого указаны В. И. Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в книге И. В. Сталина «Об основах ленинизма». Царская Россия не могла быть равноправным партнером среди своих союзников. Она потеряла свое бывшее международное значение и превратилась в послушное орудие западноевропейского империализма, стала его резервом.

«Царская Россия,— пишет товарищ Сталин,— была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпущавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе».³⁰

И в области внешней политики царская Россия потеряла свою былую самостоятельную роль, став вспомогательным резервом Англии и Франции, игравших в Антанте руководящую роль. Это изменение международной роли царской России с исчерпывающей ясностью выявлено в трудах Ленина и Сталина, показавших, что причины падения международного значения и веса царской России в эпоху империализма кроются в экономической и политической отсталости России.

²⁸ Русские финансы и европейская биржа, М., 1926, стр. 379.

²⁹ Там же, стр. 381—382.

³⁰ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 5.

В результате экономической отсталости и политики царского правительства Россия не могла как следует подготовиться к первой мировой войне, и русская армия осталась без винтовок, без пушек и снарядов.

Годы первой мировой войны показали полнейшее бессилие царского правительства и русской буржуазии, их неспособность организовать военное хозяйство страны, организовать работу тыла, наладить работу железных дорог. «Патриотическое усердие» лидеров буржуазии сводилось к личной наживе на военных поставках и к торговле с царизмом о тактических уступках. Буржуазия принимала органическое участие во всех «Особых совещаниях» правительства, создала помимо них и свои организации — Военно-промышленные комитеты и др. Позиции буржуазии в течение войны усилились. Но вместе с царским правительством она вела страну к хозяйственной катастрофе, а армию — к военному поражению.

Военные неудачи 1915 г. — прямой результат отсутствия снарядов, следствие преступной бездеятельности правительства Сухомлинова, Гс-ремыкина и др. Мобилизацией промышленности правительство занялось с опозданием на год, и то понуждаемое буржуазией. Эвакуация промышленности была проведена без плана, стихийно и безобразно. Правительство не сумело обеспечить использование эвакуированного оборудования, оставив его на расхищение.

Зато правительство и буржуазия проявили удивительное лакейство перед союзниками. Их интересы они защищали со всем рвением и предусмотрительностью. Наступление русских армий в августе 1914 г. было продиктовано французскими интересами. Русское командование спасло Париж, но погубило две свои армии. Героическая борьба русских армий в 1915 г., наступление русских армий в 1916 г. под командованием Брусилова начинались из-за необходимости выручить союзников, ослабить критическое положение французов под Верденом, спасти Италию и т. д. Миллионы русских солдат отдали свои жизни за интересы англо-французского империализма. За миллиардные займы царизм расплачивался миллионами жизней своих подданных.

В ходе всей мировой войны правительство в переговорах с союзниками показало свою полнейшую неспособность говорить как равное с равными. Оно согласилось отправить русские войска во Францию, в Салоники; оно рабски вымаливало кабальные займы и отправляло остатки золота в качестве задатка; оно скупало хлеб, спирт и отправляло их союзникам. Вместе с тем правительство не добилося точного выполнения союзниками их обязательств. Помощь вооружением и снарядами была минимальной и приходила с большим опозданием. Общеизвестно заявление Ллойд-Джорджа о том, что союзники имели возможность вооружить русскую армию и спасти ее от военных поражений 1915 г., но не сделали этого из-за своих эгоистических интересов. Обязательства, взятые в связи с планом военных операций в 1916 г., также не были выполнены. В результате, вместо того чтобы кончить войну к 1916 г., союзники затянули ее еще на два года.

Годы первой мировой войны принесли России, помимо военных неудач, хозяйственный кризис, поставивший страну на край гибели. Эти годы явились новым этапом в закабалении России, главным образом английским империализмом. Сумма общего государственного долга поднялась до огромной цифры — 44 млрд. руб. к 1 июля 1917 г. и 60 млрд. руб. к концу года. Одних процентов по займам нужно было платить 3.2 млрд. руб. в год, или сумму, превышавшую довоенный годовой бюджет страны.

Общая сумма иностранного долга выросла за годы войны на 8.1 млрд. руб. и к 1 сентября 1917 г. достигла огромной цифры в 16 млрд. золотых рублей.³¹ Из этой суммы на долю Англии приходилось 7.5 млрд. руб., на долю Франции — 5.5 млрд. руб.

Если в последнее десятилетие перед войной Россия платила ежегодно за границу около 400 млн. руб. в виде процентов и погашения, что составляло около 13% государственного бюджета, то платежи по иностранным займам в результате войны достигли огромной суммы в 1.2 млрд. золотых руб., т. е. в три раза более довоенного. Платежи по процентам за границу составили бы 40% довоенного бюджета. Военные долги окончательно закабалляли Россию и превращали ее в колониальный придаток англо-французского империализма.

Характерно, что представители русской буржуазии — Гучков, Миллюков, Коновалов, Терещенко и др., много говорившие с трибуны Думы и в своих особняках о неспособности царских министров защитить «национальные интересы» России, после прихода к власти проводили политику своих предшественников. Русская буржуазия и шедшие вместе с ней социал-шовинисты полностью капитулировали перед иностранной буржуазией и, чтобы заслужить доверие своих хозяев, пытались бросить войска в наступление на фронте и задушить революцию в тылу.

Ленин считал Временное правительство «простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения *данной войны...*»³² Поэтому Ленин уверенно говорил, что это правительство «октябристов и кадетов, Гучковых и Миллюковых, *не может* — даже если бы они искренно хотели этого — дать ни *мира*, ни *хлеба*, ни *свободы*».³³ Восьмимесячное хозяйничанье у власти российской буржуазии и ее верных помощников — меньшевиков и эсеров — это время быстрого обострения классовых противоречий в стране, время острейших конфликтов в промышленности и сельском хозяйстве, время катастрофического нарастания экономического кризиса, поставившего нашу родину на край катастрофы. Характеризуя военное и политическое положение страны в сентябре 1917 г., Ленин указывал: «Крах потерпели *кадеты и эсеры с меньшевиками*, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение».³⁴

Три с лишним года войны окончательно разорили народное хозяйство страны и довели положение народных масс до крайности: «Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели», — говорилось в решении VI съезда партии об экономическом положении страны.³⁵

Величайшая заслуга вождей революции — Ленина и Сталина в том и заключается, что они, вскрывая глубину кризиса и тупик, в который завели Россию кадеты и их союзники, указывали единственный выход из этой катастрофы: это был путь революционных изменений, путь нового, социалистического строительства. Статьи Ленина и Сталина бы-

³¹ Во время Генуэзской конференции в связи с экономическими претензиями союзников к Советской России фигурировала сумма в 185 млрд. руб., но в нее входили и проценты, насчитанные по 1921 г. Эта сумма называлась в меморандуме Российской делегации на Генуэзской конференции 20 апреля 1922 г. (Внешняя политика СССР, М., 1944, т. II, стр. 310).

³² В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 18.

³³ Там же, стр. 19.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 192.

³⁵ ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 4-е, Партиздат, 1932, стр. 293.

ли проникнуты революционным оптимизмом, верой в способность рабочего класса без буржуазии и ее лакеев организовать новое, социалистическое хозяйство. У большевиков была ясная программа революционных экономических преобразований страны. Основы этой программы были изложены Лениным в Апрельских тезисах 1917 г. и развиты в специальной резолюции VI съезда партии — «Об экономическом положении». ³⁶ Единственным путем к оздоровлению экономики страны являлись смелые революционные меры по пути построения социализма.

Ленин блестяще показал, что путь к социализму есть не что иное, как контроль со стороны революционно-демократического государства над деятельностью государственно-монополистических организаций, банков, синдикатов, промышленности и т. д. «Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* (а война удесятила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму». ³⁷

Ленин блестяще показал, что война приблизила социализм не только в том смысле, что породила и подготовила пролетарское восстание, но и потому, что социализм созрел экономически, так как между государственным капитализмом буржуазии и следующей ступенькой — социализмом «*никаких промежуточных ступеней нет*». ³⁸

В обстановке острейшего экономического кризиса, продовольственной разрухи и нажима англо-французского капитализма на правительство Керенского, когда буржуазия судорожно металась в поисках выхода из катастрофы и «находила» его в лакейской верности англо-французскому капиталу, в локаутах и саботаже производства, в создании контрреволюционных организаций для подавления революции, прозвучали замечательные слова Ленина, в которых он показал единственно возможный выход из катастрофы, слова, показывавшие трудящимся массам страны дорогу к возрождению экономической и политической самостоятельности нашей родины, к ликвидации ее экономической отсталости.

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей». ³⁹ Ленин указывал на полную возможность осуществления этой величайшей и благороднейшей задачи. Только пролетариат под руководством коммунистической партии мог взяться за осуществление этой величайшей задачи.

Ленин подчеркивал зависимость обороноспособности России от революционного экономического преобразования страны: «Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразова-

³⁶ ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 4-е, Партиздат, 1932, стр. 293—295.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 187.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 191.

ния»,⁴⁰ а энтузиазм масс невозможно было вызвать, не превращая империалистическую войну в войну справедливую, оборонительную, революционную

Путь к экономическому возрождению России, к превращению ее в обороноспособное государство лежал через «якобинскую» чистку от старого и через хозяйственное возрождение, которое было возможно путем социалистического преобразования, путем национализации банков, земли, государственного контроля над промышленностью. Ленин особенно подчеркивал, что добиться поднятия обороноспособности страны и ее хозяйственного возрождения невозможно только путем сметения царизма, революционного уничтожения помещичьего землевладения и передачи земли крестьянству. «Ибо мы живем в XX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа». ⁴¹ Большевицкая партия дала народным массам нашей родины программу экономического возрождения страны, программу ее освобождения от иностранной кабалы и возрождения ее национальной независимости. Эта программа была направлена против помещиков, против русских и иностранных капиталистов и имела целью победу социалистической революции. В России существовала реальная сила, которая могла разрешить революционным путем противоречия империализма. Такой силой являлся пролетариат, который в союзе с беднейшим крестьянством представлял большинство народа.

Лозунг «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов» после разгрома корниловщины был лозунгом социалистической революции, лозунгом диктатуры пролетариата, лозунгом революционного преобразования страны на путях к социализму. Большевицкая партия сумела возглавить и объединить различные потоки революционного движения: социалистическое движение пролетариата за свержение власти буржуазии, общедемократическое движение за мир, крестьянское движение за захват помещичьих земель и национальное движение угнетенных народов России против национально-колониального гнета. Благодаря этому Октябрьская революция победила быстро и решила судьбу капитализма. Но именно поэтому Великая Октябрьская социалистическая революция должна была начать с разрешения ряда задач, не решенных буржуазно-демократической революцией: с вопросов о земле, о мире, о бесправии женщин, о религии, о неравноправии нерусских национальностей. «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт...», ^{41а} и решили гораздо основательнее, полнее, чем буржуазные революции Запада. В течение нескольких месяцев Октябрьская революция «очистила Россию от остатков средневековья, «от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране». ⁴² Октябрьская революция разрешила эти вопросы до конца, в то время как ни в одной из передовых буржуазно-демократических стран эти вопросы до конца не разрешены.

Декретом о земле, принятым на II съезде Советов, и последовавшими затем декретами Совета Народных Комиссаров крестьянство получило более 150 млн. десятин земли, находившейся в руках помещиков, буржуазии, церкви, кулаков, царской фамилии. Декрет о земле, означавший фактическое осуществление большевицкой национализации зем-

⁴⁰ Там же, стр. 190

⁴¹ Там же.

^{41а} В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 26.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 24.

ли, имел огромное значение. Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила крестьянские массы от кабалы помещиков, освободила от ежегодной кабальной аренды, создала условия свободного развития крестьянства без помещиков, углубила классовую борьбу среди крестьянства между беднотой и крестьянской буржуазией.

В декларации прав народов Октябрьская революция установила равенство народов и открыла дорогу свободного государственного развития народов России. 29 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет о 8-часовом рабочем дне, которого не могли осуществить меньшевики и эсеры после Февральской революции.

Важнейшее значение для перехода к плановому социалистическому хозяйству имело «Положение о рабочем контроле», принятое ВЦИК в ноябре 1917 г.⁴³ Этим положением был создан Всероссийский центр по рабочему контролю, массы рабочих были втянуты в управление производством, что обеспечило подготовку кадров для государственной работы.

Принципиальное значение имеет создание 2 (15) декабря 1917 г. Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) — государственного центра по организации народного хозяйства страны. ВСНХ с самого начала был наделен широкими правами конфискации, реквизиции и принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли. Постепенно создавались другие органы, регулирующие хозяйственную жизнь страны, но ВСНХ являлся экономическим штабом социалистической перестройки промышленности и проводником политики диктатуры пролетариата в промышленности. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа рассматривала проведенные мероприятия как первый шаг к переходу средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства.

14 (27) декабря 1917 г. Советская власть провела национализацию банков, объявив банковое дело «государственной монополией». Все частные акционерные банки были слиты с государственным банком. После конфискации банков буржуазия, по выражению товарища Сталина, осталась «без души». Затем 26 января (8 февраля) 1918 г. последовала конфискация акционерных капиталов частных банков. Декрет о конфискации капиталов акционерных банков и декрет об аннулировании государственных займов⁴⁴ имели величайшее значение для экономического развития страны: они освободили страну от пут финансовой зависимости как от русских, так и от иностранных капиталистов.

Проведенные мероприятия являлись первыми практическими шагами к социализму. Эти «шаги» проводились в обстановке ожесточенной гражданской войны. Советское правительство отстояло эти завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на бешеное сопротивление иностранной буржуазии, несмотря на интервенцию и блокаду.

Чтобы окончательно подорвать экономическую силу крупной буржуазии, Советское правительство национализировало в 1918 г. железнодорожный транспорт, морской и речной флот, внешнюю торговлю, отдельные крупные предприятия, владельцы которых саботировали рабочий контроль; затем была национализирована нефтяная промышлен-

⁴³ Экономическая политика СССР, т. I, Госполитиздат, 1947, стр. 20—22

⁴⁴ Интересы малоимущих держателей — граждан Советской России обеспечивались, равно как сохранялись вклады в сберкассы и продолжалась выплата по ним процентов.

ность. До 1 июня 1918 г. было национализировано 486 крупных промышленных предприятий. Следует отметить, что Ленин внес в ВСНХ проект декрета о национализации крупных предприятий еще в конце декабря 1917 г., но он встретил саботаж со стороны «левых коммунистов». После первого съезда Советов Народного Хозяйства было решено провести планомерную национализацию промышленности в целом.

15 (28) июня 1918 г. последовал общий декрет Совета Народных Комиссаров о национализации крупнейших предприятий: горной, металлургической, металлообрабатывающей, текстильной, паровых мельниц, предприятий по благоустройству и т. д. Этим декретом Советское правительство нанесло решительный удар по магнатам промышленности. Декрет о национализации промышленности был объявлен с целью борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для «упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты». ⁴⁵

Это был удар не только по российским капиталистам — Морозовым, Коншиным, Гукасовым, Коноваловым, Рябушинским, Гучковым, Крестовниковым, но и по иностранным монополиям, являвшимся филиалом западноевропейских империалистов. Было подорвано и уничтожено господство англичан в нефтяной промышленности Баку; французов — в угольных и металлургических предприятиях Донбасса и машиностроительных предприятиях Петрограда; немцев — в химических и электротехнических предприятиях; бельгийских — в металлургии и городских предприятиях. Засилье иностранного капитала было особенно сильно на окраинах России — на Кавказе, на Украине, в Прибалтике, в Сибири.

Осуществив национализацию промышленности, Советское государство ликвидировало капиталистическую систему хозяйства и отменило частную собственность на средства производства в промышленности. Октябрьская революция установила социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, которая росла и крепла с каждым месяцем революции.

Гражданская война и интервенция задержали развитие социалистического хозяйства. Англо-французский капитал организовал интервенцию, делил между собой районы России, поддерживал прямых своих слуг и агентов — Деникина, Колчака, Врангеля и других контрреволюционных генералов. Победа Деникина и Колчака означала бы, по словам товарища Сталина, потерю самостоятельности России и превращение ее в данницу англо-французского капитала. Поэтому правительство Деникина — Колчака являлось самым антинародным и антинациональным правительством, а Советское правительство, поднявшее народы нашей Родины на борьбу против иностранной интервенции, «есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство», так как оно борется не только за освобождение страны и трудящихся масс от власти капитала, «но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну». ⁴⁶

Советское правительство обеспечило революционный выход нашей Родины из империалистической войны с Германией. Под руководством коммунистической партии народы нашей Родины разбили интервенцию Антанты и отстояли свою независимость. Однако годы войны и интервенции окончательно разорили страну. Сельское хозяйство давало не

⁴⁵ Экономическая политика СССР, т. I, стр. 150.

⁴⁶ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 284—285.

более двух третей довоенной продукции, а промышленность — меньше одной шестой довоенной продукции.

Вожди коммунистической партии — Ленин и Сталин воспитывали народы нашей страны в необходимости быстрой ликвидации разрухи и экономической отсталости, в необходимости создания мощной тяжелой индустрии, превращения России из аграрной страны в индустриальную и в необходимости быстрых темпов промышленного развития. Товарищ Сталин показал, почему так остро стоял вопрос о быстрых темпах индустриализации. Если бы Советское государство было не единственной страной диктатуры пролетариата, то капиталистическое окружение не представляло бы такой опасности. Техничко-экономическая отсталость страны и необходимость ликвидировать эту отсталость, догнать и перегнать капиталистические страны требовали высоких темпов.

Советский Союз показал всему миру, что может сделать освобожденный народ своими собственными силами, без помощи иностранных капиталистов и займов.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала новые возможности социалистического накопления для восстановления промышленности и индустриализации страны. Эти источники создались в результате уничтожения частной собственности на землю, на фабрики и заводы. «Едва ли нужно доказывать, что этот факт представляет довольно солидный источник накопления»,⁴⁷ — говорил товарищ Сталин.

Ликвидация иностранных долгов в результате Октябрьской революции создала новые возможности накопления. «Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов, в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству».⁴⁸

Далее товарищ Сталин отмечал роль национализированной промышленности, внешней и внутренней торговли как источника накопления. Наконец, государственный бюджет является в руках Советского государства источником для дальнейшего развития «нашей индустрии в особенности».⁴⁹ Всеми этими источниками внутреннего накопления Советское государство воспользовалось для подъема народного хозяйства и особенно для развития тяжелой промышленности.

В короткий срок Советская страна под руководством партии большевиков добилась восстановления разрушенного мировой войной и интервенцией промышленности и сельского хозяйства.

Новая экономическая политика, введенная в 1921 г. по предложению Ленина, являлась не отступлением, как говорили враги партии, ориентировавшиеся на восстановление капитализма, а наступлением социалистических элементов на капитализм.

Вводя нэп, Ленин ставил вопрос о возможности построения фундамента социалистической экономики «на рельсах нэпа», причем это строительство должно было проводиться вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса.

Несмотря на отсталость, разорение, преобладание мелкобуржуазной стихии в России после окончания гражданской войны, Ленин верил в возможность практического перехода в России к социализму и наметил практические пути этого перехода — развитие электрификации

⁴⁷ Ленин и Сталин Указ соч., т. III, стр. 59. Доклад товарища Сталина активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. — «О хозяйственном положении Советского Союза».

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Там же, стр. 59—60.

и кооперации. Ленинская новая экономическая политика обеспечила твердый экономический союз рабочего класса с крестьянством для строительства социализма, подготовила укрепление социалистической промышленности и постепенное вытеснение капитализма. В 1926 г. промышленная продукция СССР достигла довоенного уровня.

На XIV съезде коммунистической партии был взят курс на индустриализацию страны. План индустриализации был разработан великим Сталиным, под его руководством он был и осуществлен. Коммунистическая партия, под руководством товарища Сталина, исходила из того, что «социалистическое хозяйство можно и нужно построить в нашей стране, ибо у нас есть все необходимое для того, чтобы построить социалистическое хозяйство, построить полное социалистическое общество». ⁵⁰ Товарищ Сталин учил, что «рабочий класс и крестьянство СССР вполне могут одолеть *экономически* свою собственную буржуазию и построить полное социалистическое общество». ⁵¹ Эта теоретическая установка партии легла в основу политики индустриализации страны. Товарищ Сталин обосновал то положение, что не всякое промышленное развитие представляет индустриализацию страны. Основа индустриализации заключается в развитии тяжелой промышленности и своего собственного машиностроения. «Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нем доли промышленности, но она имеет еще ту задачу, чтобы в этом развитии обеспечить за нашей страной, окруженной капиталистами, хозяйственную самостоятельность, уберечь ее от превращения в придаток мирового капитализма». ⁵²

Величайшая заслуга товарища Сталина перед нашей страной заключается в том, что он связал проблему индустриализации с проблемой обороноспособности и повел развитие советской экономики по пути, который обеспечил независимость Советской страны от мирового капитализма.

Во всех капиталистических странах мира, когда решался вопрос о создании своей тяжелой промышленности, обычно прибегали к долгосрочным кредитам и займам в других странах. В Советском Союзе построили тяжелую промышленность на Урале, в Сибири, в Казахстане, на Кавказе и других районах, построили новую железнодорожную сеть, создали крупные сельскохозяйственные предприятия без помощи извне, за счет собственных накоплений, причем, так как старых источников накопления было недостаточно для разрешения грандиозных задач, товарищ Сталин указал на новые источники: рост производительности труда, снижение себестоимости и лучшее использование техники.

В 1928 г. СССР приступил к выполнению первой сталинской пятилетки и выполнил ее досрочно. Добившись успехов в индустриализации страны, товарищ Сталин выдвинул задачу сплошной коллективизации сельского хозяйства, которая и была блестяще осуществлена под его руководством. Нельзя, говорил товарищ Сталин, «базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства». ⁵³

⁵⁰ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 260.

⁵¹ Там же, стр. 261.

⁵² Ленин и Сталин Указ соч., т. III, стр. 57

⁵³ Ленин и Сталин. Указ соч., т. III, стр. 318. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. — «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)».

Товарищ Сталин выдвинул задачу «систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности». ⁵⁴

Товарищ Ленин еще в конце 1920 г. говорил о необходимости перестроить хозяйственную базу страны из мелкокрестьянской в крупно-промышленную. «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно». ⁵⁵

Уже первая пятилетка в значительной мере разрешила эти задачи. Она перевооружила и реорганизовала промышленность, транспорт и сельское хозяйство; она перевела сельское хозяйство на рельсы коллективизации, обеспечив экономическую базу социализма в деревне и ликвидировав возможность восстановления капитализма. Первая пятилетка позволила СССР пересечь «с обнищавшей мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии...» ⁵⁶ Уже во время первой пятилетки партия добилась ускоренных темпов развития промышленности. Пятилетка была выполнена досрочно. Товарищ Сталин и коммунистическая партия знали, что над СССР нависла опасность войны, и поэтому побуждали рабочих и крестьян, хозяйственников, инженеров и ученых увеличивать темпы строительства. Выступая с речью о задачах хозяйственников в феврале 1931 г., товарищ Сталин указывал, что «максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма». ⁵⁷

Выполнением второй пятилетки СССР закончил построение основ социалистического общества и вступил в новую полосу своего развития — полосу завершения построения бесклассового социалистического общества.

В докладе «К двадцатилетию Октябрьской революции», сделанном в 1937 г., товарищ Молотов указал, что за последние 11 лет промышленная продукция СССР выросла в восемь раз против довоенного уровня 1913 г. Уже тогда промышленность Советского Союза вышла на первое место в Европе и второе место в мире, в то время как промышленность старой России стояла на пятом месте в мире. На XVIII съезде коммунистической партии, сравнивая рост промышленности СССР и главных капиталистических стран за промежуток 1913—1938 гг., товарищ Сталин указал, что наша промышленность выросла более чем в девять раз, а промышленность США, Англии, Германии, Франции топталась вокруг довоенного уровня, превышая его лишь на 20—30%. ⁵⁸

В докладе В. М. Молотова на XVIII съезде партии о плане третьей пятилетки была практически поставлена основная экономическая задача, выдвинутая еще В. И. Лениным, — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Эта задача требует длительного срока. Советский Союз вступил в соревнование с капиталистической экономической системой. «Мы идем в это соревнование, — говорил товарищ Молотов, — уверенные в своих внутренних силах, уверенные в нашей победе». ⁵⁹

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В. И. Ленин, т. XXVI, стр. 47.

⁵⁶ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 372.

⁵⁷ Там же, стр. 329.

⁵⁸ Там же, стр. 577.

⁵⁹ В. М. Молотов. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, стр. 49.

Третья пятилетка не была завершена. Нападение гитлеровской Германии на СССР оборвало мирную созидательную работу. Однако результаты индустриализации и коллективизации сельского хозяйства были налицо: к 1940 г. была создана мощная экономическая база, крупная промышленность давала почти в 12 раз больше продукции, чем промышленность старой царской России накануне первой мировой войны, а сельское хозяйство давало в 1940 г. почти в два раза больше, чем сельское хозяйство России в 1913 г. Только за три с половиной года третьей пятилетки на капитальные строительные работы было ассигновано 130 млрд. руб.; в государственной промышленности было введено в действие около 3 тыс. фабрик, заводов, шахт, электростанций и других предприятий.

Ежегодный прирост промышленности достигал 13%, а тяжелой промышленности и того более: машиностроение за три года выросло на 75%, производство средств производства увеличилось более чем в полтора раза ⁶⁰

Так готовилась Советская страна к активной обороне на случай нападения врагов.

Великая Октябрьская социалистическая революция омолодила нашу страну. Она разбудила дремавшие в народе силы и использовала их для быстрого экономического преобразования страны. Пятипроцентный ежегодный прирост продукции в годы промышленного подъема (1910—1913) в царской России считался необычным: в предыдущие 10 лет промышленность России в среднем ежегодно давала 3% прироста. В Советской стране, при неизмеримо более высоком уровне экономического развития, ежегодный прирост продукции достигал 22% в годы первой пятилетки ⁶¹ и 13% в годы третьей пятилетки. ⁶² Не только для царской России, но и для «передовых» капиталистических стран такой прирост продукции составляет «недостижимый идеал». Больше того, для современных капиталистических стран составляет «недостижимый идеал» и пятипроцентный ежегодный прирост продукции, ⁶³ т. е. темп царской России времен промышленного подъема. ⁶⁴

Так изменились времена. Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для того, чтобы наша страна совершила скачок, при помощи которого за три сталинских пятилетки, за неполных 13 лет мирного строительства, «наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную». ⁶⁵

Великая Октябрьская социалистическая революция обеспечила не только индустриализацию центра Европейской России, но еще более разительно изменила экономический строй национальных окраин, являвшихся самыми отсталыми районами царской империи. Товарищ Сталин указывал, что около 30 млн. человек не прошло через стадию капиталистического развития, не имело своего промышленного

⁶⁰ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг., первый раздел.

⁶¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 378.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Товарищ Сталин блестяще показал, что составляет один процент прироста продукции в год при повышении уровня промышленного развития. В 1925 г. один процент составлял лишь 45 млн. руб., а в 1933 г.—320—340 млн. руб., т. е. в 7 раз больше. Сравнительно с процентом царской России один процент третьей пятилетки давал продукции в десятки раз больше.

⁶⁵ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

пролетариата, сохранило патриархально-родовой быт или первобытные формы полупатриархального, полуфеодального быта.⁶⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция не только уничтожила национальный гнет и дала прежде угнетенным народам России государственность, помогла им консолидироваться в нации, создать свою письменность, развить свою культуру — она разрешила также задачу величайшей исторической важности: помогла угнетенным колониальным народам догнать ушедшие вперед национальности, ликвидировать свою экономическую отсталость.

При помощи русского пролетариата отсталые окраинные народы преодолели последствия национального и колониального рабства, создали свою промышленность и национальную культуру.

Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно развертывали тяжелую промышленность в Сибири, Средней Азии, на Кавказе, в Башкирии, Татарии и других национальных районах, строили железные дороги, шоссе, телефон, телеграф, связывая эти районы современными видами связи с центром страны.

Ленинско-сталинская национальная политика подняла отсталые колониальные народы царской России до уровня передовых народов Советского Союза. От бывшей экономической отсталости не осталось и следа. За три года третьей пятилетки промышленность восточных районов СССР — Урала, Поволжья, Сибири, Средней Азии и Казахстана — выросла в полтора раза, т. е. развитие окраин происходило значительно быстрее, чем остальных районов СССР.

Политика индустриализации окраин и национальных районов стала возможна только при Советской власти. Национальные районы являются в СССР не объектом колониальной эксплуатации, а равноправными суверенными государственными образованиями, добровольно входящими в общую семью народов, составляющих Союз Советских Социалистических Республик.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разбившая цепи помещичьей и капиталистической эксплуатации, создала невиданные возможности для экономического и культурного подъема нашей Родины. Она ликвидировала иностранную кабалу и зависимость старой России от империалистических стран.

Народы Советского Союза потому добились невиданных результатов в деле экономического преобразования нашей Родины, что их деятельность, деятельность Советского правительства, направлялась коммунистической партией, ее великими вождями — Лениным и Сталиным. Под их водительством восставшие рабочие и солдаты штурмовали Зимний и свергли власть буржуазии; под их водительством были разгромлены иностранная интервенция, помещики и буржуазия.

Коммунистическая партия являлась великой направляющей и мобилизующей силой в годы мирного социалистического строительства и в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией.

Ленин и Сталин выдвинули и разработали теорию о возможности построения полного социалистического общества в одной стране. Великий Сталин отстоял эту теорию от всех врагов. Коммунистическая партия под его руководством мобилизовала массы советского народа и направила их по пути строительства социалистического общества. Тридцатилетний опыт существования Советской власти обогатил и развил теорию марксизма-ленинизма. Этот опыт показал, что социализм

⁶⁶ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Госполитиздат, 1938, стр. 70—71.

не обязательно приходит с Запада. Прорвав наиболее слабое звено империализма, Россия стала первым социалистическим государством мира, государством наиболее демократическим, государством, полностью проявившим свое превосходство над буржуазно-капиталистической системой, государством, выдержавшим величайшие испытания в годы войны с гитлеровской Германией.

Старая помещичье-буржуазная Россия — символ отсталости, один из оплотов политической реакции во всем мире, колосс на глиняных ногах — превратилась в результате Октябрьской социалистической революции в великую мощную державу — Союз Советских Социалистических Республик, оплот мира и независимости народов, на который с симпатией и надеждой взирают многие сотни миллионов людей во всем мире.

Великая Октябрьская социалистическая революция и опыт строительства социализма в СССР показывают народам всего мира новую дорогу на пути их движения к своей экономической и политической независимости.

Победный марш социалистического строительства в СССР, успешное выполнение плана новой послевоенной пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса и всех демократических элементов в мире на борьбу против капитализма и фашизма, против агрессии американского империализма, за национальную независимость демократических народов, за экономическое строительство без иностранной кабалы.

Освобожденная Великой Октябрьской социалистической революцией, Россия идет в авангарде прогрессивных борцов за демократию, за мир, за социализм.

Н. Р. ПРОКОПЕНКО

БОРЬБА ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ УГОЛЬНОГО ДОНБАССА В 1920 ГОДУ

I

Выполняя гениальный сталинский план разгрома Деникина, Красная Армия в конце 1919 — начале 1920 года мощным ударом разгромила белогвардейские армии, полностью освободила Донбасс и вскоре всю Украину. Молодому Советскому государству были возвращены один из крупнейших промышленных районов и основная угольная база страны.

Еще ранее были разгромлены Юденич и Колчак. К началу 1920 г. Петроградский, Северный, Восточный и Южный фронты были ликвидированы. Стране были возвращены богатейшие экономические районы.

Благодаря великим победам Красной Армии почти вся территория страны была освобождена от интервентов и белогвардейцев, повсюду укреплялась Советская власть, значительно расширялись международные связи и усиливался авторитет Советского государства в международных делах. «Когда империалисты увидели, что белогвардейские войска разбиты, интервенция не удастся и Советская власть укрепляется по всей стране, а в Западной Европе растет возмущение рабочих войной интервентов против Советской республики, — они начали менять свое отношение к Советскому государству. В январе 1920 года Англия, Франция и Италия приняли решение прекратить блокаду Советской России.

Это была серьезнейшая брешь, пробитая в стене интервенции».¹

Однако это еще не означало окончания военной интервенции. На Дальнем Востоке, в Закавказье и в Крыму еще хозяйничали интервенты, которые* переформировывали остатки разбитых белогвардейских армий, подвозили оружие и боеприпасы и готовились к новым кровавым авантюрам. При поддержке стран Антанты усиленно готовилась к нападению на Советскую страну панская Польша.

В то же время приходилось преодолевать последствия невиданной разрухи народного хозяйства всей страны.

Одной из важнейших причин разрухи промышленности, катастрофического состояния транспорта и продовольственного голода был тяжелый топливный кризис в стране, который начал развиваться с начала мировой войны и достиг угрожающих размеров в период иностранной военной интервенции и оккупации топливных районов.

Еще в 1915 г. Россия лишилась Домбровского угольного бассейна, дававшего ежегодно свыше 400 млн. пудов угля. В 1918—1919 гг. интервенты и белогвардейцы отторгли от страны основные районы добычи жидкого топлива и каменного угля. На протяжении этих двух лет иностранные захватчики и белогвардейские банды грабили и разрушали угольные и нефтяные предприятия Донецкого бассейна, Урала, Ба-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 228.

ку и Грозного. Особенно тяжелой была временная потеря Донбасса — основной угольной базы России, дававшей около 80% всей добычи. В 1919 г. Донбасс дал всего 338 млн. пудов угля против 1751 млн. пудов в 1916 г.²

Еще хуже обстояло дело с жидким топливом. Баку и Грозный, дававшие стране в год около 600 млн. пудов нефти, находились еще в руках интервентов. Советское государство совершенно лишилось нефти. Промышленность и транспорт вынуждены были заменять каменный уголь и нефть дровами — другого выхода не было. Но и древесного топлива было чрезвычайно мало, и с величайшими трудностями приходилось добывать и подвозить его к местам потребления.

В этих условиях освобожденному Донбассу предстояло сыграть решающую роль в хозяйственной жизни страны. Однако Донбасс ко времени освобождения его частями Красной Армии представлял собой сплошные развалины.

Все крупные предприятия омертвели. Из 65 доменных печей, работавших в Донбассе на полную мощность до войны, к началу 1920 г. не работала ни одна. Гигантские металлургические и машиностроительные заводы фактически приостановили свою работу, либо производили 3—5% довоенной продукции.

К моменту восстановления Советской власти на Украине и в Донбассе транспорт находился в катастрофическом состоянии. Товарищ Сталин в своей телеграмме из Харькова 3 марта 1920 г. сообщал В. И. Ленину: «Службы движения тяги переживают состояние полного развала и с трудом поддаются восстановлению ввиду колоссальных разрушений, расстройств и массовой эвакуации как специалистов, так и материалов, учиненных белыми при отступлении. Количество паровозов, поездов на дорогах доведено до невероятного минимума, количество паровозов на южных желдорогах выражается цифрой 401, из них 64% больных и негодных, количество паровозов на Донецких дорогах равняется 403, из них больных и негодных 80%, количество паровозов на Юго-Западных дорогах равняется 821, из них больных и негодных 83% (все цифры составлены на 10 февраля)».³

К началу 1920 г. на Украине было разрушено 4870 погонных саженей железнодорожных мостов, при общей длине всех мостов в 7470 погонных саженей.⁴ По железнодорожным линиям на протяжении сотен километров были срезаны телеграфные столбы, под откосами лежали сотни разбитых паровозов и тысячи вагонов.

В результате колоссальной разрухи транспорта и связи Донбасс в первые месяцы после освобождения от врага был фактически отрезан от страны. Многочисленные белогвардейские и кулацкие банды, свирепствовавшие на территории бассейна и в других районах Украины, затрудняли всякую связь Донбасса с центром. В своих воспоминаниях тов. Шварц (Семен) пишет: «Когда в январе 1920 года мы... прибыли в Юзовский район в качестве уполномоченных Главугля, мы там застали картину хаотического состояния промышленной жизни и крайней нужды рабочих, в течение трех месяцев не получавших заработной платы. Уезжая из Харькова, мы... взяли с собой около 25 млн. рублей, так как знали острую нужду рабочих. С этими деньгами у нас во все время пути было много хлопот. По железной дороге мы могли ехать только до станции Славянск. Дальше, ввиду порчи пути и взры

² Статистический сборник за 1913—1917 гг., т. VII, вып. 1, стр. 78, и Статистический ежегодник за 1918—1920 гг., т. VIII, вып. 2, стр. 219

³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 14, 1920 г., д. 799, л. 455.

⁴ «Народное хозяйство», 1921 г., № 1—2, стр. 84

за железнодорожных мостов (о чем постарались белые перед уходом из Донбасса), пришлось пробираться на крестьянских подводах с риском быть ограбленными и убитыми». ⁵

Особенно тяжелым было положение на угольных предприятиях Донбасса. С самого начала мировой войны началось разрушение основного капитала угольных предприятий и хищническое использование угольных пластов горнопромышленниками. В период хозяйничанья иностранных интервентов и белогвардейцев большинство крупных рудников было затоплено или взорвано, поверхностные сооружения шахт и подъездные пути разрушены, материальные склады расхищены. Техническая документация, планы сооружений и чертежи расположения шахт и угольных пластов были увезены белыми при отступлении из Донбасса.

По данным Комиссии технического обследования донецких угольных предприятий летом 1920 г., из 1816 шахт бассейна для работы было отобрано только 959 шахт, т. е. 52,8 %, из них 389 крестьянского типа и 570 промышленного. ⁶ Из 3 тыс. рудничных котлов в начале 1920 г. только 10 % были более или менее годны к работе после незначительного ремонта. ⁷ В таком же тяжелом состоянии были вентиляторы, насосы, подъемные машины и лебедки. По данным деникинского «Горнозаводского дела», к сентябрю 1919 г. на шахтах осталось всего 20 % рудничных лошадей; остальные были мобилизованы белыми в армию либо пали из-за отсутствия фуража ⁸

Наряду с разграблением и разрушением угольных предприятий врагами углепромышленники в погоне за легкой и быстрой наживой взвинчивали цены на уголь и заводили мелкие шахты, так называемые «журавки», не требовавшие больших капиталовложений. Во всех угольных районах в 1918—1919 гг. начали возникать такие мелкие шахты. Эта хищническая практика нанесла серьезный удар крупным предприятиям и ускорила их катастрофу. В одном из докладов Особой комиссии по обследованию Донбасса, составленном в сентябре 1919 г., указывалось, что «в районе Никитовки, Щербиновки и Магдалиновки возникло за последние два месяца до 200 штук так называемых «журавок», с примитивной добычей угольной сажки и самого плохого каменного угля, с преобладанием породы. Эти шахты-дыры устроены на крестьянской земле, на глубине от 3 до 10 саженей, работают в них как сами крестьяне, так и рабочие, живущие на соседних крупных предприятиях Щербиновского, Нелиновского рудников О-ва разработки и Ауэрбах... Всего из этих дыр добывается в месяц до 200 тыс. пудов негодного угля... Весь этот уголь закупается скупщиками и мелкими углепромышленниками, вывозится на станционные склады с доставкой 4—4 р. 50 к. за пуд и подмешивается к лучшим углям, отчего качество угля ухудшается». ⁹ Такое же положение было и в других районах. Полная дезорганизация и развал всей промышленной жизни, разграбление технического оборудования предприятий, хищническое использование народного достояния страны, безудержная спекуляция — вот характерные черты хозяйничанья интервентов и белогвардейцев в Донбассе.

⁵ «По пути Ильича», М., 1925, стр. 167 (изд. Союза горнорабочих). Примерно о таком же «путешествии» рассказывает в своих воспоминаниях И. П. Бардин, ездивший в начале 1920 г. с енакиевскими рабочими в Харьков (И. П. Бардин. Жизнь инженера. М., 1938, стр. 85).

⁶ «Украинская промышленность в 1920 г.», Харьков, 1921, стр. 5.

⁷ Там же.

⁸ «Горнозаводское дело», 1919, № 3—4, стр. 16637.

⁹ «Горнозаводское дело», 1919, № 7—8, стр. 16700—16701.

В своей резолюции на совещании в Ростове в октябре 1919 г. сами промышленники вынуждены были указать «на угрожающее падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали, в страшном падении производительности труда».¹⁰

Жилищные условия донецких горнорабочих, их быт и коммунальное обслуживание еще до мировой войны приводили в ужас даже официальных представителей государственной власти, инспектировавших Донбасс. Десятки тысяч рабочих жили в сырых, темных и холодных землянках, не имея даже спальных мест. Кровати, тюфяки и матрацы являлись предметом роскоши, привычным лишь для одной пятой части рабочих, — остальные спали на своей одежде на нарах или на земляном полу. За годы мировой войны и иностранной военной интервенции полностью прекратилось строительство новых жилищ и ремонт старых, а большая часть имевшегося жилого фонда шахтеров была разрушена во время военных действий. Бани и больницы бездействовали, не было ни медицинского персонала, ни медикаментов. На почве голода, холода и тяжелых жилищно-бытовых условий быстро распространялись эпидемии, уносившие в могилу тысячи рабочих и членов их семей.

Мобилизация горнорабочих в армию в период войны лишила каменноугольную промышленность значительного процента высококвалифицированных рабочих. Часть рабочих ушла с рудников из-за голода. В связи с острым недостатком квалифицированных рабочих и вовлечением в производство военнопленных, женщин и подростков среднегодовая производительность одного горнорабочего Донбасса снизилась с 9185 пуд. в 1913 г. до 7451 пуда в 1916 г. и 5393 пуд. в 1917 г.¹¹ В дальнейшем положение еще более ухудшилось.

В результате победы Великой Октябрьской революции и установления Советской власти рабочий класс в Донбассе взял все предприятия под свой контроль. Основные рудники общегосударственного значения были национализированы. Советской властью были приняты меры по восстановлению угольной промышленности.

Однако начавшаяся гражданская война и вторжение в Донбасс немецких захватчиков прервали эту созидательную работу. С мая 1918 г. начался тяжелый период немецкой оккупации. Немцы захватили готовый уголь; награбленное эшелонами отправляли в Германию; многие шахты были взорваны и затоплены.

Еще в период наступления немцев по призыву большевистской партии и великих вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина все передовые кадровые горнорабочие ушли в ряды Красной Армии и партизанские отряды для борьбы с оккупантами. Остальные рабочие рассеялись по деревням или эвакуировались в РСФСР.

После изгнания немцев борьба за Донбасс не прекратилась. Банды махновцев и петлюровцев продолжали свою террористическую деятельность в бассейне, облегчая продвижение деникинской грабармии. В начале 1919 г. бои Красной Армии с деникинцами продолжались, и линия фронта проходила через Донбасс. Только в середине мая белогвардейские армии Деникина, получив мощную поддержку интервентов, овладели Донбассом и Украиной.

¹⁰ А. Деникин. Очерки русской смуты, т. V, стр. 274.

¹¹ Статистический сборник за 1913—1917 гг. т. VII, вып. 1, стр. 73.

Бешеный натиск белогвардейцев и интервентов еще больше усилил приток горнорабочих в ряды Красной Армии и партизанские отряды. Шахтеры, пережившие ужасы немецкой оккупации и кровавый террор белогвардейщины, «целыми массами отступали вместе с Красной Армией, зачастую забирая с собой жен и детей». ¹²

В ответ на захват Донбасса и свирепый террор донецкие рабочие под руководством большевистской партии повели героическую борьбу против иностранных интервентов и белогвардейских армий.

Товарищ Сталин с гениальной прозорливостью учел в своем стратегическом плане роль Донбасса в разгроме армий Деникина. Обосновывая свой план разгрома Деникина, товарищ Сталин в письме к В. И. Ленину указывал, что «здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов..., мы получаем уголь, а Деникин остается без угля». ¹³

В соответствии с планом товарища Сталина Реввоенсовет Южного фронта, по решению ЦК РКП(б) от 27 октября 1919 г., сосредоточил в своих руках руководство партизанской борьбой большевистских организаций в тылу врага. ¹⁴

На основании этой директивы ЦК РКП(б) и указаний товарища Сталина донецкие большевистские организации развернули большую подпольную агитационную работу среди рабочих. Организованные ими партизанские отряды наносили сильные удары по тылам деникинских армий. «Большевики великолепно учитывают стратегическое значение железных дорог, — сообщалось в секретной сводке белых в октябре 1919 г., — они отлично понимают экономическую важность нахождения Донецкого угольного района в наших руках. И поэтому их внимание главным образом и направлено на агитацию среди железнодорожных служащих и рабочих и на пропаганду среди шахтеров. Многочисленные агенты Советской власти, оставшиеся в глубоком тылу Добармии, не дремлют и усиленно организуют оппозиционные Добармии элементы, подготавливают всячески неожиданные удары с тыла». ¹⁵

В решающие дни разгрома Красной Армией белых под Орлом и Воронежем донецкие большевики развернули работу среди шахтеров и железнодорожников по срыву военных перевозок деникинцев на север. Донецкие горняки не выдавали доброкачественный уголь для перевозок или заменяли его мусором, так что командующий добровольческой армией генерал Май-Маевский угрожал даже за поставку негодного угля предавать виновных полемому суду. ¹⁶

Донецкие большевики и передовые рабочие развернули боевую работу среди трудящихся всего бассейна и готовили их к изгнанию врага из Донбасса. Неудивительно поэтому, что в районе Донбасса Красная Армия в своем победоносном движении встретила всеобщую поддержку населения, которое, как отметил товарищ Сталин, «встречало советские войска с энтузиазмом, и откуда легче всего можно было пробить деникинский фронт, расколоть его на две части и продвигаться дальше, вплоть до Ростова». ¹⁷

¹² «По пути Ильича», стр. 95.

¹³ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 276—277.

¹⁴ «Летопись революции», 1929, № 5—6, стр. 260.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 1558, д. 52, л. 74.

¹⁶ «Парус», № 17, 26. XI 1919 (Ростов/Дон).

¹⁷ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 326.

В начале января 1920 г. была завершена одна из блестящих операций Красной Армии по осуществлению сталинского плана разгрома Деникина, возвратившая стране «всероссийскую кочегарку». В приказе по армиям Южного фронта от 10 января 1920 г., подписанном товарищем Сталиным, говорилось: «Основная задача, данная войскам Южного фронта — разгром добровольческой армии противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции — Ростовом, — выполнена». ¹⁸

II

Несмотря на то, что Советское государство в результате великих побед Красной Армии над интервентами получило временную передышку, новая угроза военного нападения Антанты была налицо.

Ленин и Сталин предвидели эту новую угрозу задолго до начала ее осуществления. Они призывали нашу партию, Красную Армию и весь советский народ быть готовым к отпору врага. «Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, — говорил В. И. Ленин 20 января 1920 г., — все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали». ¹⁹ В своем докладе об экономической политике на IV конференции КП(б) Украины товарищ Сталин в марте 1920 г. также указывал большевикам Украины, что враги страны Советов готовят новый удар с Запада. «Антанта не так глупа, — говорил товарищ Сталин, — чтобы не использовать силы польской шляхты, хотя бы для того, чтобы помешать нашей Федерации вести новую строительную работу». ²⁰

Вполне понятно, что в этой обстановке невозможна была даже частичная демобилизация Красной Армии. Перед лицом военной опасности партия и правительство держали в мобилизационной готовности Красную Армию и весь советский народ.

Временная передышка дала, однако, возможность направить основные силы страны, в том числе и некоторые части Красной Армии, на восстановление народного хозяйства. В наиболее пострадавших от врага районах на некоторых железных дорогах и в местах заготовки топлива были образованы трудовые армии. «Под ружьем находилось до 5 миллионов красноармейцев, которых нельзя было пока распустить из-за военной опасности. Поэтому некоторые части Красной армии были переведены на положение *трудовых армий* для использования в области хозяйственного строительства». ²¹

В освобожденной Украине наряду с организацией советских и хозяйственных органов управления решено было также создать Украинский совет трудовой армии. Совет Народных Комиссаров РСФСР по соглашению с Всеукраинским Революционным комитетом 21 января 1920 г. утвердил «Положение» об Украинском совете трудовой армии, во главе которого, по предложению В. И. Ленина, был поставлен товарищ Сталин.

«Положение» предусматривало, что в задачи Украинского совета трудовой армии входит «максимальное усиление добычи продоволь-

¹⁸ «Правда», № 7, 13. I 1920.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 13.

²⁰ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 296.

²¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 229.

ствия, топлива, сырья, установление трудовой дисциплины в предприятиях, снабжение предприятий рабочей силой». Далее предусматривалось, что в состав Украинского совета трудовой армии должны входить по одному представителю от Наркомпрода, ВСНХ, Наркомзема, Наркомпути, Наркомтруда и Юго-западного фронта. Хотя местные учреждения названных ведомств сохраняли связь и подчинение по отношению к своим центральным учреждениям, они обязаны были подчиняться особым приказам и инструкциям Украинского совета трудовой армии.²²

Таким образом, Украинский совет трудовой армии фактически был высшим экономическим органом Украины, являясь одновременно и Советом армии, переведенной на положение трудовой.

Уже одно то, что В. И. Ленин и ЦК РКП(б) поручили руководство Украинским советом трудовой армии товарищу Сталину, показывает, какое значение придавалось вопросам экономической и военной политики на Украине накануне нового похода интервентов на Советскую Республику. Лично В. И. Ленин чрезвычайно внимательно и зорко следил за всеми событиями, развивавшимися на Украине в это время. Он требовал сурово наказывать тех, кто не мог организовать четкой и бесперебойной связи с товарищем Сталиным. В день первого заседания Украинского совета трудовой армии, 16 февраля, В. И. Ленин телеграфировал товарищу Сталину в Харьков: «Сегодня я слышал вас и всех великолепно, каждое слово. Пригрозите расстрелом тому неряхе, который, заведая связью, не умеет дать вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной».²³ Со своей стороны, товарищ Сталин принял все необходимые меры по организации бесперебойной связи с В. И. Лениным. Между В. И. Лениным и И. В. Сталиным регулярно велись переписка и обмен мнениями по вопросам возрождения Донбасса, по экономической и военной политике на Украине, которая проводилась Украинским советом трудовой армии и Юго-западным фронтом под непосредственным руководством товарища Сталина.

Давая поручение товарищу Сталину помочь угольной промышленности, транспорту и продорганам в налаживании работы,²⁴ В. И. Ленин 18 февраля 1920 г. в своей телеграмме в Харьков на имя товарища Сталина советовал «измерять работу Укрсовтрударма ежедневно количеством подвезенного хлеба, угля, ремонтом паровозов».²⁵ Эти указания и были положены товарищем Сталиным в основу работы Украинского совета трудовой армии.

В телеграмме на имя В. И. Ленина из Харькова 17 февраля 1920 г. сообщалось о том, что уже на первом заседании Украинского совета трудовой армии была «установлена цель Совтрударма: согласование деятельности военного и прочих пяти ведомств на предмет усиления добычи хлеба и топлива, восстановления транспорта... Постановлено выслушать в первую очередь доклады Главугля, Совнархоза в целом, Наркомпути и Наркомтруда».²⁶ Разрешая продовольственные, топливные и транспортные вопросы, имевшие первостепенное значение для обороны страны, Украинский совет трудовой армии выносил решения и утверждал основные мероприятия, привлекая к выполнению их высшие хозяйственные органы Украины и Юго-западный фронт. Как указано в отчете о деятельности Украинского совета трудовой армии, послед-

²² «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 163.

²³ «Большевик», 1938, № 2, стр. 72.

²⁴ ЦГАОР, ф. 130, оп. 20, 1920 г., д. 31, л. 226.

²⁵ Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 264.

²⁶ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, 1920 г., д. 484, лл. 7—8.

ний «являлся той осью, вокруг которой вращалась вся экономическая жизнь Украины... Не было ни одного важного вопроса экономической жизни, который не был бы объектом рассмотрения Совета трудовой армии. Особенно часто обсуждались в Совтрударме такие вопросы, от разрешения коих зависело не только благосостояние Украины, но и всей Республики». ²⁷ Такими были прежде всего вопросы восстановления угольной промышленности Донбасса, которым, по указаниям В. И. Ленина и И. В. Сталина, Украинский совет трудовой армии уделял особое внимание и заботу. Из 68 заседаний, проведенных Украинским советом трудовой армии на протяжении 1920 г., на 53 заседаниях было специально обсуждено 146 вопросов, посвященных восстановлению угольной промышленности Донбасса. ²⁸ Таким образом, вопросы восстановления «всероссийской кочегарки» не сходили с порядка дня на протяжении всей деятельности Украинского совета трудовой армии.

Основные мероприятия Украинского совета трудовой армии по восстановлению угольной промышленности Донбасса, принятые в начале 1920 г. по предложению товарища Сталина, были одобрены В. И. Лениным и утверждены Советом труда и обороны. ²⁹

При ознакомлении Украинского совета трудовой армии с положением в Донбассе выяснилась неприглядная картина общей деградации предприятий, дезорганизации управления угольной промышленностью, падения трудовой дисциплины и катастрофического понижения добычи и вывоза угля из Донбасса.

С предельной ясностью дана характеристика состояния Донбасса в сообщении газеты «Экономическая жизнь» от 25 февраля 1920 г. «На втором заседании Украинского совета трудовой армии в присутствии председательствующего товарища Сталина, членов Совета и членов Укрревкома был заслушан доклад о состоянии донецкой каменноугольной промышленности.

Установлено: 1) что большинство из угольных районов Донецкого бассейна (всего 18) не имеет управления; 2) запасы угля на поверхности равняются примерно 25 млн. пудов, антрацита — до 70 млн. пудов и кокса — 3 млн. пудов; 3) валовая добыча угля и антрацита падает непрерывно: в октябре (1919) — 35 млн. пудов, в январе же — около 18 млн. пудов; из них половина уходит на поддержание угольных производств; чистая добыча, таким образом, составляет не более 10 млн. пудов, причем ее нужно отнести не за счет крупных рудников, которые не окупают себя и затопляются, а за счет среднего и мелкого ненационализированного производства; 4) производительность труда упала.. в 4 раза по сравнению с 1917 г.; 5) причинами продолжающегося падения добычи являются: сокращение числа рабочих с 250 тыс. в 1917 г до 80 тыс. в настоящее время; недостаток продовольствия, недостаток обуви и одежды; недостаток технических сил, число которых сократилось на 50% по сравнению с периодом деникинщины; недостаток технических и смазочных материалов; недостаток денежных знаков; полное отсутствие партийной и политической работы; неналаженность районных административных центров и отсутствие руководства производ-

²⁷ Отчет о деятельности Укрсовтрударма за 1920 г., Харьков, 1921, стр. 4—5.

²⁸ Там же, стр. 5.

²⁹ Об основных постановлениях Украинского совета трудовой армии см. журнал «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 160—178. Утверждение этих решений Советом труда и обороны состоялось на заседании от 23 апреля 1920 г. (см. Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 290).

ством в целом; 6) вывоз имеющихся скудных запасов угля тормозится отсутствием гужевого транспорта для подвоза угля к стационарным складам, отсутствием грузчиков, отсутствием сопровождающих грузы воинских частей, ввиду чего грузы в дороге расхищаются; отсутствием организованной подачи паровозов.

В связи с докладом Главугля Совет труда наметил ряд мер срочного характера». ³⁰

Из предпринятых Украинским советом трудовой армии практических мер товарищ Сталин в своем докладе на IV конференции КП(б) Украины назвал следующие:

«Во-первых, в угольной промышленности провести милитаризацию труда, мобилизовав в трудовом порядке также деревенское население на предмет использования в перевозке и подвозе угля;

Во-вторых, привлечь в промышленность новые силы из рабочих, ибо нам известно, что из 250 тысяч рабочих, работавших до революции, осталось 80 тысяч. Причем для того, чтобы эти новые силы привлечь, необходимо наладить продовольствие, и в этом направлении мы принимаем ряд мер;

В-третьих, создать во главе угольной промышленности Центральное управление, а при нем санитарное управление, отдел связи, отдел снабжения, военный трибунал, политотдел.

Все это необходимо для того, чтобы поставить промышленность и транспорт Украины на должную высоту, чтобы снабжение людьми и продовольствием, врачебной помощью и политработниками сделать регулярным, чтобы шкурникам и дезертирам труда неповадно было утекать в сторону от Донецкого бассейна, чтобы насадить в промышленности и на транспорте трудовую дисциплину. Отныне председатель Донецкого губернского комитета коммунистической партии, по соглашению с ЦК РКП и ЦК Украины, объявляется вместе с тем начальником Политотдела угольной промышленности. Вся работа по распределению партийных сил и по переброске из района в район этих работников, по заданиям угольной промышленности, переходит в ведение политотдела». ³¹

Вся система мероприятий по милитаризации угольной промышленности, трудовой повинности, использованию частей Красной Армии на трудовом фронте являлась вынужденной и временной, вызванной тяжелой обстановкой войны с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией. Основное внимание было уделено организации руководства и управления промышленностью, способного наладить регулярное снабжение и внедрить дисциплину в угольные предприятия. В тот тяжелый период разрухи и продолжавшейся гражданской войны сталинские установки по милитаризации угольной промышленности были исторически необходимы. Они были направлены против троцкистских методов голого администрирования и механического насаждения армейских методов в рабочую среду, против отождествления армейской среды с рабочей массой. Они встретили живой отклик и поддержку передовых рабочих «Как вам известно, — говорил на той же конференции товарищ Сталин, — наша промышленность во всей Федерации переживает в данный момент тот период расхлябанности и партизанщины, который переживала Красная Армия полтора года тому назад. Тогда партийным центром был брошен клич подтянуться, насадить дисциплину, а партизанские части превратить в регулярные. То же самое нам нужно

³⁰ «Экономическая жизнь», 1920, № 42.

³¹ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 301.

сделать теперь по отношению к развалившейся промышленности Необходимо эту развалившуюся промышленность собрать и организовать, иначе мы не вылезем из разрухи.

Один товарищ здесь говорил, что рабочие милитаризации не боятся, потому что лучшим рабочим надоело отсутствие порядка. Это совершенно верно. Рабочим надоела бесхозяйственность и они охотно примут руководство, способное навести порядок и насадить трудовую дисциплину в промышленности». ³²

Однако антиленинские группировки на Украине, сапроновцы и троцкисты, пытались сорвать осуществление намеченных товарищем Сталиным мероприятий в Донбассе. Окопавшись в руководящих партийных и советских органах Украины, сапроновцы и троцкисты пытались проводить свою дезорганизаторскую политику в угольной промышленности. Большевицкая партия под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина дала решительный отпор антиленинским группам на Украине и мобилизовала украинских большевиков и горнорабочих на выполнение государственных заданий в Донбассе. Меры, принятые в начале 1920 г. Украинским советом трудовой армии, по возрождению угольной промышленности, сталинская забота и помощь донецким большевикам и горнорабочим сыграли решающую роль в спасении угольного Донбасса от катастрофы.

III

В феврале 1920 г. Украинский совет трудовой армии организовал аппарат Центрального управления каменноугольной промышленности бассейна (ЦУКП) в Харькове и предложил переместить его в Донбасс, за исключением отделов, «не связанных с повседневной работой предприятий». ³³ Одновременно были приняты меры по переброске руководящих кадров в Донбасс и формированию ответственного управленческого аппарата в районах и на рудниках. Чтобы спасти от гибели наиболее крупные государственные угольные предприятия, Украинский совет трудовой армии, по инициативе товарища Сталина, 18 февраля 1920 г. принял решение за № 1, в котором говорилось «В целях спасения крупных шахт от затопления, поддержания добычи угля предложить Ревсовету Юго-западного фронта организовать в трехдневный срок маршрутный круговой поезд для доставки в Донбасс в порядке оперативной переброски денежных средств, смазочных и осветительных материалов, одежды и необходимых для данного момента работников. Поручить Центральному управлению каменноугольной промышленности подготовить работников, средства и, по соглашению с Чусоснабармом, материалы к указанному сроку для отправки в Донбасс. Поезду дать экстренность с уведомлением штаба Совтрударма о преследовании через узловые пункты. Председатель Укрсовтрударма И. Сталин». ³⁴

³² Там же, стр. 302—303.

³³ Согласно этому решению, в марте 1920 г. в Луганск были переведены следующие отделы Центрального управления: общий, горнотехнический, финансово-счетовый и заготовительный. Полностью весь аппарат Центрального управления был переведен в Бахмут (Артемовск) в конце 1920 г.

³⁴ «Трудовая армия», № 1, 5 марта 1920 г. Это постановление было передано по телеграфу в СНК РСФСР на имя В. И. Ленина (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, 1920 г., д. 484, л. 18). «Трудовая армия» — орган Укрсовтрударма — начала выходить на основании приказа по Украинской трудовой армии, за № 8 от 1 марта 1920 г.

Это решение вскоре было выполнено 10 марта в Совет труда и обороны было сообщено «Маршрутный круговой поезд в Донбасс, отправленный по постановлению Укрсовтрударма от 18 февраля., снабженный дензнаками, смазочными и осветительными материалами, одеждой, санчастью, отделением связи, Политотделом Донбасса, трудовыми инспекторами, прибыл 27 февраля [на станцию] Попасная». ³⁵ Это была первая помощь, оказанная «тонущей» угольной промышленности

Начало работы по возрождению промышленности потребовало больших усилий и инициативы не только от центра, но и со стороны местных партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных органов в деле организации и использования материальных средств и рабочей силы бассейна.

Именно этого и требовал товарищ Сталин от большевиков Украины и Донбасса. «До сих пор было так,— говорил товарищ Сталин,— что «главки» руководили работой, и только «главки», теперь придется обратить особое внимание на места, дав им возможность, наконец, выявить ту инициативу, без которой трудно наладить хозяйство». ³⁶

Исходя из указаний товарища Сталина, необходимо было ликвидировать административную, экономическую и территориальную разобщенность бассейна. До марта 1920 г. территория Донбасса в административном отношении входила в Харьковскую, Екатеринославскую губернии и в Область войска Донского. Такое положение, естественно, не могло способствовать организационной перестройке партийных и хозяйственных органов и ослабляло их руководящую роль в деле восстановления промышленности Донбасса. Чтобы выделить Донбасс в особую административно-экономическую единицу, Украинский совет трудовой армии на заседании от 15 марта 1920 г. принял постановление об образовании Донецкой губернии, в состав которой были включены Старобельский уезд целиком и ряд волостей Изюмского и Купянского уездов Харьковской губернии, целиком уезды Бахмутский, Луганский и Мариупольский Екатеринославской губ., целиком Таганрогский округ и ряд станций Донецкого и Черкасского округов Области войска Донского. ³⁷

Образование Донецкой губернии значительно упрощало разрешение хозяйственных вопросов местными партийными и хозяйственными органами и дало им возможность вплотную заняться работой по возрождению промышленности.

Комитеты по трудовой повинности и местные органы власти в порядке трудовой и гужевой повинности произвели мобилизацию трудоспособного населения и окрестных крестьян на погрузку и перевозку угля от рудников к железнодорожным станциям. Это дало возможность весной 1920 г. транспорту и оборонной промышленности использовать запасы угля, имевшиеся на поверхности.

Решающим фактором в возрождении угольных предприятий являлись постоянные кадры рабочих, особенно квалифицированный состав подземных рабочих: забойщики, крепильщики и др. Именно в таких наиболее квалифицированных подземных горнорабочих Донбасс испы-

³⁵ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, 1920 г., д. 484, л. 25.

³⁶ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 300.

³⁷ «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 176. На заседании ВЦИК РСФСР от 23 марта 1920 г. решение об образовании Донецкой губернии было утверждено (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 248, л. 8). В составе вновь образованной Донецкой губернии всего населения было 4 239 608 человек, из них 232 463 промышленных рабочих («Трудовая армия», № 14, 15 V 1920).

тывал чрезвычайно острую нужду. Учитывая это обстоятельство, Совет Народных Комиссаров РСФСР, по инициативе В. И. Ленина и И. В. Сталина, 19 марта 1920 г. предоставил «право Центральному управлению Донбасса непосредственно через Реввоенсоветы армии отзывать из частей Красной Армии квалифицированных рабочих для работ на рудниках..» В том же постановлении СНК РСФСР поступление на работу или на службу в каменноугольной промышленности Донбасса было приравнено к поступлению на военную службу.³⁸

Спустя месяц Совет труда и обороны на заседании 16 апреля 1920 г. принял новое постановление о мобилизации квалифицированных горнорабочих в возрасте от 18 до 50 лет, работавших не по специальности и уклонявшихся от работы в угольной промышленности.³⁹ При Всеукраинском комитете по трудовой повинности была организована так называемая Угольная комиссия, которая специально занялась обеспечением Донбасса горнорабочими и переброской их по железной дороге из районов РСФСР и УССР. За два месяца после постановления СНК РСФСР от 19 марта 1920 г. из Красной Армии было откомандировано в Донбасс 1466 квалифицированных горнорабочих, из них 511 забойщиков.⁴⁰ С апреля по ноябрь 1920 г. Всеукраинский комитет по трудовой повинности направил в Донбасс 16 625 горнорабочих, которые были распределены по предприятиям.⁴¹

Кадровые горнорабочие, оставившие предприятия во время хозяйничанья там интервентов, после освобождения бассейна сотнями возвращались на свои рудники. На Прохоровский рудник в марте 1920 г. самотеком прибыло 500 рабочих, ранее работавших на этом руднике.⁴² Из Иваново-Вознесенской губернии в первой половине марта 1920 г. выехало в Донбасс около 500 горнорабочих. На свои предприятия возвращались горняки из Воронежской, Орловской, Калужской и других губерний РСФСР. По их словам, многие рабочие пока не возвращались, думая, что шахты залиты водой.⁴³ В связи с этим Центральное управление направило в некоторые губернии вербовщиков, которые разъясняли действительное положение в Донбассе и рассказывали о задачах, поставленных партией и правительством перед угольной промышленностью. В результате приток рабочих в бассейн увеличился. За короткий срок из одной только Орловской губернии прибыло 1300 человек.⁴⁴

Только за вторую половину мая 1920 г. Центральным управлением было распределено по ударным предприятиям 1766 квалифицированных горнорабочих, из них 881 забойщик, 626 подземных рабочих, 104 рабочих механических цехов, 65 строительных, 90 поверхностных рабочих.

Если после освобождения Донбасса от врага в угольной промышленности было около 80 тыс. горнорабочих, то благодаря принятым мерам к 1 ноября 1920 г. общее количество горнорабочих возросло до 129 610 человек, в том числе 18 074 забойщиков и 35 777 прочих под-

³⁸ Собр. узаконений и распоряжений Раб.-Крестьянского правительства УССР, № 10, 12—22. V 1920 г., § 190, стр. 240.

³⁹ Сб. приказов РВСР, 1920, № 608, стр. 1, 21. IV 1920.

⁴⁰ «Экономическая жизнь», № 160, 22. VII 1920.

⁴¹ ЦГАКА, ф. 241, оп. 3, д. 133, л. 35.

⁴² «Вестник Союзугля», 1930, № 1 (75), стр. 5.

⁴³ ЦГАОР. ф. 3429, оп. 1, д. 2290, л. 165; «Трудовая армия» в № 9 от 29 апреля 1920 г. сообщала о том, что усилился «приток ходоков из Смоленской, Могилевской, Орловской и других губерний в Донбассеин. В некоторые рудники рабочие, ранее работавшие, прибывают целыми группами, продуктивность этих рабочих, по словам администрации рудников, великопная».

⁴⁴ Отчет о деятельности Всеукраинского труда, Харьков, 1921, стр. 19.

земных рабочих⁴⁵ Таким образом, за 10 месяцев общее количество горнорабочих возросло на 49 610 человек Тем не менее, проблема рабочей силы не была разрешена до конца Особенно серьезный недостаток продолжал испытывать Донбасс в квалифицированных рабочих и особенно в забойщиках, процент которых на протяжении года не превышал 15% против 22% до войны.

В результате принятых партией и правительством мер в Донецкий бассейн постепенно начал возвращаться инженерно-технический персонал угольных предприятий. Во время борьбы за освобождение Донбасса более 50 % высшего инженерно-технического персонала бежало с белыми, но потом, убедившись в прочности советского строя, многие специалисты по призыву Советской власти возвратились в Донбасс и включились в борьбу за его возрождение Уже к июню 1920 г на угольных предприятиях бассейна работало 244 горных инженера, 778 штейгеров, 2510 десятников, всего 3532 человека, или 65 % довоенного состава инженерно-технического персонала.⁴⁶

Наряду с принятыми мерами по обеспечению Донбасса кадрами горнорабочих и инженерно-техническим персоналом Украинский совет трудовой армии в феврале 1920 г. принял решение о направлении в бассейн некоторых частей Красной Армии для выполнения трудовых заданий

Острый недостаток рабочей силы, не прекращавшаяся борьба в районах бассейна с мелкими вооруженными бандами и нараставшая угроза нового вторжения в Донбасс Врангеля диктовали необходимость наличия воинских частей, которые наряду с выполнением трудовых заданий могли бы при необходимости выполнять и боевые задания против врага.

Для этой цели командование Юго-западного фронта⁴⁷ 7 февраля 1920 г издало приказ о направлении в Донбасс на работы по восстановлению угольной промышленности резервных частей и разных воинских команд, запасных частей армий, фронта и округов при условии, чтобы это не отражалось существенно на строевой подготовке запасных частей, а также свободных от наряда некоторых других частей. В приказе указывалось также на необходимость четкой организации и тесного контакта командования трудовых частей с местными гражданскими органами и руководством предприятий.

Для использования воинских частей в угольной промышленности Украинский совет трудовой армии в апреле 1920 г образовал в городе Дебальцево полевой штаб трудовых частей, который, в свою очередь, создал свои филиалы в районах — районные военные комендатуры во главе с комендантами. Таким образом, наряду с Центральным управлением и его районными уполномоченными был образован параллельный орган — Полевой штаб трудовых войск и районные комендатуры, координировавшие свою работу в борьбе за возрождение угольных предприятий

⁴⁵ ЦГАКА, ф. 241, оп 3, д 133, л. 35.

⁴⁶ Материалы по статистике труда на Украине, вып 2, июнь 1921 г, стр 22

⁴⁷ После разгрома Деникина и выхода частей Красной Армии Южного фронта к побережью и на правый берег Днепра закончилось выполнение основной задачи, поставленной перед Южным фронтом. Однако теперь военная обстановка выдвигала новые задачи. 1) ликвидацию остатков деникинской армии на правом берегу Днепра, 2) овладение Крымским полуостровом, 3) обеспечение обороны Киевского района и юго-западных границ от подготавливавшегося нападения польских захватчиков Ввиду этого 10 января 1920 г Южный фронт был переименован в Юго-западный, с возложением на него соответствующих задач В район Юго-западного фронта входил и Донбасс (ЦГАКА, ф 102, д 795, л 1, д 253, л 8, дд. 38. 129, 347, 775)

Командованием Юго-западного фронта в начале февраля 1920 г. были направлены в Донбасс освободившиеся от боевых операций 67-й и 512-й стрелковые полки (1 и 2 полки Украинской трудовой армии), которые были сведены в первую бригаду и в начале марта прибыли в район станции Дебальцево.⁴⁸ Для восстановительных и ремонтных работ в бассейне в марте прибыли 71, 72, 73, 74 и 75 военно-строительные отряды и центральные мастерские фронтострога.⁴⁹ В это же время командование фронта направило в распоряжение Полевого штаба две рабочих телеграфных колонны для организации связи между каменно-угольными районами и предприятиями и образовало специальный отдел военной связи при Центральном управлении «для обслуживания телеграфной, телефонной и радиосвязи управления с Украинским советом трудовой армии, воинскими частями Донбасса и подчиненными органами».⁵⁰ С 7 марта директивой Главкома и приказом Реввоенсовета Юго-западного фронта 42-я стрелковая дивизия была включена в состав Украинской трудовой армии и направлена в район Бахмута. Передавая 42-ю стрелковую дивизию в состав трудовых частей, командование фронта предупреждало, что, «находясь в составе трудармии, 42 дивизия должна сохранить свою полную боеспособность, чтобы по первому требованию быть готовой в случае необходимости к выступлению на фронт».⁵¹ Все находившиеся в Донбассе трудчасти были распределены по районам и сосредоточены на наиболее крупных угольных предприятиях и железнодорожных станциях.

Хотя «Положение» об Украинском совете трудовой армии предусматривало передачу ему воинских частей «в размере не менее армии», в действительности военная обстановка не позволила перевести на трудовое положение больше одной дивизии и двух бригад, которые, однако, вскоре снимались и направлялись на фронт. Сформированные для Донбасса два трудовых полка в Козлове и Моршанске,⁵² в количестве 3 тыс. человек и 5 отдельных стрелковых батальонов, 1 эскадрона и 1 караульного батальона в Орловском военкомате задержались и не прибыли по вине некоторых троцкистских элементов (Раттель и др.), срывавших выполнение заданий по оказанию помощи Донбассу.

Из общего количества прибывших в Донбасс трудовых частей до августа 1920 г. было занято на угольных работах не более 10—12 тыс. трудармейцев. Уже в мае 1920 г. сначала 2-я, а затем и 1-я бригады 42-й стрелковой дивизии были сняты с Донбасса и направлены на фронт.⁵³

От командного состава и трудармейцев, как и от всех донецких горнорабочих, товарищ Сталин требовал инициативы, энергии и трудового напряжения в борьбе за уголь и разрешение топливного кризиса в стране. В своем обращении к доблестной 42-й стрелковой дивизии, направлявшейся в Донбасс на выполнение трудовых заданий, товарищ Сталин писал 7 марта 1920 г.

«Доблестная 42-я дивизия, героически дравшаяся с врагами России бок о бок с другими дивизиями фронта и вместе с ними разбившая на-

⁴⁸ ЦГАКА, ф. 102, д. 288, к. 72.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 485, оп. 1, д. 2, л. л. 21—22.

⁵⁰ ЦГАКА, ф. 102, д. 287, л. 31.

⁵¹ Там же, д. 288, л. 73.

⁵² ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 199, л. 418.

⁵³ Согласно приказу по Юго-западному фронту за № 1490 от 6 августа 1920 г., почти все трудчасти были сняты и направлены на фронт. Позднее в Донбасс были направлены новые трудчасти и в декабре 1920 г. была создана Донецкая трудовая армия.

голову добровольческую армию Деникина, ныне должна отложить в сторону оружие для того, чтобы вступить в бой с хозяйственной разрухой и обеспечить стране каменный уголь.

Командиры 42-й дивизии! В боях с Деникиным вы умели вести красноармейцев от победы к победе, — докажите, что в борьбе с угольным кризисом вы способны одержать не меньшие победы

Комиссары 42-й дивизии! На поле брани вы умели поддерживать среди красноармейцев образцовый порядок и дисциплину, — докажите, что в борьбе за уголь вы способны сохранить незапятнанным святое знамя трудовой дисциплины

Красноармейцы 42-й дивизии! Вы умели драться с врагами рабоче-крестьянской России честно и самоотверженно, — докажите, что вы способны трудиться так же честно и самоотверженно для подвоза угля к станциям, погрузки его в вагоны и сопровождения угольных грузов до места назначения

Помните, что уголь так же важен для России, как победа над Деникиным

Полки III армии на Урале уже отличились в деле добычи и подвоза дровяного топлива. Полки Запасной армии на Поволжье покрыли себя славой в деле ремонта паровозов и вагонов. 42-я дивизия должна показать, что она не отстанет от других, обеспечив стране подвозку, погрузку и сопровождение угля.

Этого ждет от вас рабоче-крестьянская Россия». ⁵⁴

Призывы товарища Сталина вдохновляли трудармейцев и донецких горнорабочих на трудовые подвиги во имя быстреешего восстановления «всероссийской кочегарки»

Силами трудармейцев была восстановлена телефонная, телеграфная и радиосвязь Донбасса с Харьковом, установлена была также связь Центрального управления с районами и предприятиями. Во всех районах бассейна была организована военная охрана наиболее важных государственных сооружений и предприятий, взяты под контроль материальные склады, запасы угля и его распределение. Полевым штабом была оказана серьезная помощь Центральному управлению в восстановлении предприятий, пресечении расхлябанности и дезорганизации, имевших место во многих предприятиях из-за слабости руководства, а иногда и полного безначалия.

Основная масса трудармейцев использовалась по погрузке и разгрузке угля, по охране и конвоированию в пути угля и продовольствия, по водоотливным работам на крупных шахтах, по восстановлению подъездных путей и мостов. За период с марта по декабрь 1920 г. трудовыми частями было погружено свыше 30 млн. пудов донецкого угля. Военно-полевыми и строительными отрядами было построено 10 верст узкой колеи подъездных железнодорожных путей, 3½ версты широкой железнодорожной колеи, построено 50 саженей мостов, отремонтировано свыше 1500 квартир для горнорабочих, отремонтировано 15 мощных насосов, 5 мощных рудничных котлов, электрические насосы, выбрасывавшие до 12 тыс. ведер воды в час, электрифицировано 1000 квартир, выпущено из капитального ремонта 20 электровозов. ⁵⁵

Выполняя призыв товарища Сталина о борьбе с угольным кризисом, трудармейцы, преодолевая вместе со всеми горнорабочими не-

⁵⁴ И. В. Сталин, Соч., т. IV, стр. 292—293.

⁵⁵ «Диктатура угля» (сборник, посвященный II донецкому съезду горнорабочих), вып. III, изд. Южбюро ЦК ВСГ, Бахмут, 1921, стр. 121—122.

вероятные трудности, внесли свой вклад в дело возрождения донецкой угольной промышленности и помогли донбассовцам закрепить победу на трудовом фронте.

IV

В первые же дни после освобождения Донбасса остро встали вопросы снабжения горнорабочих продовольствием, спецодеждой, жильем и вопросы медико-санитарного обслуживания.

Для работы по снабжению рабочих Донецкого бассейна нужны были энергичные и инициативные работники — коммунисты, которые немедленно приступили бы к накоплению запасов и снабжению донецких рабочих, прежде всего, продовольствием. По указанию В. И. Ленина и И. В. Сталина, ЦК РКП(б) и Юго-западный фронт направили в распоряжение ЦК КП(б)У и Донецкого губкома партии значительное количество партийных работников для организации продовольственного аппарата и руководства продовольственной работой. Несмотря на свою перегруженность военной работой, товарищ Сталин лично оказывал большую помощь ЦК КП(б)У в руководстве продовольственной работой и в снабжении донецких горнорабочих. Еще до организации органов Наркомпрода военно-заготовительный аппарат Южного, а затем Юго-западного фронта помог Донбассу продовольствием. К 25 февраля 1920 г. в рабочие районы бассейна было направлено «около 154 тысяч пудов пшеницы и ржи в зерне и в муке и свыше 20 тыс. пудов крупы, 6 тыс. пудов овса, 27 тыс. пудов соли, 2 тыс. пудов сахару и около 6 тыс. пудов мяса. Кроме того, от Опродкомарма⁵⁶ 8 прибыло 15 вагонов сахару и 80 вагонов разных хлебных грузов».⁵⁷

Одобряя мероприятия СНК УССР и Украинского совета трудовой армии по осуществлению продразверстки, В. И. Ленин в телеграмме от 18 февраля 1920 г. советовал И. В. Сталину кроме воинских частей «мобилизовать тотчас часть харьковских и донецких рабочих для работы как продармии вместе с полками и эскадронами».⁵⁸ На основании ленинско-сталинских указаний Политотдел Донбасса и Союз горнорабочих мобилизовали наиболее активную часть горнорабочих и направили их в хлебные районы для организации работы по продовольственной разверстке.

В результате в марте и апреле 1920 г. хлеб начал прибывать в Донбасс регулярно. Народный комиссар продовольствия УССР в своей телеграмме на имя В. И. Ленина и И. В. Сталина сообщал 20 мая 1920 г.: «По 18 мая для рабочих Донбасса прибыло в базу бассейна 480 тыс. пудов пшеницы и ржи, 140 тыс. пудов ячменя... Улучшилось снабжение рыбой... однако продолжает оставаться недостаточным».⁵⁹

Для урегулирования продовольственного положения Донецкого бассейна Украинский совет трудовой армии 18 и 25 февраля 1920 г. принял два специальных постановления, подписанных товарищем Сталиным.⁶⁰ В этих постановлениях предлагалось «Опродкомюгзапу три раза в неделю сообщать Центральному управлению и Отделу путей сообщения Юго-западных железных дорог, на каких станциях имеются погруженные в вагоны продовольственные грузы из предна-

⁵⁶ Опродкомарм — Особый продовольственный комитет армии

⁵⁷ «Трудовая армия», № 1, 5 III 1920. Приложение

⁵⁸ Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 264.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 499, л. 434.

⁶⁰ «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 167, 170—172

значенных для Донбасса». Все эти грузы предлагалось немедленно перебрасывать в бассейн Перевозки продовольственных грузов для Донбасса приравнялись к военно-оперативным. В дополнение к железнодорожным маршрутам был разрешен проезд за продовольствием на рудничных паровозах. Опродкомхозу было предложено в недельный срок организовать сеть районных уполномоченных. Продовольственный комитет Донбасса должен был сосредоточить свою работу в бассейне по заготовке и распределению продовольственных грузов среди рабочих. В ведение этого комитета в отношении снабжения продовольствием были переданы уезды Старобельский, Изюмский, Купянский, Александровский и Павлоградский. Кроме того, в целях создания продовольственного фонда для бассейна, Южному Опродкомхозу был дан наряд на месячную потребность бассейна на все продукты местной заготовки в уездах Мариупольском, Бердянском, Мелитопольском и Днепропетровском.

Одновременно были установлены твердые нормы выдачи продуктов для рабочих и членов их семей на муку, крупу, мясо или рыбу, сахар и сахарные изделия, подсолнечное масло, сало, сельди, овощи, соль, махорку, спички и мыло. Муки больше всего получали забойщики (56½ фунтов в месяц), остальные подземные рабочие получали по 45 фунтов, а поверхностные рабочие — 33¾ фунта.

Однако не все мероприятия Украинского совета трудовой армии были выполнены. С апреля 1920 г. военная обстановка начала ухудшаться. Военные приготовления, а затем вторжение польских захватчиков, выступление из Крыма Врангеля, активизация многочисленных кулацких банд на Украине и обострение классовой борьбы резко ухудшили военно-политическое положение. Хлебные районы, примыкавшие к бассейну, были захвачены бандами Врангеля и Махно. В результате не все продовольственные эшелоны, предназначенные для Донбасса, попали по назначению. Большую часть из них пришлось направить на фронт.

После отъезда товарища Сталина на Юго-западный фронт для руководства боевыми операциями Красной Армии⁶¹ темп продовольственной работы на Украине значительно снизился. Наркомпрод Украины и его органы на местах не справлялись со своими заданиями. Поступавшего с большими перебоями продовольствия не хватало для рабочих. Продовольственные нормы, утвержденные Украинским советом трудовой армии, в первом полугодии «не могли быть выполнены полностью, — говорится в отчете УСНХ, — в лучший период первой половины года — май — июнь — снабжение хлебом доходило только до 60%, мясом и рыбой до 15%, сахаром до 50%, мылом до 20%». ⁶² Примерно такое же положение было и во второй половине года. Особенно плохо обстояло дело со снабжением крупой, жирами, мясом и рыбой. Этими продуктами горняки едва обеспечивались от 10 до 20% положенной нормы.

Таким образом, на протяжении года многие горнорабочие голодали. «Исключительная важность вопроса о питании рабочих, — вспоминает

⁶¹ Свыше месяца — с 10 февраля до 23 марта 1920 г. — товарищ Сталин напряженно работал в Харькове, сосредоточив особое внимание на разработке мероприятий по возрождению угольного Донбасса, восстановлению транспорта Украины и организации продовольственного дела. Только в связи с серьезной опасностью, нависшей над страной, товарищ Сталин вынужден был оторваться от непосредственного руководства Украинским Советом трудовой армии и, по указаниям В. И. Ленина и Политбюро ЦК РКП(б), сосредоточил основное внимание на руководстве военными операциями Красной Армии против польских захватчиков и Врангеля.

⁶² «Украинская промышленность в 1920 году». Харьков, 1921, стр. 11.

товарищ Шварц (Семен), — заслоняла все другие вопросы. Благо, что в то время был еще некоторый запас зернофуража (ячменя). Таким образом, жертвуя лошадьми, кое-как поддерживали рабочих. От ячменного хлеба среди них стали развиваться желудочно-кишечные заболевания. При таком положении вещей о спокойной работе речи быть не могло, так как от полуголодного и истощенного рабочего трудно требовать продуктивного труда»⁶³

Не лучше обстояло дело и со снабжением горнорабочих спецодеждой, обувью и мануфактурой. Восстановление шахт и нормальная производственная работа не только под землей и в сырости, но и на поверхности не была возможна без обуви и спецодежды. Поэтому вскоре после освобождения Донбасса донецким горнякам, по указанию Советского правительства, было отпущено и в феврале 1920 г. распределено 1 200 тыс. аршин мануфактуры.⁶⁴

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 18 февраля 1920 г. и решениями Украинского совета трудовой армии, принятыми по инициативе товарища Сталина, в мае, июне и июле 1920 г. из Москвы для донецких горнорабочих было получено 632 кипы (около 1 млн. арш.) хлопчатобумажной ткани, 352 кипы (около 110 тыс. арш.) сукна и 1874 кипы (около 560 тыс. арш.) брезентовой парусины.

Кроме того, через мануфактурную комиссию Промбюро было получено 1 226 663 арш. разной мануфактуры для раздачи по 7 арш. всем рабочим. При раздаче этой мануфактуры образовался остаток в 465 300 арш., часть которого (375 тыс. арш.) была выдана рабочим в виде премии, 20 тыс. арш. употреблено на изготовление производственной одежды, а прочее оставлено в резерве. Часть обмундирования и обуви выделил для донецких горняков Юго-западный фронт. К началу октября харьковские, луганские и таганрогские Губодежды изготовили 43 300 полных комплектов спецодежды, 9966 брезентовых гимнастерок, 9510 пар брюк и 73 105 штук нижнего белья, все это было роздано забойщикам и другим подземным рабочим.⁶⁵

Все же военные действия и трудности, вызванные войной и разрухой, не дали возможности на протяжении 1920 г. ликвидировать недостаток в спецодежде и обуви. Наиболее нуждающиеся категории горнорабочих (забойщики, крепильщики и др.) были обеспечены к концу года спецодеждой и обувью только на 40—50% потребности.

Большое внимание и заботу о шахтерах Донбасса проявили рабочие других районов страны, и особенно рабочие Москвы, Петрограда и Ростова. Рабочие Москвы в подарок донбассовцам высылали обувь и мануфактуру. Питерские рабочие в качестве подарка донецким шахтерам высылали в декабре 1920 г. 1 742 600 папирос, 48 060 сигар, 59 ящиков махорки, 7½ ящиков спичек, 7 ящиков мыла, 2 ящика легкого табаку, большое количество писчей и курительной бумаги, зубного порошка, зубные щетки и др. Ростовские рабочие отправили в Донбасс 1 млн. папирос, 1200 пуд муки, 25 пуд мыла и 50 пуд. соли. Кроме того, рабочим Донбасса был отчислен однодневный паек всех столовых Ростова.⁶⁶

В ноябре 6-я армия выслала в качестве подарка донецким горнорабочим 6 тыс. индивидуальных пакетов, 2 млн. папирос, 70 пуд. махорки, 30 пуд. мыла и десятки тысяч других вещей. «Нами разбит

⁶³ «По пути Ильича», стр. 169.

⁶⁴ «Трудовая армия», № 8, 22 IV 1920.

⁶⁵ «Украинская промышленность в 1920 году», стр. 13.

⁶⁶ «Всероссийская кочегарка», № 125, 31 XII 1920.

Врангель — стальным закалом, железной волей и непрерывным трудом уничтожьте хозяйственную разруху. Миллионы пудов угля Россия должна получить так же быстро, как Красной Армией был разбит Врангель», — писали командиры и красноармейцы донбассовцам.⁶⁷

Забота партии, правительства и рабочих страны о Донбассе вызвала горячую благодарность донецких горняков, которые в ответ на высылаемые им одежду, ткани и другую помощь отвечали дружным производственным подъемом. «Рабочие Петро-Марьевских и Варваропольских рудников», — сообщала газета «Известия» от 23 июня 1920 г., — в благодарность за полученную мануфактуру на второй день Троицы 31 мая сделали бесплатную упряжку»⁶⁸. В ответ на высланные из Москвы и Петрограда мануфактуру и другие подарки от рабочих России и Красной Армии общее собрание рабочих одного рудника 12 июня 1920 г. вынесло резолюцию: «все усилия для того, чтобы дать товарищам Севера возможно больше угля, который даст возможность и Северу одеться, обуться, создать новую и счастливую жизнь»⁶⁹.

Ответ рабочих рудника как нельзя лучше отражал настроение и благодарность всех донецких горняков партии, правительству и рабочим России за ту заботу о них, которая неустанно проявлялась в тяжелые годы продолжавшейся интервенции и хозяйственной разрухи.

По указанию товарища Сталина, Украинский совет трудовой армии и Центральное управление угольной промышленности приняли необходимые меры по жилищному благоустройству и медико-санитарному обслуживанию горняков. С марта 1920 г. начались работы по ремонту жилищ, водопроводов и канализации, по очистке рабочих поселков от развалин и мусора. В этой работе приняли активное участие сами рабочие и трудармейцы.

Благодаря принятым мерам к октябрю 1920 г. при огромном недостатке строительных материалов и рабочих рук было построено и отремонтировано 4500 квартир для семейных горнорабочих, 2500 квартир для одиноких и 300 казарм-общежитий.⁷⁰ Кроме того, согласно решению Совета Народных Комиссаров, из рудничных квартир были выселены нетрудовые элементы и люди, не связанные с работой в угольной промышленности.

Наряду с мероприятиями по жилищно-бытовому устройству Украинский совет трудовой армии особое внимание уделил медико-санитарному обслуживанию горняков и их семей. По предложению товарища Сталина, в Донбассе при Центральном управлении угольной промышленности было образовано санитарное управление, в распоряжение которого Юго-западный фронт и Наркомздрав УССР направили лучшие медицинские кадры, медикаменты, препараты и необходимое больничное оборудование. С февраля 1920 г. во всем бассейне развернулась работа по благоустройству больниц, амбулаторий, госпиталей, противоэпидемических пунктов, бань, диетических столовых, отделов охраны материнства и детства.

Весной и летом 1920 г. в Донбассе было проведено свыше тысячи санитарных митингов и научно-популярных лекций, распространено большое количество литературы по санитарии и гигиене, расклеены

⁶⁷ «Коммунист» (Харьков), № 279, 5 XII 1920.

⁶⁸ «Известия» — орган Донецкого Исполкома и К-та КП(б)У, № 126, 23 VI 1920.

⁶⁹ «Трудовая армия», № 20, 12 VI 1920.

⁷⁰ «Трудовая армия», № 91, 25 XII 1920.

тысячи плакатов, организованы передвижные санитарные выставки в городах и рабочих поселках. Больным горнорабочим оказывалась бесплатная медицинская помощь на дому; одновременно проводились профилактические мероприятия по обезвреживанию источников инфекции. Для борьбы с эпидемическими заболеваниями летом 1920 г. в Донбасс было направлено 20 противоэпидемических отрядов, снабженных всеми необходимыми медикаментами и препаратами.⁷¹

К октябрю 1920 г. Донбасс имел уже значительную сеть больниц, амбулаторий и большое количество медицинского персонала. В «Обзоре» Наркомздрава УССР отмечалось, что на 1 ноября 1920 г. в Донбассе «действует 259 больниц, 95 врачебных амбулаторий, 187 фельдшерских пунктов и 169 зубо врачебных амбулаторий». в больницах имеется 13 630 коек, т. е. 1 койка на 220 человек, а в рабочих районах Александрово-Грушевском, Юзовском, Енакиевском и других — 1 койка приходится на 100 человек.. Общее количество медперсонала выражается в следующих цифрах: врачей 535, лекпомов 1312, акушеров 232, сестер милосердия 490, фармацевтов 266 и зубных врачей 183. Довольно хорошо организована в рабочих районах Донбасса лечебная помощь на дому: в определенные часы дня больничные врачи обязаны посещать больных на дому.. По снабжению медикаментами Донбасс, по сравнению с другими местами Украины, занимает первое место по количеству коек и числу рабочих, получая, как ударная губерния, $\frac{1}{5}$ часть всех медикаментов, предназначенных для Украины».⁷²

Одновременно партийные и советские органы повели борьбу с детской беспризорностью. За период интервенции и хозяйничанья белогвардейцев в бассейне появилось до 40 тысяч сирот, детей рабочих, расстрелянных интервентами и белогвардейцами. Эти дети были брошены на произвол судьбы, бродяжничали, гибли от голода и холода. Естественно, что советские и партийные органы не могли не принять самых энергичных мер по борьбе с беспризорностью детей донецких пролетариев. Получив государственную помощь, донецкие органы власти организовали дома для беспризорных и 71 детскую столовую с пропускной способностью на 29 тысяч детей.⁷³

Впервые в истории горнорабочих Донбасса появилась сеть учреждений по охране материнства и младенчества. К концу 1920 г. в районах бассейна были созданы дома для детей, детские ясли, консультации, дома матери и ребенка. Всего было создано 64 учреждения по охране материнства и младенчества, обслуживавших 2200 детей рабочих.⁷⁴

Разумеется, то, что удалось сделать за такой короткий срок в тяжелых условиях, не могло еще удовлетворить всех жилищно-бытовых и медико-санитарных запросов горнорабочих. Предстояла еще большая работа по оздоровлению бытовых и гигиенических условий жизни горняков и их семей. Однако меры, принятые государственными органами, значительно уменьшили распространение эпидемий в бассейне, улучшили коммунальное обслуживание рабочих, обеспечили бездомных горняков жильем, медицинской помощью, банями и диетическими столовыми.

Таким образом, ленинско-сталинская забота о снабжении и здоровье горнорабочих, о жилищно-бытовом благоустройстве, медико-санитарном обслуживании их являлась одним из важных факторов в борьбе за возрождение донецкой угольной промышленности

⁷¹ ЦГАКА, ф. 241, оп. 3, д. 133, лл. 27, 31.

⁷² Там же, л. 38.

⁷³ Там же, л. 28.

⁷⁴ Там же, л. 32а.

V

Не упуская из виду новой военной опасности, большевистская партия, по призыву В. И. Ленина и И. В. Сталина, в начале 1920 г. направила основные силы на борьбу с хозяйственной разрухой. Указания, данные товарищем Сталиным большевикам Украины и Донбасса, мобилизовали и вдохновляли донецких рабочих на решение труднейшей общегосударственной задачи — восстановления «всероссийской кочегарки», ибо, как указывал товарищ Сталин на IV конференции КП(б) Украины, — «Основной вопрос в восстановлении народного хозяйства — это вопрос топливный».⁷⁵ Катастрофическое состояние донецкой угольной промышленности, отсутствие большевистской партийной работы среди горнорабочих, вражеская работа антисоветских партий и политических группировок, троцкистских и местнических элементов, стремившихся сорвать экономическую политику Советской власти, необходимость привлечь к работе специалистов горного дела и установить с ними контакт в работе — все это вызвало острую необходимость принятия чрезвычайных мер по созданию временного специального партийно-политического аппарата — Политотдела Донбасса и развертывания партийно-массовой работы среди горнорабочих.

Уже 3 января 1920 г. товарищ Сталин в своей телеграмме В. И. Ленину просил поторопить Оргбюро в смысле срочной отправки на Юг нужных работников.⁷⁶ Позднее, в своей телеграмме В. И. Ленину от 19 февраля 1920 г., товарищ Сталин, указывая на причины тяжелого состояния Донбасса, отметил полное отсутствие партийной и политической работы. Вполне понятно, что отсутствие кадров партийных работников, способных возглавить и организовать рабочих на восстановление «всероссийской кочегарки», могло стать серьезным препятствием в деле возрождения угольной промышленности.

Учитывая тяжелое состояние Донбасса, ЦК РКП(б) в первой половине 1920 г. направил туда 153 ответственных партийных работника для руководства советскими и партийными органами, а также для организации партийно-политической и профсоюзной работы на предприятиях.⁷⁷

20 февраля 1920 г., т. е. через несколько дней после своего учреждения, Украинский совет трудовой армии принял следующее постановление:

«1. Поручить Политотделу Югозапфронта в недельный срок организовать при Центральном управлении угольной промышленности Политотдел угольной промышленности с функциями учета и распределения коммунистов в Донбассе, организации партакчеек на предприятиях и руководства их работой, организации широкой массовой агитации путем созыва беспартийных конференций рабочих и крестьян Донбасса, организации политпросветительных и культурно-просветительных учреждений.

2. Кандидат на должность заведующего Политотделом угольной промышленности выдвигается Укрсовтрудармом и представляется на утверждение ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У.

Председатель Укрсовтрударма *И. Сталин*». ⁷⁸

⁷⁵ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 296.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, 1920 г., д. 15, л. 1.

⁷⁷ Отчет ЦК КП(б)У к V Всеукраинской конференции КП(б)У, Харьков, 1920, стр. 10, табл. 5.

⁷⁸ «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 169—170.

Это решение вскоре начало выполняться. Уже в конце февраля 1920 г группа партийных работников прибыла в Донбасс и приступила к организации Политотдела.⁷⁹

С первых же дней работы перед Политотделом стояла основная задача, поставленная В. И. Лениным в ноябре 1919 г перед всей партией и страной «Надо суметь,—говорилось в циркулярном письме В. И. Ленина,—теперь сосредоточить главные силы на нашем главном (в настоящую минуту) враге: на топливном голоде, надо суметь вызвать в трудящихся массах энтузиазм, надо добиться революционного напряжения энергии для самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества всяческого топлива. Все партийные организации должны отныне постоянным пунктом порядка дня партийных собраний и, в первую очередь, собраний партийных комитетов ставить топливный вопрос и борьбу с топливным кризисом. Что можем мы еще сделать, что мы должны сделать для борьбы с топливным кризисом? как усилить эту работу? как сделать ее продуктивнее? — пусть эти вопросы займут сейчас все партийные организации».⁸⁰

Во исполнение ленинско-сталинских указаний в Донбассе Политотделом было выработано «Положение», определявшее конкретные мероприятия по партийно-политической работе среди донецких большевиков и всех горнорабочих угольных предприятий «В целях поднятия производительности Донецкого бассейна, содействия милитаризации промышленности, поднятия трудовой дисциплины в рабочих массах Донбасса, товарищеского объединения трудчастей с рабочими и усиления среди них политической просветительной работы,—говорилось в «Положении»,—организуются Политотдел Донецкого бассейна. В задачи Политотдела входит: а) развитие и укрепление коммунистического сознания в рабочих массах и трудчастях Донбасса и вовлечение их в общий процесс восстановления народного хозяйства; б) организация и укрепление коммунистических ячеек на милитаризованных фабриках, заводах, рудниках и в трудчастях, руководство их работой и содействие широкой культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работе, соответственно с хозяйственными задачами Донбасса... Политотдел Донецкого бассейна распространяет свою деятельность на трудчасти и на милитаризованные предприятия Политотделу Донецкого бассейна, через свои органы и лиц, на то уполномоченных, предоставляется право политического контроля всех учреждений и предприятий милитаризованной промышленности

Результаты контроля сообщаются соответствующим центральным хозяйственным органам

Свою работу Политотдел ведет в соответствии с производственными заданиями и планами Центрального управления каменноугольной промышленности и другими центральными управлениями милитаризованных предприятий Донбасса, совместно с Губернским комитетом партии и заинтересованными хозяйственными органами и вырабатывает общий план работы.»⁸¹

Однако при осуществлении поставленных задач Политотдел встретил серьезные трудности. Еще не окрепшие местные партийные организации и советские органы власти своими силами не могли искоренить вражескую работу меньшевиков, петлюровцев и боротьбистов, спеку-

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, 1920 г., д. 484, л. 25

⁸⁰ В. И. Ленин Соч., т. XXIV, стр. 533

⁸¹ «Революционный фронт», № 6, июль 1920 г., стр. 52.

лировавших на продовольственных и других трудностях и провоцировавших рабочих на забастовки. Перекрасившиеся в «беспартийных», эти вражеские элементы развернули почти на всех рудниках контрреволюционную агитацию за срыв мероприятий партии и правительства по возрождению угольной промышленности. Они выступали против милитаризации предприятий и выделения наиболее важных из них в ударную группу, требовали «уравнительного» обеспечения продовольствием всех рабочих и т. п.

Под влиянием антисоветской агитации вражеских элементов весной и летом 1920 г. в бассейне на некоторых рудниках рабочие были спровоцированы на забастовки и уход с предприятий. Благодаря усиленной политической работе Политотдела забастовки ликвидировались в самом начале. Сообщая о борьбе с антисоветской агитацией и забастовками, сотрудники Политотдела писали, что они «ведут крайне ответственную массовую работу по борьбе с этими явлениями». ⁸²

Надо подчеркнуть, что во всех производственных районах и предприятиях, в которых была организована Политотделом и местными партийными организациями действительно большевистская политическая работа, рабочие не только не бросали работу и не ослабляли ее, а наоборот, с революционным энтузиазмом, не щадя времени и сил, восстанавливали предприятия и увеличивали добычу. В отчете Политотдела за июль — август 1920 г. говорится: «Но та же рабочая масса столь глубоко осознала отличие Советской власти от какой-либо другой, что достаточно уполномоченным напомнить об обязанностях, стоящих перед рабочим классом в эпоху борьбы за власть Советов, за социалистическую революцию, как те же рабочие, которые только что бросали работу, сами решают немедленно приступить к работам и пропущенное время отработать. Очень часто решают отработать в двойном размере». ⁸³

Работа в угольных районах затруднялась еще и потому, что, как указывается в отчете Политотдела за март — апрель 1920 г., значительное количество партийных организаций «страдают отсутствием опытных работников и заражены в большей части местничеством, нередко пьянством, а в Гришинском, части Юзовском районах даже махновщиной». ⁸⁴

Не менее серьезную борьбу приходилось вести с антипартийными троцкистскими и сапроновскими элементами, засевшими в руководящих партийных и советских органах. Троцкисты стремились сорвать партийно-массовую и культурно-просветительную работу среди горно-рабочих; они игнорировали руководящую роль партийных организаций в профсоюзах, пытались насаждать голое администрирование и бюрократические методы руководства. Вражеские элементы боролись против ленинско-сталинских принципов экономической политики и осуществления решений IX съезда партии, считали «нецелесообразным» централизованное руководство государственными предприятиями угольной промышленности, добиваясь подчинения ее донецкому Губсовнархозу. Демагогически отстаивая безбрежную «коллегияльность», сапроновцы боролись против единоначалия и строгой ответственности руководителей предприятий на производстве, поддерживая, таким образом, меньшевиков, анархо-махновцев и саботажников, окопавшихся во многих предприятиях и в районных управлениях.

⁸² ЦГАКА, ф. 241, оп. 2, д. 14, л. 347.

⁸³ «Трудовая армия», № 72, 3. XI 1920.

⁸⁴ «Революционный фронт», 1920, № 5, стр. 56.

Большевистская партия дала сокрушительный отпор антипартийным троцкистским, сапроновским и местническим элементам, помогавшим внутренним и внешним врагам Советского государства

Основная задача Политотдела, как и донецкой партийной организации, заключалась в том, чтобы обеспечить четкую реализацию решений партии и указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина и организовать такое руководство промышленностью, которое обеспечило бы интересы Советского государства и рабочего класса в целом «Надо в особенности бороться,— писал В. И. Ленин,— против господства местных и меснических, узко-эгоистических интересов в топливном деле. Надо разъяснить, что без самоотверженной работы на общегосударственные нужды нельзя спасти республики Советов, нельзя отстоять власть крестьян и рабочих».⁸⁵

Для осуществления поставленных задач Политотдел располагал значительными кадрами партийных работников. За полгода в распоряжение Политотдела прибыло 430 работников,⁸⁶ которые развернули свою работу на угольных предприятиях. Вся политическая, агитационная и культурно-просветительная работа Политотдела была построена в соответствии с решениями IX съезда РКП(б) и производственными задачами Донбасса. Инструкторами Политотдела и партийными организациями созывались беспартийные конференции, на которых, как правило, подвергались обсуждению вопросы о внешнем и внутреннем положении Советской республики, экономическое положение Донбасса и милитаризация угольной промышленности, основные задачи угольных районов, рудников и отдельных шахт, о деятельности большевистской партии.⁸⁷ Одновременно под руководством Политотдела и Губкома партии были организованы массовые мероприятия помощи фронту и ряд кампаний: «недели фронта», «недели партии», «недели раненого красноармейца»; на железной дороге была проведена «неделя транспорта и чистоты», по всем районам бассейна проведена «неделя трудового фронта» Политотдел проводил большую работу по разъяснению очередных задач Советской власти в связи с выборами в Советы. «При непосредственном и живом участии Политотдела прошли кампании по замене Ревкомов Советами и по выборам на Губернский съезд Советов. Работа дала результаты. Советы в большинстве коммунистические, состав Губсъезда — тоже».⁸⁸

Во всей этой работе Политотделу и донецкой партийной организации пришлось вести серьезную политическую борьбу с вражеским влиянием на рабочих со стороны меньшевиков, эсеров и боротьбистов, в некоторых районах необходимо было искоренять махновщину. Часть рабочих «находилась под влиянием враждебных нам политических групп,— говорится в отчете Политотдела Украинскому совету трудовой армии,— меньшевики и боротьбисты имели сильные организации и всюду глушили головы рабочим; ныне же, как показали выборы в Советы, меньшевики авторитет в рабочей массе потеряли».⁸⁹

Политотдел и партийные организации энергично боролись за установление условий товарищеского сотрудничества горнорабочих с ин-

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 533

⁸⁶ ЦГАКА, ф. 241, оп. 2, д. 14, л. 367.

⁸⁷ «Трудовая армия», № 72, 3.XI 1920.

⁸⁸ «Революционный фронт», 1920, № 5, стр. 55 Отчет Политотдела Украинскому совету трудовой армии.

⁸⁹ Там же, стр. 56. Необходимо отметить, что меньшевистские организации в Донбассе были особенно сильны в наиболее крупных угольных районах. Это объясняется тем, что в период хозяйничанья интервентов и Деникина меньшевистские

женерно-техническим персоналом, лояльно относившимся к мероприятиям Советской власти, они вели борьбу против «спекедства» и всевозможных придирок и подозрений по отношению к специалистам, изъявившим желание работать на предприятиях. Наряду с этим партийные и профсоюзные организации выдвигали передовых горнорабочих на руководящие посты предприятий, кустовых и районных управлений.

Особое внимание Политотдел сосредоточил на организации партийных ячеек, вовлечении в партию передовых кадровых горнорабочих и организации партийно-просветительной и культурно-массовой работы на рудниках. За полгода работы, — сообщал в своем докладе начальник Политотдела, — Политотдел организовал 120 партийных ячеек, 26 комсомольских ячеек, 20 школ грамоты, 3 школы политграмоты, 25 клубов и читален, 17 культкомиссий, проведено 524 рабочих митинга, 95 лекций, 111 спектаклей и концертов, 37 киносеансов, 82 собеседования с рабочими, 18 субботников и воскресников; проведено 123 рабочих собрания, 8 спортивных дней, распределено 290 049 газет, 22 092 названия литературы, 1769 учебников, 2172 экземпляра журналов, 117 932 плаката и листовки, 228 портретов вождей, укомплектовано 173 библиотеки. Издательским отделом издано 10 800 брошюр, 8575 лозунгов, 36 600 листовок, 186 учебников и 37 880 газет.⁹⁰ К концу года Политотдел в своей работе опирался на 376 партийных организаций, насчитывавших 7275 членов и 1139 кандидатов в члены партии.⁹¹

Наряду с организацией партийных ячеек на предприятиях и вовлечением в партию передовых кадровых рабочих, вынесших на своих плечах борьбу с врагами Советской власти, Политотдел и Губернский комитет партии провели перерегистрацию коммунистов в соответствии с указаниями ЦК РКП(б), данными в письме «Ко всем организациям коммунистической партии Украины» от 7 апреля 1920 г.⁹² В период перерегистрации партийные организации Донбасса изгоняли из своей среды вражеские элементы, надевшие маски коммунистов, примазавшихся меньшевиков и эсеров, а также освобождались от беспринципных, авантюристических попутчиков, уличенных в демагогии, полумахновщине и распушенности.

Расширение идейно-политической работы и перерегистрация членов и кандидатов партии значительно укрепили авторитет партийных организаций среди трудящихся. За счет преданных партии Ленина — Сталина революционных рабочих партийные организации Донбасса стали быстро расти количественно и качественно.

Каждый вновь вступивший в ряды большевистской партии рабочий укреплял ее силу и влияние среди трудящихся бассейна. Каждая вновь организованная партийная и комсомольская ячейка на предприятии умножала сеть форпостов, на которые опиралась партия в борьбе с интервентами и разрухой.

организации существовали легально и активно сотрудничали с интервентами и белыми, в то время как большевистские организации были в глубоком подполье и в борьбе с интервентами многие из них были разгромлены. По сообщению председателя Юзовского комитета партии, в начале января 1920 г., когда Юзовский район был освобожден от белых, «район кишел меньшевиками, которые пытались создать свой ревком, но большевистская инициативная группа во время захватила власть и разбила меньшевиков» (ЦГАОР, ф. 2313, оп. 49, д. 1—12, л. 19). То же самое произошло и в других районах.

⁹⁰ ЦГАКА, ф. 241, оп. 2, д. 14, лл. 365—366.

⁹¹ «Всероссийская кочегарка», № 92 (242), 13 ноября 1920 г.

⁹² «Коммунист», журнал, орган ЦК КП(б)У, 1920 № 1, стр. 3.

Грозная обстановка потребовала от донецкой партийной организации огромного трудового напряжения и мобилизации лучших своих сил — коммунистов и комсомольцев на фронт. Руководитель донецких большевиков товарищ Артем (Сергеев) в своем докладе «О текущем моменте» на 2-й донецкой губернской конференции КП(б)У 6 июня 1920 г. четко наметил план и задачи донецких большевиков в связи с нависшей опасностью. В резолюции по его докладу конференция обязала все партийные организации развернуть «широкую агитацию для поднятия всего трудящегося населения на священную, решительную, поголовную борьбу с иноземным нашествием..., поднять дисциплину и энергию труда до таких пределов, чтобы не ослаблялось снабжение действующих армий и предохранить промышленность и транспорт от возможного развала..., милитаризовать и превратить партийные организации в гибкий боевой аппарат, который должен быть образцом для всех других милитаризованных и боевых аппаратов страны»⁹³.

В ответ на призыв большевистской партии трудящиеся бассейна с оружием в руках выступили на защиту родного Донбасса. По заданию ЦК КП(б)У, донецкая партийная организация в июне—августе 1920 г. направила на польский фронт 430 коммунистов и в сентябре на врангелевский фронт — 188 коммунистов,⁹⁴ не считая сотен и тысяч комсомольцев и беспартийных рабочих, ушедших на фронт добровольно. Кроме того, в это же время была проведена мобилизация членов профсоюзов, в результате которой было направлено на врангелевский фронт 1360 членов профсоюзов, что составляло 136% задания ЦК КП(б)У, а также мобилизовано на продовольственную работу 1650 рабочих, в том числе 300 коммунистов.⁹⁵ Отъезжая на фронт, донбассовцы заверяли большевистскую партию и рабочих в том, что они будут «героически драться с врагом и вернутся победителями».

В свою очередь, коммунисты и горнорабочие, оставшиеся на предприятиях, обещали обеспечить семьи фронтовиков и добиться победы на трудовом фронте, но «если же фронту понадобится наша помощь, знайте, что мы все, от мала до велика, выступим с оружием в руках для защиты социалистического отечества».⁹⁶

В помощь донецкой партийной организации Политотдел Юго-западного фронта в конце апреля 1920 г. направил в Донбасс специальный агитационно-инструкторский поезд имени товарища Сталина⁹⁷.

⁹³ «Трудовая армия», № 50, 25. VIII 1920.

⁹⁴ Отчет ЦК КП(б)У V Всероссийской конференции КП(б)У, Харьков, 1920, стр. 11.

⁹⁵ Там же, стр. 12, табл. 9, 10.

⁹⁶ «Путь Советов» (Енакиево), № 45, 5 IX 1920.

⁹⁷ Поезд имени товарища Сталина был организован по инициативе Политотдела Юго-западного фронта с целью а) разъяснения населению Украины политики партии и правительства, б) оказания помощи партийным организациям и населению в организации и укреплении органов Советской власти и восстановлении народного хозяйства, в) организации прочного тыла Красной Армии и мобилизации всех сил на быстрое окончание войны с интервентами (ЦГАКА, ф. 102, д. 4, л. 29). В приказе по армии фронта был утвержден штат поезда в 105 человек (ЦГАКА, ф. 102, д. 96а, л. 6), в который кроме ответственных партийных работников, агитаторов и лекторов были включены музыкально-театральная и концертная труппы. В поезде были оборудованы типография, радиостанция, фотография. В докладной записке начальника поезда в Политотдел Юго-западного фронта о плане поездки в Донбасс говорилось: «Огромная роль, какую играет Донбасс в промышленной жизни Советской России, экономический развал и распад, наблюдаемый в рядах донецкого пролетариата, требуют продолжительной и особо прикованной к местным условиям агитационно-организационной работы. Одним из сильных орудий такой работы является Агитпоезд. Донбасс имеет право требовать прикрепления к нему поезда имени пред-

По прибытии 2 мая в город Луганск, агитпоезду был утвержден маршрут Юзовка, Дебальцево, Горловка, Щегловка, Макеевка, Енакиев, Бахмут, затем поезд объехал Лисичанский, Марьевский, Алмазный, Славяносербский, Фашевский, Гришинский, Кридачевский и другие районы. На протяжении мая — июня политработники агитпоезда охватили массовой агитационной работой основные районы и наиболее крупные предприятия бассейна. Пропагандисты, лекторы и агитаторы всюду проводили митинги, лекции и беседы о решениях IX съезда РКП(б), о международном положении, об организации помощи Красной Армии, о трудовой повинности и о борьбе с труддезертиризмом, туеядцами и шкурниками.

Особое внимание политработники агитпоезда уделили разъяснению роли «всероссийской кочегарки» для народного хозяйства и обороны страны и задач, поставленных В. И. Лениным перед Союзом горнорабочих на его первом учредительном съезде. На рудниках и шахтах проводились собрания, партийные и беспартийные конференции, издавались стенные газеты и многотиражки, посвященные роли и участию членов профсоюзов в организации производства и борьбе за повышение производительности труда. Одновременно проводилась работа по организации низового профсоюзного руководящего аппарата и очищению его от меньшевиков, эсеров и петлюровско-маховских элементов. Выступления театральной и концертной трупп агитпоезда посвящались актуальным политическим, хозяйственным и военным темам, во всех клубах, читальнях и красных уголках были организованы постановки пьес, концертные выступления, демонстрировались кинохроники, мобилизовавшие трудящихся на борьбу с разрухой и быстрейшее окончание войны с интервентами.

За свое двухмесячное пребывание в Донбассе агитпоезд имени товарища Сталина значительно оживил политическую самостоятельность горнорабочих.⁹⁸ «Малоактивная до этого горняцкая масса, — говорится в 5-летнем обзоре деятельности Союза горнорабочих Донбасса, — горит желанием принять самое деятельное участие в советском строительстве. На всех рудничных собраниях ярко вырисовывается революционное настроение горняков. Политические и профсоюзные работники восторженно встречаются рабочими и работниками. Принимаются резолюции о поддержке Советской власти, об увеличении добычи».⁹⁹

седателя Украинского совета трудовой армии товарища Сталина» (ЦГАКА, ф. 102, д. 168, лл. 51—52).

⁹⁸ Поезд имени товарища Сталина во второй половине июля 1920 г. был направлен в армию (см. распоряжение нач. Поюгапа от 21 июля 1920 г. — ЦГАКА, ф. 102, д. 168, л. 148). С конца июня и до второй половины декабря 1920 г. агитпоезд проделал большую работу по укреплению тыла на Украине. Вражеские элементы неоднократно пытались подготовить крушение поезда, и это им удалось осуществить в декабре 1920 г. В телеграмме из Александровска от 24 декабря 1920 г. вридначвоенкома сообщил в Харьков: «22. XII на перегоне Ново-Гуполовка — Софиевка поезду подготовлена была катастрофа, разобраны рельсы, порваны провода. Своевременное обнаружение за пять минут спасло поезд. На 24 декабря при переброске поезда со станции Александровск-Южная на Александровск-Екатерининская повторенная врагами революции злостная попытка уничтожить поезд увенчалась успехом. Поезд был направлен по пути Александровск — Пологи на полном ходу на взорванный 2 месяца назад белыми мост на высоте в 18 саженей. Паровоз обрушился вниз, увлекая за собой вагоны. Последствия катастрофы: разбито и сгорело 14 вагонов, убито 26, среди них 3 политработника, раненых 50 человек. Погиб т. Валентинов, Щербakov... Приняты срочные меры по восстановлению работоспособности. Работа в существенном не нарушена, производится расследование» (ЦГАКА, ф. 102, д. 24—449/V, лл. 280—282).

⁹⁹ «5 лет Союза горнорабочих в Донбассе», Артемовск, 1925, стр. 98.

Энергичная и плодотворная работа агитационно-инструкторского поезда имени товарища Сталина помогла донецкой партийной организации выполнить решения I съезда Союза горнорабочих о ликвидации меньшевистско-эсеровского «Горнотруда» и о создании мощного профессионального Союза донецких горняков.

Под руководством большевистской партии донецкий Союз горнорабочих разоблачил и изгнал меньшевистско-эсеровских лидеров «Горнотруда», стремившихся оторвать Союз горнорабочих от большевистской партии и профсоюзов России, противопоставить его Советской власти и замкнуть в скорлупу областничества. Идеинный разгром антисоветских политических группировок в бассейне дал возможность сплотить членов Союза горнорабочих вокруг большевистской партии, расширить его связи с профсоюзами всей страны и мобилизовать горнорабочих на возрождение угольной промышленности.

Уже в середине июня 1920 г. Донбасс покрылся густой сетью спаянных между собой местных органов Союза горнорабочих. На всех шахтах были избраны уполномоченные, рудничные комитеты и райкомы, которые немедленно включились в активную работу. К 15 июня в бассейне было организовано 86 рудничных комитетов, охвативших 118 710 членов союза.¹⁰⁰

V

На призыв партии Ленина — Сталина — быстрее возродить «всероссийскую кочегарку» и дать стране уголь донецкие горнорабочие, вдохновляемые великими победами Красной Армии, отвечали мощным трудовым подъемом.

Трудовой подъем, охвативший донецких горнорабочих в 1920 г., явился результатом выполнения сталинских мероприятий по возрождению Донбасса и той глубокой заботы большевистской партии и трудящихся нашей страны, которая является постоянным источником растущей мощи «всесоюзной кочегарки».

Несмотря на невиданные трудности, всюду среди широких слоев горнорабочих пробуждались инициатива, энергия и самоотверженный труд в борьбе с разрухой. С первых же дней после освобождения Донбасса раздетые, разутые и полуголодные донецкие горняки принялись спасать затопленные, взорванные и разрушенные врагом шахты, подъездные пути и электростанции. Закипела работа по откачке воды, восстановлению поверхностных сооружений шахт, котельного хозяйства, жилых домов.

Основная масса рабочих требовала внедрения твердого порядка и дисциплины на предприятиях, применения против лодырей и шкурников революционной законности.

Нарушителей трудовой дисциплины и дезорганизаторов производства администрация и горнорабочие привлекали к ответственности перед дисциплинарными судами,¹⁰¹ которые были организованы на предприятиях. Дезертиров трудового фронта, шкурников и расхитителей

¹⁰⁰ Там же, стр. 97—98.

¹⁰¹ Дисциплинарные суды были введены на предприятиях в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 12 декабря 1919 г. (см. Полное собрание узаконений и распоряжений Раб-Крестьянского правительства за 1919 г., № 56, § 537, стр. 573). В их состав входили представители администрации предприятия, профсоюзной организации и рабочих.

народного добра рабочие клеймили как предателей революции, пособников врага, предавали их революционному трибуналу¹⁰² и изгоняли из своей среды. Отдавая себе отчет в тех лишениях и жертвах, какие несла Красная Армия на полях сражения, донбассовцы со всей революционной энергией стремились дать все необходимое армии и стране для быстрой победы. Во имя победы на трудовом фронте они сознательно шли на все жертвы и лишения, без которых невозможно было победить на военном и трудовом фронтах.

По примеру передовых рабочих Советской России, донбассовцы добровольно увеличивали свой рабочий день, организовывали субботники и воскресники, соревновались на более высокую производительность труда. В Александро-Грушевском районе шахтеры, чтобы увеличить добычу и вывоз угля, постановили производить работы на всех шахтах по субботам и воскресеньям.¹⁰³ Общее собрание рабочих и служащих бывших шахт братьев Дитман постановило 13 февраля 1920 г. «принять меры к усилению работы по добыче угля, не считаясь с часами работ»¹⁰⁴ Обсуждая вопросы производительности труда, горняки Рыгинского рудника заверяли партию и Советскую власть, что они «приложат все силы для восстановления промышленности и окончательно закрепят за собой завоевания революции».¹⁰⁵

Направляющей и организующей силой трудового подъема являлись партийные организации предприятий. Как и на военных фронтах, так и на трудовом, впереди всех были коммунисты. Если до освобождения бассейна трудящиеся видели в лице коммунистов смелых организаторов и героических борцов против самодержавия, контрреволюции и иностранных интервентов, то теперь они увидели в лице коммунистов самоотверженных патриотов и стойких бойцов на трудовом фронте, увлекающих своим примером и умением преодолевать трудности всех трудящихся на строительство социалистического общества. Коммунисты выступили организаторами массовых субботников, воскресников и соревнований, устанавливали твердую дисциплину в работе, своими трудовыми подвигами увлекали беспартийных шахтеров на выполнение производственных заданий.

В июне 1920 г. в Петро-Марьевской копи необходимо было начистить конденсатор с 1800 трубками. За выполнение этой работы надо было уплатить 200 тыс. руб. и вдобавок обеспечить работающих по ремонту продовольственным пайком. «Коммунисты, обсудив положение и важность этой работы,— сообщила газета «Известия»,— в числе 60 человек выполнили эту работу в 2 дня после урочного времени».¹⁰⁶ Коммунисты Горловского подрайона в течение мая 1920 г. погрузили для Луганского патронного завода сверхурочно 25 вагонов угля,¹⁰⁷ в начале июня коммунисты рудника «Екатеринодон» погрузили сверхурочно для того же завода 17 вагонов угля. На 4-м государственном руднике и Алексеево-Леоново коммунисты организовали воскресники по погрузке угля для николаевского оборонного завода «Наваль»; на воскресниках приняли участие и беспартийные рабочие. Вблизи посел-

¹⁰² Революционный трибунал при Центральном управлении угольной промышленности был образован по постановлению Украинского совета трудовой армии от 20 февраля 1920 г. (см. «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 166).

¹⁰³ «Трудовая армия», № 22, 29. VII 1920.

¹⁰⁴ «Коммунист» (орган ЦК и Харьковского губкома КП(б)У), № 40, 18. II 1920.

¹⁰⁵ «Известия» (Луганск), № 87, 6 V 1920.

¹⁰⁶ Там же, № 116, 11. VI 1920.

¹⁰⁷ Там же, № 126, 23. VI 1920.

ка Каменской стараниями подрайонного комитета партии «был установлен насос и пущена в ход брошенная при уходе белогвардейцами шахта. Работа проводилась под наблюдением и руководством председателя комъячейки Эта шахта в июне выдаст 260 тыс пудов угля». ¹⁰⁸

По инициативе коммунистов, между шахтами «Мария» и «Анна» в июне 1920 г было организовано соревнование на лучшее проведение субботников и «соревнование между отдельными шахтами по увеличению производительности труда» ¹⁰⁹ В результате хорошей организации работы и соревнования на обеих шахтах производительность труда повышалась.

Коммунисты и передовые горнорабочие не щадили времени, сил и с риском для жизни героически боролись за каждую шахту, за каждый пуд угля, которого ждали страна и Красная Армия. На Скальковском руднике вспыхнул под землей пожар, тушение которого потребовало спуска в горящую шахту. «Рабочий рудника товарищ Рябушенко с риском для жизни бросился в шахту и потушил пожар, чем спас рудник» ¹¹⁰ На Софийском руднике Петровских государственных заводов 30 июня оборвался канат на шахте № 2. Упавшая клеть пробила полки, разрушила насосы, приспособленные в стволе для откачивания воды, пробила крышу машинного отделения В результате катастрофы были жертвы. Создалась угроза приостановки работ и полного затопления шахты. Однако коммунисты — члены управления товарищи Будников, Данилов, Кубицкий, Дращенко и главный инженер Пирогов приняли энергичные меры по спасению шахты. После суточной работы с риском для жизни им удалось сменить канаты, вытянуть клеть и исправить ствол. ¹¹¹

Несмотря на мобилизацию на фронт коммунистов и горнорабочих, добыча угля в Донбассе, благодаря трудовому героизму рабочих, поднялась в июне против майской на 25% Донбассовцы с гордостью отмечали свою победу на угольном фронте, сопоставляя ее с блестящими успехами Красной Армии, громившей польских захватчиков на Юго-западном фронте. Значенитый рейд 1-й Конной армии и разгром польских армий Пилсудского на Украине, начавшийся под руководством товарища Сталина 5 июня 1920 г, вдохновили донецких горняков на трудовые подвиги. «Победы на боевом фронте являются безусловно результатом хорошо организованного тыла,— писала «Трудовая армия» 24 июля 1920 г — Всеобщее наступление на боевом фронте совпало с всеобщим наступлением на трудовом фронте Наш главный фронт — Донецкий бассейн принес нам уже отрадное известие. Товарищи найдут в этом номере сводку о добыче угля за июнь и убедятся, что интенсивность добычи против мая поднялась на 25% Это большая победа, большой шаг вперед.

Несмотря на тяжелую военную обстановку и наступление банд Врангеля, летом 1920 г увеличивалась не только добыча но и вывоз-

¹⁰⁸ Там же, № 124, 20 VI 1920

¹⁰⁹ Там же, № 120, 16 VI 1920

¹¹⁰ «Коммунист» (Харьков), № 270, 1 XII 1920.

¹¹¹ ЦГАОР, ф 1/5451, д 216, л 301. В постановлении президиума ВЦСПС за № 67 от 22 сентября 1920 г указано: «Президиум ВЦСПС, узнав о героических усилиях, проявленных управлением рудников и сознательными товарищами рабочими Софиевского рудника, выражает глубокую благодарность и постановляет членам управления Будникову, И. Данилову, А. Пирогову, членам рудкома Кубицкому и Дращенко за особо проявленную инициативу и срочные мероприятия выдать одновременно премию в размере троекратной месячной ставки и по 30 аршин материи Всем остальным товарищам, работавшим по борьбе с затоплением рудника, выдать по 25 аршин».

ка угля из бассейна «Работа по погрузке угля в Донбассе все время увеличивается,— писала «Экономическая жизнь» 3 июля 1920 г,— наступление банд Врангеля заставило всех напрячь свои силы. За 13 дней июня погружено 10 563 тыс. пудов угля, кокса и антрацита, тогда как в то же время в марте — 5468 тыс. пудов. Средняя донецкая погрузка в марте составляла 308 вагонов в день, в мае — 411 вагонов, в июне же — 537 вагонов».¹¹²

Под руководством большевистской партии донецкие шахтеры с величайшим революционным воодушевлением и патриотизмом ковали победу над врагом. Они рассматривали свой родной Донбасс как продолжение фронта против интервентов и с величайшей стойкостью преодолевали военные трудности, голод и холод. «Находясь под угрозой захвата Юзовского района Врангелем,— вспоминает тов. Шварц (Семен),— мы все поставили на колеса, чтобы в случае необходимости вывезти все ценное. Но вывезти не пришлось. Красноармейцы и шахтеры отстояли Донбасс. Так, в обстановке голода, нищеты и угрозы бандитских и белогвардейских налетов приходилось работать шахтерам Донбасса. Но они не забывали долга, копали уголь, обеспечивая Республике победу на военном и хозяйственном фронтах. Особенно мне памятные дни 28, 29 и 30 октября 1920 г., когда наряд начальника снабжения армии Юго-западного фронта на добычу и отправку 100 тыс. пуд угля был в точности выполнен. Через четыре дня они получили новое задание. погрузить для нужд Красной Армии и флота 500 тыс. пудов. И это задание было выполнено с честью».¹¹³

В ходе борьбы за быстреее возрождение угольных предприятий и повышение производительности труда рождались подлинные герои трудового фронта, показавшие образцы самоотверженности в преодолении трудностей и достижениях высокой производительности труда. Центральный комитет союза горнорабочих и донецкая печать отмечали наиболее выдающихся из них. В сентябре 1920 г. на Софиевском руднике забойщик тов. Нилов выработал рекордную норму — 18 тыс. пудов угля за 18 упряжек. «Теперь,— писала газета «Металлист и горняк»,— когда производительность труда стоит так низко, когда в среднем на одного забойщика приходится выработки 150—300 пудов, причем эта норма опускается часто ниже, красный герой труда тов. Нилов показал, что может сделать шахтер, когда он желает притти на помощь своей республике, когда он сознает свой долг в отношении рабоче-крестьянского государства. Честь и слава ему!»¹¹⁴

«Всероссийская кочегарка» в августе сообщила, что на одном руднике «забойщик шахты № 3 тов. Пушкин делает ежемесячно 28—32 упряжки, при норме 18 упряжек, и выдает в каждую упряжку 500 пуд. угля. Таким образом один забойщик (тов. Пушкин) в месяц дает целый поезд угля».¹¹⁵

Лучшие рабочие Кадиевского куста товарищи Мирошников, Истомин, Блимкин, Сороков и Селезнев регулярно вырабатывали на 50—

¹¹² «Экономическая жизнь», № 144, 3. VII 1920.

¹¹³ «По пути Ильича», стр. 170—171.

¹¹⁴ «Президиум ЦК Союза горнорабочих, заслушав сообщение о том, что на Софиевском руднике Петровских заводов забойщик тов. Нилов выработал 18 упряжек — 18 тыс. пудов угля, постановил: 1) выдать товарищу Нилову 30 аршин мануфактуры и оплатить всю переработку по тарифу; 2) опубликовать обо всех таких случаях героизма на фронте труда для всеобщего сведения и предложить всем сотрудникам и райкомам сообщать в ЦК Союза биографии и присылать фотографии всех героев трудового фронта» («Металлист и горняк», № 1, 2 октября 1920 г.).

¹¹⁵ «Всероссийская кочегарка», № 21, 11. VIII 1920.

80% больше нормальной добычи угля. Они были примером трудового героизма для всех горнорабочих района. Для передовых самоотверженных рабочих партийные и профсоюзные организации устраивали торжественные вечера, выдавали премии, награды и аттестаты¹¹⁶

Опираясь на передовых горнорабочих, партийные организации предприятий организовали субботники и воскресники на дополнительную добычу и вывоз угля для оборонных предприятий и действующей Красной Армии и флота. Воскресники проводились регулярно не только на отдельных предприятиях, но и во всем бассейне в целом. 5 сентября 1920 г. был организован вседонецкий воскресник, который «дал миллионную добычу, при большом подъеме в настроении рабочих масс,— отмечено в сентябрьском отчете ЦК Союза горнорабочих,— повышение добычи достигает на некоторых рудниках 200—300 %»¹¹⁷

Борьба за восстановление предприятий и повышение производительности труда была главной задачей партийных организаций рудников. В этой области многие партийные организации добились серьезных результатов. Благодаря умелой постановке работы партийной ячейкой и профорганизацией на Изваринском руднике, сообщила «Укрроста» 26 июня 1920 г., «за май производительность увеличилась в 2 раза. Вместо 75 тыс пуд выдано 150 тыс пуд. угля»¹¹⁸. На государственном руднике в Юзовке ежедневная добыча угля в июне поднялась до 25 тыс пуд. вместо 8 тыс. пуд в прошлые месяцы¹¹⁹. В Камянском районе,— сообщила харьковская газета «Известия» 1 мая,— действует 15 шахт, на которых работают 925 горнорабочих. Добыча угля в январе составляла 35 898 пуд., а в марте — 196 153 пуда.¹²⁰ На рудниках 2-го куста Чистяковского горного района в ноябре 1920 г. было добыто антрацита на 58 тыс. пудов больше, чем в октябре.¹²¹

Благодаря самоотверженности горняков с мая 1920 г. не было допущено заливов ни на одной шахте бассейна. Наоборот, благодаря большевистской настойчивости и трудовому героизму горнорабочих в строй действующих вступали все новые восстановленные предприятия и увеличивалась производительность труда. Даже в сентябре, когда банды Врангеля подошли вплотную к Донбассу и заняли часть Юзовского района, в «бассейне» было добыто 26 миллионов пудов угля при задании 23 миллиона.¹²²

В процессе борьбы за возрождение «всероссийской кочегарки» донецкие большевики и передовые горнорабочие отбрасывали старые взгляды на труд, на нормы и консервативные методы труда, они творили новые, социалистические формы труда, позволявшие преодолевать любые трудности и создававшие более высокую производительность труда горнорабочих. Отдельные герои труда, дававшие высокую производительность работы, под руководством коммунистов начали создавать на предприятиях ударные группы или «ударные артели», которые умножали достижения героев труда, увеличивали производительность коллектива рабочих и увлекали на самоотверженную работу остальных

¹¹⁶ Там же, № 112, 15. XII 1920

¹¹⁷ ЦГАОР, ф. 5451, д. 154, л. 30

¹¹⁸ «Укрроста» — стенгазета Донецкого губотдела Союза горнорабочих, № 2, 26. VI 1920

¹¹⁹ «Трудовая армия», № 22, 19. VII 1920.

¹²⁰ «Известия» (Харьков), № 109, 1. V 1920.

¹²¹ «Вести» (Харьков), № 293, 14. XII 1920.

¹²² ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 567, л. 85.

горнорабочих Первая «ударная артель» из 15 человек была организована коммунистической ячейкой на Александро-Григорьевском руднике для подготовки штрэка шахты № 6.¹²³ С целью поднятия производительности труда на Ольховском руднике (в Славяносербском районе) коммунистами и передовыми горнорабочими были организованы две «ударные артели», в которые вошли рабочие, дававшие высокую производительность. На шахте «Игнатий» Кадиевских угольных копей были организованы три «ударные артели», «в которые вошли лучшие шахтеры, отличившиеся высокой производительностью труда»¹²⁴ И на других шахтах коммунисты и передовые горнорабочие организовывались в ударные артели и группы, которые своим самоотверженным трудом, связанным подчас с опасностью для жизни, преодолевали трудности и давали высокую производительность труда.

Этот героический почин коммунистов и передовых горняков был одобрен 3-й донецкой партийной конференцией в ноябре 1920 г. «В целях постановки производственной пропаганды живым примером, — говорилось в резолюции конференции, — необходимо устройство субботников с широким привлечением беспартийных, и особенное внимание надо уделить организации на предприятиях, в порядке обязательности ударных групп из коммунистов и добровольцев-беспартийных. Ударники на практике, давая высшую норму выработки сравнительно с остальными, должны доказать, до каких пределов можно довести норму производительности. Ударники выполняют данное им задание в порядке боевого приказа, при экстренных работах, требующих особого напряжения или связанных с опасностью, они должны быть в передовой производственной цепи. Коммунисты, отказавшиеся войти в ударную группу или небрежно ведущие в ней работу, подвергаются, помимо общих взысканий, взысканиям в партийном порядке, вплоть до исключения из партии».¹²⁵ Таким образом, партийные организации, опираясь на передовых горнорабочих, использовали новые, возникшие в процессе борьбы с величайшими трудностями социалистические формы труда, дававшие более высокую производительность, и добились общего подъема в возрождении угольной промышленности.

Полный разгром польских захватчиков и Врангеля еще больше вдохновил донецких горняков на повышение угледобычи и творческий труд. Несмотря на тяжелую военную обстановку в самом Донбассе и почти полное прекращение подвоза продовольствия для рабочих, производительность труда возрастала и во втором полугодии 1920 г. По данным «Статистического сборника» за 1918—1920 гг., добыча угля в среднем на одного рабочего в бассейне в первом полугодии 1920 г. составляла 1077 пуд., а во втором — 1257 пуд. Общая добыча угля в бассейне составляла в первом полугодии 1920 г. 112 750 тыс. пудов, а во втором полугодии — 159 875 тыс. пудов. Вывозка угля увеличилась с 74 123 тыс. пудов в первом полугодии до 112 216 тыс. пудов во втором полугодии 1920 г.¹²⁶

Как видно из приведенных данных, добыча и вывозка донецкого угля в это время были в шесть раз меньше довоенных. И все же донецкий уголь, добытый с величайшими усилиями и героизмом в 1920 г., сыграл огромную роль в улучшении топливного баланса страны. В. И. Ленин с удовлетворением отмечал героическую восстановитель-

¹²³ «Всероссийская кочегарка», № 16, 5. VIII 1920.

¹²⁴ Там же, № 119, 23 XII 1920.

¹²⁵ Там же, № 94, 16 XI 1920.

¹²⁶ Статистический сборник за 1918—1920 гг., т. VIII, вып. 2, стр. 220, 222.

ную работу донбассовцев, которые даже во время непосредственного удара Врангеля по Донбассу не прекратили напряженной работы по восстановлению угольных предприятий «Донецкий бассейн,— говорил В. И. Ленин на Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г.,— уже дает нам 20—30 миллионов пудов угля в месяц. Значительно улучшилось дело с дровами. А в прошлом году мы сидели на одних дровах без нефти и без угля». ¹²⁷

По инициативе большевиков Донбасса не только восстанавливались разрушенные врагом рудники, но и закладывались новые шахты, которые включались в строй действующих. В декабре 1920 г. на Кадиевском руднике было торжественно отмечено открытие новой шахты «Пролетарий». «Несмотря на наши жизненные недостатки,— заявили рабочие в принятой на торжественном открытии шахты резолюции,— мы всегда готовы дать Красной Армии нужное подкрепление живой силой и продуктами. Наш путь — вперед! Ни шагу назад» ¹²⁸

Борьба за возрождение «всероссийской кочегарки» развернулась в тяжелой экономической и военной обстановке, которую переживало молодое Советское государство в 1920 г. Общая продукция сельского хозяйства едва достигала половины довоенной. «Продукция крупной промышленности в 1920 году была почти в семь раз меньше довоенной». ¹²⁹ А ведь довоенная промышленность России, как отмечал В. И. Ленин, была оборудована «современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки». ¹³⁰

Транспорт был разрушен.

Донецкий бассейн перешел в руки Советской власти в катастрофическом состоянии. Культура производства и оснащенность техникой угольных предприятий и в довоенное время стояли на очень низком уровне. Добыча угля производилась примитивным способом, на базе устаревших, консервативных методов работы, путем применения только мускульной силы. За предшествовавшее шестилетие войны и иностранной военной интервенции Донбасс был превращен в гигантское угольное кладбище. Предстояла колоссальная работа по восстановлению угольных предприятий, переоборудованию их на базе передовой техники и социалистической реконструкции всего угольного Донбасса. Начало возрождения Донбасса в 1920 г. является блестящей страницей в истории социалистического труда в СССР.

Развернувшаяся с момента освобождения Донбасса от Деникина героическая борьба за возрождение угольных предприятий приобрела особое напряжение в период войны с польскими захватчиками и наступления Врангеля на Донбасс.

Говоря о невероятных трудностях в строительной работе в этот период, товарищ Сталин отметил, что «нам приходилось строить под огнем. Представьте себе каменщика, который, строя одной рукой, другой рукой защищает тот дом, который он строит». ¹³¹ Эта образная характеристика созидательной работы в 1920 г. чрезвычайно метко определяет и восстановительную работу в Донбассе. Донецкие горно-

¹²⁷ В. И. Ленин Соч., т. XXV, стр. 380.

¹²⁸ «Всероссийская кочегарка», № 109, 11 XII 1920.

¹²⁹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 237.

¹³⁰ В. И. Ленин Соч., т. XVI, стр. 543.

¹³¹ И. В. Сталин Соч., т. IV, стр. 390.

рабочие под руководством большевистской партии вынуждены были вести одновременно героическую борьбу с невиданной разрухой, подземной стихией и голодом, с одной стороны, и с интервентами и белогвардейщиной, посягавшими на их созидательный труд,— с другой. Борьба за преодоление величайшей разрухи, голода и трудностей военного времени протекала в условиях ожесточенного сопротивления классового врага как в самом Донбассе, так и на его подступах.

В борьбе за возрождение угольного Донбасса донецкие большевики и передовые горнорабочие ломали старые консервативные методы работы и начали создавать передовые, социалистические формы труда, при помощи которых они преодолели невероятные трудности, спасли «всероссийскую кочегарку» от катастрофы и выполнили свой патриотический долг перед Родиной.

Благодаря трудовой доблести и патриотизму донбассовцев донецкий уголь в 1920 г сыграл решающую роль в топливном балансе страны на заключительном этапе войны с иностранными интервентами на Южном и Юго-западном фронтах.

Указывая на героизм и трудовую самоотверженность донбассовцев в этот период, газета «Трудовая армия» совершенно справедливо отмечала, что «весна и лето 1920 г, быть может, будут вписаны в книгу истории яркими огненными буквами. Это, быть может, решающий момент на том верном пути, по которому мы неуклонно движемся вперед. Победы на трудовом фронте в такое время особенно ценны, ибо они свидетельствуют о том, каким высокоразвитым чувством солидарности проникнут тыл к фронту».¹³²

¹³² «Трудовая армия», № 34, 24. VI 1920.

Я. А. МАНАНДЯН

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ CASPIA VIA И CASPIAE PORTAE

Caspia via и Caspiae portae, по которым проникали в I веке нашей эры вторгавшиеся в Армению сарматские племена, главным образом аланы, упоминаются в трудах Плиния Старшего, Иосифа Флавия, Тацита и Светония — писателей древнего периода императорской эпохи. Об упомянутой дороге, как и о Каспийском проходе, высказывались, начиная еще с Плиния Старшего, разногласные и противоречивые мнения. Часть исследователей отождествляет Caspiae portae с Дербентским проходом, а другая часть — с Дарьяльским. Мы увидим ниже, что оба эти мнения, господствующие в исторических трудах, спорны.

В предлагаемой очерке этому спорному вопросу, путем внимательного изучения свидетельств названных авторов и указаний римской мировой карты Tabula Peutingeriana, дается совершенно новое освещение.

1. ПУТЬ ПОДГОТОВЛЯЕМОГО БЕГСТВА ВОНОНА ИЗ КИЛИКИИ В СКИФИЮ

Парфянский царь Вонон (8—11 вв. до н. э.), бежавший в Армению и царствовавший здесь некоторое время (после 11 г., до 16 г.), как известно, по приказанию императора Тиберия был сослан в Сирию, а затем, по просьбе парфянского царя Артабана III, был удален оттуда в Киликию. Сосланный Вонон, как сообщает Тацит, хотел бежать из места ссылки, но был пойман и убит. В свидетельстве Тацита указаны те районы, через которые пролегал путь подготовляемого бегства Вонона из Киликии к скифскому царю.

«В это же время, — говорит Тацит, — Вонон, который был, как я упомянул, удален в Киликию, подкупив стражу, пытался бежать в Армению, а оттуда к албанцам, гениохам и к своему родственнику скифскому царю (*Per idem tempus Vonones, quem amotum in Ciliciam memoravi, corruptis custodibus effugere ad Armenos, inde Albanos Heniochosque et consanguineum sibi regem Scytharum conatus est*)»¹

Чрезмерно длинное и невероятно извилистое направление указанного в приведенном свидетельстве пути было впервые отмечено Моммзеном.² И действительно, если бы Вонон бежал этой дорогой, то направление его пути следовало бы предположить из Киликии через Армению в Албанию, оттуда через Дербентский проход на Северный Кавказ, а затем из района Каспийского побережья на запад — в область гениохов, лежащую к северу от Диоскурии — Сухуми, и оттуда на север, где жил скифский царь.

Моммзен считает этот кружной путь совершенно невероятным и полагает, что в приведенном свидетельстве Тацита — *ad Armenos, inde Albanos Heniochosque* (в Армению, а оттуда к *албанцам* и гениохам) — следует исправить и читать: *ad Armenos, inde Albanos Heniochosque*

¹ Tacitus. Annales, II, 68

² Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1886, S. 394 Anm. 1.

(в Армению, а оттуда к аланам и гениохам) ³ Следовательно, по его мнению, Вонон должен был из Армении проехать в страну гениохов и скифов не через Албанию и Дербентский проход, а через область аланов и Дарьяльское ущелье

Мне кажется, поправка Моммзена (Alapos вм Albanos) приемлема и правильна. Нетрудно, однако, убедиться, что направление пути Вонона, указанное им через Дарьяльское ущелье, столь же спорно, как и первое предположение. Европейским ученым и историкам, как было выяснено в моей недавней работе «О некоторых проблемах истории древ-

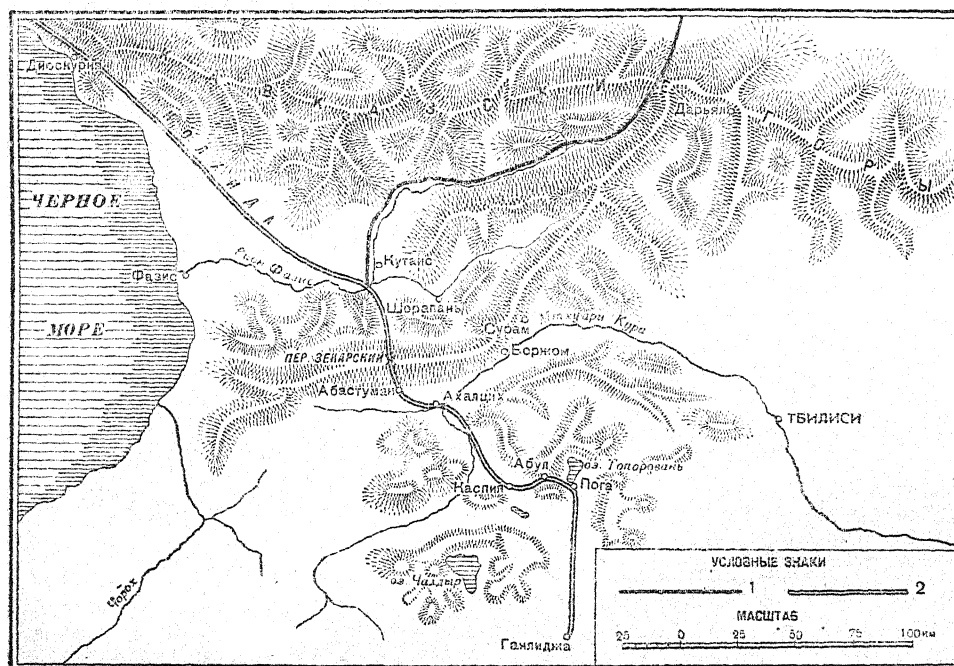

Рис. 2. «Каспийская дорога» (Мзотидско-колхидская магистраль)

ней Армении и Закавказья», ⁴ не были известны историческая роль и значение Мзотидско-Колхидской дороги, считавшейся наиболее удобным путем для сообщения с Северным Кавказом и страной гениохов, живших вдоль побережья Черного моря и нынешней Абхазии. Для выхода из Армении к берегам Черного моря и гениохам имели во время Тацита важное значение, конечно, не путь через Дербентский проход или Дарьяльское ущелье, а магистральная дорога Artaxata — Sebastopolis, подробно описанная в римской мировой карте, известной под названием Tabula Peutingeriana. Было бы, несомненно, совершенно несуразно и бессмысленно ехать из Армении к гениохам и оттуда к скифам через Дербентский или Дарьяльский проходы. Из сообщений греко-римских источников нетрудно также заключить, что во время Тацита аланы, повидимому, жили близ этой магистрали, в районах нынешней Военно-осетинской дороги и северо-восточной Колхиды.

³ Ibid.

⁴ Ереван. 1944, стр. 43, 45 и др.

Оказывается, таким образом, что указанный у Тацита путь подготовляемого бегства Вонона следует предположить не через Дербентский проход или Дарьяльское ущелье, как полагают западноевропейские ученые, а по исторической Мэотидско-Колхидской магистрали через нынешние Аштарак, Кондахсаз, Ганлиджу и Хоспию, по направлению к переправе через реку Куру, т. е. к древнему станционному пункту Ad Metcurium Таблиц Певтингера, находившемуся недалеко от теперешнего Ахалдиха, а отсюда через Абастуман и Зекарский перевал к реке Риону (Ad fontem felicem), затем в Севастополис — Диоскурию⁵ и отсюда в область скифов.

2. ВТОРЖЕНИЕ АЛАНОВ В АРМЕНИЮ ПО КАСПИЙСКОЙ ДОРОГЕ (CASPIA VIA) И ЧЕРЕЗ КАСПИЙСКИЙ ПРОХОД (CASPIAE PORTAE) В 35/36 г.

Как известно из сообщений греко-римских авторов, при императоре Тиберии (14—37 г н э.) коварным образом был отравлен армянский царь Аршак I, сын Артабана III, и царский престол Армении был отдан брату иберского царя Фарасмана Митридату (в 35 г.). Парфянский царь Артабан III, узнав о трагической смерти сына, поручил другому своему сыну Ороду отомстить за смерть Аршака и изгнать из Армении иберов. Но против Орода выступили в поход не только иберы и объединенные с ними союзники-албанцы, но также и приглашенные с Северного Кавказа сарматы (по Иосифу Флавию — аланы), которые вторглись в Армению через Каспийский проход и по Каспийскому пути.

Направление этого пути сарматского нашествия, как известно, до сих пор еще не выяснено в науке и является предметом разногласий и споров.

Свидетельства Тацита и Иосифа Флавия, в которых описаны вышеозначенные события и указан путь вторжения сарматов, привожу подробно в русском переводе, подчеркнув в них места, содержащие сведения о Каспийской дороге и Каспийском проходе.

I. Тацит. Анналы, VI, 33

«Из царевичей старший Митридат побудил Фарасмана содействовать силой и лукавством его козням. Они нашли совратителей, которые большой суммой золота подкупили слуг Аршака и подстрекнули их совершить преступление. Одновременно иберы с большим войском вторглись в Армению и завладели городом Арташатом. Когда все это стало известно Артабану, последний послал сына Орода в качестве мстителя. Он дал ему войско, состоявшее из парфян, и послал людей, чтобы наняли вспомогательные войска. Фарасман же заключил союз с албанцами и призвал сарматов, начальники которых, по свойственному их племени обычаю, взяв плату с той и другой стороны, принимали на себя обязанности по отношению к обеим сторонам. *Однако иберы, которые были хозяевами этих мест, тотчас же впустили в Армению Каспийской дорогой сарматов. А те, которые шли на помощь парфянам, легко задерживались, так как враг смог запереть другие входы. Остающийся же один проход, лежавший между морем и крайними албанскими горами, был летом недоступен, так как отмели заливались водой благодаря пассатным ветрам.*»

(At ex regulis prior Mithridates Pharasmanem perpulit dolo et vi conatus suos juvare, repertique corruptores ministros Arsacis multo auro ad scelus cogunt; simul Hiberi magnis copiis Armeniam inrumpunt et urbe Artaxata potiuntur. Quae postquam Artabano cognita, filium Orodem

⁵ См. мою работу — «Главные пути Армении (по Tabula Peutingeriana)». Ереван, 1936, стр. 137—172 и 246—248.

ultorem parat; dat Parthorum copias, mittit, qui auxilia mercede facerent Contra Pharasmanes adungere Albanos, accire Sarmatas quorum sceptuchi utrimque donis acceptis, more gentico, diversa induere Sed Hiberi locorum potentes Caspia via Sarmatam in Armenios raptim effundunt. at qui Parthis adventabant, facile arcebantur, cum alios incessus hostis clausisset, unum reliquum, mare inter et extremos Albanorum montes, aestas impediret, quia flatibus etesiarum implentur vada)

2 Иосиф Флавий Археол., XVIII, 4,4.

«Тиберий послал письмо Вителлию и приказал ему завязать дружбу с парфянским царем Артабаном. Он боялся того, что Артабан, который был его врагом и который оккупировал Армению, может причинить ему большое зло. И Тиберий приказал на дружбу Артабана полагаться лишь в том случае, если будут римлянам даны заложники, главным образом сын Артабана. Написав об этом Вителлию, Тиберий дал большие суммы денег и убедил царей иберов и албанцев, не колеблясь, немедленно начать войну против Артабана. Но эти медлили сами и поэтому впустили против Артабана скифов,⁶ *дав им дорогу через свою страну и открыв Каспийские ворота*»

Как известно, указанные в приведенных свидетельствах «Каспийская дорога» (Caspia via) и «Каспийские ворота» (Caspiae portae) отождествлены во всех исторических и научных трудах с нынешней Военно-грузинской дорогой и Дарьяльским проходом.⁷ Это утвердившееся в исторической литературе мнение, как увидим, на самом деле более чем спорно. Оно основано не только на том, что Каспийская дорога, как указано у Тацита, находилась в стране иберов, но главным образом также на сообщении Плиния, который определенно свидетельствует, что многие из древних авторов Каспийскими воротами ошибочно называли Кавказские ворота, т. е. Дарьяльский проход. Соответствующие сообщения Плиния, так как они считаются главной основой господствующего в исторической литературе мнения, привожу подробно, без сокращений.

1. Плиний Естеств. ист., VI, 12, 1 (изд. Littré).

«За этими народами (сильвами, лубиенами и другими) *находятся Кавказские ворота, многими называемые очень ошибочно Каспийскими*, — огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор, самый проход огорожен там обитыми железом бревнами; под ними посредине течет вонючая река, а по сю сторону (со стороны Закавказья) лежит на склоне укрепление по имени Кумания, построенное с целью препятствовать прохождению бесчисленных племен. В этом месте, как раз насупротив иберийского города Гармастиса, воротами разделены части света».⁸

(Ab iis sunt portae Caucasiae magno errore multis Caspiae dictae, ingens naturae opus montibus interruptis repente; ubi fores obditaе ferratis trabibus, subter medias amne diri odoris fluente, citraque in rupe castello (quod vocatur Cumania) communito ad arcendas transitu gentes innumeras: ibi loci, terrarum orbe portis discluso, ex adverso maxime Harmastis oppidi Iberum).

⁶ Гутшмид указывает, что в рукописях союзниками Фарасмана значатся аланы, слово же «скифов» является в тексте Иосифа Флавия интерполяцией — См. Gutshmid Geschichte Irans, Tübingen, 1888, S. 121, Anm. 1.

⁷ См. Г. А. Халатьянц. Очерк истории Армении, М., 1910, стр. 262, Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 10 и сл., J. Marquart. Eranschahr Berlin, 1901, S. 102; J. G. C. Anderson Cambridge Ancient History, vol. X, 1934, p. 777.

⁸ См. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, стр. 182.

2 Там же, VI, 15, 6 (изд. Littré).

«Следует исправить здесь ошибку многих, также и тех, которые недавно вели войну вместе с Корбулоном в Армении. Ибо они называли Каспийскими ворота Иберии, называвшиеся, как мы сказали, Кавказскими. На планах, снятых и присланных оттуда, обозначено это название. Точно так же и подготовляемая императором Нероном экспедиция, которая должна была быть начата, как говорили, по направлению к Каспийским воротам, на самом деле предпринималась по направлению к тем воротам, которые вели через Иберию в сторону сарматов всякий же доступ к берегам Каспийского моря почти что закрывали противолежащие горы. Существоют, однако, и другие ворота, находящиеся близ территории каспийских племен, но распознать их можно только из рассказов лиц, принимавших участие в походах Александра Великого».

(Corrigendus est error in hoc loco multorum, eorum etiam qui in Armenia res proxime cum Corbulone gessere. Namque hi Caspias appellaverunt portas Iberiae, quas Caucasias diximus vocari, situsque depicti et inde missi, hoc nomen inscriptum habent. Et Neronis principis comminatio, ad Caspias portas tendere dicebatur, quum peteret illas, quae per Iberiam in Sarmatas tendunt, vix ullo propter appositos montes aditu ad Caspium mare. Sunt autem aliae, Caspius gentibus junctae, quod dignosci non potest, nisi committatu rerum Alexandri Magni).

Приведенные свидетельства Плиния, как известно, имели для выяснения вопроса о местонахождении вышеозначенных Каспийских ворот, или Каспийского прохода, решающее значение. Основываясь именно на этих показаниях Плиния и сопоставляя их со сведениями Тацита и Иосифа Флавия о Каспийской дороге и Каспийских воротах, ученые, полагая вопрос о пути вторжения аланов в Армению окончательно решенным, считали возможным заключить, что аланы, которых выпустили в Армению иберы (в 35/36 г.), прошли через Каспийский проход (по Плинию — Кавказский), т. е. Дарьяльское ущелье. В полном согласии со свидетельствами Плиния, они указывают, кроме того, что античные писатели смешивали Кавказский или Дарьяльский проход с Каспийским или Дербентским и ошибочно называли оба прохода Каспийскими.⁹

Следует отметить, что против мнения Плиния и ученых, разделяющих это мнение и указывающих, что Дарьяльский проход древними авторами ошибочно назван Каспийским, выступил в своей работе «К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа» акад. Н. Я. Марр. По мнению Н. Я. Марра, античные писатели, вопреки указанию Плиния, имели полное основание называть Дарьяльское ущелье Каспийским проходом, так как «проходы через Кавказские горы определялись по расположению вблизи народов (Гуннский проход, Албанский проход, Аланский проход, Хазарский проход и т. п.)»¹⁰

Нахождение термина Kaspi, — говорит Н. Я. Марр, — «в Восточной Грузии в Тифлисской губернии, там, где на нашей, по крайней мере моей уже памяти, при проведении Закавказской железной дороги, одна из ее станций была окрещена по имени села в Kaspi, не есть случайное явление, а отражение большой важности и длительного значения исторического факта: оно свидетельствует о господстве некогда, в незапамятные

⁹ См. J. Marquait Op. cit., S. 100; Justi Geschichte Irans — «Grundriss der Iranischen Philologie», Band II, Lief. 5, Strassburg, 1903, S. 535, Ю. А. Кулаковский. Указ. соч., стр. 11; М. И. Артамонов Очерки древнейшей истории Чазар. Л., 1936, стр. 122—125 и др.

¹⁰ Н. Я. Марр К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа Изв. Акад. Наук, 1916, стр. 1392.

времена во всем этом районе, начиная примерно с местонахождения нынешней станции «Каспи» через всю Кахию, вплоть до Каспийского моря, народа *cas'ov*, называвшихся в родной яфетической среде, смотря по языку произносивших это название племен, или *Kaspi* или *Kaspi n t p*»¹¹

Хотя Н. Я. Марр в приведенной цитате подвергает сомнению свидетельство Плиния о смещении древними авторами Кавказских ворот с Каспийскими, но он, как видим, считает несомненным, что под Каспийскими воротами, упоминаемыми в греко-римских источниках императорской эпохи, подразумевается обычно Дарьяльский проход.

Мне кажется, однако, что как утвердившееся в исторической литературе мнение, опирающееся на Плиния, так и предположение Марра, исторически недостаточно обоснованное, не исчерпывают вовсе вопроса и не могут быть признаны окончательными. Как мы в дальнейшем убедимся, внимательное изучение древних itinerариев и, в частности, первоисточников Мэотидско-Колхидской магистрали, предоставляет нам возможность дать проблеме этой иное освещение.

Основная ошибка исследователей, определивших местоположение *Caspia via* и *Caspiae portae*, заключалась, по-моему, в том, что они единственными удобными путями для вторжения сарматов или аланов в Закавказье считали горные проходы через Дарьяльское ущелье или же около Дербента. Между тем, вопреки этому общепринятому мнению, Тацит ясно и определенно свидетельствует, что для вторжения сарматов и аланов в Закавказье и Армению кроме Дарьяльского и Дербентского проходов существовали и другие входы, которые были закрыты иберами.

«Однако,— говорит Тацит в приведенном выше свидетельстве (*Annales*, VI, 33),— иберы, которые были хозяевами этих мест, тотчас же впустили в Армению Каспийской дорогой сарматов. А те, которые шли на помощь парфянам, легко задерживались, так как враг смог запереть другие входы. Остающийся же один проход, лежавший между морем и крайними албанскими горами, был летом недоступен».

Это важное показание Тацита о «других входах», запертых иберами, упущено из виду в исторических трудах, между тем как проникнуть в Армению могли скифские и сарматские племена также и через них.

В моей работе «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья» подробно было уже выяснено, что вторжение с севера кimmerийских, скифских и сарматских племен в VIII и IV—III вв. до н. э. имело место не через Дарьяльское ущелье, как обычно полагают, а по Мэотидско-Колхидской дороге. Северные народы, спустившись с Северного Кавказа в Колхиду, могли проникнуть оттуда в Иберию, а затем в Армению, или прямым путем через Зекарский перевал, или же круглым путем через Сурамский перевал и Боржом-Бакуриани или Боржом-Ацхури. Таким образом, как видим, из Северного Кавказа в Иберию и оттуда в Армению вели не один, а три исторических пути: один — через Дарьяльский проход, а два других — через Колхиду, а затем через Зекарский или Сурамский перевалы.

Эти три пути, как и четвертый — из Албании в Иберию, подробно указаны в «Географии» Страбона.

«Четыре прохода,— сообщает Страбон,¹² — ведут в страну (Иберию): один — через колхидское укрепление Сарапану (Шорапань) и через находившиеся около него ущелья.

¹¹ Там же, стр. 1393—1394.

¹² *Strabo*, XI, 3, 4—5 (500), ср. русский перевод Мищенко.

Со стороны же северных кочевников [ведет] трехдневный подъем, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арагвы, требующая четырех дней пути для конного; конец пути охраняет неприступная стена.

Из Албании же проход идет сперва по тропинке, высеченной в скалах, а затем через болото, образуемое рекой (Алазанией), ниспадающей с Кавказа.

А из Армении вход образуется узким проходом близ рек Куры и Арагвы. Выше слияния эти реки имеют при себе города, укрепленные самою природою на скалах, отстоящие один от другого почти на 16 стадий. При Куре лежит город Гармозика, а при другой реке — Севсамора. Этими проходами воспользовались сперва Помпей, направлявшийся из Армении, а затем Канидий»

Сведения, сообщаемые Страбоном об этих проходах, совершенно ясны и не нуждаются в комментариях. Не упоминается у него, как видим, проход в Иберию через Зекарский перевал. Объясняется это, повидимому, тем, что сообщение его восходит к источникам, описывавшим походы Помпея и Канидия, когда южная линия Мэотидско-Колхидской дороги Sebastopolis-Artaxata находилась на территории Армении, а не Иберии. Этот путь, спускавшийся через Зекарский перевал в долину реки Куры, как видно из сообщений источников, из Колхиды выходил в то время непосредственно в Тигранидскую Армению. Можно, однако, догадаться из намеков греко-римских авторов, что позднее, когда на престоле Армении утвердилась иберская династия, некоторые северо-западные местности в Армении и вместе с ними, повидимому, и часть магистрали Sebastopolis-Artaxata были присоединены к Иберии.

В вышеприведенных свидетельствах о Каспийском проходе особенно интересно то, что Плиний, живший и писавший свой труд в Италии, в неправильном применении термина Caspiae portae уличает тех римлян, которые вместе с Корбулоном были в Армении и о Каспийских воротах могли иметь более точные сведения, чем он сам. Этот любопытный факт способен сам по себе породить сомнения и может значительно подорвать достоверность показаний Плиния.

И действительно, неразбериха и путаница, повидимому, создались в данном вопросе благодаря именно Плинию. Возможно и даже вероятно, что названия Caspia via и Caspiae portae он неправильно перенес на Кавказский проход, отождествляемый учеными с Дарьялом. Он, конечно, прав в том, что Каспийскими воротами назывался проход между Каспийским морем и крайними отрогами албанских гор, т. е. проход Дербентский. Но ему, очевидно, не было известно, что кроме Каспийских ворот и области Каспианы у Каспийского моря существовала еще область Каспия или Каспиада, названная у Диона Аспидой,¹³ в которой находился крупный станционный пункт Caspiae южной линии Мэотидско-Колхидской дороги.¹⁴ Этим сведениям древних источников не было уделено должного внимания также в исторических трудах европейских ученых.

Принимая в соображение эти новые данные, мне кажется, мы без труда убедимся, что, говоря о Каспийской дороге, по которой иберы провели в Армению сарматов и аланов, использованные Тацитом и Иосифом Флавием римские источники имели в виду не Дарьяльское ущелье или Дербентский проход, а Мэотидско-Колхидскую дорогу, вдоль которой близ нынешнего города Ахалкалаки находилась область

¹³ См. Cass., Dio, XXXVII, 7, 5 (изд. Boissvain'a).

¹⁴ См. мои работы: «Круговой путь Помпея в Закавказье», «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 74 и 80—81, а также «Тигран Второй и Рим», Ереван, 1944, стр. 199 и 206.

Аспида, или Каспида, и станция Caspiae. Следует отметить, что в Таблицах Певтингера станционный пункт Caspiae обозначен фигурой из двух башен, служащей указанием на то, что этот пункт был укрепленным местом и значительным военным постом. Путь со стороны станции Pagas (нынешн Пога на южном берегу озера Топоравана) в сторону Caspiae пролегал через труднопроходимые теснины у южного склона горы Абула и через станцию Arilum (нынешн. Абул), и возможно, что римляне называли Каспийскими воротами не только проход у Каспийского моря, но также и этот тесный проход к востоку от станции Caspiae, тождественной, повидимому, с нынешней деревней Хоспией.

Что приведенное наше предположение не лишено основания, подтверждается, по-моему, также и следующими соображениями.

Само собой разумеется, что Дарьяльский проход был удобен для северокавказских народов при набегах на Иберию, а вовсе не для вторжения в Армению. Путь из области Дзауджикау через Дарьяльский проход в Тбилиси и оттуда через Боржоми в Армению, предполагая часть области Гогарены между Боржоми и Ахалкалаки в пределах Иберии, составляет приблизительно около 450 километров. Следовательно, северокавказские кочевники, двигавшиеся грозной лавиной в Армению, если бы они шли по этому пути, должны были бы в течение более чем трех недель пройти поперек всю область Иберии. Этот кружный путь представляется мне мало вероятным. При внимательном изучении вопроса нетрудно, напротив, прийти к выводу, что иберы впустили их по Мэотидско-Колхидской дороге и, вероятно, через Зекарский перевал и область Аспиду, или, вернее, Каспиаду.

Рассматривая выше направление пути подготовляемого бегства Вонона, я уже отмечал, что в конце I века до н. э. аланы жили рядом с гениохами в горных районах Кавказского хребта и занимали, повидимому, также некоторые северо-восточные районы Колхиды. Оттуда через Зекарский перевал расстояние в область Каспиаду и к теснинам около Caspiae составляет приблизительно около 200 километров. И можно предположить, что вторжение аланов в Армению, о котором сообщают Тацит и Иосиф Флавий, могло иметь место именно оттуда, по магистральному пути из Колхиды, а не через Дарьяльский проход.

А если это правильно, то нетрудно заключить, что в вышеприведенных свидетельствах под Caspia via подразумевается путь, идущий через Кутаиси, Абастуман, Ахалцих, Ахалкалаки в сторону Артаксаты, а под Caspiae portae — проход, находившийся в области Каспиаде, недалеко от станционного пункта Caspiae.

Что предложенная нами новая концепция о Caspia via и Caspiae portae более чем вероятна, — имеются косвенные указания, у самого Плиния, уличавшего в ошибке своих соотечественников.

Как мы уже видели, Плиний, как он сам сообщает, имел возможность использовать по данному вопросу топографические съемки, снятые на месте и присланные в Италию. На этих планах, видимо, имелось указание на местонахождение Caspiae portae. И крайне любопытно, что Плиний, основываясь, очевидно, на топографических данных этих планов, о проходе, называемом им Кавказским, дает сведения, определяющие местоположение его не на Военно-грузинской, а на Мэотидско-Колхидской дороге.

«За Кавказскими воротами, — говорит он, — вдоль Гордейских гор живут неукротенные народы валы, суарны, которые, однако, добывают руду. За ними до самого Понта живут многие племена гениохов, а затем ахеев».

(A portis Caucasiis per montes Gordyaeos, Valli, Suarni indomitae gentes, auri tamen metalla fodiunt. Ab iis ad Pontum usque Heniochorum plura genera, mox Achaeorum).¹⁵

Из приведенного свидетельства видно, что ко времени Плиния за Каспийскими или Кавказскими воротами следовали с юга на север сначала валы, затем суарны, а за ними гениохи и ахеи. Это сведение имеет особую ценность, так как оно устанавливает, что в первоисточниках, которыми пользовался Плиний, данные о местоположении Caspiae portae совпадали с территориальной обстановкой не вокруг Дарьяла, а магистрального пути из Армении в Колхиду, где к северу от станционного пункта Caspiae жили, действительно, двалы, а за ними сваны, гениохи и ахеи.

Указанный у Плиния народ Vali, повидимому, соответствует упомянутым у Анонима Равенского дивалам — Divali (Divali Musetice, Dibalop Miceticon),¹⁶ жившим, по его мнению, в Армении. К. Миллер отмечает, что горы, лежавшие между Фасис-Рионом и Мткуари-Курою, называются и теперь Двалетскими.¹⁷

Следует, кроме того, отметить, что и на римской карте Tabula Peutingeriana над станционным пунктом Caspiae, обозначенным фигурой из двух башен, нарисована горная цепь, а к северу от нее, недалеко от реки Куры, помещена страна дивалов (Divali).

Все это вместе взятое, мне кажется, определенно указывает, что в использованных Плинием картах под Caspiae portae подразумевались не Дербентский или Дарьяльский проход, а теснины около станции Caspiae, лежавшие к юго-востоку от нынешнего Зекарского перевала.

3. НАШЕСТВИЕ НА АРМЕНИЮ ГЕНИОХОВ, СОЮЗНИКОВ РИМА, И ПУТЬ ЭТОГО НАШЕСТВИЯ

После недолгого царствования в Армении Радамиста, сына иберского царя Фарсмана, на армянский престол был возведен Тиридат I, брат парфянского царя Вологеса I. Примириться с этим римляне, конечно, не могли. И в 58 г. н. э. римские легионы под начальством Корбулона двинулись в глубь Армении и выступили против Тиридата. Во время и этой войны, как и в 35/36 г., в Армению вновь вторглись северные варвары, но на этот раз не аланы, а гениохи.

Об этом нашествии, как и о военных действиях 58 г., ценные сведения имеются у Тацита, которые считаю нужным привести в подлиннике и переводе, подчеркнув места, касающиеся нашествия на Армению гениохов.

«Однако Тиридат, — сообщает Тацит, —¹⁸ поддержанный кроме своих клиентов также и силами брата Вологеса, уже не скрытно, а открыто начал войну и напал на Армению. Он опустошал земли тех, которых полагал верными нам, а если выступали против него войска, он уклонялся и, спешно устремляясь туда и сюда, наводил страх больше слухами, чем сражением.

Таким образом, Корбулон, долгое время тщетно искавший случая дать сражение, был по примеру врагов вынужден вести стычки повсюду и потому рассеял свои войска с той целью, чтобы помощники его и

¹⁵ Plin. Nat. Hist., VI, 12, 1 (изд. Littré).

¹⁶ K. Miller. Itineraria Romana, Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916, SS. 623—624.

¹⁷ Там же, стр. 624.

¹⁸ Tacitus. Annales, XIII, 37.

начальники одновременно совершали нападения в разных местах. Вместе с тем он уговорил царя Антиоха напасть на близлежащие области. Фарасман же, убив своего сына Радамиста, как изменника Рима, чем он хотел засвидетельствовать свою верность нам, более решительно проявил свою давнишнюю ненависть по отношению к армянам

Тогда же впервые были привлечены на нашу сторону гениохи; этот народ, который более других был связан союзом с римлянами, совершил нашествие на отдаленные окраины Армении. Таким образом, намерения Тиридата приняли противоположный оборот»

(At Tiridates, super proprias clientelas, ope Vologesis fratris adjutus, non furtim jam, sed palam bello infensare Armeniam, quosque fidos nobis rebatur, depopulari, et si copiae contra ducerentur, eludere, hucque et illuc volitans, plura fama, quam pugna exterrere. Igitur Corbulo, quaesito diu proelio, frustra habitus, et exemplo hostium circumferre bellum coactus, dispartit vires, ut legati praefectique diversos locos pariter invaderent. Simul regem Antiochum monet, proximas sibi praefecturas petere. Nam Pharasmanes, interfecto filio Radamisto, quasi proditore, quo fidem in nos testaretur, vetus adversus Armenios odium promptius exercebat.

Tuncque primum illecti insochi, gens ante alias socia Romanis, avia Armeniae incursavit. Ita consilia Tiridati in contrarium vertebant).

В приведенном летописном тексте Тацита, как мы видим, северный народ, вступивший в союз с Римом и совершивший нашествие на Армению, назван Insochi. До последнего времени ученые полагали, что Insochi есть искажение и что название этого народа следует исправить и читать Moschi. Поэтому почти во всех трудах по истории Рима, как и древней Армении, обычно предполагалось, что союзниками Рима во время римско-армянской войны 58—59 гг. были мосхи, жившие между Колхидой, Иберией и Арменией.¹⁹

Это предположение, как теперь полагают, должно быть отвергнуто. Ученые действительно упустили из виду, что мосхи вовсе не были в то время сильным и независимым народом и что их страна, нынешняя Месхетия или Самцхе, входила тогда в территориальный состав Колхиды, Иберии и Армении.

«Область Мосхская,— сообщает Страбон,²⁰ — в которой находится храм (Левкогеи), разделена на три части: одною из них владеют колхи, другою — иберы, третьею — армяне».

По данному вопросу считается в настоящее время более правильным и приемлемым предположение Carry. Последний полагает, что искаженное название северного народа Insochi следует читать не Moschi, а Epiocchi. Имя этого же народа, как указывает Carry, встречается в *Анналах* Тацита также в главе 68 второй книги.²¹

Союз Рима с гениохами является любопытным историческим фактом, который ясно указывает, что при императоре Нероне, во время войны его легата Корбулона в Армении (58—59 гг.), в сферу римского влияния был втянут, кроме иберов, также воинственный народ Кавказского побережья Черного моря — гениохи, живший к северу от Диоскурии-Сухуми.

¹⁹ Cp. Th. Mommsen. *Römische Geschichte*, Bd. V, Dritte Auflage, Berlin, 1886, S. 386; W. Schur. *Die Orientpolitik des Kaisers Nero* — «Klio», 1923, N 15; Г. А. Халагьянц. *Указ. соч.*, М., 1910, стр. 295 и др.

²⁰ Strabo, XI, 2, 18 (499).

²¹ См. *Classical Review*, 1911, XXV, p. 107, cp. *Cambridge Ancient History*, vol. X, p. 880.

Не подлежит, конечно, спору и само собой разумеется, что вторжение гениохов в Армению следует предположить не через Дарьяльский проход, а по Мэотидско-Колхидской магистрали, пролежавшей через их страну и спускавшейся в Колхиду, а затем идущей через Зекарский перевал, Абастуман и Ахалцих в северо-западные области Армении.

Таким образом, определенно выясняется вновь, что при своих вторжениях в Армению как киммерийско-скифские племена,²² точно так же и аланы и гениохи проникали с Северного Кавказа на юг не через Дарьяльский проход, а по более удобной и доступной Мэотидско-Колхидской магистрали.

4. НАШЕСТВИЕ АЛАНОВ НА АРМЕНИЮ И МИДИЮ В 72 Г. Н. Э.

В 72 г. н. э. аланы, с которыми не удалось справиться Нерону, совершили нашествие на Армению и Мидию, о чем подробно сообщает Иосиф Флавий.

«О том, что народ аланский, — рассказывает Иосиф Флавий,²³ — обитавший около Танаиса и Мэотидского (Азовского) моря, суть скифы, мы сообщили уже раньше. А в это время они, задумав с целью грабежа вторгнуться в Мидию и еще далее, сговорились с царем гиркан. Ибо этот последний был владыкой прохода, который царь Александр замкнул железными воротами. И после того, как тот открыл им проход, они сообща напали на мидийцев, застигнутых врасплох, и опустошили многолюдную страну, полную всякого скота, и никто не осмелился оказать им сопротивление. Ибо царь страны Пакор, испугавшись, убежал в труднодоступные места, оставив всех остальных на произвол судьбы. С большим лишь трудом он спас жену и наложниц, захваченных в плен, уплатив сто талантов. Не встретив сопротивления, аланы с большой легкостью разграбили все до самой Армении и ушли, взяв всю добычу. В Армении царствовал Тиридат, который выступил против них и, дав сражение, чуть было не был взят в плен во время самого боя. Кто-то издали бросил на него аркан, и он был бы схвачен, если бы тотчас не разрубил своим мечом аркан и не пустился бежать».

Из всех сообщений о проходах через Кавказский хребет, которыми пользовались аланы при своих вторжениях, наиболее путанным является, несомненно, приведенное свидетельство Иосифа Флавия. И несмотря на это, свидетельство это приводится без предварительной критики в исторических трудах как западноевропейских, так и армянских ученых.

Германский ученый Гутшмид, например, как и пользовавшийся его трудом Халатьянц, не обратил внимания на то, что царь гиркан не мог открыть аланам Дербентский проход, так как Гиркания лежала к востоку от Каспийского моря, Дербент же находился не в Гиркании, а на западном побережье Каспийского моря.²⁴ Они оставили без внимания также и то, что в сообщении Иосифа Флавия речь идет о разгроме аланами Мидии и Армении и ни слова не говорится об опустошениях Албании.

Наличие путаницы в сообщении Иосифа Флавия было замечено Моммзенем. По его мнению, указание Иосифа Флавия, что аланы

²² См. мою работу «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья». Ереван, 1944, стр. 44—45.

²³ Jos. Flav. *Bel. Jud.*, VII, 7, 4 (244—246).

²⁴ См. Guischmid. Указ. соч., стр. 133; Г. А. Халатьянц. Указ. соч., стр. 295; его же Армянский эпос в истории Армении Моисея Хоренского, М., 1896, стр. 243—244.

вторглись в Мидию и Армению с согласия царя гиркан через «Железные ворота», сооруженные Александром Великим, объясняется, повидимому, тем, что в означенном свидетельстве под этим проходом подразумевался, по недоразумению, горный проход около нынешнего Рея, древней Раги, называвшийся также Каспийскими воротами²⁵ Это сопоставление, конечно, является явным недоразумением, так как аланы жили не к юго-востоку от Каспийского моря, а на северо-западных склонах Кавказских гор и далее до Мэотиды. Они шли, разумеется, не из Мидии в Закавказье, а из Закавказья в Мидию.

Изложенное соображение Моммзена хотя и правильно, однако, самая путаница в представлении о Каспийских воротах у Иосифа Флавия остается и у него все-таки невыясненной.

Я полагаю, что при критическом разборе приведенного сообщения Иосифа Флавия нужно принять во внимание, что в греко-римских источниках, как отмечалось Марквартом,²⁶ Иберия иногда называлась Нугсапе или Нугсапия (= арм. *Virg*). Нетрудно поэтому догадаться, что первоисточник, которым пользовался Иосиф Флавий, говоря о сговоре алан с царем гиркан, имел в виду не царя Гиркании, а царя Иберии. Повидимому, гирканы-иберы смешаны в свидетельстве Иосифа Флавия с подлинными гирканами, откуда и произошла замена прохода, находившегося в Иберии, Каспийскими воротами около Рея. А если это так, то можно с уверенностью заключить, что аланы вторглись в Закавказье и затем в Мидию не через Дербентский проход, как указывается в исторических трудах, а через один из проходов, лежавших на территории Иберии, а именно — или через Дарьяльское ущелье, или через Сурамский перевал, или же через Зекарский перевал и теснины около станционного пункта *Caspiæ* Таблиц Певтингера.

Через какой из этих проходов вторглись аланы в Армению и Мидию, определить очень трудно, так как об этом нет прямых или косвенных указаний в источниках. Однако, если принять во внимание, что они в 35/36 г. были впущены иберами в Армению так называемой Каспийской дорогой, отождествленной нами с южной ветвью Мэотидско-Колхидской магистрали, можно считать возможным и даже вероятным, что и в 72 г. они могли быть впущены царем Иберии в Армению и Мидию по этой же магистрали.

²⁵ См. Th. Mommsen. *Römische Geschichte*, Bd. V, 1886, S. 394, Anm. 1.

²⁶ См. J. Markquart. *Beiträge zur Geschichte und Sage von Iran*. ZDMG, XLIX, 1895, S. 633 и его же: *Eranschahr*, Berlin, 1901, S. 101.

А. В. СОЛОВЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Литература, посвященная «Слову о полку Игореве», огромна. Но в ней преобладает изучение вопросов филологических, археографических и историко-литературных. О политических вопросах в ней говорится вскользь, обыкновенно в связи с вопросом о личности певца и его симпатиях.

О певце «Слова» высказывались самые разнообразные мнения. Все более или менее согласны с тем, что его писал южанин (Максимович, Ор Миллер). Одни считают его киевлянином, другие чернигово-северским певцом (Иловайский). Часто говорят, что он был дружинник Игоря. Так, Огоновский в 1876 г. писал, что это «светский автор, из дружины Игоревой, но без всяких политических взглядов. В XII веке не была еще выработана идея единства Русской земли». Противоположного взгляда придерживается другой галицийский автор, А. Петрушевич, писавший в 1887 г., что «певец Игоря был воспитан под влиянием народных преданий, проживал в среде бояр и дружины, изучая прилежно русские летописи, был знаком с богословскими старо-славянскими книгами и языком их... он воплотил в своих сочинениях задушевную мысль *единства Русской земли*, зародившуюся в нем под напором инородцев, окружавших Русь». Тот же Петрушевич утверждает, что «сочинитель был выходцем из Галицкой Руси — он блещет западнорусским образованием, которое дружиннику юго-восточной стороны Руси недоступно». Это утверждение мало доказательно, так как галицийская литературная школа намечается только после 1205 г. (в Ипатьевской летописи), и несомненно создавалась под влиянием киевской школы XII в. Отметим, в виде курьеза, соображение И. Малышевского, что автор «Слова» жила в Тмутаракани и был странствующим книжным певцом.¹

В последние годы, наряду с предположением о киевском или черниговском происхождении певца, опять выдвигается гипотеза Петрушевича о том, что он был родом из Галицкой области. Так, академик А. С. Орлов, рассматривая разные гипотезы об участии западнорусской стихии в «Слове», в том числе и белорусской стихии, приходит к остроумному выводу, что «Слово» написано в стиле юго-западной Руси по галицко-волинской манере, с его боевой картинностью, с любовью к метафорам, с рыцарственной лирикой и даже с западными элементами в лексике. «Но это, конечно, только гадание, и мы склоняемся лишь к предположению галицко-волинской манеры в «Слове»,² — пишет академик А. Орлов.

¹ И. Малышевский. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». ЖМНП, 1879, № 8.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 204.

Некоторые авторы идут еще дальше и стремятся точно указать автора «Слова». Так, в 1846 г. Головин считал автором «Слова» «Тимофея в Галиче, премудрого книжника», жителя Галича, но родом киевлянина, и воссоздает не без остроумия его биографию.³ А писатель А. Югов в примечаниях к своему переводу «Слова» 1946 г. прямо указывает на перемышльского «словутного певца Митусу» (Ипатьевск. летопись под 1241 г.), который будто бы является автором «Слова».

В связи с этим нам хочется остановиться подробнее на историко-политическом кругозоре певца, на тех князьях и событиях, которые он воспекает. Надеемся, что такой разбор поможет нам выяснить мирозерцание и личность талантливого певца конца XII века.

1

По классической формулировке К. Маркса, «смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».⁴

Каких же русских князей призывает и воспекает «песнетворец»?

В первых же строках своего «Слова» он ссылается на вешего Бояна, «помнившего первых времен усобицы». Боян пел песни о «старом Ярославe, храбром Мстиславe, иже зареза Редедю пред полки касожскими, красному Роману Святъславличю».

Итак, вот первый круг князей, упоминаемых в «Слове». Остановимся на них «Старый Ярослав» — это, несомненно, Ярослав Мудрый, выдержавший междоусобную борьбу со Святополком (ум 1019) и другим братом Мстиславом (ум. 1036) и ставший после того великим князем, «единодержцем земли Русской». Ярослав, умерший в 1054 г., за 130 лет до написания «Слова», называется «старым», в отличие от других, позднейших Ярославов: Ярослава Святополчича (ум. 1123), Ярослава Святославича муромского (ум. 1130), Ярослава Юрьевича пинского (упом. до 1183), Ярослава Изяславича луцкого, ставшего великим князем киевским в 1172 г., и современников автора «Слова» Ярослава Всеволодича черниговского (ум 1198) и Ярослава Осмомысла галицкого (ум 1187). Боян, вероятно, воспевал победу Ярослава над братоубийцею Святополком, но мог воспеть и битву его при Листвене с Мстиславом черниговским (в 1024). Недаром описание этой битвы в Начальной летописи отличается такими лиро-эпическими чертами.⁵

Следующий князь, воспетый Бояном, был Мстислав черниговский и тмутараканский. От этого храброго князя начинается величие Чернигова, украшенного им прекрасным собором; от него началась крепкая связь между Черниговом и Тмутараканью, отголоски которой еще чувствуются в «Слове». Поэтому его очень уместно было вспомнить при рассказе о походе Игоря. Борьба храброго Мстислава с касожским князем — это один из самых ярких эпизодов борьбы Руси со степными силами, это пример для героев «Слова».⁶

Наконец, «красный Роман Святославич» — такой же яркий продолжатель этой черниговско-тмутараканской традиции, младший брат игорева деда Олега Гориславича. Он был князем в Тмутаракани и погиб, изменнически убитый своими союзниками половцами. Его ран-

³ П. В. Владимиров, Литература «Слова о полку Игореве» со времени его открытия до 1894 г. «Киевск. Унив. известия», 1894, № 24, стр. 65—135.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

⁵ «И бывши нощи, бысть тма и громове и дождь... и бысть сеча сильна, яко посветише молнья и блисташася оружья и бе гроза велика и сеча сильна и страшна». Летопись по Ипатскому списку, СПб., 1871 (в дальнейшем цит. «Ипатьевск. лет.»).

⁶ Там же, стр. 103, под 1022 г.

«От старого Владимира» означает — от периода духовного и государственного единства, нарушенного затем «усобицами первых времен» сейчас же после его смерти в 1015 г.

Наконец, упоминается «нынешний Игорь» — Игорь Святославич. Это герой поэмы: он назван в ней по имени 31 раз (не считая тех мест, где он назван «князь», «Святославич», «лада» и т. п.). Он — храбрый витязь, полный мужества и ратного духа. Но, восхищаясь его удалью и любя его, певец в первых же строках указывает на его безрассудство. «Спала князю ум полони и жалость ему знамение заступи» — указывает на предостережения судьбы («солнце ему тьмою путь заступаше... лисицы брешут на чрвленныи щиты»). Этот замечательный отрывок, полный страшных знамений, выражает тревогу певца перед удалым безумством Игоря.

С такою же, если не большею, симпатией говорит певец о милом брате Игоря, о «буй-туре» Всеволоде, князе трубчевском и курском (ум. 1196). После смерти их старшего брата Олега (ум. 1180) их осталось только двое братьев, они с гордостью говорят: «оба есве Святъславлича». Таким образом, косвенно назван и их отец Святослав Ольгович, князь северский (ум. 1164).

И дальше Игорь назван «храбрый Святъславличъ», а оба брата вместе с племянниками — «Ольгово храброе гнездо». Впервые упоминается их храбрый и беспокойный дед Олег Святославич, князь черниговский и тмутараканский, дух которого витает над всею поэмою.

В своей импрессионистской манере певец «Слова» не дает точного подробного эпического рассказа. Он назвал Игоря, назвал Всеволода, но не указал даже, кто из князей еще пошел с ними в поход. Это он предполагает известным своим слушателям и в описании второго дня битвы просто говорит: «черные тучи... хотят прикрыти четыре солнца». Значит, кроме Игоря и Всеволода было еще два князя; как мы знаем из летописи, это были старший племянник их Святослав рыльский и старший сын Игоря — Владимир, которому, если верить летописи, в это время шел всего 12-й год.¹¹ Дальше в ответе бояр великому князю образ «четыре солнца» заменен другими: «два солнца померкоста... и с ним молодая месяца, Олег и Святъслав, тьмою ся поволокоста». Очень странно, что «молодыми месяцами» — княжичами¹² названы здесь Олег и Святослав, а не Святослав и Владимир, как следовало бы. Правда, у князя Игоря был еще младший сын Олег (род. 1175), но тогда оказалось бы три княжича, ибо Святослав Ольгович и Владимир, несомненно, участвовали в походе. Очень возможно, что тут ошибка переписчика, — певец «Слова» не сделал бы ее сам.

В описании второго дня битвы особенно выделяется «яртур» Всеволод: он главный герой этой битвы. И по поводу его подвигов вспоминается опять град Чернигов с «отним златым столом» и нежный женский образ «милыя хоти красныя Глебовны» — его жены, дочери Глеба Юрьевича (ум. 1171), суздальской правнучки Мономаха и сестры храброго Владимира Глебовича переяславского. Это первый из образов любящих жен и матерей, столь дорогих певцу «Слова».

По поводу подвигов двух Святославичей певец совершает отступление в прошлые века. «Были вещи Трояни, минула лета Ярославля, были

¹¹ Ипатьевская летопись упоминает рождение Владимира 8 октября 1173 г. Но еще Н. М. Карамзин (И. Г. Р., т. I, прим. 170) отметил неточность хронологии Ипатьевской летописи, которая под этим же годом помещает рассказ о походе суздальцев на Новгород, случившийся в 1169 г. Вероятно, и Владимир родился в 1169 г., и во время похода ему шел уже 16-й год.

¹² Ср. в польском языке название полумесяца *księżyca*, т. е. «княжич».

плъци Олговы». Этой запевкой певец возвращается к традиции и стилю своего предшественника Бояна. Тот ведь, как было сказано выше, рыскал «в тропу Трояню», пел песни «старому Ярославу» и, как увидим дальше, и его внуку — Олегу Святославичу.

Именно Олег Святославич, воспетый некогда Бояном, особенно дорог сердцу певца «Слова». Хотя о нем и сказано с укором, что он «мечом крамолу коваше», все же певец восхищается его удачью. Яр코 описывает он, словно видит своими очами, как Олег «ступает в злат стремень в граде Тмуторокане», — этот звон разносится по всей Русской земле: его слышит и великий князь Всеволод Ярославич, а сын его Владимир «по вся утра уши закладаша в Чернигове».

Опять стилистическая неясность в упоминании о Всеволоде: в тексте сказано «слыша давший великий Ярослав сын Всеволожь». Все издатели давно исправляют «Ярославль сын Всеволод».¹³ Но тогда неясно, к кому отнести эпитеты «давний великий», — они больше подходят по существу к Ярославу Мудрому, чем к его сыну Всеволоду; впрочем, и Всеволод мог быть назван «великим», как великий князь с 1078 по 1093 г.; он мог быть назван и «давним» по сравнению со Всеволодами XII в. (Всеволодом II Ольговичем, ум. в 1146 г. и Всеволодом III Большое Гнездо). Зато его сын Владимир не назван ни «великим», ни «давним» («старым»), ни Мономахом. Он упоминается не в связи с Киевом, а в связи с Черниговом, где сидел в 1093 г. как незаконный захватчик. Живая ироническая картина этого трусливого захватчика, зажимающего уши в страхе от звона, возвещающего ему приезд законного вотчича, — вот изображение Мономаха с точки зрения черниговского певца, для которого на первом месте — интересы его черниговских князей и их предков.¹⁴

Тут же певец, уходя назад, вспоминает другого «храбра и млада князя» Бориса Вячеславича, убитого 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной ниве. Опять-таки этот малозначительный князь-изгой памятен певцу только потому, что он защищал черниговские интересы. Он пришел из Тмутаракани вместе с Олегом Святославичем и пал «за обиду Олгову». В той же битве произошло более крупное событие: в ней был убит противник обоих изгоев — великий князь Изяслав Ярославич. Но эта смерть нашла лишь неясное и смутное отражение в «Слове» в следующей фразе: «с тоя же Каялы Святополк полелея отца своего между угорскими иноходцы ко святей Софии к Киеву». Очевидно, смерть Бориса на Нежатиной ниве вызвала в памяти певца и образ смерти его противника Изяслава. Но описал он ее настолько неточно, что многие комментаторы (Вс. Миллер, Огоновский, Шамбинаго и Перетц) считают, что здесь говорится о тесте святополковом хане Тугоркане, убитом 19 июня 1097 г. под Переяславлем и похороненном на Берестовом между двух дорог. Основания для этого утверждения следующие: в 1078 г. убитого Изяслава повезли по Днепру на ладье, его тело провожал сын Ярополк, а не Святополк, и похоронил его не у св. Софии, а в церкви св. Богородицы, т. е. Десятинной. Но все это мелочи, не меняющие общей картины погребения отца. Неужели фразу «с тоя же Каялы (т. е. с того же места битвы. — А. С.) Святополк полелея (т. е. заботливо повез. — А. С.) своего отца ко св. Софии (т. е. в соборный храм) — можно истолковать так «Спустя 19 лет (совсем из

¹³ Сам «дальний великий Ярослав» (ум 1054) никак не мог слышать о подвигах своего внука Олега Святославича, выступившего на политическую арену лишь в 1076 г., несомненно, еще юношею.

¹⁴ Поэтому мы и утверждаем, что оба упоминания «старого Владимира» относятся к Владимиру Красное Солнышко, к «единодержцу Русской земли».

других мест) Святополк повез труп своего *тестя и врага*» (так в летописи) и велел похоронить его вне Киева, меж двух дорог». Везти труп языческого хана к св. Софии, конечно, нелепо.¹⁵

По нашему мнению, воспоминание о гибели храброго Бориса вызвало в памяти певца и смерть вел. князя Изяслава. Гибель обоих противников в одной битве «на той же Каяле» в 1078 г. — это самый яркий пример «княжеских крамол», начавшихся «при Олзе Гориславичи» «Тогда было тяжко Русской земле, в те рати и в те полки, но такой рати не слышно, как теперь».

От этого отступления в глубь XI в. певец возвращается к третьему дню битвы — к поражению и плену князей, еле намеченному в аллегории: «померкли два солнца, а с ними два молодых месяца».

Плач о гибели «Игорева храброго плъку», вероятно, навеян, наряду с новыми образами и готовыми фразами, старыми, может быть даже бояновыми песнями. Например, весь отрывок: «Уже бо, братие, невеселая година встала..» — заключают строки: «и начаша князи про малое се великое млъвити... а погании с всех стран приходяду..» Конечно, не после плена игорева это случилось, а тут дана обычная картина начала княжеских усобиц, начавшихся уже сто лет тому назад. Быть может, эти строки связаны с бояновой песнью о Нежатиной ниве или о битве на Немеиге

Все мифические образы, встречающиеся здесь, и Обида с лебедиными крыльями, и Карна и Жля, может быть, тоже заимствованы из песен XI в. Но фраза «а вьстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастми; тоска разлися по Руской земле», вероятно, принадлежит певцу В ней знаменательна его двойственная — «киевско-черниговская» установка. Он, как мы увидим дальше, придворный певец киевского великого князя Святослава. Потому Киев как столица у него на первом месте. Но Святослав — природный черниговский князь, севший в Киеве лишь в 1180 г.:¹⁶ его придворный певец, несомненно, пришел с ним из Чернигова, вырос в Чернигове, и местные черниговские предания, черниговские князья ему дороже и ближе всего. Вот откуда его симпатия к Игорю и Всеволоду, вот откуда его преклонение перед их старшим братом Святославом. Но его черниговский патриотизм связан с любовью ко всей Русской земле. Ее певец обнимает мысленным взором во всей широте, со всеми ее князьями и городами

И тут, в связи с концом битвы, с горестью, которую она вызвала и в Киеве и в Чернигове, выступает новый герой поэмы, ее резонер — «Святослав грозный великий киевский». Святослав изображен превеличенно Он «своею грозою усыпил лжу» Он притрепал землю Половецкую своими сильными полками, он притоптал холмы и яруги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. В этих гиперболических строках носитель верховной власти великий князь Киевский и Рус-

¹⁵ Певец «Слова» знает о битве на Нежатиной ниве из черниговско-тмутараканской традиции. Ему дороги Олег и Роман Святославичи и их союзник Борис. Что же делалось на стороне противника, он в точности не знает. У него осталась в памяти общая картина: убитого великого князя сын бережно повез в Киев, там его торжественно встретили и перевезли в большую церковь. Общая картина точна, а подробности изменены вместо Ярополка более известный Святополк, вместо ладьи — «угорские иноходцы» (но ведь с Нежатиной нивы до Днепра надо было везти на конях), вместо церкви св. Богородицы — св. Софии. Но вся эта картина неприменима к Тугоркану, зарытому без почестей «на Берестовом на могиле, межу путем, грядущим на Берестово», а другим, идущим в монастырь. Так толкует это место и акад. Б. Д. Греков («Киевская Русь», М., 1944, стр. 293).

¹⁶ Святослав Всеволодович занимал Киев уже в 1176 г., но окончательно утвердился в нем в 1180 г. (Ипатьевск. лет., стр. 420—422).

ский (на самом деле довольно незначительный)¹⁷ Святослав III Всеволодович вырастает до гигантских размеров мифического богатыря. Такие строки мог написать только его придворный певец, близко с ним связанный и преданный ему. В дальнейшем описании того, как Святослав исторг поганого Кобыка из лукоморья от железных великих полков, как вихрь («и паде Кобыка в граде Киеве в гриднице Святославли»), — те же невероятные эпические размеры силы, как у Микулы Селяниновича или Ильи Муромца.

Великому грозному Святославу поют славу «немци и венецици, греки и морави». Его слава переплеснулась за пределы Русской земли и звенит по всей Европе. И те же Европа и Русская земля «кают князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы-реки» Слава — великому грозному Святославу! Укоризна — храброму Игорю!

Вот основная мысль поэмы, единой от начала до конца. Об этом говорит и мутный сон Святослава, и мудрый ответ его бояр В нем все та же симпатия к двум соколам, слетевшим со злата стола, так же тепло говорится о «двух солнцах и двух молодых месяцах». Эти строки писал тот же поэт, что в начале поэмы восхищался храбростью и удалью обоих братьев. Но недаром он и тогда все вспоминал их деда Олега, тоже храброго, но достойного укоризны за свои усобицы. Симпатия и укор — это двойственное отношение к родным северским князьям, которых певец, вероятно, видел еще детьми, проходит через всю поэму. Оно сильнее всего выражено самим Святославом в его «златом слове со слезами смешаном». Любовно и строго величественно укоряет он своих «сыновцев» Игоря и Всеволода. Отметим Святослав всего лишь их старший двоюродный брат, но почтение к великому князю, который всякому другому должен быть «в отца место», заставляет придворного певца сперва сказать про Святослава «отец их», а великого князя — обратиться к ним «моя сыновчя», словно они сыновья его брата. Этим подчеркнуто величие киевского стола и не родословное, а государственное старейшинство Святослава. Слава Киева все еще жила и освещала его своим ореолом.¹⁸

После отеческих укоров безрассудным храбрецам великий князь Святослав переводит мысленные взоры на других князей и призывает их вступить в злат стремя за обиду игореву, за землю Русскую. Эти призывы — самое интересное в политическом смысле место всей поэмы.

Прежде всего, Святослав не видит «сильного и богатого и многоволя брата моего Ярослава», т. е. Ярослава черниговского. Это действительно его родной брат, заменивший его на черниговском златом столе. Довольно незначительный князь, он отмечен в источниках только своею нерешительностью.¹⁹ Но певец «Слова» заставляет великого князя обращаться прежде всего к нему по требованиям семейного этикета

¹⁷ Правда, он только что одержал большую победу над половцами в общерусском походе в июне 1184 г. на хана Кобыка. Необходимо исправить хронологию Ипатьевской летописи: она помещает этот поход под 1183 г., но дает точную дату победы: «месяца июля в 30 в понедельник», а 30 июля приходилось на понедельник в 1184 г. Заметим, что в Лаврентьевской (и IV Новгородской) летописи поход Святослава на Кобыка и поход Игоря помещены под двумя последовательными годами — 1185 и 1186 (с опозданием на год). Несчастный поход Игоря состоялся через 9 месяцев после удачного похода Святослава, поэтому тяжелое впечатление от него было особенно сильно.

¹⁸ М. Грушевский, История Киевской земли К, 1891, стр. 214. Тот же Святослав III, обращаясь к Всеволоду Б Гнездо, называет его «братом и сыном» (Ипатьевск. лет., стр. 419), хотя Всеволод был его четверюродным братом, а не племянником, а по матери даже двоюродным дядею.

¹⁹ Ипатьевск. лет., стр. 426, 440.

(и местного черниговского патриотизма) Ярослав назван на первом месте. Подробно описываются храбрость и слава его полков, перечислено шесть племен его «былей». ²⁰ Видно, что они знакомы и дороги певцу, знающему даже подробности их вооружения («без щитов с засапожники»). Их звонкая «прадедняя слава» — это и его слава, слава черниговского княжества.

Как контраст прадедней славе, изображено несчастье этих лет, следствие игорева похода: кричат «в Риме» под саблями половецкими, и Владимир Глебович ранен.

Владимир Глебович — это правнук Мономаха, внук Юрия Долгорукого, представитель враждебного Ольговичам «племени», племянник Андрея Боголюбского и ставленник его в Переяславле Южном. Но он давно пользуется симпатиями Южной Руси. ²¹ Он храбрее всех братьев воюет против половцев и породнился с черниговскими князьями: сестра его была замужем за «буй-туром» Всеволодом, а сам он женат на дочери Ярослава черниговского. Поэтому вполне логично упоминание о нем в связи с его тестем Ярославом и храбрыми черниговскими былями.

От Владимира Глебовича, племянника могучих суздальских князей, взоры Святослава (направляемые певцом), ²² естественно переходят на север к великому князю Всеволоду Большое Гнездо. Он должен был бы заступиться и за своего племянника Владимира, и за Игоря как мужа его племянницы (мать Ярославны — дочь Юрия Долгорукого); наконец, он сам — двоюродный дядя Святослава Всеволодовича по матери последнего.

И «великий Всеволод» изображен в эпических тонах: «ты бо можешь Волгу веслы раскропiti, а Дон шеломы выльяти». ²³ Он может «стрелять живыми шерешеры, удалыми сыны Глебовы». Под этими Глебовичами нельзя подразумевать племянников Всеволода Большое Гнездо, ибо Владимир Глебович был уже упомянут. Вернее, это рязанские князья — пять братьев: Роман, Игорь, Владимир, Всеволод и Святослав, сыновья Глеба Ростиславича (ум. 1176). Хотя они принадлежат к племени черниговских князей как правнуки брата Олега Святославича, Ярослава мурома-рязанского (ум. 1129), но они сильно удалились от героев поэмы (они их троюродные племянники). Рассорившись с черниговскими князьями, они стали подручниками своего могущественного соседа Всеволода Большое Гнездо, с которым ходили в 1183 г. в поход на Великих Болгар на Волге. Потому певец «Слова» упоминает их только вскользь в этом контексте и даже несколько иронически — как послушные орудия их могущественного соседа.

Третье обращение певца — к другим Мономашичам, к сыновьям Ростислава Мстиславича смоленского (ум. в 1167 г. великим князем киевским и причислен к лику святых, как и его отец). Это хорошо известные в Киеве «буй-Рюрик» (ум. 1215) и Давид (ум. 1237). Их высоко поэтическая характеристика «не ваю ли злеченые шеломы по

²⁰ Названия «Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберя» прекрасно объясняются из тюркских языков (см. статью Расоной в «Заметках к Слову о полку Игореве», изд. Ин-та им. Н. П. Кондакова, вып. 1, Прага, 1936). «Были» — ср. тюрко-болгарское *Boilas* — название болгарских бояр.

²¹ Недаром Ипатьевская летопись пишет: «о нем же украиня много постана.. и плакашася по нем все переяславци» (Ипатьевск. лет., стр. 439).

²² Собственно говоря, только к брату Ярославу Святослав Всеволодович обращается лично; обращение: «великий княже Всеволоде» исходит уже из уст певца. Великий князь назвал бы его «брате и сыне».

²³ Ср. в Лавр. лет. под 1212 г. о Всеволоде: «Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его и вся зломысли его вда бог под руке его».

крови плаваша, не ваю ли храбрая дружина рыкают аки туры» и т. д. — показывает, что они пользуются симпатиями певца (он говорит им «господина», чего не мог бы сказать им великий князь), но гиперболизация здесь нет, обращение проще и ближе к реальной жизни.

Почему Рюрик и Давид названы на третьем месте, раньше могущественного Ярослава Осмомысла? На этом следует остановиться. Они оба близки к Киевской земле и к черниговским князьям. Когда их отец Ростислав сел в 1159 г. великим князем в Киеве, он посадил тут и Рюрика, под рукою у себя, а затем и Давида; с тех пор они почти не покидали Киевскую землю. В 1164 г. старший брат Игоря Святославича Олег женился на их сестре, следовательно, Святослав рыльский, участник похода 1185 г., — их родной племянник. Но главное то, что Рюрик — участник великокняжеской власти. Еще в 1172 г. он сел великим князем в Киеве при поддержке своих братьев Давида и известного Мстислава Храброго (ум. 1180). Правда, его сместил Андрей Боголюбский, но после его смерти Ростиславичи опять завладели всей Киевской волостью. В 1176 г. у них отнял Киев Святослав Всеволодович, но они сохранили за собою почти все киевские волости — Вышгород, Белгород, Овруч. Они мирились и ссорились с Святославом Всеволодовичем, пока, наконец, в 1180 г. Рюрик не «сѣступилсѣ ему старейшинства и Киева, а себе взя всю Рускую землю». ²⁴ Таким образом установилось оригинальное двоевластие, продолжавшееся до самой смерти Святослава III (25 июля 1194 г.). Святослав получил титул «старейшего великого князя» и Киев только с окрестною, как кажется, округою, всею же остальною «Русскою (т. е. Киевскою) землею» владел Рюрик; любопытно, что Киевская летопись обоих их именует великими князьями. ²⁵ Примирение было скреплено браком Глеба Святославича с дочерью Рюрика, и таким образом оба великих князя оказались сватами. ²⁶ Рюрик пользовался большими симпатиями киевлян и черных клобуков и участвовал во всех походах против половцев, например в удачном походе 1184 г., когда Святослав взял в плен хана Кобыяка. Давид в это время княжил в Смоленске и не особенно охотно отзывался на призывы защищать «землю Русскую». Именно после пленения Игоря в 1185 г. Святослав призвал его на помощь, но Давид еле дошел до Триполья, его смоляне отказались идти дальше, и из-за этого Святослав и Рюрик опоздали помочь городу Рымову, уже взятому половцами. Намек на это разногласие мы видим дальше в стихе: «сего бо ныне стаща стязи Рюрикови, а друзии Давидовы, нѣ розно ся им хоботы пашут».

Только на четвертом месте после Ярослава Черниговского, Всеволода Большое Гнездо и двух Ростиславичей поставлен Ярослав Осмомысл. Этого «господина», тестя Игоря, певец опять воспекает в гиперболических тонах, в прекрасных эпических образах: «подпер горы Угорския своими железными полкы... затворив Дунаю ворота, мечя бремены под облакы... грозы твои по землям текут, отворяеши Киеву ворота, стреляеши с отня злата стола салтаны за землями». При таком могуществе как ему не заступиться за зятя, за родную дочь, чей трогательный образ парит над Путивлем в предпоследней части «Слова». Но, как мы знаем из летописи, Ярослав Осмомысл остался глух к этим пламенным призывам. Как и раньше, он не принимал участия в борьбе против

²⁴ Ипатьевск. лет., стр. 422.

²⁵ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 243.

²⁶ Кроме того, Рюрик и Давид — двоюродные братья Святослава Всеволодовича, внука Мстислава Владимировича Великого по матери.

половцев, занятый своею западной, карпатской и дунайской политикой, и только изредка посылал Киеву «галицкую помощь»²⁷

Пятый призыв к «буй-Роману и Мстиславу». Роман — это, конечно, сын Мстислава Изяславича (ум 1170), правнука Мономаха. Уже с 1168 г. Роман занимал сперва новгородский, а затем владими́ро-волинский стол и был женат на дочери Рюрика Ростиславича. Известна его характеристика в Ипатьевской летописи под 1205 г.: «устремил бо ся бяше ка поганые ако и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбр бо бе яко и тур, ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганых. половцы». Роман Мстиславич не принимал участия в победоносном походе 1184 г. на половцев: он боролся главным образом против других «поганных» — литовских племен; о его победах над Литвою рассказывает по каким-то утерянным для нас источникам Стрыйковский, сохранивший даже присказку «Романе, Романе, худо живешы, Литвою орешы». ²⁸ Его внимание обращено главным образом на Запад. Потому «Слово», величая его вместе с Мстиславом, говорит: «Суть бо у ваю железный папорзи под шеломы латинскими — теми тресну земля, и многи страны, Хинова, Литва, Ятвози, Деремела и Половцы сулицы свои повръгоша, а главы свои поклонили под тьи мечи харалужные». Оставив в стороне загадочную «Хинову», мы увидим, что Роман ходил и в походы на половцев, но главный объект его побед — Литва, Ятвязи, Деремела. Остановимся на них. Литва как раз усилилась в эти годы и в 1183 г. делает первый набег на Псков (а в 1191 г. на Великий Новгород), затем нападает на Турово-Пинскую землю. Ятвязи — это воинственное литовское племя, жившее за рекою Бобром в пределах теперешней Сувальской области и юго-восточной Пруссии. Деремела — это, вероятно, ятвяжская область и племя *Derpen*, *Derpne*, упоминается в прусских источниках XIII в (см. приложение 3)

Кто такой Мстислав, упомянутый вместе с Романом? Родного брата с таким именем у Романа не было. Большинство комментаторов «Слова» предполагает, что это его двоюродный брат Мстислав Ярославич Пересопницкий. Действительно, в походе 1184 г. с великим князем Святославом ходили на половцев «Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом». ²⁹ Позже он упоминается в 1205—1208 гг. как Мстислав Немой из Пересопницы, а в 1226 г. он отдал (перед смертью) свою отчину Даниилу Романовичу Галицкому. ³⁰ Но почему не упомянут тут его брат Всеволод, с которым они вместе ходили на половцев? Между тем Ингварь и Всеволод названы дальше.

Поэтому у нас является другое предположение. Не есть ли это Мстислав Всеволодович Городенский? Этот князь, внук Давида Игоревича по отцу и Мономаха по матери, княжил в Городне на Немане; ³¹ летопись упоминает его только три раза, вообще мало интересуясь этой далекой окраиной: в 1169 г. он помогал Мстиславу Изяславичу (отцу Романа) занять Киев, в 1170 г. он отозвался на призыв Мсти-

²⁷ Ср. в Ипатьевской летописи: «бе бо князь мудр и речен языком и богобоин и честен в землях и славен полкы; где бо бяшетъ ему обида, сам не ходятеть полкы своими, но посылашетъ я с воеводами, бе бо ростроил (= устроил) землю свою (Ипатьевск. лет., стр. 442).

²⁸ H. L o w m i a Ń s k i. *Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, t. I—II, Wilno, 1931—1932.

²⁹ Ипатьевск. лет., стр. 426.

³⁰ Там же, стр. 501.

³¹ О Городне и его князьях см. А. Соловьев, *Новые раскопки в Городне и их значение для русской истории* — «Записки Русск. Народн. Ин-та», вып. XIII, Белград, 1935, стр. 69—96.

слава Изяславича итти на половцев, в 1184 г. участвовал в таком же победоносном походе Святослава Всеволодовича на половцев. Следовательно, он был хорошо известен в Киеве. Но именно князя в Городне он должен был, конечно, постоянно воевать против Литвы, Ятвязи и Деремелы, своих ближайших соседей, мог ходить на них походом вместе с Романом Волынским и быть с ним если не в близком родстве, то в близком свойстве.

Шестой призыв — «Ингварь, Всеволод и все три Мстиславици, не худа гнезда шестокрыльцы» Ингварь (ум. 1202) и Всеволод — это тоже волынские князья, сыновья Ярослава Изяславича Луцкого, двоюродные братья Романа Второстепенные князья, они оба участвовали в удачном походе на Кобыя в 1184 г., поэтому их уместно было вспомнить в следующем году и рассчитывать на их помощь. Они названы (вместе с младшим братом Мстиславом Немым) «три Мстиславица» — по прадеду их Мстиславу Владимировичу Великому.

Призывы к князьям кончены (хотя вовсе не все современники упомянуты). После этого, с Волыни певец переходит к описанию полоцких событий, к полоцким князьям. Сильный интерес автора «Слова» к Полоцку для многих исследователей кажется неожиданным и мало объяснимым (особенно, если вспомнить, что ничего не сказано о Новгороде, о Смоленске, о рязанских, турово-пинских и городенских князьях). Так, например, Е. А. Ляцкий в своем исследовании предпологает, что были две основных «оригинальных песни-поэмы» и что некий «объединитель, композитор-редактор» прибавил к основным песни отдаленной старины о князьях Олеге Святославиче, Всеславе Полоцком и Изяславе Васильковиче.³²

Мы полагаем, однако, иначе: строфы о полоцких князьях внесены тем же придворным певцом Святослава Всеволодовича, который величал его и воспевал и укорял его храбрых родичей Игоря и Всеволода и при этом усердно вспоминал их храброго деда Олега Гориславича. Действительно, почему личность Всеслава и его подвиги во второй половине XI в. вдруг вклиниваются между горячими призывами певца к его современникам-князьям и трогательным плачем Ярославны об Игоре, создавая ненужное отступление и замедление действия, унося слушателей за 120 лет от описываемых животрепещущих событий?

Загадка эта разрешается просто. Сам «великий Святослав» был женат на Васильковне полоцкой, на родной правнучке Всеслава. Связи между Черниговско-Северской и Полоцкой землею были и раньше. Поскольку полоцкие князья были во вражде с Мономахом и его потомством, они часто пользовались симпатиями и поддержкою Святославичей Черниговских.

Еще около 1080 г. Владимир Мономах опустошил Полоцкую землю и взял Минск; как он сам говорит, «с половцами пошел на Менск и не оставил ни челядина ни скотины». Он первый стал «наводить поганые на жизнь Всеславу», т. е. половцев на отчину полоцкого князя.

В 1104 г. Владимир Мономах вместе с великим князем Святополком Изяславичем пошел в поход против полоцких князей. Между тем в 1108 г. игумен Даниил, родом, вероятно, из Сновска в Черниговской волости, поминает в Иерусалиме великого князя Святополка, князей черниговских и князя Глеба Всеславича минского, противника Мономаха;³³ это уже указывает на черниговско-полоцкие связи в то время.

³² Е. Ляцкий Слово о полку Игоре. Прага, 1934, стр. 55

³³ Глеб Всеславич был женат на племяннице Святополка Изяславича Анастасии Ярополковне.

В 1116 г тот же Глеб минский не захотел повиноваться Мономаху и сжег Слуцк, а в отместку за это мономахов сын сжег Друцк. Сам же Мономах, соединяясь на этот раз с Ольговичами, опять взял Минск и привел Глеба пленником в Киев, где тот и умер в заточении в 1119 г. Наконец, в 1129 г. вел князь Мстислав Владимирович решил окончательно наказать полоцких князей (с ним пошел и Всеволод Ольгович и его братья). Полоцк был взят, и все полоцкие князья лишены волосгей и отправлены в Царьград, в том числе и внук Всеслава Василько с женою и детьми.

После смерти Мстислава Владимировича полоцкие князья вернулись к себе, и тут их связи с черниговскими князьями усилились. Василько Рогволодович выдал свою дочь замуж за Святослава, сына Всеволода Ольговича, бывшего в то время великим князем Киевским. А в 1151 г. произошло редкое событие. Полоцкие князья признали черниговского князя Святослава Ольговича (отца нашего Игоря) своим главою, «яко имети его отцем себе и ходити в послушании его и на том целовата крест»,³⁴ т. е. становились его вассалами. Неизвестно, как долго продолжались эти вассальные отношения, но, например, в 1158 г. Святослав Ольгович, действительно, распоряжается полоцкими столами и дает Друцк Рогволоду Борисовичу. С этого времени начинается в Полоцкой земле долгая борьба между Васильковичами, которых поддерживают Ольговичи, и Глебовичами, пользующимися помощью смоленских Мономашичей. Против Всеслава Васильковича особенно борется Володарь Глебович, опирающийся на литовцев (в 1162 и 1167 гг.).

В этой вражде иногда вспоминаются очень древние обиды. Так, правнук Мономаха Мстислав Храбрый, став в 1178 г. князем Новгорода Великого, решил идти в поход на зятя своего Всеслава Васильковича Полоцкого, «ходил бо баше дед его на Новгород и взял ерусалим церковный».³⁵ Итак, князь полоцкий должен был отвечать перед новгородским за прегрешения своего «деда», вернее — прадеда, Всеслава, учиненные в 1068 г. — 110 лет тому назад.

В 1180 г. Святослав Всеволодович пошел в поход на Суздальскую землю и на верховьях Днепра встретился со своим сыном, княжившим в Новгороде. «И придоша Полотьским князи в стретение, помогающе Святославу: Васильковича [два], Брячислав из Витебска и брат его Всеслав с Полочани, с ними же бяхуть и Либь и Литва, Всеслав Микулич из Логожеска, Андрей Володьшичь и сын его Изяслав и Василько Брячьславичь, — снемшеся вси поидоша мимо Дрюток». Шесть полоцких князей были союзниками Святослава, только Глеб Рогволодович Друцкий был на стороне Мономашичей, именно Давида Смоленского. В этом походе в Полоцкую землю, в осаде Друцка участвовал и князь Игорь северский с ханами Кончаком, Кобяком и их половцами.³⁶

В этих военных действиях на стороне Святослава два его шурина Васильковичи, занимавшие главные столы в Полоцке и Витебске. Это братья его жены Васильковны. Вообще летописи очень мало говорят о княгинях; Ипатьевская летопись, столь внимательная к Игорю Святославичу и его сыновьям, ни слова не говорит о его жене Ярославне. Однако о Васильковне сохранилось несколько сведений. Мы знаем даже из

³⁴ Ипатьевск лет., стр. 308.

³⁵ Там же, стр. 412.

³⁶ Там же, стр. 419—420.

Любецкого синодика ее имя — Мария.³⁷ Свадьба ее подробно описана: «В то же лето приведе Всеволод за сына своего Святослава Васильезну Полотского князя; и скупилася братья вся и безбожни Ляхове, и пиша у Всеволода». В том же году была еще одна черниговско-полоцкая свадьба, так же торжественно описанная в летописи; видно, что Всеволод черниговский, занимавший великокняжеский престол, очень дорожил связями с Полоцком.³⁸

С 1143 г. до самой своей кончины Святослав Всеволодович прожил 51 год со своею супругою Мариєю Васильковною, имевшею на него большое влияние. Об этом свидетельствует летопись. Именно поход 1180 г. был задуман им по совету только княгини и одного приближенного: его «лепшие мужи» сетовали на то, что он решил крупный политический вопрос без боярской думы.³⁹

Итак, Мария Васильковна влияла на политику Святослава Всеволодовича, заставляла его рассориться с Давидом Мономашичем, вероятно в интересах полоцких князей, ее братьев. Мы знаем, что она пережила своего супруга, из подробного рассказа той же Ипатьевской летописи о кончине Святослава в 1194 г. В этом рассказе не упоминаются ни сыновья его, ни дочери, ни митрополит, а только княгиня, ведущая с ним долгий разговор, полный таинственных предчувствий смерти.⁴⁰ Видно, что княгиня была ему ближе всех в его жизни. По ее совету он решил рассориться с Мономашичами и захватить «един власть Рускую» вместе с братьями.

После этого отступления нам будет понятно, почему певец «Слова о полку Игореве» уделяет так много места полоцким делам. Его так же волнует положение дел на южной Украине, как и на северо-западной. Тут «поганные» половцы осаждают Переяславль и Римов, там «поганая» Литва все больше теснит некогда сильных полоцких князей.

«Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых». Воспевая и оплакивая несчастный поход двоюродных братьев своего великого князя, придворный певец естественно переходит к недавнему несчастью — героической смерти брата великой княгини в борьбе с другими «погаными». Это вызывалось прежде всего требованиями семейно-родового быта, но отвечало и патриотическим взглядам певца.

Какая прекрасная, сжатая и трогательная параллель плену Игоря — смерти Изяслава Васильковича! Сабли Игоря притупились «о шеломы литовские». Игорь и Всеволод — внуки храброго Олега; Изяслав «притрепал славу деду своему Всеславу». Те же червлёные щиты, та же поникшая кровавая трава и так же нет помощи от братьев. Певец упоминает братьев Брячислава и Всеволода. Любопытно, что он знает больше, чем летопись, в которой сведения о полоцких делах весьма отрывочны. Летопись не упоминает Изяслава Васильковича, вероятно, это был самый младший из братьев, княживший в маленьком городе Городне

³⁷ Милорадович. Любецкий синодик, стр. 31.

³⁸ «Того же лета Изяслав [Давидович] отдал дочь свою Полотскую за Борисовича за Рогволода, и Всеволод князь Киевский прииде и с женою и с всеми бояры на свадьбу. В то же лето поставиша Полотскую Козму» (Ипатьевск. лет., стр. 224). Вероятно, на эту хиротонию приехали в Киев и полоцкие князья.

³⁹ «И тогда Святослав, сдумав с княгинею своею и с Кочкарем милостником своим, и не поведе сего мужем своим лепшим думы своея». Он задумал: «яко Давида иму, а Рюрика выжену из земли и приму един власть Рускую и с братьею, и тогда мщюся Всеволоду обиды своея» (там же, стр. 416).

⁴⁰ Там же, стр. 457.

(или Городце) на литовской границе ⁴¹ После этого певец вспоминает двух братьев его (и великой княгини) — Брячислава и Всеволода, опять-таки в летописи упомянут только Брячислав витебский, но не Всеволод. Но вот летопись совсем случайно называет в 1180 г. семь полоцких князей, а их, вероятно, было гораздо больше. Так, в 1186 г. Генрих Латвийский знает князя Владимира полоцкого, ⁴² не известного летописи, да и вообще после 1180 г. летописи молчат о полоцких делах.

Следующее обращение — «Ярославе и вси внуци Всеслави» опять называет неизвестного нам князя, происхождение которого трудно установить. Многие комментаторы полагают, что это Ярослав Юрьевич турово-пинский, участник похода 1184 г. на половцев (правнук Святополка Изяславича); другие считают, что это опять упоминается Ярослав Всеволодич черниговский. Но нам кажется, что по всему контексту («Ярослав и вси внуци Всеслави... уже бо воскохисте из дедней славы») здесь имеется в виду еще какой-то полоцкий князь, один из многих правнуков вещего Всеслава. Они своими крамолами (раздоры между Васильковичами, Глебовичами и Борисовичами) начали наводить поганых «на землю Рускую на жизнь Всеславию», т. е. половцев на русское полоцкое княжество, ⁴³ на богатство и наследство Всеслава. Полагаем, что тут намек на события 1180 г., когда раздоры между линиями полоцких князей вызвали приход Игоря северского к Друцку вместе с ханами Кончаком и Кобяком, бывшими тогда его союзниками.

Во всяком случае, грустное положение дел в Полоцкой области у братьев великой княгини озабочивало великого князя Святослава, его княгиню Марию и их певца. Тяжкая напасть, нависшая над «жизнью Всеславию», вызывает у певца яркие воспоминания о мистическом величии этого князя, деда Васильковичей, прадеда великой княгини; и как бы в честь нее начинается новое отступление от темы, целый исторический экскурс.

«На седьмом веце Трояни верже Всеслав жребий о девицу». Родившийся от волхвования (как говорит летопись), Всеслав весь окутан дымкой сверхестественности. Он скачет лютым волком, он «обесися сине мгле», он оборотень, как былинный Волх Всеславич. Вспоминается, как он дотронулся до «злата стола Киевского» (в 1068 г.), как отворил ворота Новгорода и расшиб славу Ярослава (т. е. в 1067 г. ограбил Софийский собор, построенный при Ярославе). Тогда же, в 1067 г., на берегах Немиги (притока Свислочи) произошла битва между Всеславом и тремя сыновьями Ярослава — триархами Русской земли — Изяславом, Святославом и Всеволодом. Прекрасные стихи о битве на Немиге, возможно, заимствованы из более старой Бояновой песни. Ведь веший Боян воспевал Всеслава, он сложил припевку о его несчастьях, сказал князю, что «ни хитру ни горазду суда его» с этико-политической точки зрения: хотя князь был вешим и дерзким, ему не миновать божия суда за свои грехи, за дерзкое нападение на соседей.

⁴¹ Трудно сказать, где прозвучали «трубы городенские» (В. Данилович Очерк истории Полоцкой земли, стр. 26). Думают, что Городец стоял на р. Березине, притоке Немана, недалеко от Минска. Во всяком случае, это не Городен (Гродно) на Немане, где были свои князья из потомства Давида Игоревича Волынского.

⁴² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, М.—Л., 1938, стр. 71, 94 и др.

⁴³ Нет ничего удивительного в том, что певец называет «землю Рускою» и полоцкую волость. Здесь, на окраине, обострялось национальное сознание: и Генрих Латвийский называет ее Ruthenia, в договоре 1229 г. Полоцкая и Витебская волости фигурируют как части «Руской земли», а в грамоте кн. Герденя «Руская земля» просто значит «Полоцкая». К. Напьерский Русско-Ливонские акты, СПб., 1868, № 25а.

И естественно, в связи со Всеславом, у певца вырывается восклицание: «О стонати Русской земле, помянувши первую годину и первых князей». Ведь уже при Всеславе были междоусобия, они начались после смерти «старого Ярослава» Первые князья — это Олег, Игорь, Святослав, Владимир I и Ярослав I, при которых Русская земля редко омрачалась крамолами. Это те первые князья, чьими именами Ольговичи так любят называть своих детей: доказательство того, что память о князьях X в. была жива среди их потомства в XII в.⁴⁴ «Того старого Владимира», т. е. одного из «первых князей», нельзя было пригвоздить к горам Киевским: он сам ходил в походы и на ятвягов, и на болгар, и на печенегов, сам как «единовладец земли Русской» охранял все свое великое государство от Дуная до Ладоги и до Мурома. Таков был великий предок всех воспеваемых князей, предок Олега Святославича и Всеслава, начавших крамолы. А теперь все разделилось; даже родные братья Рюрик и Давид в ссоре и «розно им хоботы пашут» — это явный намек на события 1185 г., когда Рюрик шел вперед, а Давид со своими смольнянами не хотел идти в поход.

II

После этого возвращения к современности из глубины событий XI в. картина совершенно меняется. Певец возвращает нас к плену Игоря, от которого он надолго ушел, но не сразу. Сперва появляется Ярослав на городской стене Путивля, образ верной жены, развернутый во всей своей лирической трогательности. До сих пор в шуме и звоне битв промелькнули только два женских образа — «красная милая Глебовна» — жена Всеволода и еле упомянутая «хоть» Изяслава Васильковича (текст тут испорчен безнадежно).

Интересно, что, описывая Ярославу, придворный киевский певец заставляет и ее отдать дань уважения «великому Святославу». В обращении к Днепру она говорит: «Ты лелеял на себе Святослави насады до плъку Кобыкова». Это явное указание на счастливый поход великого князя в 1184 г. содержало скрытую похвалу ему от его певца — лишнее доказательство того, что все части поэмы сложены одним и тем же песнотворцем.

Наконец, наступает картина бегства Игоря. В эпических сказочных сравнениях Игорь становится оборотнем, вроде Всеслава. Он также скачет горностаем, босым волком и летит соколом под мглами (ср. «синюю мглу» в эпизоде о Всеславе).

Прекрасен сказочный разговор реки Донца с Игорем, где в уста князя певец вкладывает все свои нежно-лирические чувства природы. И этот образ заботливой реки с ее серебристыми берегами и теплыми мглами вызывает у певца еще последний исторический экскурс. Вспоминается по контрасту «худая струя» реки Стугны, ее темные берега, погубившие юношу князя Ростислава. Это далекое событие 1093 г. — гибель внука Ярослава Мудрого, погибшего при переправе в битве с половцами. Память об этом князе, единственном из всех князей утонувшем в реке, естественно появилась тогда, когда речь шла о реке, которая могла бы поглотить и Игоря.

Мы видим, как придворный певец помнит целый ряд событий из прошлого князей, даже и из ветви Всеволодовичей, и пользуется ими, когда это ему необходимо.

⁴⁴ Любопытно, что именно в ветви Ольговичей упорно повторяются имена язычески: «первых князей» — Олег, Игорь, Святослав, но встречаются и имена Ярослав и Владимир (конечно, в честь «старого Владимира» — крестителя Русской земли).

Тут же трогательно намечен образ матери Ростислава, т. е. жены великого князя Всеволода, плачущей по юноше вместе с цветами и деревьями.

Под конец поэмы разговор Гзы с Кончаком касается и Игоря и юного 15-летнего Владимира — оба князя не названы, но слушателям понятно, кто такие и «сокол» и «соколец», которого надо опутать красною девицею

Наконец, певец в четвертый раз возвращается к Бояну и рядом с ним называет Ходыну — это как будто два «песнотворца Святослава старого времени Ярославля», т. е. при Святославе (ум. 1076) они воспевали старое время Ярослава Мудрого. Если мы верно понимаем текст (следуя за акад. Перетцем),⁴⁵ Боян обращался к жене Олега Святославича со словами «Ольгова коганя хоти Тяжело тебе без мужа, как телу без головы»

Эти слова бояновой школы певец применяет к отсутствию Игоря. Опять-таки Игорь умело связан в этой концовке со своим дедом Олегом, дух которого витает над поэмой

У автора «Слова» есть особые сведения о Полоцке и его князьях, но это не значит, что он сам родом из Полоцка. Просто как придворный певец своей княгини Марии Васильковны он постарался разузнать побольше о ее родственниках и ее предках, чтобы воспевать их на придворных пирах. В этом направлении у него был надежный руководитель. Его предшественник (а может быть, и учитель) Боян воспевал в конце XI и начале XII в. и Олега Гориславича, и Всеволода Полоцкого. Именно Боян сказал припевку Всеславу (как будто при жизни его, в лицо ему), он предсказал ему его судьбу. Подобным же образом тот же вещий Боян (вместе с Ходыною) сказал припевку жене когана Олега: «Тяжко ти, голове, кроме плечу», может быть, когда Олег был сослан в Царьград, а может быть, когда Олег умер 1 августа 1115 г.⁴⁶

Мы можем наметить целую школу черниговских писателей и певцов. Первый из них игумен Даниил, человек широкого кругозора, побывавший в Иерусалиме и шесть раз вспомнивший в своих записках о Палестине свою родную реку Снов. Его местный патриотизм сочетается, однако, с широкою любовью ко всей Русской земле. Его симпатии направлены к черниговским князьям (Давиду Святославичу, Олегу — Михаилу и Панкратию Святославичу) и полоцким (Глебу минскому). Но у него есть и широкий размах общерусского патриотизма: своего князя Олега он называет «князем Руским», ставит кадило на гробе Христовом «от всея Русския земли», разговаривает с королем Балдуином как представитель русского народа и называет новгородцев «своею дружиною».

Нам кажется, что Даниил путешествовал и дальше, от короля Балдуина к королю Рожеру сицилийскому, потому что в географии Идриси, составленной при дворе этого короля в то же время, в описании Русской земли особое место отведено городу Сновску.⁴⁷

⁴⁵ Доводы акад. Перетца очень убедительны; при его чтении не надо менять ни одной буквы в тексте этого места. Дрежнее имя «Ходына» известно и на Воляни (с Ходынич, род Ходыничих), «Святослава песнотворца» — правильное двойственное число, «Ольгова коганя хоти» — правильный звательный падеж. Конечно, странно, что два певца говорят одно, но, может быть, «Ходына» есть позднейшая глосса.

⁴⁶ Жена Олега — это Феофано Мусалонисса, знатная гречанка, известна ее печать с надписью *θεοφανω-ισσα Ρωσσία* (княгиня России).

⁴⁷ Tullio-Tallgren. Du nouveau sur Idrisi — *Studia Orientalia*, t. VI, 1936, p. 3. Географ знает путь от Сновска по Десне к Смоленску и из Сновска в Галич, но даже не упоминает Киева. В хождении игумена Даниила такая же страсть измерять в верстах пути между городами.

К этой черниговской школе принадлежали и Боян и Ходына — два «Святославля песнотворца старого времени Ярославля», т. е. воспевавшие при дворе Святослава черниговского (до 1076 г.) время старого Ярослава, его отца. Мы не настаиваем на Ходыне — может быть, его и не было,⁴⁸ но образ Бояна можно воссоздать. Он воспевал прежде всего «старого Ярослава», а вероятно и его отца «старого Владимира», — время величия и единства Русской земли. Но больше всего он воспевал черниговских князей и их связи с заманчивой Тмутараканью. Он пел песни «храброму Мстиславу», сидевшему в Тмутаракани с 988 г., победившему Редю в 1022 г. и украсившему Чернигов пышными храмами. Вероятно, ему принадлежит и прекрасное описание битвы при Листвене 1024 г. в Начальной летописи. Это не значит непременно, что он был современником этих событий, как предполагает Н. Шляков.⁴⁹

Но, несомненно, он был современником событий второй половины XI в., усобиц, связанных с личностью Олега Святославича, начавшего из Тмутаракани борьбу за Чернигов. Именно он воспел его брата «красного Романа», княжившего в Тмутаракани до 1079 г. Наверное, он сложил и недошедшую до нас песню о битве на Нежатиной ниве, где пришедшие из Тмутаракани Олег и Борис Вячеславичи были разбиты Изяславом, Всеволодом и Владимиром Мономахом и где пали и Борис, и Изяслав. Боян же обращался с припевкою к жене Олега («Ольгова когана хоти!»), должно быть, когда его из Тмутаракани «поточиша за море» в Византию в 1079 г.⁵⁰ Но тот же Боян воспевал и волшебника Всеслава Полоцкого, сказав ему вещую припевку⁵¹ и опять-таки связав его с Тмутараканью («из Киева дорыскаше до кур Тматороканя»), о чем нет ни слова в летописи.⁵² По мнению большинства комментаторов, Бояну принадлежит и прекрасное описание битвы на Немиге 3 марта 1067 г., где триархи Изяслав, Святослав и Всеволод разбили Всеслава.

И все же его черниговско-тмутараканские и полоцкие симпатии не исключали общерусского размаха: он, как мы уже сказали, воспевал «старого Ярослава», а вероятно, и «первых князей и первую годину» — время старого Владимира и его предшественников — Олега, Игоря и Святослава. Недаром имена этих первых князей так упорно повторяются именно в черниговской ветви Рюриковичей. Надо полагать, именно из бояновой школы певец «Слова» унаследовал свою горячую любовь к «земле Русской» в ее самом широком понимании.

Автор «Слова», несомненно, принадлежит к той же черниговско-тмутараканской школе. Он лучше всего знает черниговские дела: он

⁴⁸ Ср. сомнения акад. А. С. Орлова («Слово о полку Игореве» М., 1946).

⁴⁹ Н. Шляков Боян (Известия ОРЯС АН СССР, т. I, 1928, стр. 483—498). Н. Шляков считает, что Боян долго жил в Тмутаракани, что на его песнях отразилось влияние персидской поэзии, что он был не касогом, не хозаром и не северянином, а дружинником князя Мстислава (и последующих князей), для которого интересы дружины стоят на первом месте. Автор довольно искусственно считает, что Боян был современником всех упомянутых им событий, что в год единоборства с Редю ему было не меньше 16 лет, а в год смерти Всеслава (1100) около 95 лет. Но ведь можно воспевать и события прошлых лет.

⁵⁰ Можно было предполагать, что эта припевка была сказана по поводу смерти Олега в 1115 г., но поскольку она применена к плену Игоря, мы склонны думать, что и она была сказана по поводу такого же плена и отсутствия его деда.

⁵¹ Нет необходимости думать, как Н. Шляков, что эта припевка была сказана по поводу смерти Всеслава. Скорее слова «тому вещей Боян и прьвое припевку смысленыи рече» — можно толковать так, что припевка была сказана пророчески, «прьвое» (т. е. раньше), еще при жизни Всеслава.

⁵² Любопытно, что имя Боян было известно в Полоцкой земле в XIII в. Один из знатных полоцан — свидетель на рятной записи Тешаты (после 1266 г.) носит имя Боян.

упоминает четыре раза Чернигов (и его «золотой стол»), четыре раза — Путивль, затем Новгород-Северск и Курск. Как подробно и любовно описывает он курян и все мелкие племена черниговских коуев, даже подробности их вооружения! Ему дорога прежде всего местная черниговская история и ее связи с манящею Тмутараканью (и ее он упоминает четыре раза). Он знает — понаслышке или как очевидец? — величественную статую Комосарии — «тмутараканский болван». Ему дороги северские князья, храбрые Ольговичи, но ближе всего ему черниговский «грозный великий Святослав», ставший с 1180 г. великим князем Киевским. Хоть и с укоризною, но с искренним восхищением он вспоминает их общего деда Олега Гориславича. Кстати сказать, эпитет «Гориславич» может выражать и симпатию. Ведь в летописи Рогнеда названа Гориславною вовсе не в укор ей, а из сочувствия к ее несчастиям.

Но он очень холоден к Мономашичам, и о Владимире Мономахе говорит лишь вскользь, с враждебной иронией. Правда, он восхваляет некоторых из современных ему Мономашичей, поскольку они союзники и родственники его великого князя. В этом он руководствуется мнением самого Святослава Всеволодовича, записанным в летописи под 1180 г.: «а в Володимери племени кто ми ближии, тот добр».

Его черниговско-северский патриотизм связан с особым интересом к Полоцку, к родине его великой княгини Марии Васильковны. Он разделяет этот интерес со своим духовным учителем Бояном. Трудно предполагать, чтобы автор «Слова» был прямым учеником Бояна. Только если предположить, что Боян сказал припевку в год смерти Олега, т. е. в 1115 г., а умер еще позже, автор «Слова» мог бы его видеть в детстве. Но тогда в 1185—1188 гг. он был бы уже глубоким стариком. Впрочем, его большая эрудиция, его богатая память о прошлом, изысканность его стиля, зрелость его политической мысли указывают нам скорее всего на поэта, умудренного опытом, с большим политическим кругозором, чем на юношу. У автора «Слова» озабоченность политическими вопросами и насыщенность ума историею часто оттесняют его природный истинно-поэтический талант, его лиризм, чувство звуков и красок. Это черта зрелого мужа, зрелого таланта. Он «нас просто удивляет не только широтою своих исторических познаний, но и глубиною понимания исторических событий», — говорит акад. Б. Д. Греков.⁵³

И этот представитель черниговской школы, так же как и его предшественники, сочетал свои местные симпатии с общерусским размахом, с продуманной политической установкой. Как говорит проф. Н. К. Гудзий, «его патриотическое чувство к родному югу сочетается у него с патриотизмом общерусским и питает этот патриотизм. На защиту Русской земли от половцев он призывает не только тех князей, землям которых непосредственно угрожали половецкие вторжения, но и тех, которые от этих вторжений были гарантированы».⁵⁴

III

Мы уже рассмотрели, каких именно князей и какие события упоминает певец. Интересно еще остановиться на вопросе о том, кого он не называет и почему.

Почти 40 князей (и четыре княгини) названы в «Слове», из них 16 умерших и 24 живых. Но это еще далеко не все современники певца.

⁵³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 347.

⁵⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 2, М., 1941, стр. 152.

Конечно, мы можем не верить известию Новгородской летописи о том, что в 1169 г на Новгород шли в суздальской рати 72 князя. Но, конечно, всех князей в 1185 г было больше, чем 24, и некоторых певец пропустил.

Странно, что совсем не упомянуты князья турово-пинские, хотя двое из них — Ярослав с братом Глебом участвовали в походе Святослава в 1184 г. В это время было пять братьев турово-пинских князей — сыновья князя Юрия Ярославича (ум. после 1167 г). По стпу он был далеким, четвероюродным братом героев «Слова», но по матери Мстиславне — двоюродным братом Святослава Всеволодовича. Однако ни к одному из его сыновей певец «Слова» не обращается с призывом. Может быть, тут сказалась слабость турово-пинского княжества, все более угрожаемого Литвою, а может быть, и известная доля черниговской антипатии певца к этим потомкам Изяслава Ярославича и Святополка Изяславича, врагов его героя Олега Гориславича.

Если назван Давид Ростиславич смоленский, то нет, однако, обращения к Изяславу Давидовичу (его сыну?), участнику похода 1184 г. Этот Изяслав Давидович, только раз упомянутый в летописи,⁵⁵ довольно загадочен, и нельзя установить, где он именно княжил.

В походе 1184 г. участвовало четыре Мстислава, между тем певец обращается только к одному, и нам неясно, есть ли это Мстислав Пересопницкий или Мстислав Городенский. Если принять общее мнение, что это первый, то надо допустить, что не назван городенский князь, хотя он был участником похода 1184 г. Не назван, вероятно, потому, что и ему угрожала Литва, а летом того же 1184 г. его Городен постигла катастрофа: «того же лета Городен погоре весь, и церкы каменная от блистания молнии и шибения грома».⁵⁶

Третий Мстислав, сын великого князя Романа Ростиславича (ум. 1180), был храбрым участником и летнего похода на Кобыяка и зимнего похода на Кончака в 1184/85 г. Однако к нему певец не обращается полагаем, потому, что это был молодой князь, племянник Рюрика и Давида, которого еще и позже (в 1195 г.) старый Давид посылал в походы как «сыновца своего».⁵⁷ К такому младшему князю нет поводов обращаться с призывом ни по политическим соображениям, ни по требованиям родового этикета.

В походе на Кобыяка участвовали и четвертый Мстислав и Глеб Святославичи. Но и к ним не взывает певец, так же как и к их братьям — Владимиру, Олегу и Всеволоду. Это понятно. Сыновья великого князя обязаны послушно «ходить в воле отца», и их незачем было призывать и упрашивать.⁵⁸

Нет никакого обращения к Новгороду Великому и его князю. Новгород назван лишь вскользь как объект подвигов Всеслава полоцкого. Действительно, Новгород давно жил особою жизнью, не принимая участия в общерусских предпрятиях, и ждать от него помощи было бы бесполезно.

Хотя певец «Слова» внимателен к полоцкой земле, он вовсе не называл всех полоцких князей, а упомянул лишь нескольких, ближайших к его великой княгине.

Особенно странным может показаться, что нет никакого особого призыва к рязанско-муромским князьям. Они ведь были одного племени

⁵⁵ Ипатьевск. лет., стр. 426.

⁵⁶ Там же, стр. 428.

⁵⁷ Там же, стр. 464.

⁵⁸ Конечно, не назван беспутный Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игоря и зять Святослава Всеволодовича, занявший, по милости В. В. Стасова, столь незаслуженно большое место в опере Бородина.

с черниговскими Ольговичами, как потомки Олегова брата — Ярослава Святославича. Казалось, именно их следовало бы призывать на помощь как родичей и соседей по Половецкой уkraine, заинтересованных в борьбе против кочевников. Но родство было уже далеким. Давно умер рязанский князь Глеб Ростиславич (1176), троюродный брат Святослава Всеволодовича и Игоря. У него осталось шесть сыновей: Ярослав, Роман, Игорь, Владимир, Всеволод и Святослав — троюродные племянники героев «Слова» (и еще племянник этих сыновей — Владимир Юрьевич). А главное, политические отношения с ними были весьма холодными в эти годы: они не признавали старейшинства великого князя киевского, и в 1180 г. Владимир и Всеволод Глебовичи подчинились суздальскому Всеволоду Большое Гнездо — «целовали крест на всей воле его». Поэтому, хотя Роман Глебович был даже зятем Святослава Всеволодовича, женившись на его дочери (раньше 1180 г.), певец не удастывает этих князей поименного призыва и лишь мимоходом упоминает собирательно «удалых сыновей Глебовых», как подручников могущественного суздальского князя, как его послушные орудия — «живые шерешеры». В этом можно даже усмотреть долю сарказма.

IV

Подведем итоги. Певец «Слова» — вернее всего, черниговец (или северянин), представитель черниговско-тмутараканской школы вещего Бояна. Он был, наверное, долгие годы в Чернигове придворным певцом Святослава Всеволодовича и с ним вместе перешел в 1180 г. в Киев, где и сложил свое «Слово» в 1185 г., под непосредственным впечатлением крупной победы Святослава над Кобыком и крупной неудачи Игоря, уничтожившего своим безрассудством плоды этой победы. Как придворный певец не только своего князя, но и его княгини Марии (перед которыми он пел на пирах), он особенно внимателен к ее семейным полочким традициям.

Его тематическая установка прежде всего семейно-родовая. Он хранитель родовых традиций и преданий своего княжеского рода. Он сторонник Ольговичей и недолюбливает Мономаховичей. Он берет темой для песни несчастный поход любимых «сыновцев» своего князя, относится к ним с ласковым укором, как и сам великий князь, возвеличивает его чрезмерно и от его лица обращается с призывом к тем князьям, которые ближе всего связаны со Святославом и Игорем родством или свойством. Но эта семейно-родовая установка сочетается у него с широкою патриотическою установкой.

Поход Игоря — это яркий эпизод вековой борьбы Руси со степью, борьбы «за крестьяны на поганые полки». Игорь — жертва этой борьбы, а «великий грозный Святослав» — ее мудрый руководитель, счастливый победитель хана Кобыка, организатор общерусских походов 1184 и 1187 гг.

Призыв к князьям далеко выходит за рамки семейно-родовых связей. Поэт зовет их вступить в злат стремень не только «за раны Игоревы», «бугею Святославича», но и «за землю Русскую». Защита Русской земли и «христьян» от иноплеменников, от набегов «поганых» — это благородная задача великого князя, прежде всего, и всякого князя, достойного своих предков.⁵⁹

Певец «Слова» — поборник идеала Русской земли, болеющий ее

⁵⁹ По точному определению К. Маркса, «вся песнь носит христиански-геронческий характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, стр. 122).

горестями и восхищающийся ее прежним величием. В его представлении, как и в устах его черниговского предшественника игумена Даниила, «Русская земля» обозначает всю великую христианскую, славянскую страну, окруженную кольцом иноплеменников — половцев, угров, ляхов, литвы. Таким образом, по метким словам Д. С. Лихачева, «Слово о полку Игореве» — это «поэма о всей Русской земле, образ которой, ее природа и история очерчены автором широкою и свободною рукою».⁶⁰

Следует особо отметить широкий размах этого патриотизма, которым певец выгодно отличается от узко родовой установки поэзии северных скальдов да и от всей западноевропейской литературы того времени. Следует отметить и то, что он этим отличается от многих своих русских современников, прежде всего от киевских летописцев середины и конца XII в.

В частности, в Ипатьевской летописи того времени термины «Русь» и «Русская земля» имеют очень разнообразное значение. В Начальной летописи оба эти термина обозначают весь русский народ и всю занимаемую им землю, подчиненную власти великого князя русского в Киеве (например, уже в договоре Игоря с греками 944 г.). Но после смерти Владимира Мономаха, в связи с развитием феодальных тенденций и раздроблением государственной власти, можно наблюдать, как понятие «Русской земли» суживается и начинает обозначать в летописи прежде всего Киевскую волость, непосредственно подчиненную великому князю. То же происходит и с термином «Русь». В Начальной летописи он обозначает в XI в. то землю, то народ, то именно весь народ русский как совокупность всех восточнославянских племен, например «се бо токмо словенск язык в Руси: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Деръговичи, Северо, Будане. и се суть инии языци, иже дань дают Руси». Начальная летопись ясно говорит «А словенск язык и руский один», стало быть, Русью называется то, что прежде вообще называлось словенами (восточными).

В конце XI в. появляется типичное выражение «за люди хрестыянские и за землю Рускую» (под 1091 г., варианты в 1095 и 1103 гг.). В описаниях борьбы с «погаными» половцами с конца XI в. все время говорится о защите «Русской земли», о «русских князьях», о «Руси» как о едином целом.

Но если мы раскроем Ипатьевскую летопись с середины XII в., то увидим, что слова «Русь» и «Русская земля» обозначают иногда только Киевскую область. Например, в 1174 г. Андрей Боголюбский велит Ростиславичам покинуть Киев, Вышгород и Белгород и поделиться Смоленском: они жалуются, что он «их лишает Русской земли». В земле Ростовской негодуют, что князья, прибывши с юга, роздали посадничества «русским детским». Когда новгородцы зовут к себе Мстислава Храброго княжить, он «не хотяшет ити из Руской земли», т. е. из Киевской области. В 1180 г. Рюрик Ростиславич уступил Святославу Всеволодовичу «старейшинство и Киев, а себе взя всю Рускую землю», т. е. Киевскую область. В 1189 г. тот же Святослав дает Галич Рюрику, а себе хочет «всеи Руской земле около Киева». Под 1193 г. Святослав зовет Рюрика притти из Овруча «в Русь», т. е. в Киевскую волость. Таких примеров много.

Однако и за те же годы мы найдем в Ипатьевской летописи много текстов, где слова «Русь» и «Русская земля» сохраняются в своем широком значении, особенно когда они противопоставляются иноплеменни-

⁶⁰ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М — Л, 1945, стр. 63.

кам — половцам или камским болгарам. Так, в рассказе под 1182 г о походе Всеволода Большое Гнездо на камских болгар его суздальские полки названы «Русь», «Русские полки». Именно в рассказе о походе Игоря 1185 г его северские полки названы так же, а вожди похода — «князи Руский». Говоря о смерти Мстислава Храброго в Новгороде, та же летопись пользуется старою формулою: «всегда бо тесняшеться за Рускую землю и за хрестьяны», и говорит: «не бе бо тое земли в Руси, которая же его не хотяшеть» (под 1179 г).

Повторяем, терминология Ипатьевской (и Лаврентьевской) летописи в эту эпоху очень неточна и сбивчива.

Совсем не так у певца «Слова». Во-первых, он совершенно не пользуется двусмысленным, сбивчивым термином «Русь», обозначающим то страну, то жителей ее («земля в Руси», «идоша Русь»). Чтобы назвать людей, он пользуется прекрасным термином «русичи», вполне в духе той эпохи; например, в 1149 г. назван «един от немчичь», в 1153 и следующих годах — «берендичи», в 1160 г. — «вятичи», в 1224 г. — «путивличи». Кроме того, он говорит: «русские сыны», «русские полки» и «русские жены». Этими именами он называет не только близких его сердцу жителей Путивля и Северской области, но и вообще всех русских.

Чтобы назвать страну, он пользуется только термином «Руская земля». Этот термин повторяется у него 20 раз (из них он восемь раз говорит «земля Руская», что то же самое). Термин «Руская земля» имеет у него самое широкое, общенародное значение. Он ни разу не обозначает Киевскую область, а всю родину, страдающую от нашествий иноплеменников. Когда он восклицает «О Руская земля, уже за шеломянем еси», или «О стонати Руской земле, помянувшие первую годину и первых князей», он думает только о великой Родине. Когда он обращается с призывом к галицкому и волынскому князьям бороться «за землю Рускую», он, конечно, считает и их сынами этой Русской земли. Знаменательно, что, обращаясь к самым обособившимся полоцким князьям, он укоряет их «вы своими крамолами начасте наводити поганые на землю Рускую, на жизнь Всеславлю». «Жизнь Всеславля» — это наследие Всеслава — Полоцкая земля: ее певец «Слова» определенно называет «Рускою землею».

Обостренное, широко национальное чувство певца «Слова» выковалось в борьбе против половцев (они восемь раз названы «погаными», еще «погаными половчин» и «поганые головы половецкие»). По контрасту с ними и русичи названы один раз «хрестьяны» в самом конце «Слова», как и в летописях того времени.

В этом отношении певец «Слова» является лучшим продолжателем традиции XI в., века величия Русской земли, воспетой митрополитом Иларионом. Эту традицию продолжал черниговский же писатель игумен Даниил, ставивший в Иерусалиме перед франками кадило «от всея Русския земля» и называвший «русскими сынами» одинаково и новгородцев и киян.

Как говорит Д. С. Лихачев, «едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы втянуты одновременно в действие такие огромные территориальные пространства. Половецкая степь, Дон, Черное море, Азовское море, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов Корсунь, Тмутаракань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др., — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования».⁶¹

⁶¹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 62.

Но кроме Русской земли певец знает и много других народов, связывая их с судьбами русской истории. Прежде всего его внимание обращено на южных соседей. Чаще всего, конечно, упоминаются половцы (около 20 раз — то как половцы, то как «поганые»). Затем три раза названа загадочная «Хинова». Мы склоняемся к мнению А. И. Соболевского, что это название обозначает не финнов, а есть древнее название гуннов («хын») и затем перенесено на степных кочевников.⁶² Действительно, по контексту упоминания Хиновы относятся именно к южным врагам русских князей («великое буйство подаста Хинови» в момент поражения на Каяле, и особенно слова Ярославны. «чему мычещи хиновьския стрелки... на моя лады вой?»). Певец знает кавказские народы, близкие к Тмутаракани, — касогов и оваров, знает и ближайших соседей этого города — готов в Крыму. Но он называет и западных соседей — угров (венгерцев), ляхов («сулицы ляцкие»), литву, ятвязь, деремелу, наконец, немцев и моравцев, поющих славу его великому князю. Эту славу поют и народы бассейна Средиземного моря — греки и венецианцы (венецианцы). Как эта широкая слава русского великого князя совпадает с гордыми словами митрополита Илариона о первых князьях, «иже не в худе бо и не в неведоме земле владычествоваша, но в Русьской, яже ведома и слышима есть всеми коньци земли».

Как и в «Слове» митрополита Илариона, «Слово о полку Игореве» есть яркий памятник ясного национального сознания, горячего чувства, искренней любви к Родине, великой и прекрасной даже в години несчастий и бедствий.

В этом направлении оно перекликается с другим, таким же вдохновенным, но еще не оцененным по достоинству памятником следующего века — с отрывком «Слова о погибели Рускыя земли».

V

Конечно, «Слово о погибели» есть только короткий фрагмент, вероятно только отрывок крупного произведения, искусственно пристегнутый к житию Александра Невского и тем спасенный от забвения.⁶³ И все же его можно и следует сравнивать со «Словом о полку Игореве», прежде всего, с историко-политической точки зрения.

Политический кругозор северного певца «Слова о погибели» так же широк, как и кругозор киевско-черниговского песнопевца. Правда, исходная установка у него другая — он прежде всего придворный певец «нынешнего Ярослава», переяславского князя Ярослава Всеволодовича, он смотрит вокруг с точки зрения суздальца, верного сторонника Мономашичей. Но у него такое же, пожалуй, даже еще более сильное проникновение идей общерусского единства и величия Русской земли.

Вдохновенный гимн «светло-светлой и украсно-украшенной земле Русьской» не имеет себе равного во всей европейской литературе того времени и даже позднейших веков. Это единственное в своем роде поэтическое произведение, предметом которого является не личность богатыря, не подвиги героев, а сама *Родина как целое*. Игорев певец воспевал Русскую землю, но отталкивался от личностей Игоря, Всеволода и Святослава. Песня о Ролянде излагает прежде всего судьбу героя, и только на заднем фоне встает la douce France. Нигде — ни у француз-

⁶² А. И. Соболевский. Archiv für slavische Philologie, t XXX, 1909, p. 471.

⁶³ Нам кажется, что точка зрения Х. Лопарева и А. И. Соболевского правильнее, чем гипотеза Н. И. Серебрянского, считавшего, что «Слово о погибели» было вступлением к переработанной затем «светской» повести об Александре Невском.

ских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни в рыцарских романах, ни у Данте мы не найдем такого сжатого и сильного, ослепительного видения Родины.⁶⁴

В чеканных кратких строках, в нарастающем величии проходят перед слушателями картины природы, царства зверей, человеческих поселений, политической мощи и духовной культуры. Все это сливается в пленительный образ Родины, «всего исполненной земли Руской».

Интересно остановиться на этом художественном нарастании образов. Вероятно, житель Переяславля на Клещине-озере, певец начинает картину с «озер многих», переходит к рекам и колодезям лесистого суздальского края; затем уже идут холмы и горы, на них «дубравы частые», среди них «поля дивные» — следы подсечной колонизации Волжско-Окской области. В этих лесах и полях живут звери и птицы бесчисленные. Картина природы оживляется первобытной жизнью. Это пейзаж лесистого озерного северного края, декорация «Снегурочки» или «Сказания о граде Китеже». Тут, на полях, среди лесов и холмов, люди строят города и села («города великия, села дивные»), вносят культуру, зиждут дома церковные, разводят при них «вертограды обительные». Все эти достижения защищают «князи грозные, бояре честные, вельможи многие».

Конечно, здесь, как и в южном «Слове», проглядывает феодальная, классовая точка зрения, устремленная на подвиги представителей правящей верхушки и как бы забывающая о простом народе-труженике. Но для той эпохи это умелое нарастание, это оркестровое «крещендо» в смене картин царства природы и творческого подвига людей — обличает опытного художника, с большим размахом кисти и поэтическим чутьем.

Как этот северный лесной пейзаж отличается по краскам от степных картин «Слова о полку Игореве», окутанного в теплую серебряную мглу, овеванного ветром с южного моря! Но при разных тональностях оркестровки основная тема композиции та же — все это любимая «земля Руская, правоверная вера хрестыанская», где почетным названием «хрестыане, крестьяне» охвачены прежде всего земледельцы, те безыменные смерды, защищать которых от «поганных» наездников призывал так красноречиво еще Владимир Мономах.⁶⁵

После этого лирического вступления певец переходит к политико-географической картине, к изображению границ Русской земли. В чеканных кратких двустопиях, широкими мазками он рисует «великую Русскую землю», удивлявшую иностранцев своими размерами, в ее величайших пределах.⁶⁶

Он начинает: «отселе до Угор» — начинает не с севера, а с юго-западных границ. Это странное «отселе» можно истолковать так: певец, хоть и суздалец родом, слагает свою песню в Киеве, куда он явился как придворный певец своего князя Ярослава Всеволодовича. Ведь отец Александра Невского был князь с широкими политическими планами, с большим размахом своей деятельности. Он сидел и в северном и в

⁶⁴ Только сто лет спустя, в 1353 г. мы найдем у Петрарки гимн, обращенный к Италии как родине: *Salve, pulchra parens; terrarum gloria salve!* (Epist. Metr. III, 24).

⁶⁵ Например, под 1094 г.: «много хрестыан изгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землям»; под 1152 г.: «множество душ хрестыаных от полони»; под 1170 г.: «хрестыаны же отполонивше пустиша». Хотя летописец и думает о всех русских людях, фактически он говорит о земледельцах, также и термин «люди» часто обозначает *partem majorem pro toto* — низшие классы.

⁶⁶ Уже в сказании о Борисе и Глебе (нач. XII в. по перг. рукописи XII в. Успенского собора) сказано «в Руське стороне велицей», а в 1252 г. Марко Поло называет Россию «величайшею и разделенною на многие части» (*Russia è grandissima e divisa in molte parte*).

южном Переяславле, должен был княжить в Галицкой земле, ему подчинялись Новгород и Псков. С детских лет он воевал с половцами, затем с болгарами и мордвой, храбро отражал литву, далеко заходил в чудскую землю, воевал с немецкими рыцарями, ходил в походы на корелу и емь и даже крестил корелу, чего не делали другие князья. Властный и воинственный, горячий и неуживчивый, Ярослав никогда не замыкался в своем уделе, но охватывал всю Русь своими планами, как и его северный сосед и тесть, торопецкий князь Мстислав Удалой, которого по недоразумению считают «типом южно-русского князя».

В 1236 г. замыслы Ярослава стали особенно широки с помощью новгородцев он взял Киев под Изяславом Мстиславичем Смоленским, «и седе на великом княжении в Киеве князь Ярослав Всеволодич Новгородский, а в Новгороде его сын Ярослав» (Лавр лет). Это был грандиозный план объединить опять все главные центры Русской земли в руках одной ветви Мономашичей: во Владимире сидел великий князь Юрий, ему подчинялась вся восточная Русь, а в Киеве сел бы, также с титулом великого князя, его дружный младший брат, владея одновременно Новгородом и Псковом через 15-летнего сына.

Но в следующем году разразилось татарское нашествие и смело все эти замыслы. Мы полагаем, что «Слово о погибели» написано в Киеве, в 1237 или 1238 г., при первых вестях о татарском нашествии. Его написал придворный певец князя Ярослава, участник или свидетель его походов, певец его личной и родовой славы. Он был, вероятно, родом из Переяславля Залесского, но прибыл в Киев вместе со своим князем и вместе с ним переживал страшные вести о разорении северо-восточной Руси.

Как позднее автор «Задонщины», певец «Слова о погибели» с киевских гор мысленно обозревает всю землю Русскую. Но он словно боится взглянуть на восток, на «землю незнаему», откуда угрожают новые, неизвестные, страшные враги. Он озирается отселе на Запад, затем на север и очерчивает величественный круг исконных границ Родины.

Отселе до Угор, т. е. до границ Галицкой земли и Венгрии, затем «до Чехов», по Карпатским горам до того места, где сходятся рубежи русской, угорской и чешской земли, «от Чехов и Ляхов», т. е. от Карпат по Сану, где стоят гордые Перемышль и Ярославль, нашедшие себе двойников на Волге и на Оке, оттуда «от Ляхов до Ятвязи», т. е. по Бугу и Нареву, где Холм и Берестье защищают западные русские рубежи, «от Ятвязи до Литвы», где в Городне на Немане княжили мономаховы внуки, «от Литвы до Немец» в устьях Западной Двины, «от Немец до Корелы» на Неве и за Ладожским озером — вот западные границы Родины.

Певец идет дальше на север и северо-восток «От Корелы до Устюга», до Тоймы на Северной Двине и до «дышущего моря», т. е. Ледовитого океана, а оттуда до болгар на Каме и на Волге, до буртас, черемис и мордвы — все было покорно «крестьянскому языку», т. е. христианскому русскому народу, — все «поганские страны», все языческие иноплеменики.

Так было, по мнению певца, во времена ярославова отца, Всеволода Большое Гнездо, его отца Юрия Долгорукого, «князя Киевского», и деда Владимира Мономаха.

В этой величественной картине единой Русской земли, во главе которой стоят князья из рода мономахова и которой подчиняются все порубежные иноплеменики, — есть несомненные преувеличения. Русская земля вовсе не подчинялась вся ни Мономаху, ни сыну его,

ни внуку, да и иноплеменники вовсе не все платили им дань. Но в патристическом восторге певца былая русская слава вырастает до крайних пределов. И можно сказать, он начертал тот политический идеал, к которому стремились Мономашичи, и именно Ярослав Всеволодович. Немного позже князь все же осуществил частично эту задачу, став — увы! — как татарский вассал во главе всей Русской земли. По свидетельству Лаврентьевской летописи, Батый в 1242 г. сказал ему «Ярославе, буди ты старей всем князем в русском языке».

Мы уже отметили, что в этом описании русских границ совсем не указаны южные пределы. Нет ни Дуная, ни Черного моря, ни торков или черных клобуков, нет даже половцев. Певец — северянин, он гораздо лучше знает северные края — Корелу, Тойму, район новгородской колонизации, до хладного Белого моря, чем бассейн теплого Черного моря, к которому стремился певец «Слова о полку Игореве».

Дойдя в своем углублении в прошлое до прадеда ярославова, до Владимира Мономаха, певец начинает рассказывать о его величии. Это как бы третья, эпическая часть сохранившегося вступления к «Слову». Певец изображает Мономаха в былинных, гиперболических чертах, подобно тому как певец Игоря возвеличивает Святослава и Всеслава.

Именем Мономаха половцы пугали своих детей в колыбели⁶⁷, литва не смела показываться на свет из своих болот (теперь же она производит набеги под Новгород и Смоленск), а угры укрепляли свои каменные горы железными воротами, чтобы великий Володимер на них не наехал. О немцах сказано с иронией: они тогда радовались, ибо были еще далеко за Синим (Балтийским) морем и не высаживались еще на ливонских берегах — им нечего было тогда бояться Мономаха.

В общем тут перечислено много тех же народов, о которых говорил и черниговский певец Игоря. И в северном, и в южном «Слове» упомянуто по 15 иноплеменных народов. Южный певец называет половцев, литву, немцев, греков в связи со славой своих южных князей, прежде всего Ольговичей. В северном «Слове» эти народы — лишь объекты славы великого Мономаха.

Чтобы усилить его славу и славу его потомков, появляются и новые народы, которых не знает южное «Слово»: корела, на которую ходил походом Ярослав, поганая тойма на Северной Двине, наконец, буртасы, черемиса, вяда и мордва, «бортничавшие», т. е. дававшие дань медом Владимиру Мономаху. И единственное указание на южную политику Мономаха: певец утверждает, что сам царь Мануил Комнен присылал к нему богатые дары, чтобы великий Володимер «под ним Царя-города не взял». Тут любопытен анахронизм устного предания, усиливающего значение Мономаха: самый могущественный византийский царь боялся-де его. Вот первый намек на мономахову шапку, присланную будто бы с другими дарами из Царьграда, вот первый зачаток гордой легенды, родившейся в Суздальской Руси.

В эпическом нарастании образов певец представил нам апогей славы «великого Володимера», прадеда восплаваемого князя.⁶⁸ В этом

⁶⁷ Мы принимаем поправку: «страшаху» вместо «ношаху».

⁶⁸ Заметим, что в «Слове о погибели» Владимир два раза назван Мономахом, еще два раза «великим», но нигде не назван «старым». Это лишнее доказательство того, что «старый Володимер» в первом «Слове» есть именно первый Владимир — Святославич.

величании действительность смешана с легендами, в факты истории вплетаются преувеличения и фантазии... Но это тот же стиль, которым певец Ольговичей пользуется для возвеличения «великого грозного Святослава» и его политических замыслов.

Однако, говорит певец, уже и в те дни («в ты дни») начиналась «болезнь крестьяном», т. е. усобицы и набеги врагов: «от великого Ярослава и до Володимера» (Мономаха) и затем (от смерти Мономаха) «и до нынешнего Ярослава и брата его Юрья». Тут фрагмент явно обрывается. Очевидно, дальше шли воспоминания об усобицах князей и набегах половцев, как переход к главной части — изложению самой «погибели» — нашествия татар⁶⁹

Но и эти краткие строки содержат драгоценное признание: уже от смерти великого Ярослава (т. е. после 1054 г.) началась та полоса бедствий, которая тянется до Мономаха (с некоторым перерывом при нем), а после его смерти — до «нынешнего Ярослава». В этом северный певец вполне сходится с южным: ведь и в «Слове о полку Игореве» особенно выделена полоса усобиц во второй половине XI в. В сознании обоих певцов лучшая пора русской истории есть мирное единство Русской земли при старом Владимире и старом Ярославе.

Итак, несмотря на всю фрагментарность «Слова о погибели», мы имеем основания сравнить его со «Словом о полку Игореве». Это тот же лиро-эпический стиль «придворного песнотворчества», создаваемый очень образованными певцами, много наслышавшимися и много навидавшимися. Такой певец интересуется, прежде всего, политическими и историческими вопросами, хранит в памяти родословную своих князей, их семейные предания, их распри, но вместе с тем и судьбы всей Родины. Он гордится ее прежним величием, болеет ее несчастьями.

С придворных пиров, где пелись такие песни на свадьбах или после походов, они переходили в народ и отслаивались в нем, в его былинах. Былины сохраняли черты гиперболизма придворного стиля, но понемногу утрачивали его живой, трепетный лиризм, заменив его эпическим спокойствием.

VI

«Слово о погибели» является, по нашему мнению, самым сильным доказательством подлинности «Слова о полку Игореве». Несмотря на отдельные различия окраски и тональности, они очень сходны по стилю и по основной тематике. Есть крупные различия: в северном «Слове» нет южной фантастики, нет пережитков язычества, в нем больше христианского элемента (ведь оно написано на 50 лет позже). Оно явно написано сторонником Мономашичей, а южное — сторонником Ольговичей.

Но сколько и сходства, начиная со сложных их заглавий: «Слово о полку Игореве (Игоря сына Святослава внука Ольгова)», «Слово о погибели Руския земли (о смерти великого князя Ярослава)». Вторые части этих заглавий могут быть и позднейшими добавлениями, но в первых частях — полный параллелизм.

Можно найти сходные эпитеты и выражения той же поэтической школы, например: *«свет светлый ты»* — *«о светло светлая»*, «Свято-

⁶⁹ Весьма правдоподобно мнение А. И. Соболевского, что «плач великого князя Юрия Всеволодовича» есть другой фрагмент «Слова о погибели» (К «Слову о полку Игореве» — Изв. ОРЯС АН СССР, т. II, 1929, стр. 174—176).

слав *грозный*» — «князи *грозные*», «подпер горы угорския железными полкы» — «Угры твердыху каменные горы железными вороты» и т. д.

Конечно, отрывок «Слова о погибели» слишком короток, чтобы можно было провести полное сравнение между ним и «Словом о полку Игореве». Но и то, что сохранилось, показывает, что школа Бояна не заглохла на Русской земле в XIII в.

Как и в южном «Слове», мы находим и в суздальском «Слове» тот же героический лиризм, преобладающий над эпическим содержанием. Та же манера писать кратко, яркими мазками, иногда просто намеками. Тот же ритм свободного, неравносложного, нерифмованного стиха. То же сильное и любовное чувство природы, весьма редкое в европейском средневековье. Тот же генеалогический интерес к предкам воспеваемого князя (в южном «Слове» — шесть восходящих поколений и два нисходящих, в суздальском — шесть восходящих: Ярослав — Всеволод — Владимир — Юрий — Всеволод — Ярослав). Та же страсть к легендарным образам и гиперболическому возвеличению любимых князей. То же горячее чувство родины, та же любовь к Русской земле в ее самых широких пределах. То же восторженное отношение к ее далекому прошлому, к «первой године первых князей» до середины XI в. Та же взволнованная скорбь о ее несчастиях, «усобицах», «болезнях», начиная с этой эпохи. Тот же воинский пафос борьбы «крестьян» и «поганных». Та же идея необходимости единства Русской земли, то же трепетное ожидание несчастий. Тот же глубокий исторический охват и широкий политический кругозор.

Это две ветви одной и той же школы — северное, суздальское, творчество певца Мономашичей и южное, черниговское, творчество сторонника Ольговичей. Оба произведения, как нам кажется, создались в Киеве, выросли на старых традициях киевского величия, высокой культуры Киевской Руси XI в.

К сожалению, мы не знаем имен этих певцов и никогда, вероятно, их не узнаем. Но надо допустить, что певцов было много; были свои певцы в Галицкой земле, был свой в Чернигове, был и в Переяславле Суздальском, был, наверно, и в Полоцке. Героические песни рождались всюду; и о Мономахе, и об Олеге, и о Романах волынском. Рождались они и на пирах и на поле битвы. Драгоценно свидетельство Длугоша о том, как в 1209 г. Русь, прославляя победу Мстислава Удалого над поляками и венграми под Галичем, сейчас же сложила о нем песню:

О великий княже и победитель, Мстислав Мстиславич!
О храбрый сокол, устрашающий храбрых и сильных
и войска их, посланный богом!
Пусть перестанут гордиться те, кто мнили,
победив тебя, себе присвоить победу,
ибо все они посрамлены и разбиты тобою,
великолепным и славным господином нашим.⁷⁰

Были свои песни и у Мономашичей еще в XII в. Из такой песни, сложенной в честь Романа Волынского, вероятно, выхвачена его

⁷⁰ ...a Ruthenis, qui in lactitiam effusi, magnis vociferabantur clamoribus dicentes: «O magne dux et victor Msczilaе Msczislawicz! o fortis accipiter ad conterendum fortes et robustos, armaque illorum, transmissus a Deo! Desinant se glorificare, qui te victo tibi desinebant victoriam, quoniam a te omnes, magnifico et glorioso domino nostro, humiliati et conflicti sunt». (Dlugosii opera omnia, t II, Crac., 1873, pp. 186—187.)

известная характеристика: «Устремился бяше на поганые, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше и, яко коркодил, и прехождаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур». В нею связан и отрывок песни о Владимире Мономахе, «пившем золотым шеломом Дон», и об отце Кончака, хане Отроке, убежавшем за Железные ворота и вернувшимся после смерти Мономаха, понюхав степной травы емшан. Этот прекрасный рассказ кажется нам отрывком половецкой песни о предках Кончаковны, занесенной на Русь при свадьбе ее и Владимира Игоревича в 1187 г. (или когда внушка Кончака выходила замуж за отца Александра Невского в 1205 г.). В этой семейно-родовой песне опять-таки прославляются предки невесты в гиперболических, сказочных тонах: «Кончак снесе Сулу, пеш ходя, котел нося на плечу», «Сырчанови же оставши у Дону, рыбою ожившу». Это тот же стиль придворного песнотворчества, которое процветало не только у скандинавских скальдов, но и у половецких ханов, и у наших Ольговичей, Мономашичей и Всеславичей. Таких певцов были десятки, и таких песен были десятки, если не сотни. Но монастырская письменность избегала их, сторонилась их, и осталось лишь два образца — «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли». ⁷¹

Приложение I

Князья, упоминаемые в «Слове о полку Игореве»

Певец «Слова» упоминает:

в I поколении —	„старого Владимира“ — 2 раза
во II „	„старого Ярослава“ — 3 раза (1 раз в связи с Бояном)
	„храброго Мстислава“ — 1 раз (в связи с Бояном)
в III „	1. Изяслав (хотя не назван по имени)
	2. Святослав (еле назван)
	3. „давнии великий Всеволод“ и
	4. его жена „мати Ростиславля“
в IV „	1. „вещий“ Всеслав — 4 раза (1 раз в связи с Бояном)
	2. Святополк (Изяславич) — 1 раз
	3. „красный Роман Святославич“ (в связи с Бояном)
	4. „храбрый Олег Святославич“ — 7 раз (1 раз в связи с Бояном)
	5. „Ольгова когана хоть“, его жена
	6. Владимир (Мономах) — 1 раз
	7. его брат „уноша Ростислав“ Всеволодович — 1 раз
в V „	8. „храбрый и младой Борис Вячеславич“ — 1 раз
в VI „	еле намечен отец героев — Святослав Ольгович
	1. „великий грозный Святослав“ Киевский — 6 раз
	2. „сильный и богатый Ярослав“ Черниговский — 1 раз
	3. „храбрый Игорь Святославич“ Северский — 33 раза
	4. „буй-тур, яр-тур Всеволод“ Трубчевский — 8 раз
	5. „великий князь Всеволод“ Суздальский — 1 раз
	6. „буй-Мстислав“ Городненский (?) — 1 раз
в VII „	1. Изяслав Василькович Городненский (?) — 1 раз
	2. Брячислав Василькович
	3. Всеволод Василькович } Полоцкие — 1 раз
	4—6. „Ярослав (?) и все внуки Всеслави“ (Полоцкие) — 1 раз
	7. „Осмомысл Ярослав“ Галицкий — 1 раз
	8. Святослав Рыльский (не назван по имени, но подразумевается — „два молодые месяца“) — 1 раз
	9. Володимер Игоревич Путивльский („молодой месяц“, „соколец“ и в конце назван по имени)
	10—11. „буй-Рюрик“ и Давид Ростиславичи — по 2 раза
	12. Владимир Глебович — 2 раза
	13. Его сестра — „красная Глебовна“

⁷¹ Вспомним и рассказ Длугоша о том, что поляки сложили песни о победе над Романом Галицким в 1205 г., которые распевались еще в его время в театрах (ibid., г. 175). Между тем от польского героического эпоса не осталось ни одной песни.

- 14—15. „удалые сыны Глебовы“, князья рязанские Роман и Игорь (а может быть, и все пять сыновей) — 1 раз
в VIII поколении, 1. „Ярославна“ (Евфросиния), жена Игоря
2. „буй-Роман“ (волинский)
3—5. Ингварь и Всеволод (Луцкие) и их брат Мстислав Немой — „три Мстиславича, не худа гнезда шесткрыльцы“.

Итак, точно названо — 30 князей, еще упоминаются собирательно 7—8, намеками названо три Итого — 40 князей и 4 княгини, все замужние, из них 16 умерших князей, остальные были живы в 1185—1187 гг.

Любопытно, что не назван никто в пятом поколении, в поколении отцов героев, но очень жива память об их *дедах* и прадедах, до пращура Володимира. Восемь поколений князей на протяжении почти 200 лет охвачено взором певца. Из них первые три поколения (а отчасти и четвертое) связаны с именем Бояна, певшего им славу

Приложение 2

Народы и племена, перечисляемые в южном и северном «Слове»			
«Слово о полку Игореве»		«Слово о погибели Русской земли»	
1. Половцы	19 раз	1 раз
2. Угры	2 »	2 »
3. Немцы	1	2 »
4. Литва	3 »	2 »
5. Ятвязь	1	2 »
6. Ляхи	1 »	1 »
7. Греки	1 »	1 »
8. Касоги	1 »	8. Чехи	1 »
9. Овары	1 »	9. Корела	1 »
10. Готы (в Крыму)	1 »	10. Тойма	1 »
11. Хинова	3 »	11. Болгары	1 »
12. Деремела	1 »	12. Бургасы	2 »
13. Латины	1 »	13. Черемиса	2 »
14. Венедици	1 »	14. Мордва	2 »
15. Морава	1 »	15. Вяда	1 »

Первые семь народов — те же, но, конечно, в южном «Слове» половцы стоят на первом месте. Среди следующих восьми в первом «Слове» еще три южных народа (или четыре, если считать и загадочную Хинову); остальные четыре — западные, даже с уклоном в далекую Западную Европу. Между тем, в северном «Слове» только один западный народ — чехи; остальные семь — это северные и северо-восточные народы и племена лесной части Руси.

Вообще «поганые», под которыми больше всего подразумеваются половцы, в южном «Слове» названы 12 раз, в северном — два раза. «Земля Руская» в южном «Слове» названа 20 раз, в северном — два раза. Ни в том, ни в другом ни разу не встречается двусмысленное слово «Русь», могущее обозначать и страну и народ. Вместо него в южном «Слове» четыре раза «русичи» и один раз — «крестьяне», в северном — «крестьяне», в южном — «крестьянский язык» и «вера христианская».

Приложение 3

Деремела в «Слове о полку Игореве»

В «Слове о полку Игореве» есть одно загадочное имя — Деремела. Оно встречается только раз, в обращении к князьям Роману и Мстиславу: «Хинова, Литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повергоша, а главы своя подклониха...»

Такого названия народа (или племени) нет нигде больше ни в русских летописях, ни в польских, ни вообще в каких-либо других памятниках.

По контексту оно могло бы относиться и к литовским и к половецким племенам. Но лингвистически оно совсем не походит на полыецкие (вообще тюркские) племенные названия, не знающие собирательных имен с окончанием «а». Это, несомненно, литовское племя: именно наша летопись знает несколько литовско-латышских собирательных племенных имен: литва, жомойт, корсь, зимегола, сусола. Последние имена (с окончанием на «ла») — ближайшая параллель к загадочной Деремеле. Зимегола (*Semigalle, Semigallia*) — это целая область в латышской земле, по Западной Двине. Сусола (*Sosola, Sakele*) — тоже область (и племя) к северу от Западной Двины. Вспомним еще Эйраголу (*Eiragola, Eregalle*) — это имя города и области (повета) в Жомойтской земле.

Очевидно и Деремела есть название области, по которой прозывалось и племя (или наоборот). Певец сперва упомянул литву как главное племя, затем ятвягов как родственное и, наконец, деремелу как второстепенное. Все это соответствует славе Романа Мстиславича, храброго волынского князя, прославившегося своими походами на литовцев.

Но какое же литовское племя могло называться деремелю? На это ни один из комментаторов «Слова» не смог ответить по той причине, что такое племя ни разу не упоминается в литовской истории.

Между тем этот вопрос приобретает интерес в связи с недавними новыми сомнениями проф. Андре Мазона в подлинности «Слова». Если оно подделка XVIII в., то откуда мог фальсификатор (Н. Бантыш-Каменский, как предполагает А. Мазон) взять это имя, откуда оно пришло ему в голову? Если он рабски копировал «Задонщину», не имея достаточной фантазии, то почему он вдруг придумал имя, которого нет ни в «Задонщине», ни в летописях? Если же это подлинное имя, которое могло существовать в XII в., то оно лишний раз подтверждает подлинность «Слова», так же как и племенные названия черниговских былей: могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и ольберы, которые тоже неизвестны летописям, а между тем хорошо объясняются из тюркских корней и вполне соответствуют данным XII в.⁷²

Обратимся к новейшей литературе. Подробное исследование проф. Г. Ловмянского «Опыты по истории происхождения литовского общества и государства» приводит очень много литовских племен и местностей, но Деремелы не называет, не найдя ее в источниках. Однако оно дает близкие формы: *Dernen (Dernne, Dagne)*.⁷³

Одна область — Дернен находилась в Самбии у Куришгафа, к западу от нынешнего Калининграда. Она упоминается в 1257 и 1258 гг. Позднее это название исчезает и заменяется другим — *terra War-gen*.⁷⁴

Но в те же годы упоминается и другая область — Дернен, составлявшая часть земли *Deupowe*, обнимавшей целый ряд волостей. В 1259 г. литовский король Миндовг дает крестоносцам «Деновскую

⁷² См. выше, стр. 80.

⁷³ H. Lowmianski. Op. cit., t. II, str. 37.

⁷⁴ «in terram quae Dernen vocatur», «in duabus terrulis Dernne vel Quedenowe» (Urkundenbuch des Bistums Samland, Leipzig, 1891, SS. 52 u. 53); H. Lowmianski. Op. cit., t. II, str. 37.

землю, называемую и Ятвязью, за исключением трех округов: Сентане, Дернен и Кресмен». ⁷⁵ Ловмянский помещает все эти земли в юго-восточном углу Пруссии (между Мазурскими озерами и рекою Бобром), там, где, по его мнению, была древняя земля ятвягов. Он считает, что Сентане — это часто встречающееся у литовцев название Свентяны, вероятно теперешнее Швентайнен к юго-западу от Марграбова.

Волость Дернен, по его мнению, — Дзярнов, около прусско-польской границы. Наконец, Кресмен можно найти и теперь под тем же именем в тех же местах, к северо-западу от Райгорода. Жители этой волости упомянуты под 1256 г. в Ипатьевской летописи как «крисменцы».

Итак, «земля Денове» в 1259 г. обнимала южную часть Судавии (т. е. земли ятвягов). В ней была область (и племя) Дернен (Дермне); от этой формы могло легко образоваться местное название Дермне-ле, а в русской огласовке оно произносилось (с соблюдением закона полногласия) как «Деремела».

Заметим, что лучший знаток древнепрусского (и литовского) языка Георг Геруллис в своем обзоре древнепрусских местных названий особо останавливается на топографическом суффиксе — *ele*. Так, от литовского слова *grabe* (ров) образовано местное название Грабеле, от прусского *waipa* (ворона) — название села Варнелин, от *kalnas* — село Кальнеле (*Kalneliai*) и т. д. ⁷⁶ Можно прибавить, что Ловмянский приводит древнее название села Бурве и указывает, что сейчас оно называется «Бурвеле» (на левом берегу реки Невяжи). ⁷⁷ Следовательно и название Ятвяжской области *Deigne* (которое Геруллис сближает с польским *ciąć* — дерн, торф) могло иметь и другой вид — *Deign(m)ele*.

Таким образом, можно установить, что область (и племя) Деремела находилась в пределах позднейшей Пруссии, в том ее юго-восточном углу, который подступал к Ломжинской и Сувальской областям, именно к северо-востоку от линии городов Лык — Райгород. Еще Кендржинский указал, что волость Дернен в грамоте Миндовга 1259 г. есть Дзярнов в этом углу Пруссии, к востоку от озера Селмент. ⁷⁸ Тут же находится и озеро Скомонд, напоминающее имя ятвяжского вождя, «волхва и кобника нарочитого» Скомонда (в Ипатьевской летописи под 1248 г.).

Итак, по нашему мнению, Деремела (*Deignmele*) — это название одной из южных волостей Ятвяжской земли, с которой столько воевали и Роман Мстиславич и его сын Даниил Галицкий. Именно у ятвягов, находившихся еще в родовом быте, переходившем в «военную демократию», было много мелких областей, по имени которых назывались и племена (или, может быть, наоборот, области по именам племен). Вспомним в Ипатьевской летописи под 1251 г. поход Даниила с сыновьями в «болота ятвяжские». Он победил тогда «гордые Ятвязе и Злиньди и Крисменць и Покенце». ⁷⁹ Опять-таки, как выяснил Ловмянский, последние три имени обозначают лишь отдельные племена

⁷⁵ «*terram Denowe quam etiam quidem Iatwesen vocant, exceptis quibusdam terris scilicet Sentane, Dernen, Cresmen*».

⁷⁶ Georg Gerullis. *Die altpreussische Ortsnamen*, Berlin — Leipzig, 1922. SS. 250—251.

⁷⁷ H. Lowmianski. *Op. cit.*, t. II, str. 75.

⁷⁸ Ketrzyński. *O donacyi Mendoga* — «*Rozprawy Akad. Umiej.*», wydzał hist.-filol., t. 50, Kraków, 1907, str. 195.

⁷⁹ Ипатьевская лет., стр. 552.

тех же ятвягов. Крисменцев он нашел в той же местности, где и *Derpen*, под именем волости *Cresmen*, а Злинци и Покинцы упоминаются у Дуисбурга как судавские волости *Silia* и *Rokima*. Это все пограничные области, ближайшие к торговому пути, ведущему из Польши на Русь через Визну.

Такою же Ятвяжскою областью (и племенем) была и Деремела — *Derpmele*. Очевидно, ее победили Роман Мстиславич Волынский и Мстислав (Пересопницкий или Городенский) незадолго до 1185 г. Ипатьевская летопись вообще не упоминает о победах Романа над ятвягами и литовцами. Но об этом сохранили память позднейшие предания, записанные Стрыйковским в конце XVI в. На эти победы и отозвался певец «Слова» фразою «Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела».

Это редкое имя «Деремела», которое нам удалось объяснить и локализовать лишь по источникам, опубликованным во второй половине XIX в., не могло быть никак придумано «фальсификатором конца XVIII века». Оно является лишним доказательством подлинности прекрасного памятника нашей славной старины.⁸⁰

⁸⁰ Так же как и имя «русичи», нигде более не встречающееся. Оно вполне соответствует племенным названиям XII—XIII вв. в Ипатьевской летописи, но никак не отвечает духу XVIII в., упорно твердившему о «Россах». См. нашу статью *Rusici et Rus* в «Заметках к Слову о полку Игореве», изд. Ин-та им. Н. П. Кондакова, вып. 2, Белград, 1941, стр. 21—33.

К. Н. СЕРБИНА

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ ТИХВИНСКОГО ПОСАДА В XVII ВЕКЕ

При изучении вопросов экономической истории и экономической географии России XVI—XVII вв. исследователи пользуются преимущественно показаниями иностранцев. Сведения иностранцев, очень интересные и ценные, в основном все же касаются только тех товаров, которые вывозились из Московского государства за границу. Товары же, обращавшиеся на внутреннем рынке, мало интересовали иностранцев, а потому в их сочинениях о России они почти не нашли себе места.

Богатейшие сведения о товарах, обращавшихся на внутреннем рынке, содержатся в таможенных книгах XVII в. отдельных городов Московского государства. Таможенные книги почти не изучены, и данные их совершенно не использованы для изучения ряда вопросов экономической жизни России XVII в.¹

Настоящая работа является попыткой на основании данных тихвинских таможенных книг, содержащих сведения о торговле Тихвинского посада почти за целое столетие (1623—1701 гг.), дать в первую очередь представление о товарах, обращавшихся в XVII в. на тихвинском рынке, о социальном происхождении продавцов и о географическом размещении и специализации тех центров крестьянской промыш-

¹ Первый, кто обратил внимание на ценность таможенных книг и поставил вопрос о необходимости использования их для изучения внутренней торговли, был А. А. Кизеветтер, писавший в 1909 г. о том, что «совокупность книг русских таможен представляет подробную летопись движения русской внутренней торговли из года в год, изо дня в день за все время существования Московского государства и за первую половину XVIII в. вплоть до уничтожения внутренних таможен в 1753 г.» (А. А. Кизеветтер. Делопроизводство внутренней таможни как исторический источник. Сборник в честь В. О. Ключевского, М., 1909, стр. 76—77). Он же дал и оценку таможенных книг, определив заключающиеся в них данные как «материал первостепенного значения, богатый количественно и качественно» и обеспечивающий «обильную жатву для тех, кто пожелал бы приложить свои руки к этому тучному «дикому полю». Со времени появления статьи А. А. Кизеветтера прошло почти сорок лет, но использование таможенных книг подвигается крайне медленно, хотя в статьях К. В. Базилевича, напечатанных в «Проблемах источниковедения» («Таможенная книга, как источник экономической истории России», «Проблемы источниковедения», сб. I, М.—Л., 1933, стр. 110—129; «К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.», сб. II, 1936, стр. 71—90), был снова поднят вопрос о необходимости изучения таможенных книг и дана оценка их как источника для экономической истории России XVII в. Только в последнее время появился ряд статей, построенных на материале таможенных книг и дающих ценный материал для изучения внутреннего рынка России в XVII в.: И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII века («Исторические записки», т. I); К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII века (там же, т. XIII); И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке (там же, т. XIV); С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII века (там же, т. XX); Н. И. Привалова. Торги гор. Касимова в середине XVII века (там же, т. XXI); Е. Н. Кушева. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII в. (там же, т. XXII).

ленности, изделия которых стали уже товаром и продавались на ярмарке Тихвинского посада.

Существование на Тихвинском посаде таможни ставит изучающего тихвинскую торговлю XVII в., как внутреннюю, так и внешнюю, в исключительно благоприятные условия, так как все привозившиеся в Тихвинский посад и вывозившиеся оттуда товары «являлись» в тихвинской таможне и записывались в специальные книги, ведшиеся в этой таможне для учета таможенных сборов, поступавших в течение всего XVII в. в казну Тихвинского Большого монастыря, который был владельцем Тихвинского посада и которому принадлежало право собирать в свою пользу таможенные сборы.

Тихвинский посад с его ежегодной ярмаркой² привлекал к себе торговых людей «московских городов» (Москвы, Ярославля, Ростова, Каргополя и т. д.), иностранных купцов, преимущественно «канецких»³ и выборских немец, а также «уездных и волосных торговых людей» Олонецкого, Белозерского, Новгородского и других уездов.

О количестве приезжавших на Тихвинский посад торговых людей из «московских городов», их географическом происхождении и степени устойчивости торговых связей отдельных городов с Тихвинским посадом можно судить по данным приводимой таблицы 1 (см. табл. 1).

Данные таблицы говорят о постоянных торговых связях Тихвинского посада с 45 городами Московского государства. Наиболее прочными и оживленными они были с Новгородом Великим, Ярославлем, Москвой, Устюжной Железопольской, Белоозером, Каргополом, Вологодой, Угличем, Ростовом, Псковом, Костромой, Олонцом и Ладогой. Посадские люди этих городов ежегодно и большими группами в 40, 50 и 100 человек приезжали на Тихвинский посад. Отдельные торговые люди приезжали на посад в течение нескольких десятилетий подряд.

Если в отношении торговых людей «московских городов» радиус охвата тихвинской торговли «московских городов» трудно установить, так как на Тихвинском посаде можно было встретить и москвичей, и ярославцев, и вологжан, и нижегородцев и даже астраханцев, то в отношении торговли «волосных людей» такой радиус совершенно точно установим и отличается большой устойчивостью. на протяжении всего XVII в. он оставался без всяких изменений.

В территорию охвата тихвинской торговли с «волосными людьми» входила почти вся территория бывших новгородских пятин, т. е. — по административному делению XVII в. — уезды Олонецкий, Новгородский, Белозерский, Устюженский, Угличский, Городецкий, Старорусский. Следовательно, тихвинская торговля с «вольными людьми» охватывала округу радиусом 300—400 верст.

Социальный состав торговавших на Тихвинском посаде выявляется из данных нижеследующих таблиц (см. табл. 2—4).

На основании данных приведенных таблиц можно сделать вывод, что по всем видам книг, кроме тихвинских и «зарубежских», в течение всего XVII в. крестьяне составляли половину всех торговавших на Тих-

² В течение почти всего XVII в. (до 1684 г.) тихвинская ярмарка была «зборное воскресенье», т. е. в воскресенье первой недели великого или пасхального поста, следовательно, в зависимости от Пасхи, она происходила в различные числа февраля — марта. Длилась она 3—4 дня — пятницу, субботу, воскресенье и понедельник. Самым оживленным обычно бывал первый день, т. е. пятница. Ввиду того, что ярмарка приходилась в самую «бездорожицу» и власти Тихвинского монастыря жаловались на «малый» приезд торговых людей; она была перенесена по распоряжению правительства в 1684 г. на январь. Эти новые сроки не прижились, и в конце 80-х годов ярмарка снова была перенесена на «зборное воскресенье».

³ Жителей «Канцев», т. е. Нюеншанца.

Таблица 1

Число торговых людей, ведших торговлю с Тихвинским посадом

№ п/п	Наименование города	1629	1637	1648	1654	1657	1658	1659	1662	1663	1665	1667	1673	1686	1687	1691	1693	1698	1699
1	Новгород Великий	86	57	90	69	93	105	37	39	77	62	—	—	—	35	—	65	67	47
2	Олонец	не существовал				56	—	110	64	—	67	50	2	81	—	57	60	62	—
3	Устюжна Жезопольская	28	37	38	39	—	26	25	26	24	24	30	25	22	—	—	25	—	16
4	Ладога	52	16	13	26	12	11	21	13	34	18	—	—	—	9	—	22	25	21
5	Ярославль	11	13	29	36	—	22	9	16	18	14	13	7	—	—	—	8	—	11
6	Белоозеро	13	7	7	8	—	6	6	1	6	12	1	11	—	—	—	—	—	—
7	Каргополь	10	6	7	5	3	20	4	—	6	1	11	2	10	—	—	11	—	30
8	Вологда	—	3	3	6	—	3	1	—	—	—	1	3	1	—	—	1	—	1
9	Углич	8	7	8	17	—	10	8	3	7	1	4	6	6	—	—	9	—	4
10	Ростов	6	7	6	11	—	7	5	4	2	3	6	3	—	—	—	7	—	8
11	Москва	5	6	4	4	—	—	—	2	2	1	1	2	—	—	—	3	—	2
12	Псков	4	2	5	—	2	5	1	1	3	4	—	—	—	1	—	4	1	1
13	Рыбная слобода	3	—	3	7	—	—	1	5	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—
14	Молога	2	—	1	1	—	2	3	5	3	9	5	2	—	—	—	—	—	—
15	Кострома	2	7	14	18	—	5	—	3	1	3	—	2	2	—	—	—	—	—
16	Н.-Новгород	2	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—
17	Старая Русса	1	1	5	4	2	5	2	2	3	11	—	—	—	1	—	4	6	13
18	Романов	1	—	2	5	—	4	2	3	4	1	1	—	3	—	—	6	—	12
19	Борисоглебская слобода	1	2	5	13	—	6	7	9	9	5	8	2	3	—	—	4	—	3
20	Благовещенская слобода	—	—	—	—	—	—	—	—	3	9	3	—	—	—	—	1	—	—
21	Кашин	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4	—	—
22	Городец	1	2	4	6	—	1	—	3	5	—	1	9	5	—	—	3	—	2
23	Переяславль Залесский	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3	—	—
24	Торопец	1	1	4	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
25	Луки Великие	—	4	3	—	3	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	2	—	1
26	Порхов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
27	Опочка	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	Боровичи	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29	Новоторжек	—	7	10	8	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—	—
30	Весьегонск	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31	В.-Волочек	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
32	Гдов	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	Валдай	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34	Дмитров	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	Юрьев Повольский	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
36	Казань	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37	Осташковск слоб.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	Кемь	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
39	Рогачев	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
40	Вязники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
41	Можайск	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Данилов	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
43	Шуя	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
44	Удомля	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45	Пошехонье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—

винском посаде, причем наибольшее количество крестьян среди приезжавших с товарами на Тихвинский посад дает Заонежье, на втором месте по количеству приезжавших крестьян стоит Новгородский уезд и, наконец, на последнем месте — «московские» уезды. Количество приезжавших на Тихвинский посад крестьян медленно, но неуклонно росло. Так, в 1658 г. крестьяне всех районов составляли 51.3%, а в

Таблица 2

Социальный состав торговых людей московских городов ¹

Годы	Общее количество	Из них		% крестьян	Годы	Общее количество	Из них		% крестьян
		посадские люди	крестьяне				посадские люди	крестьяне	
1654	141	103	38	26.9	1686	281	145	136	48.3
1658	147	121	26	17.6	1687	141	73	68	48.2
1659	102	75	27	26.4	1691	139	90	49	35.2
1662	121	85	38	31.4	1693	154	90	64	41.5
1663	127	97	30	23.6	1699	144	102	42	41.1
1665	119	88	31	35.2	1700	16	14	2	12.5
1673	131	104	27	20.6					

¹ Составлена на основании данных тихвинских таможенных книг № 986, 1025, 188, 273, 386 (фонд Тихвинского Большого Успенского монастыря, хранится в архиве Ин-та истории АН СССР, в дальнейшем цит. «Т. Ф.»)

Таблица 3

Социальный состав торговых людей новгородских городов ¹

Годы	Общее количество	Из них		% крестьян	Годы	Общее количество	Из них		% крестьян
		посадские люди	крестьяне				посадские люди	крестьяне	
1657	148	122	56	31.4	1687	352	103	249	71.02
1658	172 ²	126	41	23.3	1693	82	52	30	36.5
1659	292 ³	92	186	64.04	1698	254	115	139	54.7
1662	94 ⁴	58	30	33.3	1699	185	88	97	52.4
1663	271 ⁵	133	124	47.9	1700	6	3	3	50
1665	203	95	103	50.2	1701	24	9	15	62.5

¹ Составлена на основании данных тихвинских таможенных книг (Т. Ф., там. кн. № 1027, 203, 215, 223, 242, 250).

² В том числе 15 человек других сословий.

³ В том числе 10 человек других сословий.

⁴ В том числе 10 человек других сословий.

⁵ В том числе 14 иностранцев.

1693 г. — 56.4%. Особенно интенсивен был рост крестьян по Новгородскому уезду, где в 1657 г. крестьяне составляли 31.4% всех приезжавших из «Новгородчины» на Тихвинский посад, а в 1701 г. — 62.5%.

До основания в 1649 г. города Олонца крестьяне составляли 100% всех приезжавших из Заонежья; с 1649 г. олонцкие посадские люди составляли от 20—30%, причем это соотношение крестьян и посадских людей было устойчиво и держалось до конца XVII в. Небольшой процент крестьян, приезжавших на Тихвинский посад из «московских уездов», объясняется исключительно удаленностью их от Тихвина. В орбиту тихвинской торговли были втянуты только некоторые центры крестьянской промышленности «московских» уездов, и то не целиком, а лишь в частях, примыкавших к Новгородскому и Олонецкому уездам. Крестьяне уездов ряда городов, как, например, Ярославля, Устюга

Таблица 4

Социальный состав «заонежан»¹

Годы	Общее количество	Из них		% крестьян	Годы	Общее количество	Из них		% крестьян
		олонецкие посадские люди	крестьяне				олонецкие посадские люди	крестьяне	
1629	155	—	155	100	1673	249 ⁴	81	164	66.3
1648	155	—	155	100	1675	199	44	155	77.8
1654	169	56	113	66.8	1687	247	57	186	76.5
1658	426 ²	110	310	73.2	1691	198	60	138	69.6
1659	121 ³	14	105	88.2	1693	232	62	170	73.2
1663	237	67	170	71.6	1698	169	48	121	72.1
1665	224	6	218	97.3	1699	153	52	101	66
1668	303	8	295	97.3	1701	5 ⁵	1	2	50

¹ Составлена на основании данных тихвинских таможенных книг №435, лл. 55—107, № 134, лл. 33—56; № 436, 211, 214, 222, № 242, лл. 18—36, № 248, 438, лл. 67—104, № 315, 387, 401, 803, 987, 1026, 1140, 1174, 1230, лл. 13—15.

² В том числе 3 человека других сословий.

³ В том числе 2 человека других сословий.

⁴ В том числе 2 человека других сословий.

⁵ В том числе 1 человек другого сословия.

Великого, Нижнего-Новгорода, Костромы и др., которые посылали на Тихвинский посад своих посадских людей, за дальностью расстояния вовсе не приезжали. Для изделий крестьянской промышленности этих уездов были другие, более близкие, чем Тихвин, рынки сбыта.

Удельный вес тихвинских посадских людей — торговцев и ремесленников во внутренней торговле Тихвинского посада виден из приводимой ниже таблицы, в которой дано: 1) общее количество явок товаров за целый год и указано, какое количество явок (в абсолютных цифрах и в процентах) сделано тихвинскими посадскими людьми; 2) показана общая сумма торговых оборотов тихвинской таможи и указано, на какую сумму (в абсолютных цифрах и в процентах) сделано заявок тихвинскими посадскими людьми (см. табл. 5).

Из приведенной таблицы, во-первых, видно, что количество явок, делаемых тихвинскими посадскими людьми, колебалось на протяжении XVII в. от 200 до 400 в год; стало быть, на протяжении XVII в. тихвинцы почти всегда делали около 40% всех явок товаров, зарегистрированных в тихвинской таможе. Следовательно, тихвинские посадские люди по количеству явок стояли не на первом месте. Что касается торговых оборотов тихвинцев, то хотя они неуклонно росли, тем не менее в течение всего XVII в. они составляли лишь 25% всей суммы, и в этом отношении тихвинские посадские люди стояли на втором месте. Приведенные данные о большом количестве явок и небольшом сравнительно с ними размере торговых оборотов тихвинцев позволяют сделать вывод, что отдельные торговые операции тихвинцев были мелкими, значительно мельче отдельных торговых операций не только торговых людей «московских городов» и Новгородского уезда, но даже и крестьян Заонежья.

Размеры отдельных торговых операций тихвинских посадских людей колебались от нескольких алтын до 500 и более рублей, свидетельствуя о резкой имущественной дифференциации тихвинских торговцев. Основную же массу составляли торговые сделки, оценивавшиеся в 2, 4, 6,

Таблица 5
Удельный вес тихвинских посадских людей по количеству явок и размерам торговых оборотов

Годы	Общее количество явок	Из них								Общая сумма в рублях	Из них							
		тихвинские				зачужские					московские				новгородские			
		колич.		%		колич.		%			колич.		%		колич.		%	
		сумма	%	сумма	%	сумма	%	сумма	%		сумма	%	сумма	%				
1629	990	462	45.1	155	15.6	110	11	127	27.6	14 947	4942	33.06	2300	15.5	4232	28.3	3473	23.2
1630	1089	483	44.3	186	17.07	276	25.3	83	12.6	15 644	4164	26.6	1298	8.2	9449	60.4	732	4.06
1637	684	235	34.4	178	26		21.2		18.4	12 268	2984	24.3	2984	24.3	4636	21.2	1665	13.5
1648	663	264	39.8	130	19.4	154	23.1	115	17.3	19 813	4069	20.5	3911	19.7	7971	40.2	3862	19.4
1654	1020	280	27.4	169	16.5	351	34.4	220	21.5	24 867	2607	10.4	1794	7.3	9307	36.2	4673	18.7
1658	988	424	42.9	423	43.8	147	16.4	172	17.4	23 667	6102	25.7	5278	22.3	7000	29.7	5287	19.3
1659	976	437	43.6	119	12.1	102	12.6	292	32.6	18 947	5578	29.4	2114	11.1	4000	21.1	7255	38.4
1662	631	200	41.2	137	21.7	121	19.1	94	14.8	213 927	47 537	22.2	52 026	24.3	85 552	36.5	28 812	13.46
1663	887	349	39.3	237	26.7	127	14.3	271	19.7	36 853	8873	24.25	3929	10.06	13 452	36.5	10 599	29.03
1686	1193	386	32.3	237	20	281	23.5	289	24.2	22 893	5537	24.2	4384	19.5	9865	43	3107	13.6
1693	857	383	45	232	27.02	154	18	82	9.6	21 555	4877	22.6	5482	24.5	7001	32.04	4193	19.4
1700	227	187	82.03	16	7.07	16	7.04	6	2.6	5 884	3084	52.4	581	9.8	1244	34.9	157	2.6

Таблица 6

Размеры торговых операций тихвинских посадских людей (в рублях)

Form	Bcero ABOK	No 1 p.	1 p	2 p.	3 p.	4 p.	5 p.	6 p.	7 p	8 p.	9 p.	10 p.	11 p	12 p.	13 p.	14 p.	15 p.	16 p.	17 p	18 p.	19 p.	20 p.	20-30 p	30-40 p	40-50 p	50-60 p	60-70 p	70-80 p	80-90 p	90-100 p	100-200 p	200-300 p	300-400 p	Boree 400 p	
			12	29	20	25	15	15	8	10	12	4	4	5	8	10	1	4	—	1	1	—	18	7	3	2	2	3	1	—	1	—	—	—	—
1625	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1630	325	—	25	45	39	33	16	23	12	12	10	2	10	7	11	10	5	8	6	2	8	—	21	9	2	4	—	2	—	3	—	—	—	—	—
1658	350	—	5	42	32	34	13	20	7	22	4	3	5	20	8	14	9	5	2	10	3	—	37	21	12	5	7	3	1	—	5	—	1	—	—
1660	290	—	1	30	19	23	12	20	10	8	7	—	6	10	13	11	12	15	2	5	4	—	30	23	12	3	2	1	4	1	5	—	1	—	—
1665	398	3	20	38	28	24	21	57	15	6	4	24	3	13	7	27	7	7	5	6	2	3	26	17	12	6	1	—	2	2	6	3	1	2	2
1673	209	—	—	1	1	4	5	5	1	3	2	3	3	18	8	14	10	14	7	15	2	—	37	19	18	4	3	4	—	1	6	1	—	—	—
1687	379	21	14	50	27	31	6	25	12	21	14	18	7	7	7	14	4	4	3	7	3	—	34	14	15	4	5	5	2	2	3	—	—	—	—
1693	267	—	4	20	14	22	10	15	5	8	5	1	7	23	3	13	11	14	2	9	2	—	44	12	7	7	2	2	—	1	3	1	—	—	—
Bcero 2439	24	81	255	180	196	98	180	70	90	58	55	45	103	65	113	59	71	27	55	25	3	247	122	81	35	22	20	10	7	32	5	3	2	2	

место; первое место по размерам отдельных торговых операций занимали шапочники и серебряники.

Несовпадение большого количества явок кузнецов с размерами их торговых оборотов, а также падение количества явок их к концу века должно быть объяснено тем, что все ремесленники являют в тихвинской таможне исключительно только ввозимое ими сырье, необходимое для их производства. Стоимость же этого сырья различная. Так, самое дорогое сырье, привозимое из Москвы и других «московских городов», это «камень», «жемчуг» у серебряников и бобры, атлас, камки и бархат у шапочников; самое дешевое — крицы у кузнецов, которые привозились из близлежащих деревень. Поэтому если отдельные торговые операции серебряников равнялись 20—50 руб., шапочников — 30—60 руб., то отдельные торговые операции кузнецов равнялись всего 2—4 руб. и редко доходили до 10—15 руб., зато очень часто исчислялись несколькими алтынами. Кроме того, начиная с 50-х годов XVII в., как было уже отмечено выше, сырье для кузнецов начинают ввозить крестьяне, которые в 90-х годах доставляли уже 80% всех привозимых на Тихвинский посад криц.

Данные тихвинских таможенных книг дают возможность определить размеры годовых оборотов тихвинской таможни, а также удельный вес каждой группы торговцев, регулярно приезжавших на Тихвинский посад («москвичей», «новгородцев», «заонежан») и самих тихвинцев (см. табл. 8).

Приведенная таблица позволяет сделать ряд выводов.

1. Общее количество приезжавших в течение XVII в. на Тихвинский посад торговых людей увеличилось вдвое. Так, в 1624 г. приехало 439 человек, а в 1699 г. — 997 человек. При этом количество тихвинцев почти не изменилось (351 и 383), не изменилось также и количество «москвичей» (120 и 150), зато почти удвоилось количество «заонежан» (с 178 до 232 человек), и еще больше увеличилось число «новгородцев» (с 83 до 228 человек).

2. Годовые обороты тихвинской таможни также неуклонно и быстро росли. Так, в 1624 г. они составляли 3 243 руб., а к 1699 г. они достигли 21 555 руб., следовательно, выросли в семь раз, причем в 50 и 60-х годах торговые обороты тихвинской таможни достигли наивысшей точки (26 297 руб. в 1658 г. и 36 853 руб. в 1663 г.).

3. Выросли также и торговые обороты каждой группы торговавших:

Так, обороты тихвинцев в 1630 г. составляли	4164 р.,	а в 1699 г. —	4877 р.
» новгородцев	» 731 р.	—	4193 р.
» заонежан	» 1298 р.	—	5482 р.
» москвичей	» 4449 р.	—	7001 р.

Следовательно, обороты тихвинцев остались без изменения, москвичей возросли почти вдвое, заонежан — вчетверо, а новгородцев — в 5—6 раз. Тем не менее, по размерам торговых оборотов первое место занимали москвичи, второе — тихвинцы, третье — заонежане и четвертое — новгородцы.

Сравнительное же изучение количества приезжавших и размеров оборотов тихвинской таможни говорит о том, что укрупнились и отдельные торговые сделки.

Итак, в течение XVII в. увеличилось не только количество торговавших на Тихвинском посаде, но и размеры их торговых оборотов. Любопытно отметить, что увеличение количества приезжавших на Тихвинский посад и размеров их торговых оборотов особенно резко сказалось в отношении Заонежья и Новгородчины, т. е. по тем райо-

Таблица 8

Размеры годовых оборотов тихвинской внутренней торговли и количество русских торговых людей, бывавших в Тихвине¹

Годы	Всего людей	Всего на сумму (в руб.)	И з н и х							
			тихвинских		московских		олонецких		новгородских	
			людей	на сумму	людей	на сумму	людей	на сумму	людей	на сумму
1624	439	3 243	351	2 396	88 ²	847	—	—	—	—
1626	725	6 556	461	3 621	264 ²	2 935	—	—	—	—
1628	896	8 404	554	4 013	342 ²	4 391	—	—	—	—
1629	990	14 947	462	4 942	110	4 236	291	2 300	127	3 473
1630	1 089	15 644 ³	483	4 164 ³	276	4 449 ³	247	1 298 ³	83	731
1637	684	12 268	235	2 989	145	4 636	178	2 984 ⁴	126	1 665
1648	663	19 813	264	4 069	154	7 971	130	3 911 ⁵	115	3 862
1654	1 020	24 867	280	2 607	351	15 851 ⁶	169	1 794	220	4 673 ⁶
1658	1 160	26 297	424	6 102	147	—	423	7 908	172	5 287
1662 ⁷	631	213 927	260	47 537	121	85 552	137	52 026	94	28 812
1663	887	36 853	349	8 873	127	13 452	140	3 929	271	10 599
1686	1 193	22 893	386	5 537	281	9 885	237	4 384	289	3 107
1698	837	18 099	355	5 939	144	6 399	153	2 518	185	3 243
1699	997	21 555	383	4 877	154	7 001	232	5 482	228	4 193
1700	227	5 884	187	3 084	16	815	18	1 828	6	157

¹ Дана стоимость только того товара, который был продан на Тихвине, цена «отъявленного в отвоз» не дана.

² До 1629 г. все иногородние купцы записывались в одну и ту же таможенную книгу, без указания места происхождения их, следовательно, в это число входили и торговые люди «московских городов» и «заонежане» и «новгородцы».

³ Кроме того, было привезено 1024 «ефимка», из них 1005 «ефимков» — тихвинцами и 19 — «заонежанцами».

⁴ Кроме того, «олончане» привезли 184 «ефимка» и 23 «золотых».

⁵ Кроме того, 127 «золотых», привезенных «заонежанцами».

⁶ Кроме того, 77 «ефимков», из них 40 привезено «новгородцами» и 37 — «москвичами».

⁷ Кроме того, в том же году приезжало на Тихвинский посад 19 «иноземцев», торговые обороты которых составили 7440 р. 50 к. Резкий скачок торговых оборотов вверх объясняется падением стоимости медного рубля в эти годы. Тихвинские таможенные книги 1662—1663 гг. (Т. Ф., таможенные книги № 241 и 242) дают обильный и очень интересный материал для представления о том, как пал рубль в связи с денежной реформой и как это падение стоимости денег отразилось на тихвинском рынке. Так, 65 криц железа до 1662 г. стоило 5 руб., в 1662 г. — 50 руб., 5 скотин до 1662 г. стоило 5 руб., в 1662 г. — 70 руб.; одна корова стоила до 1662 г. 1 руб., в 1662 г. — 24 руб. и т. д. Падение стоимости денег сказалось и на размерах таможенных пошлин. Так, в 1662 и 1663 гг. деньги делились на «белые деньги», т. е. серебряные, и «медные деньги». С медных денег брали пошлину медными же деньгами, а с серебряных — серебром; в случае замены его медью брали в восемь раз больше. Изменился за эти годы и ассортимент товаров — исчез с тихвинского рынка мех, значительно сократилось количество скота. Зато поражает большое количество заграничной соли, ввозимой тихвинцами из-за рубежа. Может быть, тихвинцы вынуждены были ввозить ее потому, что государство временно объявило некоторые товары «указными» в связи с ликвидацией прорыва в государственном бюджете, вызванном денежной реформой.

нам, которые наиболее тесно были связаны с тихвинским рынком и среди торговых людей которых подавляющее большинство составляли крестьяне. Этот факт, как нам кажется, не может не указывать на усиление дифференциации и рост в среде заонежского и новгородского крестьянства скупщиков, торговые операции которых делались все значительнее и крупнее.

О характере тихвинской торговли можно судить по приводимой ниже таблице соотношения количества «явок» и «отъявок» товаров,

т. е. товаров, оставшихся не проданными на Тихвинском посаде и увозимых обратно или в другое место. Из таблицы исключены, конечно, такие «отъявки», где речь идет о вывозе товаров, купленных в Тихвине. Кроме того, данная таблица не включает ввоза и «отвоза» тихвинскими торговыми людьми товаров, ввозившихся ими из-за границы. Ввозили они в основном медь и железо различных сортов; и то и другое, за вычетом самого ничтожного количества, оставшегося в Тихвине, почти немедленно увозилось ими в Москву и Ярославль «по первому зимнему пути».

После этих оговорок посмотрим все же, что дают данные таблицы соотношения ввоза и «отвоза» товаров (см. табл. 9).

Таблица 9

Соотношение количества явок и «отъявок» товаров на Тихвинском посаде

Годы	Тихвинцы			Москвичи ¹			Новгородцы			Заонежане			Всего	«В отвоз»	%
	на Тихвине	«в отвоз»	%	на Тихвине	в отвоз	%	на Тихвине	в отвоз	%	на Тихвине	«в отвоз»	%			
1624	351	132	37.6	88	60	68.1	—	—	—	—	—	—	439	192	43.2
1626	554	164	29.5	342	49	14.3	—	—	—	—	—	—	896	213	23.7
1628	342	119	34.7	264	—	—	—	—	—	—	—	—	725	119	16.4
1630	483	404	83.7	276	161	58.3	83	38	45.7	247	46	18.6	1089	649	58.9
1654	280	35	12.5	351	246	70	220	48	21.8	169	25	14.8	1020	354	34.7
1663	349	—	—	127	127	100	271	—	—	140	—	—	887	128	14.4
1693	383	89	25.7	154	85	55.1	228	182	79.8	232	73	31.4	997	429	43

¹ До 1629 г. все явки иногородних купцов записывались в книгу «московских городов»; с 1629 г. были заведены особые книги для москвичей, новгородцев и заонежан.

Данные приведенной таблицы прежде всего свидетельствуют о том, что процент «отъявок» товаров, за исключением меди и железа, ввозимых тихвинскими посадскими людьми из-за рубежа, составлял примерно около трети. Не все категории торговавших на Тихвинском посаде делали одинаковое количество «отъявок». Так, «заонежане» «отъявляли» товаров меньше всего, всегда не более 5% привозимых ими товаров, причем все «отъявки» приходились исключительно на долю олонечских посадских людей и касались таких товаров, как медь и меха; «волосные» же люди Заонежья «отъявок» не имели, следовательно, привозимые ими товары всегда имели спрос на посаде.

Такая же картина наблюдается и в отношении «новгородцев» — посадских людей и «уездных людей». Процент «отъявок» у них был также очень невелик.

Наиболее высокий процент «отъявок» был у торговых людей «московских городов» и самих тихвинцев. Что касается последних, то необходимо отметить, что процент «отъявок» товаров, привозимых тихвинцами из «московских городов», несомненно к концу века вырос. Кроме того, «отъявки» товаров наблюдались на протяжении всего XVII в. только у тихвинских торговых людей и совершенно отсутствовали у тихвинских ремесленников, ввозивших, как было уже отмечено выше, лишь сырье, необходимое им для производства. Большее или меньшее количество «отъявок» товаров у различных категорий торговцев объясняется ассортиментом привозимых ими товаров.

Ассортимент «отъявляемых» товаров на протяжении всего XVII в. был один и тот же. Это прежде всего привозимые тихвинскими посадскими людьми из «московских городов» такие товары, как «лавочная мелочь» (нитки «швальные», иголки, зеркала, пуговицы и другая галантерея), а также мыло, обувь, одежда, свечи, «камень сережное», крашенная шапочная, бобровые пуши, овчина шапочная, предметы роскоши, пряности, вина.

«Отъявки» товаров, являемых в тихвинской таможене, были двух родов: 1) увоз обратно непроданной части товаров из-за отсутствия покупателей; все «отъявки» такого рода приходились на долю торговых людей «московских городов» и олонечких посадских людей, они не превышали 5—10%; 2) увоз части, иногда даже большей части, привезенных на Тихвин из «московских городов» товаров в другие места за рубеж, на Олонец, и чаще и больше всего в Ладогу и Александров, а также на Сясьский рядок. Такие «отъявки» делались только тихвинскими посадскими людьми и обуславливались не отсутствием спроса на них на Тихвинском посаде, а соображениями совершенно другого порядка.

Общее количество «отъявок» «лавочной мелочи» и «московских товаров» (предметы роскоши, пряности и вина), привозимых тихвинскими торговыми людьми, и распределение их по годам и между отдельными географическими пунктами видны из таблицы 10.

Таблица 10

«Отъявки» «московских товаров»

Годы	Всего	Из них				Годы	Всего	Из них			
		в Оло- нец	в Ла- догу	в Алек- сан- дров	на Сясь- ский рядок			в Оло- нец	в Ла- догу	в Алек- сан- дров	на Сясь- ский рядок
1624	1	—	—	1	—	1656	8	4	4	—	—
1626	4	—	—	4	—	1662	49	6	43	—	—
1630	2	—	—	2	—	1663	58	25	28	5	—
1632	6	—	2	4	—	1691	2	—	—	2	—
1648	3	—	1	2	—	1693	15	—	5	10	—
1653	1	1	—	—	—	1699	21	—	10	9	2

Приведенные цифры говорят о росте «отъявок» «московских товаров» тихвинцами в течение XVII в. Так, в 1624 г. была сделана всего лишь одна «отъявка», в 1656 г. — 8, а в 1699 г. — 21.

Торговые связи Тихвинского посада с перечисленными в таблице пунктами прослеживаются на протяжении всего XVII в. и корнями своими уходят не только в XVI в., но и более ранние века. Тем не менее «отвоз» «московских товаров» в эти пункты начинается далеко не одновременно. Так, в Александрову пустыню⁴ «московские товары» «отъявлялись» начиная с 1624 г.; следовательно, можно предположить, что «отвоз» товаров туда начался еще в XVI в. и в XVII в. продолжал лишь расти. «Отъявки» «московских товаров» в

⁴ Сведения о наличии в Александровской пустыне «ярманки» и о приезде на Тихвинскую «ярманку» торговых людей из Александровской пустыни сохранились в ряде тихвинских и александровских таможенных книг. Кроме того, Александровская ярмарка упоминается в числе тех, на которых разрешалось торговать шведам после Кардисского мира 1662 г. Наблюдение за порядком на Троицкой ярмарке в Александровской пустыне поручено игумену Александров-Святого монастыря (ДАИ, т. IV, № 115), в казну которого поступали таможенные сборы.

Ладогу начались с 30-х годов XVII в. и на протяжении XVII в. выросли в 5 раз (1632 г.— 2, 1699 г.— 10). Интересно отметить, что в Ладогу, кроме «лавочной мелочи», мыла, одежды, обуви, регулярно «отъявлялись» и товары, необходимые для работы ладожских ремесленников-серебренников — «каменье сережное» и шапочников — крашенина шапочная, пухи бобровые, овчины шапочные и т. д. Две «отъявки» «московских товаров» на Сясьский рядок относятся к 1699 г. К 90-м годам XVII в. относятся и первые сведения об отвозе товаров — льна, полотна, кож, сала и главным образом мяса на Сясьский рядок.⁵

В Олонце, основанном в 1649 г., тихвинские торговые люди с «московскими товарами» бывали в 50 и 60-х годах XVII в. С конца 60-х годов эти поездки прекращаются почти совсем, и за 70—90-е годы XVII в. их можно насчитать всего лишь несколько. Прекращение этих поездок в Олонец объясняется тем, что олонечские посадские люди сумели сами быстро наладить торговые связи с «московскими городами».

Сделанные наблюдения над соотношением явок и «отъявок» товаров, привозимых на Тихвинский посад, говорят прежде всего о большой емкости тихвинского рынка. Полное отсутствие «отъявок» товаров широкого потребления, с одной стороны, и наличие «отъявок» предметов роскоши — с другой, убеждают нас в том, что тихвинский рынок обслуживал массового потребителя, главным образом «уеззных» и «волоосных» людей. Рост «отъявок» «московских товаров» (мыла, «лавочной мелочи», одежды, обуви и т. п.), привозимых тихвинскими торговыми людьми во все увеличивающемся количестве, свидетельствует не столько о подъеме спроса на эти товары на посаде, сколько о росте спроса на них на таких рынках, как Ладога, Александров, Сясь, а также и о том, что рынки этих пунктов в известной степени были в руках тихвинских торговых людей, которые систематически насыщали их «московскими товарами». Последние, видимо, попадали сюда главным образом через тихвинских торговых людей, которые были посредниками, связывавшими рынки «московских городов» с рынками Ладоги, Александровой пустыни и Сяского рядка. Торговые люди всех этих мест, кроме Олонца, еще не в состоянии были сами полностью удовлетворить спрос на указанные товары на своих местных «ярманках».

Тихвинская таможня знала следующие товары: соль, рыбу, скот (главным образом, крупный рогатый), сало говяжье, ворвань, мясо (соленое и вяленое), кожи (лосиные, конские, бараньи, воловы и телячьи), овчины, меха (беличьи, заячьи, лисьи, собольи, бобровые, горностаевые, куньи и др.), железо (кричное, прутное, «дощатое» и «шелеховое»), уклад (пластинчатый и брусовой), железные изделия (сохи, присохи, омеши, лемехи, косы, серпы, топоры, ножи, сковороды, замки, крючья, скобы, гвозди, кочерги, печные заслоны и т. п.), медь («шкилевую», «плотовую», «денежную» и «ветошь»), медные изделия (чаны, кубы, тазы и т. п.), олово и всевозможную оловянную посуду (блюда, тарелки, кубки, фляги и т. п.), золото, серебро, «серебро в деле» (кресты, перстни, серьги и другие украшения), сукно «сермяжное» и различные заграничные сорта («аглицкое», «шиптухи» и т. д.), полотно, холст, рядник, хрящ, крашенину, шелка, бархат, «лавочную мелочь» (иголки, зеркала, «швальные нитки», пуговицы, гребни, бели-

⁵ В 1691 г. на Сясьский рядок «отъявлены» тремя тихвинскими торговыми людьми кож, сало, крашенина; в 1693 г.— 4 «отъявки» кож, сала и рядники; в 1699 г.— 11 «отъявок», 9 из них мяса, а 2 «лавочной мелочи»; следовательно, наряду с товарами, вывозимыми за рубеж, появляются товары для продажи на внутреннем рынке.

Таблица 11

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1629/30 г.¹

№ п/п	Наименование товара	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Завоужские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	7 360 п.	369 п.	5	313 п.	4.2	806 п.	10.9	5 844 п.	79.9
2	Крупный рогатый скот	1 280	1 180	92.2	—	—	100	7.1	—	—
3	Меха: белка	10 813	10 648	98.4	150	1.4	15	0.2	—	—
4	заяц	78	78	100	—	—	—	—	—	—
5	горностай	13	13	100	—	—	—	—	—	—
6	лиса	85	77	90.6	—	—	8	9.4	—	—
7	бобр	22	2	9.1	—	—	20	90.9	—	—
8	кот	35	35	100	—	—	—	—	—	—
9	куница	430	386	90	16	3.7	28	6.3	—	—
10	норка	572	414	72.4	104	18.2	54	9.4	—	—
11	выдра	135	129	95.5	5	3.7	1	0.8	—	—
12	Железо прутковое	1 190 п.	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Железо в крицах	21	21	100	—	—	—	—	1 190 п.	100
14	Уклад	74 п. 20 ф.	9 п. 20 ф.	12.7	—	—	—	—	—	—
15	Железные изделия: сохи	1 088	—	—	180	17.5	—	—	65 п.	87.3
16	присохи	36	—	—	—	—	130	12	778	71.5
17	топоры	1 740	—	—	—	—	—	—	36	100
18	сковороды	600	—	—	600	100	—	—	1 740	100
19	Медь	348 п. 14 ф.	329 п. 14 ф.	94.5	—	—	—	—	—	—
20	«Дельное серебро»	21 ф.	—	—	2 ф.	9.1	10 п.	2.8	9 п.	2.7
21	Кожа	3 967	3 783	95.3	162	4	19 ф.	90.9	—	—
22	Лен	332 св.	—	—	—	—	23	0.7	—	—
23	Пенька	476 п.	—	—	—	—	332 св.	100	—	—
24	Сухое сермяжное	1 380 арш.	172 п.	36.2	304 п.	63.8	—	—	—	—
25	Мыло	636 к.	1 140 арш.	82.6	240 арш.	17.4	—	—	—	—
26	Мед	413 п.	330 к.	51.8	306 к.	48.2	—	—	—	—
27	Воск	61 п.	179 п.	43.3	234 п.	56.7	—	—	—	—
28	Шелк	46 ф.	41 п.	67.2	18 п.	29.5	2 п.	3.3	—	—
29	Крашеная	273 арш.	10 ф.	21.7	36 ф.	78.3	—	—	—	—
30	Полотно	—	64 арш.	23.4	209 арш.	76.6	—	—	—	—
31	Холст, хрящ, ряднина	678 арш.	—	—	—	—	—	—	—	—
32	Лук	—	48 арш.	7	630 арш.	93	—	—	—	—
33	Чеснок	41.5 п.	7 ч.	—	30 п. 2 ч.	—	1 осм.	—	—	—
34	Хмель	151	—	—	41 п.	100	—	—	—	—
			24 п.	15.9	103 п.	68.2	24 п.	15.9	—	—

¹ Таблица составлена по данным таможенной книги № 435.

Таблица 12

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1687/88 г.¹

№ п/п	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Занежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	6 574 п.	512 п.	7.9	—	—	1 790 п.	27.2	4 272 п.	64.9
2	Крупный рогатый скот	727	727	100	—	—	—	—	—	—
3	Меха: белка	16 879	129	0.8	—	—	—	—	16 750	99.2
4	заяц	2 415	—	—	25	1.1	—	—	2 390	98.9
5	горностай	36	7	19.4	—	—	—	—	29	80.6
6	лиса	445	21	4.7	56	12.6	—	—	368	82.7
7	бобер	146	11	7.8	12	8	—	—	123	84.2
8	кот	53	18	34	—	—	—	—	35	66
9	куница	194	164	84	29	15	1	1	—	—
10	норка	107	79	73.8	28	26.2	—	—	—	—
11	выдра	172*	30	17.5	—	—	—	—	142	82.5
12	Железо прутковое	186 п.	—	—	—	—	—	—	186 п.	100
13	Железо в криках	608	568	93.4	—	—	—	—	40	6.6
14	Уклад	286 п	1 п.	0.2	—	—	—	—	285 п.	99.8
15	Сохи	2 070	—	—	670	32.3	20	1.1	1 380	66.6
16	Топоры	3 160	100	3.1	—	—	2	0.2	3 058	96.7
17	Сковороды	1 418	—	—	1 308	92.2	—	—	110	7.8
18	Медь	194 п. 18 ф	6 п. 13 ф	3	5 ф.	0.1	—	—	188 п	96.9
19	«Дельное серебро»	30 1/2 ф.	2 ф.	6.7	9 1/2 ф.	31.1	13 ф.	42.6	6 ф.	19.6
20	Кожа	1 790	1 115	62.2	159	8.8	360	20.1	156	8.9
21	Лен	248 п.	12 п.	4.9	—	—	236 п	95.2	—	—
22	Пенька	504 п.	3 п.	0.7	496 п.	98.4	5 п	0.9	—	—
23	Сукно сермяжное	1 268 арш	58 арш.	4.8	300 арш	23.5	—	—	910 арш	71.7

¹ Таблица составлена по данным таможенных книг № 58 и 63.

Таблица 13

Вывоз товаров на Тихвинский посад в 1648/49 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Занежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	25 492	425 п.	1.7	—	—	1 862 п.	7.3	23 205	91
2	Крупный рогатый скот . . .	1 404	1 404	100	—	—	—	—	—	—
3	Меха: белка	1 002	752	75	50	5.9	200	19.9	—	—
4	заяц	410	340	83	—	—	70	17	—	—
5	горностай	15	15	100	—	—	—	—	—	—
6	лиса	132	12	9.1	12	9.1	108	84.8	—	—
7	бобр	73	61	83.5	12	16.5	6	0.8	—	—
8	кот	886	105	11.8	775	87.4	6	62.7	—	—
9	куница	110	41	37.3	—	—	6	24.6	—	—
10	норка	289	215	75.4	—	—	74	—	—	—
11	выдра	28	28	100	—	—	—	—	—	—
12	Железо прутное	1 766 ^{1/2} ф	458 ^{1/2} п	21	50 п.	2.7	—	—	1 258 п	71.3
13	Железо в крицах	1 681	1 681	100	—	—	—	—	—	—
14	Уклад	582	2 п.	0.6	—	—	—	—	580 п	99.4
15	Сохи	4 913	100	2	959	19	62	0.9	3 792	77.1
16	Присохи	200	—	—	200	100	—	—	—	—
17	Омеша (лемехи)	50	—	—	50	100	—	—	—	—
18	Топоры	2 557	14	0.6	—	—	—	—	2 543	99.4
19	Сковороды	1 095	—	—	1 095	100	—	—	—	—
20	Медь	209 п.	35 п. 11 ф.	16.8	17 п.	8.1	14 п. 30 ф	7.1	142 п	68
21	«Дельное серебро»	33 ф	—	—	3 ф.	9.1	277 ф.	81.8	3 ф	9.1
22	Кожа	6 094	1 769	29	3 358	55.1	822	13.4	139	2.5
23	Лен	1 104 п.	35 п.	3.2	—	—	1 069 п.	96.8	—	—
24	Пенька	1 192 п.	—	—	1 152 п	97	40 п.	3	—	—
25	Сукно сермяжное	7 860 арш.	230 арш.	3	7 630 арш.	97	—	—	—	—
26	Мыло	440 к.	126 к.	28.6	314 к.	71.4	—	—	—	—
27	Мед	287 п.	129 п.	44.9	158	55.1	—	—	—	—
28	Воск	83 п.	16 п.	19.3	55 п.	66.2	—	—	—	—
29	Свечи	27 п.	—	—	—	—	12 п.	14.5	—	—
30	Шелк	451 ф	5 ф. 2 анс	1.7	2 п. 22 ф.	—	27 п.	100	—	—
31	Крашеная	12 870 арш.	270 арш.	2.2	11 800 арш.	91.7	800 арш.	3.7	—	—
32	Хмель	286 п.	22 п.	7.6	264 п.	92.4	—	—	—	—

¹ Таблица составлена на основании данных таможенных книг № 134 и 352.

Таблица 14

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1654/55 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Занежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	12 989	787 п.	6	210 п.	1.8	2 750 п.	21.1	9 242 п.	71.1
2	Крупный рогатый скот	1 285	1 285	100	—	—	—	—	—	—
3	Меха: белка	1 958	528	27	—	—	—	—	1 430	73
4	заяц	251	14	5.6	60	23.9	—	—	177	70.5
5	горностай	37	5	13.6	—	—	—	—	32	86.4
6	лиса	185	15	8.1	19	10.3	6	3.2	145	78.4
7	бобер	21	21	100	—	—	—	—	—	—
8	кот	1 886	63	3.3	1 663	88.1	100	5.3	60	3.3
9	куница	564	9	16.5	347	61.5	124	22	—	—
10	норка	491	83	16.9	382	77.8	—	—	26	5.3
11	выдра	46	11	24	—	—	—	—	35	76
12	Железо прутовое	1 353 п.	—	—	1 208 п.	89.3	—	—	145 п.	10.7
13	Железо в крицах	1 651	1 431	86.6	220	13.4	—	—	—	—
14	Уклад	304 п.	5 1/2 п.	1.8	—	—	—	—	298 1/2 п.	98.2
15	Железные изделия: сохи	7 602	—	—	5 570	73.2	—	—	2 032	26.8
16	присохи	2 800	—	—	2 800	100	—	—	—	—
17	Омеша	200	—	—	—	—	—	—	200	100
18	Топоры	2 355	—	—	10	0.5	—	—	2 345	99.5
19	Сковороды	3 511	—	—	3 511	100	—	—	—	—

¹ Таблица составлена по данным таможенных книг № 187, 188 и 436.

Таблица 14 (окончание)

№ п/п	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Заонежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
20	Медь	138 п. 1 ф.	6 п. 16 ф.	4.6	67 п. 10 ф.	48.7	48 п.	34.8	17 п. 15 ф.	11.9
21	«Дельное серебро»	47 ф.	—	—	9 ф	19.1	32 ф.	68	6 ф	12.9
22	Кожа	5 663	1 162	20.5	3 088	54.5	476	8.5	37	16.5
23	Лен	223 п.	13 п.	5.8	—	—	210 п	54.2	—	—
24	Пенька	1 638 п.	40 п.	2.5	1 486 п.	90.7	112 п.	6.8	—	—
25	Сукно сержанное	5 232 арш.	37 арш.	0.8	5 125 арш	97.9	—	—	70 арш.	1.3
26	Мыло	1 764 к.	—	—	1 764 к.	100	—	—	—	—
27	Мед	334 п.	—	—	334 п.	100	—	—	—	—
28	Воск	172 п.	—	—	172 п.	100	—	—	—	—
29	Свечи	54 п.	—	—	18 п.	33.3	36 п.	66.7	—	—
30	Шелк	1 600 арш	465	38.9	1 135	61.1	—	—	—	—
31	Крашеная	7 150 арш.	—	—	6 500 арш.	90.9	1 650 арш.	9.1	—	—
32	Холст	2 534 арш.	—	—	2 534 арш.	100	—	—	—	—
33	Сало	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34	Лук	2 воза	—	—	2 воза	—	4 п. 3 ч	—	—	—
35	Чеснок	47 батм.	—	—	47 батм.	—	—	—	—	—
36	Хмель	847 п.	—	—	716 п.	94	51 п.	6	—	—

Таблица 15
Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1665/66 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Нонгородские		Завоужские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	11 673 п.	1 405 п.	12	—	—	—	—	10 268 п.	88
2	Крупный рогатый скот	1 016	1 009	99.3	—	—	—	—	—	—
3	Меха: белка	4 809	1 150	23.9	—	—	—	—	3 659	76.1
4	заяц	831	47	5.6	—	—	—	—	784	94.4
5	лиса	459	387	84.3	—	—	—	—	72	15.7
6	бобр	79	79	100	—	—	—	—	—	—
7	кот	36	36	100	—	—	—	—	—	—
8	куница	98	98	100	—	—	—	—	—	—
9	норка	343	116	33.8	—	—	—	—	—	—
10	выдра	35	35	100	—	—	—	—	187	54.5
11	Железо прутковое	856 п.	—	—	—	—	—	—	856 п.	100
12	Железо в крицах	1 264	1 264	100	—	—	—	—	345 п.	96.3
13	Уклад	358 п.	13 п.	3.7	—	—	—	—	3 514	69.8
14	Железные изделия: сохи	5 039	—	—	1 525	30.2	—	—	—	—
15	присохи	777	—	—	777	100	—	—	190	100
16	омеши	190	—	—	—	—	—	—	1 894	100
17	топоры	1 894	—	—	—	—	—	—	—	—
18	сковороды	573	—	—	573	100	—	—	—	—
19	Медь	1 360 п.	1 354 п.	99.5	—	—	—	—	—	—
20	«Дельное серебро»	43 ф.	—	—	—	—	—	—	19 ф.	44
21	Кожа	3 916 п.	548 п.	—	—	—	—	—	—	—
22	Лен	4 740 шт.	3 240 шт.	—	—	—	—	—	1 500 шт	—
23	Пенька	407 п.	68 п.	16.7	—	—	—	—	—	—
24	Сукно сермяжное	2 663 п.	434 п.	16.3	—	—	—	—	—	—
25	Мыло	2 252 арш	10 арш	0.2	—	—	—	—	752 арш	33.9
26	Мед	647 к.	—	—	647 к.	100	—	—	—	—
27	Воск	81 п.	81 п.	100	—	—	—	—	—	—
28	Свечи	91 п.	87 п.	95.6	—	—	—	—	—	—
29	Шелк	36 п.	—	—	—	—	—	—	—	—
30	Кришенина	662 1/2 ф.	6 п. 15 1/2 ф.	38.7	—	—	—	—	—	—
31	Хмель	6 316	646 арш.	10.2	—	—	—	—	—	—
		183 п.	84 п.	45.9	—	—	—	—	—	—

Таблица составлена по данным таможенной книги № 438

Таблица 16

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1686/87 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Зонежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	24 487 п.	1 667 п.	6.8	—	—	1 038 п	4.2	21 782	89
2	Крупный рогатый скот . .	2 263	2 074	92.1	—	—	179	7.9	—	—
3	Меха: белка	37 218	916	2.5	—	—	980	2.6	35 322	94.9
4	заяц	5 714	90	1.5	188	3.5	247	4.2	5 189	90.8
5	горностай	457	61	13.4	46	10.1	81	17.7	269	58.8
6	лиса	201	14	6.8	7	3.7	7	3.4	173	86.1
7	бобер	228	—	—	228 ²	100	—	—	—	—
8	кот	141	—	—	77	54.6	42	29.7	22	15.7
9	куница	14	8	57.1	—	—	6	42.9	—	—
10	норка	13	—	—	—	—	—	—	13	100
11	выдра	6	4	66.7	—	—	—	—	2	33.3
12	Железо прутковое	978 п. 2 ф.	—	—	155 п 20 ф	15.9	—	—	823 п.	84.1
13	Железо в крицах	1 317 ³	1 031	76.5	—	—	316	23.5	—	—
14	Уклад	1 593	—	—	—	—	—	—	1 593	100
15	Железные изделия: сохи .	6 310	—	—	2 734	43.4	1 006	15.9	2 570	40.7
16	присохи	1 577	—	—	1 054	66.8	523	33.2	—	—
17	омеши	20	—	—	—	—	—	—	20	100
18	топоры	1 877	—	—	—	—	70	3.8	1 807	96.2
19	сковороды	3 220	—	—	3 220	100	—	—	—	—

¹ Таблица составлена по данным таможенных книг № 803, 804, 806.² Все бобры привезены из Каргополя.³ Все железо в крицах, привезенное как тихвинскими кузнецами, так и крестьянами Новгородского уезда, привезенное из одних и тех же деревень.

Таблица 16 (окончание)

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Заонежские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
20	Медь	286 п.	13 п. 26 ф	5.4	71 п. 28 ф	24.7	81 п 13 ф	28.3	119 п 12 ф.	41.6
21	«Серебро в деле»	184 ф.	—	—	—	—	165 ф.	89.7	19 ф.	10.3
22	Кожа	6 868	2 252	32.7	2 177	31.7	925	13.4	1 514	22.2
23	Лен	1 616 п.	—	—	1 023 п. 17 ф.	69.5	593 п.	30.5	—	—
24	Пенька	3 737 п.	—	—	3 620 п. 23 ф.	96.9	117 п.	3.1	—	—
25	Сукно сермяжное	1 901 арш.	129 арш.	6.7	85 арш.	4.6	—	—	1 687 арш	88.7
26	Мыло	155 к.	45 к.	29	110 к.	71	—	—	—	—
27	Медь	199 п.	47 п.	23.6	152 п.	76.4	—	—	—	—
28	Воск	46 п.	36 п.	78.2	10 п.	21.8	—	—	—	—
29	Свечи	62 п.	—	—	—	—	62 п.	100	—	—
30	Шелк	486 ф	4 п. 25 ф	13.4	10 п. 21 ф.	85.5	—	—	—	—
31	Крашеная	1181 к. 300 арш.	—	—	1181 к. 300 арш	100	—	—	—	—
32	Холст, хряц, рядина	35 080 арш.	—	—	34 080 арш.	97.1	1 000 арш.	2.9	—	—
33	Сало	19 п.	—	—	—	—	19 п.	100	—	—
34	Лук	640 п.	—	—	640 п.	100	—	—	—	—
35	Чеснок	88 п.	—	—	88 п.	100	—	—	—	—
36	Хмель	88 п.	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 17

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1693/94 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Зоневские	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	9 842	3 153	32	37 кулен	—	451 п.	4.6	6 238 п.	63.4
2	Крупный рогатый скот	1 177	1 089	92.5	47	4	41	3.5	—	—
3	Меха: белка	186 340	7 160	4.1	—	—	5 500	3	165 680 ²	92.9
4	запц	13 452	212	1.5	70	0.5	—	—	13 170	98
5	горностан	60	40	66.7	—	—	—	—	20	33.3
6	лиса	601	55	9.2	—	—	—	—	546	90.8
7	бобер	292	36	12.4	256	87.6	—	—	—	—
8	кот	439	412	93.8	—	—	—	—	27	6.2
9	норка	150	2	1.4	40	26.6	—	—	108	72
10	выдра	23	15	65.2	—	—	—	—	8	34.8
11	Железо прутное	839	—	—	463 п. ³	55.4	108 п.	12.9	266 п.	31.7
12	Железо в крицах	1 553	1 553	100	—	—	—	—	—	—
13	Железные изделия: соли	5 346	—	—	712	13.5	1 912	36.3	2 692	50.2
14	присохи	893	180	20.2	200	22.4	513	57.4	—	—
15	Омехи (лемехи)	30	—	—	—	—	—	—	30	100
16	Топоры	2 100	—	—	—	—	—	—	2 100	100
17	Сковороды	2 386	90	3.7	1 916	80.3	380	16	—	—
18	Медь	41 п 23 ф	3 п. 12 ф	7.9	—	—	—	—	33 п. 11 ф	92.1
19	Уклад	432 п. 400 шт	—	—	—	—	—	—	432 п 400 шт	100

¹ Таблица составлена по данным таможенных книг № 1025, 1026, 1027 и 1028² Кроме того 8 000 белок привезено из Кемги и записано в Олонекских книгах.³ Все железо «телехи» привезено из различных деревень Белоозерского уезда

Таблица 17 (окончание)

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Заснеженные	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
20	«Дельное серебро»	38 ф.	—	—	—	—	31 ф.	81.6	7 ф.	18.4
21	Кожа	5 876	2 152	36.7	1 048	17.8	831	14.1	1 845	31.4
22	Лен	2 997 п.	1 010 п.	33.7	372 п.	12.4	1 615 п.	53.9	—	—
23	Пенька	868 п.	6 п.	0.6	820 п.	4.6	42 п.	94.8	—	—
24	Сукно сермяжное	1 410 арш.	30 арш.	2	1 100 арш	78	—	—	280 арш	20
25	Мыло	711 к.	23 к.	3.2	688 к.	96.8	—	—	—	—
26	Мед	318 п.	180 п.	56.6	138 п.	43.4	—	—	—	—
27	Воск	79 п.	79 п.	100	—	—	—	—	—	—
28	Свечи	81	—	—	—	—	81 п.	100	—	—
29	Хмель	70 п.	70 п.	100	—	—	—	—	—	—
30	Крашеная	16 091 арш.	12 025 арш	74.7	4 066 арш	25.3	—	—	—	—
31	Холст, хряп, рядина,	10 630 арш	5 010 арш.	47.1	5 620 арш	52.9	—	—	—	—
32	Лук	205 п.	—	—	205 п.	100	—	—	—	—
33	Чеснок	102 четв	—	—	182 четв	—	—	—	—	—
34	Шелк	2 п 4 ф.	—	—	2 п. 4 ф.	100	—	—	—	—
35	Сало	578 п.	386 п.	66.7	42 п.	33.3	—	—	—	—

Таблица 18

Ввоз товаров на Тихвинский посад в 1698/99 г.¹

№ п/п.	Наименование товаров	Всего	Тихвинские		Московские		Новгородские		Зарубежные	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	Соль	4 010 п.	4 010 п.	100	—	—	—	—	—	—
2	Крупный рогатый скот	2 145	2 145	100	—	—	—	—	—	—
3	Меха: белка	13 891	611	1.5	—	—	520	3.8	12 760	94.7
4	заяц	3 505	200	5.8	—	—	—	—	3 305	94.2
5	горностай	562	17	3	—	—	—	—	545	97
6	лиса	308	—	—	—	—	—	—	308	100
7	кот	186	161	86.5	—	—	—	—	25	13.5
8	норка	29	—	—	—	—	—	—	29	100
9	выдра	42	—	—	—	—	—	—	42	100
10	Железо прутковое	748 п.	—	—	322 п.	44.4	297 п.	39.8	129 п.	15.8
11	» в крицах	864	—	—	—	—	30	3.4	—	—
12	Железные изделия: сохи	8 170	834	96.6	1 810	22.1	4 370	53.6	1 990	24.3
13	присохи	100	—	—	170	18.5	100	100	—	—
14	Омеша (лемехи)	922	—	—	—	—	150	5.6	700	75.9
15	Топоры	1 850	—	—	—	—	—	8	1 700	92
16	Сковороды	560	—	—	560	100	—	—	—	—
17	Медь	139 п.	13 п.	9.3	—	—	—	—	126 п.	90.7
18	Кожа	3 917	1 104	26.1	1 049	26	518	13.2	1 246	34.7
19	Лен	3 022 п.	579 п.	20.9	696 п.	23	1 747 п.	56.1	—	—
20	Пенька	1 328 п.	152 п.	11.5	1 072 п.	80.7	104	7.8	—	—
21	Сукно сермяжное	509 арш.	350 арш.	68.2	—	—	—	—	159 арш.	31.8
22	Мед	143 п.	143 п.	100	—	—	—	—	—	—
23	Воск	235 п.	235 п.	100	—	—	—	—	—	—
24	Крашенина	2 642 арш.	2 042 арш.	77.3	—	—	—	—	600 арш.	22.7
25	Холст, хрящ, радина	2 020 арш.	—	—	—	—	2 020 арш.	100	—	—
26	Хмель	110 п.	63 п.	57.3	37 п.	33.6	—	—	10 п.	9

¹ Таблица составлена на основании данных таможенных книг № 1136, 1173, 1174, 1175.

ла, румяна и т. п.), лен, пеньку, мед, воск, щепной товар (ложки, блюда, стаканы, братины и т. п.), зерно (пшеницу, рожь, ячмень, овес), крупу (гречу, пшено, в том числе и «сорочинское»), толокно, горох, печеный хлеб и калачи, пряники, солод, хмель, овощи (огурцы, лук, чеснок), семена огородные, оружие (холодное и огнестрельное), порох, свечи, мыло, одежду, обувь, краски, пряности, вина, писчую бумагу и многое другое.

Количество привозимых товаров и распределение их по отдельным районам видно из вышеприведенных таблиц (см. табл. 11—18).

Данные приведенных таблиц дают представление о количестве привозимых на Тихвинский посад товаров и удельном весе отдельных районов на протяжении всего XVII в., причем сводные таблицы охватывают почти все товары, кроме хлеба (зерна, муки и крупы), привоз и отвоз которого учету не поддается. Кроме того, они позволяют говорить о специализации районов по некоторым видам товаров. Так, на протяжении всего XVII в. полуфабрикаты — железо прутковое и уклад поступали на Тихвинский посад только из заонежских погостов; готовые железные изделия — сохи и другие сельскохозяйственные орудия — из-под Устюжны Железопольской и деревень Олонецкого погоста.

Если ввоз товаров на Тихвинский посад представлен в таможенных книгах исключительно хорошо, так как от регистрации в Тихвинской таможенной избе не укрывались даже те товары, которые заочно закупались тихвинскими посадскими людьми в других городах и в деревнях, то в отношении вывоза товаров с Тихвинского посада мы располагаем значительно меньшим количеством данных. Небольшое количество сведений о вывозе с Тихвинского посада объясняется тем, что товары, купленные на «товарные деньги», или «уловыные деньги», т. е. деньги, полученные от продажи привезенных товаров, не подлежали обложению пошлинами; также не подлежали обложению и мелкие покупки «про домашние обиходы», т. е. сделанные для собственного потребления. В таможенных книгах записывались лишь те покупки товаров, которые делались на «явленные» деньги, привезенные специально для покупки. Таких случаев — приездов только с деньгами для закупки товаров — обычно бывало немного. Начались они лишь со второй половины XVII в., но с этого времени неуклонно росли. О количестве приезжавших на Тихвинский посад только с деньгами, об их социальном составе и географическом происхождении — можно судить на основании двух таблиц (см. табл. 19—20).

Данные приведенных таблиц позволяют сделать ряд выводов.

1. Среди явивших только деньги подавляющее большинство составляли посадские люди (обычно от 75 до 100% всех явок денег); крестьяне встречались лишь в редких случаях (на их долю приходилось от 10 до 20% всех явок денег).

2. Среди посадских людей первое место занимали торговые люди «Новгородчины».

3. В отношении явок денег, делавшихся крестьянами, можно сделать наблюдение, что по Новгородскому уезду оно определенно росло (3, 8, 12 и 24%) и к концу века вырастает в 8 раз; по Московскому району, наоборот, падало (25, 16%) и к концу века свелось к нулю; по Заонежью никакой определенной тенденции уловить не удастся.

4. Общее количество явок денег и количество их по отдельным районам неуклонно росло, что отчетливо видно из таблицы 20.

Наблюдения, сделанные над явками только денег (преобладание среди явивших их посадских людей), и отмеченная выше особенность во

Таблица 19

Количество явок вообще и количество явок денег в 1648—1696 гг.

Годы	Наименование районов	Общее количе- ство явок	Из них		Количество явок только денег			% явок только денег	% явок денег посадскими людьми
			посад- ских людей	кресть- ян	всего	из них			
						посад- ских людей	кресть- ян		
1648 {	Олонецкий	—	—	—	—	—	—	—	—
	Новгородский	171	120	71	53	51	2	30.9	96.3
	Московский	157	142	15	5	4	1	3.1	75
1665 {	Олонецкий	223	50	173	9	9	—	4	100
	Новгородский	203	108	95	57	52	5	25.6	91.7
	Московский	119	88	31	11	11	—	9.2	100
1693 {	Олонецкий	232	62	170	21	6	15	9.1	28.6
	Новгородский	82	52	30	61	51	10	74.3	82
	Московский	154	90	64	18	15	3	11.6	83.4
1696 {	Олонецкий	—	—	—	10	9	1	—	90
	Новгородский	—	—	—	30	23 ¹	7	—	76.4
	Московский	—	—	—	2	2	—	—	100

¹ Все, кроме одного (ладожского), — новгородские посадские люди.

Таблица 20

Годы	Всего		Из них			% явок денег, к общему количеству явок
	явок	денег	Новгород	Москва	Олопец	
1648	328	58	53	5	—	17.6
1655	545	77	57	11	9	14.1
1693	468	100	61	18	21	21.3
1699	482	102	65	12	22	21.1

взимании таможенных сборов (освобождение от них товаров, купленных на «уловыные деньги» или «про себя») отражаются не столько на учете общих торговых оборотов тихвинской торговли, так как явки денег регистрировались, а каждый акт купли-продажи имел двусторонний характер, сколько на количестве зарегистрированных торговых сделок определенных категорий населения, в данном случае крестьян. Поэтому подавляющее большинство зарегистрированных случаев вывоза товаров приходится на долю посадских людей, крестьянский же вывоз почти не регистрировался, а потому и не поддается учету; о нем можно судить лишь на основании косвенных данных.

Так, имея сведения о количестве привезенных на Тихвинский посад железных изделий и зная количество купленных на «явленные деньги», можно определить, какое количество их было приобретено на «уловыные деньги».

Таблица 21

Годы	Наименование товаров	Количество			% купленного на «уловные деньги»
		привезенного товара	купленного товара на «явленные деньги»	на «уловные деньги»	
1686	Сохи	6 310	1 648	4 662	73.9
	Присохи	1 577	320	877	55.6
	Сковороды	3 220	700	2 520	72
	Топоры . .	1 877	135	1 742	92.7
1693	Сохи . . .	5 346	3 150	2 196	41.1
	Присохи . . .	893	1 566	—	—
	Сковороды .	2 386	2 195	191	8
	Топоры . .	2 100	793	1 307	62
1699	Сохи . . .	8 170	3 835	4 335	53
	Присохи . .	100	1 323	—	—
	Сковороды	560	2 980	—	—
	Топоры	1 850	950	900	48.7

Соотношение покупок на «товарные деньги» и на «уловные» видно из таблицы 21.

Следовательно, покупки на «уловные деньги» в отношении железных изделий преобладали и составляли около 70 % всех покупок. Все эти покупки железных изделий оказались не зарегистрированными в тихвинских таможенных книгах, поэтому можно предполагать, что большинство из них было сделано «про себя» и в основном отнести за счет крестьянских покупок.

Какое-то количество товаров вывозилось и тихвинскими торговыми людьми. Так, они регулярно вывозили мясо и сало в Новгород Великий и на Сясьское устье, кожи в Москву и Ярославль, медь, железо и уклад в Москву, Ярославль и Устюжну Железопольскую, «лавочную мелочь», одежду, обувь, мыло, свечи, пряности и предметы роскоши в Александрову пустыню, Ладогу, Сясьский рядок. Поэтому при определении вывоза товаров с Тихвинского посада необходимо учесть и все «отъязыки» товаров тихвинцев.

На основании имеющихся данных о вывозе можно установить ассортимент товаров, вывозимых с Тихвинского посада, определить географическое направление вывоза и социальный состав вывозивших, но дать такие же подробные, как по ввозу, погодные таблицы, с точным указанием количества товаров и размеров оборота в рублях, невозможно.

О количестве, ассортименте и географическом направлении вывозимых товаров можно судить на основании таблицы 22.

Приведенная таблица дает возможность сделать ряд наблюдений, характеризующих вывоз товаров с Тихвинского посада. Среди торговых людей, являвших только деньги, первое место занимали посадские люди всех районов; процент крестьян, приезжавших только с деньгами, ничтожен. Вторая таблица, несмотря на неполноту ее данных, дает представление об ассортименте вывозимых с Тихвинского посада товаров и о географической направленности их; на основании приведенных в ней данных можно совершенно точно установить район распространения продававшихся на Тихвинском посаде товаров. Сельскохозяйственные орудия и другие железные изделия Устюжно-Железопольского и Заонежского районов, занимавшие первое место

Таблица 22

Вывоз с Тихвинского посада

Годы	Уклад Олонский и Тихвинский ¹	Железо	Сохи	Приютки	Лески	Косы	Серпы	Топоры	Ножи	Скороды	Мелкие железные изделия	Медь
1630	2 600 шт.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1637	5 000 шт.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1648	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1654	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1665	5 000 шт.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1696	152 п. 26 600 шт	558 п.	1 648	320	564	16	—	135	—	700	372	на 110 р.
1693	269 п. 20 000 шт	781 п.	3 150	1 566	400	—	—	793	3 060	2 195	1 490	на 80 р.
1696	85 п.	209 п.	670	930	250	—	—	50	—	1 140	—	10 п.
1698	714 п.	416 п.	2 222	930	519	—	1 355	152	30	2 460	575	260 п.
1699	191 п.	570 п.	4 218	1 140	1 758	—	—	650	415	2 410	—	228 п.

Продолжение таблицы

Годы	Лен	Пенька	Холст	Сукно сермяжное	Кожа	Мясо	Сало	Мех	Мыло	Рожь	Овес
1630	—	—	—	—	91	—	—	Бел и лис на 108 р	—	—	—
1637	—	—	—	—	—	на 40 р.	на 40 р.	—	—	—	—
1648	—	—	—	—	—	на 166 р.	—	—	—	—	—
1654	—	180 п.	—	—	—	—	—	—	—	на 3 р.	—
1665	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1686	170 п.	28 п.	4097 арш	1417 арш.	846	1 403 п.	184 п.	87 092	—	—	—
1693	612 п.	17 п.	3260 арш.	1336 арш.	2 321	2 097 п.	234 п.	63 760	76 к.	2 142 п.	252 п
1696	3/4 п.	—	—	835 арш.	1 782	559 п.	139 п.	3 050 заяч.	—	—	—
1698	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1699	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

¹ Олонский уклад — в пудах, тихвинский — в штуках

среди товаров, вывозившихся с Тихвинского посада, закупались главным образом посадскими людьми Новгорода Великого и в меньшей степени посадскими же людьми Старой Руссы, Великих Лук и других городов.

Олонецкий и тихвинский уклад закупался в основном посадскими людьми «московских городов» — Москвы, Ярославля, Ростова, Устюжны. Медь скупалась также посадскими людьми «московских городов» — Устюжны Железопольской, Переяславля Залесского, Борисоглебской слободы, Ростова, Ярославля и других городов. Лен, пенька, холст, кожа, мыло, имевшие сбыт на заграничном рынке, скупались олонецкими посадскими людьми для вывоза их в Швецию. «Лавочная мелочь», одежда, обувь вывозились, как было уже отмечено выше, в Ладогу и Александрову пустыню. Весь хлеб шел в Приладожье и Заонежье.

* * *

Изучение внутренней торговли Тихвинского посада в XVII в. позволяет сделать следующие общие наблюдения.

1. Географическое происхождение продавцов и покупателей, регулярно встречавшихся на Тихвинском посаде, дает возможность установить те географические пункты, с которыми Тихвин вел постоянную оживленную торговлю. С одной стороны, это города Московского государства, разбросанные на огромной территории от Повенецкого ряда до Астрахани и от Пскова до Казани, а с другой стороны — это деревни, плотным кольцом охватившие Тихвинский посад со всех сторон, радиусом от 300 до 400 верст.

Вовлечение такой огромной территории в орбиту тихвинской торговли опровергает, как нам кажется, представление о замкнутости отдельных районов Московского государства и прекрасно иллюстрирует положение В. И. Ленина об образовании в России в XVII в. «все-российского рынка».

2. Социальный состав торговавших на Тихвинском посаде и ассортимент их товаров говорят о высоком проценте крестьян среди торговавших и изделий крестьянской промышленности среди товаров, обращавшихся на тихвинском рынке. Это не может не говорить о том, что изделия крестьянской промышленности вовлеченного в тихвинскую торговлю района стали уже товаром, а само крестьянское население указанного района успело заметно дифференцироваться и выделить из своей среды не только значительный процент мелких товаропроизводителей, но и торговцев — скупщиков изделий местной крестьянской промышленности.

3. Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров позволяет сделать вывод, что основными товарами, обращавшимися на тихвинском рынке, были предметы первой необходимости — хлеб, соль, сельскохозяйственные орудия, домашняя утварь, одежда, обувь, т. е. те товары, которые рассчитаны на широкий массовый рынок; поэтому главными продавцами и покупателями на тихвинском рынке были «волосные люди». Этот характер тихвинского рынка верно подмечен людьми XVII в., которые неоднократно отмечали, что на Тихвинский посад приезжают для торговли «...с небольшими товарами... волосные пашенные люди... и крестьяне ж приезжают по зимнему пути для покупки... про домашние обихода».⁶

⁶ Т. Ф., *Копьяная книга* № 72, лл. 184 об.—190.

До половины XVII в. большинство привозившихся на Тихвинский посад товаров, имевших массовый спрос, раскупалось в основном самими потребителями их на «уловные деньги». Со второй половины XVII в. явки «денег» начали занимать все большее место в записях тихвинских таможенных книг, и покупки товаров на эти деньги, притом сравнительно большими партиями, начали встречаться все чаще. Так, если в 1686 г. на «явленные деньги» было куплено 26.1% всех продававшихся на Тихвине сох, то в 1693 г. их было продано на «явленные деньги» уже 58.9%; сковород в 1686 г. на «явленные деньги» было куплено 21.7%, в 1693 г. — 92% и т. д. Поэтому можно думать, что их начали покупать скупщики.

Привозимые на Тихвинский посад товары стали со второй половины XVII в. поступать большими партиями, что говорит о том, что их уже привозят не сами мелкие товаропроизводители, а скупщики.

Оба обстоятельства с бесспорностью свидетельствуют о том, что на Тихвинском посаде со второй половины XVII в. резко увеличился процент скупщиков, которые захватили в свои руки Тихвинский рынок, концентрируя в своих руках скупку и перепродажу изделий местной промышленности.

4. Тихвинский рынок не был монополизирован каким-либо центром крестьянской промышленности; наоборот, на нем сталкивались одни и те же изделия различного происхождения. Так, здесь встречались заонежский и тихвинский уклад, олонечкие и устюженские сохи, заонежское и белозерское железо, заонежское и новгородское «серебро в деле» и т. д. Это обстоятельство также указывает на то, что запросы тихвинского рынка были велики и предложение обычно не превышало спрос. О большой емкости тихвинского рынка свидетельствует и то обстоятельство, что тихвинская таможня не знала «отъявок», т. е. увоза обратно товаров широкого потребления.

5. Социальный состав и географическое происхождение продавцов и покупателей, торговавших на Тихвинском посаде, и ассортимент ввозимых и вывозимых оттуда товаров не оставляют сомнения в том, что Тихвинский посад был одним из центров внутренней торговли Московского государства, рынок которого удовлетворял прежде всего запросы широкого потребителя.

6. На основании данных тихвинских таможенных книг можно точно очертить территорию, втянутую в орбиту тихвинской торговли. Она разбивается на три совершенно самостоятельных района, имевших свою специфику. В состав первого из них входило 17 заонежских погостов, 7 лопских и 7 карельских; в состав второго — западные районы Устюженского и Белозерского уездов; в состав третьего — Новгородско-Псковская область.

Для первого района было характерно: 1) преобладание крестьян среди продавцов и покупателей, приезжавших из этого района, что указывает на глубокую дифференциацию крестьянского населения этого района; 2) наличие развитой здесь крестьянской железоделательной промышленности, изделия которой стали уже товаром, причем отдельные погосты и деревни специализировались на выделке определенных изделий; также стали товаром и изделия местных серебряников, кожевников и других ремесленников. Все изделия заонежских ремесленников попадали на тихвинский рынок через скупщиков; 3) Тихвинский посад в течение всего XVII в. оставался торговым центром для Заонежья. Не потерял он этого значения и после 1649 г., когда был основан Олонец, являвшийся военно-административным центром Заонежского района, выгодно расположенным на стыке заонежских,

лопских и карельских погостов, ибо те товары, которые могли предложить заонежане, не были «на руку» олонецким торговым людям, ведшим, в основном, заграничную торговлю. Кроме того, не Олонец, а Тихвин в течение всего XVII в. был хлебным рынком для заонежских погостов, самого Олонца и жителей всего Приладожья. Не подорвали значения Тихвинского посада как торгового центра для Заонежья и поездки заонежан к Архангельскому городу, в Сумский острог и на «иные поморские ярмарки».⁷

Второй район был одним из крупнейших центров крестьянской железодельной промышленности XVII в. Поэтому он, с одной стороны, регулярно поставлял на Тихвинский посад железные изделия, преимущественно сельскохозяйственные орудия, а с другой — также регулярно вывозил с Тихвинского посада уклад полуфабрикат, необходимый для выделки железных изделий; следовательно, тихвинская железодельная промышленность играла подсобную роль в более развитой устюженской. Таким образом, Тихвинский посад являлся для устюженских кузнецов одновременно и рынком сырья и рынком для сбыта готовой продукции, причем все изделия устюженских товаропроизводителей шли на Тихвинский посад только через скупщиков, преимущественно устюженских посадских людей, которые полностью отрезали устюженских кузнецов от рынка сбыта их готовой продукции. Они же отрезали их и от рынка сырья, поставляя им тихвинский и заонежский («олонецкий») уклад.

Для третьего района характерна специализация по объекту торговли у отдельных социальных групп торговавших. Так, новгородские торговые люди везли всевозможные товары, часто заграничного происхождения; новгородские посадские мелкие товаропроизводители — только свои изделия, главным образом «серебро в деле», шапки, одежду; крестьяне — лен и железные изделия. Следовательно, здесь наблюдалась резкая разница и в ассортименте и в стоимости товаров. Новгородские торговые люди (горожане и крестьяне) давали в течение всего XVII в. наивысший процент приезжавших на Тихвинский посад только с деньгами. Оба обстоятельства — специализация по объекту торговли и проезд только с деньгами — не только резко отличают новгородских торговых людей от торговцев других районов, но и свидетельствуют о более высокой степени развития торговли в этом районе. Кроме того, для «Новгородчины» характерно все растущее участие крестьян в торговле, а следовательно, и все увеличивающаяся дифференциация в крестьянской среде этого района.

Что касается тихвинских посадских людей, то во внутренней торговле они принимали менее активное участие, чем во внешней. Они являлись лишь посредниками в сбыте товаров, шедших с севера, с юга и юго-востока. С их помощью поморская соль, заонежское железо и уклад уходили на юг, в Устюженский район; устюженские же железные изделия шли на запад в Новгород и Псков, а привозимые с юга хлеб и овощи — на север, в Приладожье и Заонежье. Кроме того, тихвинские посадские люди являлись посредниками между рынками «московских городов» и более мелкими рынками — Ладоги, Александровой пустыни, Сясьского рядка, насыщая их «ярманки» «московскими товарами».

В. С. ВИРГИНСКИЙ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ ДО 1835 ГОДА¹

I

В дореволюционной, а отчасти и в послеоктябрьской литературе по истории русского транспорта пользовалась большим распространением легенда о позднем (с конца 30-х годов XIX в.) и несамостоятельном происхождении железнодорожного дела в нашей стране. Самое «возбуждение железнодорожного вопроса» в России связывалось не с запросами народного хозяйства, не с подъемом отечественной творческой мысли, стремившейся к ликвидации транспортной отсталости, а с подражанием за границе. Заслуга введения новых видов транспорта приписывалась инициативе иностранцев, поддержанной русским правительством. Например, в официальной многотомной работе 1902 г. «Наша железнодорожная политика» подчеркивалось, что самый ранний период возникновения железнодорожного дела начинается с 1835 года — «времени первоначального возникновения у нас, в официальном порядке, вопроса о целесообразности проложения рельсовых путей между различными пунктами империи».²

Примерно так же начинает описание русских железных дорог автор наиболее полной дореволюционной монографии на эту тему, инженер В. Верховский, ограничиваясь лишь следующей оговоркой: «Уже первые успешные попытки устройства за границей железных дорог... не могли, разумеется, оставаться в России безызвестными, но документальные сведения о возбуждении в России железнодорожного вопроса являются лишь с 1835 года».³ А о дорогах Фролова и Черепанова Верховский вообще ничего не знает.⁴

То же читаем мы и в некоторых книгах, опубликованных после Октября. «Хотя в России и было известно о новом заграничном изобретении — железной дороге, — писал проф. К. Оппенгейм, — вопрос о ней был поднят, к сожалению, иностранцем, в 1835 г., Герстнером, который в 1834 г. ...пришел к убеждению, что Россия, богатая естественными силами и столь обширная по своей территории, более всякого другого европейского государства нуждается в железных дорогах».⁵

¹ Настоящая статья написана по материалам подготовляемой автором докторской диссертации «Возникновение железнодорожного транспорта в России».

² «Наша железнодорожная политика по документам кабинета министров», под ред. Куломзина, т. I, СПб., 1902, стр. 2.

³ В. Верховский, Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России, СПб., 1898, стр. 21.

⁴ Приводя выдержку из одного документа 30-х годов об уже существующих заводских чугунных дорогах, Верховский добавляет: «Какие в то время существовавшие дороги — неизвестно» (там же, стр. 25).

⁵ К. А. Оппенгейм. Россия в дорожном отношении. М., 1920, стр. 59. В работах Оппенгейма вообще можно наблюдать самое безудержное восхищение всем иностранным и такое же подобоострастное воспевание «заслуг» русских монархов в развитии русского транспорта.

«По имеющимся документальным данным, вопрос о постройке железных дорог в России *был возбужден в первый раз в 1835 г.* профессором Венского политехнического института Ф. А. Герстнером», — писал и проф. С. Карейша в юбилейной работе «Столетие железных дорог», выпущенной в 1925 г.⁶

«С несомненностью установлено, — столь же категорически заявлял инженер А. Катикман в работе, опубликованной тогда же, — что основоположником устройства железных дорог в России должно считать ...Ф. Герстнера».⁷ Число этих примеров можно было бы продолжить

Советские исследования по истории транспорта (проф. Д. И. Каргина, проф. В. В. Данилевского, А. Забаринского, М. Крутикова и других) доказали всю лживость подобной концепции, наиболее характерной чертой которой являлись игнорирование творчества русских новаторов техники и раболепие перед Западом. Деятельность таких русских конструкторов первой трети XIX в., как Фролов и Черепановы, получила в работах советских авторов (в частности, в изданиях последних лет) достойное освещение. Дополнительная разработка нами архивных материалов и публикаций, по разным причинам не вошедших в научный оборот, позволяет прийти к следующему заключению.

Хотя широкое развитие железнодорожного строительства наблюдается в России лишь после отмены крепостного права и буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в., однако первые попытки введения железных дорог в России и первоначальная постановка в нашей стране железнодорожного вопроса относятся к значительно более раннему периоду — к первой трети XIX в.

Ко времени приезда в Россию Герстнера общественная борьба за механизацию и усовершенствование сухопутного транспорта была в разгаре, и в активе защитников железных дорог имелось уже немало достижений.

Самый ранний период распространения заводских «чугунок» в России остается все еще недостаточно изученным. Первые чугунные дороги частного пользования появляются в России в 60—80-х годах XVIII в. на горных и металлургических предприятиях. Однако о них имеется пока мало документальных данных.

Кузьма Дмитриевич Фролов (1728—1800), знаменитый гидротехник XVIII в., использовал внутризаводские лежневые пути при сооружении своих «похверков» (устройств для измельчения и промывки руд) на речке Корбалихе у Змеиногорского рудника на Алтае в 1763—1765 гг.⁸

Первая, отмеченная в литературе «чугунка», длиною около 160 м, построенная по инициативе начальника Олонецких заводов А. С. Ярцева и при помощи шотландского инженера Ч. Гаскойна, была проложена в 1788 г. на Александровском заводе в Петрозаводске «для перевозки пушек в разные отделения завода».⁹ Следующая известная нам

⁶ «Столетие железных дорог». Труды Научно-технического комитета НКПС, М., 1925, стр. 14. Курсив мой. — В. В.

⁷ А. Катикман. Железные дороги 1825—1925, с предисл. проф. Карейша. Л., 1925, стр. 18.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 418, оп. 315/476, 1763—1773, л. 235. О...штейгере Козьме Фролове... и о построенном им похверке, лл. 20 и 22; тот же фонд «Перспект располагаемым на Змеиногорском руднике... седми машинам и прочему строению 1783 года». Данные о заводских лежневых путях приводит также В. Данилевский в книге «Русская техника». Л., 1947, стр. 261—2 и др.

⁹ С. Гурьев. О переносных железных дорогах, «Горный журнал», 1835, ч. II, кн. VI, стр. 572. Протяженность линии установлена нами по карте, хранящейся в ЦГИАЛ.

«чугунка» была построена на Змеиногорском руднике Колывано-Воскресенских заводов (Алтай) обербергмейстером¹⁰ Петром Кузьмичем Фроловым, сыном уже упомянутого К. Д. Фролова, простого «плотинного мастера», с трудом «вышедшего в люди» и давшего своим детям специальное образование. Змеиногорская дорога, общим протяжением около 2 км, была построена Фроловым в 1806—1810 гг.

Остается открытым вопрос о том, существовали ли в России конца XVIII и начала XIX в. и иные сооружения того же рода. Выяснить это помогут дальнейшие исследования. Пока мы располагаем лишь рядом высказываний деятелей первой трети XIX в. о наличии на русских заводах нескольких рельсовых линий Декабрист Н. А. Бестужев писал брату в 1837 г. с Петровского завода «Говоря о ходе просвещения, нельзя также не упомянуть тебе с некоторой гордостью, что по части физических применений (т. е. техники.— В. В.) мы, русские, во многих случаях опережали других европейцев; чугунные дороги не новы, они существуют на многих железных заводах для перевозки руды бог знает с которой поры».¹¹ Некоторые данные позволяют предположить, что «чугунка» существовала и на том самом Петровском заводе, где отбывал заключение Бестужев.

Когда в Особом комитете 1835 г. обсуждались предложения Ф. А. Герстнера о постройке железных дорог, то в одном из документов комитета говорилось, что «на сибирских наших заводах уже устроены некоторые железные дороги»,¹² а в другом документе о чугунных дорогах сообщается, что они «существуют уже много лет в нескольких местностях России».¹³

Если даже оставить в стороне опыты Фролова-старшего и «чугунку» Александровского завода, а также возможные иные заводские линии, существовавшие «бог знает с которой поры», и считать первой значительной русской «чугункой» дорогу Фролова, то и в этом случае можно констатировать, что в деле сооружения первых конных лежневых и рельсовых дорог русские новаторы транспортной техники опередили все страны мира, кроме Англии. Так, например, в США первая лежневая (деревянная) линия со слабым металлическим покрытием была построена Г. Брайантом в штате Массачусетс в 1827 г., т. е. на 17 лет позже «чугунки» Фролова. Во Франции первая конная рельсовая линия была проложена между Сент-Этьеном и Андресье в 1823 г. В Австрии сооружение первой конной рельсовой дороги осуществлялось под руководством известного нам Ф. А. Герстнера только в 1824—1828 гг.

Создателем первой значительной конной рельсовой дороги в России, а также автором первых больших проектов рельсовых дорог следует считать Петра Кузьмича Фролова (1775—1839). Личность и деятельность этого разностороннего и замечательного изобретателя и организатора производства до последнего времени не были должным

¹⁰ Горный чин VII класса, соответствующий подполковнику.

¹¹ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 257. Едва ли Бестужев имел здесь в виду черепановскую дорогу, о которой появились известия в печати лишь в 1835 г. Выражение «бог знает с которой поры» показывает, что речь идет о сооружениях, отделенных десятилетиями от времени составления письма.

¹² Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Рукописный фонд. Материалы по устройству железных дорог в России. Предложения австрийского инженера Герстнера, ч. I, л. 160.

¹³ Там же, л. 167. Сомнительно, чтобы и в данном случае подразумевались только фроловская и черепановская дороги. О последней нельзя было сказать, что она «существует уже много лет».

образом оценены в нашей литературе ¹⁴ Сын упомянутого выше галантливого гидротехника К. Д. Фролова, он окончил Горный кадетский корпус в 1793 г. и поступил на Колывано-Воскресенский завод, где в свое время столь блестяще развернулась деятельность его отца, в низшем чине шихтмейстера С этого года и вплоть до выхода в отставку (в 1830 г.) П. К. Фролов неустанно боролся за развитие отечественных производительных сил, за внедрение новой техники на производстве и на транспорте, причем все свои начинания, как справедливо отмечается в одном документе, «выполнял с таким успехом и совершенством, каких только ожидать можно». ¹⁵ Вопросами усовершенствования заводского транспорта, вначале только водного, Фролов стал заниматься в 1804—1805 гг., и в дальнейшем сооружение чугунных дорог рассматривалось им в сочетании с улучшением путей и средств водного транспорта. Начальник Колывано-Воскресенских заводов В. С. Чулков писал в марте 1806 г. Д. А. Гурьеву (главноуправляющему кабинетом е. и. в.), что Фролов представил ему два плана: «один об учреждении чугунной дороги от Змеиногорского рудника до его завода, а другой — о заведении водяного сообщения между заводами и рудниками» ¹⁶ В первом же своем рапорте от 20 марта 1806 г. Фролов, наряду с характеристикой своей будущей небольшой Змеиногорской дороги, выдвигал и более широкие планы строительства рельсовых путей. Он писал, что при известных условиях «полезнее будет от Змеиногорска или другого пункта, могущего сосредоточить рудники, устроить до Алея (реки — В. В.) чугунную дорогу, к чему вышеозначенное падение земли равномерно способствовать может». ¹⁷ Речь шла здесь о дороге более чем в 40 км длиною. В 1807 г. Фролов представил проект другой рельсовой дороги, примерно такого же протяжения, «которая должна начаться внутри (Барнаульского. — В. В.) бора и кончиться при выходе в Алей из речки Поперечной канала». ¹⁸ Однако «горное начальство» не дало Фролову возможности осуществить эти проекты.

Таким образом, единственно, чего удалось добиться Фролову, это сооружения Змеиногорской «чугунки» около 2 км длиною. Дорога эта была построена в 1806—1810 гг. и обошлась в 13,7 тыс. руб. ассигнациями. ¹⁹ При этом следует подчеркнуть, что в техническом отношении дорога Фролова стояла выше современных ей английских, а равно позднейших американских или французских конных рельсовых линий. В этот период зарубежные рельсовые дороги имели мало искусственных сооружений, и продольный профиль их определялся рельефом местности. Значительные уклоны затрудняли работу лошадей, снижали возможный вес перевозимых составов вагонок до 5—7,5 тонн. Как правило, рельсы на этих дорогах укладывались слабые, уголкового или корытообразные. Фролов же создал на своей дороге сложные искусственные сооружения — мосты и виадуки, сделал выемки, насыпи, добившись этим значительного смягчения уклонов. Верхнее строение пути состояло из «чугунных полос» — «дорожек», или «грифов» (как

¹⁴ Заслуга первого освещения, на основе документальных материалов, важных сторон деятельности П. К. Фролова принадлежит проф. В. В. Данилевскому. См. его работу «Первая чугунная дорога, построенная на Алтае в 1806—1809 гг.», опубликованную в «Трудах Ленинградского индустриального института», 1939, № 4, вып. I.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 468 (кабинета е. и. в.), оп. 315/476, 1817, д. 611. Об определении начальником Колывано-Воскресенских заводов... Фролова, л. 8.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 315/476, 1806, д. 535. О проектах обербергмейстера и кавалера Фролова, л. 9.

¹⁷ Там же, л. 13.

¹⁸ Там же, лл. 40—41.

¹⁹ Там же, л. 88.

тогда именовались рельсы), высотой в 63 и 7,6 см, с эллиптической, выпуклой поверхностью катания. Рельсы укладывались на продольных деревянных лежнях. Колеса повозок были «вогнуты во всю окружность свою», соответственно профилю Рельсы отливались на месте. Фролов проводил опыты и высказывал интересные соображения о действии на рельсы статической и динамической нагрузки. Техническое совершенство дороги Фролова позволяло одной лошади перевозить по ней одновременно до 10 тонн (а по проектным данным даже до 16 тонн) груза, заменяя 25 (по проекту 40) лошадей, тянущих груз по обычной дороге. При работе только в течение четырех летних месяцев возница с одной лошадью перевозил по этой дороге 480 тыс. пудов, для перевозки которых прежде требовалось 517 приписных крестьян.

В 1812 г. Фролов, занимавший в то время должность начальника чертежной горного департамента в Петербурге, был командирован на казенные Эльтонские соляные промыслы для изучения вопроса об улучшении способов перевозки соли от озера Эльтон к волжским соляным складам. Перевозка эта производилась по «солевозным трактам», протяжением свыше 150 км, приписными крестьянами, и по своему мучительному, изнуряющему характеру для несчастных «солевозцев» имела мало равных повинностей. За эту каторжную работу «соляное начальство» платило так мало, что солевозы пришли, по официальным отзывам, в полное «оскудение». Снабжение волжских складов солью стояло под угрозой. В горный департамент в 1812 г. подавались некоторые проекты создания искусственных путей сообщения между Эльтоном и Волгою, но все они оказывались технически несостоятельными. Фролов, приехав на место, прежде всего произвел заново нивелировку между озером и Волгою, исследовал местоположение дороги, лежащей к Эльтонскому озеру, во всех отношениях, нужных для устройства чугунной дороги, рассмотрел и сообразил с местоположением удобства и возможности устройства канала и, сделав сравнение таковых устройств относительно выгоды того и другого проекта, представил проект чугунной дороги.²⁰ Сохранился и самый «План двум дорогам между Эльтонским озером и Николаевской слободою (на Волге.— В. В.), по коим учинено было нивелирование для устройства чугунной дороги». Этот план содержит, во-первых, профиль нивелирования, произведенного до Фролова механиком Пуадебаром, отвергнувшим в свое время идею чугунной дороги на том основании, что такие дороги были испытаны в Англии «только на небольших расстояниях». ²¹ Во-вторых, там показаны результаты нового нивелирования, выполненного Фроловым специально для чугунной дороги. Наконец, там нанесена и самая трасса этой дороги. Огибая с юга озеро Эльтон, дорога должна была пройти между двумя солевозными кратчайшими трактами на Николаевскую пристань, ближе к более северному из них. Как можно судить по плану, протяжение этой дороги должно было составить 146 км. Фролова не смутило то, что в Англии чугунные дороги применялись только «на небольших расстояниях», а в других странах о них вообще и не думали. Проект Фролова далеко опередил современную ему зарубежную научно-техническую мысль.

Однако этот проект был отвергнут по той причине, что начальство предпочитало усиливать эксплуатацию «солевозцев», а не тратить значительные суммы на постройку чугунной дороги. Есть данные, что против проекта Фролова (как и позднейших сходных проектов) вели ин-

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 315/467, 1817, д. 611, лл. 7—8.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 37 (горного департамента), оп. 25, 1846, д. 1311 Об устройстве казенной коннорельсовой дороги. л. 21.

триги собственники частных соляных промыслов, боявшиеся конкуренции. И вот в следующем году Фролова вновь посылают на эльтонские промысла, но отнюдь не для подготовки к строительству, а для изучения вопроса о том, нельзя ли увеличить повинности «солевозцев». Рапорты Фролова вряд ли порадовали горное начальство. Основная мысль их сводится к следующему. Необходимо было ввести для перевозки «искусственные заведения, могшие способствовать» сокращению количества возчиков и расходов по перевозке. Фролов сожалеет о «невозможности устроить искусственные облегчительные способы». Поскольку, однако, одни проекты такого рода (каналов и т. д.) оказались «несоответственными по физическим представлениям», а другие (здесь, видимо, Фролов, имеет в виду свою дорогу) были отклонены «по суммам, на совершение их потребным», ²² то нужно, считает он, улучшить гужевую доставку соли. Но это возможно не путем увеличения повинностей возчиков, а, наоборот, посредством улучшения их материального положения, повышения их оплаты и т. д. Как и следовало ожидать, рапорты Фролова цели не достигли.

Несмотря на то, что большие проекты Фролова не увенчались успехом, несмотря на то, что начальством приложены были все усилия для предания их полному забвению, роль Фролова в ранней истории нашего рельсового транспорта очень важна.

Опередив в своих замыслах все зарубежные страны, а в практике постройки Змеиногорской дороги все страны, кроме Англии, Фролов вложил в руки последующих поборников новых видов транспорта острое оружие. Клевету о «предопределенной» транспортной отсталости России они опровергали, ссылаясь, в частности, и на деятельность Петра Кузьмича Фролова (в той небольшой части, в какой она была им известна).

II

К 20-м годам XIX в. вопрос о проведении железных дорог в России приобретает все большие права гражданства на страницах печати ²³ и в различных выступлениях поборников развития отечественных производительных сил. При этом речь уже шла не только о заводских дорогах, но и о больших линиях общего пользования.

Прежде всего именно в это время русская общественность ознакомилась с чугунной дорогой Фролова. Впервые рассказали о ней «Отечественные записки» в 1821 г. Однако имя изобретателя не было названо, и в статье недооценивалась оригинальность творчества Фролова. ²⁴

Подробная и вдумчивая статья об этом сооружении была опубликована в 1825 г. в «Азиатском вестнике». Автором ее был Г. И. Спасский, ученый-просветитель, изучавший творчество русских мастеров в самых отдаленных районах страны. Он прямо указывал на необходимость последовать примеру Фролова. «Желательно,— писал он,— чтобы сей

²² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 25, 1812, д. 170. О прибавке платы казенным солевозцам, лл. 74 и 92.

²³ В русской прессе о рельсовых дорогах начали писать очень рано. Еще в 1803 г., например, в «С.-Петербургских коммерческих ведомостях» появилась заметка «О употреблении железных дорог для возки минералов». Через два года вышла отдельная книжка Л. С. Вакселя «Описание чугунной дороги». Печатание материалов о рельсовых дорогах продолжалось и позднее.

²⁴ «О чугунной дороге в Колыванских заводах» — «Отечественные записки», 1821, ч. VII, № 16. Редактором журнала был П. П. Свиньин, вообще очень интересовавшийся достижениями транспортной техники.

пример возбудил и в других местах России охоту, особенно по горным заводам, к строению подобных дорог. Чугунная дорога перед каналом имеет ту выгоду, что может проведена быть во всяком месте по прямому направлению, и по ней всегда, если потребует надобность, может производиться перевозка, кроме остановок за поправлением оной, между тем как сообщение по каналам прекращается летом от недостатка воды, а зимой по причине льда, и притом в канале везомые тяжести подвержены потоплению. Преимущество же чугунной дороги против обыкновенной, хотя бы наилучшим образом устроенной, очевидно, и состоит как в сокращении времени, так и в уменьшении путевых издержек». ²⁵ К сожалению, о больших «прожектах» Фролова не знал и Спасский.

В том же году «Сын Отечества» (время от времени выступавший в пользу новых видов транспорта) поместил интересную переводную заметку «Чугунные дороги и паровые пушки», где успехи железных дорог за рубежом связывались с их механизацией («чугунные дороги не прежде введения паровых машин оказались во всей своей важности») и делался вывод, что «чугунные дороги могут быть устроены на всякой земле, годны для повозок всякого рода и имеют великое преимущество перед каналами». ²⁶

Год спустя, в 1826 г., содержательную (также переводную) статью опубликовал известный журнал Николая Полевого «Московский телеграф». Статья, принадлежавшая французу Эдуарду Био, в будущем крупному железнодорожному дельцу, была посвящена разбору трех нашумевших английских работ по железнодорожному вопросу, Грея, Вуда и Тредгольда. Заслугой редакции «Московского телеграфа» была, кстати сказать, разработка при переводе этой статьи русской технической железнодорожной терминологии. В частности, переводчик употребляет необычный еще в то время термин «железные дороги» (вместо «чугунных», «полосных», «колейных» — как тогда обычно выражались). ²⁷ Между тем в официальных сферах этот новый вид транспорта часто не знали и по имени. Мы увидим, например, что в 1826 г. вице-президент Вольного Экономического общества князь В. В. Долгоруков писал о рельсовых линиях: «дороги, называемые railroads».

Растущий общественный интерес к новым видам транспорта имел весьма глубокие основания. Усиливающийся кризис крепостнической хозяйственной системы проявлялся в то время, между прочим, и в растущем отставании наличных путей и средств сообщения от запросов народного хозяйства, от потребностей развивающейся русской культуры, от задач обороны страны. ²⁸

Гужевой и водный транспорт России первой трети XIX в. базировался на варварски расточительном использовании человеческого труда. «Поправка дорог, — писал А. С. Пушкин, — одна из самых тягостных

²⁵ Г. Спасский Письма из Сибири. «Азиатский вестник», 1825, № 7, стр. 56—57.

²⁶ «Сын Отечества», 1825, ч. 101, VII, стр. 309, 312.

²⁷ «Московский телеграф», 1826, ч. XII, № 21, отд. II, стр. 29 и сл. Правда, термин «железные дороги» был употреблен «С.-Петербургскими коммерческими ведомостями» в 1803 г., но не привился.

²⁸ «Поздравим себя, — злорадно писал, например, француз А. Пердонне о железных дорогах после окончания Крымской войны, — что Россия не имела в своем распоряжении этого грозного оружия, и скажем, что железные дороги являются мощным средством защиты для страны, их имеющей, еще в большей мере, чем средством нападения» (А. Perdonnet. *Traité elementaire des chemins de fer*. Paris, 1858, p. 27).

повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам»²⁹ Натуральная дорожная повинность отвлекала от земледелия и промыслов массу крестьянского труда и в то же время давала столь слабые результаты, что ее несколько раз отменяли. Но в 1822 г. натуральная повинность по исправлению главных грунтовых дорог была вновь восстановлена.

«Вольные почты» стали распространяться лишь после 1831 г., когда их разрешено было содержать «людям всех состояний». Но в крепостническом государстве Николая I, где свободе деятельности и передвижения ставились бесконечные препоны и преграды, подобные вынужденные уступки буржуазным элементам давали ничтожные результаты. В 1833 г. вольными почтами было занято... 645 лошадей — и это в стране с 50-миллионным населением.³⁰

На водных путях сообщения господствовала бурлацкая ляпка. По изнурительности и губительному действию на здоровье работников бурлацкий промысел может быть сопоставлен лишь с использованием рабского труда в древности. В бурлаки шли обычно оброчные крестьяне, вынужденные к тому вымогательствами своих господ и сборщиков податей. «На одной реке Волге, — писал «Сын Отечества» в 1815 г., — употребляется ежегодно по крайней мере 400 000 человек единственно для проводу барок. Из них (средним числом в течение 20 лет) погибает ежегодно до 7000 человек при самих судах, и еще многие тысячи возвращаются по домам с растроеным.. здоровьем».³¹ «Дух журналов» подчеркивал отрицательные хозяйственные последствия «чрезвычайных издержек» на бурлацкий промысел, добавляя: «Сколько же рук потеряно бывает для земледелия и других полезных промыслов».³² Передовую русскую общественную мысль возмущало самое использование людей в каторжной ляпке. В программе либерально-аристократического «Ордена русских рыцарей» М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова, наряду с «упразднением рабства в России» (§ 8), предусматривалось также и «уничтожение постыдного для человечества хода судов людьми на ляпках» (§ 38).³³

Для транспорта мануфактурного периода вообще характерно развитие каналов и связанных с ними гидротехнических сооружений, шоссе, мостов и введение регулярных рейсов почтовых карет и дилижансов. В России первой трети XIX в. развитие всех перечисленных элементов транспортной техники задерживалось. Существовавшие и вновь сооружаемые водные системы не справлялись со своими задачами. Бичом русских водных коммуникаций были непродолжительность навигации и малая пропускная способность каналов и рек. Строительство шоссе началось очень поздно. Первое шоссе между столицами было закончено в 1833 г. К 1840 г. кроме этого шоссе было устроено лишь 780 км шоссежных дорог, преимущественно в Царстве Польском.

Развитие капиталистических предприятий на транспорте было первоначально связано с технически наиболее отсталыми видами перевозок — с бурлацким и ямским промыслом. Судопромышленники и извозпромышленники представляли в это время весьма влиятельную силу. К новой технике эти предприниматели относились явно враждебно. Когда в 1841 г. выдающийся поборник новых видов транспорта

²⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., ГИХЛ, т. VI, стр. 190.

³⁰ «О некоторых действиях почтового управления в 1833 г.» — Журнал министерства внутренних дел, 1834, ч. XII, № 4, стр. 50.

³¹ «Стамбот на Неве». «Сын Отечества», 1815, ч. 24, № 38, стр. 217.

³² «Паровой бот на Неве». «Дух журналов», 1815, кн. 36, стр. 522.

³³ А. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, стр. 147 (Из бумаг графа Мамонова)

П. П. Мельников предлагал рыбинским судопромышленникам и купцам ввести пароходство, то его встретили «весьма недружественно.. Более других неистовствовал некто Журавлев, большой торговец хлебом,— вспоминает П. П. Мельников — Оказалось, что Журавлев вложил большую часть своего капитала в конные машины³⁴ и с ожесточением мне противоречил потому только, что лучше других понял преимущество речных пароходов».³⁵

Первое в России крупное акционерное общество по организации постоянных пассажирских рейсов в дилижансах между столицами возникло в 1820 г. Его учредителями явились представители богатейшей титулованной знати: А. И. Татищев, сановник из военного ведомства, граф Лев Потоцкий, флигель-адъютант князь А. Лобанов-Ростовский, князь А. С. Меншиков и др. Позднее к ним примкнули такие крупные капиталисты, как придворный банкир Людвиг Штиглиц, Андерсон и еще «некоторые особы» (как скромно и анонимно именовали себя учредители). О размахе деятельности общества можно судить по тому, что за время до 1827 г. оно уплатило нанимаемым им ямщикам 1200 тыс. руб. В 1831 г. привилегия общества была утверждена на новое десятилетие, причем круг деятельности «некоторых особ» неперестанно расширялся. Так, они учредили регулярные рейсы от Петербурга до Ревеля, открыли «конторы транспортов» тяжелых и громоздких грузов в Петербурге, Москве, Риге, Киеве, Харькове, Одессе, Казани и Тифлисе. Функционировали в то время и иные компании — карет, «сидеек», дилижансов, фазтонов и т. д. Заметим кстати, что невежественный писака, агент III отделения и пронырливый делец Наркис Отрешков (он же Атрешков), в дальнейшем яростный враг железных дорог, получил в марте 1830 г. привилегию «на учреждение дилижансовых линеек под названием омнибус»³⁶ для пригородного сообщения в Петербурге.

Участники такого рода компаний были столь же рьяными противниками железных дорог, как судовладельцы типа Журавлева — врагами пароходов.

Реакционные круги помещиков-крепостников также были против развития новых видов транспорта. Точку зрения этих кругов выражал уже упомянутый выше обер-штабмейстер князь В. В. Долгоруков, которому по поручению Николая I пришлось в 1826 г. давать заключение по одному железнодорожному проекту. «Я полагаю,— писал Долгоруков,— что для России, как государства весьма обширного и что его обширности весьма мало населенного, неудобства сии, по роду их, слишком увеличиваются и делают заведение подобных дорог столь же мало выгодным, как и затруднительным»³⁷ Указав далее, что доходы «от дорог, называемых railroads», должны превысить расходы «на устройство транспортных паровых машин и прочего для них потребного и сумму на ежегодный ремонт и на содержание при оных команды», Долгоруков приходит к выводу: «...Успехи такого предприятия, по мнению моему, вообще не могут отвечать тем удобствам и выгодам, каковые на опыте заключаются в нынешнем состоянии водяных сообще-

³⁴ Конные машины, или коноводки,— суда, приводимые в движение лошадьми, вращающими на судне вал, на который наматывается канат, подтягивающий судно к якорю, завоинному вперед судна.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 2/в, д. 364, рукопись Мельникова «Сведения о русских железных дорогах», отд. I, кн. 1 (1871), л. 98. Эта часть рукописи опубликована также в «Красном Архиве», 1938, т. 4—5, стр. 321.

³⁶ II ПСЗ, т. V, отд. 1, № 3526.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 206, оп. 1, 1836, д. 776, л. 8. Отношение князя В. В. Долгорукова Н. Н. Муравьеву от 21 мая 1826 г.

ний». Затем Долгоруков переходит к подробному изложению всех «неудобностей» рельсовых дорог по сравнению с водными сообщениями. Оказывается, последние требуют «только весьма редких ремонтов», тогда как издержки по ремонту паровозов и рельсовых дорог очень велики. Сооружение чугунных дорог, по словам Долгорукова, обойдется очень дорого, тем более «что для избежания встречи паровых транспортных машин в противных с обеих сторон направлениях необходимо завести сии дороги на каждом тракте двойным числом (в две колеи — В. В.)», а «Московское шоссе доказало, во что оно может обойтись и к каким расходам может привести устройство дороги в болотах, которых у нас нельзя избежать, построение мостов через встречающиеся реки и прочее». «В зимнее время сии дороги не могут быть употребительны и останутся совершенно пустыми», ³⁸ — пишет Долгоруков, выдвигая тезис, который впоследствии вновь и вновь будет повторяться всеми противниками железных дорог.

Единомышленники Долгорукова возглавляли два ведомства, от которых больше всего зависело развитие железных дорог, — главное управление путей сообщения и министерство финансов.

Когда в феврале 1826 г. декабрист П. Г. Каховский в письме из Петропавловской крепости негодуяше писал Николаю I про «явное предположение, делаемое правительством всем иностранцам без разбора», ³⁹ то в качестве примера он ссылался именно на путевое ведомство. Главноуправляющий путями сообщения (с 1822 г.), дядя Николая I, тупой и тщеславный герцог Александр Вюртембергский, его главный советник, хитрый карьерист А. П. Девятнин и группа состоявших при них французских консультантов — Пьер Базен, Морис Дестрем и другие — все они делали ставку на старые виды путей сообщения, на технику XVIII в., причем по возможности на иностранную.

Их ревностно поддерживал узколобый, провинциальный немецкий камералист на посту министра финансов Российской империи, Георг («Егор Францевич») Канкрин, ⁴⁰ позднее получивший графский герб с геральдическими изображениями раков — символ, как нельзя лучше подходивший для всей этой реакционной клики. Самый факт засилья на руководящих хозяйственных (да и не только хозяйственных) постах зарубежных обскурантов, тянувших назад русскую технику и экономику, был одним из ярких проявлений антинародной политики господствующих классов и их пресмыкательств перед границей. Компания герцога Вюртембергского (а потом его достойного преемника Карла Толя), Дестрема, Канкрина и других решительно выступала против проведения железных дорог в нашей стране. По их мнению, распространение железных дорог должно было привести к «уравнению сословий», потрясению «столь необходимой общественной иерархии»; ⁴¹ а железные дороги есть «самое демократическое учреждение, какое только можно придумать для постепенного приведения общества в республиканские формы», поскольку этот вид транспорта может «разлить в государстве демократические идеи и наклонности». ⁴²

³⁸ Там же, л. 9.

³⁹ А. Бороздин. Указ. соч., СПб., 1901, стр. 20.

⁴⁰ Фамилия Канкринных происходила от латинского сансег, рак. Предки их носили немецкое имя Кребсов (то же значение). Герб «дарован» был Канкрину Николаем I в 1831 г.

В этих истерических воплях перепуганных крепостников правильным было лишь одно — инстинктивное понимание того факта, что больше всего в ликвидации российской транспортной отсталости были заинтересованы широкие народные массы.

III

В дореволюционной литературе нередко встречалось мнение о безразличном или даже враждебном отношении трудового народа того времени к паровому транспорту. Подобные взгляды должны быть решительно отвергнуты. Враждебные настроения народа вызывали действия предпринимателей и царских чиновников в ходе сооружения и эксплуатации железных дорог, паровых линий и т. д., сама же себе новая транспортная техника была окружена народным уважением и восхищением. Чешский инженер и делец Франц-Антон Герстнер, меньше всего интересовавшийся русскими «простолюдинами», вынужден был неоднократно отмечать их активную поддержку в подготовительных работах по намеченному им проведению железных дорог. «Чем более отдаляюсь я от столицы, — писал он, например, в 1835 г., — тем более обитатели проходимых мною мест принимают участие в задуманном мною деле; везде народ собирается вокруг моего инструмента (Герстнер производил нивелировку местности. — В. В.) и спрашивает с живостью, когда начнутся работы». Герстнер уточнял далее, что речь идет о «людях простого класса» (*la classe commune*).⁴³ «Я вполне убежден, — указывал Герстнер в другом месте, — что всякая другая железная дорога, при построении которой будут соблюдаемы справедливость, порядок и публичность, может ожидать значительного содействия именно от низших классов народа».⁴⁴

Именно из среды трудового народа вышли первые борцы за перевод русского транспорта на высшую техническую ступень развития. Простые русские «самоучки», как их обычно называют в старой литературе, заводские мастера и ремесленники предлагают свои оригинальные изобретения, выдвигают смелые, зачастую опережающие Запад, проекты в области транспортной техники. Алтайский мастер Фролов-старший, строивший внутризаводские пути в 60-х годах XVIII в., был не одинок. Прославившийся еще в екатерининское время изобретатель-самородок И. П. Кулибин продолжал и в начале XIX в. не переставая заниматься изобретательством, между прочим, в области транспорта («водоходное судно», проекты мостов и т. д.). На одном из притоков Камы группа мастеров Пожевского завода Всеволожского (Истомин, Казанцев, Вешняков и др.) в 1815—1820 гг. строит паровые суда. В 1831 г. петербургский лафетный мастер Янкевич разрабатывает проект введения в России скоростных сообщений «быстрокатами» (паровыми автомобилями). В 1833—1834 гг. уральские крепостные мастера, отец и сын Черепановы создают на Нижнетагильском заводе паровую рельсовую дорогу и открывают тем самым новую эру практического применения силы пара на русском сухопутном транспорте. Московский мещанин Эльманов строит в 1835 г. надземную дорогу особой системы.

Среди поборников новых видов транспорта важную роль играли передовые горные и путейские инженеры, от Фролова-младшего до бле-

⁴³ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии Комитета и Строит. комиссии СПб. — Моск. ж. д., д. 6, л. 124. Письмо Герстнера Сперанскому от 3/X 1835.

⁴⁴ Ф. Герстнер. Третий отчет об успехах железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села, СПб., 1837, стр. 14.

стоящей плеяды питомцев Петербургского института инженеров транспорта (нынешнего ЛИИЖТ). Из-за сословного характера высшей школы того времени лишь немногие из них непосредственно вышли из «простых» семейств (как, например, Фролов). Но они творили дело, общее с Кулибиными и Черепановыми. Находясь в служебной зависимости от герцогов Вюртембергских, Дестремов и Канкриных, эти русские инженеры с немалым гражданским мужеством боролись за ликвидацию транспортной отсталости родной страны. Они же закладывали в России основы железнодорожной науки, во многом опередившей современную ей инженерную мысль Запада. Они же готовили кадры будущих строителей русских железных дорог.

Вопрос об усовершенствовании и механизации русского транспорта, к разрешению которого по собственной инициативе фактически приступили русские новаторы техники, был поддержан прогрессивными кругами русского общества первой трети XIX в. Ликвидация транспортной отсталости, сковывающей развитие производительных сил и культуры страны, выдвигалась в качестве важной задачи передовыми людьми России — от декабристов до Пушкина и Белинского. Декабрист Н. А. Бестужев подчеркивал еще на рубеже 20-х годов XIX в. «бесчисленные выгоды, принесенные нам изобретением паровых машин и в особенности приложением оных к пароходам», и описывал преимущества пароходов как в мирное, так и в военное время.⁴⁵ Позднее, уже находясь в далеком заточении на Петровском заводе, Бестужев писал об огромном значении «чугунных сообщений». «Мы видим с удовольствием,— писал Бестужев по поводу открытия в 1837 г. Царскосельской дороги,— что Россия не отстает в ходе просвещения от Европы, и по нашему нет лучше способа для просвещения, как легкие и быстрые сообщения всех частей государства между собою. Это важный пункт, но на который до сих пор обращают внимание только в торговом отношении».⁴⁶ А в устах Бестужева «просвещение» означало не только культурный, но и социально-экономический прогресс. П. Г. Каховский из каземата Петропавловской крепости в феврале 1826 г., т. е. незадолго до казни, в письмах к Николаю I и генералу Левашеву клеймил дорожную отсталость России и политику главного управления путей сообщения, передавшего руководство русским транспортом в руки иностранцев к «великому вреду для дела».⁴⁷ А. С. Пушкин в том же 1826 г. мечтал о «чугунных дорогах» и «паровых кораблях».⁴⁸ В. Г. Белинский называл железные дороги и пароходы «великими победами» века «уже не над материей только, но над пространством и временем»,⁴⁹ и впоследствии радовался, глядя на строительство вокзала Петербурго-Московской дороги.⁵⁰

Прогрессивное общественное движение за механизацию и усовершенствование отечественного транспорта поддерживалось определенными торгово-промышленными и банковскими кругами и некоторыми группами богатых землевладельцев, вступавших на путь капиталистического хозяйствования.

⁴⁵ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. стр. 233—234.

⁴⁶ Там же, стр. 256. Письмо с Петровского завода от января 1837 г.

⁴⁷ А. Бороздин. Указ соч., стр. 5—6, 20 и др.

⁴⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., ГИХЛ, т. VI, стр. 190.

⁴⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., СПб., 1904, т. VII, стр. 478—479.

⁵⁰ «Наконец-то и у нас будет хоть одна желзная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце»,— говорил при этом Белинский Достоевскому (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Полн. собр. соч., СПб., 1911, т. XIX, стр. 161).

Из среды этих деловых, предпринимательских кругов вышло немало авторов железнодорожных, пароходных и иных транспортных проектов. До поры до времени эти расчетливые дельцы, исходя из своих классово ограниченных, материальных интересов, могли выступать заодно с идейными борцами за ликвидацию русской транспортной отсталости и с русскими новаторами техники.

Одним из ранних защитников необходимости улучшения русского транспорта и его механизации был Николай Семенович Мордвинов (1754—1845), известный государственный деятель и экономист. Для Мордвинова, председателя Вольного Экономического общества, «почетнейшего акционера» Российско-Американской компании и крупного землевладельца, задача ликвидации русского бездорожья входила как составная часть в более широкую задачу — преодоления хозяйственной отсталости России на капиталистической основе, но при сохранении крепостного права. Мордвинов был выразителем того круга крупнейших землевладельцев (к нему принадлежали позднейшие участники железнодорожных компаний — А. А. Бобринский и С. И. Мальцов), которые сами познали выгоды буржуазного предпринимательства, высоко ценили передовую науку и технику, осуждали невежество, но отнюдь не желали расставаться со своими крепостническими привилегиями. Это накладывало на их проекты печать классовой ограниченности и противоречивости.

С одной стороны, Мордвинов выступает с обширной программой хозяйственных (в том числе и транспортных) реформ в буржуазном духе. В «Записках для памяти и соображения», относящихся к различным годам первой трети XIX в., Мордвинов вновь и вновь указывает, что «худые пути сообщения между городами и селами»⁵¹ относятся к числу «дополнительных причин, задерживающих ход развития цивилизации в России», и многозначительно добавляет, что о «главных» причинах «нужно хранить почтительное молчание».⁵² Из года в год повторяет Мордвинов в тех же заметках требование «проложения повсеместно путей сообщения сухопутных и водяных», причем в некоторых заметках (относящихся, повидимому, к концу 20-х или к началу 30-х годов) прямо требует «проложения железных дорог»⁵³ или «построения железных дорог для сближения дальних пределов России от мест произведения (товаров.— В. В.) к местам сбыта их»⁵⁴

По мнению Мордвинова, новые пути сообщения должны строиться частными акционерными компаниями. «Дух сотовариществ должен быть возбужден прежде всего к составлению обществ на устройство путей сообщения, водяных и сухопутных»

В «Соображениях при рассмотрении росписи на 1828 год», представленных Николаю I 12 декабря 1827 г., Мордвинов выделяет особый раздел: «Проложение между городами путей сообщения» «По великой площади земли Российской империи,— пишет Мордвинов в «Соображениях»,— пути сообщения простираются на многие тысячи верст. Для проложения повсеместно дорог, для раскрытия водяных сообщений от юга на север, от востока на запад потребуются несметные миллионы денег». «Из всех путей сообщения железные дороги могут быть для торговли самыми полезнейшими,— подчеркивает Мордвинов в другом месте — Кроме того, что по железной дороге, при равной действующей силе, тяжести перевозятся в семь с половиною раз более,

⁵¹ Архив графов Мордвиновых, СПб. 1903, т. IX, стр. 43, 51, 55, 66, 72, 74 и др.

⁵² Там же, стр. 43.

⁵³ Там же, стр. 145.

⁵⁴ Там же, стр. 86.

чем то же самое совершается по лучшим обделанным (шоссейным. — В. В.) дорогам, еще дороги таковые несравненно выгоднее и пред сообщениями, на воде производимыми, ибо в сем последнем случае, при скорости движения, грузовое количество в высшей степени должно быть уменьшаемо, тогда как при перевозе паровыми машинами по железным дорогам, скорость не меняет количества тяжести. Паровая машина может проходить в сутки от 300 до 400 верст, следовательно, грузовые тяжести по железным дорогам от *Екатеринбурга, Астрахани, Одессы могли бы доходить до С-Петербурга в 6 и 10 дней*.⁵⁵

Мы видим, что старый екатерининский вельможа стал неплохо разбираться в технико-экономических вопросах. Рассуждения Мордвинова о том, что преимущества железных дорог над каналами возрастают при увеличении скорости движения, совпадают с доводами передовых инженеров того времени, сторонников рельсового транспорта. Следует также отметить, что Мордвинов, хотя и в самой общей форме, говорит здесь о желательности соединения Петербурга с Астраханью, Одессой и Екатеринбургом, в то время как восемь лет спустя Герстнер ставил вопрос о восточной магистрали лишь до Казани (зато об Одессе и о берегах Каспийского моря Герстнер тоже упоминал).

Очевидно Мордвинов обдумывал в это время возможность проведения целой *сети* железных дорог. Недаром писал он Герстнеру в 1835 г.: «Я уже много лет тому назад (*il y a bien des années*) высказывал свое мнение, что богатство процветает (*se plaît*) и приходит лишь по хорошим дорогам. Когда я буду иметь честь увидеть вас у себя в городе, я покажу вам свою карту, где нанесены все железные дороги, которые вы предлагаете соорудить, с примечаниями рядом». ⁵⁶ Достойн внимания также выдвинутый Мордвиновым проект Закавказской железной дороги. Автор дал ему окончательное оформление в первой половине 30-х годов, т. е. за много десятилетий до действительного приступа к железнодорожному строительству в Закавказье. До сих пор в литературе на этот факт также не обращалось внимания. «Вернейший способ к удержанию горных жителей Кавказа от нападений против границ России, — указывает Мордвинов, — вместо вечной войны, производимой против них и содержания для сего великого числа войск на Кавказской границе — обратить суммы, употребляемые на сии войска, на соделание дорог и особенно на проложение *железной дороги через горы Кавказские*. Тогда бы от быстрого по оным проезда горные жители не могли бы делать нападений на сообщения из Грузии на севере гор. Полезно было бы составить компанию на акциях для сей дороги. Таковая дорога могла бы упрочить успехи компании, ныне в тех краях заведенной. Для обеспечения сей дороги должно раздать земли, вдоль той дороги существующие, в частные руки и устроить военные стражи». ⁵⁷

Но при всех этих прогрессивных для своего времени идеях выступления Мордвинова имели ряд весьма отрицательных, реакционных моментов. Сам богатейший землевладелец и вельможа, Мордвинов «хранил почтительное молчание» по поводу крепостного права и самодержавного произвола, а порою и прямо высказывался за сохранение крепостного права. Считая незыблемым современный ему строй, Мордвинов не надеялся на быстрое развитие отечественных предприятий в России. Техническое творчество русских людей Мордвиновым явно недооценивалось. А потому он предлагает при-

⁵⁵ Там же, стр. 69—70.

⁵⁶ ЛИИЖТ. Материалы по истории устройства ж. д. в России, т. III. Письмо Мордвинова Герстнеру от 20 июля 1835 г., л. 138.

⁵⁷ Архив графов Мордвиновых, т. IX, стр. 111—112. Курсив мой. — В. В.

раздо выгоднее можно делать водсю, по рекам и каналам; но и здесь встречаются многие важные неудобства. Устройство каналов и содержание их обходится чрезвычайно дорого, особенно в местах гористых, каменистых и вообще неровных. тут требуется множество шлюзов и запасных водохранилищ».

Щеглов приводит многочисленные данные о развитии рельсового транспорта за рубежом (к сожалению, как мы увидим дальше, он пользовался литературой середины 20-х годов, уже отчасти устаревшей), но сведения эти интересовали его лишь как пример для родной страны. «Известия сии должны бы, кажется, возбудить внимание к сему предмету и в России, толико изобилующей железом и толико бедной путями сообщения на необозримом пространстве земли своей,— пишет он.— Конечно, многие скажут, что Российская земля рассечена в разных направлениях великими судоходными реками, но против сего можно заметить, что очень немного находится рек, на коих плавание совершается беспрепятственно целое лето; что на многих оно хорошо только при больших водах; что даже и на реках повсюду судоходных, какова, например, Волга, у нас производятся сплавы только в течение полугода, а на все зимнее время, в которое реки и каналы покрываются льдом, внутреннее обращение важнейших произведений земли совершенно прекращается, тогда как по железным дорогам оно одинаково может производиться и летом и зимою; наконец, что все те губернии наши, у коих нет водяных сообщений с главнейшими сего рода путями и коих довольно много, терпят великое зло от избытка своих земледельческих произведений, на которые совсем нет выгодного сбыта».

Противники железных дорог всегда доказывали преимущества «дарового» санного пути. «Я не буду говорить здесь о выгодах зимней нашей перевозки на санях.— возражает Щеглов,— она выгодна только, да и то не в большой пропорции, в отношении к нашей худой летней сухопутной перевозке и не может стать ни в какое сравнение с перевозкою по железным дорогам. Хорошая лошадь санным тихим шагом может везти на санях от 30 до 50 пудов, а та же лошадь на железной дороге может везти от 400 до 500 пудов и более. В сани хорошей лошади с возом может проходить в час от 4 до 5 верст, а та же лошадь по чугунной дороге проходит 12 и более верст»⁵⁹

Дорога Фролова является для Щеглова важным прецедентом. «Устройство упомянутой выше дороги, проведенной по весьма неровному месту, частью на сваях и каменных столбах, частью же через прорытые холмы, обошлось в 12486 руб.— пишет Щеглов,— следовательно, верста — в 7209 руб. По иностранным расчетам, кои, впрочем, по нашим ценам работы и материалов весьма дороги, устройство чугунной дороги от Твери до С.-Петербурга стоило бы от 6 до 11 млн рублей. Какая ничтожная издержка по сравнению с теми ужасными затруднениями, кои терпят на сем пути наше судоходство, и с теми расходами, коих стоит уже России устройство и содержание на сем пути водяного сообщения!»⁶⁰ «Я полагаю,— пишет Щеглов в другом месте,— что еслибы от Твери до Новгорода или даже до С.-Петербурга устроена была хорошая чугунная дорога, то перевозки разных жизненных потребностей до главнейшего русского порта, на означенном тракте, обходились бы по таковой дороге несравненно дешевле водяного сплава... Устройство такой дороги, без сомнения, отвратило

⁵⁹ «Северный Муравей», 1830, № 1, стр. 4—5

⁶⁰ Там же, № 2, стр. 15.

бы навсегда разорительные по сплавам хлеба зимовки; оно устранило бы жалкие для нас и смешные для иностранцев случаи возвышения в С.-Петербурге цен на первые потребности народного продовольствия оттого, что барки останавливаются с половины лета на зимовку, за недостатком воды, в расстоянии 200 верст и менее от сего порта». ⁶¹

Статья Щеглова имеет два уязвимых пункта — экономический и технический. Как энтузиаст нового рельсового транспорта он явно недооценивал величину издержек, связанных с постройкой первых железных дорог в России. Если дорога Петербург — Тверь стоила бы, по словам Щеглова, от 6 до 11 млн. руб. (очевидно, ассигнациями, так как Щеглов не оговаривается, что считает по серебряному курсу), то стоимость 1 км составляла бы 12—22 тыс. руб. асс. Между тем таких цен нигде не было. Об Англии нечего и говорить. Там дань землевладельцам настолько удорожала железнодорожное строительство, что конные дороги начала XIX в. обходились в 60—85 тыс. руб. асс. за 1 км., Стоктон-Дарлингтонская — в 108 тыс. руб., а Манчестер-Ливерпульская стоила баснословную цену — 355 тыс. руб. за 1 км. ⁶² В Америке, как по данным Шевалье, так и по более поздним сведениям Герстнера, 1 км железной дороги обходился в среднем в 60—65 тыс. руб. асс. Правда, были там и совсем дешевые рельсолежневые дороги, стоившие 26 тыс. руб., но зато другие дороги (из-за спекулятивных махинаций с землей) требовали расходов до 170 тыс. руб. за 1 км. ⁶³

Дорога Фролова, построенная на заводской земле, руками крепостных рабочих и из дешевых материалов местного производства (да еще учитывая общий уровень цен на Алтае начала XIX в.), не могла служить примером для расчетов стоимости сооружения больших железных дорог в 30-х годах XIX в. в России.

Ошибка Щеглова в прогнозах о стоимости будущих русских дорог связана с другим слабым моментом его работы: он всюду имеет в виду конные рельсовые дороги, которые действительно обходились значительно дешевле паровых. Но Щеглов почти не говорит о паровой тяге, ошибочно полагая, что последняя необходима лишь для зубчатых дорог. «Для обыкновенных повозок, — писал он (т. е. для составов с конной тягой. — В. В.), — дорога делается гладкая, а для паровых зубчатая, ибо колеса сих последних необходимо должны быть зубчаты». ⁶⁴

Напомним, что в 1829 г. (когда, видимо, Щеглов составлял свою статью) ни в одной стране, кроме Англии, вообще не существовало паровых железных дорог, а в Англии единственная значительная механизированная дорога (Стоктон-Дарлингтонская) наряду с локомотивами применяла и стационарные паровые машины и конную тягу. В наиболее популярной английской книге по железнодорожному вопросу Томаса Грея, выдержавшей к 1825 г. 5 изданий и дававшей, согласно подзаголовку, «все виды информации о рельсовых дорогах и паровозных машинах», имелось изображение единственной зубчатой

⁶¹ «Северный Муравей», 1830, № 1, стр. 5

⁶² См. нашу «Историю техники железнодорожного транспорта», 1938, в I, стр. 43, 77 и 95. Здесь и ниже перевод иностранной валюты на рубли ассигнациями сделан по курсу середины 30-х годов

⁶³ M. Chevalier Des intérêts matériels en France, Paris, 1838, pp. 385—391, F. Gerstner Berichte aus den Vereinigten Staaten von Nordamerika, Leipzig, 1839, ss. 15—17

⁶⁴ «Северный Муравей», 1830, № 2, стр. 14

дороги Миддлтон — Лидс, протяжением в 6 км, с зубчатоколесным паровозом.⁶⁵

Могли дезориентировать Щеглова и многочисленные зарубежные статьи, ставящие под сомнение преимущества паровых железных дорог над конными. Так, например, французский инженер Жирар (Girard), на которого нередко с большим почтением ссылались враги железных дорог в России, доказывал в 1827 г., что «применение паровых машин на железных дорогах в виде локомотивов находится на сегодняшний день в Англии еще под большим вопросом. Если даже допустить, вместе со сторонниками этого средства, что оно дает больше экономии, чем применение лошадей, то важно отметить, что топливо, потреблению которого обязана своим происхождением их движущая сила, извлекается ежедневно из естественных залежей, а обширное протяжение последних еще не делает их неистощимыми. Стоимость этого топлива будет, следовательно, подыматься не только вместе с ценою на все товары, но еще и по мере того, как оно будет становиться более редким.. Экономические расчеты, основанные на его нынешней стоимости, соответствуют лишь преходящему положению вещей и могут быть допущены лишь с этими оговорками. Эти размышления достаточны для того, чтобы регулировать с *мудрой осмотрительностью* применение паровозных машин и, может быть, чтобы ограничить его районами, соседними к угольным шахтам».⁶⁶

Дело было, однако, не в слабостях отдельных сторон работы русского ученого, а в силе общей направленности статьи. Такого решительного, убежденного призыва к строительству железных дорог в русской печати еще не появлялось, а за рубежом они были очень редки. К тому же Щеглов не просто высказывался в пользу железных дорог. Он вслед за Мордвиновым, но гораздо решительнее его, выступал с *конкретным проектом* определенной железнодорожной линии (Петербург — Тверь). Это был первый из целой серии проектов дорог между Петербургом и волжскими пристанями (Тверь или Рыбинск), выдвигавшихся позднее.

Идеи Щеглова получили неожиданную поддержку со стороны двух французских ученых Ламе и Клапейрона, работавших в корпусе и Институте инженеров путей сообщения (ныне ЛИИЖТ). Ламе и Клапейрон выделялись из среды своих коллег-иностранцев. В отличие от Дестрема, Базена и их единомышленников, они с уважением и симпатией относились к русскому народу и к своим русским ученикам, многие из которых сделались впоследствии выдающимися инженерами.⁶⁷ Начальство относилось к Ламе и Клапейрону подозрительно, как к «вольнодумцам» «После июльской революции их обоих предвараля, чтобы они свои мнения об этой революции держали про

⁶⁵ Th Gray. Observations on a general iron railway, or land steamconveyance S-th ed., London, 1825, титульный лист О дороге Миддлтон — Лидс см. также нашу «Историю техники ж.-д. транспорта», стр. 59—60.

⁶⁶ Girard. Предисловие к переводу книги F.-J. Gerstner. Mémoire sur les grandes routes., Paris, 1827, pp CXXV—CXXVI. Курсив мой.— В. В.

⁶⁷ «Русские отличались быстрыми успехами в прикладных науках и практических занятиях,—отмечали Ламе и Клапейрон.—Большая часть из воспитанников Института достигала в искусстве черчения такого совершенства, до которого едва ли могут возвыситься ученики Политехнической школы... (В Париже — В. В.). Сделавшись инженерами, ученики, отличившиеся успехами в прикладных науках, блистали своими знаниями и своей деятельностью. Не раз удивлялись мы, с каким искусством и самоуверенностью управляли они обширными работами и большими массами людей». (А. Ершов. О высшем техническом образовании в 3. Европе — «Русская беседа», 1857, стр. 33).

себя,—вспоминал инженер А. И. Дельвиг.—Это им было подтверждено и после варшавского мятежа Ламе повиновался, но Клапейрон пробалтывался. Вследствие этого в декабре герцог Александр Вюртембергский, конечно по приказанию императора, объявил ему о том, что он командирован в Вытегру. откуда возвратился только летом следующего года». ⁶⁸ В конце концов, обоих ученых вынудили уехать во Францию (в начале 30-х годов).

Некоторое время Ламе с Клапейроном приходилось заседать вместе с Дестремом в Комиссии проектов и смет и рассматривать различные новые транспортные проекты. Ламе и Клапейрон систематически пользовались случаем, чтобы высказаться в пользу железных дорог. Так, например, поступили они тогда, когда талантливый русский изобретатель Казимир Янкович предложил в 1830 г. свой проект «быстрокатов», т. е. скоростных паровых автомобилей. Ламе и Клапейрон подчеркивали в своем заключении «...Железные колеи (rails) представляют почти нечувствительные неровности при их соединениях (в стыках — *B B*) .. между тем как самые исправные дороги имеют несравненно большее число неровностей, гораздо чувствительнейших». ⁶⁹

Весною 1831 г. в Институте путей сообщения было организовано чтение публичных лекций. Ламе выступил с двумя лекциями о железных дорогах. ⁷⁰ По материалам архива Ленинградского института инженеров путей сообщения (ЛИИЖТ) нам удалось установить еще один важный факт. В программе для публичного испытания воспитанников института за 1832 год (очевидно, подготовленной для печати в 1831/32 учебном году) в курсе построения, в разделе «Избранные проекты из составленных по окончании курса построений (*Choix des projets par lesquels a été terminé le cours de construction*)» на первом месте стоит тема. «Железная дорога» («*Un chemin de fer*»). ⁷¹

В это время курс читался Клапейроном, до и после которого эту дисциплину вел выдающийся защитник рельсовых дорог, молодой русский инженер М. С. Волков, о котором еще придется говорить дальше. Нужно думать, что Клапейрон (как в дальнейшем и Волков) в своем курсе давал воспитанникам достаточные сведения по железным дорогам, чтобы требовать от них соответствующего курсового проекта.

Выступления Ламе и Клапейрона в пользу железных дорог и в стенах института и вне его вызвали особенное раздражение одного из главных вдохновителей официальной транспортной политики генерала Дестрема. Он решил лично ответить и Щеглову и Ламе с Клапейроном публичным же выступлением против рельсового транспорта.

«Морис Гугонович» Дестрем начал с того, что в Институте и корпусе путей сообщения в том же цикле публичных лекций прочитал свой ответ под названием: «О причинах неприменимости железных дорог к средствам и потребностям России». В этой лекции, как сдер-

⁶⁸ А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I, стр. 263. Мемуары Дельвига публиковались дважды. Здесь они всюду цитируются по рукописи, хранящейся в Музейном фонде Отдела рукописей Гос. публ. библиотеки им. Ленина.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 206, 1830—1832, о. 1, д. 824 Записка о введении в России путевых паровых экипажей, л. 12.

⁷⁰ См. Е. Соколовский. 50-летие Института и корпуса инженеров путей сообщения. СПб., 1859, стр. 39—41; А. Ларионов. История Института инженеров путей сообщения. СПб., 1910, стр. 93.

⁷¹ ЛИИЖТ. Программа для публичного испытания воспитанников ИКПС. СПб., 1832, стр. 124.

жанно сообщает официальный отчет, генерал-майор Дестрем, «отдавая полную справедливость счастливым результатам, которых достигли в Англии, старался доказать, на основании разности климатов и движения коммерции, что не настало еще время устраивать подобные дороги в России и что водяные сообщения заслуживают в ней предпочтения»⁷² В переработанном виде и под «беспристрастным» заглавием «Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей» («*Considerations générales sur les avantages relatifs des canaux et des chemins à ornières et application des résultats à la détermination du mode de transport le plus avantageux pour la Russie*») лекция была опубликована несколько раз.⁷³

Статья Дестрема явилась наиболее развернутым изложением всех доводов противников железных дорог. Она открывалась выпадом против Щеглова (погибшего в том же 1831 г.) Дестрем издевался над «некоторыми писателями», которые, «очевидно ослепленные выгодами заводских железных дорог», не ограничиваются описанием преимуществ рельсового транспорта там, где судоходство затруднено, но «смело утверждают, что железные дороги несравненно превосходнее судоходных каналов, и даже предлагают заменить ими водяные сообщения, что по справедливости возбуждает удивление всех сведущих в искусствах людей» По словам Дестрема, это происходит именно оттого, что эти авторы несведущи в инженерном деле. Они не умеют «оценить с строжайшей справедливостью те трудности, которые инженерное искусство преодолеть в состоянии», и вообще чувствуют, что компетентная дискуссия на эту тему превышает их силы, а между тем стараются доказать, что находятся на высоте новейших идей. Затем уточняется, что речь идет об авторе статьи «Железные дороги» в «Северном Муравье». Дестрему казалось тактически более удобным атаковать «дилетанта» Щеглова, чем собрата по инженерному делу Габриеля Ламе, которого трудно было упрекнуть в некомпетентности. Дестрем высокомерно заявляет, что Щеглов впал в столь «необъяснимую ошибку», что не стоило бы даже спорить с ним, но, снисходя к «живейшему интересу общества, все же считает нужным изложить вопрос во всей полноте, основываясь на заграничном опыте», с тем, чтобы затем «применить сии выводы к состоянию искусств (техники. — В. В.), климату, гидрографической конфигурации России и к коммерческим сношениям сей обширной империи с прочими частями света».⁷⁴

Дестрем на протяжении всей своей статьи — «излагая вопрос во всей полноте» и «применяя сии выводы» к России — передергивает и подтасовывает факты. Так, исчисляя стоимость железных дорог, он исходит из издержек на строительство *паровых* дорог (140 тыс. руб

⁷² Е. Соколовский Указ соч, стр. 40—41.

⁷³ Сначала в виде статьи она появилась в книжке 21 «Журнала путей сообщения» за 1831 г. в переводе инженер-майора Васильева. Журнал впервые нарушил свое молчание по поводу железных дорог, проводимое им с начала выхода в свет, лишь для того, чтобы скомпрометировать идею железнодорожного строительства в России. Во второй раз статья была опубликована отдельным оттиском в том же 1831 г. в ведомственной типографии. Наконец, через 4 года оригинал статьи был включен в сборник произведений Дестрема, вышедший на французском языке под названием «Записки о различных предметах, относящихся к инженерному искусству» («*Mémoires sur divers objets relatifs à la science de l'ingénieur*», St. Petersburg, 1835).

⁷⁴ М. Дестрем. Общие суждения и т. д., стр. 7—9 (оригинал «*Mémoires sur divers objets*», стр. 110—112) Ввиду того, что в значительной части перевод Васильева совершенно устарел, мы даем часто новый перевод по оригиналу.

асс. за 1 км), а когда сравнивает эффективность железной дороги и старых видов транспорта, то ведет речь о *конной* дороге. Если Щеглов в 1830 г. мог еще считать конные железные дороги нормальным типом для этого вида транспорта, то в 1831 г. (а тем более в 1835 г.) игнорирование Дестремом паровых дорог могло быть только сознательной уловкой. За эти несколько лет в железнодорожном деле произошли решающие сдвиги. Открытие Манчестер-Ливерпульской дороги 15 ноября 1830 г. завершило эти успехи. Щеглов был просто не в курсе последних достижений в области паровой техники. Иное дело Дестрем — он сознательно обходил эти достижения, чтобы непременно доказать, что *конная* железная дорога в три с лишним раза менее выгодна, чем канал. При этом Дестрем ссылается на уже известного нам «ученого инженера Жирара» и иных «просвещенных людей» (*les hommes éclairés*).

Основным аргументом против постройки железных дорог в России служит у Дестрема «суровый северный климат». Этот климат вообще имеет удивительное свойство — он не мешает судоходству (на каналах перерывы в движении «почти ничтожны» — *a peu près nulles*), но мешает железным дорогам. Дестрем доказывает, например, что ввиду промерзания почвы и вредного влияния морозов на каменные опоры, сооружение верхнего строения пути обойдется очень дорого, так как потребуются устройство каменного же фундамента под опорами. Идея о замене каменных ступеней в России деревянными шпалами почему-то не приходит в голову Дестрему, хотя за несколько лет до этого к статье в «Журнале мануфактур и торговли» было сделано следующее вполне основательное примечание: «Если у нас в России когда-либо заведут искусственные железные дороги, то гораздо будет выгоднее делать их на деревянном, нежели на каменном фундаменте». ⁷⁵ Снег представляется Дестрему непреодолимым препятствием. «В России достаточно одной ночи, чтобы покрыть дорогу общим слоем снега во много дюймов толщиной там даже, где почва защищена; но если дорога открыта любому ветру, как это обычно случается, то на нее местами наваливаются горы снега (*des montagnes de neige*), а при внезапном наступлении холодов снег затвердевает до такой степени, что для расчистки пути потребуются применение кирок и ломов. Эта операция, достаточно продолжительная и на обыкновенных шоссе, стала бы на железной дороге еще продолжительней и соответственно потребовала бы еще более времени и усилий, так как на железной дороге поверхность полотна устраивается ниже рельсов (*ornières*).» ⁷⁶

Общественное лицо Дестрема и его единомышленников выявляется полностью, когда он переходит от климатических доводов к экономическим. Дестрем исходит из положения, что Россия раз и навсегда должна быть поставщиком сырья для Запада, а своих товаров не производить, за исключением некоторых видов, которые он, Дестрем, ей милостиво разрешает «Другие естественные продукты и необходимые обработанные изделия для ее потребления будут посредством обмена доставлены из других стран . по более умеренной цене, чем если б она выделывала их сама», ⁷⁷ — решительно выносит свой приговор Дестрем. Он отрицательно относится ко всякому раз-

⁷⁵ «О железных или чугунных дорогах». «Журнал мануфактур и торговли», 1826, № 5, стр. 77.

⁷⁶ М. Дестрем. Указ соч., стр. 56 (148). Перевод мой. — В В.

⁷⁷ Там же, стр. 64 (154). Перевод мой — В В.

витию промышленности в России. Ему, например, представляется большим злом, если для ремонтных работ по железным дорогам придется устраивать механические мастерские (forges).⁷⁸

«Авторитет имени придавал незаслуженное значение этой статье, — вспоминал впоследствии П. П. Мельников, — и в течение некоторого времени у нас смотрели на дело железных дорог, как на дело, до нас не касающееся; предубеждение это сильно вкоренилось, особенно в понятиях влиятельных по управлению путями сообщений людей, которые поэтому тормозили всякое стремление к испытанию железных дорог в нашем отечестве»⁷⁹

V

«К испытанию железных дорог в нашем отечестве» приступили в 1833—1834 гг. выдающиеся уральские крепостные мастера Ефим Алексеевич Черепанов и сын его Мирон Ефимович. Об их великом достижении впервые рассказал русской общественности «Горный журнал», где сотрудничала группа передовых горных инженеров (вроде Сильвестра Гурьева), сторонников развития в России рельсового транспорта.⁸⁰

Подробная характеристика чугунной дороги и паровозов Черепановых выходит за рамки этой работы. Отметим лишь, что на Нижнетагильском заводе Демидовых по инициативе простых мастеров была блестяще доказана применимость паровых железных дорог в условиях русского климата. С 21 января по 4 февраля 1834 г. происходили пробные пуски первого в России паровоза Черепановых. Им приходилось преодолевать огромные технические и организационные трудности. Немало было в их работе и непосредственного риска. Так, в феврале 1834 г. произошел взрыв паровозного котла, по счастью не принесший человеческих жертв, и лишь к началу марта авария была ликвидирована. Но к августу 1834 г. все трудности были преодолены и первый «паровой дилижанец» в реконструированном виде стал ходить по первой чугунной рельсовой дороге. Заводская контора особым ордером приказала Черепановым строить дорогу до медного рудника, у подошвы горы Высокой и до Выйского завода (в 2 км от Нижнетагильского завода). Одновременно механики начали строить для Тагильской (или Нижнетагильской) дороги второй, более мощный паровоз, который был к марту 1835 г., как гласили документы того времени, «совершенно отстройкою кончен и перепускан» и «который с желаемым успехом действует».⁸¹

В процессе своей творческой деятельности Черепановы стали на один уровень с высшими достижениями зарубежной (т. е. собствен-

⁷⁸ М. Дестрем. Указ. соч., стр. 59 (150—151). Перевод мой.— В. В.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 2/в; д. 364. Сведения о русских железных дорогах, кн. 1, л. 17. Этот раздел работ частично публиковался в «Красном Архиве», т. 2 (99) за 1940 г. М. Крутиковым. Здесь она всюду цитируется по рукописи.

⁸⁰ См. «Горный журнал» за 1835 г., ч. II, кн. V и VII. Этот текст был перепечатан в ряде петербургских газет того времени (например, в «Коммерческой газете» от 8 июня, в «Русском инвалиде» от 12 июля, в «Северной Пчеле» от 11 июня того же года). Важные дополнительные данные о паровозе и работе Черепановых, основанные на изучении документальных материалов, приводятся у Тонкова («Горный журнал», 1902, № 5), у Бармина («Уральский современник», 1938, т. 1) и, наконец, у В. В. Данилевского (статья «Е. А. и М. Е. Черепановы», в сб. «Нижний Тагил», Свердловск, 1945, стр. 31 и сл., и книга «Русская техника»).

⁸¹ В. Данилевский. Русская техника, стр. 171—172. Автор справедливо отмечает, что труды Черепановых завоевали нашей стране право стоять в числе первых четырех стран мира, введших железные дороги с паровой тягой: Англия, США, Франция, Россия.

но английской — в других странах мало что делалось в этой области) железнодорожной техники, причем пришли к разрешению целого ряда конструктивных вопросов совершенно самостоятельно и само-бытно («по невозможности видеть внутреннее расположение машин» в Англии). Они создали паровоз с трубчатым котлом на 80 трубок (самый мощный степенсоновский паровоз того времени «Самсон» имел 89 трубок), с оригинальным механизмом обратного хода и т. д.

Паровая дорога Черепановых имела все технические предпосылки для того, чтобы выйти за пределы уральских заводов Демидовых и приобрести характер транспортного средства общего пользования. Однако для этого нужно было добиться систематической поддержки администрации завода, затем местных властей и, наконец, Петербурга, т. е. ведомства путей сообщения и министерства финансов. И первым шагом к этому должно было явиться освобождение Черепановых от других работ, чтобы они могли специально заняться своей дорогой. Вначале администрация демидовских заводов относилась к Черепановым поощрительно. Но вскоре дело Черепановых перестало интересовать заводскую администрацию. Всерьез механизировать заводской транспорт она не собиралась, предпочитая крепостную гужевую повинность «пароходным дилижанцам». Заводскую контору стало беспокоить, что талантливые механики отвлекаются от своих прямых заводских обязанностей. А таких обязанностей у обоих изобретателей было множество. В октябре 1835 г., т. е. как раз в разгар работы Черепановых над паровой железной дорогой, было издано специальное «Постановление о механических занятиях в Нижне-Тагильских заводах». Все «механические занятия» по девяти нижнетагильским заводам возлагались на Черепановых. Им предписывалось рассматривать, утверждать и осуществлять все вопросы «до механической части относящиеся». А когда изобретатели не выполняли в срок какого-нибудь поручения, им объявлялись выговоры «за небрежение воли и выгоды господ хозяев».⁸²

Продолжение творческой деятельности Черепановых в области парового транспорта фактически сделалось невозможным. Что касается властей, то их интерес к черепановской дороге был еще более фальшиво показным. Пермский гражданский губернатор Селастенников во время объезда своей губернии осенью 1834 г., как сообщалось в «Горном журнале», «удостоил сам испытания сего парохода, и проехав на оном помянутую 400 саженную дистанцию, изъявил удовольствие свое трудившемуся в устройении сего полезного для заводов предприятия».⁸³ На этом попечение начальства окончилось.

Знали ли в Петербурге о дороге Черепановых? Конечно, знали! Статьи «Горного журнала» были перепечатаны в наиболее распространенных газетах того времени. «Благонамеренная» печать считала признаком хорошего тона выразить «патриотические» чувства по поводу достижений русских мастеров. Булгаринская «Северная Пчела» с притворной гордостью восклицала год спустя после первых публикаций о Черепановых: «У нас есть свои машинисты: на наших заводах строятся *сухопутные пароходы*».⁸⁴ В ведомственной переписке с Герстнером 1835—1836 гг., как мы знаем, также не раз упоминалось о «чужунных дорогах, существующих уже много лет в нескольких местностях России», очевидно включая сюда и черепановскую.

⁸² А. Бармин. Сухопутный пароход «Уральский современник», 1938, т. I, стр. 230.

⁸³ «Горный журнал», 1835, ч. II, кн V, стр. 448.

⁸⁴ «Северная Пчела» от 25 апреля 1836 г., № 93, стр. 371.

И тем не менее «высшее начальство» проявляло к делу Черепановых полнейшее безразличие как до, так и после приезда в Россию Герстнера. Весьма характерно, что посетивший Нижнетагильский завод наследник престола великий князь Александр Николаевич (которому, кстати сказать, предстояло через несколько лет возглавить «Комитет для рассмотрения предположений о сооружении железных дорог») на чугунную дорогу Черепановых не обратил внимания ⁸⁵

VI

К «испытанию железных дорог в нашем отечестве» стремилась также и группа молодых, высоко одаренных инженеров, как правило воспитанников, а потом преподавателей Института путей сообщения, чьи традиции с честью поддерживают нынешние работники орденоносного ЛИИЖТ. Именно об этих передовых русских инженерах говорилось в одном из документов 1835 г. «В нашем корпусе инженеров путей сообщения найдутся многие офицеры, которые исполнят это дело не хуже Герстнера и других иностранных инженеров» ⁸⁶

Николай I относился к передовым русским инженерам подозрительно и придирчиво (при этом всерьез считая хорошим военным инженером себя самого!) Зато к иностранцам император всероссийский питал такое же пристрастие, как и его брат Александр. «Император Николай и великий князь Михаил Павлович. — вспоминал А. Дельви́г, — очень не любили инженеров путей сообщения, а вследствие этого и заведение, служившее их рассадником. Эта нелюбовь основывалась на том мнении, что из Института выходят ученые, следовательно вольнодумцы. Была еще и другая причина их нерасположения к Институту. В 1819 г. было учреждено главное инженерное училище и главным начальником его был назначен главный инспектор по инженерной части великий князь Николай Павлович, по вступлении которого на престол это звание перешло к великому князю Михаилу Павловичу. При всем видимом их нерасположении к ученым им было, однакоже, очень досадно, что Главное инженерное училище, по преподаванию в нем наук, стояло постоянно ниже Института» ⁸⁷

Теоретиком и идеологом этой группы инженеров был Матвей Степанович Волков (1802—1878) — личность в высшей степени интересная и своеобразная и почти не освещенная в нашей литературе (нет даже его биографии). Окончив в 1821 г. Институт путей сообщения, Волков специализировался по вопросам строительного искусства, но не замыкался в этой области. Наряду со статьями о строительном деле (впоследствии в Институте был литографирован его курс по этой дисциплине) Волков со второй половины 20-х годов печатает статьи: «О сообщении рек Волги и З. Двины», «Записка к проекту телеграфической линии от С.-Петербурга до Динабурга», «О паровозах на обыкновенных дорогах» и др., что свидетельствует о широте его интересов. Воспитанники института высоко ценили Волкова как профессора.

⁸⁵ Запись о его пребывании на Нижнетагильском и Выйском заводах лишь сообщает: «28 (мая 1837 г. — В. В.) были обозреваемы различные производства Тагильского и Выйского заводов, тамошние школы, госпиталь и знаменитый медный рудник, в который (наследник — В. В.) изволил опускаться... до места нахождения огромной массы малахита» (ЦИАЛ, Департамент горных дел, ф. 37, 1837, оп. 13, д. 369. О пребывании государя наследника цесаревича в заводах, л. 7).

⁸⁶ ЛИИЖТ. Материалы по устройству железных дорог в России, ч. III, л. 194.

⁸⁷ А. И. Дельви́г. Указ. соч., т. I, стр. 170—171.

В 1828 г. Волков стал профессором по курсу построений, был потом заменен Клапейроном, а в 1831 г. вернулся к чтению этого курса. К 1835/36 учебному году он добился официального разрешения на включение в программу своего курса большого раздела о железных дорогах. Не случайно, что когда в 1836 г. невежественный и наглый Наркис Отрешков выступил в печати против железных дорог, именно Волков принял этот вызов от лица передовой инженерной мысли и ответил Отрешкову убийственной статьей Огромной заслугой Волкова было то, что по его инициативе раздел курса построений, посвященный железным дорогам, был выделен (с 1838/39 учебного года) Н. И. Липиным в самостоятельный «курс о железных дорогах».

В последующие годы и десятилетия взгляды Волкова по железнодорожному вопросу вошли как составная часть в его общую систему политико-экономических и историко-философских воззрений.

В своих позднейших работах Волков развивал ряд материалистических взглядов, опровергая идеалистические построения некоторых своих друзей, например В. Ф. Одоевского. Правда, в своих попытках дать материалистическое объяснение психологическим законам Волков допускал часто упрощенное, механическое толкование. Но заслугой Волкова явилось то, что, не удовлетворившись современными ему «философскими системами истории», он искал новой, рациональной системы, основанной на изучении человеческой психологии и «законов общественной экономии»⁸⁸. Трудно, конечно, сказать, в какой мере тридцатилетний профессор строительного искусства начала 30-х годов пришел уже к тем выводам, которые он развивал в своих европейских известных трудах по политической экономии, френологии и т. д. 50—60-х годов. Однако основная ставка Волкова на всемерное развитие производительных сил, его уверенность в том, что с их ростом человек становится не только богаче, но и нравственно лучше, были присущи Волкову с самого начала его деятельности «Гений Наполеона стремился сблизить интересы континентальной Европы. — писал впоследствии Волков. — В то время для подобного сближения не было материальных средств. Но вот являются железные дороги и уничтожают расстояния; произведениями одного народа мгновенно пользуются все другие; заставы падают, национальные ненависти и зависти исчезают, все принуждены говорить, кроме своего, еще одним общим языком и пр. Предоставляю вашему воображению дополнить картину будущей связи между государствами Европы».⁸⁹

Подобный безудержный оптимизм не случаен. Волков был поклонником буржуазного либерализма. Он думал, что при полной свободе буржуазных отношений сама собою установится гармония личных и общественных интересов и возникнет «рациональное и гармоническое общество» со «справедливым (*équitable*) распределением богатств» и бурным развитием производительных сил. И обратно — успехи производства, транспорта, торговли будут, по Волкову, способствовать «физическому, интеллектуальному и моральному» усовершенствованию человека, так как «человек более или менее изменяется под воздействием всех употребляемых им вещей».⁹⁰ Противоречия капитализма, классовая борьба — для Волкова не существуют. Кстати, так же, как Волков, расценивали грядущую роль железных дорог и некоторые европейские защитники железных дорог, например буржуазно-либе-

⁸⁸ М. Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848) СПб, 1857, стр. 466.

⁸⁹ Там же, стр. 6.

⁹⁰ M. Wolkoff Précis d'économie politique rationnelle, Paris, 1868, pp. 99—100.

ральный экономист Мишель Шевалье В силу ограниченности их кругозора им было чуждо представление о том, что это великое техническое завоевание в условиях капитализма приводит как раз к обострению классовых и национальных противоречий, к повышению «застав» и к росту «национальных ненавистей и завистей».

Наиболее выдающимся пионером железнодорожного дела в России являлся, несомненно, Павел Петрович Мельников (1807—1880). Мельников окончил институт в 1825 г., был оставлен при нем репетитором, а затем стал профессором прикладной механики Его имя, как и имя Волкова, было помещено на мраморной доске Института — оба относились к числу «отличнейших». Во второй половине 20-х и в начале 30-х годов Мельников успешно производил гидротехнические работы — расчистку Волховских порогов, устройство плотин на Волхове и т. д. Он был крупным гидротехником своего времени. «Основания практической гидравлики» Мельникова даже в 50-х годах расценивались как «единственное пособие по этому предмету на русском языке».⁹¹ Мельников пользовался известностью и как строитель. В институте Мельников приобрел огромный авторитет в качестве профессора прикладной механики. Помощник директора ИКПС по учебной части генерал-майор Севастьянов указывал в одном из своих выступлений, что «майор Мельников назначен был для преподавания сей науки (прикладной механики.— В. В.) в 1832 г. и застал этот курс ограничивающим поверхностным изложением общих свойств машин в движении и устройства некоторых из них, так что весь текст сего курса состоял в 16 литографированных листах на французском языке».⁹² Мельников решительно перестроил этот курс и, что для нас самое важное, явочным порядком ввел в него ряд данных о железных дорогах. Записки по курсу, литографированные в 1833 г. и содержавшие лишь отдельные упоминания о новых видах транспорта, не устраивали Мельникова. По его словам, он заставлял студентов записывать, в дополнение к литографированному курсу, «до 80 листов».⁹³ Затем он, как увидим дальше, написал специальное учебное пособие, посвященное железным дорогам.

Мельников начал широкую и последовательную борьбу с транспортной отсталостью России. Он не был слепым поклонником зарубежных технических новинок. Тщательно и серьезно взвешивал он все достоинства и недостатки данного средства транспортной техники и пытался продумать перспективы его развития. Мельников считал неправильным увлечение одним каким-либо из новых видов транспорта. По его мнению, развитие русских путей и средств сообщения должно было идти одновременно и параллельно по трем направлениям: 1) постройка каналов, улучшение естественных водных путей и механизация водного транспорта (введение парохозяйства); 2) прокладка шоссе и механизация безрельсового транспорта (введение паровых дилижансов), а главное 3) постройка *сети* паровых железных дорог.

Не ограничиваясь защитой подобных взглядов, Мельников практически работал и в области распространения парохозяйства и прежде всего в деле создания русских железных дорог. Известно, какую выдающуюся роль сыграл он впоследствии в вопросе о проведении Петербурго-Московской железной дороги.

⁹¹ «Русский художественный листок». № 35 от 10/XII 1859, стр. 122

⁹² ЛИИЖТ. Журналы конференции ИКПС, 1837, л. 25.

⁹³ Там же, 1836, л. 12. Заседание конференции от 1/II 1836

Недостатком Мельникова был его слабый интерес к общественным вопросам (в отличие от Волкова) и политический индифферентизм. Односторонность специалиста, не подымавшегося над критикой отдельных лиц и отдельных недостатков существовавшего в те годы строя, не позволяла Мельникову правильно понять основные социально-экономические причины, задерживавшие развитие транспорта в России, или даже всерьез задуматься над ними. Наивность его доходила до того, что позднее, при вступлении в должность главноуправляющего путями сообщения царского любимца — свирепого реакционера Клейнмихеля, Мельников всерьез советовал этому арапчьевцу привлечь общественность к разрешению транспортных вопросов. В то время как Волков считал частное железнодорожное строительство наилучшей формой, Мельников отстаивал с самого начала государственное строительство, никогда, кстати, не продумав, кому же в конце концов служит николаевский аппарат государственной власти?

Наиболее привлекательной чертой Мельникова и его друзей был их искренний патриотизм, их любовь к русскому народу. Много соприкасавшийся с простыми русскими людьми на строительных работах, Мельников писал впоследствии: «В этой необыкновенной сметливости русского человека, вместе с другими прекрасными качествами его натуры.. именно свойствами.. терпения, настойчивости и находчивости в затруднительных обстоятельствах, пренебрежения опасностью, заключается верный залог большой и прочной будущности нашего отечества».⁹⁴

За исключением немногочисленных случаев, когда он считал допустимым разрешить ту или иную конкретную концессию иностранцам (конечно, под контролем правительства), Мельников возражал против привлечения иностранных капиталов (Волков в этом отношении занимал более терпимую позицию). Особенно возмущался Мельников попытками иностранцев захватить монополию на железнодорожное строительство в России. Именно подобные поползновения со стороны Герстнера настолько вооружили Мельникова против богемского дельца, что даже 35 лет спустя Мельников не мог спокойно вспоминать о деятельности Герстнера, не находя для него достаточно резких оценок.

Единомышленниками Волкова и Мельникова были Николай Осипович Крафт (1798—1857), которому предстояло (как и Мельникову) принять участие в разборе первых предложений Герстнера, а позднее разделить с Мельниковым честь строительства дороги Петербург — Москва,⁹⁵ Петр Александрович Языков (1800—1869), специализировавшийся на вопросах военно-стратегического использования транспорта, и ряд инженеров более позднего выпуска. Среди последних следует назвать Александра Ивановича Баландина, окончившего институт в 1831 г.,⁹⁶ историка и статистика; Николая Ивановича Липина, выпускника 1833 г., помогавшего, как мы знаем, Волкову в разработке первого специального курса железных дорог; Андрея Ивановича Дельвига (двоюродного брата поэта Дельвига, друга Пушкина), окон-

⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 229, д. 364, рукопись Мельникова, «Сведения о русских железных дорогах», лл. 85—86.

⁹⁵ Эта магистраль строилась с 1843 по 1851 г. Мельников возглавлял Северную дирекцию, а Крафт — Южную.

⁹⁶ Баландину принадлежит заслуга первого ознакомления русской общественности с трудами блестящей плеяды инженеров-путейцев этого периода (в публичной речи 1838 г.).

чившего институт в 1832 г; наконец, замечательного русского мостостроителя Станислава Валериановича Кербедза (1810—1899), со времени окончания института (1831) заменявшего Волкова во время командировок последнего, а потом ездившего вместе с Мельниковым за границу.

Именно эта группа русских инженеров добилась того, что воспитанники института стали постепенно знакомиться с железнодорожным делом. «В начале 30-х годов, — вспоминает Дельвиг, — в строительном курсе Института инженеров путей сообщения только упоминалось в общих выражениях о постройке железной дороги между Ливерпулем и Манчестером, сведений же о железных дорогах не давалось».⁹⁷ Материалы, хранящиеся в ЛИИЖТ, доказывают, что перелом наступил с 1834/35 учебного года, когда Мельников официально включил в свой курс раздел, посвященный железным дорогам, под названием «О дорогах колейных (в тексте калейных) и полосных». Этот раздел был внесен в программу публичных испытаний, разрешенную цензурой к печати в марте 1835 г.⁹⁸

Трудность положения Мельникова, Волкова и их единомышленников заключалась в том, что они зависели от своего путейского начальства, которое сохраняло позицию, неизменно враждебную новым видам транспорта. «Печатание статей служащим людям не допускалось иначе, как при строгой цензуре начальства», — вспоминал сам Мельников об этом периоде.⁹⁹ Ему сравнительно легко было выступать в пользу паромов, шоссейных и паровых повозок: руководство ведомства путей сообщения хотя и ничего не делало для развития этих транспортных средств, но разрешало доказывать их пользу. О железных же дорогах полагалось говорить только в отрицательном смысле. И все же Мельников сумел не только включить в программу железнодорожную тематику, но и издать первое в России специальное учебное пособие по железным дорогам. Работа эта была написана им в 1834 г. и вышла в свет несколько позднее. «В 1835 году, — вспоминал впоследствии сам Мельников, — я издал небольшое сочинение о железных дорогах — первое об этом предмете на русском языке; так что вынужден был придумывать номенклатуру многих технических слов, которые и поныне сохранились в технике инженеров».¹⁰⁰

Работа Мельникова свидетельствует о том, что к 1835 г. (с какого времени, по мнению поклонников «западных влияний», только начинается «возбуждение» железнодорожного вопроса в России) русская инженерная мысль в этом вопросе была совершенно зрелой. Мельников подробно останавливается там на преимуществах железных рельсов над чугунными, на проблеме ширины колеи, на устройстве стрелок (он ввел этот термин вместо старомодных «языков» и «плюгов») и т. д. Мельников полемизирует с общепризнанными английскими авторитетами (например, Вудом, сотрудником Стефенсона), доказывая, например, что при определении сопротивления рельсов движению поездов следует учитывать «изгибаемость железных полос под большими грузами», «сопротивление воздуха, особенно ощутительное при больших скоро-

⁹⁷ А. Дельвиг. Указ соч., т. I, стр. 488.

⁹⁸ ЛИИЖТ. Программа для публичного испытания воспитанников ИКПС СПб, 1835, стр. 160—161. Между тем в существующей литературе начало преподавания этого раздела обычно относят лишь к 1836 г., т. е. уже к периоду после приезда Герстнера.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 229, д. 364, рукопись Мельникова «Сведения о русских железных дорогах», л. 74.

¹⁰⁰ Там же, л. 3.

стях», и т. д. Вся работа Мельникова была построена так, что читатель сам должен был прийти к выводу о желательности скорейшего признания *паровых* железных дорог в России.

VII

В это время продолжали свою творческую деятельность и русские мастера-изобретатели. Так, например, к середине 30-х годов относится создание московским мещанином Иваном Кирилловичем Эльмановым¹⁰¹ конной дороги оригинальной системы. В настоящее время навесные (т. е. надземные) эстакадные дороги имеют широкое применение (например, на лесоразработках). Они могут строиться и на сильно пересеченной местности. Обычно подобные дороги являются однорельсовыми, т. е. на эстакаде укрепляется рельс, по которому движутся вагонетки особого устройства. По данным, существующим в нашей литературе о дорогах особых систем, начало их устройства за рубежом и в России, за одним-двумя исключениями, относят к 70-м годам прошлого века (речь идет об однорельсовых дорогах). А между тем Эльманов в середине 30-х годов построил «дорогу и повозку для перевозки тяжестей и руд при горных заводах»¹⁰² совершенно небывалой конструкции. По трассе дороги ставились столбы. На них утверждалось «два ряда не прерывающихся с конца в конец брусьев, раздвинутых один от другого вершка на 4». Между этими рядами брусьев укреплялись чугунные колеса 70 см в диаметре «на здоровых осях», имевшие по своей окружности выемку. По этим-то колесам должна была катиться повозка Эльманова, имеющая «на киле» особый полоз. Таким образом Эльманов перенес колеса на дорогу, а рельс — на повозку, имевшую 22 м в длину «Ярусы (повозки.— В. В.), — пишет современник, — спускаясь ниже киле, который бежит по возвышенной на столбах дорожке, заключают эту дорогу между собой».¹⁰³

Эльмановская «дорожка на столбах» привлекла к себе внимание деловых и административных кругов. Между московским директором инженерных работ де Витте и керчь-еникальским градоначальником Херхеулидзевым возникла переписка об использовании дороги Эльманова в Крыму для перевозки соли.¹⁰⁴ Сам изобретатель рекомендовал применить свою дорогу для перевозки золотоносного песка в Енисейской губернии. Среди лиц, подписавших в конце 1836 г. отзыв об этом изобретении, мы встречаем имя «верхотурского первой гильдии купца П. А. Бронникова». Еще за год до этого московские купцы П. В. Шишкин и Л. Б. Борисов участвовали капиталом в постройке под Москвой опытной дороги эльмановской системы, длиной в 25 верст, для перевозки «извести, белого камня и разного товара, который во время мелководья Москвы-реки должен сгружаться с приходящих барок».¹⁰⁵

Однако Эльманов не сумел взять привилегии на свою дорогу — очевидно, у него не было денег на внесение патентной пошлины. Привилегия на сходное изобретение была получена (в 1837 г.) высокопоставленным спекулянтом, другом шефа жандармов Бенкендорфа князем Э. А. Белосельским-Белозерским. Последний, захватив приви-

¹⁰¹ Имя изобретателя в современной ему печати писалось неправильно: «Эльманов». В позднейшей литературе о нем вообще не упоминается. Восстанавливаем имя этого талантливого мастера по документам (ЦГИАЛ, ф. Департамента ж. д., оп. 4, 1856, д. 207).

¹⁰² Там же, л. 3.

¹⁰³ «Журнал мануфактур и торговли», 1835, ч. IV, № 12, стр. 52—53.

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. Департамента ж. д., оп. 4, 1856, д. 207, л. 4.

¹⁰⁵ «Журнал мануфактур и торговли», 1835, № 12, стр. 49—50.

легию, не стал, однако, заниматься этим делом — его отвлекли какие-то аферы и поручения по полицейской части. Дело с навесными дорогами в России замерло на несколько десятилетий.

Примерно в те же годы, что Эльманов, над различными транспортными проектами работал предприимчивый делец и изобретатель Василий Петрович Гурьев. Среди прочих предложений Гурьев выдвинул своеобразие и смелый проект создания сети торцовых (деревянных) шоссе с установлением по ним регулярных рейсов паровых тягачей с прицепными экипажами.

В П. Гурьев не менее двух десятков лет занимался вопросами усовершенствования дорог. Его основная работа — «Учреждение торцовых дорог и сухопутных пароходов в России» была написана около 1835 г., но вышла в свет (в роскошно иллюстрированном издании in folio) полтора года спустя. Гурьев включал задачу ликвидации бездорожья в более широкую задачу развития производительных сил страны на буржуазной основе.

Гурьев считал, что посредством создания акционерных компаний можно вызвать к жизни дремлющие силы народного хозяйства и *обогнать передовые капиталистические страны, прежде всего Англию*. Ограниченность взглядов Гурьева проявлялась, прежде всего, в том, что он надеялся на чудодейственные результаты развития акционерных обществ в России без отмены крепостного права, при сохранении николаевского режима. «...Мы основываем все наши виды будущего процветания России на машинах, а машины находят себе жарких противников, — писал Гурьев. — Есть люди, которые считают машины злонамеренными и опасными. Полно, не шутят ли эти люди? Превосходить в полтора раза производительность Англии! Возможно ли желать высшего счастья? А оно отнюдь не далеко от нас, и достигнуть его не так трудно, как иным кажется. »¹⁰⁶ «Скажут, что для достижения этой высокой производительной силы в России нужны деньги и капиталы Англии, а мы их не имеем, — продолжает Гурьев. — Нет, мы имеем кой-какие деньги, а капиталы надобно составлять из этих денег посредством компаний... Все правительства постигают уже волшебную силу соединенных капиталов, действующую как рычаг Архимеда, но не все еще осмеливаются идти по следам Англии, хотя пример ее доказывает, что старинное изречение великого математика .. может быть переведено теперь словами: «Соедините мне из мелких акций нужный капитал, и я перевезу вам на парах по железным рельсам шар в другую солнечную систему».¹⁰⁷

Не отрицая пользы проведения железных дорог «с выпуклыми колесопроводами» в некоторых районах России, Гурьев полагал, что основная сеть дорог в России должна состоять из торцовых шоссе, по которым будут проложены железные полосы (вровень с поверхностью шоссе) для предохранения деревянной поверхности от изнашивания. В первую очередь такие шоссе Гурьев предлагал проложить от Петербурга до Рыбинска (с веткой на Вологду), от Петербурга на Могилев, Киев и Одессу, от Петербурга на Ригу, Гродно и Варшаву, от Москвы на Архангельск и т. д. Железные же дороги должны были соединить между собой столицы, а также Москву с Нижним-Новгородом, с Коломной и строиться на юге.

Технически проект Гурьева был незавершен. Он неправильно делал главную ставку на паровой безрельсовый транспорт и ошибочно пола-

¹⁰⁶ Гурьев. Учреждение торцовых дорог и сухопутных пароходов в России. СПб., 1837, стр. 66.

¹⁰⁷ Там же, стр. 70—71.

гал, будто бы проведение деревянных шоссе на больших расстояниях обойдется дешевле, чем сооружение железных дорог. Но следует заметить, что сходные заблуждения были сильно распространены в то время и среди европейских инженеров. В 1839 г., т. е. через несколько лет после опубликования книги Гурьева, в Париже вышла в свет работа некоего инженера Жарри (Jarry), немедленно же переведенная на немецкий язык и изданная также в Веймаре. Работа носила название «Деревянные дороги, как замена железных дорог». ¹⁰⁸ Жарри не упоминает о книге Гурьева, но полностью воспроизводит описанное Гурьевым устройство торцовых шоссе. Разница лишь в том, что французский инженер придерживается в двух вопросах технически более отсталых взглядов, чем Гурьев. Во-первых, он не предлагает совмещать шоссе с железными дорогами, а попросту рекомендует отказаться от последних, а во-вторых, советует применять «локомотивы» (паровые повозки) лишь в том случае, если топливо будет дешево. А в иных случаях Жарри стоит за возвращение к конной тяге. Таким образом, французский инженер воспроизводил, в ухудшенном варианте, проект Гурьева.

Выдвигались в России и железнодорожные проекты в собственном смысле слова. Так, в апреле 1834 г. в Главное управление путей сообщения была представлена записка коллежского советника Андрея Бестужева о пользе устройства железной дороги между Волгою и Доном. Нужные для постройки материалы, указывал Бестужев, могут быть доставляемы по Волге с казенных чугунных заводов Пермской губернии и с Шепелевских заводов близ Муром. Русское дворянство, купечество и заводчики, надеялся автор записки, должны будут «пожертвовать» значительные суммы на это предприятие, «чтобы не одно правительство несло издержки на оное». Сам Бестужев предлагал «пожертвовать» 6500 руб. асс. По его мнению, для начала строительства было бы достаточно от казны 2 млн. руб. асс. Для земляных работ можно было бы «употребить казенных и удельных крестьян Пензенской губернии, нуждающихся в продовольствии, с производством им, сверх содержания, умеренной платы». Предложение было оставлено без последствий. ¹⁰⁹ Проект Бестужева характерен для той группы помещиков-дельцов, которые, вступив на стезю буржуазного предпринимательства, стремились все же использовать старые методы крепостнического хозяйства, прежде всего эксплуатацию в принудительном порядке и «за умеренную плату» крестьянского труда (позднее с аналогичным проектом выступил и Голиевский и некоторые другие).

Иного рода было предложение Н. М. Гамалеи (1795—1859), выслужившегося из разночинцев государственного деятеля и дельца, весьма ценимого Мордвиновым. Занимая пост тамбовского губернатора, Гамалея всячески стремился содействовать подъему торгово-промышленных и транспортных предприятий, притом по возможности в крупнокапиталистической, акционерной форме. Тесно связавшись с местными купцами и помещиками, ведшими хлебную торговлю, Гамалея, сведя в систему и оформив их пожелания, выдвинул два очень интересных проекта. Сначала, в 1833 г., он разработал проект учреждения акционерной компании по организации судоходства по реке Цне — от Тамбова до Моршанска. Но разочаровавшись в своей первой попытке организо-

¹⁰⁸ Jarry. Les chemins de bois, substitués aux chemins de fer, Paris, 1839; Jarry. Die Holzbahnen als Stellvertreter der Eisenbahnen. Übersetzt von Dr. Schmidt, Weimar, 1839.

¹⁰⁹ И. Боричевский. Предположения частных лиц об устройстве железных дорог. «Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий», 1863, кн. I, стр. 127—128.

бать «сообщество» из тамбовских купцов и помещиков, Гамалея в начале 1835 г. выдвинул новый проект — о создании акционерного общества для постройки рельсовой дороги от Моршанска до устья Цны, с тем чтобы на Цнинской пристани товары вновь перегружались на речные суда и обычным путем доставлялись в столицы. Видимо, этот проект более заинтересовал местных дельцов. Гамалея сообщал, что «некоторые капиталисты изъявили уже мне желание взять акции на сие предприятие» «Акционеры приобретут величайшие выгоды, — писал Гамалея, — ибо все перевозки будут непременно совершаться по чугунной дороге, как по причине меньшей за перевозку цены, так и по неисчислимой выгоде от сокращения времени, ибо та же самая операция, которая ныне производится судоходством по р. Цне в три недели и более, с большими затруднениями и опасностью, будет совершаться в 4 или 5 суток. При соображении выгод от устройства чугунной дороги для акционеров оказывается, что дорогу сию надлежит устроить на расстоянии около 100 верст. Чугун по близости чугуноплавильных заводов и дешевизне перевозки будет стоить в деле не дороже 2 р 50 к за пуд, дрова чрезмерно дешевы, потому что все протяжение от Моршанска до устья избыточествует лесами, камень, песок, глина в большом изобилии; на всем протяжении от Моршанска до устья нет ни одного значительного повышения. По примерному расчислению, одна верста будет стоить, считая издержки на щебеночную насыпь, каменные ступля и чугунные колеи, не более 48 тыс руб; следовательно, устройство всей дороги и с паровыми машинами обойдется не дороже 5 млн руб» Гамалея считает, что акционеры получают не менее 16% дохода.¹¹⁰

Железнодорожный проект Н. М. Гамалеи представляет для нас особый интерес, как первое конкретное предложение этого рода, исходящее непосредственно из деловых кругов и являющееся органическим продолжением предыдущих проектов того же автора об усовершенствовании судоходного транспорта в дачном районе. Более чем сомнительно, удалось ли бы Гамалее довести до успешного конца организацию первого в России частного акционерного железнодорожного «сообщества», даже если бы правительство его и разрешило. Но до этого дело не дошло. Проект Гамалеи попал к новому главному управляющему путями сообщения Карлу Толю, мнение которого о железных дорогах уже приводилось выше. Н. В. Сушков, служивший под начальством Толя, в своих воспоминаниях рассказывает об отношении Толя к проекту Гамалеи в таких выражениях «Не могу обойти молчанием и странное его (Толя. — В. В.) предубеждение против железных дорог. Еще в мое время тамбовский губернатор Гамалея представил в Главное управление путей сообщения и публичных зданий предположение о проведении недлинной нити железной к Моршанской пристани ввиду ускорения подвозов к ней товарной клади и оживления местной промышленности, что, конечно, имело бы благодетное влияние и вообще на торговлю чрез сбережение времени и путевых издержек. Никакого пособия от государства на это не требовалось. Все заботы и пожертвования предоставлялись частной предприимчивости. И, однакож, полезное предположение не одобрено».¹¹¹

¹¹⁰ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903, т. X, стр. 472—476. Гамалея передал свой проект Мордвинову со следующим сопроводительным письмом от 28/X 1835. «Зная, сколь великое участие в. с. изволите принимать во всех предприятиях, имеющих целью общую пользу и славу отечества, я имею честь представить при сем на ваше усмотрение записку о предположении моем об устройстве чугунной дороги». Однако никакой реальной помощи Мордвинов оказать не мог (Архив графов Мордвиновых, т. VII, стр. 486).

¹¹¹ Н. Сушков. Воспоминание о Толе. «Чтения в ОИДР», 1865, кн. IV, стр. 212.

Оценку подобной правительственной политики с точки зрения торгово-промышленных крутов, заинтересованных в «полезных предположениях», попытался дать журнал «Библиотека для чтения». В интересной статье «Чугунные дороги», составленной в конце 1834 г., анонимный автор писал: «Пары произвели совершенный переворот в образе действия новейшего мира. Нынче не число людей, не капитал, но время составляет силу и приносит хорошие проценты.. Век наш во сто лет хочет прожить тысячелетие. Правительства, купцы и промышленники с самого начала постигли могущество паров; однако чугунные дороги устраиваются в Европе (подразумевается, конечно, в России.— В. В.) с удивительной медленностью». Далее ставится вопрос о причинах чрезмерно медленного развития «этих полезных учреждений». «Упорство или невежество некоторых теоретиков, тесные понятия земледельцев и алчность их — вот причины, наиболее задерживающие развитие чугунных дорог», — заявляет автор, опровергая аргументы врагов железных дорог. «Толкуют, что снег лучшее средство сообщения, нежели чугун. Снег тут несколько не пособит и быстрота зимней езды — просто оптический обман: вы должны ждать зимы несколько месяцев, а между тем товар у купца лежит, проценты на него прибывают, и цена его возвышается, часто даже удваивается от порчи утрат, сопряженных с перевозкою этого рода». «Должно признаться, — подчеркивает автор, — что несчастное упорство, в котором обвиняем мы английских помещиков, отнюдь не сговорчивей и в других странах Европы». ¹¹²

Из этих слов становится еще более ясным, кого имеет в виду статья. Далее подробно доказывается, какие именно выгоды получают от железных дорог купцы и фабриканты (которые «в один год успеют сделать четырехлетние обороты своим капиталом»), а также помещики, торгующие «произведениями земледельческими» («возвышение ценности земель») ¹¹³

Но если Гурьева, Гамалею и анонимного автора «Библиотеки для чтения» больше всего интересовала коммерческая сторона вопроса, то значительную часть ранних поборников парового транспорта занимала мысль не о «духе сообществ», не о «золотых спекуляциях» (как восторженно называл свои проекты сам Гурьев), а об общественной значимости железнодорожного дела. Конечно, в тех исторических условиях их вера в благодетельность технического прогресса, как такового, для народа — была наивна и ошибочна. Конечно, Волков, Мельников и их друзья не понимали, что и частнокапиталистические и государственные железные дороги будут использованы господствующими классами никак не в интересах трудящихся. Но верный инстинкт новаторов техники заставлял этих инженеров, рука об руку с мастерами-самородками, видеть в передовой технике завоевание, которое в конечном счете послужит благу родной страны и родного народа. Это чувство многие русские инженеры и ученые выражали в своих выступлениях противоречиво, смутно, а иногда и в шелухе буржуазно-либеральных фраз (вспомним философские рассуждения Волкова о «гармонии»). Но были в то время в России мыслители, подходившие и к более отчетливому пониманию того, что капиталистическая общественная форма, в которой предстояло развиваться русским железным дорогам и пароходству, является исторически преходящей, а новый, технически более совершенный русский транспорт послужит в конце концов освобожденному народу.

¹¹² «Библиотека для чтения», 1835. СПб. т. VIII, отд. III, стр. 106—108

¹¹³ Там же, стр. 120.

С большой силой выразил подобные мысли в 1842 г. В. Г. Белинский. Он писал о современном ему веке, что «дух меркантильности уже чересчур овладел им», что век этот «уж слишком низко поклоняется золотому тельцу». Но Белинский делал различие между интересами «меркантильного», «индустриального» века и интересами «будущей общественности». «Если наш век и индустриален по преимуществу,— писал он,— это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень хорошо, потому что *через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими врагами — материей, пространством и временем*». ¹¹⁴

¹¹⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 478—479.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

В. П. ВОЛГИН

ПЕККЁР

Вторая половина 30-х и начало 40-х годов XIX в. — время возникновения и деятельности во Франции тайных обществ, провозглашающих — в отличие от обществ первых лет июльской монархии — лозунг социальной революции. Эти же годы — время появления ряда значительных произведений социалистической и коммунистической литературы: «Путешествия в Икарию» Кабе, «Кодекса общности» Дезамн, «Ни дворцов, ни хижин» Пийо, «О человечестве» и «О равенстве» Леру, «Социальных судеб» и «Манифеста социетарной школы» Консидерана, первых работ Луи Блана и Прудона. На эти же годы падает расцвет литературной деятельности Пеккёра.

Костантен Пеккёр (1801—1887) прошел и через сен-симонистскую, и через фурьеристскую школу. В 1830—1831 гг. он принадлежал к сен-симонистам; первые его статьи были напечатаны в сен-симонистском журнале *Globe*. В 1833—1834 гг. Пеккёр участвовал в фурьеристских организациях и сотрудничал в фурьеристском органе *Revue du progrès social*. В 1836 г. он уже отошел от фурьеризма. В 1837 г. появилось первое значительное произведение Пеккёра — двухтомная работа *Des intérêts du commerce etc.* За нею последовали *Des améliorations matérielles* — 1839 г., *Appelaux 240 000, De la législation et du mode d'exécution des chemins de fer* — 1840 г., *La théorie nouvelle d'économie sociale et politique, De la paix, De l'armée* — 1842 г., *La République de Dieu* — 1844 г. В 1845—1847 гг. Пеккёр писал в газетах и журналах (*la Réforme, l'Avenir, la Revue indépendante*), участвовал в «Энциклопедии» Дидро.

Во время революции 1848 г. Пеккёр активно работал в люксембургской комиссии и вместе с Видалем составил общий доклад о ее деятельности. В 1849 г. он сделал неудачную попытку издавать журнал (*le Salut du peuple*). В 1852 он покинул Париж, поселился в провинции, где и прожил в глубокой бедности почти 35 лет, не принимая более никакого участия ни в литературной, ни в политической жизни страны.

Пеккёру не удалось создать собственной школы. Его тяжеловесные, сложные по своей структуре произведения не имели широкого успеха. Круг его влияния был очень ограничен, его авторитет — по сравнению с авторитетом Леру, Консидерана и даже Бюше — был совершенно не значительным. Его систему, не привлекающую к себе большого внимания современников и основательно забытую социалистами следующего поколения, выросшего после 1848 г., — извлекли из забвения в конце XIX и в начале XX в. историки, принадлежащие к правому крылу II Интернационала.¹ Их интерес к Пеккёру не чужд идеализаторских тенденций, их привлекают в учении Пеккёра те черты,

¹ Fournière. Les théories socialistes; Andler Le manifeste communiste, introduction et commentaire; Прокопович. Проблема социализма.

которые позволяют видеть в нем одного из предшественников оппортунизма. Такие черты в учении Пеккёра, несомненно, имеются, не заслуживая, конечно, идеализации, они заслуживают внимания и изучения. Но ими во всяком случае не исчерпывается для нас историческое значение наследия Пеккёра.

Пеккер пытался определить сам историческое место своей системы. Она имеет, по его мнению, четыре исторических корня: ее моральная, духовная основа восходит к христианству и библии, ее социальная и историческая сторона — к сен-симонизму; материальная характеристика ассоциации — к фурьеризму; политическая сторона системы, присущий ей дух равенства и свободы связывают ее с традициями Руссо и французской революции. В другом месте, говоря о своих предшественниках, Пеккёр упоминает также Платона, Мора, Кампанеллу, Фенелона. Оуена Пеккёр весьма высоко оценивает заслуги сен-симонистской и фурьеристской школ. Критическая часть этих учений, по его мнению, достаточно полна. Но органическая часть требует дальнейшей разработки. В этой разработке и видит Пеккёр свою задачу, а предлагаемое им решение этой задачи считает компромиссом между сен-симонизмом, фурьеризмом и коммунизмом.

Сен-симонизм Пеккёр осуждает за его авторитаризм, за то, что он исключает индивидуальную свободу и народное представительство. Сен-симонистской неограниченной теократии, системе назначения должностных лиц сверху Пеккёр противопоставляет принцип народного избрания для всех общественных функций. Основной порок фурьеризма Пеккёр видит в том, что он, отрицая принудительную власть, ведет к своеволию и анархии. Этой анархии Пеккёр противопоставляет принцип легального и обязательного единства действий. Наконец, в учении коммунистов он отвергает «абсолютное равенство», безусловную общность благ, выдвигая положение об «условном равенстве», о равном вознаграждении за эквивалентные функции.² Но как-бы ни ошибались сен-симонисты, фурьеристы и коммунисты, они, утверждает Пеккёр, более правы, чем их противники. Они бедны, их противники богаты; они с несчастными, их противники — со счастливыми. Из своих современников Пеккёр отзывался с большим уважением о Бюше и Леру. При всех частных разногласиях с ними он признает, что они происходят из тех же моральных и политических принципов, которые лежат в основе его системы, что их общие выводы близки к его выводам.

Эта близость обусловлена не только общностью «источников», о которой говорит Пеккёр, имея в виду, очевидно, сен-симонистскую философию. В гораздо большей степени она свидетельствует об общности той социальной почвы, на которой выросло и учение Пеккёра, и учение Бюше, и учение Леру. Для этих трех «систем» характерно, как общее им всем, не только то, что может быть отнесено к влиянию сен-симонизма, но и то направление, в котором они от сен-симонизма отходят.

Считая себя продолжателем дела Сен-Симона и Фурье, Пеккёр ставит себе целью создание «социальной науки» или, как он часто выражается, «новой теории социальной и политической экономики». Подобно всем выходцам из сен-симонистской школы, Пеккёр признает то положение, что в истории нет ничего незбылемого. «В том, что создают индивидуумы, поколения и народы, — заявляет он, — нет ничего

² С. Pécqueur. La théorie nouvelle d'économie sociale et politique. Paris, 1842, pp. V—VI (в дальнейшем цит. *Théorie nouvelle*).

прочного, ничего вечного. Законы, институты, нравы, даже формы культа и религиозные догмы, даже теология, даже мораль, все, что основано на самых бесспорных принципах, — все течет, все меняется, всему суждено расти и шириться, а затем выйти из употребления. Никакая конституция, никакая промышленная или экономическая комбинация, ни одна общественная среда не может быть окончательной и совершенной; и только невежда может утверждать, что человечество не пойдет дальше либеральной конституции XIX в., или что кто-то нашел абсолютную форму, в которую навсегда должно вылиться человечество». Общество всегда находится в переходном состоянии. Оно вечно движется.⁴ Чтобы ответить на вопрос о его будущем, нужен широкий исторический кругозор, надо, охватив в единой концепции века и народы, открыть закон и условия прогресса, которым подчинено это движение. Ибо все последовательно, ничто не возникает внезапно в нашем мире.

Одной из наиболее значительных, наиболее передовых черт «социальной науки» Сен-Симона является характерный для нее последовательный детерминизм. Сен-Симон стремится распространить на явления общественной жизни утвердившееся в области наук физических понятие каузальной закономерности. Исторический процесс в его представлениях столь же закономерен, как любой ряд явлений, изучаемый какой-либо из естественных наук. Правда, и у самого Сен-Симона, и еще больше у его учеников, учение об исторической закономерности не лишено телеологической окраски. Закон, устанавливаемый исторической наукой, не только вскрывает неизбежную причинную связь и последовательность явлений, но и выражает некую «волю, цель.. к которой человечество непрерывно приближается». У эпигонов сен-симонизма, к числу которых должен быть отнесен — с точки зрения его философских взглядов — и Пеккёр, идея целеустремленности решительно отбрасывает на задний план идею причинной необходимости. Историческая концепция Пеккёра — концепция телеологическая.

Исходным пунктом философско-исторического построения является у Пеккёра понятие бога. Бог — субстанция всех субстанций, причина всех причин. Пеккёр подчеркивает свое расхождение с сен-симонистами, растворяющими бога в природе. Он против пантеизма. Но он также против учений, превращающих бога в некоего изолированного от природы царя, чуждого делам мира. Небесный властитель должен быть связан с землею. Если человечество как целое подчиняется обязательному для него закону, то этот закон, как и все другие законы, исходит от бога. От него все права и обязанности. Отбросьте бога, говорит Пеккёр, и каждый сам для себя авторитет, страсти — всемогущи, человечество превращается в животный род, управляемый инстинктами.

Стремление обосновать социальную теорию на религиозных положениях характерно в большей или меньшей степени почти для всех утопических систем первой половины XIX в. В философии общества Пеккёра эта черта выражена весьма ярко. Но в то же время Пеккёр — ученик рационалистов XVIII в.: критерием достоверности является для него человеческий разум. Подобно теоретикам «естественной религии», он видит источник религиозной истины не в откровении, не в авторитете, а в природе и разуме. Бог обнаруживает перед нами свою волю через нашу природу, через наш разум, в меру наших коллективных усилий, направленных к познанию. Создатели так называемых «от-

³ *Théorie nouvelle*, pp 245—246.

⁴ С. Pecqueur. *Des intérêts du commerce*. Paris, 1837, p. 284.

⁵ *Ibid.* p 358 и сл

кровений» (*révélateurs*) — это люди, которые открывают или совершенствуют моральные истины. Ввиду слабости человеческого разума основные принципы религии и морали открываются первоначально через «основателей» религии, т. е. через гениев великих людей. В специальных «откровениях» бога нет никакой необходимости, провидение управляет людьми через них же самих.⁶

Религия Пеккёра отвергает идею «воплощения», идею божественности Христа, идею «первородного греха». Пеккёр резко выступает против идолопоклонства, таинств, «восточных» предрассудков и символов господствующей религии. Истинный культ состоит не в этом, а в практике закона братства. Принципы религии Пеккёр считает вечными. Такими принципами являются, по его мнению, бытие всемогущего и справедливого бога, свобода воли и моральная ответственность человека и, наконец, признание будущей жизни. Последнему положению Пеккёр придает большое значение. «Верить в бога, в свободу воли, долг и ответственность и не верить в будущую жизнь,— говорит он,— это значит начать фразу и не окончить. Если нет будущей жизни, наш закон — эгоистическое благополучие».⁷ С ростом просвещения должны неизбежно изменяться выводы, которые делают люди из вечных принципов религии. Поэтому религия может жить лишь прогрессируя. Религия умирает, когда она пытается закрепить без изменения (*immobiliser*) свои верования и положения.⁸ Прогресс Пеккёр относит к числу религиозных догм. «Без веры в прогресс и уважения этого закона нет истинной религии».⁹

Все в истории подчинено провиденциальному плану. Планом провидения определяется закон роста человеческого рода. И сила вещей и природа человека толкают человечество к осуществлению предустановленных целей. Конечная цель, к которой провидение ведет человеческий род, — это реализация на земле царства божия, т. е. наибольшего счастья всех через любовь каждого. Плану провидения служат расы; подобно нотам в гамме, они отвечают различным потребностям и целям, к которым провидение призывает человечество в его общественной деятельности; провиденциальный смысл имеют изобретения человеческого разума; изыскивая способы обогащения, заселяя и культивируя землю, человек в то же время реализует высокие цели провидения; тому, что предопределено провидением (*la fatalité providentielle*), содействуют все, сами того не сознавая. К осуществлению провиденциальных тенденций ведут человеческие страсти, без которых человечество было бы неподвижно и в своем благосостоянии, и в просвещении, и в морали, без которых оно оставалось бы в естественном состоянии животного или дикаря. К этой же цели ведет человечество внедренный богом в души всех универсальный принцип «распределительной» справедливости — основная сила, при помощи которой, по учению Пеккёра, божество осуществляет свой план.¹⁰

В чем же состоит этот принцип, который является «регулятором социальных актов», «единственным и абсолютным измерителем»? Он должен иметь силу закона повсеместно и во все времена. Он должен выдерживать проверку историческим опытом, должен быть узаконен нашей природой, освещен нашим разумом. Он должен давать логическое обоснование собственности и власти, существования самого общества.

⁶ *Théorie nouvelle*, pp. 64—83.

⁷ C. Pécqueur. *La république de Dieu*. Paris, 1844, pp. 42—43, 61.

⁸ *Ibid.*, p. 107.

⁹ *Ibid.*, p. 202.

¹⁰ *Des intérêts du commerce*, pp. XIII—XIV, 13, 228—231, 361—362 и др.

Он выражен в трех положениях: 1) не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе; 2) обращай с людьми так, как ты хочешь, чтобы обращались с тобой; 3) люби ближнего и человечество, как самого себя, и больше, чем себя. Эти законы для социальной жизни имеют, по мнению Пеккёра, то же значение, какое закон тяготения имеет для физических сил. Если доказательство закона тяготения состоит в опыте падения тел, то доказательство законов морали — в счастии, во всеобщей гармонии человеческого рода

Из трех основных моральных истин вытекает логически трехчленная формула «свобода, равенство и братство», которую в дальнейшем Пеккёр пополняет двумя новыми членами — единством и солидарностью. Лозунг «свобода, равенство и братство» провозглашен французской революцией, но он, по мнению Пеккёра, был, по существу, дан уже в евангелии. Век разума лишь подтвердил то, что внушала человечеству христианская мораль в виде заповедей. Происхождение философских формул и религиозных положений одинаково. Их истинность доказывается всем опытом жизни, они соответствуют природе вещей. Они авторитетны поэтому и для тех, кто верит в посланничество Христа, и для тех, кто верит в разум, ибо эти формулы — результат совершенно ясной дедукции разума. Вне этих принципов вся жизнь человечества оказывается подобной движущимся пескам. Отказываясь от них, мы должны признать, что жизнь подчинена праву сильного и слепой необходимости.¹¹

Необходимость не является, таким образом, для Пеккёра надежным руководителем по «движущимся пескам» социальных явлений. В соответствии с этим и «социальная наука», которую разрабатывает Пеккёр, не есть наука, ставящая себе целью изучение причинных связей и закономерностей в жизни общества. Социальная наука или социальная и политическая экономия (для Пеккёра — это синонимы) изучает все те явления и институты, которые содействуют высоким целям человеческого рода, — свободе, равенству, братству и солидарности. Общество представляет собою единый организм, аналогичный в своей общей экономике организму человека. Отдельные его институты тесно связаны. Индустрия составляет его питательный аппарат, пресса — нервную систему и т. д. Предмет социальной науки составляют поэтому и религия, и мораль, и право, и суд, и организация власти, и семья, и собственность, и наследование. Социальная наука занимается индустрией, сельским хозяйством, торговлей, отношениями людей между собою, их привычками, воспитанием, искусством, производством, распределением и потреблением материальных и духовных благ. Но цель ее — наилучшая организация общества, его институтов и человечества в целом. Ее основная задача — установить принципы, как бы освещающие интеллектуальное пространство, указывающие путеводную нить в лабиринте мыслей. Она должна дать идеальное построение, являющееся маяком для государственных деятелей, символом спасения и надежды для человечества, она должна дать принципиальную постановку вопроса об обществе. Теория занимается реальным лишь для того, чтобы уяснить идеал. Наука, которая подчиняется фактам, вместо того чтобы подчинить их своему закону, которая ограничивается анализом и установлением того, что есть, — это ложная наука. Истинная наука должна не рассказывать, а пророчествовать, должна раскрывать то, что *должно быть*. «Политическая экономия, — говорит Пеккёр, — не есть сухой и бесплодный анализ, который учит, как образуются, распределяются и

¹¹ Théorie nouvelle, 1re p 1—9

потребляются материальные богатства в настоящее время или в прошлом; это животворное знание, которое наставляет, как богатства всякого рода должны образовываться, распределяться и потребляться, чтобы быть законными и благотворными». ¹²

Пеккёру чуждо правильное понимание соотношения между анализом фактов настоящего и предвидением будущего. Поэтому он противопоставляет анализ и «пророчество». Поэтому он выступает против тех учений, которые пытаются раскрыть план прогрессивного развития человечества, исходя из истории или из космогонии — отмежевываясь тем самым и от Сен-Симона и от Фурье. «Нельзя обосновать ничего научного на толковании истории, — утверждает Пеккёр. — Три состояния О. Конта, концепции Фурье, сен-симонизма — Анфантена или Сен-Симона, членение истории Вико, Маккиавели, Гердера, католицизма, тезис, антитезис и синтезис... три или четыре последовательных открытия Бюшеза — все эти различные точки зрения, различные претензии на установление законов, различные подразделения и пустые гипотезы, число которых можно увеличивать до бесконечности, никогда не достигли точного знания конечных судеб человечества, даже ближайших веков его существования, т. е. положительного знания законов социального движения, на что претендуют творцы этих воображаемых открытий и в особенности Фурье». ¹³

Совершенный тип общества — цель, к которой идет человечество, — должен быть выведен разумом из преподанных человеку общих принципов, из врожденных понятий. Критерием его совершенства могут быть только разум и справедливость. Совершенный тип, идсал, обоснованный а priori, не зависит от условий среды. Чтобы его постигнуть, надо подняться над потоком фактов, а не плыть в этом потоке. Факты слепы и фатальны. Они плохи или хороши в зависимости от того, согласуются ли они с моралью, или нет. Если они плохи, с ними надо бороться, если хороши, надо их защищать. Факты, являющиеся продуктом эгоистических побуждений, лишь затемняют истину. Только знание неизменных общих принципов, только вера в «единую истину», призванную восторжествовать в мире, дают нам возможность открыть равнодействующую всего сложного комплекса социальных явлений: нравов, морали, идей, индустрии.

Общие принципы, устанавливаемые социальной наукой, неизменны. Но Пеккёр понимает, что возможность осуществления «совершенного типа» общества, выведенного из этих принципов, определяется не только его разумностью и справедливостью. При неизменности принципов частные установления различны. Наука дает принципы и общие средства без приложения к состоянию общества. Между тем применимость комбинаций науки определяется именно состоянием общества в данный момент; эти комбинации бесплодны, если их не поддерживают нравы и просвещение. Справедливость всегда остается справедливостью. Но страсти и предрассудки могут воспрепятствовать ее осуществлению. Надо различать внутреннюю ценность теоретических построений, способных обеспечить счастье людей, и степень морали и доброй воли народа. Необходимо бороться за то, что должно быть; но при этом приходится считаться с тем, что есть, с тем, что сильнее нас, что для нас фатально. Специфический характер социального механизма в тот или иной период его существования определяется не выводами априорной науки, независимой от эпох и обществ, а господствующими нравами и

¹² *La Réforme*, 1844, 26 февраля, цит. по кн. Марсу. С. Рескеурт, р. 41.

¹³ Рукопись «О философии истории» — цит. там же, стр. 166.

идеями Это обстоятельство, по мнению Пеккёра, отнюдь не лишает значения «столь охаянные ретрограды утопии», разрабатывающие основы нового социального здания. Невозможное сегодня станет возможным завтра. Дело науки — доказать разумность плана, предоставив его осуществление общей воле. Однако на этой позиции абстрактного теоретизирования Пеккёр не в состоянии удержаться. Он оказывается вынужденным уделять немало места в своих произведениях не только тому, что «должно быть согласно любви», но и тому, что «будет или может быть согласно фактам». А это неизбежно приводит его от дедуктивных умозаключений к рассуждениям на конкретно исторические темы, неизбежно вносит в его телеологическую философию общества элементы детерминизма.

В своих поздних статьях 1849 г. Пеккёр признает, что наряду со «знанием совершенного» имеет право на существование «знание возможного», т. е. того, что способно к развитию, того, что «становится». Социальная наука — как знание совершенного — исследует вопрос о том, что должно быть, отвлекаясь от условий места и времени. Социальная наука — как знание возможного — углубляется в недра реального и овладевает фактами, становясь социальным искусством.¹⁴

Совершенство, к которому провидение ведет человеческий род, имеет своим основным моральным принципом братство. Свобода и равенство без братства логически и социально бесплодны. Братство — творческий социальный принцип в наиболее точном смысле этого слова. Из братства вытекают преданность, долг и единство. Лишь при помощи братства из равных и свободных «я» создается человечество как коллективное и солидарное единство, в котором индивидуум не поглощается в целом, отождествляя себя с другими. Человечество приближается к совершенству путем прогрессивной социализации источников богатства, орудий труда, условий общего благосостояния, путем создания таких учреждений, которые содействуют реализации принципа братства. История ведет к освобождению земли и материалов от индивидуальной феодальной, к их незаметному превращению в собственность общую, коллективную, неделимую, неотчуждаемую и социальную.

В «*Salut du peuple*» мы находим несколько иную формулировку тех же мыслей. Провиденциальной целью человеческого общества Пеккёр объявляет здесь общность (*la communauté*), которой требует природа человеческих отношений. Зачатки этой общности имеются уже у дикарей, корни коммунизма весьма древни. Можно сказать, что общность составляет существо человеческого общества, что человеческий род рожден коммунистическим и умрет коммунистическим. Но у дикарей общность находится в эмбриональном состоянии. Это зерно нормального общества растет с прогрессом цивилизации, ибо цивилизация в своем существе есть развивающаяся и постепенно конституирующаяся общность. Следуя за сен-симонистами, Пеккёр утверждает, что эпохам нормальным, органическим в развитии общества соответствуют единство, солидарность, взаимность; индивидуализм, анархия интересов, разрыв социальных связей, ложная свобода, которую именуют *laissez faire*, — свойственны эпохам критическим, эпохам болезни общества, когда оно трансформируется или разлагается.¹⁵

Тот экономический порядок, к которому ближайшим образом идет человечество, Пеккёр чаще всего называет ассоциацией. Ассоциация

¹⁴ *Théorie nouvelle*, pp. I — III, XI — XV, *Des intérêts du commerce*, pp. XVI, 288 и др.; *Salut du peuple*, № 1, 12.

¹⁵ *Théorie nouvelle*, pp. 2—4; *Des intérêts du commerce*, t. I, pp. XI—XIII, II, p. 13; *Salut du peuple*, № 1, 16—18.

установится не потому, что ее придумали философы, не в результате пропаганды доктрины — она войдет в жизнь в силу вещей (*par la force des choses*), она возникнет как последовательный и необходимый результат большого исторического процесса. Мы идем к ассоциации и к социализации *фатально*, — говорит Пеккёр. К ним ведут изобретения гения, новые машины, развитие которых имеет провиденциальное значение; к ним ведут также религия, мораль, политика. Основной, первичной, определяющей силой в этом сложном и многообразном историческом процессе является моральный и интеллектуальный прогресс. В своем учении о движущих силах истории Пеккёр остается верен сен-симонистскому идеализму, как ни велик его интерес (нам еще придется об этом говорить) к развитию производительных сил и к их влиянию на судьбы человечества. Это и неудивительно исторический идеализм логически вытекает из пеккёровского учения о провидении и о провиденциальном плане, осуществляемом в истории. Пеккёр убежден, что религия и мораль призваны покорить мир, а это неизбежно связано с признанием того положения, что идея господствует над фактами. Экономика общества, утверждает Пеккёр, покоится на моральных и религиозных верованиях, власть и закон — на мнении. Религия долга, милосердия и равенства служит базой социального здания. Просвещение способствует движению человеческого рода к его провиденциальному назначению; невежество в отношении законов природы его задерживает. Основные положения, преподанные религией, вечны и всеобъемлющи; но их понимание и их общественное значение изменяются с ростом знаний и морали; при неизменности цели, к которой идет общество, средства, находящиеся в его распоряжении, растут. Мораль — точка отправления и движущая сила всякого прогресса. Всякое улучшение всегда было связано в истории с новыми идеями и чувствами, с развитием разума. Мораль освободила человечество от рабства и крепостничества, подготовила освобождение коммун, внушила идеи свободы, равенства и братства, осуществила французскую революцию. Европа — создание христианской морали. Эта мораль и сейчас составляет надежную почву для дальнейших изменений общественного порядка. Материальному прогрессу, социализации должен предшествовать прогресс моральный — пробуждение религиозных идей, сознание долга перед богом и перед ближними, стремление к братству. Равенство условий установится как результат прогресса общей морали.¹⁶

Нравы и просвещение относятся к фактам экономической и социальной жизни, как причина к следствию. Наилучшим примером того, как применяет Пеккёр это положение, служат его рассуждения о собственности и о социальной иерархии.

Организация собственности, как и другие социальные институты, на протяжении истории человечества изменялась не раз. Это затрагивало частные интересы, но общая социальная цель выше частных интересов. Способ регламентации собственности всегда отражал нравы данного времени, господствующие идеи о боге и о человеке. Это как бы перевод на язык социальных отношений морального и интеллектуального состояния народа. Этим объясняется вся история собственности. Сопоставим, говорит Пеккёр, древность с верой в природное неравенство людей, в различие их происхождения и христианство с верой в единство человеческого рода, в равенство и братство. Это сопоставление

¹⁶ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 143, 150, 284—287, 445—447; t. II, pp. 13, 127—129, 228—231 etc.

убедительно доказывает зависимость между возможностью обладать и наследовать, с одной стороны, и состоянием верований и идей — с другой. Присвоение и передача богатств по наследству всецело подчинены верованиям. Все улучшения в этой области связаны с развитием человеческого разума. В древности царит вера в существование двух пород людей — божественного и животного происхождения. Небольшое число лиц, принадлежащих к первой группе, монополизируют социальные преимущества. Они только одни пользуются правом собственности. Вторая группа не допускается к обладанию богатствами. Общество создано для «высшей расы», которая считает представителей «низшей расы» своими рабами. Человек подчинен человеку, его произволу, а не общественному долгу. Только «высшие» соединены в семьи, и семья считается самым надежным путем передачи не только богатств и орудий труда, но и верований и специальности. Рождение является в это время как бы особым способом избрания (*election tacite*). Считается, что сын является наиболее подходящим преемником для отца, так как он имел возможность получить от отца его опыт. Родственная связь — единственное средство поддержания порядка. Из всей этой совокупности условий вытекает наследственность профессий и власти. Иерархия во всех отраслях основана на рождении. Все частичные улучшения этого порядка являются скорее тенденцией, чем реальностью; пока еще царит вера во множественность происхождения, равенство не соответствует религиозным идеям. Поэтому попытки уравнивания — аграрные законы, восстания рабов — не приносят реальных результатов. Общество идет к своему упадку. Лишь христианство приносит новое верование. Все люди братья — дети единого отца, все равны перед волей божией. Новая моральная доктрина создает новую базу для собственности. Учение Христа устанавливает родство «по духу». Отсюда вывод: родство «по плоти» не может служить основанием для наследования. Все, кто хочет принять участие в социальном деянии, должны иметь к тому возможность; им не может быть отказано в праве выбрать себе в обществе соответствующую функцию, и следовательно — в орудиях труда. Так из христианства вытекает идея новой иерархии способностей, которая должна заменить иерархию рождения.

Иерархия из субординации лиц превращается в субординацию функций. Первый пример такой иерархии дал католический клир. Но черты старой языческой иерархии исчезают лишь постепенно. В феодальных конституциях они были очень сильны вплоть до 1789 г. Россия, уклонившаяся с греческой схизмой от духа христианства, до сих пор (1836) коснеет в рабстве. И в странах Западной Европы порядок, соответствующий христианской морали, далеко не полностью утвердился. Конечно, превращение рабов в наемных рабочих было большим шагом вперед, но за ним должен последовать второй шаг. Наемные рабочие должны освободиться от излишних посредников, их эксплуатирующих.¹⁷ Доводы против наследственности действительно сверху донизу по всей иерархической лестнице и по всем линиям разделения труда. У нас нет наследственности должностей. Но разве культура земли не является также общественной функцией? Полное осуществление всех выводов из принципов христианства требует социализации орудий труда, превращения их в неотчуждаемый общественный фонд. Весь социальный организм должен представлять собою сложную иерархию функций, передаваемых не от отца к сыну, а от способного к способному.¹⁸

¹⁷ C. Pecqueur *Des améliorations matérielles* Paris, 1839, p. 69.

¹⁸ *Des intérêts du commerce*, t. II, pp. 9—11, 469—494.

Факты экономического порядка как будто обладают собственной активностью. В действительности, утверждает Пеккёр, им дают первоначальный толчок идеи и чувства. Однако, не представляя собою самостоятельного ряда, экономическое развитие играет большую роль в планах провидения и по своей функции, и по своим последствиям. Для осуществления этих планов недостаточно морали, воля нуждается не только в знании цели, которую указывает мораль, но и в средствах ее достижения, а эти средства дают богатства, создаваемые индустрией. Непосредственно материальные средства не влияют на волю: ничто механическое не может сделать людей добродетельными и мудрыми. Тем не менее развитие морали и просвещения, по мнению Пеккёра, невозможно без материальных улучшений. Бог хочет изобилия, а не бедности, радости, а не печали. Учение Христа — доктрина счастья в этом мире. Достижения разума, благородные чувства прочны только тогда, когда удовлетворяются телесные потребности. «Обогащать значит просвещать».¹⁹

Хотя мораль и религия важнее индустрии, сейчас европейским обществам нужны богатства для реализации заветов, провозглашенных евангелием и французской революцией. Моральные, интеллектуальные и материальные улучшения тесно связаны. Все три процесса — в плане того движения, которое дает творец живым существам и природе. Удовлетворение потребностей не есть высшая цель, но оно является условием достижения последней.

Поэтому новые машины (новые двигатели), ведущие к материальным улучшениям, по мере своего распространения должны вызвать изменения в конститутивных элементах общества. Их воздействие на социальную экономию отразится неизбежно на идеях, на нравах, на верованиях и чувствах народов. Они в конце концов радикально преобразуют гражданскую жизнь и социальные отношения, поставят под вопрос существование, мощь и равновесие империй.²⁰

Материальные улучшения имеют свойство удовлетворять личные и общественные потребности, увеличивать общую сумму полезности. В этом смысле они приносят пользу всем: рабочим и предпринимателям, производителям и потребителям, государству и человечеству. Однако Пеккёр понимает, что при существующих условиях они не способствуют ни лучшему распределению, ни свободе большинства. В качестве примера он указывает на Англию, где общее обогащение сопровождалось обеднением рабочих. Те же тенденции имеются везде, где крупным производством вытесняется мелкое. Материальные улучшения, таким образом, сами по себе не обеспечивают собственности и благосостояния.²¹ Причина этого разрыва между ростом числа полезных продуктов и ростом благосостояния — аморальная конкуренция, господствующая в обществе, свирепствующая в нем «свободная борьба эгоизмов», отсутствие социальной предусмотрительности, слабость чувств христианского братства. Предприниматели конкурируют с предпринимателями, рабочие с рабочими, война идет между потребителями и продавцами, между продавцами и производителями. Эта борьба ведет к снижению цен, которое легче всего достигается за счет снижения заработной платы рабочих. Этот путь тем легче, что применение машин вытесняет рабочие руки из производства и бросает на рынок людей, готовых продать себя за любую цену. При такой конкуренции не может

¹⁹ Des améliorations matérielles, pp. 32—33, 41, 60.

²⁰ Ibid., pp. 7—13; 301.

²¹ Ibid., pp. 62, 66.

быть общего благополучия, материальные улучшения будут приводить не к преуспеянию, а к пауперизму.²²

Новые машины могут быть приспособлены временно даже к старым неподвижным нравам (например, в Китае). При существующем порядке они могут явиться источником монополий, новых привилегий, создать опасность увлечения материальными благами. Развращенные классы видят в них способ удовлетворения своих порочных наклонностей. Благосостояние без религиозных чувств может вести к вырождению. Чтобы предупредить опасные последствия материальных улучшений — феодальную концентрацию состояния, развитие монополий, рост пауперизма, вырождение, — необходимо, чтобы направление этого движения взяли в свои руки правительства, чтобы оно не было предоставлено случаю, частным интересам.²³

Развитие машин неизбежно. В конечном результате, утверждает Пеккёр, их распространение приведет к укреплению религиозных чувств, будет содействовать возвращению человечества к богу, реализации на земле истин, проповедуемых христианством. Человек не может быть добродетелен и просвещен в нищете. Чтобы он был счастлив, необходимы, с одной стороны, знание и исполнение моральных законов, с другой — знание и использование законов природы для удовлетворения человеческих потребностей. Развитие машин — признак совершенства цивилизации; чем больше машин, тем выше цивилизация, ее духовная сторона, ее мораль. Провиденциальное назначение изобретений выше вызываемых ими временных неудобств. Однако выполнить это назначение они могут лишь при том условии, что они перестанут быть привилегией меньшинства — лишь на основе прочной христианской морали, при помощи религиозной интерпретации.²⁴

Отнюдь не будучи в своей исторической теории материалистом, Пеккёр, тем не менее, уделяет большое внимание вопросу о влиянии новых машин на общественные отношения. Посвященные этому вопросу страницы его трудов составляют весьма интересную часть его литературного наследия. Разработка этой темы приводит его иногда к положениям, плохо согласующимся с его общей идеалистической концепцией и дававшим основание говорить об элементах исторического материализма в его учении.

Определив направление прогрессивного движения человечества, фатально идущего к ассоциации, установив, что основной движущей силой прогресса является мораль, Пеккёр предупреждает, что открыть тенденцию отнюдь не значит достигнуть цели. Обращаясь к рассмотрению конкретной исторической действительности, он констатирует в ней наряду с силой, ведущей вперед, к цели, предуказанной провидением, — также силы реакционные, зло, с которым предстоит бороться, чтобы к этой цели притти. Эти силы — сомнение, неверие, эгоизм. Духу ассоциации противостоят дух спекуляции, человеколюбие — жадность, любовь к материальным благам.

Эгоистические тенденции, стремление к индивидуальному обогащению весьма ярко сказываются в экономике современного общества. «В нем каждый производит, — говорит Пеккёр, — то, что он хочет, как он хочет, производит хорошо или плохо, производит слишком много или недостаточно, слишком рано или слишком поздно, слишком дорого

²² Ibid., pp 67—68.

²³ Ibid., p. 70.

²⁴ Des intérêts du commerce, t. II, pp 25, 268, 288, 459, 467—468, t. I, pp 228—231, 351 и др., Des améliorations matérielles p. 43.

или слишком дешево. Производитель игнорирует потребности и ресурсы, спрос и предложение. Он продает, когда он хочет, где он хочет, кому он хочет, по какой хочет цене. Отсюда вытекают, как неизбежное следствие, постоянные и универсальные банкротства, просчеты, неожиданные разорения и внезапные обогащения, торговые кризисы, безработица, сменяющие друг друга перепроизводство и нужда, неустойчивость и понижение заработной платы и прибылей или громадное расточение богатств, времени и усилий на арене ожесточенной конкуренции». ²⁵

В основе почти всех зол общества лежит, по мнению Пеккёра, ложная конституция собственности, право индивидуального присвоения земли и орудий труда. Всякое материальное богатство, рассуждает Пеккёр, есть продукт соединения двух элементов — труда и материи труда. Полезное воздействие труда — необходимое условие богатства. Произведенное богатство распадается на две части: часть, предназначенную для потребления, и часть, предназначенную для нового производства. Последняя часть также потребляется в процессе воспроизводства, сама служит материей труда. При существующем порядке многие не имеют в своем распоряжении материи труда и зависят поэтому от себе подобных. Тот, в чьих руках орудия моего труда, является моим господином, — говорит Пеккёр — если от него зависит предоставить их мне или отказать в них. Равенство, очевидно, требует, чтобы орудия труда находились не в руках индивидов, но в руках общества. Материя труда как объект присвоения получает имя собственности. Люди, не обладающие ею, как бы дают займы собственникам свой труд. За это они получают часть тех богатств, которыми располагают собственники, либо тех, которые создаются в результате активности несобственников. Происходит обмен рабочей силы (*les bras*) на средства существования. Люди, обладающие материей труда, как бы подставляют ее вместо труда и обогащаются не работая. Так материя, не создающая богатства без труда, получает магическую силу производить богатство для ее собственников. Если труд одного рабочего приносит 40 франков в год, то собственник, получающий 2 тыс. франков ренты, обязательно заставляет на себя работать 5 человек. Для трудящегося остается при этой сделке сумма, позволяющая ему жить на границе умирания (*la vie mourante*), сохранять и продолжать свою расу. И эта сумма имеет тенденцию к постепенному понижению. Конкуренция, анархия производства, отсутствие связи и солидарности между производителями и потребителями — все это результат индивидуального присвоения материи труда, результат права собственности, как права пользоваться и злоупотреблять. ²⁶

На почве противоречия материальных интересов в обществе разгорается внутренняя борьба. Общество представляет собой как бы военный лагерь, а гражданин кажется в нем побежденным врагом. ²⁷ В этой борьбе на одной стороне находятся сторонники «ложной и опасной демократии», на другой — защитники существующего порядка. Политику первых — «демократов» — Пеккёр резко осуждает. Им свойствен поверхностный радикализм, они ведут общество к разрушению, первыми жертвами которого окажутся те самые «бедные классы», в чьих интересах будто бы и идет борьба. Подымая знамя, на котором начертаны лозунги братства и христианской любви, они внушают людям нена-

²⁵ *Théorie nouvelle*, pp. 415—416

²⁶ *Théorie nouvelle*, pp. 404—416; *Salut du peuple*, № 1, 23; № 2, 17, 22; № 3, 18.

²⁷ *Des améliorations matérielles*, p. XVIII.

висть и низкую зависть к высшим классам. Они проповедуют бунт, перманентную революцию. В результате их пропаганды среди бедных классов растет отвращение к труду, ненависть к авторитетам, анархическая враждебность к обществу и его основным требованиям. Не понимая условий развития наук и искусств, не понимая значения культурных навыков, «демократы» стремятся свести жизнь культурных классов к «ложной простоте». Пеккёр считает вредным для общества эти тенденции грубо уравнилельного характера.

И все же Пеккёр признает, что «демократы» руководствуются хотя и ложными, но благородными идеями. Их противники не имеют никакого оправдания. Они борются за приобретенные права, защищают свои удовлетворенные интересы. Это скупцы, дрожащие над своим сокровищем. Для них бедность — порок, добродетель — лицемерие, жертва — безумие. Отечество воплощается для них в семье и лавочке, человечество — это их дети. Их мораль — волчья мораль. Они нечестивы, они виновны в нарушении основных принципов, провозглашенных христианством. К их числу принадлежит значительная часть аристократии, торговцев и мануфактуристов.²⁸

Таким образом, современному обществу грозят две опасности: материализм или любовь к богатствам, с одной стороны, презрение к порядку и власти — с другой. Тем не менее Пеккёр верит, что общество эти опасности преодолит, что это кризис, а не конец, что за кризисом последует «очищение». Симптомы грядущего «очищения» он видит в мире между культурными народами, в либеральных реформах, в росте трудолюбия. Законы о народном образовании, освобождение темнокожих, забота государств о стариках и детях, даже о преступниках, борьба против смертной казни — все эти факты укрепляют надежды на лучшее будущее. Укрепляет уверенность Пеккёра в благополучном преодолении кризиса также и то обстоятельство, что в массах, наряду с «умеренным» желанием улучшений, сохраняется «чувство порядка и повиновения». Это чувство восходит, по его мнению, своими корнями к живой моральной силе, присущей христианству.²⁹ Чем прочнее авторитет религии, тем меньше опасности радикализма и своеволия; в этой связи Пеккёр с удовлетворением отмечает большое влияние религии в Соединенных Штатах Америки и в Англии. Впрочем, иногда Пеккёр допускает возможность временного торжества «ложной демократии». «Грязная демагогия», дух мятежа могут временно овладеть невежественными и воспитанными в традициях рабства массами и привести к «пагубным отклонениям». Демократия может стать тиранической и подчинить «чрезмерному» равенству богатый и культурный класс. Это будет, по мнению Пеккёра, «пародия на демократию». Если такой режим установится, то потребуются годы, чтобы эта реакция против ныне существующего зла исчерпала себя. Но в конце концов люди вернутся к пункту, который они не должны были бы переходить. Так всегда шло развитие человечества, — замечает Пеккёр по поводу своего гипотетического построения. Человечество, чтобы достигнуть цели, должно как бы впасть в преувеличение. Всегда кажется, что нужно требовать большего, чтобы получить необходимое. Так будет продолжаться до тех пор, пока не распространится сознание того, что отвращение к злу часто повергает в другое зло.³⁰

²⁸ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 288—291.

²⁹ Ibid., pp. 284—285; см. выше, стр. 176.

³⁰ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 297, 342.

В этой потрясающей современное общество борьбе сил новые машины, в частности и в особенности новые мощные двигатели, играют весьма значительную роль.

Они *объединяют, обогащают и просвещают* людей.

При прежних орудиях производства господствовал труд в одиночку (*travail solitaire*), индивид редко соприкасался с миром. В настоящее время жизнь толкает людей к непрерывному контакту друг с другом. Пеккёр прекрасно понимает, что распространение машин имеет своим неизбежным следствием крупное производство. Там, где появляются машины, мелкая индустрия не может бороться с крупной. Машина побеждает, ибо она ведет к сокращению издержек производства. «Если преобразование в способе производства обещает понижение цен продуктов, оно непременно совершится». Но для того, чтобы машины дали этот результат, производство должно быть организовано в крупных размерах. Новые машины *заставляют* объединять производство в больших мастерских. Рабочие селятся в больших общих домах. Население в промышленных районах достигает большой плотности. С другой стороны, объединению, сближению людей содействуют железные дороги, облегчающие их сношения. Легкость передвижений разрушает преклонение перед домашним очагом, «дух колокольни». Совместные путешествия, по мнению Пеккёра, более способствуют росту братских отношений между различными классами, чем проповеди трибунов демократии. Железные дороги бросают человека в человечество.³¹ Наконец, железные дороги, создавая условия для быстроты действий власти, приводят к большей сплоченности государств. А с другой стороны — они облегчают для народов задачу защиты народных прав.³²

Рост богатств является непосредственным результатом роста производительной силы машин. Но богатства растут также вследствие той экономии сил и капиталов, которая получается в связи с улучшением транспорта. Они растут вследствие усиления продуктивной активности людей, которая увеличивается в результате новой комбинации их способностей и единого руководства ими, в результате целесообразного соединения силы людей и силы вещей.

В цепи рассуждений Пеккёра об историческом значении новых машин наибольший интерес представляют его соображения о влиянии машин на психологию работников и на организацию производства. Машины, указывает Пеккёр, развивают в рабочем новые навыки. Необходимость согласовать свои движения с действиями машин воспитывает в нем привычку к точности в работе. Трудовая деятельность становится из обязанности потребностью. Большая быстрота движений и их точность приучают к строгой экономии в употреблении времени. Более тесное общение в мастерских, более доступные путешествия по железным дорогам неизмеримо расширяют горизонт рабочих, содействуют их интеллектуальному и моральному развитию. Это развитие, являясь результатом введения новых машин, составляет в то же время предпосылку их распространения. Высоко развитая индустрия требует интеллигентных рабочих. Рабочими нельзя руководить, как солдатами, требуя от них пассивного повиновения. Правда, в отдельных производствах машина как бы превращает рабочих в автоматы. Но в целом механические новшества требуют более интеллигентных людей. Держать рабочих в невежестве значит иметь плохих рабочих и худшие продукты, чем в других странах, что грозит обеднением и упадком. Благо-

³¹ Ibid., pp. 297, 321, 329.

³² Ibid., t. II, pp 263—264

состояние не может быть основано на невежестве низших классов. Рост богатства приводит к интеллектуальной, а затем и физической эмансипации рабочих.³³

Переходный период, связанный с введением новых машин, как и всякий переходный период, сопряжен с обострением внутренних взаимоотношений в обществе. Быстрая перемена нарушает равновесие, вызывает пертурбации в нравах и идеях. Последующие поколения не будут уже иметь привычек изолированного труда, для них не будет разрыва между воспитанием и жизнью. Этот разрыв объясняет те смуты и насилие, о которых шла речь выше и которые отмечают, по мнению Пеккёра, переход от невежественной демократии к состоянию свободы и равенства, предполагающему культурность широких масс. Жизнь, объединяя рабочих, воспитывает в них корпоративный дух и толкает их к протесту не только против произвола, но и против законного авторитета. Это явление Пеккер расценивает отрицательно. Пока культура не умерит этот дух независимости в рабочих,— говорит он,— можно бояться эксцессов — особенно со стороны мануфактурных рабочих городов.³⁴

Однако за этими первыми порывами людей, сбрасывающих с себя цепи, Пеккёр провидит черты утешительного будущего. Наряду с духом независимости машины развивают дух порядка, иерархии, ассоциации, дух соревнования во имя общего интереса, содействуют установлению власти способнейших. В современном производстве каждый составляет как бы часть в общем часовом механизме, он должен действовать в определенный момент после такого-то и перед таким-то. Если без известной иерархии невозможна никакая комбинация полезных усилий, никакое разделение труда, невозможно самое общество,— то ее значение возрастает во много раз с ростом состава промышленных объединений. Сейчас на отношениях высшего к низшему имеется еще отпечаток старой системы реальной, личной зависимости. Этот элемент личной зависимости сохраняется потому, что высший часто занимает свое положение лишь в результате случайности рождения или в результате наличия у него капитала, а не в силу способности; естественно, что он, не обладая авторитетом, поддерживает свою власть грубой силой. А с другой стороны, эти личные отношения поддерживаются недостаточностью интеллектуального и профессионального развития у низшего. Под воздействием новых движущих сил эти условия, мешающие установлению иерархии способностей, скоро исчезнут. Новый способ труда, диктуемый новыми машинами, требует планомерного использования способностей в интересах общества. Регулирование способностей — неизбежный результат концентрирующей силы новых машин. Где люди свободно собраны для единой цели, неизбежно выделяется способность того, кто наилучшим образом ведет к этой цели. И если он знает свои права и стремится их обеспечить, общественное мнение заставит признать законные права способности, проявившей себя заслугами. Соединение в больших мастерских, развитие корпоративного духа сделают неизбежным выдвижение способнейших. И капиталисты заинтересованы в том, чтобы каждому найти место, соответствующее его способностям, и получить от каждого максимум того, что он может дать. Всякий, кто выдвинется не по заслугам, будет вынужден, в конце концов, отойти на задний план. Люди привыкнут смотреть на свою работу, как

³³ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 299—305

³⁴ Ibid., pp. 312—313, 344

на моральное обязательство, и на заслуги в ней, как на пути продвижения вперед. Так человечество придет к установлению принципа «каждому по его способностям и по его делам». ³⁵

Таковы, по мнению Пеккёра, основные последствия введения новых машин. Однако Пеккёр не скрывает от себя, что наряду с этими основными тенденциями в современном обществе под влиянием тех же машин возникает также противоположная тенденция к «промышленному феодализму». Идея промышленного феодализма унаследована Пеккёром от Фурье, в системе которого промышленный (коммерческий) феодализм является стержнем «четвертой фазы цивилизации». У Фурье коммерческий феодализм — это господство в хозяйстве монополистических компаний капиталистов, превращающих в своих вассалов средних и мелких собственников. Пеккёр считает возможным, что крупные собственники в союзе со старой аристократией попытаются установить на новой основе порядок, подобный средневековому, с концентрацией владений и с прикреплением общественных функций к имущественному положению. К такому порядку ведет организация товариществ с крупными акциями, доступными лишь крупным капиталистам; к такому порядку ведет безжалостная и истребительная борьба крупных капиталов с мелкими собственниками, превращение мелких собственников в пролетариев, которым фактически закрыты все пути к возвышению.

Пеккёр отмечает, что вытеснение мелких собственников крупными происходит не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. «С каждым днем,— говорит он,— капиталисты ставят все в большую зависимость от себя мелких parcelных собственников... В конце концов с помощью задолженности и отяготительных ссуд они принудят их продать свои участки». Можно опасаться, говорит Пеккёр, что все эти процессы приведут в конце концов к положению, которое уже существует в Англии,— к сосредоточению богатств в руках немногих и к пауперизму масс. Мелкая земельная собственность, созданная революцией, не является гарантией против промышленного феодализма, ибо она с каждым днем попадает все в большую зависимость от капитала. Железные дороги, требующие больших капиталов, содействуют этой централизации и образованию монополий крупных финансистов.

Отметим, что в этой связи Пеккёр выдвигает требование признания железных дорог общественным доменом. Железные дороги, каналы, вообще главные пути сообщения,— говорит он,— должны рассматриваться как предметы общественной необходимости. Они должны строиться, управляться и эксплуатироваться от имени и за счет всего общества, его агентами. ³⁶

И все же Пеккёр верит, что исторический процесс пойдет иначе для большинства стран Европы, а затем и для стран феодальных. Порука тому — идеи, дух нашего времени. Нельзя подчинить просвещенные и моральные классы. Только невежество и аморальность масс позволяют монополизировать богатства. Просвещение ведет к его диффузии. Просвещение, благосостояние, равенство связаны друг с другом: дайте одно — придет и другое. Дух материальных улучшений — активный двигатель свобод и истинной цивилизации. Все, что увеличивает жизненную активность богатых и бедных, ведет к рассеянию, или по крайней мере к подвижности состояний, а подвижность доставляет случаи к освобождению. Застойность хозяйственных отношений приводит к застою и в социальном положении людей. Отсутствие материальных

³⁵ Des intérêts du commerce, I, pp 315—341.

³⁶ Ibid, pp. 396—403; 467 и след

улучшений, притупляя активность, закрепляет бедственную участь тех, на чью долю она выпала. И наоборот, последовательные улучшения приводят в движение капиталы и рабочих, дают массе больше шансов получить труд и добиться лучшего распределения доходов. Чем больше материальных улучшений, тем больше шансов, что интересы различных классов придут в равновесие (*se balancent*)³⁷

Значительная часть движимых и недвижимых владений, рассуждает Пеккёр, находится еще пока в руках среднего класса, активного, дорожающего своей собственностью. В противоречии со своими собственными указаниями на возможность роста пауперизма в связи с материальными улучшениями Пеккер, основываясь на изложенных соображениях о «подвижности» состояний, приходит к тому выводу, что улучшения, уменьшая доли богатых, содействуют переходу рабочих в ряды среднего класса. Пример Англии, — утверждает Пеккер, — ничего не доказывает. Ее промышленность работает на заграничного потребителя. Отнимите у Англии иностраный рынок, — а с распространением машин в других странах дело к этому идет. — и ее промышленность либо погибнет, либо перестроится на новых началах. Ибо машины и железные дороги предполагают большое и активное производство и такое же потребление, следовательно, многочисленный и достаточный средний класс³⁸

Сопоставляя возможности установления господства радикальной демократии и непросвещенных масс с возможностями торжества промышленного феодализма, Пеккёр приходит к выводу, что эксцессы равенства представляют для Европы большую опасность, чем эксцессы неравенства. Но если даже промышленный феодализм утвердился, его торжество будет временным. Это будет только прелюдия к более совершенной и справедливой общественной организации. Стабилизация в экономической жизни невозможна. При господстве конкуренции изобретения становятся источником монополий. Но создаваемые ими привилегии преходящи. Человечество, провидение сумеют социализировать благодетели машин. Вызванное ими временное зло ускорит моральное возрождение человечества. Человечество придет к богу либо через благодарность, либо через страдание.³⁹

Идеалистическая философия общества мешает Пеккёру полностью понять ту роль, которую играют в историческом процессе общественные классы, оценить значение классовой борьбы как средства осуществления «ассоциации». Признавая христианскую мораль основной движущей силой современного общества, возлагая свои надежды на рост «социальных чувств», приведших в свое время к отмене рабства и к падению феодализма, Пеккёр, последовательно, со своей идеалистической точки зрения, обращается с призывом ко всем «людям доброй воли». Руководители движения к лучшему будущему будут, по его мнению, выделяться из всех классов общества. Нет ни одного класса, который сопротивлялся бы уничтожению нищеты трудящихся. В каждом члене исторического тела, утверждает Пеккёр, есть хорошая и дурная часть. И он верит в то, что именно «добрая часть» политического тела образует общественное мнение, которое и создает закон. Злая часть будет вынуждена подчиниться общественному мнению и закону. То, что создано общественным мнением, сохраняет прочное значение для ряда поколений. Надежды необходимо возлагать, — многократно повторяет Пек-

³⁷ Des améliorations matérielles, pp. 72—74.

³⁸ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 407—408.

³⁹ Ibid., t. II, pp. 467—468 t. I, pp. 450—451.

кёр,— не на борьбу, а на прогресс чувств равенства, свободы и солидарности между богатыми и бедными. В конце концов эгоизм будет раздавлен справедливостью.

На этих идеалистических позициях Пеккер, однако, не в состоянии удержаться. Хотя предстоящее преобразование, как он говорит, отвечает разумно понятому интересу всех, тем не менее он не может не признать, что высшие классы заинтересованы в своих приобретенных правах (*droits acquis*), не совместимых с улучшением положения масс. Он понимает, что привилегированные классы в силу этой заинтересованности стремятся удержать народ в заблуждениях и неподвижности. Народ, наоборот, заинтересован в истине. Поэтому, утверждает Пеккёр, непросвещенная масса лучше способна судить об общественных делах, чем высшие классы.⁴⁰

Следовательно, интересы в известных случаях оказываются сильнее «социальных чувств». Конкретный пример такого торжества интересов над социальными чувствами, эгоизма над справедливостью представляет порядок, установившийся в Англии. Этот порядок является, по мнению Пеккёра, плодом сочетания традиций феодализма и «эгоистического индифферентизма». Как мы уже знаем, возможность установления промышленного феодализма в других странах Пеккёр связывает также с корыстными стремлениями крупных собственников и аристократии. Последнюю Пеккёр иногда прямо называет врагом прогрессивного развития человечества: аристократия стремится во что бы то ни стало сохранить свои привилегии, даже не совместимые с общим благом.

На противоположном полюсе общества — «ниже-средние» и «низшие» классы. Низшие классы составляют опору демократии, это сила прогрессивная. Однако они способны лишь толкать общество к прогрессу, разрешить же собственными силами стоящие перед обществом задачи они, по мнению Пеккёра, не в состоянии. Признавая бесспорный факт умственного и нравственного развития рабочих под влиянием новых машин, Пеккёр тем не менее настойчиво повторяет ту мысль, что «невежественные» индустриальные и сельскохозяйственные массы не сумеют сами осуществить свое спасение. Только средний класс способен оказать нужное сопротивление тенденциям, ведущим к промышленному феодализму. К просвещенному среднему классу примкнет часть рабочих, прошедших через сберегательные кассы к обладанию небольшой собственностью. Средний класс — вновь подчеркивает Пеккёр — непрерывно пополняется выходцами из пролетариата. Средний класс не может отгородиться от низшего, наоборот, ему принадлежит роль покровителя и освободителя пролетариата. К среднему классу примкнут также предприниматели, которых благоразумие побудит, хотя бы в интересах безопасности, в предупреждение мятежей и насилий, дать рабочим возможность освобождения. Вожди индустрии и лучшая часть среднего класса — вот кто совершит общественное преобразование на благо низших классов. Только средние классы могут претендовать на господство в Европе. Средний и ниже-средний классы составляют «резерв providения». Они пронесут через катаклизмы переходного периода лучшие традиции прошлого. Новый, активный средний класс примет наследство от разложившегося высшего класса. Классы и индивидуумы имеют, таким образом, свои притязания и интересы, не всегда совпадающие с интересами общества в целом. Но их столкновение ведет в конечном счете к тому же результату, к которому ведут усилия

⁴⁰ Des intérêts du commerce, t. I. pp. XIII, XVIII

странением железных дорог. Как велико будет,— восклицает Пеккёр,— влияние производимого ими магического сокращения расстояний на моральные судьбы наций и человечества! Непрерывные передвижения населения будут иметь своим последствием сопоставление верований, учреждений, законов, нравов, обычаев, костюмов, вкусов, литературы, искусства. И все это приведет в конце концов к слиянию в единство, с каждым днем все более гармоническое и в то же время все более эластичное, не уничтожающее многообразия, которое необходимо для обеспечения свободы и личного счастья.⁴⁴ Не случайно нации, желающие сохранить свою неподвижность, воспрещают въезд в свою страну и выезд из нее. Иностранцы, приезжающие в свободные страны, увозят с собою домой «вакцину цивилизации». Люди предвидели, что свобода и равенство распространятся по всему миру, но не знали, что они проедут в вагонах железной дороги.

Развитие путей сообщения ведет к росту внешней торговли, к укреплению мирных связей между народами. Железные дороги нарушат изоляцию народов, противоречащую воле провидения, они будут содействовать укреплению пацифизма и всеобщей солидарности. Соревнование между европейскими нациями будет продолжаться; но они будут не врагами, а соучастниками в создании богатств. Их влияние друг на друга,— политическое, промышленное и умственное — будет усиливаться. Таковы пути, заключает Пеккёр, какими провидение подготавливает будущее всеевропейское единство.

Экономические результаты новых машин и железных дорог сделают войну, как полагает Пеккёр, невозможной в Европе. Правда, железные дороги облегчают мобилизацию армий, но рост мирных связей, рост братских чувств и солидарности, стирая постепенно границы, уменьшает число возможных поводов к войне. С другой стороны, войны с их разрушительными следствиями становятся все более несовместимыми с ростом богатств и индустрии. Чем больше совершенствуются машины, тем ужаснее, тем недопустимее причиняемые войнами разрушения. Подобные жертвы вряд ли нужны для прогресса человечества. Чем более жестока война, тем реже она: то, что выигрывают в войне, не стоит того, что в ней теряют.

С развитием индустрии человеческая активность из разрушительной и воинственной превращается в плодотворящую и мирную, Власть более сильного сменяется властью более способного в производстве. Общество из организации военной превращается в организацию мирного труда.⁴⁵ С ростом политической роли средних классов война не будет более зависеть от каприза королей и придворных. Война будет возможна лишь из-за общественных интересов — интересов индустрии и торговли. А удовлетворения этих интересов можно,— по мнению Пеккёра,— добиться и мирными средствами — отказом от торговых сношений.

Сейчас нации признают только закон силы, прибегают к войне и для защиты своих прав и для нарушения прав других. Но война, утверждает Пеккёр, не есть путь обеспечения права, ибо сила — слепа. Пеккёр предвидит, что для разрешения споров нации создадут в конце концов международный трибунал, действующий согласно усовершенствованному кодексу международного права. Первая глава этого кодекса должна объявить войну вне закона. Пеккёр считает, что создание такого трибунала будет подготовлено соглашениями об арбитраже

⁴⁴ Des améliorations matérielles, p. 303.

⁴⁵ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 273, 362—368.

и о коллективном вмешательстве нейтральных наций как средства предупреждения вооруженных конфликтов. Мирные чувства и уважение к торговым сношениям приведут к тому, что войны будут происходить все реже и во все более мягких формах — пока воинственный дух не будет окончательно вытеснен духом мирного труда, направленного на завоевание природы. Тогда, утверждает Пеккёр, следуя за Фурье, армии будут использованы для больших работ по постройке портов, тоннелей, для проведения каналов, для осушения болот. Для поддержания порядка будут сохранены лишь небольшие вооруженные кадры. Вечный мир далек, заключает Пеккёр, но для Европы он близок.

Новые пути сообщения вызывают, по мнению Пеккёра, существенные перемены в значении отдельных стран. Рост центростремительных сил устраняет препятствия на пути к осуществлению больших планов объединения, которые возникают у сильных держав. Прогресс ведет к созданию больших империй или федераций. Мелкие европейские государства неизбежно сгруппируются вокруг крупных — России, Франции, Пруссии, образовав сначала экономические, а затем и политические союзы не на основах подчинения, но на основах свободы и равенства.

Но это лишь первый шаг на пути к объединению. В Европе умы стремятся к сближению. Ученые Европы уже считают себя гражданами мира. Академии уже имеют международное значение. Научные журналы распространяются во всех странах. Международные научные конгрессы должны сыграть, по мнению Пеккёра, ту же роль в обеспечении прогресса, какую средневековые церковные соборы играли в обеспечении застоя. В этом процессе космополитического воспитания наряду с учеными принимают участие и поэты, и романисты, и артисты.⁴⁶

Аналогичные отношения называют в торговле Железные дороги создают материальные связи, закрепляющие связи духовные. Вслед за *европейской* наукой возникает *европейская* промышленность. В союзах держав, в попытках мирного разрешения споров видны уже зачатки *европейской* политики. Народы, объединившиеся для целей войны, смогут объединиться для больших хозяйственных задач. Интерес, который разделял, теперь их связывает. Взаимная выгода ведет их к созданию торговой ассоциации. Примером такой ассоциации Пеккёр считает германский таможенный союз.

Пеккёр понимает, однако, что уничтожение таможенных барьеров — дело не близкого будущего. Нации, которые хотят быть равными и извлечь все, что возможно, из своих естественных ресурсов и из способностей своих граждан, вынуждены ограждать свою промышленность от иностранной конкуренции путем таможенных пошлин. Но он верит, что в дальнейшем путем постепенного расширения экономических соглашений нации придут к экономической солидарности. Общие интересы заставят народы установить единство мер и веса, ввести общий коммерческий язык, который впоследствии может вытеснить все прочие языки. Нации будут заключать друг с другом соглашения о совместной колонизации, о больших хозяйственных работах, важных для всех, о нейтрализации путей сообщения и т. д. Полностью экономическое соперничество будет ликвидировано с установлением международной власти, которая будет руководить международным хозяйством. Тогда будут упразднены все барьеры между нациями, и между различными зонами и расами установится естественное разделение труда.⁴⁷

⁴⁶ C. Pecquet De la paix Paris, 1842, p. 173

⁴⁷ Des améliorations matérielles p. 233, De la paix, pp. 185, 370

Пеккёр полагает, что европейские народы образуют тесный союз. В международном конгрессе, руководящем этим союзом, все нации будут иметь равное число делегатов, избираемых не правительствами, а народами. Работа конгресса должна проходить публично. Пеккёр решительно осуждает приемы тайной дипломатии. Конгресс должен иметь свою «армию мира», состоящую из контингентов входящих в него государств. В конце концов союз превратится в единое государство, подобное Соединенным Штатам Америки.⁴⁸ Это создание «Европейской империи» может произойти, как полагает Пеккёр, мирным путем, без кровопролития. В еще более отдаленном будущем Пеккёр считает возможным осуществление даже проповедуемой сен-симонистами всеобщей ассоциации.⁴⁹

«Всеобщая ассоциация» не может быть, однако, провозглашена *a priori*. Она явится, по учению Пеккёра, результатом повсеместного распространения принципов свободы, равенства и общего блага. Нет единообразия и параллелизма в развитии наций. В каждый исторический момент есть нации передовые, есть отстающие, причем место передовых не всегда занимают одни и те же нации. Доказательством служат развалины Мемфиса и Парфенона. В настоящее время передовыми являются народы Европы. Только европейская цивилизация имеет веру и мораль, которые предназначены к универсализации (Пеккёр понимает христианство). Европа борется, утверждает Пеккёр, за принципы, которые должны покорить весь мир. Религии Азии — магометанская и брахманистская находятся в состоянии упадка. После задержек и конфликтов свобода и равенство под эгидой евангелия овладеют всеми странами.

В этом процессе распространения христианских принципов весьма значительную роль играют, по мнению Пеккёра, купцы. Европа и Америка экономически активны, азиатские нации — пассивны. Так как у цивилизованных народов растет спрос на продукты малокультурных стран, то они покрывают моря своими станциями, посылают в дальние страны своих колонистов, коммерсантов, консулов, дипломатов, миссионеров. Торговля и политика, таким образом, пробивают брешь, через которую проникает духовное влияние Европы, проникает «великая книга Запада» (т. е. евангелие).

Вся история, говорит Пеккёр, показывает исключительное значение колонизации в прогрессе человечества. Все великие события — результат мирной или вооруженной колонизации. У колыбели античной цивилизации мы видим героев-колонизаторов. Все нации нового времени созданы колонизацией. Россия колонизовала степи, Соединенные Штаты Америки — индийские земли, Англия и Голландия — Индию и Океанию, Франция — Северную Африку. Машины создают новые стимулы для колонизации. Индустриальные и коммерческие народы севера нуждаются для своей индустрии в сырье юга. В ту же сторону толкает их перенаселение на родине и погоня за новыми богатствами. Давая человечеству машины, творец как бы говорит ему: распространяйся по необработанным районам, украшай и засевай весь отданный тебе Земной шар. Колонизация европейскими народами Африки, Азии, Южной Америки — неизбежна. Нации, не проявляющие благотворящей активности (*activité bienfaisante*), вырождаются. По мере использования старых рынков и по мере развития в колонизованных странах самостоя-

⁴⁸ De la paix, pp. 351—352.

⁴⁹ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 262; t. II, pp. 367. 401—402, 413—414 и др.

тельной индустрии колонизация проникает в новые районы Земного шара. Колонии — аванпосты цивилизации в отсталых странах.⁵⁰

Пеккёр идеализирует и методы проникновения европейских народов в малокультурные страны и результаты этого проникновения. Он убеждает читателя, что заинтересованность индустриальных стран в товарах малокультурных народов склоняет европейцев к «дружбе» с последними, заставляет отказываться от методов насилия. Европейские народы, по Пеккёру, стремятся будто бы не к завоеваниям, не к порабощению, а к установлению торговых связей, к обогащению. Им нужны сырые материалы и рынки. Разорив малокультурные страны, они не будут иметь там ни того, ни другого. Впрочем, иногда Пеккёр отходит от этой теории неизбежности мирных путей колонизации. Несмотря на всю силу «морального воздействия» европейских народов на отсталые, моральное и материальное развитие народов, говорит он, будет еще долго оставаться неравномерным. Эта неравномерность может привести к тому, что европейские державы бросят на Азию свои неисчислимые толпы, чтобы подвинуть ее к цивилизации и устранить таким образом препятствия, стоящие на пути к их индустриальному росту и к общему прогрессу. Такую войну в интересах прогресса против «упорных варваров», против ретроградных правителей Пеккёр полностью оправдывает. Военное продвижение европейских держав в Азию и в Африку является в его глазах «экспансией цивилизации», своеобразной, но вполне законной формой «прозелитизма».⁵¹

Мы уже говорили, что в системе Пеккёра расы имеют свое место в общем процессе развития человечества. Их значение в различные моменты истории различно. Так, Пеккёр не согласен с теми, кто считает азиатские народы обреченными оставаться навсегда изнеженными и пассивными. Сейчас Азия действительно в летаргии. Но некогда азиатские цивилизации были весьма активны. Влиянию климата не следует, по мнению Пеккёра, придавать чрезмерное значение. Организованность и активность не составляют привилегии северян. Тем не менее народы севера с их развитой индустрией являются сейчас и долго еще будут являться арбитрами мира. Кавказская раса выше других. Она была прежде организована для войны, теперь она организована для мирного труда. С ростом индустрии роль кавказской расы возрастает, ей суждено заполнить имеющиеся на земном шаре пустые места. Народы монгольской и черной расы должны будут подчиниться промышленным обществам Европы, хотя это подчинение и будет осуществлено мирным путем, а не путем насилия.⁵²

Рост торговых сношений с отсталыми народами прикрепляет эти народы к колеснице цивилизации. У них возникают новые потребности, новые интересы, новая трудовая организация. Характерно, что об эксплуатации отсталых народов, представляющей оборотную сторону «распространения цивилизации», Пеккёр не говорит. В качестве примера «пробуждения и прогресса» малокультурного народа под «благотворным» и «мирным» влиянием европейцев Пеккёр указывает на успехи народов Новой Зеландии в результате соприкосновения с англичанами. Маорийские войны, начавшиеся через несколько лет после опубликования книги Пеккёра и приведшие к массовому истреблению

туземцев Новой Зеландии, должны были принести ему горькое разочарование⁵³

Взаимодействие европейских народов с народами внеевропейских стран должно привести в конечном результате к смешению цивилизаций и рас. Само собою разумеется, что это смешение произойдет, по мнению Пеккёра, на основе европейской цивилизации, восходящей к христианству, и при сохранении ведущей роли кавказской расы. Однако признание ведущей роли кавказской расы отнюдь не означает, что другие расы в результате смешения совсем исчезнут. Немыслимо, — говорит Пеккёр, — чтобы кавказская раса истребила низшие расы. Немыслимо также, чтобы смешение, создав многочисленные разновидности, полностью стерло первоначальные типы рас. Эти типы устойчивы и будут постоянно возвращаться. Расы, как и виды, — совокупность индивидов, имеющих одинаковые предрасположения (*prédispositions*), умственные, моральные и физические. Это как бы ноты в гамме в планах творца, — это орудия, отвечающие различным потребностям и целям, которые возникают у человечества в процессе его социального развития. Как индивид должен иметь свободу развиваться и занимать место в обществе в соответствии со своими задатками, так и расы должны войти в великую иерархию функций. Неравенство между расами будет постепенно сглаживаться в результате браков и образования новых поколений метисов. Естественные различия между ними не должны отражаться на политических правах, ибо братство и свобода не зависят от цвета кожи, размеров черепа и т. п. От внешних признаков людей нельзя умозаключать об их ценности. С проникновением цивилизации в малокультурные страны из «низших» рас начнут выдвигаться индивиды, которые в известных отношениях будут выше белых. Представители всех народов будут чувствовать себя гражданами мира. Их сближение вызовет изменения в сторону улучшения в национальных характерах, но отличия между ними сохранятся⁵⁴

II

Взгляды Пеккёра на пути социалистического преобразования общества не оставались неизменными. Наиболее существенные изменения были внесены в них революцией 1848 года. Мы изложим учение Пеккёра о переходе к социализму сначала в том виде, какой оно получило в основных его работах, написанных в конце 30-х и в начале 40-х годов. Затем мы покажем, какие сдвиги вызвал в них опыт революции.

В общей характеристике, которую дает Пеккёр современному ему обществу, имеются черты, предрасполагающие к пессимистическим выводам. Иногда пессимистический тон выводов Пеккёра стоит даже в некотором противоречии с изложенными нами выше его рассуждениями об общественном прогрессе и его движущих силах. Так, иногда Пеккёр говорит о «застое», который переживает Европа, — о застое в чувствах, в идеях, в экономической жизни. Он чувствует везде запах гангрены, агонии, смерти. Все верования, все авторитеты потрясены, все поставлено под сомнение, вплоть до самых священных обязанностей. В правительственных кругах, среди аристократии, даже в среде буржуазии он отмечает господство ложных идей о боге, о социальной цели, о справедливости, о собственности, о правах человека. Франция, которая, естественно, стоит в центре интересов Пеккёра, переживает, по

⁵³ Des intérêts du commerce, t. I, p. 230

⁵⁴ Ibid., t. II, pp. 329, 341.

его мнению, эгоистический упадок. Горизонт мрачен и грозен. Материализм, цинизм, бесстыдство, низость политических партий, продажность, с одной стороны, невежество, нищета, отчаяние, с другой — все это способно вызвать опасение, что центр цивилизации передвинутся в другое место, что Франции предстоит пройти через парламентарный меркантильный и лживый английский режим с его земельной и мануфактурной аристократией, с его изголодавшимися и разложившимися (!) пролетариями. Если общество пойдет по этому пути, его ждет мрачное будущее; анархия может привести к разложению общества и к его смерти. А может быть и еще хуже: может быть, спрашивает Пеккёр, в минуту сомнения, вся наша цивилизация идет к своему упадку? ⁵⁵

Все эти сомнения Пеккёр, однако, преодолевает при помощи своей идеалистической философии общества. Падение цивилизации, — заявляет Пеккёр, — невозможно. Наряду с руинами старого он видит в окружающей его действительности материалы, нужные для постройки нового здания, — это мораль в ее основных указаниях, добрые нравы, любовь к человечеству, воля к добру, мощное общественное мнение, честное, направленное к общему интересу, и т. д. На большей части европейского континента разложение еще мало подвинулось. Принципы жизни, упревшие среди разрушения, восходят к живительной моральной силе, истекающей от христианства. Эти ростки новой жизни неизбежно победят, инстинкт добра и истины приведет людей в те светлые области, где будет построено новое жилище человечества. Мы стоим, говорит Пеккёр, на грани старого и нового мира. День новой справедливости приближается. Старая экономика отжила свой век вместе со старой моралью, с религиозными идеями язычества, с феодализмом и личной зависимостью. 1789 год возвестил миру новую политику, новую религию всеобщего братства, равенства и солидарности. Теперь настала пора дать новую экономику. Пеккёр признает, что робкие методы преобразований и скупое распространение новых идей не соответствуют интересам цивилизации и значению стоящих перед человечеством целей. Нельзя сделать невозможное, необходимо соблюдать известную последовательность в действиях, приходится считаться со временем. Но время само ничего не делает, оно приносит лишь то, что ему доверяют мудрость и предусмотрительность. Все творения природы подчинены ее законам; но природа знает внезапные ускорения. Нельзя получить плод без цветка и зародыша; но развитие зародыша может быть ускорено человеческими методами. Точно так же мудрыми методами может быть ускорен прогресс умов и учреждений. Изыскание и применение таких методов есть долг людей доброй воли. ⁵⁶

Идеалистическая философия общества Пеккёра не допускает применения насилия как средства перехода к новому общественному порядку. Революции в истории человечества происходили всегда в результате разрыва между порывом и идеей, между целью и средствами. Прогресс непрерывен, новые средства производства и передвижения ускоряют его темпы. Но не надо никаких гигантских шагов (*pas de géant*), не надо разрыва с традициями, не надо разрушений. Внезапная перемена — химера. Следует призывать людей ускорить прогресс, раз-

⁵⁵ *Théorie nouvelle*, pp. XX—XXII; *Des intérêts du commerce*, t. II, pp. 283—284, *Des améliorations matérielles*, pp. XVII—XVIII.

⁵⁶ *Théorie nouvelle*, pp. XIV—XVI; аналогичные заявления рассеяны во всех произведениях Пеккёра.

ясняет Пеккёр, но не следует компрометировать прогресс чрезмерной поспешностью (*en le précipitant*) Невежество медленно рассеивается, страсти задерживают распространение просвещения. Перемены в режиме собственности должны быть подготовлены воспитанием, приучающим массы к истине. Большой и радикальной революции в учреждениях должна предшествовать большая и радикальная революция в умах. Старые формы будут отмирать постепенно, как постепенно будут расти новые формы. Чтобы вызвать на поверхность то новое, что зреет в недрах социального тела, нет надобности в глубоких потрясениях, в насильственных средствах. Честные и просвещенные новаторы, говорит Пеккёр, не могут стремиться к ужасному средству революционных возмущений. «Насилие — печальная крайность, которой никто не должен советовать, потому что никто не знает, к чему оно приведет». Наоборот, долг новаторов — терпеливо отговаривать от этих средств дерзких и слепых, указывая им мирные и действительные средства, их долг предупредить «новое жертвоприношение богу прогресса». До настоящего времени всякий крупный шаг, какой делало общество вперед, оплачивался кровью и беспорядками. Обществу грозит опасность повторить этот исторический опыт, если его не предотвратят просвещение и милосердие.⁵⁷

Не случайно Пеккёр, говоря о деятельности «новаторов», «людей доброй воли», характеризует стоящую перед ними задачу как «ускорение» прогресса. Медленное разрушение старых форм, рост новых форм, отвечающих принципам христианства и революции, происходит, по его мнению, в экономической жизни в силу вещей, без принудительного внедрения новых форм правительством или законодательной властью, хотя, как мы увидим, не без их помощи. Дух ассоциации, призванной сменить современную конкуренцию, никем не изобретен. Рост ассоциации органичен. Многие поняли необходимость ассоциации лишь после того, как она уже возникла в качестве факта экономической жизни. Ассоциация будет входить в жизнь разными путями у разных народов в зависимости от условий развития индустрии, от народных характеров, от предрассудков, от общего уровня цивилизации. Пеккёр, как мы уже указывали, считает, что под влиянием машин развиваются чувства иерархии и порядка, с одной стороны, чувства свободы и равенства — с другой. У одних народов сильнее сказывается первая, у других — вторая тенденция. В таких странах, как Россия и Австрия, ассоциация будет, возможно, строиться сверху, путем субординации. Но влияние евангелия и уравнительных тенденций, связанных с новыми машинами, сделают эту форму ассоциации скоропреходящей. В странах Запада, во Франции, в Англии, в Америке ассоциация будет расти снизу, путем свободы. Пеккёр явным образом предпочитает этот второй путь, осуществление ассоциации волей и согласием самих трудящихся.

«Просвещенная свобода», а не «суровая необходимость» осуществит социальный идеал и выведет человечество из тупика. Это не значит, однако, что Пеккёр не отводит никакой роли власти в деле социального преобразования. Он не согласен с теми, кто ждет от государства широкой инициативы в организации труда, — с теми, кто считает, что государство, постепенно сосредотачивая в своих руках все большее число хозяйственных функций, в конце концов поставит правительственное руководство на место анархического и заинтересованного руководства отдельных предпринимателей. Такой путь установления в хозяйственной

⁵⁷ Ibid.; *Des intérêts du commerce*, t. II, pp. 15—17, 20 и др., *Des améliorations matérielles*, pp. XX, 173 и др.

области абсолютного авторитета государства — невозможен: государство, — заявляет Пеккёр, — не должно превращаться в абсолютного владельца и распределителя орудий труда и в общего руководителя индустрии.⁵⁸ Но столь же невозможна и абсолютная свобода. Великое социальное преобразование может прийти к цели только при участии сильной и энергичной общественной власти, которая поймет требования века, поддержит движение прогрессивных элементов и будет опираться на любовь народа. Так, напоминает Пеккёр, всегда бывало в истории. Константин содействовал торжеству христианства, Карл — установлению национального единства, централизации, позднейшие короли — организации феодальных учреждений, освобождению коммун и т. д. Вмешательство власти в экономику — конститутивный элемент общества. Государство, выступая в качестве высшего арбитра, должно изыскать способы уравнивания интересов, упорядочения промышленных отношений. Оно должно также принять меры для обеспечения воспитания и образования широких масс. Но государственное вмешательство должно носить эластичные формы, не нарушающие индивидуальную свободу и в то же время гарантирующие общие интересы. Погоня за богатством, столкновение интересов на арене возросшей конкуренции, попытки установления промышленного феодализма — все это делает активное вмешательство власти еще более необходимым.⁵⁹

Как ни важно участие государства в преобразовании общества, это преобразование не может быть осуществлено посредством «революционных декретов». Новые формы общественной организации возникают в недрах существующего общества без воздействия правительств, под влиянием действующих в обществе моральных сил и материальных условий. С применением паровых машин, — утверждает Пеккёр, начинается эра ассоциации. Создающееся под влиянием машин крупное производство само уже является ассоциацией в широком смысле этого слова. На наших глазах происходит процесс ассоциирования капиталов в целях производства и обращения в форме акционерных обществ — процесс, поглощающий изолированные капиталы и изолированных рабочих. Возникают также ассоциации в целях страхования. Возникают ассоциации, организующие транспорт, хранение, продажу продуктов, общества для торговли предметами непосредственного потребления. Все это, по мнению Пеккёра, — предвестники и зародыши нового мира в социальной экономике, «переходные опыты новой индустриальной организации». Задача состоит в том, чтобы среди этих новых форм найти тот способ ассоциации, который в наибольшей степени отвечает интересам всех и каждого.⁶⁰

Трансформация промышленности может идти путем создания акционерных обществ, объединяющих крупные капиталы. Этот путь — путь промышленного феодализма — означает пролетаризацию мелких собственников, которые не могут сохранить при распространении новых машин свои мелкие предприятия, не могут бороться с крупной промышленностью. Как мы уже говорили, Пеккёр считает, что в передовых,

⁵⁸ Как мы увидим ниже, в своем идеальном обществе Пеккёр отводит государству именно такую роль хозяйственного руководителя, надо полагать, что приведенные замечания относятся лишь к ближайшему этапу общественного преобразования. Впрочем, возможно, что взгляды Пеккёра на роль государства пережили известную эволюцию.

⁵⁹ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 369, 438—442; t. II, pp. 169—170, 258; Théorie nouvelle, p. XII.

⁶⁰ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 56—57, 89—91, 97.

свободных обществах с раздробленными богатствами более вероятен другой путь — путь «ассоциации средних классов», не экспроприрующей, а объединяющей мелких производителей. Исчезновение мелкой индустрии не есть исчезновение мелких капиталов. Доказательства этому, помимо приведенных выше общих соображений, Пеккёр видит в фактах наблюдаемой им экономической действительности. Преобразование изолированной промышленности в ассоциированную производят не только крупные капиталисты, но также и представители средних и низших классов. Таковы общества взаимопомощи рабочих, кооперативные товарищества в Англии, общины моравских братьев и т. д. Жизнь направляет все умы в сторону ассоциации. Лишь медленность этого потока преобразований мешает оценить все их историческое значение. Среди всех этих новых форм объединения в первой своей большой работе, — *Des intérêts du commerce* — Пеккёр уделяет особое внимание анонимным обществам с мелкими акциями.

Пеккёр признает, что в своей характеристике таких обществ он не имеет в виду конкретных обществ, существующих в той или иной стране. Он дает идеализированное изображение этого типа «с точки зрения будущего». Но отдельные черты типа имеются уже в реальной жизни. Основные положительные его признаки таковы: участие мелких и многочисленных капиталов в общем крупном производстве; участие каждого в общем доходе соответственно размеру вноса; тенденция к постепенной социализации движимых и недвижимых фондов. В таких обществах акционеры принимают деятельное участие в ведении дела путем общих собраний; они избирают и смещают администрацию предприятий. Пеккёр уверен, что будущее принадлежит именно этому виду обществ и что в дальнейшем они будут становиться все более демократическими путем перехода на систему «бесконечно» мелких (*infiniment petites*) акций. Такая «демократизация» не означает, однако, что в обществах будут объединены *только* мелкие капиталы. Наоборот, следуя за Фурье, Пеккёр объявляет наиболее желательной такую организацию обществ, при которой в них объединяются и крупные, и средние, и мелкие капиталы: это создает солидарность интересов, приближает слияние классов и позволяет без нарушения непрерывности перейти от одного социального строя к другому. Конечно, Пеккёр понимает, что и в такие общества могут проникнуть спекулянты. Именно здесь и желательно вмешательство государства, которое посредством соответственного законодательства должно изгнать из ассоциации «ажютаж», должно обеспечить сохранность взносов акционеров и социальных фондов. Акционерные общества с мелкими акциями могут служить прекрасными орудиями достижения общего благосостояния. Но без вмешательства государственной власти они могут переродиться в анти-социальную силу.⁶¹

Возможность приложения в крупных предприятиях мельчайших капиталов связывает массы с социальными интересами, с «порядком», придает обществу стабильность. Рабочие предприятия могут становиться постепенно его соучастниками. Собственность ни у кого не отнимается, наоборот, она дается умелым, экономным, честным и предусмотрительным рабочим. И если только она приобретена, акционерные общества обеспечивают собственнику доход на путях объединения, вместо того чтобы подвергать собственность случайностям и борьбе, как это происходит при режиме конкуренции. Успех акционерного общества

⁶¹ *Des intérêts du commerce*, I, p. 56—57, 59, 89—91, 93, 96—98, 279, 440.

зависит от искусного и честного ведения дела, а успех каждого его члена — от его труда. Поэтому среди акционеров царит дух здорового, основанного на справедливости соревнования, в организации господствует «способность» — не потому, что ее члены добродетельны, а потому, что это соответствует их интересам. В то же время в такой ассоциации нет монотонности «антисоциального» абсолютного равенства, сохраняется иерархия рангов, способностей, состояний. Все хорошие стороны индивидуальной конкуренции останутся в силе и в акционерном обществе; активность, честность, достоинство, которые, по мнению Пеккёра, воспитывает мелкая собственность, сохраняются и у пайщика крупного предприятия, ибо только этими качествами может он приобрести власть и почет. Но люди перестанут мечтать о несчастной «собственной лавочке», в которой они ищут свободу, независимость и благосостояние, а находят нищету, зависимость и отчаяние.⁶²

Акционерные общества с мелкими акциями возникают пока по преимуществу в мануфактурах. Это свидетельствует о том, что распространение этой формы в промышленности легче, чем в сельском хозяйстве. Тем не менее и в сельском хозяйстве материальное освобождение наиболее здоровой части населения, участие масс в социальных благах, могут быть достигнуты лишь на пути образования акционерных обществ. Крупное хозяйство должно вытеснить мелкое в земледелии, как вытеснило в индустрии. Ростом индустрии вызывается рост спроса на продукты сельского хозяйства. Раздробленное хозяйство не в состоянии удовлетворить этот спрос, и мелкие собственники это скоро поймут. Мелкие собственники не проявили инициативы в индустрии — и они уничтожены. Та же судьба ждет их в сельском хозяйстве, если они не поторопятся и не опередят крупный капитал в организации больших сельскохозяйственных предприятий. Экономия и обеспеченность, которые ждут их в ассоциации, — в сопоставлении с теми трудностями, которые стоят перед мелкими собственниками, — достаточны, чтобы привести их к товариществу. В том же направлении толкает мелких сельских хозяев влияние железных дорог. Железные дороги побуждают к объединению в целях совместного транспорта и совместной продажи продуктов. Примеры такого объединения дает уже молочное хозяйство Голландии и Швейцарии. С развитием железнодорожного транспорта сельским хозяевам придется выбирать между самоубийством (если они будут держаться за обособленные хозяйства) и процветанием (если они объединятся). Нужно лишь время, чтобы рассеять предрассудки мелких собственников; главное препятствие на пути к сельскохозяйственной ассоциации — в невежестве и нищете деревенской бедноты. Но это препятствие будет преодолено, когда «мельчайшие собственники» увидят перед собою пример и будут испытывать конкуренцию крупных товарищеских хозяйств. Возможно, что ассоциация осуществится в земледелии раньше, чем капиталисты успеют ограбить крестьян. Так будет идти процесс ассоциирования там, где земельная собственность раздроблена. В странах, где земельная собственность концентрирована, переход к ассоциации может произойти без предварительного дробления — путем привлечения многих к участию в собственности (*сoргорпiété*).⁶³

Распространение ассоциации в сельском хозяйстве — неизмеримая по своему историческому значению революция. Эта революция разрешает наилучшим образом стоящие перед сельским хозяйством проблемы. Сохраняя собственность, сохраняя дробление богатств, ассоциа-

⁶² Ibid., pp. 99—100, 279, 319.

⁶³ Ibid., I, pp. 103—114.

ция в то же время их объединяет, соединяет преимущества крупной и мелкой культуры. Ассоциация обеспечивает сельскому населению благосостояние, освобождение и гармонию. Особенно переход к ассоциации выгоден для безземельных и малоземельных: если они не объединятся, им не миновать превращения в поденщиков. В ассоциации становится возможным применение новых методов сельского хозяйства, значительно повышающих его продукцию. И в то же время мелкие акции дают возможность достигнуть этих результатов, не жертвуя интересами личной свободы, независимостью мелких земельных собственников. В будущем ассоциация обещает привести к еще более значительным переменам в жизни деревни. Мелкая собственность привязывает семью к сельскому хозяйству. В ассоциации это прикрепление семьи к определенной профессии будет необязательно. Сельские хозяева, как теперь техники, военные и представители других профессий, будут выходить из всех слоев населения; они будут готовиться к своей деятельности в сельскохозяйственных школах. В деревнях появятся вместо хижин большие, элегантные, чистые, многоэтажные дома. С архитектурой улучшатся и бытовые удобства деревни. Сельское население количественно возрастет.⁶⁴

Разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней Пеккёр считает пагубным для общего благосостояния и для дела цивилизации. Этот разрыв будет ликвидирован. Развитие путей сообщения, распространение железных дорог восстановят естественную связь между различными отраслями человеческой деятельности, сблизят город с деревней, разрушат косность деревенской жизни. Сближение будет происходить с обоих концов. Деревня будет усваивать некоторые черты города (будет становиться *un peu ville*), город — некоторые черты деревни (будет становиться *un peu campagne*). Это поведет к более разумному распределению индустриальных предприятий к перераспределению населения. Мануфактуры будут создаваться рядом с фермами, будут рассеяны по всей территории. Моральное состояние рабочих улучшится. Сейчас их развращают условия жизни в больших городах. Перенесение промышленности в деревню восстановит простоту нравов и здоровье рабочих масс. В качестве завершающего шага на пути преодоления противоположности между городом и деревней Пеккёр предвидит слияние промышленности и сельского хозяйства в руках акционерных обществ для совместной эксплуатации фабрики и фермы. Первые симптомы этого процесса — соединение в одном хозяйстве сахароварения и свеклосеяния, винокурения и разведения картофеля.⁶⁵

Таким образом, общества с мелкими акциями перерастают постепенно в «коммуны», прототипом которых для Пеккёра являются, несомненно, фаланги Фурье. Сейчас проблему организации таких коммун, по мнению Пеккёра, невозможно серьезно ставить, не впадая в утопию. Но впоследствии она будет поставлена и будет решена, ибо человечество не может не искать наилучшей комбинации способностей и интересов — комбинации, совместимой с ростом населения, производства, богатства. с одной стороны, с ростом свободы и морали — с другой. Коммуна Пеккёра — разновидность акционерного общества с мелкими акциями; она объединяет в себе от 3 тыс. до 4 тыс. человек, обитающих в общих обширных и прекрасных зданиях. Коммуна не является специализиро-

⁶⁴ Des intérêts du commerce, pp. 103—108, 115—119.

⁶⁵ Ibid., I, pp. 122—126.

ванным предприятием. Ее члены занимаются и промышленностью, и сельским хозяйством, и торговлей. Они сообща творят своим трудом общее благосостояние. И в то же время в коммуне признаются и уважаются индивидуальная собственность, семейная жизнь, неравенство заслуг и способностей. Размеры дивиденда и нормы заработной платы определяются общим собранием пайщиков; тем же общим собранием избираются руководители. Пеккёр предполагает, что в коммуне вряд ли будут «непредусмотрительные» рабочие, которые не будут состоять акционерами. Отделенные друг от друга четырьмя километрами полей, коммунальные жилища будут соединять преимущества большого города и деревни. Потребление в коммуне будет централизовано, не будучи общим (*unitaire sans être commune*). Эта централизация дает большую экономию. Но организация потребления отнюдь не напоминает монастырь или казарму — это ассоциация в потреблении, общая кухня, а не общая жизнь, подчеркивает Пеккёр, отмежевываясь от потребительского коммунизма⁶⁶

Одну из самых трудных проблем в учении Пеккёра о социальном преобразовании представляет проблема превращения пролетария в пайщика акционерного общества, т. е. в полноправного члена ассоциации. Как мы видели, он надеется, что экономные и предусмотрительные рабочие сумеют стать пайщиками акционерных обществ. Он мечтает, что в будущих коммунах все рабочие будут акционерами. Тем не менее он понимает, как трудно рабочему «капитализировать» и неоднократно возвращается к вопросу, какими способами разрешение этой задачи может быть и будет облегчено.

Масса рабочих, говорит Пеккёр, не обладает сейчас капиталом, и эти рабочие не могут стать акционерами. Мало того, условия существования рабочих таковы, что они, юридически не будучи рабами, могут быть названы рабами нищеты. Они составляют объект эксплуатации, подобно машинам. На арене, где господствует конкуренция, каждый старается приобрести то, что ему нужно как можно дешевле. При режиме *laissez faire* стоимость человека (*valeur humaine*) также имеет тенденцию к понижению, конкуренция обесценивает рабочие руки. Но мы уже говорили, что на этой пессимистической характеристике положения Пеккёр не может остановиться; такая характеристика предрасполагает к революционным выводам, ее очень трудно согласовать с учением о мирном росте ассоциации. Поэтому, вопреки всему сказанному выше, Пеккёр убеждает читателя, что следует ожидать улучшения судьбы рабочих. Обычно он связывает это улучшение с влиянием машин, с умственной и политической эмансипацией пролетариата, с ростом потребностей, с объединением рабочих в больших предприятиях.⁶⁷ Общество ожидает цепь пертурбаций, если оно не пойдет в известной мере навстречу сознавшим свои права пролетариям. Нельзя оставлять их в состоянии открытого мятежа или пассивного сопротивления. Благоразумие побудит правительство и предпринимателей в интересах мира и безопасности дать рабочим возможность скопить сбережения и повыситься до положения пайщиков (*associés*). Иначе обществу грозит гражданская война. Не случайно опыты организации, стремящейся гармонизировать труд, капитал и способность, идут, по мнению Пеккёра, отсюда, где рабочие соединены в больших массах и как бы составляют товарищескую корпорацию (углекопы Анзена, ткачи Лиона и т. п.).

⁶⁶ Ibid., pp. 177—179.

⁶⁷ См. выше, стр. 181—182.

Таким образом, если классовая борьба рабочих не является в учении Пеккера движущей силой социального преобразования, то косвенно она этому преобразованию содействует, оказывая давление на государственную власть и на капиталистов.

Однако Пеккёру эта мотивировка уступок капиталистов рабочему классу представляется, повидимому, слишком «низменной»; наряду с нею он выдвигает мотивировку более «возвышенную». Напоминая о том, что господа «добровольно» освободили рабов и сервов, Пеккёр утверждает, что богатые не смогут остаться глухи к проповеди братства, что они в силу братских чувств освободят своих рабочих, допустив их в качестве сотоварищей (*cosociétaires*) и даже сделав на их имя первый взнос (!). Повышение заработной платы и превращение рабочих в пайщиков будут результатом морального прогресса. Как на пример филантропии предпринимателей Пеккёр указывает на деятельность Оуена. Многие капиталисты были бы готовы, по мнению Пеккёра, последовать этому примеру, пойти на добровольные жертвы, если бы не конкуренция, если бы не страх перед кризисами и разорением. Но с развитием ассоциации, сокращающей нездоровую конкуренцию и повышающей стабильность предприятий, этот довод против увеличения доли рабочего в доходах будет терять свое значение.

Пеккёр считает необходимым предостеречь от чрезмерных ожиданий. Никакой предприниматель не в состоянии полностью обеспечить существование и заработок рабочего: такое обеспечение, говорит Пеккёр, может дать лишь социализация орудий труда — прекрасная утопия для нашего времени. Не следует мечтать также об уравнивании рабочего с предпринимателем в правах на доход предприятия. Речь идет лишь о повышении дохода, которое даст рабочему возможность делать сбережения. Из разных способов решения этой задачи Пеккёр сочувственно относится к участию рабочих в прибылях. Но рабочие не могут претендовать на то, чтобы быть участниками в прибылях на тех же основаниях, как и те, кто вложил в предприятие свой капитал. Ибо рабочие, не имея доли в общем фонде, не участвуют в убытках. Лишь тогда, когда рабочий сумеет накопить своей бережливостью некоторый капитал и внесет его в предприятие, он будет получать долю дивиденда, пропорциональную этому капиталу. Предлагаемый Пеккёром способ гарантировать рабочему возможность «капитализировать» составляет повышение заработной платы, сопровождаемое некоторым изменением ее формы. Заработная плата, говорит Пеккёр, должна состоять из трех частей: 1) минимальная и фиксированная почасовая плата; 2) плата условная, зависящая от чистого дохода предприятия или роста этого дохода; 3) плата, зависящая от экономии в средствах производства, во времени производства. Из второй и третьей части заработной платы рабочий получает на руки треть или половину. Остальное «капитализируется» через сберегательную кассу. Такая система, говорит Пеккёр, будет на пользу не только рабочим, но и предприятию, ибо рабочие будут заинтересованы в его процветании.

Это преобразование должно войти в жизнь без государственного вмешательства, на основе соглашения. Пеккёр высказывается против регламентации законом минимума заработной платы, ибо закон в этой сфере может только санкционировать уже складывающиеся в жизни отношения.⁶⁸ Правительство может содействовать улучшению положе-

⁶⁸ Такова точка зрения Пеккёра в 1837 г. Впоследствии, в связи с общим изменением его взглядов на роль государства, Пеккёр перешел на позиции государственного регулирования заработной платы.

ния рабочих другим мероприятием — организацией общественных мастерских для бесплатного технического обучения подрастающих поколений. Косвенно государство влияет на повышение доли рабочих в доходах своей промышленной деятельностью. Оно обеспечивает своих служащих фиксированным жалованьем, отпусками, бесплатным лечением и т. п. Эти условия работы государственных служащих являются образцом для частных предпринимателей. Стачки рабочих как средство повышения заработной платы Пеккёр расценивает отрицательно: стачки, вызывая непрерывные беспорядки, лишь ухудшают положение рабочих.⁶⁹

Наряду с изображенным нами путем вовлечения пролетариата в ассоциацию — через сбережения рабочих и приобретение ими паев в акционерных обществах — Пеккёр указывает и другой путь — через образование чисто рабочих товариществ (*en sociétaires-ouvriers*). Как известно, идея устранения или смягчения социального зла при помощи организации рабочих ассоциаций была в 30-х годах XIX в. довольно широко распространена в демократических кругах Франции. Она пользовалась популярностью среди квалифицированных парижских рабочих. Мы находим ее даже у людей весьма далеких от социализма.

Пеккёр не внес в разработку этой идеи ничего существенно нового. Оба пути ассоциации, говорит Пеккёр, требуют известных усилий и жертв со стороны рабочих; без этого они вновь подпадут под иго феодальной зависимости. Путь организации рабочих товариществ предполагает высокий уровень морали. Рабочие товарищества представляют собою образованные без «посредников-паразитов» производственные объединения с неотчуждаемым общим фондом. В таких объединениях нет капиталистов, нет и процента на капитал. Есть лишь рабочие, получающие в соответствии со своим трудом, живущие трудом, не ждущие ничего ни от капитала, ни от таланта. Излишек дохода сверх заработной платы, пропорциональной труду, ежегодно отчисляется в общественный капитал. По мнению Пеккёра, многие рабочие мануфактур с охотой пойдут в такие товарищества. Если сейчас осуществление чисто рабочих ассоциаций все же представляется делом трудным, то будущие поколения будут считать справедливым и естественным такой порядок, при котором каждый живет лишь тем, что он получает за свой труд. Пеккёр надеется, что среди рабочих найдутся интеллигентные люди, в которых силен «дух ассоциации» и которые могут выступить в качестве организаторов движения. Так возникнут новые очаги производства, сбыт продукции которых обеспечен потреблением самих его участников (*coassociés*). К рабочим примкнут филантропы, новаторы всех классов. Возможно, что за дело организации товариществ среди низших классов возьмется и государство, так как это соответствует интересам большинства. Создадутся условия, при которых руководителям индустрии, буржуазии окажется выгодным взять в свои руки инициативу, чтобы не потерять своего влияния в обществе. Разумно ли будет с точки зрения буржуазии допустить, спрашивает Пеккёр, чтобы рядом с ее миром развивался «новый промышленный мир», противопоставляющий конкуренции свою солидарность и свои ресурсы?

Таким образом и на пути создания самостоятельных рабочих ассоциаций Пеккёр видит в буржуазии не враждебную силу, но силу содействующую. Идеализируя «средний класс» победивший «патрициев», создавший новые богатства и узаконивший «право способности», ссы-

⁶⁹ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 110—112, 145—147, 152.

лаясь на «общность происхождения» буржуазии и пролетариата от рабов и сервов, Пеккёр объявляет классовую борьбу между ними результатом «ослепления» обеих сторон.⁷⁰ В действительности ослеплен, конечно, сам Пеккёр. Верно, что буржуазия не может примириться с созданием «нового промышленного мира»; но из этого следует не то, что она будет помогать его созданию, а то, что она будет бороться против него с напряжением всех своих сил.

Как человек, прошедший школу сен-симонизма, Пеккёр не может не коснуться роли банков в процессе роста ассоциации. Он считает банки прекрасным средством для передачи орудий труда из рук тех, кто не может и не хочет их использовать, в руки тех, кто и может и хочет, но у кого нет ничего, кроме силы и способностей. С другой стороны, банки представляют искушение для авантюризма и спекуляции. До сих пор они были полезны лишь тем, кто уже имеет. Уменьшение числа кредитуемых с ростом ассоциаций и улучшение информации о положении промышленных предприятий затруднят, по мнению Пеккёра, спекуляцию и понизят интерес к ней. Банки могут стать «народными». Им недостает сейчас для должного выполнения их положительных функций единства действий и общего контроля представительной власти. Вмешательство государства может дать им должное направление. И тогда они смогут принести пользу, регулируя производство, устанавливая равновесие между производством и потреблением, предупреждая кризисы.

Однако с дальнейшим распространением акционерных обществ последние, вероятно, вытеснят банки, взяв на себя их функции. Между капиталистами и промышленниками установится непосредственная связь. Ресурсы ассоциаций будут всем ясны — в отличие от индивидуального производства, руководство которого может не оправдать доверия и погубить все вложенные в дело средства. Поэтому капиталы смогут притекать в ассоциации без участия банкиров. В дальнейшем для целей распределения капиталов будет создан центральный орган национального кредита, и этим будет положен конец всем спекуляциям паразитов, кредит будет освобожден от личной жадности. Национальный центр будет кредитовать труд, талант и мораль независимо от обеспечения богатством, облегчая, таким образом, переход из положения рабочего в положение пайщика. Он будет кредитовать по преимуществу коллективные предприятия, тем поощряя распространение ассоциаций. Он будет содействовать установлению связей между кредитуемыми ассоциациями, побуждая их заключать между собою обязательства о взаимном обмене продуктов, создавая конторы для покупки и продажи товаров и вытесняя посредников-торговцев. Каждая ассоциация будет получать право выпускать свои продукты на рынок лишь по удовлетворении спроса другой ассоциацией, с которой она заключила соглашение. Все пользующиеся кредитом ассоциации будут производить из своих дивидендов отчисления в «общий социальный фонд», который не может быть выпущен на арену свободной конкуренции. Наличие общего фонда, направляемого в тот или иной центр производства, отпуск кредита или отказ в нем будет содействовать созданию единой общей системы производства и обмена под единым руководством. Национальный центр, имея в своем распоряжении сеть разбросанных по стране контор по отдельным специальностям, будет хорошо осведомлен о спросе и предложении, без чего регулирование хозяйства было бы невозможно. С созданием такой организации будут

⁷⁰ Des intérêts du commerce, II, pp. 159—162, 165, 282.

окончательно ликвидированы анархическая конкуренция и «слепое» производство.⁷¹

Так общество будет постепенно двигаться ко все более полной и широкой социализации орудий труда, ко все более справедливому распределению благ. Одновременно с распространением ассоциаций, с ростом системы связей между ними будет укрепляться их внутреннее строение. Ассоциации будут объявлены нерасторжимыми, а их капитал неотчуждаемым. При занятии руководящих постов в ассоциации утвердится система избрания по конкурсу. Но весь этот процесс расширения и углубления ассоциации, как и ее возникновение, будет, как выражается Пеккёр, факультативен, т. е. будет протекать без принуждения со стороны государственной власти. Пути развития ассоциации в разных странах могут быть различны в зависимости от нравов, от уровня цивилизации. Но направление развития во всех случаях одно — к возможно полной при данном уровне морали централизации и социализации орудий труда.⁷²

На той стадии ассоциации, которая возможна в ближайшем будущем, неравенство будет еще довольно значительным. Но оно не будет давать богатым политических и антисоциальных привилегий. Промышленный механизм будет включать в себе и самые «интегральные» ассоциации и весьма дробные хозяйственные единицы. В некоторых отраслях — в розничной торговле, в производстве предметов искусства, в производстве новых предметов будут сохранены индивидуальные предприятия и индивидуальная инициатива. Будут нужны, как говорит Пеккёр, и омнибусы, и частные экипажи. Не будет анархической конкуренции, но не будет и монопольной централизации. Формой промышленной организации, как и формой организации политической, будет представительное правление. Руководство промышленными предприятиями будет передаваться «по способности», а не по наследству. Власть будет регулировать пользование орудиями производства богатыми. Но она отнюдь не будет препятствовать их образованию.

Несмотря на создание условий, облегчающих переход рабочих в пайщики, несмотря на то, что «все имеют возможность приобрести капитал», в ассоциациях будут еще наряду с капиталистами — нерабочими и рабочими-пайщиками — рабочие, не имеющие никакого капитала. Но положение последней категории рабочих будет значительно лучше, чем при режиме индивидуальной конкуренции. Им будет обеспечен за добросовестную работу прожиточный минимум (*nécessaire*) и бесплатное обучение. Будут созданы условия, при которых нуждаться будут только ленивые и непредусмотрительные рабочие. Дух солидарности, сказывающийся в рабочей среде даже в наше время господства крайнего индивидуализма, приведет при режиме ассоциации к созданию сети рабочих организаций. Если сейчас общества взаимопомощи рабочих имеют в виду главным образом поддержку своих членов в случаях болезни и безработицы, то в будущем их функции значительно расширятся: их кассы будут оказывать помощь в случаях старости, инвалидности, будут поддерживать вдов и сирот; в каждой отрасли промышленности будет бюро, концентрирующее все сведения о спросе и предложении труда. Рабочие организации будут объединены в районном и в национальном масштабе, создастся как бы «франк-масонство» (*frans maçonnerie*) труда. Право на участие в выборах должностных лиц предприятия будет давать при этом режиме только обла-

⁷¹ Ibid., t. I, pp. 194—198, 205—216; t. II, pp. 487—495.

⁷² Ibid., t. I, pp. 445—447, t. II, p. 93.

дание паем или выполнение руководящей функции Рабочие, не имеющие акций, не входят в избирательный корпус индустрии. Но возможно, что в представительных органах промышленности от них будут допущены делегации, ибо они заинтересованы в успехе предприятия. Это будет как бы своего рода «третье сословие».⁷³

Основные принципы распределения для рассматриваемого периода, как его представляет себе Пеккёр, полностью отвечают установкам школы Фурье. Первый принцип — обеспечение для всех прожиточного минимума: «раньше необходимое для всех и лишь затем излишнее для немногих». Второй принцип — вознаграждение таланта (но умеренное). Третий принцип — сохранение дохода на капитал. Собственность и наследование не будут отменены. Но присвоение орудий труда и право наследования будут иметь все меньше и меньше вредных последствий, ибо с распространением акционерных обществ по наследству будут передаваться акции, а не земля, не промышленное предприятие, словом — не орудия труда сами по себе. Индивидуальная собственность будет существовать как собственность на акции; производственные фонды будут фондами социальными. Массы протестуют не против индивидуального права собственности, а против его исключительности, против монополии, против «инфеодации» земли и средств производства. В ассоциации у каждого будет возможность проложить себе дорогу в жизни, приобрести капитал. Когда капитал будет у всех, его существование не будет представлять никакого неудобства, а между тем в форме капитала будет сохранен мощный стимул промышленной активности.⁷⁴

Политической характеристике режима ассоциации, как и вообще вопросам политического устройства, Пеккёр не уделяет особого внимания, и его замечания по этому вопросу не отличаются четкостью.

Как мы уже говорили, Пеккёр считает себя учеником Руссо и французской революции. В принципе он сторонник демократии. Однако, в своих ранних произведениях он доказывает, что воля народа отнюдь не всегда должна выражаться через *всеобщее* голосование. Всеобщее избирательное право, говорит Пеккёр, есть принцип, применяемый в зависимости от уровня культуры. Демократия — право и тенденция. С ростом морали и культуры власть будет становиться все более и более полным выражением общей воли. При режиме ассоциации, как думает Пеккёр, политические права будут связаны с промышленным цензом, ибо предполагается, что тот, у кого есть акции, заинтересован в порядке и имеет известные способности. Иными словами, политическими правами будут пользоваться пайщики ассоциации — выросший с ростом богатств средний класс. Где есть собственники, капиталисты, там и граждане, т. е. люди свободные, разумные, моральные, друзья порядка и мира. Избирательное право будет добываться усилиями, трудом, предусмотрительностью, будет рассматриваться как вознаграждение, а не как бесспорное право, равно принадлежащее невежеству и знанию, безнравственности и морали. Наилучшей формой политического представительства Пеккёр считает представительство от экономических организаций: от сельскохозяйственных, промышленных и торговых групп и коллективов. Интересно, что в этой связи он упоминает также об участии в выборах рабочих организаций.

Освобождаясь от нищеты, поднимаясь в материальном, моральном и интеллектуальном отношении, человек будет законно получать изби-

⁷³ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 185—198, 244—245.

⁷⁴ Ibid., pp. 25—26, 28—29.

рательное право, которого его приходится лишать в силу его невежества и грубости. При всей своей вере в прогресс Пеккёр высказывает иногда мысль, что точное осуществление принципа всеобщего избирательного права вообще невозможно. И в будущем политические права, говорит он в своей первой работе, всегда будут законной привилегией сферы разума, морали и благосостояния. В известном смысле политический строй будущего представляется ему строем аристократическим. Это не будет, однако, наследственная аристократия. Наследственная аристократия, говорит Пеккёр, не только не содействовала интересам справедливости и добра, но была на пути к ним препятствием. Нужна аристократия темперамента и воспитания, выделяющаяся своими способностями и заслугами. Этот промышленный, моральный, интеллектуальный цвет нации, эти избранные должны пользоваться известными привилегиями. Но они не будут представлять замкнутой, неподвижной касты. Монархии, по мнению Пеккёра, могут сохранить свое существование и в будущем обществе. Но prerogatives монархов будут согласованы с интересами общественного порядка, основанного на труде. На вопросе о том, в чем будет состоять это согласование, Пеккёр не останавливается, если не считать его указания, что в монархии наследственной управление должно быть в руках ответственного министерства.⁷⁵ Отметим, что в более поздних произведениях, как мы еще увидим ниже, Пеккёр переходит на более демократические позиции.

Изображенные нами социальные и политические отношения Пеккёр считает стоящими значительно выше современных и по сравнению с последними очень привлекательными. Однако это не последний шаг в развитии человеческого общества. Вообще нет и не может быть абсолютной, окончательной доктрины. Прогресс человечества бесконечен. Режим ассоциации соответствует определенному уровню развития человечества. Но в нем есть свои опасности. В известном противоречии с тем, что он говорил раньше, Пеккёр объявляет опасным основной фурийеристский принцип распределения дохода между трудом, талантом и капиталом. Как бы забывая, что в другом месте того же произведения он доказывал безвредность капитала при режиме ассоциации, Пеккёр неожиданно выступает против дохода на капитал, даже в той форме, какую он получает в проектируемой им ассоциации. Из участия капитала в дивиденде, говорит он, как из ящика Пандоры, происходят все беды, связанные с неравенством богатств. Но более совершенная экономическая комбинация требует от массы таких качеств, какими она сейчас не обладает. Собственность и наследование будут сохранены, пока люди в своем большинстве не согласятся жить во взаимной солидарности, пока каждый не будет уверен, что он всегда найдет в общей мастерской свою функцию и средства к существованию, пока каждый не будет считать своей обязанностью принести свой камень для построения гармонии и счастья человечества. Тогда общественное мнение будет считать труд законом для всех, капитал и собственность утратят свой смысл. Труд станет привлекательным, он будет средством приобретения популярности и влияния. Люди, уверенные, что труд будет у них всегда, не станут думать о накоплении капитала. Труд, капитал и талант, предсказывает Пеккёр, сольются в едином святом равенстве. Это время еще далеко, не считаться с этим было бы утопией. Но это время настанет. Распространение ассоциаций, их

⁷⁵ Des intérêts du commerce, t I, p. XVIII; t. II, pp. 246—251, 259.

объединение, усовершенствование их внутренней организации, моральное и интеллектуальное воспитание людей в ассоциациях — неизбежно приведут человечество к более высокому типу, социализации орудий труда.⁷⁶

Изложенные нами рассуждения Пеккёра о путях и перспективах развития современного общества даны им в его работе, вышедшей в свет в 1837 г. Они носят на себе следы самых разнообразных влияний, не сведенных в единое целое. К тому же по существу вопросу возвращается он в *Théorie nouvelle* 1842 г. в разделе о переходных мероприятиях, ведущих к социализации земли и к ассоциации.⁷⁷ Пеккёр отказывается здесь от идеализации акционерных обществ с мелкими акциями, которым он приписывал ранее «социализирующую роль». На первое место он выдвигает образование небольших рабочих ассоциаций, не требующих материальной помощи государства. Такие ассоциации могут охватывать одну или несколько специальностей, дальнейшая пропаганда духа ассоциации приведет затем к их объединению. Однако этому, так сказать, естественному росту ассоциации должна содействовать государственная власть. Мы знаем, что от содействия государства Пеккёр не отказывался и раньше. В *Théorie nouvelle* он пытается наметить некоторые возможные формы этого содействия. Должен быть издан закон об организации труда, устанавливающий следующие положения: 1) собственник орудия труда, занимающий более известного числа рабочих, лишается права самостоятельного руководства предприятиями и обязуется передать руководство администрации и совету, выбранным рабочими; совет определяет число часов труда и размер продукции; 2) доход собственника орудий труда на его капитал не может превышать 40/0; 3) изъятие капитала из производства воспрещается; 4) государством устанавливается минимум заработной платы; 5) с другой стороны, воспрещается уход рабочего с предприятия до истечения установленного срока и без предупреждения. Тот же закон должен гарантировать рабочему право на труд. Кому государство не может предоставить работы, тому оно выплачивает пособие по безработице в размере прожиточного минимума. При этом размер пособия зависит от причины утраты работы: оно достигает максимального размера, если безработица вызвана закрытием предприятия; оно минимально, если безработица является результатом лени или непорядочного поведения. Если безработные могут быть использованы на общественных работах, они вместо пособия получают заработную плату, которая, однако, должна быть ниже существующей нормы. Наряду с законом об организации труда Пеккёр предлагает закон о передаче государству права наследования по боковой линии. Поступившие в распоряжение государства в силу этого закона имущества должны быть использованы для поощрения и организации ассоциаций. Так, постепенно общество придет в конце концов к признанию всех орудий труда неотчуждаемыми, к их полной социализации. Пеккёр, подобно многим его современникам, предлагает испытать свою систему на опыте, выделив для этой цели Алжир, недавно захваченный Францией, объявив завоеванные африканские территории неотчуждаемой и неделимой общественной собственностью. Интересно, что о судьбе туземного населения Алжира Пеккёр в этой связи совсем не упоминает.⁷⁸

* * *

⁷⁶ *Des intérêts commerce*, t. II, pp. 28—29, 31 и др.

⁷⁷ *Théorie nouvelle*, p. 756 и след.

⁷⁸ *Ibid.*, pp. 764—765.

В 1848 г., как мы уже говорили, Пеккёр принимал весьма активное участие в работе Люксембургской комиссии. В докладе и в предложениях комиссии несомненно в какой-то степени отразилось его влияние. Но все же эти документы являются результатом коллективного творчества, руководящая роль в котором принадлежала не Пеккёру, а Луи Блану. Выделить в нем индивидуальную долю Пеккёра — задача при имеющемся в нашем распоряжении материале невыполнимая. Печальный результат деятельности люксембургской комиссии должен был принести Пеккёру громадное разочарование, рассеять многие из его иллюзий.

Осенью 1849 г. Пеккёр приступил к изданию собственного журнала *Salut du peuple*. В развитии революционного процесса во Франции это время отмечено новым подъемом демократического движения. Политика контрреволюционной буржуазии, прибавшей власть к своим рукам после июньского поражения пролетариата и избрания президентом Луи-Наполеона, неизбежно должна была толкать влево мелкую буржуазию и крестьянство. «Мелкая буржуазия, — говорит Маркс, — в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она беспрекословно предала себя в руки своих кредиторов».⁷⁹ Мероприятия буржуазной коалиции, особенно ее налоговая политика, содействовали политическому воспитанию крестьянства, пробуждали в крестьянских массах понимание того, в каком лагере находятся их эксплуататоры, в каком — их возможные союзники. Противостоя объединенным силам контрреволюции, революционизирующиеся мелкие буржуа и крестьяне, естественно, стремились к объединению с рабочим классом. Эта тенденция проявлялась уже в союзе буржуазных демократов (Горы) с вождями социалистического движения в начале 1849 г.; поворот в общественных настроениях сказался также в результате дополнительных выборов осенью 1849 г. и в начале 1850 г.

Происходило объединение демократических сил, чреватое опасностями для господствующей буржуазии, — объединение вокруг «красного знамени». Вновь приобрели злободневность все вопросы социального преобразования, поставленные старыми социалистическими школами: вопрос о кредитовании труда, о различных способах организации ассоциаций и о государственной помощи ассоциациям, о национальных мастерских, о роли в социальном преобразовании различных слоев населения, о завершении революции и о новой революции. В то время как наиболее передовые элементы пролетариата под впечатлением уроков революции все более тяготели к революционному коммунизму, различные течения мелкобуржуазного социализма, пользуясь благоприятной ситуацией, созданной для них сближением мелкой буржуазии с рабочим классом, пытались выступать вновь со своими старыми рецептами искоренения социальных зол. Именно в этот период революции и начал Пеккёр издавать свой журнал.

Опыт революции 1848 г., несомненно, внес некоторые новые оттенки в «социальную науку» Пеккёра, хотя ее основные принципы и остались неизменными. В *Salut du peuple* он выступает, как и до революции, защитником идеи мирного прогресса. Партия, говорит Пеккёр, которая выдвигает в качестве своего девиза насилие, изъятия, мятежи и репрессии, партия, которая руководится гневом и местью, обрекает себя на поражение. Демократия должна быть верна своим принципам. Ее цель — обновление чувств и идей, ее средство — убеждение. Обновле-

⁷⁹ К. Маркс, Классовая борьба во Франции, 1938, стр. 50

ние учреждений и законов придет затем само собой⁸⁰. Пеккёр и в 1850 г. продолжает призывать к «разумному» решению социального вопроса, к уступкам со стороны имущих классов, ко всеобщему «соглашению»⁸¹. И все же в его отношении к революции и к революционному насилию чувствуется перемена.

В № 5 пеккёровского журнала помещена в качестве передовой статья под своеобразным заглавием: «Le progrès par la douleur».⁸² Автор монографии о Пеккёре — Марси утверждает, что все статьи в *Salut du peuple* были написаны самим Пеккёром. Мы не имеем возможности проверить это утверждение, но считаем его весьма правдоподобным. Во всяком случае, помещение указанной статьи на первом месте свидетельствует о том, что выраженные в ней мысли полностью разделялись Пеккёром как редактором журнала.

Мы предчувствуем, говорится в статье, что революционный поток, унося последние остатки языческого и феодального прошлого, минует все иллюзорные компромиссы со злом, которые именуются переходными мерами, и вольется в чистые воды самого последовательного социализма. Это предчувствие не есть результат ведущего к самообману желания; оно основывается на уроках истории. «Прогресс, который должен был бы совершаться под общие крики радости и освящаться религиозными церемониями, осуществлялся всегда до сих пор на путях скорби, среди всеобщего траура. То, что для будущего является громадным достижением, благословением свыше, представляется в настоящем длительным искуплением ошибок прошлого... Прошлые не хотят уступать будущему, сила не хочет уступать справедливости, факт — праву, предрассудок — разуму, невежество — знанию. Отсюда *неизбежность насильственного решения* социальных проблем. Всякая сколько-нибудь значительная эволюция всегда происходила в истории в недрах революции. Покажите мне, — восклицает автор, — прогресс в учреждениях и правах, который совершился бы иначе. Привилегированные и удовлетворенные никогда не проявляют желания вступать на путь, который, по их мнению, ведет их к пропасти или к социальной смерти. Они издали чуют конец своих привилегий. Поэтому они против переходных мер, против уступок. Ведь это переход к упразднению того, что они считают своим абсолютным правом. В данный момент, например, это переход к лишению прав капитала и к воцарению труда. Не ждите от них ничего. Никогда не принимали они достойно прогрессивного и мирного движения к лучшему. Судя по урокам истории, следует ожидать, что в обоих лагерях будут готовиться в одном — к атаке, в другом — к отпору. И если бы завтра собрались Генеральные Штаты, в которых участвовали бы, с одной стороны, капиталисты и собственники, с другой — рабочие, пролетарии, то мы увидели бы, как гордые узлы социализма разрубаются мечом, в огне гражданской войны, быть может, ценой смерти наций, которые сейчас являются передовыми.

Искать каких-либо средств мирного перехода, способных примирить добро и зло, — это безнадежная задача. Если бы человечество в прошлом ждало открытия таких средств, чтобы освободиться от несправедливостей, установившихся в течение веков, то мы и до сих пор жили бы в режиме каст и антропофагии. Если не будет внезапного проявления чувств любви и милосердия во всех душах, общество ждет

⁸⁰ *Salut du peuple*, № 1, p. 5

⁸¹ *Ibid.*, № 5, p. 10.

⁸² *Ibid.*, p. 3.

одно из двух или возвращение к варварству, или гигантский скачок по пути прогресса — через ожидающий нас революционный ураган. В этом урагане исчезнут старые права, старые учреждения, а может быть и старые нации. Представлениям Пеккёра о революции не чужды элементы диалектики.

Не следует думать, говорит он, что пролетариат удовольствуется переходными мероприятиями, которые в действительности ничего не излечивают. Кто говорит «переход», говорит «развитие». Но в глубоких революциях общество не развивается, оно трансформируется. И в этих случаях происходит *перерыв последовательности* между тем, что было, и тем, что становится. Переходы возможны, когда из одного и того же принципа извлекаются новые выводы. Но когда дело идет о переходе от одного принципа, выводы из которого уже исчерпаны, к другому принципу, — тогда providенциальной неизбежностью становится *революция*, т. е., как мы сказали, *перерыв последовательности*. Мы находимся сейчас именно в таком положении, ибо нам предстоит перейти от последних применений принципа индивидуализма к первым применениям принципа солидарности, коллективизма.⁸³

Как мы видели, в статье все же предусматривается, хотя и в очень неопределенной форме, возможность мирного разрешения кризиса в случае победы в сердцах людей чувств любви и милосердия. Поэтому автор, хотя он и предрекает оптимистам разочарование, считает все же нужным обратиться с призывом к высшим классам. «Вы говорите, что вы хотите социального мира? Хорошо, есть простое и верное средство: даруйте и соблюдайте социальную справедливость, которая предусматривает равенство состояний». Все зависит от здравого смысла богатых классов: насилия и беспорядок, которые они предвидят и которых они так боятся, произойдут лишь в результате их слепого и преступного сопротивления действительному прогрессу.⁸⁴ Как призыв и пророчество звучит заключение статьи. «Вспомните о судьбе стольких знаменитых наций — Рима, Греции, Египта, Ассирии. Берегитесь, чтобы цивилизация не перенесла своего знамени на вершину Кремля; чтобы она не дала своего благословения неисчислимой расе славян. Берегитесь! Бессмертие обещано только тем нациям, которые борются за дело божье, т. е. за прогресс, за свободу, равенство и братство всех. Франция переживает торжественный и страшный момент; вопрос стоит для нее так: быть или не быть; смерть или радикальная трансформация.⁸⁵

Несмотря на это предупреждение, несмотря на обращение к доброй воле, характерные для дореволюционных произведений Пеккёра, бросается в глаза различие между тем, как трактуется проблема революции в изложенной статье, и тем, как разрешал ее Пеккёр в своих ранних работах. И это изменившееся отношение к революции сказывается не только в одном, случайном отрывке; оно чувствуется во всех тех случаях, когда Пеккёру приходится этой проблеме касаться. Уже во введении к первому номеру журнала Пеккёр называет восстание «средством спасения», «предохранительным клапаном» для народов, находящихся в критическом положении. Он отказывается давать теорию восстания, готовить к нему; но не потому, что оно недопустимо, а потому, что народ сам берется за это дело, когда настает для него момент. Это право нельзя у народа оспаривать. Ибо в анна-

⁸³ Salut du peuple, № 5, p. 6

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid., p. 6—7.

лах человеческой истории не бывало социальной эволюции без революций и революции без катаклизма.⁸⁶ Пеккёр считает, что законным может быть восстание не только тогда, когда оно направлено против монархии. Он заявляет, что меньшинство вправе и даже обязано восстать против правящего большинства, если большинство принимает решения, противоречащие принципу народного суверенитета (например, восстанавливает королевскую власть), если большинство нарушает вечные законы справедливости, если оно препятствует прогрессу, если оно утверждает неравенство. Восстание против несправедливости во имя прогресса есть долг перед богом и перед людьми.⁸⁷ Если индивиды или меньшинства по совести считают существующее право ложным, у них остается возможность сопротивляться этому ложному праву, завоевывать силой ту свободу, в которой им отказывает сила.⁸⁸ Некоторые страницы *Salut du peuple* звучат как настоящий призыв к восстанию.

Представляя себе будущее революционное столкновение, Пеккёр, как мы видим, ожидает, что на страже существующего порядка будут в этом столкновении капиталисты и собственники, на стороне нового порядка — рабочие, пролетарии. Характерно, что в *Salut du peuple* мы совсем не находим упоминания о «средних классах», которым Пеккёр в конце 30-х и в начале 40-х годов отводил основную роль в деле общественного преобразования.⁸⁹ В 1850 г. эта роль принадлежит пролетариату. Только пролетариат (*le peuple prolétaire*), заявляет Пеккёр, свободен от подчинения доктрине интереса и совершившихся фактов. Пролетариат открывает эру революций. Не следует думать, что рабочие, поднявшие знамя революции, стремятся только к повышению своего благосостояния. Нет, дело идет о торжественном признании прав равенства и братства, об «отмене пролетариата, о новом этапе в развитии цивилизации, о выходе трудящихся классов на арену социальной и политической жизни». ⁹⁰ Цель не в том, чтобы победивший класс эгоистически стал на место побежденного, цель в слиянии классов, в том, чтобы человечество стало тем, чем оно должно быть, — единой семьей.⁹¹

Исходя из своего нового понимания исторических задач пролетариата, Пеккёр призывает рабочих к единению и солидарности. Единение и солидарность обеспечивают пролетариату достижение свободы, равенства и благосостояния. Оставаясь разрозненными, предоставленные самим себе, пролетарии увековечивают свое рабство. Рабочий, который этого не поймет, — раб по своей природе. Но наиболее интеллигентная часть рабочих, к которым в данном случае Пеккёр причисляет и крестьян, все это уже поняла, и скоро это будет ясно всей массе пролетариата. В единении — сила (*l'union fait la force*). Католики говорят, вне церкви нет спасения. Для рабочих вне всеобщей солидарности (*la solidarité universelle*) нет спасения. Итак, солидарность, — восклицает Пеккёр, — солидарность не только между рабочими одной отрасли промышленности, между рабочими одного кантона, не только между рабочими одной страны; нет — «святая солидарность рабочих всех стран Европы, а если бы это было сейчас возможно, и всего мира!..» Союз, который охватил бы не только тружеников города, но и труже-

⁸⁶ Ibid., № 1, p. 6—7.

⁸⁷ Ibid., № 4, p. 7—10.

⁸⁸ Ibid., № 6, p. 7.

⁸⁹ См. выше, стр. 185.

⁹⁰ *Salut du peuple*, № 5, p. 7—10.

⁹¹ Ibid., № 1, p. 7—8.

ников деревни, собрал бы путем членских взносов громадные суммы и мог бы сделать чудеса.⁹²

В первом же номере *Salut du peuple* Пеккер выражает сомнение в целесообразности «переходных мер», если они не связаны с «радикальными принципами».⁹³ Улучшения паллиативного характера — это лишь временные остановки для пролетариев, идущих к завоеванию прав человека во всей их полноте. Убедившись в недостаточности таких мер, пролетарии неизбежно пойдут дальше к своей цели. В начавшейся революции дело идет не о реформах в торговле, не о запрещении ростовщичества — дело идет об уничтожении пролетариата, о реализации свободы, равенства, братства.⁹⁴ Из этого не следует, однако, что Пеккер отвергает возможность «постепенного» и «добровольного» перехода от существующего строя к последовательному социализму. Как в своих ранних произведениях, так и в своих статьях 1850 г. он предупреждает о необходимости считаться не только с теоретически построенным идеалом, но и с реальными возможностями. Чтобы достигнуть основных целей практического социализма — социализации орудий труда, преобразования всех видов труда в социальные функции, экономического единства нации, равенства социальных, экономических и политических условий, необходимо использовать все отношения и тенденции нашей эпохи. Исходя из этого, Пеккер считает нужным предложить народу ряд различных способов разрешения указанных задач.

Все эти способы могут быть сведены, по его мнению, к двум категориям: общество может быть преобразовано снизу, путем индивидуальной инициативы, «путем свободы», или сверху, путем коллективной инициативы, путем государственных мероприятий.⁹⁵

Пеккер напоминает, — очевидно, опровергая противников государственного вмешательства, — что «унитарные социалисты», к которым он себя причисляет, никогда не отрицали первого способа преобразования — «пути свободы». Наоборот, они всегда утверждали, что просвещенная свобода, косвенно поддерживаемая государством, может осуществить ассоциацию и все те преимущества, которые присущи организации труда, осуществляемой сверху.

Отправным пунктом преобразования общества на путях свободы является производственная корпорация рабочих. Это центр труда, элемент новой социальной экономики. С точки зрения экономической, основное звено социалистического порядка составляет ассоциация, построенная на равенстве и солидарности интересов. Однако не следует думать, что образование «добровольных товариществ» рабочих само по себе способно разрешить социальную проблему.⁹⁶ Если рабочие товарищества не объединятся тотчас же между собою, если они не заключат пакта солидарности и взаимности, не обеспечат таким образом верной «клиентелы» для своих продуктов, — все пропало: они погибнут в борьбе с хитрыми и ловкими предпринимателями-капиталистами, которые ничего не пожалеют, чтобы их уничтожить.⁹⁷ Помимо этой опасности, угрожающей рабочим товариществам извне, со стороны капиталистического мира, Пеккер видит также в системе свободных товариществ внутренний порок, грозящий ей разложением

Этот порок — возможность конкуренции между самими товариществами и в результате ее — возможность подчинения одних товариществ другим, обладающим монополией на предметы первой необходимости. Следовательно, эта система не исключает неравенства, если даже отдельные товарищества основаны на принципах самого строгого равенства.⁹⁸

Итак, товарищества, организованные рабочими для производства за их собственный счет, должны быть в свою очередь объединены, они должны иметь единый регулирующий и направляющий их деятельность центр. Как в процессе организации свободных рабочих товариществ, так и в процессе их объединения Пеккёр отводит большую роль Союзу рабочих, объединяющему их силы. Этот Союз рабочих должен поставить себе целью организацию производства силами самих рабочих, без помощи капитала, уничтожение ростовщичества и частного предпринимательства, освобождение трудящихся от десятины, которую с них взимают под именем арендной платы, процента, прибыли. Для достижения этой цели необходимо: создать собственные предприятия с собственным капиталом; заключить соглашения для взаимного потребления продуктов этих предприятий, сорганизоваться для совместной закупки оптом продуктов, которые они сами не производят; бороться против понижения заработной платы членов Союза, работающих в частных предприятиях; обеспечить взаимопомощь на случай безработицы, болезни и т. д.⁹⁹

Начинать организацию собственного производства Пеккёр рекомендует с таких отраслей промышленности, которые наиболее соответствуют навыкам членов Союза, которые в данной местности имеют наибольшие шансы успеха. На работников каждого товарищества должно быть возложено обязательство производить все закупки исключительно в магазинах Союза. Для того чтобы выдержать конкуренцию с частными предпринимателями, заработную плату в товариществах надлежит определить на первых порах в том же размере, в каком ее получают в анархической индустрии, а продажную цену продуктов несколько ниже цены продуктов частных предпринимателей. Все члены товарищества должны участвовать в образовании его фонда путем взносов, впоследствии покрываемых товарами. Ни в коем случае не следует допускать капитал к такому участию в ассоциации, при котором капиталист мог бы приобрести решающее влияние в предприятии; вообще следует избегать займов и, в случае необходимости к ним прибегнуть, отказывать заимодавцам в праве вмешиваться во внутреннюю экономику ассоциации. Что касается капиталистов, сохраняющих еще свои собственные предприятия, то Союз рабочих может своей деятельностью вынудить их к переговорам о передаче руководства предприятием за справедливое вознаграждение уполномоченному ассоциации и таким образом добиться полной эмансипации рабочих предприятия от власти капитала и эксплуатации. В таких предприятиях должен быть организован при директоре совет, избираемый рабочими; за капиталистом можно сохранить право *vetó* или право выбора из представленных ему нескольких кандидатов. Связь между объединенными товариществами должна осуществляться при посредстве избранного ими административного совета; совет должен иметь полномочия контролировать деятельность каждого производственного центра, распределять между ними кредиты и труд; определять зара-

⁹⁸ *Salut du peuple*, № 5, p. 15.

⁹⁹ *Ibid.*, № 5, p. 17.

ботную плату и цены на товары; обеспечивать солидарность, взаимность и справедливость в отношениях между товариществами. Совет устранит возможность конкуренции между отдельными предприятиями, будет заботиться о распределении между ними продуктов, о сбыте их с максимальной пользой для всех членов ассоциации, будет определять тариф заработной платы.

Тот же Совет должен распределять между пайщиками чистый доход товарищества после выделения известной его части на общественные нужды. При распределении коллективного дохода должны быть приняты во внимание все потребности социальной и индивидуальной жизни. Прежде всего, должны быть выделены суммы, необходимые для сохранения и дальнейшего роста неделимого и неотчуждаемого социального капитала. Должны быть предусмотрены: резерв на покрытие недовыработки слабых и малоспособных работников, резерв на случаи болезней и временной нетрудоспособности членов ассоциации, резерв на отпуск, на развлечения, на путешествия и т. п.¹⁰⁰

Идея Рабочего союза как силы, содействующей преобразованию общества на началах ассоциации, мы не находим в ранних произведениях Пеккёра. Этого нельзя сказать про идею содействия государства победе принципа ассоциации. Пеккёр никогда не отказывался от известных форм такого содействия. Однако не подлежит спору, что после 1848 г. Пеккёр склонен отводить государству в деле разрушения капиталистического порядка и утверждения порядка социалистического гораздо более значительную роль. Уточнению и углублению его взглядов по этому вопросу, несомненно, способствовало распространение прудоновских идей «анархии», с которыми Пеккёр полемизирует в той или иной форме в каждом номере своего журнала (в первом номере борьбе с прудонизмом посвящены даже две статьи: «Qu'est ce que c'est l'Etat» и «Première lettre au citoyen Proudhon»).

Принуждение, утверждает Пеккёр, полемизируя с анархистами, вполне законно, когда оно служит справедливости. Претензию анархистов обойтись без вмешательства государства в деле экономической организации Пеккёр считает противоречащей самым бесспорным истинам. Правда, он отмежевывается также и от сторонников диктатуры (qu'elle soit maudite). Однако диктатуру он все же допускает в моменты социальных катаклизмов, если она служит общественному благу.¹⁰²

К вопросу о тех мероприятиях, при помощи которых государство содействует переходу от капитализма к социализму, Пеккёр обращается не раз и дает их в разных вариантах. Подробнее всего программа реформ, «ограничивающих» производ и тиранню капиталистов и землевладельцев и тем самым помогающих делу социального преобразования, развита в одной из статей пятого номера «Salut». Осуществление намечаемых в этой программе мероприятий установило бы, по мнению Пеккёра, некоторый переходный порядок между режимом «абсолютной апроприации» орудий труда и режимом функционального пользования им. Этот переходный порядок Пеккёр называет режимом «условной апроприации», так как он допускает частное владение источниками общественного богатства, но на известных условиях. Эти условия таковы: 1) лихонство (l'usure) во всех его формах запрещается; так как понятие usure покрывает у Пеккёра все нетрудовые доходы, то тем самым воспрещается и предпринимательская при-

¹⁰⁰ Salut du peuple, № 2, p. 17—19, № 3 p. 31

¹⁰¹ Ibid., № 1

¹⁰² Ibid., p. 24—28

быль; ¹⁰³ 2) запрещается анархический обмен, устанавливается общий тариф цен на товары и все виды заработной платы и жалованья, торговцы по профессии, спекулянты, наживающиеся на обмене, — те же ростовщики, воры, их занятие вся греко-римская древность считала аморальным (именно поэтому Христос выгнал торговцев из храма), свободный обмен неизбежно порождает неравенство, 3) на каждого держателя капитала возлагается обязанность включить в число участников в распределении продуктов или их стоимости всех, кто содействует изготовлению этих продуктов, на основе равенства, т. е. в соответствии с их трудом; 4) на капиталистов возлагается также обязанность непрерывно использовать их капиталы и предоставлять работу трудящимся их предприятий; коллективно гарантировать предоставление работы безработным; 5) устанавливается, что в случае неиспользования производственных фондов, наносящего ущерб трудящимся, эти фонды экспроприируются во имя общественных интересов. ¹⁰⁴

Ограничивая права предпринимателей-капиталистов, государство, с другой стороны, должно оказывать поддержку свободному движению трудящихся к ассоциации. Оно может в этом отношении сделать очень много. Оно может помогать рождающимся ассоциациям путем денежных субсидий. Оно может укрепить их, санкционировав в законодательном порядке их уставы. Оно может содействовать объединению ассоциаций путем их федерирования, устранять возникающие между ними споры, препятствовать созданию между ними отношений зависимости, поощрять их развитие и образование основанной на подлинной солидарности «ассоциации ассоциаций». ¹⁰⁵

Пеккер допускает, наконец, что государство может принять активное участие в общественном преобразовании путем организации национальных мастерских, хотя этому мероприятию он отнюдь не придает значения решающего или хотя бы наиболее желательного метода социальной реформы.

Большие социальные улучшения начинаются снизу, но завершаются сверху. Если движение к социализму начнется с *добровольных* ассоциаций и с их добровольного объединения, то оно должно закончиться признанием ассоциации *обязательной*. Прогресс осуществляется путем совместного действия государственного вмешательства и свободной деятельности индивидов. Вмешательство народного суверенитета, прямое или косвенное, неизбежно; нельзя сделать ни одного шага в направлении социальных реформ, не прибегая либо к его инициативе, либо к его помощи. Свободная ассоциация хороша как средство, но цель — ассоциация *обязательная*. Свободная, т. е. факультативная, ассоциация неспособна гарантировать будущее пролетариата; в ней многое зависит от произвола индивидуальных решений, от эгоистических интересов. Если мы признаем за индивидами право на труд, то мы должны признать за обществом обязанность обеспечить каждому

¹⁰³ Выдвигая это требование, Пеккёр считает необходимым отмежеваться от анархистов, для которых, как он говорит, в упразднении «лихоимства» заключается весь социализм. Между тем, с точки зрения Пеккёра, — это только одна из предварительных мер, и притом не основная. Анархисты проповедуют беспроцентный кредит, не считая необходимой ассоциацию, не упраздняя конкуренции. Но там, где нет солидарности, где не регламентирована, не объединена под общим руководством вся экономическая деятельность, не может быть беспроцентного кредита. Борьба против всех видов «лихоимства» может быть доведена до конца только на почве ассоциации. *Salut du peuple*, № 2, p. 21 и 23; № 3, p. 16.

¹⁰⁴ *Ibid.*, № 5, p. 13; № 3, p. 19; № 6, p. 26.

¹⁰⁵ *Ibid.*, № 4, p. 18—19; № 5, p. 15.

возможность пользоваться орудиями труда. А это требует превращения общества в центр производства и распределения богатств, требует создания национальной ассоциации. Добровольные акты могут содействовать общественному преобразованию, но придать ассоциации характер всеобщего и постоянного социального порядка может лишь санкция закона.¹⁰⁶

Таким образом, даже в том случае, если движение к социализму совершается «путем свободы», наступает, по мнению Пеккера, момент, когда государство, и ранее содействовавшее этому процессу теми или иными способами, должно как бы подвести ему итоги, оформив законном окончательную передачу суверенному народу права собственности на орудия труда, социализацию земли и капиталов. Но Пеккёр, как мы уже упоминали, в своих статьях 1850 г. допускает также возможность иного пути социалистического преобразования — пути единовременной, радикальной перестройки общественных отношений «сверху». Это, пожалуй, самая интересная из новых черт, привнесенных в социальное учение Пеккера революционными годами.

Есть два момента, говорит Пеккер, благоприятные для глубоких и решительных реформ: момент подготовки пересмотра конституции и момент, непосредственно следующий за революцией. Во Франции через шестьдесят лет после 1789 г. в великом деле создания национального богатства, распределения и потребления царят те же порядки, какие существовали в «прекрасные» дни правления королей и аристократов старого режима. Суверенный народ вскоре это поймет и захочет разорвать этот гордиев узел, что для него вполне возможно. Достаточно при одном из будущих пересмотров конституции, не говоря уже о неожиданных фатальных поворотах (Пеккёр имеет в виду, очевидно, революцию), объявить, что в великой лаборатории общественного богатства имеются лишь различные функции и выполняющие их члены: ассоциации (*associés fonctionnaires*).¹⁰⁷ Учредительное собрание или собрание по пересмотру конституции демократической и социальной республики не только может, но и должно принять действительные меры в целях универсализации собственности (*universaliser la propriété*). Нужно всех сделать собственниками, притом не в течение 50 или тысячи лет, а сразу, при помощи *единого декрета*. И это можно сделать, отменив частный кредит, индивидуальное и произвольное владение орудиями производства.¹⁰⁸ Преимуществом такого законодательного решения социальной проблемы Пеккёр считает то, что оно «с завтрашнего дня» (*dès demain*) обеспечивает каждому его право на труд в соответствии с его способностями и возможность делать сбережения; для этого он должен лишь подчиниться общим условиям труда. Пеккёр понимает, что этот путь преобразования предполагает в качестве предпосылки экспроприацию в общественных интересах собственников орудий труда. Именно это обстоятельство, по его мнению, отталкивает многих от такой единовременной реформы анархической индустрии. Очевидно, чтобы примирить общественное мнение с идеей экспроприации, Пеккёр выдвигает предложение о *выкупе*, а всеобщей, постепенной или единовременной, экспроприации с вознаграждением, которое обеспечило бы существование экспропрированных. Провести такую меру суверенный народ может, дав путем все-

¹⁰⁶ Ibid., № 4, p. 14—16, 21—22.

¹⁰⁷ Ibid., № 5, p. 11; № 2, p. 30.

¹⁰⁸ Ibid., p. 17—18.

общего голосования соответственный наказ национальному собранию, облеченному полномочиями для пересмотра конституции.¹⁰⁹

С точки зрения морали и права насильственная экспроприация не является несправедливостью. Она является средством для установления такого порядка, при котором все имеют равные условия развития и благополучия при обязательной для всех необходимости работать, чтобы жить. Чем же плоха участь экспроприированных, спрашивает Пеккёр, если труд является общей обязанностью? Компенсация не есть оплата, обязательная для общества, это акт благородства и щедрости, как бы мост между прошлым и будущим. Принцип экспроприации для общественной пользы,— продолжает Пеккёр,— так же стар, как и общество. Каждый раз, как общество делало шаг в направлении свободы, равенства и братства, оно создавало новых собственников путем передела земли, путем ограничения размеров собственности в каждой семье, путем отмены долговых обязательств. Переделы земли и решения об отмене долгов повторялись неоднократно как у евреев, так и в греческой и римской цивилизации. Всякий раз, когда концентрация и монополизация богатств достигали у какого-либо народа крайней степени, народ или погибал в состоянии анархии, или возрождался, создав новых собственников. Так, во время французской революции были экспроприированы духовенство и дворянство, а национальные имущества были проданы по дешевой цене среднему классу, до того не имущему и подчиненному аристократии. Но эти меры, сопровождавшиеся насилиями, были одновременно и недостаточными и несправедливыми. С одной стороны, они шли на пользу лишь некоторым, а не всем тем, кто имел равные права на их помощь. С другой стороны, они не мешали существованию пауперизма и пролетариата; наоборот, революционные экспроприации содействовали их росту. Этим прежним реформам не хватало принципа взаимности и солидарности, принципа обязательной ассоциации.¹¹⁰

Будущая экспроприация восстановит пользование орудиями труда для всех и на равных условиях; она создаст столько собственников, сколько имеется трудящихся,— не *исключительных* собственников, пользующихся и злоупотребляющих собственными условиями богатства, а собственников коллективных.¹¹¹ «Аграрный закон», передел собственности на условиях индивидуального владения и свободного распоряжения орудиями труда, неизбежно приводит в дальнейшем к возрождению неравенства, к нищете. Такова природа свободного обмена, свободного производства, закона спроса и предложения, конкуренции. Сохранение этих принципов общественной организации вновь восстанавливает все пороки общества, временно устраненные несовершенными уравнительными мероприятиями. Экспроприация имеет оправдание лишь в том случае, если трудящиеся, в пользу которых она производится, обязуются образовать нерасторжимую ассоциацию, если экспроприированные фонды как достояние общественное никогда не смогут вновь подвергнуться дроблению, индивидуальной апроприации.¹¹²

Пеккёр старается сделать экспроприацию возможно более приемлемой для экспроприируемых. Он предупреждает их о возможности революционной бури и насилий, если они не проявят духа соглашения, если они будут упорно держаться за свои приобретенные права. Гораз-

¹⁰⁹ *Salut du peuple*, p. 19.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 20—22.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 23.

¹¹² *Ibid.*, № 6, p. 25—26.

до выгоднее согласиться на выкуп, который обеспечит бывшим капиталистам спокойное существование. Надо лишь иметь в виду, что общество не сможет выплатить им компенсации одновременно и они не смогут извлекать доход из получаемых ими в виде компенсации сумм. Компенсация должна будет выплачиваться путем ежегодных платежей, которые ввиду запрещения всех форм нетрудового дохода могут быть использованы исключительно для приобретения предметов потребления.¹¹³

III

В согласии со своим пониманием задач социальной науки Пеккёр считает необходимым дать характеристику высшего, идеального типа общества, соответствующего установленным им основным философским принципам. Такое идеальное построение может и должно, по его мнению, ориентировать человечество, дать ему путеводную нить, помогающую найти правильный путь в хаосе явлений.

Мы знаем, что согласно философско-исторической теории Пеккёра ничто из созданного человечеством не может считаться вечным и прочным. Никакая конституция, говорит Пеккёр, никакая экономическая комбинация не может быть окончательной и завершённой. Найти «божественный кодекс», который бы давал «окончательное решение» социальному вопросу — это химерическая надежда. Конечно, социальная наука всегда стремится найти то, что наилучшим образом соответствует божественному плану. Но она вынуждена учитывать в своих конкретных решениях нравы, просвещение, запас богатств, имеющихся в распоряжении общества. И нравы, и просвещение, и богатства прогрессируют; соответственно должно прогрессировать и устройство общества. Поэтому при решении проблемы будущего общества должна быть сознательно предусмотрена возможность дальнейшего прогресса в направлении наибольшего счастья всех.

По учению Пеккёра, общество не есть скопление индивидов, не зависящих друг от друга; общество — не механизм, но организм.¹¹⁴ Это коллективное бытие, солидарное перед лицом бога в выполнении цели, которую мы, согласно его воле, совместно преследуем. Общество предшествует индивиду. Оно возникло вместе с человечеством и кончится вместе с ним. Для человека так же естественно жить в обществе, как для рыбы — плавать, для птицы — летать. Общество не является результатом соглашения между эгоизмами, где каждый выдвигает свои условия, которые индивидуум волен принять или отвергнуть. Оно выше воли человека, оно есть факт провиденциальный, это ассоциация, скрепленная долгом, где каждый должен повиноваться общему закону, условиям общего счастья, выполняя некую функцию. Пеккёр высказывается против Руссо и Фурье, считающих, что социальная справедливость предполагает неограниченное удовлетворение наших желаний или свободу притяжения страстей. Эта теория, говорит он, не учитывает долга, внимания к правам других. Всегда подчиняться только самому себе и своим влечениям, как того хотят Руссо (?) и Фурье, было бы возможно лишь в том случае, если бы все хотели того, что хочет социальный закон.

Право каждого жить и развивать свои способности для Пеккёра бесспорно. Но человек не может найти в себе самом все условия свое-

¹¹³ *Ibid.*, № 6, p. 22—24.

¹¹⁴ *Théorie nouvelle*, p. 226.

го счастья. Подлинный интерес индивида — в слиянии с коллективом. Иногда Пеккёр формулирует свою мысль еще резче: существует только коллективный индивид.¹¹⁵ Права и обязанности индивида находятся во взаимодействии с правами и обязанностями других. Общество создано не только для совместного труда и покорения природы, но и для защиты индивида от других индивидов. Братство и солидарность не осуществляются сами собой, они требуют для своей реализации коллективных усилий. Задача общества состоит в установлении справедливого распределения прав и обязанностей в согласии с законами морали, в достижении равновесия притязаний. Иными словами, все должно быть организовано в обществе так, чтобы несправедливые, эгоисты и порочные не могли эксплуатировать справедливых, преданных и добродетельных, чтобы всем на основе равенства со всеми другими было гарантировано пользование их естественными правами, чтобы всем было обеспечено моральное, интеллектуальное и физическое развитие.¹¹⁶

Социальная наука должна найти такую форму ассоциации, в которой каждый сможет идти к своему частному благу, только содействуя пропорционально благу общему, в котором каждый должен выполнять свои обязанности в той же мере, в какой он хочет пользоваться своими правами.¹¹⁷ При этом социальная наука основывается на знании потребностей, способностей и тенденций человеческой природы. Исходя из этих тенденций, она находит те учреждения, которые обеспечивают достижение ее цели. Все, что есть в природе человека, находит свое отражение и в обществе. Элементы природы человека становятся в обществе элементами общественной организации — конститутивными элементами, как их называет Пеккёр. Конститутивные элементы (например, религия, индустрия, наука, государство) являются основой для специальных функций. Этот великий и мудрый организм сложился эмпирически, как результат векового опыта, но он не мог не возникнуть, ибо он вытекает из providенциального порядка вещей. Среди конститутивных элементов есть элементы вечные, которые могут исчезнуть лишь вместе с человечеством; есть и такие, которые перестанут быть необходимыми с прогрессом человечества, — когда все люди будут полностью соблюдать закон справедливости (юстиция, полиция, армия), но во всяком случае они, даже оставаясь в принципе неизменными, по форме меняются, прогрессируют. Эта форма безразлична, от нее зависит благосостояние многочисленных классов. Изменения в формах связаны, согласно идеалистической философии Пеккёра, с прогрессом знаний и с накоплением опыта. Сейчас, утверждает Пеккёр, настало время их трансформации в соответствии с достигнутыми высотами социального знания.¹¹⁸

Основным моментом в характеристике общественного строя является способ соединения капиталов и людей. С этой точки зрения Пеккёр различает пять систем общественного устройства. Две из них — системы «партикуляризирующие», т. е. исходящие из абсолютного права собственности на орудия, источники и условия богатства и труда; три — «социализирующие» владение землей, «мертвым и живым капиталом», исходящие из того, что индивидуального и абсолютного права собственности на орудия труда не существует.¹¹⁹ Суще-

¹¹⁵ Des améliorations matérielles, pp. 150—153.

¹¹⁶ Théorie nouvelle, pp. 177—190.

¹¹⁷ Ibid., pp. 190—191.

¹¹⁸ Ibid., pp. 207—228.

¹¹⁹ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 28—29, 31 и др.

ствующая система принадлежит к числу «партикуляризирующих». Эта система, при которой существуют хозяева-капиталисты и наемные рабочие, освящена почти универсальной традицией. По существу она является отрицанием ассоциации. Капитал — господин, который получает все блага, трудящийся — раб «Хозяина» обсташается благодаря труду наемного рабочего, в то время как последний прозябает в самой глубокой нищете.¹²⁰

К этому же типу «партикуляризирующих» систем относит Пеккер и те формы ассоциации, которые он пропагандирует как идущие на смену капитализму. Ассоциация объединяет землю, сырой материал, орудия труда. Но у каждого члена ассоциации остается право индивидуальной собственности на его пай, отчуждаемый и передаваемый по наследству. Ассоциация такого рода — как бы компромисс между капиталом, трудом и талантом. Она устанавливает коллективную собственность капиталистов и рабочих, богатых и бедных в том смысле, что повышение дохода капиталиста сопровождается повышением дохода рабочих. Но неравенство богатств в этой системе остается.¹²¹

Наиболее последовательная из «социализирующих» систем — такая система, в которой совершенно отсутствует личная собственность, в которой не только орудия труда составляют общественную собственность, но *все* считается общим в каждый данный момент. В этой системе царит равенство благ, то, что получает рабочий, не зависит от его заслуг; только акт потребления узаконяет и осуществляет индивидуальное присвоение. Это религиозный идеал евангелия — «царство божие на земле». Такое общество, по мнению Пеккёра, мечта и долго останется только мечтой, ибо оно предполагает абсолютное совершенство всех. Чтобы сделать последовательный коммунизм возможным, нужны века дисциплинирующей работы.¹²² Коммунизм есть благо, говорит Пеккёр в другом месте, если он практикуется по доброй воле всех, он — зло, если к нему принуждают.¹²³

Иногда Пеккёр выражает сомнение в достижимости коммунизма даже в отдаленном будущем. Если бы все жили согласно заветам евангелия, рассуждает Пеккёр, не было бы *ни моего, ни твоего*, каждый рабстал бы по своим силам и потреблял по своим потребностям. Но люди обладают свободной волей, они подвержены страстям, способны к излишествам в потреблении. Эти проявления свободной воли должны находить ограничение в общественных установлениях. Ни для индивида, ни для общества не выгодно поощрение порока. Нельзя допускать, чтобы лучшие содержали худших: это была бы слепая и безумная благотворительность за счет добрых граждан. Из этих соображений Пеккёр выводит не только невозможность, но и аморальность полной общности благ. Каков бы ни был прогресс нравов и учреждений, всегда нужно будет определять некоторую часть богатств, которой индивид может свободно располагать (но отнюдь не злоупотреблять), иными словами, нужно будет сохранять индивидуальную собственность.¹²⁴

Вторым вариантом «социализирующей» системы Пеккёр считает систему, защищаемую сен-симонистами. В этой системе сохраняется неравенство вознаграждения за различные функции, выполняемые в обществе (каждому по его способностям, каждому по его труду). В известном смысле сохраняется индивидуальная собственность. В:

¹²⁰ Ibid., t. I, p. 433.

¹²¹ Ibid., pp. 433—434.

¹²² Ibid., t. I, pp. 430, 433 t. II, p. 186.

¹²³ Théorie nouvelle, p. 637.

¹²⁴ Des intérêts du commerce, t. II, pp. 3—4.

главе общества стоит верховный вождь. Члены общества выполняют те или иные функции по своим способностям, определяемым высшей властью. Высшая власть доверяет тому или иному члену общества орудия труда, которые находятся в распоряжении получившего их лица; однако та же высшая власть может и отобрать их по своему усмотрению. В этой системе общественная иерархия подобна иерархии в казарме. Верховный отец правит всеми светскими и духовными делами на основе божественного права. Такое отчуждение свободы граждан представляется Пеккёру неприемлемым.¹²⁵

Наконец, третья «социализирующая» система — система, построенная в противоположность предыдущей на принципе народного суверенитета, распространяемого на все отрасли деятельности. Здесь народ оценивает работу и заслуги каждого путем конкурса и жюри и соответственно с этой оценкой он избирает гражданина для выполнения той или иной функции. Выполняя свою функцию, индивид получает соответственное затраченному им труду вознаграждение, которое является его индивидуальной собственностью. В этой системе сохраняется возможность известного неравенства жизненных условий; каждый — творец своего материального благополучия. Способность и талант сами по себе не дают никаких прав. Если они проявляются в преданности, в заслугах перед обществом, они находят вознаграждение в общественной оценке, в возвышении, которое дает индивиду больший почет. Только труд дает право на долю общественных богатств: кто не работает, не ест. Этот порядок, по мнению Пеккёра, в наибольшей мере соответствует распределительной справедливости, принципам братства и обязанностям по отношению к богу.

В *Salut du peuple* Пеккёр называет такую систему «условным коммунизмом», в отличие от «абсолютного коммунизма» первых христиан. Термин «коммунизм» он предпочитает здесь термину «социализм», последний стал, по его мнению, слишком эластичным, так как им пользуются доктрины, не имеющие ничего общего с подлинным социализмом (в первую очередь Пеккёр имеет в виду, по видимому, Прудона).

Принимая во внимание привычки людей, их ложные идеи, грубые нравы, наибольшие шансы реализации в ближайшем будущем имеет вторая из «индивидуализирующих» систем, сочетающая принцип ассоциации с индивидуальной собственностью на орудия труда (в форме акций). Но если считать не с тем, *что есть*, не со страстями и обстоятельствами, а с тем, *что должно быть*, то предпочтение приходится отдать изображенной выше «социализирующей» системе условного коммунизма.¹²⁶

Анализируя различные формы общественного устройства с точки зрения «способа соединения капиталов и людей», Пеккёр разрабатывает весьма оригинальную для его времени теорию собственности. Обычно, утверждает Пеккёр, под правом собственности разумеется право индивидуального присвоения орудий труда.¹²⁷ Собственность в таком понимании Пеккёр решительно отвергает. С религиозной точки зрения, говорит он, человек ничем не может обладать как собственностью. Все, что люди имеют, начиная с их собственной жизни, является лишь узурфом. Правильнее говорить о владении предметами, а не о собственности, ибо единственным собственником является бог, от которого люди все получают как бы на правах аренды. Еще

¹²⁵ Des intérêts du commerce, t. I, pp. 430, 435—436.

¹²⁶ Salut du peuple, № 1, pp. 12, 16; Des intérêts du commerce, I, pp. 431—432, 437.

¹²⁷ Des intérêts du commerce, t. II, p. 2.

более неправильно признавать право собственности как право пользоваться и *злоупотреблять* такое право прямо противоречит моральному закону. С точки зрения моральной природа принадлежит человечеству как коллективному бытию. Каждый индивид имеет право на земной шар, но через коллектив и на равных началах со всеми членами коллектива. Частное, индивидуальное присвоение не должно иметь места. Ни один человек не нуждается для жизни в индивидуальном обладании землею или иными материальными и нематериальными благами (воспитание, наука, искусство), являющимися средствами и условиями индивидуального и коллективного счастья. Но каждый должен иметь в своем законном распоряжении некую часть этих благ, чтобы иметь возможность участвовать в коллективном производстве общепользовных вещей. Поле труда должно быть общим, оно должно быть используемо на основе равного и братского соучастия.¹²⁸

По Пеккёру, как мы уже знаем, существующая конституция собственности есть причина почти всех общественных зол. Защитники существующей системы собственности выводят ее из права первого захвата, из факта владения и т. д. Они считают законным, что земля «инфеодирована» небольшому числу собственников, которые имеют права и не имеют обязанностей, которые могут не считаться с потребностями общества. Но если собственники имеют на землю неограниченные права пользоваться и злоупотреблять, они могли бы даже отказаться обрабатывать свои земли. Ясно, что их права должны быть подчинены более высокому принципу — общему благу.¹²⁹

Осудив право собственности в том его виде, в каком оно, по мнению Пеккёра, господствовало в течение всех веков цивилизации, Пеккёр противопоставляет существующему пониманию собственности то понимание, которое должно прийти ему на смену. Это новое право собственности Пеккёр выводит из естественного права человека на условия существования. Только природа создает право; общество его гарантирует, превращает право в факт. Естественное право собственности, по учению Пеккёра, весьма сложно по своему содержанию. Оно включает право на средства существования; на воспитание и обучение; на активную деятельность, соответствующую призванию и силам, на эквивалентное вознаграждение за выполнение эквивалентной функции; на возвышение согласно заслугам, на отдых в старости и в случае болезни и неработоспособности.¹³⁰ Так как центральное место во всей этой системе занимает, по представлению Пеккёра, право на активную деятельность, т. е. на выполнение общественной функции, то иногда Пеккёр коротко определяет право собственности как право на функцию.¹³¹ Общество должно обеспечить пользование всеми этими правами каждому гражданину на основах равенства с его согражданами; в частности, оно должно гарантировать каждому пользование орудиями труда, как условиями выполнения функций, и справедливой частью произведенных богатств, подлежащих потреблению.

Условное право пользования орудиями труда ни в коем случае не должно подменяться абсолютным правом присвоения некоторой их части, ибо такое присвоение есть несовершенный способ сочетания материи с трудом, способ, не согласуемый со свободой и счастьем многочисленных классов. Факт производства не образует права собственности. То, что я произвел, является условием моего существования,

¹²⁸ *Théorie nouvelle*, pp. 377—387.

¹²⁹ *Des intérêts du commerce*, t. II, pp. 7—9.

¹³⁰ *Théorie nouvelle*, p. 396.

¹³¹ *Ibid.*, p. 585.

условием собственности, но не самой собственностью. Если я владею тем, что я произвел, то не потому, что это моя собственность, а потому, что общество дает мне возможность обеспечивать мое существование путем обмена произведенного мною на то, что мне нужно для удовлетворения моих потребностей. Объектом индивидуальной собственности и правом пользоваться и не допускать к ней другого могут быть только средства существования.¹³² Абсолютное индивидуальное присвоение необходимой для существования доли национальной продукции и составляет, по Пеккёру, индивидуальную собственность в настоящем смысле этого слова. Иными словами, индивидуальная собственность, которую Пеккёр не отождествляет с *правом* собственности (как правом на функцию), есть вознаграждение за функцию. Законность индивидуальной собственности в этом ее понимании, по его мнению, бесспорна.¹³³

Что касается орудий труда, то единственным средством обеспечить существование, просвещение и свободу пролетариату является передача этих средств производства в распоряжение общества. Земля и материя труда должны быть освобождены от индивидуальной «инфеодации», должны стать «общей собственностью — неделимой, неотчуждаемой, социальной и коллективной». Они должны составить общественный домен, управляемый народным представительством. Такая социализация орудий труда *разрушит собственность немногих*; но она тем самым, согласно концепции Пеккёра, даст возможность *обеспечить собственность всем*.¹³⁴

Индивидуальное присвоение земли и частная собственность на орудия труда сыграли исторически прогрессивную роль. Строй, основанный на частной собственности, выше «негативного коммунизма» диких племен. Частная собственность содействовала развитию человеческих способностей и росту общественности. В этом смысле Руссо, по мнению Пеккёра, неправ в своей оценке исторического значения собственности.¹³⁵ Система индивидуального присвоения и передачи по наследству общественных функций и орудий труда установилась потому, что общество не знало тогда лучшей системы, потому что лучшая система не соответствовала нравам и просвещению.¹³⁶ Социализация, предлагаемая Пеккёром, настолько же, по его мнению, выше современного режима, насколько последний выше первоначального коммунизма. При этом она сохраняет все положительное, принесенное в жизнь человечества современным режимом: соревнование и независимость в труде. В то же время социализация разрешает самую трудную проблему общественного устройства: она примиряет частные интересы с общими. Если общество познало, таким образом, лучший способ распределения труда и орудий, оно вправе в интересах всех отнять у собственников то, что оно временно им вверило. Экспроприация, по мнению Пеккёра, вполне законна; вопрос о том, должна ли она быть произведена с вознаграждением или без вознаграждения, Пеккёр в своей основной работе, посвященной будущему обществу, оставляет открытым.¹³⁷

Признание земли и орудий труда общественным доменом приводит Пеккёра к проблеме власти. Он не считает возможным существование общества без власти. Государство, утверждает Пеккёр, вечно по самому своему существу. Нет общества без государства, как нет человека

¹³² *Théorie nouvelle*, pp. 388—389.

¹³³ *Des intérêts du commerce*, t. II, p. 13.

¹³⁴ *Théorie nouvelle*, pp. 403—404.

¹³⁵ *Ibid.*, pp. 494—495.

¹³⁶ *Ibid.*, p. 568.

¹³⁷ *Ibid.*, pp. 568—569. Как мы уже упоминали, в 1850 г. Пеккёр склонялся к идее выкупа частных предприятий.

без головы. Эгоистические интересы и страсти, предоставленные самим себе, ведут к беспорядку и насилиям. Абсолютное *laissez faire* невозможно. Поскольку это так, насильственная власть (*le pouvoir violent*) остается первым условием индивидуальной безопасности, сохранения в обществе накопленных богатств и материального порядка. Когда возникают новые желания и потребности, на их почве вырастает новая система идей, чувств, моральных и материальных отношений. Если государство принимает эту систему, прогресс происходит мирно. Если государство неподвижно или ретроградно, движение происходит помимо него, вопреки ему. Народ разрушает государство, которое является прпятствием на его пути,—но лишь для того, чтобы на его место поставить лучшее,—это революция. В результате ее государство как бы возрождается с миссией узаконить ее достижения, новую систему отношений. Так формы государства сменяют одна другую, но власть как таковая всегда остается конститутивным элементом общества. Нельзя рассчитывать на то, что различные страсти и воли сами по себе, анархически сойдутся на тех целях, достижения которых требуют право, счастье и свобода всех. Пример Фурье, стремившегося обойтись в своей системе без власти, доказывает лишь неосуществимость этой идеи. Свобода страстей, провозглашенная Фурье,—пустое обещание. Фурье в конце концов не смог обойтись без известных ограничений свободы и без руководства. Власть и принуждение были бы не нужны, если бы люди не были свободны уклоняться от выполнения законов морали, если бы знание добра было гарантией его осуществления. Но это не так. Пока существуют в обществе субверсивные элементы, пока отдельные общества не объединены в ассоциацию, нужны и суды, и армии.¹³⁸

Верховным сувереном во всяком человеческом обществе — в согласии со своей общей философией — Пеккёр считает бога, ибо человек обязан повиноваться безусловно лишь велениям божества, что для Пеккёра равнозначно велениям разума и совести. В *Salut du peuple* он несколько видоизменяет эту формулу, заявляя, что суверенитет принадлежит закону любви и справедливости, закону свободы, равенства и братства. Суверенитет народа есть суверенитет условный. Индивид подчиняется суверенитету народа лишь постольку, поскольку его решения не противоречат велениям бога как высшего сюзерена. Моральный закон, данный богом, выше народного суверенитета, и в случае нарушения этого закона властью индивид, повинаясь голосу своей совести, имеет законное право сопротивляться власти, даже если это власть народа. Помимо права справедливости и разума существуют лишь соглашения, не имеющие абсолютного авторитета. Тем не менее, в обществе должна существовать власть, которая судит и не подлежит суду. Такая власть не может принадлежать одному лицу, она должна принадлежать «регулируемому» голосу народа. Если для индивида критерием социальной и политической истины является его разум и ничто кроме его разума, то в обществе таким критерием является коллективный разум, общее мнение или мнение большинства, выраженное путем голосования. Коллективный разум интерпретирует основные принципы и моральные предписания, изыскивает средства для реализации этих предписаний, для достижения цели, поставленной свыше.¹³⁹

В 1845 г. Пеккёр предсказывал приближение момента, когда народ — в результате роста своего самосознания, понимания своих прав

¹³⁸ *Théorie nouvelle*, pp. 174—176, 224 etc.

¹³⁹ *Des intérêts du commerce*, t. I, pp. XIV, XVI, XVII, *Salut du peuple*, № 1, p. 7, № 4, p. 4, *Des améliorations matérielles*, p. 338.

и обязанностей — провозгласит и установит в действительности свой суверенитет. В 1849 г. он полагал, что с революцией 1848 г. этот момент уже наступил, что народ может уже сказать: «Государство — это я, ибо суверен — это я». Этому перевороту, этому осуществлению народного суверенитета, еще недавно бывшего лишь идеалом, Пеккёр придавал значение коренного переворота. «Если под государством, — говорил он, — понимать власть, государство, какими они были в прошлом, то можно сказать, что в социальной демократии нет государства». ¹⁴⁰ Однако достигнутую ступень в развитии власти народа он не считает завершающей. Претензии и прерогативы депутатов, законодателей и королей отошли в прошлое; в настоящее время государственные деятели должны быть людьми народа (*les hommes du peuple*), т. е. его уполномоченными. Нужен еще один шаг вперед: государственными деятелями должны стать сами народные массы. В принципе народ сам должен быть живым законом (*la loi vivante*). ¹⁴¹ Не должно быть никаких договоров народа с его слугами, т. е. с его членами, хотя бы на один день, никаких писанных законов, никаких конструкций. Не должно быть пожизненных или временных властей: каждый индивид в каждый момент своей жизни должен участвовать в законодательном творчестве, лично содействовать управлению республики, быть одной из реальных сил, из которых складывается социальное движение. Пеккёр убежден, что настанет день, когда весь народ будет повседневно высказывать свое мнение о своих собственных делах и, следовательно, сможет *сам их вести*.

Современный ему государственный порядок Пеккёр называет «государство-представитель» (*l'État-représentant*); будущее государство — «государство-народ» (*l'État-peuple*). *L'État-représentant* превращается в *l'État-peuple* в результате роста коллективного разума и совершенствования социального механизма. В дальнейшем *l'État-peuple* растворяется в единстве (*se consomme dans l'unité*). Не подлежит сомнению, что Пеккёр приближается здесь к идее отмирания государства, — но в форме, соответствующей его идеалистическому миросозерцанию. ¹⁴²

Когда народ сам станет государством, прогресс во всех человеческих отношениях будет совершаться путем незаметных улучшений в соответствии с прогрессом в общественном мнении. И тогда будет нужна власть как условие единства, экономии, распределительной справедливости. Но это будет власть самого народа, и поэтому она не будет представлять никакой опасности для законной независимости индивида. ¹⁴³

Если власть необходима вообще, то особенно необходима она в данное время, по мнению Пеккёра, в области экономической, в деле планового использования земного шара. То, что проповедают под именем экономической свободы, это своеволие, индивидуализм, *laissez faire*. Подлинной свободы существующий порядок не знает. Единственная свобода, к которой следует стремиться, — свобода в ассоциации и централизации, в единстве и гармонии, в порядке и справедливости. Ассоциация отрицает экономическую свободу в современном ее понимании, она предполагает иерархию и, следовательно, власть. Без власти нельзя ни установить, ни сохранить ассоциацию, нельзя, как выражается Пеккёр, найти устойчивую форму ассоциации. Долой либеральные абстракции, — восклицает Пеккёр: либо единая социальная власть,

¹⁴⁰ *Salut du peuple*, № 1, p. 20—21.

¹⁴¹ Этот термин унаследован Пеккёром от сен-симонистов, которые относят его, однако, не к народу, а к «верховному вождю».

¹⁴² *Salut du peuple*, № 1, p. 22—26.

¹⁴³ *Ibid.*, p. 28.

собственность, неотчуждаемую и неделимую. Точно так же продукты минерального, растительного и животного царства, служащие орудием или сырым материалом труда, материальным условием создания богатств, составляют общую, неотчуждаемую и неделимую собственность. Те же продукты, потребляемые лично, могут становиться индивидуальной собственностью гражданина как вознаграждение его труда. Член ассоциации обладает орудиями труда лишь в качестве должностного лица, ответственного и могущего быть смещенным. Распоряжение орудиями труда принадлежит собранию представителей, которые, однако, не имеют права отчуждать их индивидам. Представительство — социальная функция, первая из социальных функций. Каждый член его представляет единую и неделимую ассоциацию, а не ту или иную ее часть. Собрание представителей руководит всеми видами социальной деятельности, — в том числе индустрией, наукой и искусством. Социальная власть организует труд и определяет вознаграждение. Это как бы административный совет промышленного предприятия, но акционеры последнего — в то же время его рабочие.¹⁴⁶

Страна разделяется на социально-экономические округа или коммуны. Вся страна подобна большой мануфактуре, коммуна же является первичным центром умственного и материального труда — сельско-хозяйственного, индустриального, научного, художественного. Но коммуна не составляет самодовлеющего хозяйственного целого. Каждая коммуна связана хозяйственными интересами с другими коммунами и подчинена высшим центрам. Граждане — должностные лица нации, а не коммуны. Они не связаны с коммуной нерасторжимыми узами и могут быть в интересах целого переводимы в другие районы; членство в коммуне не передается по наследству, однако при перемещениях семейные интересы принимаются во внимание. Желательно, чтобы в коммуне были представлены все виды деятельности, но практически это будет осуществляться не всегда. Это зависит от общих интересов ассоциации, от местных требований, от географических и климатических условий. Рациональное распределение культур по территории страны будет производиться на основании обследования агрономического жюри. Если в коммуне будут представлены не все виды деятельности, то во всяком случае в ней должны быть представлены все те виды, которые необходимы для всестороннего развития молодого поколения и взрослых граждан.¹⁴⁷

Все граждане, являющиеся в то же время должностными лицами коммуны, разделяются по своим специальностям. Это разделение, говорит Пеккёр, соответствует порядку, установленному богом для призваний человека и его способностей, и порядку, установленному природой для объектов человеческой деятельности.¹⁴⁸ Каждая специальность образует особый корпус, члены которого распределены по разным пунктам в соответствии с общественными потребностями. Каждая местная группа является как бы фрагментом единого тела, голова которого находится в столице. В то же время фрагменты всех специальностей, находящиеся на территории коммуны, ассоциированы в коммуне. В этом смысле коммуна составляет хозяйственное единство. Центральная власть и в организации производства и в организации распределения знает только коммуны. Распределение между отдельными индивидами производится коммуной, и центральная власть в этом вопросе является лишь контролирующей инстанцией. Порядок труда в

¹⁴⁶ Ibid., pp. 700—701.

¹⁴⁷ *Théorie nouvelle*, pp. 702—703.

¹⁴⁸ *République de Dieu*, p. 212.

предприятиях определяется советом и руководством, но по заслушании мнения трудящихся. Во всяком случае задание каждого определяется не им лично, а коллективом или вышестоящим лицом применительно к общественным потребностям.¹⁴⁹

Для общества выгодно, чтобы индивид обладал несколькими профессиями. Множественность профессий повышает ценность индивида. Одна из обязанностей власти — раскрывать и развивать все заложенные в человеке способности. Поэтому в принципе совмещение одним лицом различных специальностей, разнообразие функций у работника допускается. Общество стремится к тому, чтобы совмещение применялось возможно шире. Особенно важно организовать посменные занятия различными видами труда в тех случаях, когда труд вреден, когда он атрофирует способности человека, а также в тех случаях, когда данный вид труда не может занять человека каждый день и в течение всего года. Однако общество не может допустить, чтобы каждый варьировал свои занятия по своему произволу. Возможность совмещения в каждом отдельном случае и его способ определяются народным представительством. Выбор «сеанса» той или иной работы также принадлежит не индивиду, а административному совету. В таких делах и с такими оговорками Пеккёр считает возможным и желательным осуществление выдвинутой Фурье идеи разнообразия в труде, смены трудовых «сеансов» в течение рабочего дня.¹⁵⁰

Каждый гражданин занимает в общественной иерархии определенное место. Способ определения этого места в утопии Пеккёра весьма сложен и не во всех деталях ясен.

Образовательные учреждения в идеальном обществе бесплатны и доступны для всех. Но на высшие ступени образования могут претендовать лишь способнейшие, отбираемые в результате экзаменов. С достижением определенного возраста каждый становится активным работником общества. Все трудящиеся включаются в список способностей. Классификация граждан в этом списке производится судьями способностей — лицами, наиболее опытными в данной специальности, избираемыми частью народным представительством, частью непосредственно народом. Первую ступень в классификации составляют экзамены, производимые местными экзаминаторами; вторую — составление окончательного списка, в котором все классифицированы по способностям. Этот список составляется центральным жюри. Каждый гражданин после включения его в список имеет право претендовать на новый экзамен в целях признания за ним более высокой квалификации. Для экзаменов никакого возрастного ценза нет. Конкурсы и экзамены, так сказать, сопровождают гражданина на всем протяжении его карьеры. Наряду с иерархией профессиональной существует иерархия заслуг, морали, гражданственности. Если в отношении первой судьями являются специалисты, то в отношении второй судит народ путем голосования, периодически повторяющегося и пополняющего список лиц, заслуживающих общественного одобрения.

При всех назначениях и выборах руководителей учитывается и список способностей, и список заслуг. Заслуги не могут заменять профессиональную квалификацию, но для руководящего персонала они являются необходимым условием. Профессиональная квалификация не требуется лишь при избрании народных представителей. Впрочем, и здесь Пеккёр допускает предшествующий выборам экзамен. С другой

¹⁴⁹ *Théorie nouvelle*, pp. 704—705.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 706—707.

стороны, при назначении простого рабочего необязательна гражданская квалификация.

Для общества индивиды — орудия общего блага. Оно воспитывает их в соответствии с общественными потребностями и направляет на выполнение той или иной функции соответственно результатам конкурса и избрания. Конкурс неизбежно отстраняет некоторых индивидов от желательной для них функции. Выбор функции не может быть предоставлен произволу. Ни одна функция не дается пожизненно. С одной стороны, каждому открыт путь к возвышению. Но для возвышения недостаточно иметь стаж, стаж может быть лишь дополнительным аргументом при наличии гражданских и профессиональных заслуг. С другой стороны, каждый может быть отстранен от выполнения своей функции и заменен более способным и более заслуженным. Благо общества выше самолюбия. В интересах прогресса следует заменять худших лучшими. Назначение руководителей в каждой специальности возможно осуществлять одним из двух путей: или путем назначения вышестоящим должностным лицом, или путем избрания работниками данной специальности. Устранение руководителей производится либо по решению квалифицированного большинства ($\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$) подчиненных, либо по решению вышестоящего органа. В первом случае требуется санкция вышестоящего органа, во втором — предварительный запрос мнения комитета данного предприятия о подчиненных этому лицу работников данной специальности. Во всех случаях отстраненный может апеллировать к высшему органу.¹⁵¹

Пеккёр не придает большого значения форме правления. Существованию, по его мнению, лишь одно: чтобы она была представительной и правильно выявляла народный суверенитет. Признавая, как мы знаем, что с религиозной точки зрения верховным сувереном является бог,¹⁵² Пеккёр в своем проекте идеального государства исходит практически из *суверенитета народа*. Точно так же, признавая, что в ближайшем будущем избирательное право будет лишь постепенно становиться всеобщим по мере роста культуры и морали, в идеальном государстве он считает всеобщее избирательное право незыблемой основой системы управления. Гражданин, утверждает он, может быть лишен избирательного права лишь в виде кары и лишь на время. Принцип всеобщего избирательного права, говорит Пеккёр, имеет воспитательное значение. При его осуществлении победа в конечном счете обеспечена за истинной. Самая большая опасность режима абсолютной монархии состоит в том, что она соответственным образом воспитывает граждан. В этой связи Пеккёр дает абсолютной монархии интересную классовую характеристику. Власть «божьей милостью», говорит он, не может искать своей опоры в народе. Она всегда черпает свою силу в договоре со знатью, буржуазией или средним классом, которым грозит опасность со стороны класса эксплуатируемого. Всеобщее избирательное право дает власти точку опоры в сердце народа, среди наиболее многочисленных и бедных классов.¹⁵³ Следует, однако, отметить, что Пеккёр здесь же делает оговорку: всеобщее избирательное право полезно постольку, поскольку среди большинства членов общества царит гармония интересов и мнений.

Как возможную форму организации центральной власти Пеккёр предлагает, в порядке гипотезы, которой он, очевидно, наиболее сочув-

¹⁵¹ *Théorie nouvelle*, pp. 716—728.

¹⁵² См. выше, стр. 222.

¹⁵³ *Ibid.*, pp. 342, 347.

ствует,— единое и полноправное собрание народных представителей, избираемое прямым голосованием; при этом каждый член собрания рассматривается как представитель всего народа, а не того района, в котором он избран.¹⁵⁴ Это собрание может непосредственно избирать министров; может избрать одно лицо, которое затем назначит министров; может передать соответственные функции не отдельным лицам, а своим комитетам. Кроме «гипотезы» однопалатного представительства, мы находим у Пеккёра также проект двухпалатной системы. Согласно этому проекту, одна палата состоит из лиц, избираемых от всей совокупности граждан, вторая — из лиц, избираемых от специальностей,— поровну от каждой. «Специалисты» разрабатывают бюджет производства и потребления, а первая палата его утверждает.¹⁵⁵ К референдуму Пеккёр, повидимому, относится отрицательно. Он считает необходимым подчеркнуть, что народ политически действует *только* через представительство. Однако полномочия представительства ограничены. Права, которые являются основой свободы, равенства и братства, не зависят от решения большинства. К этим правам Пеккёр относит свободу слова и печати, право на труд. Гарантией для народа является, по мнению Пеккёра,— кроме доверия к представителям, кроме неприкосновенности основных прав — также и та система гражданских и профессиональных списков, о которых говорилось выше.¹⁵⁶

Единобрачная семья в идеальном обществе Пеккёра не только признается неприкосновенной — она объявляется священной. Пеккёр против идеализации «непостоянства», свойственной учению Фурье. Однако абсолютная нерасторжимость брака, по его мнению, безнравственна. С точки зрения социального закона брак — только договор. Этот договор можно расторгнуть, если имеется на то согласие обеих сторон и если материальные цели брака — воспитание детей и продолжение рода — полностью обеспечены. Поэтому, если государство возьмет на себя содержание детей, то можно будет допустить даже договоры о браке на короткие сроки. Моногамия — самая совершенная форма брака; но тот вид, который она имеет в настоящее время, не есть последнее слово социальной науки.

Положение женщины,— говорит Пеккёр, следуя за Фурье,— изменяется в прогрессивном направлении параллельно с изменением общественных форм. Рабству соответствует беспорядочность половых связей, полигамия; системе наемного труда — моногамия в соединении с гражданским неравноправием женщины. На смену этому порядку придет моногамия в сочетании с абсолютным равенством женщины и мужчины во всех правах. Легальное подчинение женщины мужчине недопустимо. Женщина идет к полной независимости. Она должна получить право на воспитание, на выполнение общественной функции, соответствующей ее способностям, на вознаграждение, соответствующее ее труду, на политическое представительство. Женщина не будет, таким образом, зависеть от мужа в хозяйственном отношении.¹⁵⁷

Дети также не составляют в утопии Пеккёра матерьяльного бремени для главы семьи. Существование, развитие и воспитание, а с установленным возрастом и трудовая карьера детей обеспечиваются ассоциацией. За счет ассоциации организуются также лечение и содержание больных членов семьи. В случае, если семья хочет сама воспитывать

¹⁵⁴ Прямое голосование Пеккёр предлагает в *Théorie nouvelle*; в *République de Dieu* он говорит о многостепенных выборах (*République de Dieu*, p. 234).

¹⁵⁵ *Théorie nouvelle*, pp. 371—372.

¹⁵⁶ *Ibid.*, pp. 716, 722—725.

¹⁵⁷ *Théorie nouvelle*, pp. 305—317, 318.

детей. она получает от общества фиксированную сумму на каждого ребенка. После вступления детей в трудовую жизнь, с того момента как на них возлагается обязанность самим добывать себе средства существования, опять-таки общество гарантирует им возможность дальнейшего совершенствования, сочетая их производительный труд с образовательным.

В учении Пеккёра, как мы знаем, проблема материального благосостояния неразрывно связана с проблемой морали, материальный прогресс — с прогрессом нравственным. Неравенство воспитания, утверждает Пеккёр, наряду с неравенством материальных условий — сердце социального зла. В идеальном обществе ассоциация обеспечивает всем равное и бесплатное образование за счет средств ассоциации. Государство имеет право воспитывать детей в едином направлении. Единство воспитания — гарантия общественного единства. «Свобода» образования грозит обществу хаосом, анархией. Частная школа при режиме общественной собственности на орудия труда будет невозможна. Если каждый гражданин имеет право требовать, чтобы его дети получали воспитание, то государство имеет право принуждать родителей отдавать своих детей в общественные школы. В этих школах могут быть допущены учителя, исповедующие различные религии. Но они не должны преподавать ничего противоречащего кодексу общей морали, утвержденному народным представительством. Каждый с детства должен привыкать любить, хотеть делать *свободно* то, что он *должен* хотеть и делать. Хорошая конституция предполагает единство морали, воспитания и обучения. Весьма важно также, чтобы общество имело в своих руках систему профессионального образования. «Профессиональное образование помогает классифицировать способности, распределять способности в соответствии с потребностями районов и отраслей индустрии, обеспечивает равновесие между наличными работниками и функциями». ¹⁵⁸

В деле воспитания детей должны царить авторитет и единообразие. Свобода распространения и разнообразие идей должны быть оставлены более зрелому возрасту. Пресса, предназначенная для взрослых, должна быть совершенно свободна в деле пропаганды нового. В утопии Пеккёра все имеют право печатать свои произведения в общественных типографиях, что не исключает, однако, возможности судебного преследования за изданное произведение. ¹⁵⁹

Очень много внимания уделяет Пеккёр вопросу о способах вознаграждения трудящихся. Коммунистическую формулу: каждому по его потребностям — Пеккёр, как мы уже знаем, в первой своей работе считает неосуществимой и несправедливой. В *Théorie nouvelle* он также ее отвергает. Эта формула, утверждает Пеккёр, предполагает добродетель людей. Социальная наука должна исходить из существования человека со страстями и пороками. Если человек сам судья своих потребностей, все зависит от его морали. Эгоист может безгранично эксплуатировать своих собратьев, ибо нет ничего эластичнее наших потребностей и нет способа отличить истинные потребности от ложных. Притязания беспредельны, ресурсы ограничены. Очевидно, удовлетворение притязаний должно быть согласовано с возможностями эквивалентного удовлетворения потребностей других членов общества и с общей суммой продуктов. Но если кто-то будет оценивать потребности с этой точки зрения, то формула превращается в иллюзию. Равное удовлетво-

¹⁵⁸ Des améliorations matérielles, p. 249.

¹⁵⁹ Théorie nouvelle, pp. 278—290, 746.

рение произвольных потребностей является, таким образом, либо несправедливостью, премией лени, либо химерой. Общество не может обеспечить беспредельное удовлетворение потребностей. Оно должно обеспечивать лишь *равную возможность* их удовлетворения.¹⁶⁰

Не согласен Пеккёр и с другими выдвигавшимися в его время в социалистической литературе принципами вознаграждения: каждому по его труду, каждому по его способности, каждому по его заслугам. Способности не зависят от воли человека; нельзя вознаграждать за большие способности и карать за меньшие. Нельзя вознаграждать также за заслуги перед обществом, т. е. в соответствии с социальной полезностью труда. Вольтер, создавая свои произведения, затрачивает не больше нервной жидкости, чем крестьянин, обрабатывающий поле. Для общества равно необходимы все функции; все они равно почетны, все они должны выполняться, и притом выполняться хорошо. Как можно сравнивать полезность продукта сельского хозяйства с полезностью продукта труда ученого. Наконец, не вполне удовлетворительна и формула: каждому по труду. Здесь главное затруднение в различии природы труда, в невозможности свести его к единой мере. Нельзя вознаграждать по времени производства: в один час для одного труда уходит больше нервной энергии, чем в шесть часов для другого. Таким образом, время труда не может служить единицей измерений. Формула «по труду» хороша только в том случае, если мы будем ее толковать как соответствие вознаграждения реальной затрате нервной энергии.¹⁶¹

Инструмента для точного измерения этой затраты не существует. Можно лишь приблизительно определить число часов, которое трудящиеся в каждой специальности могут работать без вреда для здоровья, затем установить равенство между найденными таким образом единицами и вознаграждать их поровну. Власть обязана уравнивать функции, сводя их к эквивалентной затрате активности, насколько это возможно по природе вещей. Поскольку число часов труда для работников, выполняющих разные функции, будет различно, различна будет и цена каждого часа для разных специальностей.¹⁶² Для получения установленного нормального вознаграждения гражданин должен добросовестно выполнять свои обязанности, что находит свое выражение в определенном количестве произведенных ценностей или в установленном числе часов труда. В зависимости от общественных потребностей эта норма может повышаться или понижаться. Люди, силы и способности которых отличаются от средних, могут затрачивать на выполнение задачи больше или меньше времени. Но это не должно отражаться на их вознаграждении. Не должны также учитываться при определении вознаграждения ни качество труда, ни его особое значение для общества. Вознаграждением в этих случаях являются слава, общественное одобрение, внутреннее удовлетворение. В тех профессиях, где результат труда не может быть измерен ни по часам, ни количеством произведенных ценностей (например, политическая деятельность, деятельность священника и т. п.), труд вознаграждается в размерах, установленных собранием представителей.

Наиболее целесообразной, таким образом, Пеккёр считает формулу равного вознаграждения за социально-эквивалентные и одинаково хорошо выполняемые функции. Однако Пеккёр, повидимому, не уверен в

¹⁶⁰ Ibid., pp. 612—616, 602. После революции 1848 г. отношение Пеккёра к формуле «каждому по потребностям» изменяется.

¹⁶¹ Ibid., pp. 607—609.

¹⁶² Ibid., p. 610.

возможности осуществления этой уравнительной системы даже в его идеальном обществе. Во всяком случае в этом вопросе он проявляет большие колебания. Допуская, что для полного равенства в вознаграждении «не настало время», он предлагает в качестве «переходной меры» разработку народным представительством тарифа способностей, функций и вознаграждения. При этом несколько изменяется и формула распределения каждому в соответствии с его функцией и с его поведением при ее выполнении. В каждой специальности может быть установлено две или три различных категории вознаграждения. Каждый будет получать вознаграждение по той или иной категории в зависимости от таланта или от иных соображений. Такие различия, говорит Пеккер, несправедливы; но они могут быть необходимы. Но если будет принята такая система, народное представительство определит *универсальный минимум* вознаграждения, который должен быть обеспечен всем, ибо и наименьшая способность должна получать достаточно для покрытия основных потребностей. Размер этого минимума будет зависеть от богатства и доходов ассоциации. С другой стороны, государство определит для каждой функции *максимум часов труда*, изменяющийся в зависимости от потребности общества в данном продукте. Максимум не может отнимать времени, необходимого для отдыха и для удовлетворения культурных потребностей человека, — за исключением случаев, когда того требуют серьезные интересы общества или человечества.¹⁶³

Таково учение Пеккера о социалистическом распределении в *Théorie nouvelle*. Впоследствии Пеккер от этой системы вознаграждения, повидимому, отказался. Во всяком случае, после революции 1848 г. в журнале *Salut du peuple* он явно отдает предпочтение — наряду с термином «коммунизм», о чем мы уже упоминали, — также и коммунистической формуле «каждому по его потребностям». И эта формула выражает здесь не только далекий идеал, унаследованный, по словам Пеккера, от «первых учеников Христа», она является конститутивным признаком социализма, который стремится поставить на место произвола, хаоса и эксплуатации существующего порядка — «участие в производстве, пропорциональное способностям и силам, и участие в социальном дивиденде, пропорциональное потребностям».¹⁶⁴

Ежегодно народное представительство, согласно выясненной опытом средней продукции рабочих средней способности, будет определять, какое количество данного продукта должно быть произведено в час, в день и за год. Так как способность каждого к выполнению порученной ему функции засвидетельствована экзаменом и конкурсом, то вычисленное таким способом задание не может превышать силы работника. Если тем не менее он этого задания не выполняет, то это, очевидно, результат лени или недобросовестности. За такую нерадивость общество вправе наказывать рабочего вычетом из причитающегося ему вознаграждения или другими мерами взыскания. Если кто-либо в определенный срок выполняет, например, половину того, что положено, то вполне законно оплачивать его труд также в половинном размере; это хорошее средство против лени. Устанавливая штрафы за невыполнение нормы, Пеккер относится отрицательно также и к ее перевыполнению. Он исходит при этом из предположения о некотором строго ограниченном объеме потребления каждого вида продуктов и о необходимости в социалистическом хозяйстве абсолютного соответствия

¹⁶³ *Théorie nouvelle*, p. 733 и др.

¹⁶⁴ *Salut du peuple*, № 1, pp. 4, 9, 11; № 2, p. 10

производства и потребления. В каждой отрасли, говорит он, нужно определенное количество продуктов. Производство этого количества равномерно распределено между трудящимися. Добавочный продукт, изготовленный более быстрыми и ловкими, нарушает равновесие производства и потребления, делает ненужной некоторую долю труда их товарищей, следовательно — вредит всему корпусу трудящихся данной специальности. Поэтому работа сверх нормы одних работников допустима лишь в том случае, если она покрывает недовыполнение нормы другими. Но и при таких обстоятельствах труд сверх нормы должен рассматриваться как бесплатный труд на пользу общества. Добавочная плата за такой труд создавала бы среди трудящихся неравенство, своеобразную аристократию.

Уравнительная тенденция, сказывающаяся в этом рассуждении Пеккёра, как и в его рассуждениях о системе вознаграждения, повидимому, имеет для его выводов большее значение, чем соображение о диспропорции между производством и потреблением. Он сам указывает, что эта диспропорция устраняется созданием новых «рынков», т. е. новых потребностей. И в то же время он сочувственно цитирует Бабефа, у которого находит эту же мысль о запрещении производства сверх установленной нормы. Это возвращение Пеккёра к бабувистской традиции заслуживает внимания. «Грубо уравнительные» черты его идеального общества, несомненно, противоречат тому, что он говорит в других местах об «антисоциальном» абсолютном равенстве. Это противоречие, как и другие, весьма многочисленные, противоречия системы Пеккёра, вытекает, несомненно, в конечном счете из противоречивости социальной позиции Пеккера, отражающего в этом своем построении не столько рост самосознания пролетариата, сколько силу мелкобуржуазных традиций, препятствующих этому росту.

Помимо вознаграждения за свой труд каждый гражданин как член ассоциации имеет право на некоторую долю в дивиденде. В *Théorie nouvelle* наиболее справедливым способом распределения дивиденда Пеккер считает распределение пропорционально труду. В виде компромисса он допускает выделение некоторой доли дивиденда для вознаграждения таланта (например, $\frac{3}{4}$ — труду, $\frac{1}{4}$ — таланту). Но общество воздает уважение тем, кто во имя принципа равенства отказывается от доли, причитающейся таланту.

Вознаграждение за труд и причитающаяся доля дивиденда выдаются гражданам в денежных знаках. Система денежных знаков, представляющих равную для всех стоимость богатств, по мнению Пеккёра, необходима. Если бы общество от нее отказалось, пришлось бы для регулирования распределения в натуре иметь особых судей, оценивающих потребности граждан и размеры их удовлетворения; при таком порядке равенство вознаграждения находилось бы в зависимости от произвола страстей.¹⁶⁵ Но «монета» в социализированном обществе Пеккёра — *только знак*; она может сама по себе вовсе не быть товаром, ее собственная ценность может равняться нулю. В *République de Dieu* Пеккёр предусматривает возможность замены денежных знаков системой индивидуальных счетов граждан. При этой системе каждый гражданин приобретает нужные ему продукты в пределах установленного ему лимита по записи в его счете без оплаты денежными знаками.

Все продукты труда принадлежат обществу и помещаются в общественных магазинах. Их хранением и распределением ведают специальные должностные лица. Трудящийся не получает в свое распоряжение

¹⁶⁵ Ibid., p. 657

произведенных им продуктов и не обменивает их на продукты ему необходимые. Каждый производит продукты для общества. Право трудящегося на продукты его труда выражается в форме права на пропорциональную долю в общем продукте.¹⁶⁶ Это право реализуется путем приобретения нужных индивиду предметов в общественных магазинах за счет полученных им в качестве вознаграждения за труд денежных знаков.

Пеккер стоит на почве трудовой теории стоимости (конечно, в ее до-марксовской форме). Стоимость продукта определяется не его полезностью, не потребностью в нем, а вложенным в него трудом. При ее исчислении Пеккёр предлагает исходить из среднего труда работников средней способности. Но продажная цена продуктов в идеальном обществе не всегда будет соответствовать их трудовой стоимости. Минимум и максимум в продажных ценах будут определены законом. Пеккёр уверен, что мощный рост средств производства и достижения науки будут способствовать понижению цен. Если запасы продукта окажутся в несоответствии со спросом, а его количество не может быть быстро увеличено, цена продукта будет повышаться. При оценке будет, таким образом, учитываться не только вложенный в производство труд, но и соотношение между спросом и предложением. Повышение цены данного продукта приведет к тому, что его будут приобретать те, кто готов пожертвовать для этой цели удовлетворением какой-то другой потребности. Этот метод борьбы с диспропорцией между производством и потреблением Пеккёр не считает идеальным, ибо он нарушает равенство между потребителями, и выражает надежду, что необходимость в нем в дальнейшем вскоре упадет.

Помимо диспропорций, вытекающих из реальных условий производства, Пеккёр предвидит также возможность диспропорции, связанной со свободой гражданина приобретать какой-либо продукт в том количестве и тогда, в каком и когда ему заблагорассудится (*tant et quand il lui plaira*). Равновесие между производством и потреблением основывается на статистическом учете. Однако эта гармония может быть легко нарушена потребителями. Если первые покупатели закупают данной полезности больше, чем предусмотрено, то последующие могут оказаться вовсе без этого продукта. В целях предупреждения подобных случаев Пеккёр предлагает — помимо общего статистического учета потребностей — установить систему предварительного индивидуального абонемента на определенное количество тех или иных предметов. При такой системе свобода индивидуальной закупки каждого ограничивается установленной нормой, согласованной с производством и не нарушающей потребностей других.¹⁶⁷ Все эти мероприятия не могут, однако, полностью обеспечить равновесие между населением и средствами существования без морального перевоспитания людей. Если посредством воспитания вы не установите известной меры в потребностях и желаниях, известной устойчивости во вкусах грядущих поколений, говорит Пеккёр, вы никогда не сможете установить пропорции к необходимой экономии в общем производстве и потреблении.

Вся внутренняя торговля находится, таким образом, в руках общества. Оно, как выражается Пеккёр, «покупает» труд граждан; оно продает им продукты. Никто не имеет права перепродавать приобретенный им продукт. Точно так же только общество через свою центральную администрацию ведет внешнюю торговлю. Частный кредит в идеальном

¹⁶⁶ *Salut de peuple*, p. 549.

¹⁶⁷ *Ibid*, pp 657—667; *République de Dieu*, p. 295.

обществе Пеккёра также недопустим. Кредит — орудие ассоциации: ассоциация дает авансы гражданам в случае нужды, без процента. Всякий имеет право накапливать. Поскольку общество предоставляет каждому материю труда, накопление никому не может вредить. А с другой стороны, накопление — гарантия свободы и составляет поэтому одно из священных прав человека. Свои накопления гражданин может помещать в государственные сберегательные кассы. С точки зрения принципиальной сберегательные кассы не должны были бы платить вкладчикам никаких процентов. Но Пеккёр допускает установление небольшого процента по вкладам — как «уступку» духу капитала. Частные займы из процентов не только невозможны, но и бесцельны. Трудно представить себе, что может заставить людей при изображенных в утопии порядках прибегать к ростовщическим займам. Беспроцентные займы допустимы, и их оплату государство может даже гарантировать путем отчислений из трудового вознаграждения.¹⁶⁸

Основным источником покрытия общественных расходов и накопления общественного капитала является дивиденд ассоциаций. Однако Пеккёр считает возможным сохранить также налог на индивидуальные доходы граждан — пропорциональный их благосостоянию (*bien être*) или, иначе говоря, сумме полученного вознаграждения. В ряде случаев жизни трудящийся может рассчитывать не только на свое вознаграждение и на свои сбережения, но и на помощь специальных касс — пенсионной кассы, кассы помощи на случай болезни и т. д. Фонды этих касс составляются путем вычетов из индивидуальной части, причитающейся каждому из годового дивиденда. Интересен один налог особого назначения в системе Пеккёра. Одним из основных доводов против социализма (особенно в первой половине XIX в.) служило основанное на мальтузианских предположениях положение, будто бы при социалистической системе неизбежен чрезмерный рост населения, не соответствующий возможному росту числа предметов, необходимых для удовлетворения потребностей этого населения. Опровергая этот довод, Пеккёр утверждает, что при тех порядках, которые он предлагает, личный интерес будет толкать к самоограничению в деторождении. Для того чтобы еще более усилить этот интерес, он вводит пропорциональные числу детей вычеты из вознаграждения трудящихся в фонд содержания и воспитания молодежи.¹⁶⁹

Изложенная система может быть осуществлена, по мнению Пеккёра, в одной стране. Проект, изложенный им в *Théorie nouvelle*, гредназначен им в первую очередь для Франции.¹⁷⁰ Но конечным идеалом Пеккёра является, как мы уже знаем, всеобщая ассоциация. «Человечество едино», — говорит Пеккёр, — это коллективное бытие, члены которого солидарны; оно вредит себе и идет против своей естественной цели, когда оно дробится на враждебные или просто раздельные группы. Деление людей на нации — остаток варварства. Нормальное состояние человечества — ассоциация, единство в братстве.¹⁷¹ Всеобщая ассоциация — это экономическая, гражданская и политическая ассоциация, руководимая из единого центра, располагающего законодательной, исполнительной и судебной властью. Справедливость, свобода, равенство и всеобщее братство, заявляет Пеккёр, выше национальных особенностей. Великое отечество человечества — выше отдельных узких отечеств. Подлинное отечество — не почва, не небо, не земля, это общ-

¹⁶⁸ *Théorie nouvelle*, pp. 742—745.

¹⁶⁹ *Ibid.*, pp. 747—750.

¹⁷⁰ *Ibid.*, p. 702: § III. Деление Франции и т. д.

¹⁷¹ *De la paix*, pp. 257—258.

ность принципов, средств, цели, общность чувств, идей, верований и усилий.¹⁷² Если человечество — коллективное бытие, то все люди должны иметь общие законы и учреждения, общую власть. Тогда у них будет общее отечество в едином человечестве. Территорией этого общего отечества будет весь земной шар. В нем могут быть административные деления, соответствующие природе вещей. Но все его части будут связаны воедино общей моралью, не знающей ни рас, ни происхождения, ни цвета кожи, ни национальности.

Взятое в целом учение Пеккера можно рассматривать как замечательный пример эклектического соединения весьма разнородных элементов. Пеккер очень начитан в социалистической и социально-реформаторской литературе своего времени. В каждой школе, в каждом течении — у сен-симонистов и у фурьеристов, у Бюше и у Леру, у коммунистов и у мелкобуржуазных реформаторов, — он находит нечто ценное и стремится это ценное использовать в своем построении. Создать из этих частей цельную «систему» в настоящем смысле этого слова ему явным образом не удается.

Лежащая в основе социального учения Пеккёра философия представляет одну из разновидностей философского идеализма. Идеалистическое понимание мира и исторического процесса характерно для большинства утопических школ начала XIX в. Характерна для них и религиозная аргументация, свойственная Пеккёру. Многие из них устанавливают более или менее прямую связь между судьбами человеческого общества и «божественным провидением», между планом социальных преобразований и христианской моралью. Здесь Пеккёр — при наличии известных индивидуальных отгенок — в основном примыкает к весьма распространенному течению мысли.

Подобно другим утопистам, Пеккер видит свою задачу в том, чтобы, исходя из некоторых общих — моральных или религиозных — положений, построить план идеального человеческого общества. Но наряду с этой основной задачей Пеккёр ставит перед собой другую: научно осмыслить социальное значение происходящего на его глазах технического переворота, внедрения в производство новых производительных сил. Постановка этого вопроса является, несомненно, заслугой Пеккёра. Внимание к «материальным улучшениям», к «новым машинам» позволило ему дать много оригинального и интересного в характеристике современного ему общества. Но открыть действительные закономерности развития производительных сил, научно установить связь между этим развитием и социалистическим преобразованием общества было ему не по силам. Для этого нужен был гений Маркса, для этого нужна была методология диалектического материализма. Разрешить эту задачу, оставаясь на базе идеалистической философии, было невозможно.

Рассуждения Пеккёра в его дореволюционных работах о путях будущего развития общества исполнены противоречий. Пеккёр отмечает обнищание, пауперизацию рабочих в связи с внедрением в производство новой машинной техники; а с другой стороны, он старается убедить, что технические усовершенствования расширяют возможности рабочего накапливать и подниматься до лучшего положения. Пеккёр по-

¹⁷² De la paix, p. 273.

нимает, что «материальные улучшения» ведут неизбежно к укрупнению предприятий и к пролетаризации мелких товаропроизводителей, а с другой стороны, он выражает уверенность, что технический прогресс будет содействовать переходу рабочих в ряды «среднего класса», его укреплению. Пеккёр предвидит рост культурности и сознательности рабочих в больших предприятиях с новой техникой; а с другой стороны, он не верит в их способность самим добиться своего освобождения. Пеккёр констатирует факт классовой борьбы, раздирающей современное общество, и признает ее историческую неизбежность; а с другой стороны, он решительно отвергает классовую борьбу как средство общественного преобразования.

Отказавшись от единственного реального пути движения общества к социализму, Пеккёр беспомощно предлагает читателям на выбор разнообразные мнимые пути социализации. При всем разнообразии этих социализаторских проектов Пеккера все они в дореволюционный период отличаются одной общей чертой: все они игнорируют остроту раздирающего капиталистическое общество антагонизма, все они опираются, в конечном счете, не на анализ действительных общественных отношений, а на предвзятую идею неизбежного, хотя и постепенного торжества моральных принципов, носителями которых являются «люди доброй воли». Этот способ разрешения внутренних противоречий построения Пеккёра вполне соответствует его общей идеалистической концепции. Но совершенно ясно, что никакой объективной научной ценности этот идеалистический способ разрешения противоречий не имеет, что он дает воображаемый выход из тупика, в котором бессильно бьется мышль Пеккера.

Эклектизм и противоречивость построений Пеккера не являются результатом его субъективных качеств. Пеккёр был человеком незаурядных природных данных, многие его рассуждения, взятые сами по себе, свидетельствуют о большой остроте и глубине ума. Корень всех недостатков его социального учения следует искать в неумолимости занимаемой им социальной позиции.

Пеккёр, несомненно, горячо и искренно сочувствует страданиям рабочего класса. Во всех его произведениях мы находим прочувствованные страницы, посвященные положению пролетариата. Однако наличие таких страниц еще ничего не доказывает: подобные им мы можем встретить и в работах буржуазных филантропов, и в произведениях представителей так называемого «феодалного социализма». Гораздо существеннее для понимания социальных настроений Пеккера тот факт, что резко критикуемому им капиталистическому строю он противопоставляет весьма последовательную и весьма продуманную для его времени картину социалистического порядка. Эта картина дает вариант представления о будущем строе, отличающемся от последовательно коммунистического, что подчеркивает и сам Пеккёр. Будущее общество, изображаемое Пеккёром, является предвидением не высшей фазы развития коммунизма, как она охарактеризована у Маркса, Ленина и Сталина, — это тип общественного строя, который мы называем теперь социалистическим (в узком смысле этого слова) и который соответствует в наших представлениях первой, низшей фазе коммунизма; социалисты XIX в. чаще всего именовали его коллективистическим. В истории разработки его основных принципов Пеккёру, бесспорно, принадлежит значительное место. По четкости социалистических выводов учение Пеккёра представляет большой шаг вперед по сравнению с системами как его предшественников — сен-симо-

нистов и фурыеристов, — так и его современников — Бюшеза, Леру и Луи Блана. Содействуя уточнению социалистических представлений, учение Пеккёра в этой своей части являлось, несомненно, отражением роста социалистического сознания французского пролетариата.

Смелый и последовательный в своих прогнозах, относящихся к более или менее *отдаленному* будущему, Пеккер проявляет в своих произведениях 30-х и начала 40-х годов большую робость, становится весьма неуверенным и неопределенным, как только перед ним встают вопросы *ближайших* перспектив общественного развития. Он отступает в испуге перед картиной бедствий, которыми грозит обществу классовая борьба, он боится «невежественных рабочих», он предостерегает против насилия, против «ложной» демократии, против «беззащитных» демагогов. Он стремится во что бы то ни стало — даже ценой отказа от результатов своего собственного анализа — доказать возможность классовой солидарности и мирного перехода к социализму.

Страх перед классовой борьбой, стремление укрыться от неприятной исторической реальности под сенью идеалистической философии и социалистически истолкованной христианской морали, как мы уже указывали, типичны почти для всех течений утопического социализма (не включая в их число революционного коммунизма Бабефа и его последователей). На ранних стадиях развития утопического социализма — в трудах великих утопистов — непонимание исторического значения классовой борьбы пролетариата в известной мере соответствовало недостаточно высокому уровню его классового самосознания. Десятилетия, отделяющие Пеккёра от великих утопистов, отмечены ростом капиталистических отношений и обострением социальных противоречий. Уточнились грани, отделяющие наемных рабочих от мелкобуржуазных слоев населения, значительно выросло в рабочем классе понимание своеобразия его положения в обществе и специфических задач, из этого положения вытекающих. Учение Пеккёра, как мы уже говорили, в известной мере учитывает эти сдвиги; но в существеннейшем вопросе о путях становления социализма Пеккёр не смог порвать со старой традицией утопизма, приобретшей в новых условиях реакционный смысл. Его рассуждения о перспективах развития общества отражают не завтрашний, а вчерашний день в историческом развитии рабочего класса, не его рост, а препятствующие этому росту мелкобуржуазные идеологические влияния.

Нас не должно удивлять, что главную роль в предстоящем социальном преобразовании Пеккёр отводит не пролетариату, а «культурным» «средним классам»: ведь и в этом отношении его взгляды не отличаются существенно от взглядов великих утопистов. Но в социальной и политической обстановке конца 30 и 40-х годов этот призыв к средним классам весьма резко подчеркивает мелкобуржуазные тенденции социального учения Пеккёра. Не случайно в истории революции 1848 г. имя Пеккёра связано с деятельностью Люксембургской комиссии, связано с именем Луи Блана. Не случаен и интерес к Пеккёру мелкобуржуазных оппортунистов эпохи II Интернационала.

Как мы видели, революция 1848 г. обогатила представление Пеккёра о путях перехода к социализму рядом новых идей. Несомненно сдвиг в отношении Пеккёра к насильственному перевороту, который он склонен теперь признать не только законным, но и более вероятным способом осуществления прогресса. Несомненно, что ведущую роль в деле социалистического преобразования он склонен отводить в своих после-революционных статьях не «среднему классу», а пролетариату. Весьма

интересна с этой точки зрения пропаганда в журнале Пеккёра организации Рабочего союза и намечаемая Пеккёром программа его деятельности. Весьма значительна по своему политическому смыслу эволюция во взглядах Пеккёра на участие государства в построении социалистического порядка. Наиболее существенно появление в его концепции мысли о возможности осуществления социального идеала в результате успешной революции, путем пересмотра конституции, минуя длительный процесс развития ассоциации.

Однако проникновение в социально-политические воззрения Пеккёра этих новых элементов не вызвало пересмотра основ его социальной философии. Она осталась попрежнему идеалистической, а следовательно, неспособной открыть подлинные закономерности исторического развития. Предлагаемые Пеккёром практические мероприятия и в этот период не представляют собой единой продуманной программы, основанной на понимании законов движения общества. Его представления о путях перехода общества к социализму остаются, как и ранее, эклектичными.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«СОФИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК» И НОВГОРОДСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1136 ГОДА

1. СОФИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК И НАЧАЛЬНЫЙ КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ СВОД 1095 ГОДА

Новгородские летописи занимают в системе восстанавливаемой А. А. Шахматовым истории русского летописания центральное место. На основании новгородских летописей А. А. Шахматов уточняет историю летописания московского, тверского, псковского, смоленского и др. Но особенное значение имеет открытие А. А. Шахматовым в начале Новгородской первой летописи младшего извода (а отсюда и в других новгородских летописях) свода более древнего, чем «Повесть временных лет». Свод этот А. А. Шахматов назвал «Начальным» и отнес его составление к 1095 г. Утверждение, что в новгородских летописях был использован свод более древний, чем сама «Повесть временных лет», лежит в основе всей реконструкции А. А. Шахматовым древнейшего русского летописания. Оно-то именно и явилось его исходной точкой. Это открытие А. А. Шахматова — одно из самых замечательных в истории изучения русских летописей и едва ли может вызывать серьезные, продуманные возражения.¹

Однако до сих пор не выяснен вопрос, когда и при каких обстоятельствах был привлечен к новгородскому летописанию киевский «Начальный свод». Как известно, А. А. Шахматов определил, что «Начальный свод» был использован в Новгородской первой летописи младшего извода с перерывами, и при этом только до 1074 г.² Первоначально А. А. Шахматов считал, что Начальный киевский свод был введен в Новгороде в первой четверти XIII в., когда был составлен из соединения новгородской владычной летописи и Начального свода «Софийский временник»³ (название «Софийский временник» с точки зрения А. А. Шахматова представляет собою переделку названия «Начального свода» — «Русский временник»). Позднее А. А. Шахматов пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что Начальный свод был привлечен к новгородскому летописанию в 1423 г.⁴ Еще позднее А. А. Шахматов

¹ См. подробнее. Д. С. Лихачев. Шахматов как исследователь русского летописания. Сб. «А. А. Шахматов», вып. 1, Л., 1947, стр. 272 и сл., его же Русское летописание в трудах Шахматова. — «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 5, М., 1946, стр. 420.

² См. «О Начальном киевском своде». «Чтения О. И. и Д. Р.», 1897, кн. 3; «Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись» — «Изв. ОРЯС АН», т. XIII, кн. 1, 1908; «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб., 1908, главы I и XV; «Повесть временных лет», т. I, СПб., 1916, «Киевский Начальный свод 1095 года». Сб. «А. А. Шахматов», вып. 1.

³ «Хронология древнейших русских летописных сводов». ЖМНП, 1897, апрель

⁴ См. А. А. Шахматов. «Разыскания...», стр. 380 и др.

считал, что Начальный свод был использован в 1432 г.⁵ Наконец, в недавно опубликованной работе А. А. Шахматова последних лет его жизни — «Киевский начальный свод 1095 г.»⁶ он вернулся к некоторым из своих прежних выводов о времени использования в новгородском летописании Начального свода. А. А. Шахматов считает в этой работе, что включение в состав Новгородской первой летописи Начального летописного свода относится к 1433—1434 гг. Однако по ряду признаков А. А. Шахматов предполагает, что Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с киевской летописью и какою-то новгородской уже в начале XIII в. Свод, соединивший Начальный свод, его продолжение — киевскую летопись и новгородскую летопись, отразился, между прочим, и в Синодальном списке (или его протографе) из этого свода в Синодальный список была включена «Повесть о взятии Царяграда латинами», рассказ о Калкской битве и некоторые южно-русские известия.⁷

Таким образом, Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с какой-то новгородской летописью уже в начале XIII в., однако время составления этого соединения А. А. Шахматов оставил в этой своей работе открытым. Заметим тут же, что А. А. Шахматов, в противоположность другим своим выводам, выводы о времени и причинах соединения Начального свода с новгородской летописью нигде не обосновывает исторически. С точки зрения А. А. Шахматова в Новгороде просто «нашелся» текст давно вышедшего из употребления Начального свода и притом в дефектном экземпляре.⁸ Этот случайный текст и был случайно же (в начале XIII в. или раньше; в 1421, 1424, 1432 или 1434 гг.) привлечен для обновления официальной, чрезвычайно важной в новгородской политической жизни, владычной летописи. Ниже мы увидим, однако, что использование в Новгороде антикняжеского Начального свода было далеко не случайным, что оно было сделано в Новгороде непосредственно после антикняжеского переворота 1136 г., в резко антикняжеских целях.

Обратимся прежде всего к самим событиям 1136 г.

2. УСТАНОВЛЕНИЕ В XII В. НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ В НОВГОРОДЕ И РОЛЬ В НЕМ НИФОНТА

Работы акад. Б. Д. Грекова в значительной мере выяснили обстоятельства установления в Новгороде в середине XII в. нового политического строя.⁹ До середины XII в. князь представляет собой основную силу в государственной и культурной жизни Новгорода. В первой четверти XII в. старший сын Владимира Мономаха — Мстислав, а затем сын Мстислава — Всеволод — стоят во главе политических предприятий Новгорода, покровительствуют искусствам, книжности, обстраивают Новгород двумя крупнейшими монастырями — Антониевым и Юрьевым, укрепляют Детинец, обстраивают Ярославово дворище, покровительствуют культурному влиянию киевских книжников и киевского монашества. Хотя в XI и в начале XII в. новгородцы неодно-

⁵ В статье «Летописи» в т. XXV Нового энциклопедического словаря Брокгауз и Ефрон и в т. I «Повести временных лет», П., 1916, стр. XLIX.

⁶ Сб. «А. А. Шахматов», вып. I.

⁷ Там же, стр. 148—149.

⁸ «Повесть временных лет», т. I, стр. XLIX.

⁹ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. IV, 1929, а также соответствующие страницы в работе «Новгородский дом св. Софии», ч. I, СПб., 1914.

кратно вмешиваются в княжескую политику и самовольно выводят от себя посадников, общая организация государственного строя остается пока непоколебленной.

К середине XII в. относится установление нового социального и политического строя в Новгородской области. Новгород становится независимой боярской республикой. Процесс образования Новгородского государства сопровождается рядом бурных потрясений в жизни Новгорода, частыми сменами князей, посадников, тысяцких и заканчивается установлением всех тех новых форм правления, которые составляют затем на протяжении ряда веков характерную особенность Новгорода. С этой поры новгородский князь привлекается вечею только в качестве военного специалиста и ограничивается в своих правах особым договором, главенство в управлении Новгородом отныне принадлежит первому феодалу области — епископу, который приобретает некоторую независимость от киевского митрополита и должность которого, наряду с должностью посадника, становится выборною, зависимою от веча. Меняются не только политический и социальный строй Новгорода, но и привычные формы новгородской жизни. Обычным становится в Новгороде исполнение различных работ постоянными коллективами (артелями — «дружинами»), что накладывает сильный отпечаток на новгородское искусство и литературу. Архитектура и живопись испытывают процесс некоторой демократизации, обусловленный выдвижением новых социальных слоев в политической жизни города (главным образом ремесленников и купцов).

Внутренние потрясения новгородской жизни и новые политические силы, выдвинувшиеся в Новгороде в середине XII в., отчасти обусловлены изменениями в международном положении новгородской торговли и чрезвычайным усилением боярством феодальной эксплуатации своих владений, постепенно расширяющихся до Балтийского моря на северо-западе, до Ледовитого океана и Белого моря на севере, до Урала на востоке и до впадения Оки в Волгу на юго-востоке. В XII в. намечается перемещение путей европейской торговли. Средиземноморская торговля переходит от Византии в руки французов и итальянцев. Киев остается в стороне от европейской торговли, Новгород же оказывается в выигрыше. через Новгород и Суздаль направляются новые пути европейской торговли на Востоке. Новгородцы вывозят пушнину из северо-восточных областей, ввозят сукно, железо, соль, хлеб, лошадей, предметы роскоши. XII век — это время, когда новгородцы сами держали в руках свою заморскую торговлю и когда новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых центрах Балтики. Одновременно и, очевидно, не в меньших масштабах, чем развитие торговли, идет развитие в Новгороде ремесел. По вполне понятным причинам развитие новгородской торговли сильнее отразилось в документальном материале, однако на развитие ремесел указывают топонимические и археологические данные и постоянное участие во второй половине XII—XIII вв. ремесленников в политической жизни города. На время интересы богатеющих торговцев и ремесленников объединяются в общем им всем стремлении освободиться из-под политической опеки Киева и проводника этой опеки — ставленника киевского стола — новгородского князя.

Повидимому, около этого времени князь теряет свои права на Софию Новгородскую, бывшую перед тем княжеским храмом, и обосновывается на другой стороне Волхова — на Ярославовом дворище, уступая Детинец вече. В уставе Всеволода о церковных судах, кото-

рый В. О. Ключевский относит к 1135 г.,¹⁰ впервые проводится отчетливый взгляд на Софию как на удел епископа: «а дом святых Софии владыкам строити с сочскими. А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковного не обидети, ни судити без владычня наместника. А се дах в олтарь святых Софии и притчу церковному вседеньник сенаник вещьне; что суды церковныя, то святых Софии. А кто нашего роду пограбити или отъиметь, того повелехом владыце събором в синанице проклинати». ¹¹ С переходом Софии в ведение одного епископа храм этот становится центральным палладиумом молодой вечевой республики. Епископ Нифонт вскоре значительно расширяет ее, обстраивая с трех сторон галлереями, и расписывает фресками. ¹² Повидимому, предпринимались и другие работы в Детинце, но они остались неизвестными из-за скудости источников.

Потеряв Софию, Всеволод пытается перенести ее значение на выстроенную им церковь Ивана на Опоках и упоминает ее в уставной грамоте о привилегиях ивановского купечества как новую новгородскую святыню. Всеволод дает ряд преимуществ ивановскому купечеству, организованному им из купцов, заинтересованных в торговле с Киевом. ¹³ Грамота эта направлена против нового хозяина Софийского двора — новгородского епископа, главного антагониста князя: «А городу, ни владыце, ни боярам весу не отъимати у святого великого Ивана, ни продавати моего данья великого князя Всеволода; а кто почнет вес отъимати, или продавати, или дом обидити святого великого Ивана и святого Захарьи, на того Спас и пречистая и святыи великыи Иван, будет им тма и съблазнь и казнь божия» ¹⁴ В «Уставе князя Всеволода о церковных судех, и о людех и о мерилех торговых» говорится, что «живот» провинившихся в некоторых проступках делится: «треть живота святых Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочским и Новгороду», ¹⁵ т. е. Иван на Опоках и София ставятся в равные отношения — получают равную долю. ¹⁶

Попытка Всеволода опереться на часть новгородского купечества, организованного им вокруг церкви Ивана на Опоках, не удалась. В 1136 г. происходят бурные волнения. Собравшееся вече, на котором, как и в 1132 г., присутствуют не только новгородцы, но псковичи и ладожане, смещает князя. ¹⁷ Князя сажают в «епископлъ двор, с женою и с детьми и с тыщею, месяца мая в 28; и стражые стражаху

¹⁰ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, М., 1909, стр. 180.

¹¹ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», под ред. Г. Е. Кочина, Л. 1935, стр. 44.

¹² См. Новгородскую первую летопись по Синодальному списку. СПб, 1888 г. под 1144 г., стр. 135.

¹³ Новгородские связи с Киевом были в XII в. настолько интенсивны, что новгородцы составляли в Киеве как бы особую колонию, имевшую свою церковь (ср. Лаврентьевскую летопись под 1147 г.: «И повеле Лазарь взяти [тело] Игоря и понести и в церковь св. Михаила, в новгородскую божицю...»). Из Киева в Новгород ввозились мед и воск, следовательно ивановская корпорация купцов «вощаников» была заинтересована в торговле с Киевом.

¹⁴ Около 1134—1135 гг. «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», стр. 42—43. Грамота сохранилась в списках конца XVI — начала XVII вв.

¹⁵ 1125—1137 гг. Там же, стр. 45.

¹⁶ Роль Ивановской организации купечества в процессе установления своеобразного новгородского государственного устройства довольно широко (но не всегда точно) обрисована в работе А. И. Никитского «Святой великий Иван на Опоках» (ЖМНП, 1870, август). По выражению А. И. Никитского, организация эта явилась «чистою революцией в жизни Великого Новгорода» (там же, стр. 214).

¹⁷ См. Новгородскую первую летопись по Синодальному списку, изд. 1888 г.: «Новгородцы призваша пльсковиче, и ладожань, и сдучаша, яко изгонити князя своего Всеволода» (стр. 128).

день и ночь с оружием. 30 мужь на день»¹⁸ Ему предъявляются следующие обвинения: «1) не блюдет смерд, 2) чему хотел еси сести Переяславли; 3) ехал еси с пълку переди всех».¹⁹ В этой краткой формулировке критикуется одновременно внутренняя и внешняя политика князя и высказывается отрицательная оценка его личных качеств.

Переворот 1136 г окончательно ослабил княжескую власть и закрепил господствующее положение в управлении городом епископа. Князь лишается в Новгороде большинства своих доходов, прав и земельных владений. С этой поры он ограничен в охоте и в суде. Эти права, доходы и земельные владения переходят, по предположению акад. Б. Д. Грекова, к новгородскому епископу, который с этой поры становится богатейшим землевладельцем Новгорода и, очевидно, председателем совета господ, «начальником» новгородских бояр²⁰ «Патрональный храм св Софии стал средоточием государственной жизни Новгорода, естественно, что к нему перешло много княжеских прав, в том числе и право на прежние княжеские земли»²¹

В 1137 г от нового, на этот раз уже приглашенного, а не поставленного, князя Святослава Ольговича — Нифонт добивается для софийской казны устава о десятине, регулировавшего доходы владыки и дававшего ему большую независимость от новгородского князя.²² Акад. Б. Д. Греков предполагает, что «Устав Святослава Ольговича» ущемлял интересы владыки и был составлен к выгоде князя. Однако в уставе Святослава в числе его возможных нарушителей называется только «князь или ин кто сильны новгородцев», но не называется епископ, что вполне естественно в документе, выгодном именно последнему. Затем в уставе Святослава есть определенный признак того, что он был составлен именно в епископской канцелярии: это применение в нем времяисчисления по индиктам. «В лето 6645 индикта 15».²³ Времяисчисление по индиктам было введено при владычном дворе домостиком Антониева монастыря Кириком и разработано им в 1136 г в работе «Учение, им же ведати человеку числа всех лет».²⁴ Оно отразилось, как это мы увидим в дальнейшем, в Новгородской первой летописи под 1136 г. В пользу того мнения, что устав Святослава был продиктован интересами владычного двора, а не князя, можно привести и следующее соображение. Обычно нарушителю условия в грамотах угрожает кара со стороны патрона того учреждения, чьи интересы более всего страдают от его нарушения. Так, например, в грамоте о привилегиях церкви Ивана на Опоках (1134—1135) нарушителю угрожает святой Иван²⁵, в купчей игумена Благовещенского монастыря Антония Римлянина (1147) угрожает «мати божия»²⁶, во вклад-

¹⁸ Там же, стр. 128—129.

¹⁹ Там же, стр. 129.

²⁰ Это положение епископа как первого феодала области отметил в своем «Гу тешествии» Гильбер де Ланнуа (в начале XV в.) «Ung évesque, qui est comme leur souverain». («Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy», 1399—1450, Paris, 1840, p. 190).

²¹ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. IV, стр. 20.

²² Напечатан в сборнике «Русские достопамятности», т. I, М., 1815, стр. 83 и сл. а также в сб. «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», стр. 47—48.

²³ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 48.

²⁴ См. «Труды Общества истории и древн. Росс. при Моск. Унив», ч. IV, кн. I, 1828.

²⁵ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 43.

²⁶ Там же, стр. 48.

ной грамоте Варлаама Хутынского монастыря Спаса (1192) угрожает Спас²⁷, в уставе же Святослава 1137 г. угрожает София — очевидно, потому, что именно храм Софии страдал при его нарушении.²⁸ Таким образом, устав Святослава 1137 г. должен, очевидно, считаться одним из завоеваний епископа в перевороте 1136 г.

В характеристике новгородских событий середины XII в., приведших к установлению нового политического строя в Новгороде, обычно недостаточное внимание уделяется церковной политике Новгорода в это время и роли в ней новгородского епископа Нифонта. Между тем новгородский политический переворот XII в., вызвав значительные изменения во внешней политике Новгорода, отнюдь не замкнулся пределами этого города. В середине XII в. княжеские междоусобицы Киевской Руси достигли своей наибольшей сложности и остроты. В это время происходила упорная борьба между Византией и венграми. В борьбу эту, захватившую также Германию, Чехию и Сицилию,²⁹ были втянуты и русские княжества. Хотя основные перипетии этой борьбы разыгрались начиная с 1152 г., однако и раньше отношения сторон были уже вполне определенными. В 1149 г. Гейза заявил, что он «ратен царю» и поддерживал против Мануила своих родственников в Сербии и Боснии. Киевский митрополит Михаил, грек по происхождению, стоял на стороне Юрия Долгорукого и его зятя Владимирко Галицкого против великого князя Всеволода, пользовавшегося расположением киевлян. В 1145 г. Михаил, резко проводивший византийскую политику, покинул Киев и уехал к «Цесарю-городу», как видно не вполне добровольно, возможно, под давлением князя Всеволода, насаждавшего русский епископат. 13 августа 1146 г. Киевом завладел Изяслав Мстиславич. Основной заботой его во внутренней политике было замещение митрополичьей кафедры природным русским, без сношений с Константинополем, так же как за столетие перед этим был поставлен Ярославом русский митрополит Иларион. Момент для этого был выбран удачный. Византия испытывала в это время величайшие внешние затруднения. В 1144 г. переход во власть мусульман Эдессы вызвал второй крестовый поход. Весной 1147 г. через Византийскую империю прошли полчища немецких крестоносцев; в октябре — французы. И те и другие не прочь были поживиться византийскими богатствами. Сицилийский флот захватил Корфу и подверг грабежу Фивы и Коринф. Не менее тяжелое положение создалось в Византии и в области церковных дел. Патриарх Михаил Охсит сам признал себя недостойным патриаршего престола и в 1146 г. удалился в монастырь. Следующий патриарх Косьма Агтик (1146—1147) был низложен патриаршим синодом после крупного скандала. И византийскому императору, и византийской церкви было не до русских дел. Изяслав выбрал кандидатом на митрополичью кафедру знаменитого Климента Смолятича. Ипатьевская летопись дает следующую характеристику Клименту: «бе бо черноризецъ съмъникъ и бысть книжникъ и философъ такъ, якоже з Русской земли не бѣшетъ». Климент, повидимому, пользовался довольно большим авторитетом: к нему обращались за разрешением всякого

²⁷ Там же, стр. 50.

²⁸ «А будеть богу противъ и святеи Софии» (там же, стр. 46).

²⁹ Европейские союзы распределялись следующим образом: вместе с Византией были Чехия, Конрад в Германии, Галицкая земля и Суздаль; вместе с Венгрией были Сицилия, Гвельфы в Германии, Изяслав Мстиславич и Давидовичи черниговские.

рода церковных вопросов, он известен различными посланиями³⁰ Таким образом, мы должны признать, что русский кандидат на митрополичью кафедру был выбран обдуманно он во всяком случае был человеком незаурядным и мог с честью заменить своих предшественников — греков. Однако русские церковные иерархи не были единодушны в вопросе о поставлении митрополита-русского. Распрями византийской и антивизантийской партий решили воспользоваться новгородцы, во главе с Нифонтом, чтобы добиться независимости от киевского митрополита Нифонт был поставлен в Новгород епископом в 1130 г. Очень быстро он примкнул к суздальской ориентации и всячески удерживал новгородцев от проявления вражды к суздальцам. Так, в 1134 и 1135 гг. Нифонт пригласил даже к себе на помощь митрополита-грека Михаила, чтобы помирить суздальцев с новгородцами, но напрасно. Новгородцы не только пошли ратью на суздальцев, несмотря на запрещение митрополита, но насильно задержали его в Новгороде до возвращения из похода (впрочем, неудачного). Летом 1147 г. Изяслав Мстиславич собрал в Киеве собор, на котором присутствовало большинство русских епископов (пять — по Лаврентьевской летописи). Епископ Онуфрий выступил на этом соборе с предложением поставить митрополитом Климента (или Клима, как называет его Ипатьевская летопись). Онуфрия оспорил Нифонт, взявший сторону греков и заявивший сомнение в возможности поставления митрополита без участия патриарха. «Не есть того в законе, яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставити патриарх митрополита: а мы не поклониве ти ся, ни служиве с тобою (Климентом.—Д. Л.), зане не взял еси благословения у святое Софьи, ни от патриарха; еще ли ся исправиши, благословишися, и тогда ти ся поклониве: мы взяли от Михаила от митрополита рукописание, яко не достоить нам без митрополита в святей Софьи служить».³¹ Нифонт вернулся с собора в Новгород; во всяком случае мы не имеем сведений о его присутствии на соборе в дальнейшем. В отсутствие Нифонта Онуфрий выступил с новым казуистическим предложением, которое должно было позволить обойти возражения Нифонта: «Аз сведе, достоить ны поставити, а глава у нас есть святого Климента, якоже ставять Греци рукою святого Ивана».³² Обычай, о котором говорит Онуфрий, был следующий: греки ставили своих патриархов, благословляя их рукою патриарха Германа I — знаменитого противника иконоборцев. Обряд этот установился в уверение того, что и новый патриарх будет продолжать дело Германа.³³ На этот раз предложение Онуфрия имело успех, и Климент был поставлен в день именин Изяслава Мстиславича (христианское имя которого было Пантелеймон) — 27 июля. Приурочение поставления митрополита-русского ко дню именин великого князя показывает, какое большое политическое значение придавалось этому событию. Тотчас после поставления Климента Нифонт порывает с киевской митрополией и едет в Суздаль к союзнику Византии Юрию Долгорукому «мира деля». В Суздале Нифонт освящает церковь богородицы и сно-

³⁰ См. Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, СПб., 1892.

³¹ Ипатьевская лет., под 1147 г.

³² Там же.

³³ Об этой руке Германа см. «Хождение Антония» (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках, вып. II, СПб., 1867, стр. 341). Что касается мощей Климента, то они в IX в. были найдены в Корсуни и увезены в Рим. Из Рима голова Климента была затем привезена в Киев посольством папы Иоанна XV в 988 или 989 г.

ва хлопочет, повидимому, о союзе с Новгородом. Замысел Нифонта и вся серьезность создавшегося для Киева положения были в полной мере оценены Изяславом Мстиславичем. В 1148 г. осенью Изяслав вывел из Новгорода Святополка, посадил на его место своего сына Ярослава и спустя недолгое время приехал вслед за сыном сам Новгородцы, в среде которых боролись две партии, встретили Изяслава дружелюбно, и он смог их уговорить отправиться в поход на Юрия Долгорукого. Вернувшись в Киев, Изяслав вызвал к себе из Новгорода Нифонта и подверг его заключению в Печерском монастыре. Отметим, что заключение в Печерском монастыре не было для Нифонта тягостным. Позднее, во время своего вторичного приезда в Киев, Нифонт на этот раз уже добровольно останавливался в Печерском монастыре. У него были, повидимому, насколько можно об этом заключить из его позднейшего жития, дружественные отношения с игуменом монастыря Федосом. В своих «Вопрошаниях» Кирик ссылается на Федоса, как на лицо, хорошо известное Нифонту и близкое митрополиту: «И Феодос, рече, у митрополита слышав, напсал — Такоже не ни напсав, рече, ни митрополит, ни Феодос, разве неделя пражьдник».³⁴

Печерский монастырь, бывший оплотом русской церковной политики против киевского митрополита-грека, всегда искал независимости от своей митрополии. Надо думать, что предшественнику Климента — митрополиту Михаилу удалось сломить сопротивление монастыря, поставив в него игумена-грека Федоса. При новом, на этот раз уже русском, митрополите Клименте Федос продолжал борьбу своих предшественников за независимость Печерского монастыря, но митрополит был уже не грек, а русский, игумен же Печерского монастыря был на этот раз грек, и прежняя политика оппозиции митрополиту оказалась теперь прямо противоположна предшествующей по своему значению. В изменившейся ситуации ставропигия Печерского монастыря была при Федосе основой его византийской ориентации, дававшей ему право на преимущественное внимание со стороны сторонников византийской ориентации: Владимирко Галицкого и Юрия Суздальского (связанного с Нифонтом дружественными узами). Эта политика Печерского монастыря, пытавшегося приобрести положение в русской церкви, аналогичное положение Афонского монастыря в византийской,³⁵ очевидно, и навела Нифонта, постриженника Печерского монастыря, на мысль о необходимости для новгородской церкви добиться непосредственного подчинения патриарху через голову киевского митрополита. Вызов Нифонта из Новгорода был обусловлен исключительно желанием обезвредить его политически; коль скоро Нифонт очутился в Киеве, Изяслав находит достаточным «посадить» его в том самом Печерском монастыре, постриженником которого Нифонт являлся, и из которого, как не мог не знать Изяслав, Нифонт был поставлен в новгородские епископы.³⁶

Нифонт был освобожден из заключения Юрием Долгоруким, занявшим Киев 26 августа 1149 г. Новгородская летопись в следующих выражениях записала о возвращении Нифонта под 1150 (6658) г.: «Приде архиеписком Нифонт ис Киева, пущен Гюргемь князем; и ради быши людье Новегороде». Митрополит Климент был изгнан из Киева, но, повидимому, вернулся в 1151 г. и встретил Изяслава, еще раз победи-

³⁴ РИБ, т. VI, изд. 2-е, стб. 38.

³⁵ См. об этом у М. Д. Присяжкова. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 307.

³⁶ См. об этом III Новгородскую летопись.

телем вошедшего в Киев. В 1153 г Киев вторично был завоеван Юрием, снова прогнавшим Климента и пославшим за митрополитом в Константинополь. Вероятно, ко времени освобождения Нифонта Юрием следует отнести получение Нифонтом из Константинополя титула архиепископа, переводившего его из подчинения киевскому митрополиту-схизматику в непосредственное ведение патриарха. В Константинополе, очевидно, в связи с поставлением митрополита-русского решили дать независимость Нифонту от всяких притязаний Киева. Надо думать, что и сам Нифонт добивался в Константинополе своей независимости от митрополита, идя в этом отношении по пути Печерского монастыря. К этому времени относится антиминос Николо-Дворищенского собора³⁷ (1149), в котором Нифонт называет себя архиепископом. Антиминос этот ясно свидетельствует о том, что именно Нифонт, а не Иоанн, как это обычно принято считать, был первым новгородским архиепископом. Архиепископия давала Нифонту права на непосредственные сношения с патриархом, минуя митрополита, что в данной ситуации было выгодно и Новгороду и Константинополю. О том, как политика Нифонта была оценена в Константинополе, дает представление грамота, присланная ему патриархом Николаем Музаломом³⁸. Под 1156 (6664) г. Ипатьевская летопись записала о Нифонте: «Патриарх же присла к нему грамоты, блажа и причитая к святым его; он же боле креплющеся, послушивая грамот патриаршь». Возможно, что в одной из присланных Нифонту патриархом грамот ему даровался и титул архиепископа³⁹. Как были поняты в Новгороде патриаршие грамоты, показывает тот факт, что по последующей легенде Нифонт якобы был призван патриархом «святым» еще при жизни. Отметим, что Синодальный список Первой новгородской летописи называет Нифонта под 1144 г. «святым» («архiepiscop святой Нифонт»). Это не позднейшая вставка, обусловленная канонизацией Нифонта: канонизирован Нифонт был сравнительно поздно — в XVI в., дошедший же до нас Синодальный список Новгородской первой летописи не может быть позднее XIV в.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Оригинальная новгородская система избрания владык, которой мы не найдем аналогичной ни в одном из княжеств и которая отстраняла от всякого фактического участия в поставлении новгородского епископа — киевского митрополита, установилась, как это указывает П. Соколов, как раз после смерти Нифонта.⁴⁰ Естественно думать, что и учредителем ее был именно Нифонт. В том же убеждает нас и сама юридическая сторона этих выборов, свидетельствующая о глубоком знакомстве ее учредителя с византийским церковным правом. В самом деле, выборы эти представляли собой, по утверждению П. Соколова, оригинальное соединение

³⁷ Антиминос этот упоминает И. К. Куприянов («Прогулка по Новгороду», Новг. 1862, стр. 88—89). Сведения о нем даны у А. С. Орлова. Библиография древнерусских надписей. М.—Л., 1936, стр. 13 (тут же библиография вопроса, кроме работы Куприянова).

³⁸ Послание патриарха Николая Музалона «господину епископу Новграда Нифонту»: «Слышахом, господине, о твоём праведном страдании, иже бога ради стражди противу Климита митрополита, иже без нашего благословения взял на ся Киевскую митрополию своим изволением... и много от него досаждения злаго и укоризны претерпел еси. И ты, страдальче, и еще терпе о правде бога ради и не пренемогай от злаго сего аспида Климита и от его злых советник и будиши причтен от бога, брате, к прежним святым... Мир тебе, отче... страдальче Христов...» (М а к а р и й. История русской церкви, т. III, изд. 3-е, 1888, прил. № 7, стр. 297).

³⁹ Точка зрения на Нифонта, как на первого архиепископа, впрочем, без достаточного углубления в вопрос, высказана еще И. Д. Беляевым («Рассказы из русской истории», т. II, М., 1864, стр. 115—116).

⁴⁰ См. Синодальный список Новгородской первой летописи под 1156 (6664) г.

системы Юстиниановых човелл о замещении епископской кафедры (выбор трех кандидатов избирательной комиссией) и системы монастырских типиков Византии XII в. (выбор игумена, а в Новгороде епископа, по жребию из трех кандидатов).⁴¹ Во всяком случае Нифонт сумел извлечь из своего положения единственно признанного в Византии русского епископа все выгоды и установил для Новгорода если и не формальную (признанную и митрополитом), то во всяком случае фактическую церковную независимость.

Политика Нифонта была далеко не случайной для Новгорода. Если Киев боролся за самостоятельную русскую митрополию, то Новгород, для которого опасность подчинения константинопольскому патриарху не была такой осязательной, неоднократно искал опоры против Киева именно в Константинополе. Акад. Б. Д. Греков так объясняет введение выборного начала в поставление новгородского епископа: «Время первого избрания епископа (1156 г.—Д. Л.) не совпадает с временем вероятного политического переустройства Новгорода, потому что епископ Нифонт, принимавший непосредственное участие в политической жизни Новгорода, очевидно, сразу признал совершившийся переворот, может быть, даже ему содействовал, что весьма вероятно, так как от нового порядка храм св. Софии и его глава — епископ, несомненно, выигрывали, да и позиция, занятая Нифонтом, насколько можно ее наблюдать, нисколько не противоречит такому предположению. Смещать Нифонта не было, следовательно, никакого смысла, но если бы он оказался неподходящим лицом для нового порядка, конечно, новгородцы теперь не обращались бы в Киев, а проделали бы тогда же, т. е. в конце 30-х годов, ту же процедуру, которая силою вещей была отодвинута до 1156 г., когда он, Нифонт, «к весне преставился» (апреля в 18 день), т. е. собрался бы весь град, люди, поставили бы себе епископа и вместе со всем клиросом св. Софии, с городскими попами, игуменами и чернецами ввели бы его во двор святыя Софии и поручили бы ему епископию и поточ радовались своему владыке». ⁴² Таким образом, акад. Б. Д. Греков считает введение начала выборности в замещении новгородской кафедры вполне аналогичным с введением выборной должности посадника.

Тем самым церковная реформа Нифонта связывается с аналогичной реформой в поставлении посадников.

Однако, мы должны принять во внимание, что в замещении епископской кафедры присутствует чрезвычайно важный для средневекового сознания сакраментальный момент. Этот сакраментальный момент отсутствовал в выборах посадника, но присутствовал в акте поставления епископа. Вряд ли новгородцы стали бы рисковать быть объявленными схизматиками, устанавливая свою отдельную от киевской церкви, если бы вопрос этот не был продуман с точки зрения церковного законодательства. Установлению выборного замещения новгородской епископской кафедры должна была предшествовать большая церковно-юридическая и церковно-исгорическая работа. Клерикальный характер средневекового мировоззрения не мог позволить новгородцам с той же легкостью нарушать церковные установления, с какою они нарушали политические права князей и посадников, и стихийно устанавливать новые формы церковной жизни. Оригинальная и сложная реформа церковного управления Новгородом была, повидимому, продумана и установлена знатоком церковного законодательства

⁴¹ П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 319—320.

⁴² Б. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии, ч. I, стр. 20—21.

Нифонтом, который, очевидно, и завещал провести ее в жизнь при первом же случае, т. е. сразу же после своей смерти. Такое объяснение устраняет хронологический разрыв между «избранием первого епископа» и «временем вероятного политического переустройства Новгорода»⁴³

Установление новых порядков в новгородской церкви лежит, таким образом, в связи с установлением нового политического строя Новгорода, в котором новгородская церковь с этой поры начала играть главенствующую роль.

Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча и устранялась от влияния на нее Киева.

Итак, в середине XII в. в Новгороде совершается политический переворот, с которым связывается образование большинства основных новгородских республиканских учреждений, составлявших отличительную особенность Новгорода в течение более трех столетий. Главнейшие результаты новгородского переворота XII в. сводятся к следующему. Князь теряет часть своих прав и доходов, теряет свои земельные владения, которые с этой поры принадлежат софийской казне. Роль князя сводится к роли военного специалиста, приглашаемого усиленным веча и ограничиваемого особым договором — «рядом». Новгородская церковь приобретает некоторую независимость («архиепископию») от киевского митрополита и вместе с тем становится в известной мере зависимой от веча, которое с этой поры принимает участие в поставлении епископа. Последний делается главой новгородского государства, председателем «совета господ», хранителем новгородской государственной казны и обширных государственных земель, основной фонд которых составил из конфискованных владений князя. Вместе с тем новгородский епископ становится безраздельным обладателем новгородского Детинца и патронального храма Новгорода — Софии. Епископ приобретает право суда, право контроля и право наблюдения за торговыми мерами. Епископ ведает внешней политикой города и защищает интересы иноземной торговли в Новгороде. Ища популярности у населения, епископ с этой поры усиленно покровительствует искусствам и письменности.

Нельзя не отметить во всем этом переустройстве выдающейся роли самого епископа Нифонта. Крупный политический деятель, Нифонт был вместе с тем и незаурядным культурным деятелем. Его инициативе принадлежит постройка ряда зданий в Новгороде, в Старой Руссе, Лагоде и во Пскове.⁴⁴ Его инициативе, как увидим в дальнейшем, принадлежит и развитие летописания, поставленного им на службу новому политическому порядку в Новгороде: надлежало пересмотреть всю новгородскую историю, отношения Новгорода к Киеву, отношения к княжеской власти, найти исторические основания новому политическому устройству Новгорода. Как и в других аналогичных случаях, полу-

⁴³ Там же, стр. 20.

⁴⁴ В многочисленных постройках Нифонта впервые проявились многие новые архитектурные приемы и новые архитектурные вкусы, определяемые М. К. Каргером следующими чертами: «Вместо грандиозных, но единичных сооружений появлялись небольшие по величине, но строящиеся в огромном количестве. Здания эти по своему художественному выражению значительно проще, скромнее и интимнее репрезентативных, парадных сооружений начала века» (М. Каргер. Новгород Великий, М., 1946, стр. 40). Изменения в новгородской архитектуре нельзя, конечно, приписывать личным вкусам Нифонта, как это делает А. И. Некрасов («Великий Новгород и его художественная жизнь», М., 1924), однако самое появление новых архитектурных приемов при Нифонте — симптоматично.

чение титула архиепископа было ознаменовано составлением нового летописного свода

3. КНЯЖЕСКИЙ СВОД ВСЕВОЛОДА 1119—1135 гг

Основной вехой новгородского летописания XII в. А. А. Шахматов считает 1167 г. — время составления новгородского епископского свода. Однако вопрос об этом своде по-разному освещен в различных работах А. А. Шахматова. Автором этого свода А. А. Шахматов первоначально⁴⁵ считал Германа Вояту, а затем какого-то владычного летописца⁴⁶. По-разному восстанавливается А. А. Шахматовым и состав этого свода. Так, например, в «Обзрении» А. А. Шахматов считал возможным, что Герман Воята соединил текст новгородского владычного свода с текстом какой-то южнорусской летописи, доведенной до 70—80 годов XII в. (точнее, 1174 г.) Впоследствии же А. А. Шахматов нашел более вероятным отнести южнорусские известия Новгородской летописи за счет устной передачи. Недостаточно обоснована А. А. Шахматовым и самая датировка составления новгородского свода — апрель — май 1167 г. А. А. Шахматов считает эту дату наиболее вероятной, так как перечень князей киевских в начале статьи 6497 г. в новгородском «своде 1448 г.», включившем в свой состав и свод XII в., доведен только до Ростислава Мстиславича «Перечень и свод,— пишет А. А. Шахматов,— составлены до 1167 г., ибо в Новгороде знали бы в 1167 г., что великим князем сделался Мстислав Изяславич».⁴⁷ Искусственность этой аргументации А. А. Шахматова станет ясной, если мы вспомним, что все списки Новгородской первой летописи младшего извода и предшествующих сводов, в которых эти перечни уже читались, переписывались по многу раз вплоть до XV—XVI вв., и тем не менее список киевских князей пополнен не был. Почему же то, что не делалось позднее в течение ряда столетий, должно было быть сделано непременно в июне 1167 г., «как только» в Новгороде узнали, что великим князем киевским стал Мстислав Изяславич? А. А. Шахматов рассчитывает при этом, что для получения известия в Новгороде о вокняжении Мстислава Изяславича должно было потребоваться полтора месяца: в середине мая произошло вокняжение Мстислава Изяславича — следовательно, в июне это вокняжение должно было стать известным в Новгороде и получить отражение в Новгородской летописи.⁴⁸ Наиболее как будто бы убедительный аргумент в пользу составления Новгородского свода XII в. в 1167 г. извлекается А. А. Шахматовым из приписки, первоначально входившей, очевидно, во владычную летопись, откуда она попала затем в общерусский Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в. («свод 1448 г.»: Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи). Мы разумеем приписку к известию о пожаре Софии новгородской в 1049 (6557) г., которая гласит «идеже ныне постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глеба». Церковь Бориса и Глеба была заложена в 1167 г. «Слово «ныне»,— пишет А. А. Шахматов,— прямо указывает на время около 6675 года (1167 г.—Д. 7), мы не читаем «идеже ныне стоит церковь», а читаем «идеже ныне постави» Итак, вот ясное свидетельство в пользу того, что древние

⁴⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв., Л., 1938, стр. 129.

⁴⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 186 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 195.

⁴⁸ Там же, стр. 203.

новгородские известия подвергались обработке во второй половине XII в. или, что то же, что во второй половине XII в. возник новгородский летописный свод.⁴⁹ Время составления свода определяется приведенным известием. Оно указывает на то, что свод составлен около 1167 г.⁵⁰ Обратим внимание на одну деталь в этой аргументации А. А. Шахматова: в Новгородско-софийском своде (Софийской первой и Новгородской четвертой) ясно сказано «идеже ныне *постави* Сотько церковь камену святого Бориса и Глеба». Между тем весной 1167 г. церковь эта была только «заложена», но не «поставлена», освящена же она была 14 октября 1173 г.⁵¹ Таким образом, церковь строилась 6½ лет. Форма «постави» точно указывает, что ко времени написания этих слов постройка церкви Бориса и Глеба была уже завершена. Кроме того, А. А. Шахматов приводит известие 1049 г. в качестве доказательства составления свода XII в. точно в апреле — мае 1167 г. и приписывает эту работу Герману Вояте. Между тем известие 1049 г. и сведения о Германе Вояте принадлежат двум различным стволам новгородского летописания и, следовательно, не могут быть сопоставляемы. Сведения о пожаре Софии в 1049 г. читались в общерусском Новгородско-софийском своде (в Синодальном списке они читаются в иной форме и под другим годом — 1045 г.), сведения же о Германе Вояте имеются только в Синодальном списке и отсутствуют в Новгородско-софийском своде. Не выдерживает критики и третий аргумент А. А. Шахматова в пользу составления новгородского свода в XII в. в 1167 г. — это связь его составления с тем, что в 1165 г. новгородский епископ получил титул архиепископа и пожелал, по мнению А. А. Шахматова, подвести итог всему предшествующему периоду новгородской истории. В самом деле, как мы видели выше, архиепископом именуется себя Нифонт уже в 1149 г.

Новгородское летописание не получило освещения и в работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.»⁵²

Незавершенность изучения истории новгородского летописания и важность занимаемого новгородскими сводами места в общей истории русского летописания делают необходимым внимательное рассмотрение именно этого раздела истории русского летописания.

Установить этапы новгородского летописания XII в. поможет самый состав новгородских летописей. Отметим прежде всего, что в тех из своих работ, где А. А. Шахматов утверждал, что Начальный свод был использован в Новгороде в XV в., Синодальный список (XIV в.) резко отрывался от младшего извода Новгородской первой летописи. А. А. Шахматов предполагал, что Синодальный список имел в своем начале не Начальный свод, а только «Повесть временных лет» в третьей редакции. Такого же взгляда продолжал держаться А. А. Шахматов и в последней своей работе — «Киевский начальный свод 1095 г.», где утверждал, что Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с какою-то новгородской летописью еще в начале XIII в., т. е. до составления протографа Синодального списка, причем это соединение от-

⁴⁹ На дату 1167 г. как на знаменательную в Новгородском летописании впервые и по тем же основаниям указывал, впрочем, еще до А. А. Шахматова М. Погодин («Исследования, лекции и замечания по русской истории», т. V, М., 1857, стр. 344).

⁵⁰ «Разыскания...», стр. 203.

⁵¹ См. Синодальный список Новгородской первой летописи под 1173 г.

⁵² В «Истории русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) М. Д. Приселков на стр. 34 обещал рассмотреть историю новгородского летописания в особой главе, но обещания этого в своей работе не выполнил.

разилось и в самом Синодальном списке, но только не в той части, где был использован в нем Начальный свод И в этой своей работе А. А. Шахматов предполагал, что утраченная часть Синодального списка восходит к новгородской летописи в соединении не с Начальным сводом (как все остальные новгородские летописи в пределах до 1074 г.), а с третьей редакцией «Повести временных лет».

Действительно, в Синодальном списке мы находим ряд известий, явно восходящих к «Повести временных лет» именно в третьей, последней редакции 1118 г.⁵³ Приведем примеры:

Третья редакция
«Повести временных лет»

(цит. по изданию А. А. Шахматова 1917 г.)

6615 (1107). А февраля 5 трясется земля пред зорями в нощи.

6620 (1112). Ярослав ходи на Ятвягы, сын Святопълчъ, и победи я, и пришьд с воины, посла Новугороду, и поя Мьстиславу дщерь себе жене.. Того же лета преставися Давыд Игоревичъ, месяца мая в 25..

6621 (1113). В сеже лето Мьстислав заложи църквъ камяну святого Николы на кнѣжьи дворе у търговища Новогороде.

6622 (1114). Преставися Святослав, сын Володимерь, месяца марта в 16 днь..

6623 (1115). В лето 6623, индикта 8, съвъкупишася братия, Русьстни кнѣязи, Володимерь, завемьи Мономахъ, сын Всеволожь, и Давид Святославичъ и Ольг, брат его, и съдумаша перенести мощи Бориса и Глеба; бяху бо създали църквъ има камяну на похвалу и чсть телесома ею и на положение. Първое же освятиша църквъ камяную, мая в 1 днь, в суботу; наутрня же, в 2 днь, перенесоша свята.

В сеже лето бысть знамение: погыбе сълнце и бысть, яко месяц, еже глаголють невелики сънедаемо сълнце. В сеже лето преставися Ольг Святославичъ, месяца августа в 1 днь, а в вторыи погребен бысть у святого Спаса, у гроба отьца своего Святослава.

6622 (1114). В сеже лето Мьстислав заложи Новъгород болии първаго. В сеже лето заложена бысть Ладога каменiemъ на пристъпе Павльемъ посадникъмъ при князи Мьстиславе.

6624 (1116). В сеже лето Мьстислав Володимеричъ ходи на Чюдъ и Новъгородъ и с Пльсковичи, и възя город их именемъ Медвежа Глава, и погост без числа възвѣша, и възвратишася в свояси и мьногъмъ полонъмъ.

Синодальный список первой
Новгородской летописи

(цит. по изд. 1888 г.)

6615 (1107). Трясется земля 5 февраля.

6621 (1113). Ходи Ярослав на Ятвягы, сын Святопълчъ; и пришьд с войны поя дщерь Мстиславу.

В се же лето преставися Давид Игоревичъ.

6621 (1113). В то же лето заложена бысть церкви Новогороде святого Николы.

6622 (1114). Преставися Святослав Переяславлн.

6623 (1115). Съвъкупишася братья Вышегороде: Володимир, Ольг, Давид и вся Русьская земля, и освятиша церковь камяну мая в 1, а в 2 перенесоша Бориса и Глеба, индикта в 8.

В то же лето бысть знамение в солнцѣ, якоже погыбе; а на осень преставися Ольг, сын Святославль. августа в 1

6624 (1116). В то же лето Мьстислав заложи Новъгород болии първаго. Того же лете Павль, посадникъ Ладожскыи заложи Ладогу город камян.

6624 (1116). Иде Мьстислав на Чюдъ с Новгородъци, и възя Медвежу Голову на 40 святыхъ.

⁵³ Редакция 1118 г. иногда называется также второй. Будем придерживаться новейшей терминологии и называть эту редакцию третьей. Отметим, однако, что дата 1118 г. также должна быть признана условной: в «Разысканиях...» А. А. Шахматова на стр. 669 имеется примечание к стр. 209, где составление этой редакции отнесено к 1119 г.

6625 (1117). Приведе Володимер Мьстислава из Новгорода, и дасть ему отць Бельгород, а Новгороде седе Мьстиславичь, сын его, вьнук Володимеров.

6625 (1117). Иде Мьстислав Киеву на стол из Новгорода марта в 17, а сын посади Новгороде Всеволода на столе

Итак, в Синодальном списке в известиях начала XII в. явно отразилась третья редакция «Повести временных лет». Но эта же третья редакция «Повести временных лет» отразилась и во всех остальных новгородских летописях. В известиях этих Синодальный список представляет собой полное тождество со списками младшего извода Новгородской первой летописи. Чтобы объяснить это совпадение, А. А. Шахматов прибегает к искусственному построению: он считает, что с 1074 г. младший извод Новгородской первой летописи переходит от пользования Начальным сводом к Синодальному списку, откуда и заимствует все эти известия. В своей работе «Киевский Начальный свод 1095 г.» А. А. Шахматов утверждает, что младший извод Новгородской первой летописи в пределах от 1055 до 1074 г. использовал иную летопись, кроме Синодального списка. Действительно, в пределах 1055—1074 гг. в младшем изводе Новгородской первой летописи довольно много лишних против Синодального списка известий; но, во-первых, лишние известия имеются в младшем изводе также в пределах и от 1016 г. (с которого начинается Синодальный список) до 1055 г. (1044, 1047, 1049, 1050, 1051 гг.) — следовательно, здесь также нужно предполагать пользование особой летописью, но уже без Начального свода; а, во-вторых, эти лишние в младшем изводе известия могли получиться не в результате добавления их в младший извод из какой-то другой летописи, при этом с Начальным сводом в своем составе, а как результат сокращения Синодального списка. Это тем более вероятно, что Синодальный список, судя по числу утраченных листов, и в пределах до 1016 г. почти равнялся по объему младшему изводу; да и сама наполовину сохранившаяся в Синодальном списке статья 1016 г. не сокращена, а идентична с той же статьей младшего извода (за исключением одного обычного — в духе воинских повестей — распространения в младшем изводе).

Итак, различие между Синодальным списком и Новгородской первой летописью младшего извода в использовании Начального свода А. А. Шахматовым не доказано. Утрата первых тетрадей не позволяет с полным основанием говорить о том, что старший извод Новгородской первой летописи (т. е. Синодальный список) имел то же начало, что и младший извод, однако все же в краткой части Синодального списка от 1016 до 1074 г. есть признак того, что Синодальный список, так же как и младший извод, имел в своем протографе соединение какой-то летописи с Начальным сводом. В самом деле, под 1068 г. в Начальном своде было вставлено «Поучение о казнях божиих». Реминисценция этого «поучения» сохранилась в Синодальном списке в словах «гнев божий бысть», составленных, очевидно, под влиянием начальных слов «Поучения»: «наводит бо бог поганья, по гневу своему...» Обратим внимание также на разницу в формулировке этого известия 1068 г. в Синодальном списке и в «Повести временных лет».

Синодальный список
(изд. 1888 г.).

В лето 6576. Гнев божий бысть: придоша Половци и победиша Русьскую землю.

Повесть временных лет
(изд. А. А. Шамагова 1917 г.).

В лето 6576. Придоша *иноплеменици* на Русьскую землю, половци мнози...

А. А. Шахматов считает в этом известии «Повести временных лет» слово «иноплеменицы» вставленным под влиянием начала «Поучения» «Наводить бо бог по гневу своему иноплеменицы на землю». Как известно, «Поучение о казнях божиих» разрывает статью 1068 г. посредине, после приведенного известия. Отсюда следует, что слово «иноплеменицы» могло появиться только в «Повести временных лет». Но слова «иноплеменицы» нет в Синодальном списке, а сохраняется, как и в других списках, слово «половци», что служит доказательством, что в Синодальном списке использован текст предшествующего «Повести» Начального свода. Отсюда предполагаем, что «Софийский временник», т. е. соединение Начального свода с софийской владычной летописью, отразился не только в позднейшей части Синодального списка,⁵⁴ но и в его начальной части, что и естественно.

Итак, во всех новгородских летописях (в том числе и в Синодальном списке, но отчетливее всего в младшем изводе Новгородской первой летописи), в пределах до 1074 г. был использован Начальный киевский свод, а от 1074 и до 1118 г. «Повесть временных лет в третьей редакции». Какой же из этих киевских сводов был использован в Новгороде раньше и какой после? Если бы новгородское летописание воспользовалось сперва Начальным сводом, а затем стало бы пользоваться третьей редакцией «Повести временных лет», то последняя неизбежно отразилась бы и в части до 1074 г. (хотя бы в известиях о Рюрике в Ладоге, в определении княжения или воеводства Олега и т. д.). Между тем нет и намёка на отражение «Повести временных лет» третьей редакции в пределах до 1074 г. Вряд ли мы можем предположить, что «Повесть временных лет» была известна в Новгороде в дефектном экземпляре, который начинался как раз с того года, на котором кончался экземпляр Начального свода — 1074. Такое совпадение мало вероятно. Поэтому приходим к тому же выводу, к которому пришел и А. А. Шахматов при изучении младшего извода Новгородской первой летописи, т. е. что в начале новгородских летописей была сперва использована «Повесть временных лет» в третьей редакции, а затем уже в пределах до 1074 г. эта часть была изъята и заменена текстом Начального свода. Для такой замены в Новгороде XII в. имелись серьезные основания.

Ниже мы увидим, что пересмотр новгородского летописания по Начальному своду произошел в 1136 г. Отсюда ясно, что свод новгородской летописи с «Повестью временных лет» в третьей редакции был составлен до 1136 г. Но он не мог быть составлен и ранее 1118—1119 гг. — времени составления третьей редакции «Повести временных лет». Следовательно, он был составлен в пределах от 1118—1119 гг. до 1136 г. Именно в этот промежуток времени в Новгороде княжил Всеволод Мстиславич — последний представитель старого княжеского порядка в Новгороде, изгнанный в 1136 г. вече. Факт этот чрезвычайно знаменателен. В самом деле, если свод собственно новгородской летописи с третьей редакцией «Повести временных лет» был составлен именно при Всеволоде, тогда нам станет понятной и та нетерпимость, которая была проявлена к нему после переворота 1136 г. со стороны представителей нового порядка в Новгороде. Едва ли когда-либо впоследствии (как мы покажем это ниже), даже во времена уничтожения новгородской независимости, имелись случаи более упорного вытравливания прошлого летописания и замены его новым, по новым источ-

⁵⁴ См. неоднократно нами упоминавшуюся работу А. А. Шахматова «Киевский Начальный свод 1095 года» (сб. «А. А. Шахматов», вып. 1, стр. 148, 149 и др.).

никам. Что же это был за свод князя Всеволода, возбуждавший к себе такое нетерпимое отношение в новом республиканском Новгороде? Вспомним, что представляла собой третья редакция «Повести временных лет» в том виде, как это вскрыто А. А. Шахматовым. А. А. Шахматов устанавливает тесную связь этой редакции «Повести временных лет» со старшим сыном Владимира Мономаха — Мстиславом, бывшим до 1117 г. новгородским князем, выразившуюся, между прочим, в усиленном интересе летописца к этому князю. Наряду с интересом к Мстиславу составитель третьей редакции «Повести временных лет» проявляет значительный интерес и к Новгороду — месту его первоначального княжения. Так, например, мы узнаем из третьей редакции «Повести», что составитель ее бывал в Новгородской области и под 1114 г. записал рассказы о северных странах от посадника Гюряты Роговича, а также ладожское предание об основании Ладоги Рюриком.

Не будем останавливаться на подробностях, характеризующих состав третьей редакции «Повести». Для нас важен лишь самый факт связи третьей редакции «Повести временных лет» с новгородским князем Мстиславом и с Новгородом. Факт этот тем более замечателен, что начало княжеского летописания и в Переяславле Русском, где также одно время княжил Мстислав, так же как и в Новгороде, связано с инициативой Мстислава, положившего в его основу третью редакцию «Повести временных лет».⁵⁵

Теперь пора вспомнить, что Мстислав был отцом изгнанного в 1136 г. князя Всеволода. Всеволод заменил отца на новгородском княжении тотчас по оставлении его Мстиславом. Таким образом, после приведенной характеристики третьей редакции «Повести временных лет» должно стать ясным, что она была привлечена Всеволодом к новгородскому летописанию в качестве своей фамильной, «придворной» летописи. Итак, новгородское летописание до ревизии его в 1136 г., обусловленной установлением нового республиканского строя в Новгороде (см. об этом ниже), было не только княжеским, но и фамильным, связанным с именами двух новгородских князей — Мстислава и Всеволода.

В заключение наших соображений о своде Всеволода вспомним об одном очевидном признаке проделанной при нем летописной работы. Под 1106 г. в Синодальном списке упоминается киевский князь Святоша как «тесть Всеволожь». Упоминание это могло быть уместным только при Всеволоде до 1136 г. В 1136 г. Всеволод был изгнан, и имя его стало одиозным.⁵⁶ Итак, до 1136 г. Всеволод имеет прямое касательство к летописанию, продолжая в этом отношении линию своего отца Мстислава и деда Владимира Мономаха. По примеру своего отца и деда Всеволод строит в Новгороде «княжой» Юрьев монастырь,

⁵⁵ См. М. Д. Приселков История русского летописания XI—XV вв., стр. 68. Таким образом, кроме Новгорода, третья, мстиславова редакция «Повести временных лет» положена в основание летописания и тех двух других городов, где княжил Мстислав: Киева (откуда третья редакция во главе киевской летописи XII в. — см. Ипатьевскую летопись) и Переяславля Русского.

⁵⁶ Не соглашаемся в этом отношении с А. А. Шахматовым, который считал возможным рассматривать это упоминание как один из признаков составления свода 1167 г. Вряд ли даже в 1167 г., т. е. спустя 60 лет, Святоша мог быть памятен как «тесть Всеволожь». Сам Всеволод к этому времени уже около 30 лет как сошел с политической арены (умер в 1139 г.). После него в Новгороде перебивало немало князей. В работе «Киевский Начальный свод 1095 года» А. А. Шахматов, впрочем, отказался от такого толкования этого места (ср. сб. «А. А. Шахматов», вып. I, стр. 123).

приводя для него монахов из Киева⁵⁷ и снабжая его книгами (Юрьевское евангелие). Немного позднее Всеволод строит церковь Ивана на Опоках, в данной грамоте которой отмечено, что он ее «всеми книгами исполнь». Из этого видно, что интерес к летописи отнюдь не был у Всеволода случаен

4 ПЕРЕСМОТР КНЯЖЕСКОГО МОНОМАШЬЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ И СОСТАВЛЕНИЕ «СОФИЙСКОГО ВРЕМЕННИКА» ПРИ НИФОНТЕ

К какому времени могло относиться составление «Софийского временника», соединившего новгородскую летопись с Начальным сводом и легшего в основание всего известного нам новгородского летописания? Мы видели, как после долгих колебаний А. А. Шахматов пришел к выводу, что Начальный свод в соединении с новгородской летописью был известен в Новгороде уже в начале XIII в. Следовательно, составление «Софийского временника» следует искать где-то в промежутке времени между 1119 г. (время составления третьей редакции «Повести временных лет») и началом XIII в. Чтобы уточнить еще более, когда именно произошло это использование, необходимо обратиться к предисловию «Софийского временника».

Передаем содержание предисловия «Софийского временника»: «Киев назван по имени Кия, подобно тому как Рим назван по имени царя Рима и др. Промыслу божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если мы прибегнем к святым церквам, то получим большую пользу душе и телу». Засим автор обращается к читателям с просьбой уделить внимание его рассказу о том, каковы были древние князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли под себя другие страны. «Те князья не собирали себе большого имения и не теснили людей вирами и продажами. А дружина князя кормилась воюя другие страны и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало предложенного жалованья. За наше несытство бог навел на нас поганных». Далее следуют благочестивые увещания. Предисловие оканчивается, как в Комиссионном списке Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., словами: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем от Михаила царя до Олексы и Исакия».⁵⁸ Предисловие, как явствует из его содержания, составлено в Киеве.⁵⁹ Яркая антикняжеская окраска предисловия позволяет А. А. Шахма-

⁵⁷ См. об этом у Е. Голубинского История русской церкви, т. I, изд. 1-е, М., 1881, стр. 631.

⁵⁸ А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись — «Известия Отделения русского языка и словесности АН», т. XIII, кн. 1, СПб., стр. 218. Повидимому, это имена греческих императоров начала XIII в. — Алексея и Исаака Ангелов (соправительство Исаака II Ангела и сына его Алексея IV падает на 1203—1204 гг.). Об этих царях хорошо знали новгородские летописцы по повести о взятии Царьграда крестоносцами. Имена эти были вставлены в предисловие при присоединении к Софийскому временнику повести о взятии Царьграда. Такой точки зрения А. А. Шахматов держался первоначально и в последней своей работе «Киевский Начальный свод 1095 года» (см. сб. «А. А. Шахматов», вып. I, стр. 147—148).

⁵⁹ В обстановку Киева переносит нас не только сообщение об основании Киева, но и фраза: «Куда же древле погани жряху бесом на горах, туда же ныне святая церкви златоверхия каменнозданные стоят и монастыреве велицы поставлены быша». Затем следовало описание полян.

тову отнести его ко времени размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком (1093—1113).

Перейдем к вопросу о том, при каких политических обстоятельствах предисловие со столь ярко выраженными антикняжескими тенденциями могло быть перенесено в Новгород и стать здесь во главе государственной летописи, центральной летописи города. Косвенным указанием на время этого перенесения могут служить те явные изменения, которые были допущены в тексте предисловия. Помимо отмеченного уже Шахматовым изменения названия «Русский временник» на «Софийский временник», считаем, что только в Новгороде могли появиться слова: «прежде Новгородская волость и по томъ Киевская..» Мысль эта была типична для Новгорода XII—XIII вв. В 1206 г. Всеволод III (Большое Гнездо) говорил: «а Новгород Великий старейшинство иметь княженью во всей Русьской земли». ⁶⁰ Можно предполагать также, что в предисловии были пропущены упреки князьям за междоусобные войны и плохую оборону русской земли от половцев. Мотив этот чрезвычайно существен для Начального свода, идею которого воспроизводило предисловие. Начальный свод заканчивался яркой картиной разорения русской земли от половцев, которым князья открыли дорогу на свою родину распрями, которами и плохой организацией защиты. Почему же все эти упреки русским князьям в распрях и плохой обороне русской земли, отразившиеся в самом тексте Начального свода, остались замолчены в предисловии? Предполагаем, что они имелись в нем, но были пропущены составителем Софийского временника — новгородцем, для которого раздоры князей между собой и нахождения половцев не имели существенного значения. Новгород — единственный из русских городов, который выигрывал от ослабления княжеской власти в процессе борьбы князей между собой, но он существенно страдал от поборов, продаж, вир и других тягот, которыми князья облагали население. Указание на то, что в предисловии к «Софийскому временнику» были пропущены упреки князьям в междоусобной войне, видим в том тексте «Повести временных лет» под 1097 г., в котором читается явное заимствование из «предисловия» к Начальному своду. Посланцы киевлян к Владимиру говорят: «молимъся, кнѣже, тебе и братома твоима, не мозете погубити Русьскыя землѣ; еще бо възьмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и възьмутъ землю нашу, юже беша сътяжали отъци ваши и деди ваши трудъмъ великъмъ и храбрѣствъмъ, и побарающе по русьстей земли, и ины земли, приискуваху, а вы хотите погубити землю русьскую». ⁶¹ Эта замечательная речь киевлян, полностью приведенная в «Повести временных лет», звучит явно «куцо» в предисловии к Начальному своду в ее «новгородской» редакции. Между тем (как это доказано А. А. Шахматовым), ⁶² именно предисловие Начального свода было одним из источников статьи 1097 г. в «Повести временных лет». Сравните с вышеприведенным отрывком статьи 1097 г. нижеследующее место в предисловии: «Вас молю, стадо христово, с любовью, приклоните ушеса ваша разумно, како быша древньии князи и мужие их и како отбараху (русь)скыя земле и ины страны придаху (приимаху) под ся». ⁶³

Надо думать, что «Повесть временных лет» заимствовала из предисловия к Начальному своду упреки князьям в более полном и последовательном составе, чем они читаются теперь в предисловии к «Со-

⁶⁰ Лаврентьевская летопись, 1206 г.

⁶¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. 307.

⁶² «Известия ОРЯС АН», т. XIII, кн. I, стр. 226—227.

⁶³ Цитирую по изданию Новгородской первой летописи 1888 г.

фийскому временнику». Текст «Повести временных лет» логичнее: он-то, следовательно, или близкий к нему, и читался первоначально в предисловии к Начальному своду. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с искажением первоначального текста предисловия Начального свода. Это искажение было произведено рукою того летописца, которому выгодно было подчеркнуть насилия князей в поборах, их «несытство», но невыгодно было пропагандировать сильную княжескую власть и незачем требовать активной наступательной политики по отношению к степи.

Мы уже показали выше, что именно такие антикняжеские тенденции характерны для Новгорода половины XII в. В это время как раз происходит борьба веча и епископа с князьями как *собственниками*. Одни за другими отбираются от князя его доходы, земли и права. Этому урезыванию княжеских доходов и прав очевидно предпосылалась пропаганда против алчности и несытства князей. Упреки князьям в братоненавидении, в раздорах и наведении кочевников (упреки, обычные в летописании киевском) не были бы так понятны в Новгороде, как упреки в эксплуатации населения и в роскоши. Тема киевской летописи — это тема патристической скорби; тема новгородской летописи — тема политического переворота.

Таким образом, злободневность предисловия «Софийского временника» в середине XII в. не подлежит сомнению. Именно в середине XII в., очевидно, и понадобилось перенести слегка переработанное предисловие Начального свода, сделав его предисловием «Софийского временника», т. е. летописи софийского двора. Отметим, что внесение в Новгородскую летопись предисловия «Начального свода» со специальной, «антикняжеской» целью могло иметь смысл лишь в самые первые годы после изгнания Всеволода, так как преемник Всеволода Святослав и последующие князья, приглашаемые веча, хотя и изгонялись из Новгорода чрезвычайно часто, не могли, тем не менее, рассматриваться как олицетворение старого порядка. Это были неудачные исполнители воли веча, но не его принципиальные политические враги, как Всеволод. Поэтому начинать государственную летопись с упреков по адресу представителей старого порядка имело смысл лишь в самые первые годы после переворота. Так это мы и видим.

В самом деле, в 1136 г. князь Всеволод собравшимся веча новгородцев, ладожан и псковичей был изгнан из Новгорода. В ведение владыки окончательно переходит средоточие новгородской политической жизни — Детинец с патрональной святыней Новгорода — храмом Софии. Именно в это время мы видим участие в летописи нового лица софийского двора — Кирика. В 1136 г. Кирик предпринимает подготовительный для реформы летописания труд — «Учение им же ведати числа всех лет». ⁶⁴ И именно в этом же году новгородская летопись ясно отражает его участие в ее составлении. ⁶⁵

Хронологическая статья, составленная Кириком, обнимала собой следующие разделы: «ведение месячное», «хитрость числом недельным», «како есть разумести числу дневному», «испытание часовное», «а се учение о индикте» и т. д. Приведенный нами перечень разделов говорит о том, что работа Кирика имела существенное значение для летописания, для которого, очевидно, и предназначалась. Отметим, что Кирик с явным сочувствием отзываясь в этой своей работе о представителе нового республиканского порядка в Новгороде — о князе-

⁶⁴ «Труды Общества истории и древн. рос.», ч. IV, кн. I, М., 1828.

⁶⁵ См. А. А. Шахматов, Разыскавия..., стр. 185 и 669.

изгое Святославе В заключительной приписке, упомянув, что хронологическая статья написана им (Кириком) в первое лето княжения Святослава Ольговича, Кирик прибавляет: «бог же ему да продлжит лета». Обратим также внимание на то, в какой торжественной и необычной форме объявляет тот же Кирик и в летописи о приезде в город нового князя Святослава Ольговича вместо изгнанного Всеволода: «В то же лето приде Новугороду князь Святослав Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, месяца июля в 19, преже 14 каланда августа, в неделю, на сбор святых Еуфимие. в 3 час дне, а луне небесней в 19 день». ⁶⁶ Точностью и подробностью датировки Кирик явно стремится подчеркнуть начало новой эры в жизни Новгорода. Естественно, что с переходом Софии от князя к владыке должно было перестроиться и все новгородское софийское летописание. Княжеское летописание перерабатывается в духе новых требований, Софийская летопись получает новое название и новое предисловие, наиболее ответственная вступительная часть летописи перерабатывается по Начальному своду. Привлечение Начального свода для ревизии и переработки предшествующего княжеского летописания было, таким образом, вполне логичным и последовательным шагом.

«Повесть временных лет» в своей третьей редакции, использованная в предшествующем летописании, была летописью княжого Выдубицкого монастыря. Начальный же свод не только был антикняжеским по своим тенденциям, но и принадлежал как раз тому самому Печерскому монастырю, чьим постриженником являлся главный деятель нового «республиканского» Новгорода Нифонт. Печерянин Нифонт не мог не знать, что именно киево-печерский Начальный свод использовал при своем составлении новгородскую летопись, доведенную до 80-х годов XI в. Привлекая к составлению новой летописи Начальный свод, Нифонт, очевидно, рассчитывал на полноту новгородских известий в киево-печерском Начальном своде. Заменить известия первых нескольких столетий новыми погодными записями, взятymi из «надежного» и «своего» источника, очевидно, казалось Нифонту особенно необходимым ввиду того, что именно на этой части летописи основывались политические права и претензии Новгорода: здесь рассказывалось и о призвании варягов, и об Ольге, имевшей непосредственное отношение к Новгороду и Пскову, и, главное, — о Ярославе Мудром, на грамоты которого всегда опирались новгородцы, когда им приходилось отстаивать свою независимость. Начальный свод импонировал Нифонту своими грекофильскими тенденциями и установлением зависимости Печерского монастыря непосредственно от Афона, ⁶⁷ которая, подобно зависимости Новгорода от Константинополя, давала ему некоторую свободу от великого князя. Итак, выбор Нифонтом Начального свода для проверки и реконструкции Новгородской летописи отнюдь не может быть признан случайным. Это глубоко продуманный шаг, за которым кроются не только вкусы печерянина, но и политические убеждения человека, устанавливающего новые социальные порядки в Новгородском государстве. Именно этим использованием Начального свода для новгородского летописания и строгой ревизией предшествующей летописи можно отчасти объяснить тот поразительный факт отсутствия у нас полных текстов новгородских летописей XI в., который отмечали почти все исследователи Новгородской летописи. Есть

⁶⁶ Новгородская первая летопись по Синодальному списку, стр. 129.

⁶⁷ Автор Начального свода вставил в житие Антония рассказ о его путешествии на Святую гору (Афон), где он якобы принял монашество и получил сан.

все основания думать, что предшествовавшее своду Всеволода и своду Нифонта новгородское летописание XI в., использованное в киевских летописях XI в., отличалось большей полнотой и последовательностью, чем те летописные известия XI в., которые дошли до наших дней. Возможно, что именно поэтому киевские летописи сохранили нам больше новгородских известий от XI в., чем сами новгородские. Нет оснований возводить эту пресловутую краткость новгородских летописей в части XI и начала XII в. к позднейшей московской цензуре конца XV в., как это делает Н. Н. Яниш.⁶⁸ Цензура новгородских известий была, но она была проведена не только в конце XV в., а и в середине XII в., когда события XI в. звучали еще вполне актуально. Цензура эта сказалась уже, следовательно, и в Синодальном списке Новгородской первой летописи.

Политические устремления составителя свода 1136 г (так мы будем называть проверку Новгородской летописи, произведенную после изгнания Всеволода, и переработку ее с помощью Начального свода) отчасти видны и в погодных записях. Известие 1132 г. явно иронически и недоброжелательно изображает уход Всеволода в Полоцк: пошел в Полоцк, «а целовав крест к новгородцем, яко хощю у вас умерети».⁶⁹ Летописец несочувственно относится к князьям и после Всеволода. Так, например, под 1148 г. летописец записал, что новгородцы вывели от себя Святополка Мстиславича «злобы его ради».⁷⁰ Под 1154 г. летописец укоряет брата его Ростислава за то, что он «не створи им ряду, нъ боле раздыра»⁷¹ и т. д. Надо, впрочем, иметь в виду, что строгие рамки новгородского летописного стиля не позволяли летописцу вдаваться в оценку изображаемых событий. Составитель свода 1136 г. лишь регистрирует события и не останавливается на их причинах. Эта характерная черта Новгородской летописи прямо противоположна полемической манере Киевской летописи. Киевский летописец по большей части обращал свою летопись к лицам, которых он хотел заставить разделить свои убеждения; новгородский же летописец обращает летопись к лицам одинаковых с ним взглядов. От этого сочувствие или несочувствие новгородского летописца можно определить порой лишь косвенно — по тому вниманию, с которым он следит за тем или иным действующим лицом своей летописи. Так, например, Синодальный список не упоминает о поставлении епископа Стефана. Вряд ли это случайно. Стефан был удушен своими слугами во время псездки в Киев. Очевидно, Стефан не пользовался симпатиями народных масс в Новгороде. Характерно, что Стефан не удостоился погребения в церкви Софии.⁷² Нет упоминаний и о другом из непохороненных в церкви Софии епископе — Германе. Зато особым, прямо исключительным вниманием пользуется в Новгородской летописи Нифонт. Летописец меняет свою скупую фактографическую манеру, когда говорит о прибытии Нифонта в Новгород,⁷³ и останавливается даже на таких из его поступков, которые могли иметь лишь канонический юридически-церковный интерес, но отнюдь не исторический. Таково, на-

⁶⁸ «Новгородская летопись и ее московские переделки», М., 1871.

⁶⁹ Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 126.

⁷⁰ Там же, стр. 137.

⁷¹ Там же, стр. 140.

⁷² М. В. Муравьев. Св. София — Новгородский пантеон, «Сборник Новгородского исторического общества любителей древности», вып. 1, Новгород, 1908, стр. 53.

⁷³ «И поставиша архиепископа Нифонта, мужа свята и zelo бояща бога; и приде Новгороду месяца генваря в 1 день, на святаго Василья, на обедню» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 125).

пример, известие 1145 г. о том, что Нифонт отказался отпевать двух утонувших попов.⁷⁴ Кстати, вопрос о том, следует ли предавать христианскому погребению утопленников, так же как и вопрос о том, можно ли крестить кости мертвецов (известие Начального свода 1044 г. о том, что Ярослав выгреб из могил и крестил кости своих предков, тщательно сохранено в Синодальном списке),⁷⁵ характерны для круга интересов того же Кирика как автора известных канонических «Вопрошаний». Общность канонических интересов Кирика и летописи и в «Вопрошаниях», общность интереса к Нифонту и общность языка (юридических терминов и некоторых просторечных оборотов) свидетельствуют о самом активном участии в составлении нового новгородского свода 1136 г. именно Кирика. Кирик не только перерабатывал и сокращал предшествующую ему летопись — кое в чем он ее и дополнял. Так, например, записи об Антониевом монастыре под 1117, 1125 и 1127 гг. вряд ли современные событиям: во всех них Антоний назван игуменом, тогда как игуменом он был поставлен Нифонтом только в 1131 г. Очевидно, что доместик Антониева монастыря Кирик присоединил к своему своду также и свои местные отметки по истории Антониева монастыря.

Итак, все факты говорят за то, что «Софийский временник», использовавший при своем составлении киево-печерский Начальный свод, возник с установлением в Новгороде в половине XII в. нового социального и политического порядка. Составителем этого «Софийского временника» был, повидимому, Кирик — приближенное лицо Нифонта.

Замечательно, что этот перелом в характере новгородского летописания, падающий на 1136 г., с полной ясностью интуитивно ощутил Н. Костомаров: «тут летописец начинает непрерывную историю, а все, что внесено в летопись прежде этого события, изъято или из церковных заметок или из особых записей, писанных не для того, чтобы предать памяти прошлые события, а для особых целей... Кажется, что именно с этого времени начинается собственно новгородская летопись».⁷⁶ Костомаров отмечает также, что с 1137 г., именно после изгнания Всеволода, повествование о политических новгородских событиях дается еще пространнее.⁷⁷

* * *

Чем же, однако, объяснить, что Начальный свод 1095 г. был использован только до 1074 г.? Думается, что ответ на этот вопрос должен быть не в том, что в Новгороде «нашелся» дефектный экземпляр Начального свода, с оборванными последними страницами. Ответ на этот вопрос должен лежать в самом составе Начального свода. Вспомним, что Начальный киевский свод включал новгородские известия только в пределах до 1066 г. «После указанной статьи 6574 (1066) года мы не находим более в Повести временных лет (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к новгородской летописи».⁷⁸ Подавляющую часть выборок из Началь-

⁷⁴ «В то же лето утопоста 2 попа, и не да епископ над нима пети» (там же, стр. 135).

⁷⁵ «В лето 6552. Погребена бысть 2 князя, сына Святослава. Яропѣл, Ольг; и крестьяща кости ею» (там же, стр. 90).

⁷⁶ Н. Костомаров, Лекции по русской истории, ч. 1, СПб., 1861, стр. 63.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 181. См. также нашу статью «Устные летописи в составе «Повести временных лет». Исторические записки, т. XVII.

Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в самом составе Начального свода, начиная с 1016 г., вернее, даже в характере событий русской истории после 1016 г. На протяжении ряда веков, вплоть до московского завоевания, новгородцы связывали начало своей независимости с Ярославом Мудрым и теми грамотами, которыми он якобы снабдил Новгород. В самом Новгороде свято сохранялась память о Ярославе в названии «Ярославова дворища» — вечевой площади Новгорода. Патриональная святыня Новгорода — София была основана при Ярославе; с Ярославом же, наконец, была связана память о походах на Чудь и об основании Юрьева. С именем Владимира в Новгороде связывалось не только крещение новгородцев, но и одна из самых больших святынь Новгорода — Владимиров крест, появление которого 23 октября 1069 г. на полатях в церкви Софии специально отмечал Синодальный список. Ближайшее отношение к Новгороду имела и княгиня Ольга, сани которой стояли во Пскове, а ловища и перевесища находились в ближайшем расстоянии от Новгорода. Итак, Начальный свод в части до 1016 г. представлял огромный интерес для Новгорода; он был теснейшим образом связан с деятельностью тех князей, которые в своей политике непосредственно соприкасались с Новгородом. С 1016 г., после битвы со Святополком, судьба Киевского княжества и Новгородской области расходятся. Киев не играет уже прежней роли в судьбе Новгорода. Естественно поэтому, что новгородский летописец, закончив изложение существенных для Новгорода событий Киевской истории битвой Ярослава со Святополком и спеша перейти к собственно новгородской истории, сильно сократил известия 1016—1074 гг. Это сокращение, как мы уже указали, особенно значительно в Синодальном списке; не исключена возможность, что оно было произведено составителем протографа Синодального списка.

Итак, утверждение А. А. Шахматова о «полном несходстве» Синодального списка с Новгородской первой младшего извода и о невозможности восстановить утраченное начало Синодального списка — вряд ли верно. В вопросе о том, что представляла собою утраченная часть Синодального списка, мы должны вернуться к тому положению, что она восстанавливаема в общих чертах на основании Комиссионного, Толстовского и Академического списков Новгородской первой летописи.

Наконец, попробуем сделать некоторые предположения и о таком, казалось бы, неразрешимом вопросе: почему была утрачена начальная часть Синодального списка? Обратим внимание на то, что Синодальный список утратил свое начало как раз до того года, с которого летописец приступил к резкому сокращению своего источника. Вряд ли можно предположить в этом факте простую случайность, но и объяснение может быть различным.

Во-первых, мы можем предположить, что подробная и пространная часть Синодального списка могла понадобиться какому-нибудь позднейшему летописцу в новом своде, для составления которого эта часть и была изъята из рукописи. Обратим при этом внимание на то, что Троицкий список Новгородской первой летописи заканчивается как раз на 1015 г. В последующих сводах протограф Синодального списка часто использовался, начиная с 1074 г., т. е. опять-таки с «переломного» пункта от сокращенной к более пространной части (см., например, Тверской сборник). Естественно, что Синодальный список мог быть использован и в части до 1016 г.

Во-вторых, Синодальный список мог утратить свое начало в результате цензурирования новгородских сводов Москвой в конце XV — на-

чале XVI в. Подробно взгляд этот был высказан Н. Н. Янишем в цитированной его работе. Н. Яниш допускает преднамеренное истребление, порчу и обезглавление новгородских летописей в пору завоевания Новгорода Москвой. Н. Яниш предполагает, что именно в начальной части Новгородской летописи находились те Ярославовы грамоты, на которых новгородцы основывали свою независимость, находились «новгородские предания о начале Новгорода и Русского Государства, предания, в которых отразились политические представления новгородского общества о характере отношений народа к княжеской власти». ⁸⁰ Если так, то далеко не случайно, а по сознательной воле московского «цензора» древнейший из списков Новгородской летописи оказался начатым с насмешки по адресу новгородцев: «а вы плотники суще, а приставим вы хором рубити». ⁸¹ Наличие такой московской цензуры в Синодальном списке может быть продемонстрировано следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке читается. «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтений других списков Новгородской первой летописи, в нем стояли слова: «через крестное целование». ⁸² Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же «цензор», в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Не тот ли же самый москвич уничтожил и первые 15 тетрадей Синодального списка?

Свод, составленный Кириком, не был при Нифонте единственным. Выдающуюся роль в летописании Новгорода XII в. сыграл другой ставленник Нифонта — настоятель церкви Якова в Неревском конце — Герман Воята, но его работа требует особого рассмотрения.

⁸⁰ Н. Яниш. Указ. соч., стр. 81—82.

⁸¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 83.

⁸² Там же, стр. 328.

Д. Н. АЛЬШИЦ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ, ПОВЕСТВУЮЩИХ О БОЯРСКОМ МЯТЕЖЕ 1553 года¹

I

Нет такого исследования, общего курса или учебника по истории нашей родины, где в разделах, посвященных времени Ивана Грозного, не рассказывалось бы о том, что в марте 1553 г. у постели умирающего царя разразился открытый боярский мятеж, грозивший государственным переворотом и затихший лишь благодаря внезапному выздоровлению Грозного.

Между тем исследование источников, повествующих об этих событиях, заставляет нас поставить под сомнение не только ряд подробностей мятежа, но и вообще самый факт того, что мятеж этот имел место в том виде, в каком он описан.

Источников, сообщающих об этом мятеже, всего три. Первый из них — приписка, сделанная Иваном Грозным на полях Синодального списка последнего тома Лицевого свода под 1554 г., где рассказывается об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского.² Второй — приписка, сделанная его же рукой несколькими годами позже на полях Царственной книги под 1553 г.³ Это единственное подробное описание «мятежа». Наконец, третий — это письмо Ивана Грозного к Курбскому от 5 июля 1564 г.⁴

Таким образом, все сведения, касающиеся мятежа 1553 г., исходят от одного лица — от Ивана Грозного. Казалось бы, что рассказы, имеющие единое происхождение и посвященные одному и тому же факту, должны совпадать между собой в передаче событий, а если и отличаться один от другого, то разве лишь своими размерами или количеством подробностей. В действительности же дело обстоит совершенно иначе: все три рассказа не только не сходны между собой, но только противоречат один другому, но и взаимно исключают друг друга.

Обратимся к первому известию о мятеже 1553 г., содержащемся в Синодальном списке Лицевого свода. Под 1554 г. к рассказу лето-

¹ Настоящая статья является продолжением нашей работы «Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени», опубликованной в т. XXIII «Исторических записок». Мы исходим здесь из выводов, к которым пришли в названной работе. 1. Автор приписок к Лицевым сводам является Иван Грозный; 2. Приписки к Синодальному списку Лицевого свода делались им в 1563 г., т. е. до бегства Курбского, до обмена с ним первыми письмами, до начала опричнины, приписки к Царственной книге (т. е. при вторичном редактировании Лицевого свода) были сделаны царем в 1567 или 1568 гг.

² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

³ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

⁴ РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 64—65.

писи о бегстве в Литву князя Семена Лобанова-Ростовского, его задержании и допросе сделана приписка. В ней говорится, что для допроса князя Семена царь назначил «судную комиссию» из 11 лиц.⁵ Эти люди пытали князя Семена, который, объясняя причины, побудившие его к измене и отъезду в Литву, показал, что «у него мысль почалася потому, как государь недомогал и мы все думали о том, что только государя не станет, как нам быть. А ко мне на подворье приезживал ото княгини от Офросиньи и от князя Владимира Андреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служить де и людей перезывал». ⁶ Далее, назвав своих сообщников, «бывших с ним в той думе», князь Лобанов-Ростовский показал, «и как бог государя помилował и облегчение ему дал, и мы меж себя почали говорить, чтобы го дело укрыт. А на подворье к мне приезживал и Семен Морозов, а яз страху с того времени учал мыслити в Литву».⁷

Иначе говоря, согласно этому известию, во время болезни царя существовал заговор, имевший целью в случае смерти Ивана отстранить от престола его наследника-младенца и посадить царем Владимира Андреевича. Заговор был тайным, и когда царь неожиданно поправился, участники заговора стали заботиться о том, «чтобы то дело укрыть». Семен Лобанов-Ростовский, опасаясь, однако, что его участие в заговоре может стать известным царю через Семена Морозова, приезжавшего к нему на подворье, или как-нибудь иначе, решил спастись от царского гнева в Литву.

Как видим, из этой приписки следует, что царь и его окружение узнали о тайном сговоре лишь через год после того, как он существовал, узнали от Семена Лобанова-Ростовского, который признался в этом под пыткой.

Необходимо особо остановиться на том, как, согласно этому известию, распределяются роли участников событий 1553 и 1554 гг. В заговоре были замешаны: князь Семен Лобанов-Ростовский, князь Петр Щенятев, князь Иван Пронский (Турунтай), князья Куракины («всем родом»), князь Дмитрий Немой, князь Петр Серебряный, князь Семен Микулинский «и иные многие бояре и дети боярские и княжата и дворяне.... в той думе были»⁸

Кто имеется в виду под этими «иными многими» — неизвестно. Ясно лишь, что в числе их не может быть никто из тех лиц, которые поименованы тут же в качестве приближенных царя, пытавших Семена Ростовского и вскрывших факт заговора.

Вот эти лица: князь Иван Федорович Мстиславский, Иван Васильевич Шереметьев (Большой), князь Дмитрий Иванович Курлятев, Михаил Иванович Морозов, князь Дмитрий Федорович Палецкий, окольничий Алексей Федорович Адашев, постельничий Игнатий Вешняков, Даниил Романович Юрьев, Василий Михайлович Юрьев, казначей Никита Фуников, дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Итак, перечисленные 11 лиц в июле 1554 г. впервые узнали от Семена Лобанова-Ростовского о том, что за год до этого, во время болезни царя, существовал заговор, имевший целью возвести на престол Владимира Андреевича.

Обратим на это внимание, и для нас будет весьма удивителен теперь

⁵ Термин Н. П. Тихачева («Палеографическое значение бумажных воляных знаков», ч. I, стр. CLIX)

⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 238

⁷ Там же

⁸ Там же, прим. 2

рассказ «о болезни царской» содержащийся в приписке к Царственной книге под 1553 г.⁹

Весь этот рассказ в целом противоречит рассказу, сделанному тою же рукой раньше, в приписке к Синодальному списку, в связи с делом Семена Лобанова-Ростовского, и совершенно несовместим с ним.

Если там говорилось о тайном заговоре, вскрывшемся через год, то здесь с большими подробностями рассказывается об открытом выступлении против царя большой группы влиятельнейших государственных деятелей. В царских палатах, у постели умирающего государя, шли ожесточенные споры между его сторонниками и врагами «И бысть меж бояр брань велия и шум велик и слова многие бранные»¹⁰ В то же время Владимир Андреевич собирал на своих подворьях дворянское войско, раздавая ему деньги,¹¹ с очевидной целью в случае смерти царя или, быть может, раньше двинуть войско на Кремль и захватить власть.

В Кремле об этих действиях Владимира Андреевича хорошо знали. Бояре, из числа оставшихся верными царю, вели с князем переговоры, безуспешно пытаясь его образумить. Мятежные бояре в Кремле открыто заявляли о том, что не намерены служить и присягать царскому сыну, а хотят иметь царем Владимира Андреевича. Царь, видя «боярскую жестокость» и не имея сил сломить сопротивление мятежников, обращается к верным ему людям с просьбой в случае его смерти спасти царевича Дмитрия от расправы со стороны изменников и бежать с ним «в чужую землю, где бог наставит».¹² Вот как далеко зашли мятежники и каким отчаянным казалось царю положение дел! С другой стороны, чтобы заставить Владимира Андреевича целовать крест на верность царевичу Дмитрию, сторонники царя угрожали князю применением силы, тюрьмой и даже расправой. Князь Владимир Воротынский прямо сказал этому претенденту на царский престол: «а будет где доведется, по их государей своих велению, и драться с тобой готов. Да почали иные бояре говорити, чтобы князь целовал, а не учнет князь креста целовати, и ему отстудова не выйти».¹³

Что осталось в этом рассказе от тайного заговора, который его участники старательно укрывали и который стал известен царю и его приближенным через год с помощью пытки?

Но не будем этим ограничиваться и продолжим рассмотрение приписки к Царственной книге. Обратим и здесь внимание на имена участников событий и на то, как теперь распределились между ними роли. Согласно этому рассказу, в мятеже 1553 г. были замешаны следующие лица: князь Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Фуников, князь Дмитрий Федорович Палецкий, священник Сильвестр, князь Иван Михайлович Шуйский, окольный Федор Григорьевич Адашев, князь Иван Иванович Пронский (Турунтай), князь Петр Щенятев, князь Семен Лобанов-Ростовский, князь Дмитрий Иванович Немой.

Этот список весьма интересен. Мы помним, что в первом известии были поименованы всего семь фамилий заговорщиков. Теперь, в этом новом рассказе, три из них выпали из числа мятежников, а именно: князь Семен Микулинский, князь Петр Серебряный, князь Куракины. Зато к числу мятежников прибавилось шесть новых лиц: Иван Михайлович Шуйский, Федор Григорьевич Адашев (отец Алексея), священник

⁹ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

¹⁰ Там же, стр. 524.

¹¹ Там же, стр. 523.

¹² Там же, стр. 524.

¹³ Там же, стр. 526.

Сильвестр и, кроме того, как это ни странно на первый взгляд,— Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Фуников и князь Дмитрий Федорович Палецкий. Трое последних, согласно приписке к Синодальному списку, являлись членами «судной комиссии», назначенной в 1554 г. расследовать дело князя Ростовского, и тогда лишь впервые услышали о том, что в 1553 г. существовал какой-то заговор.

Теперь ознакомимся с именами тех приближенных царя, которые, согласно приписке к Царственной книге, сохранили верность царю и выступили против мятежников. Это следующие лица: дьяк Иван Михайлович Висковатый, думный дворянин Алексей Федорович Адашев, думный дворянин Игнатий Вешняков, князь Иван Федорович Мстиславский, князь Владимир Иванович Воротынский, Василий Иванович Шереметьев (Большой), Михаил Яковлевич Морозов, Даниил Романович Юрьев, Василий Михайлович Юрьев.

За исключением князя Воротынского все названные лица, согласно первому варианту,— члены «судной комиссии». Таким образом, теперь оказывается, что все, без единого исключения, члены «судной комиссии» 1554 г. сами были в центре событий марта 1553 г., равно как и сам царь, равно как и обвинявшийся тогда Семен Лобанов-Ростовский.

Обратимся к третьему источнику, говорящему о событиях 1553 г., к письму Ивана Грозного к Курбскому от 5 июля 1564 г. Мы к сожалению убеждаемся, что письмо не разрешает обнаруженных противоречий, а еще больше их углубляет. Вот что пишет Иван Грозный Курбскому о событиях, происшедших во время его болезни: «Та же нам прешедшим во царствующий град Москву, божие милосердие к нам множаши и наследника нам тогда давшу сына Димитрия. Мало же времени минувшу, еже владыкам быти случается, немощию быти и зелию изнемогшу. Тогда убо, еже от тебя нарицаемые доброхоты, возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяния наших и еже своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам еже кроме наших детей иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в колене князя Володимера; млладенища же нашего, еже от бога данного нам, хотеша, подобно Ироду, погубити, воцарив князя Володимера... Таже божним милосердием нам оздравевшим и тако сий совет разсыпаша».¹⁴

Как видим, в словах царя отсутствует как раз то, что нам было бы всего желательнее в них найти. В них нет как раз указаний на то, как происходили события. Рассказ царя может одинаково подтверждать оба известных нам противоречивых варианта. В самом деле, выражение письма об участниках событий: «возшаташася яко пьяни» в образной форме лишь указывает на факт измены, брожения, шатания ряда лиц, но ничего не говорит ни в пользу версии о тайном заговоре, ни в пользу версии об открытом мятеже. Дальнейший текст письма, говорящий о том, что изменники, забыв присягу, «хотеша воцарити» Владимира Андреевича, также указывает лишь на цель измены, но ничего не говорит, в какой из двух обсуждаемых нами форм она имела место. Наконец, то, что когда царь поправился, «сий совет разсыпаша»,— одинаково верно для обоих случаев. Как и когда вскрылось дело: потом, в 1554 г., или же все происходило открыто—также неясно из письма. Не давая, таким образом, подтверждения ни тому, ни другому рассказу приписок, письмо вносит новое противоречие.

Грозный пишет, что Алексей Адашев стоял во главе изменников. Благодаря этому, о роли Адашева в событиях 1553 г. имеются три взаимно исключающие друг друга версии. Согласно первой, Адашев узнал о заговоре 1553 г. в 1554 г., когда пытал Семена Лобанова-Ростовского. Царское письмо рассказывает, что, напротив, он сам был во главе изменников. Приписка к Царственной книге сообщает, что в момент открытого мятежа он в числе первых добровольно целовал крест на верность царю и царскому сыну. Уже из одного этого видно, что царь, автор трех этих рассказов, обращался с фактами самовластно, передавая их каждый раз так, как ему это казалось наиболее подходящим в каждом случае.

II

Теперь, когда противоречивость известий о событиях 1553 и 1554 гг. стала ясной, нам представляется полезным рассмотреть, каким образом несовместимые данные источников уживались на страницах трудов исследователей, занимавшихся этим периодом русской истории. Князь М. М. Щербатов в своем труде «История Российская от древнейших времен...», вышедшем в 1786 г., уделяет много места описанию боярского мятежа 1553 г. Не будет ошибкой утверждать, что князь Щербатов просто пересказал языком XVIII в. содержание приписки,¹⁵ не упустив ни малейших подробностей и перечислив в соответствующем порядке всех участников событий. Поскольку это так, будет весьма интересно узнать, каким образом историк передаст рассказ об аресте и попытке князя Семена Лобанова-Ростовского, который, как мы знаем, исключает рассказ об открытом мятеже. Быть может, он не заметит противоречия и назовет теперь те же фамилии в другой связи? Ведь известно, что М. М. Щербатов зачастую не успевал разбираться в материалах и даже заставлял некоторых своих героев умирать по два раза.¹⁶ Но это не так. Тщетно стали бы мы искать даже упоминания имени Семена Лобанова-Ростовского на последующих страницах труда М. М. Щербатова, мы его там не найдем. Ни единым словом не обмолвился историк о бегстве князя Семена, о его аресте, допросе и наказании. Почему все это выпало из «Истории Российской», — трудно сказать. Однако остается фактом, что М. М. Щербатов разрешил противоречие источников самым простым способом из всех возможных — выбрав один и отбросив другой. Мы увидим далее, что некоторые позднейшие историки последовали за ним по этому простому и легкому пути.

Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» весьма красочно описывает события 1553 г.,¹⁷ дополняя текст летописи всевозможными художественными подробностями, не имеющими никакого отношения к источникам, но не лишенными вероятности.¹⁸ По существу своему его рассказ также является подробным изложением приписки к Царственной книге, без всяких пропусков и с указанием на то, какую роль играл каждый участник событий во время происшедших волне-

¹⁵ М. М. Щербатов. История Российская, т. V, стр. 441—453.

¹⁶ С. Ф. Платонов. Курс лекций по русской истории. СПб., 1907, стр. 9; Н. М. Карамзин. История Государства Российского, изд. Эйхерлинга, т. VIII, прим. 381.

¹⁷ Н. М. Карамзин. Указ, соч., т. VIII, стб. 124—130.

¹⁸ Описывая, например, начало болезни царя, Н. М. Карамзин пишет: «Народ толпился в Кремле; смотрели друг другу в глаза и боялись спрашивать; везде бледные, слезами орошенные лица — а во дворце отчаяние, смятение неописанное...» и т. д. Все это плод «исторической живописи» Н. М. Карамзина.

ний. Таким образом, если бы Н. М. Карамзин сохранил такую же точность при изложении рассказа о поимании и пытке князя Лобанова-Ростовского, то в его труде неизбежно отразились бы противоречия источников. Однако у Н. М. Карамзина никаких противоречий в изложении этих двух событий нет. Он избежал их путем сокращения, а отчасти искажения рассказа о князе Лобанове-Ростовском. Н. М. Карамзин полностью опустил список лиц, допрашивавших и пытавших Семена Ростовского, не упомянув ни об одном из них. Взамен этого сказано: «Бояре единогласно осудили преступника».¹⁹ Искривлением смысла источника является следующее место в изложении Н. М. Карамзина: «Князь Симеон Ростовский, знатный вельможа, оказав себя в болезнь государя противником его воли, не мог быть спокоен духом, не верил наружной тихости Иоанновой, мучился страхом, вздумал бежать в Литву».²⁰ Здесь, как мы видим, говорится, что князь Семен, проявивший себя в 1553 г. перед царем противником его воли, не верил, что Иван это забыл, и боялся, что царь может ему припомнить его явное непокорство. А в источнике этого рассказа говорится нечто противоположное: там говорится, что князь Лобанов-Ростовский и его единомышленники смертельно боялись, как бы царь каким-нибудь образом не узнал об их тайных помыслах 1553 г. Интересно также отметить и другое. Н. М. Карамзин рассказывает о бегстве Семена Лобанова-Ростовского на основании приписки, а закончив изложение, делает примечание, где приводится рассказ совсем другой, а именно рассказ летописный, содержащийся в Никоновской летописи и в Синодальном списке.²¹ Известно, что этот рассказ лишен тех интересных подробностей, которые даны в приписке и вообще, не связывает факт бегства Семена Ростовского в 1554 г. с событиями 1553 г.

Недостаточно критическое отношение Н. М. Карамзина к источникам, особенно к источникам эпохи Грозного, отмечено давно.²² Однако, в данном случае Н. М. Карамзин хорошо заметил противоречивость и несовместимость показаний источников и, не вдаваясь в исследование причин этой противоречивости, принял меры к искусственному сглаживанию противоречий источников путем пропусков и некоторых искажений.

С. М. Соловьев, излагая события 1553 г., не ограничился пересказом приписки. Его рассказ, сохраняя подробности источника, сопровождает и дополняет их многочисленными учеными комментариями.²³ В одном случае догадка С. М. Соловьева ушла, на наш взгляд, даже слишком далеко от источника. В самом начале своего изложения он пишет: «В 1553 году, вскоре после возвращения из Казанского похода он (царь) опасно занемог, ему предложили (вероятно, братья царицы) написать духовную и взять клятву в верности сыну своему».²⁴ Конечно, это вероятно, что братья царицы предложили написать духовную, но в источнике этого рассказа ведь прямо говорится, что написать духовную предложил царю дьяк Иван Михайлович Виско-

¹⁹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VIII, стб. 133.

²⁰ Там же, стб. 133.

²¹ Там же, прим. 393.

²² См., например, Н. Савельев. О необходимости критического издания истории Карамзина. «Сын Отечества», 1842, № 1, ч. 1, стр. 36—54; Е. А. Белов. Об историческом значении русского боярства. СПб., 1886, стр. 90, 96—97, 107, 108, 113 и др.

²³ С. М. Соловьев. История России, изд. «Общ. польза», кн. II, стб. 136—140.

²⁴ Там же, стб. 36.

ватый.²⁵ С. М. Соловьев несколько изменяет очередность изложения событий сравнительно с источником, но повторяем все подробности рассказа сохранены и все имена участников событий названы.

Посмотрим, как излагает С. М. Соловьев события 1554 г., связанные с бегством и допросом князя Семена Лобанова-Ростовского. Ознакомившись с описанием этого факта у С. М. Соловьева, можно утверждать, что автор оставил без всякого внимания обширную приписку, касающуюся дела Ростовского, именно оставил без внимания, так как невозможно предполагать, чтобы С. М. Соловьев эту важнейшую приписку не прочитал. Ни одного слова, ни одного известия из этой приписки нет у С. М. Соловьева. Напротив, он приходит с данными приписки в полное противоречие. Автор приписки, желая вскрыть политические корни измены, вычеркивает в летописном тексте слово «палаумьствс», служившее там объяснением поведения князя Лобанова-Ростовского,²⁶ и взамен этого пишет о связи его побега в Литву и событий 1553 г. С. М. Соловьев, несмотря на это, повторяет целиком первоначальный текст летописи в том виде, в каком он был до правки его царем и где единственной причиной измены Лобанова-Ростовского выставляется его «палаумьство», заявляя затем: «сам князь Семен извинялся малоумством, летописцы также не говорят о побуждениях его к отъезду».²⁷ Эти последние слова просто не соответствуют исторической правде.

Таким образом, мы видим, что С. М. Соловьев тоже вышел из противоречия между двумя приписками с помощью того, что одну из них совершенно опустил, точно ее и не существовало, хотя он ее несомненно знал.

В. О. Ключевский в «Курсе русской истории», упоминая о мятеже 1553 г.,²⁸ вообще не затрагивает событий 1554 г., как это сделал в свое время М. М. Щербатов.

Е. А. Белов в своей работе «Об историческом значении русского боярства» ведет борьбу за критическое отношение к источникам эпохи Грозного ввиду их несомненной тенденциозности. Он сурово обвиняет историков, особенно Карамзина, в некритическом подходе к источникам. Называя ряд сомнительных свидетельств источников, Е. А. Белов пишет: «До сих пор наука русской истории не нашла нужным проверить эти известия, сомнительные дела и не думали переисследовать».²⁹ Провозглашая справедливое требование о переисследовании сомнительных известий, Е. А. Белов допускает, на наш взгляд, серьезную ошибку, которая приводит его к непоследовательности. Дело в том, что тенденциозными Е. А. Белов считает только такие памятники, как полемические сочинения или письма деятелей эпохи, а летопись он считает совершенно свободной от тех же самых тенденций. Даже автора приписки к летописному тексту под 1553 г. Е. А. Белов называет «наивным летописцем».³⁰ Совершенно естественно, что, при таком наивном отношении к летописям и тем более к припискам, Е. А. Белов несколько не усомнился в правдивости их рассказов. Излагая события 1554 г. о бегстве князя Лобанова-Ростовского, Е. А. Белов, подобно С. М. Соловьеву, умалчивает о связи этих

²⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 523.

²⁶ Там же, ч. 1, стр. 238, прим. а.

²⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. II, стб. 146.

²⁸ В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1937, т. II, стр. 182, 198.

²⁹ Е. А. Белов. Указ. соч., стр. 125.

³⁰ Е. А. Белов. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895, стр. 231.

событий с волнениями 1553 г и тем обходит противоречия источников.

С. Ф. Платонов в своей работе «Иван Грозный» подробно останавливается как на сообщении о мятеже бояр во время царской болезни, так и на сообщении о следствии над Семеном Лобановым-Ростовским.³¹ В его изложении сведения этих двух приписок также приведены в соответствие. Это достигается путем умолчания о составе следователей, пытавших Ростовского, и о тайном характере заговора 1553 г., о котором говорил в своих показаниях подвергнутый допросу князь Лобанов-Ростовский.

А. Е. Пресняков в своем исследовании о Царственной книге полностью привел содержание приписки о деле князя Семена Лобанова-Ростовского 1554 г. Заметив, что эта приписка противоречит рассказу о мятеже, содержащемуся в приписке к Царственной книге, А. Е. Пресняков сделал попытку исправить текст приписки о попытке князя Лобанова-Ростовского. Это ему не удалось, и он пришел к убеждению о полной путанице имен и фактов.³² Об этом мы подробно будем говорить ниже.

Таким образом, мы видим, что крупнейшие историки прошлого заметили противоречивость и несовместимость сообщений источников, повествующих о событиях 1553 г. Все они разрешали в своих трудах это противоречие примерно одним и тем же способом: они выбирали тот источник, который их по тем или иным соображениям больше удовлетворял, а другой или опускали вовсе, или подгоняли к первому. В известном смысле они имели право на такое отношение к данным источникам, ибо во времена, когда писали Щербатов, Карамзин, Соловьев, Белов и Пресняков, Лицевые своды и приписки к ним считались произведениями XVII в., т. е. источниками не современными описываемым в них событиям. При таком взгляде противоречивость приписок рассматривалась просто как испорченность и путаница поздних текстов, испорченность, которую необходимо было исправить, согласовав между собой противоречивые источники. Мы теперь знаем, что приписки делались не через сто лет после сообщаемых ими событий, а самим участником, современником событий, и что, следовательно, противоречивость приписок показывает не ошибку по незнанию позднейшего историка XVII в., которую нужно исправить, а сознательное изменение, внесенное в ходе работы над летописью. Таким образом, наша задача теперь — не исправлять участника событий, лучше всех последующих историков знавшего действительность, а постараться понять руководившие им при его редакторской работе мотивы.

III

Рассмотрим противоречавшие друг другу приписки в порядке их появления. Сначала была сделана приписка к Синодальному списку под 1554 г. — о Семене Лобанове-Ростовском. Что можно сказать об этой приписке с точки зрения ее достоверности? Возьмем самый факт попытки побега князя Семена Лобанова-Ростовского в Литву, затем его арест и наказание. Факт этот бесспорно засвидетельствован рядом источников, совершенно не зависящих от приписки. Он зафиксирован списками Никоновской летописи и текстом Синодального списка

³¹ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 90—97.

³² А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение, СПб., 1893, стр. 18—19.

Лицевого свода, изготовленными до появления приписок. Кроме того, известно, что история, происшедшая с князем Семеном Лобановым-Ростовским, имела широкую огласку даже за пределами Московского государства. Отправлявшемуся в 1555 г. в Литву русскому послу Федору Вокшерину была дана специальная инструкция о том, что рассказывать о причинах опалы, постигшей князя Семена Лобанова-Ростовского, если литовские дипломаты начнут у него расспрашивать об этом деле.³³ Эта версия для заграницы, точно так же как и рассказ летописи, главной причиной измены князя Семена Ростовского выставляла «палаумство». Совершенно естественно, что действительные причины дела были иными, так как за «палаумство» князя Семена не пытали бы и не приговаривали к смертной казни. Мы хорошо знаем, что велось следствие и что материалы его составили целое дело. 20 июля 1563 г. это дело было затребовано царем из архива и направлено к нему.³⁴ Именно следственные материалы и отражает приписка, рассказывая о виновном, следователях, причинах преступления и сообщниках. Факт измены Семена Лобанова-Ростовского упоминается в письме Грозного к Курбскому от 5 июля 1564 г., и данное там освещение факта совпадает с рассказом летописи и приписки. Словом, факт измены князя Семена Лобанова-Ростовского и связанные с этим обстоятельства подтверждаются и другими источниками, а следовательно должны быть признаны достоверными. Но мы видели, что стоит сопоставить известия об этом с известиями, содержащимися в приписке к Царственной книге под 1553 г., как обнаруживается разноречие источников. Поэтому приходится думать, что некоторое неблагоприятное заключение именно во втором источнике.

Рассмотрим приписку к Царственной книге под 1553 г. с точки зрения ее достоверности. Если факт измены князя Семена Лобанова-Ростовского был засвидетельствован рядом источников, то здесь дело обстоит иначе. Нет ни одного летописного текста, где хотя бы косвенно упоминалось о мятеже 1553 г. Об этом не упоминалось в тексте Синодального списка, и царь при первой правке тоже ни слова не добавил к рассказу о своей болезни.³⁵ Нет вообще ни одного источника или хотя бы намек в каких-либо документах, подтверждающего рассказ приписки о мятеже 1553 г. Правда, наличие только одного источника и отсутствие ему подтверждений не является основанием для отрицания факта, описанного в этом единственном источнике. Тем не менее, в данном случае молчание источников является весьма подозрительным. Дело не только в том, что события, о которых идет речь, если бы они происходили так, как они описаны, должны были иметь большой политический отзвук и, следовательно, попали бы в источники раньше, чем дело князя Семена Лобанова-Ростовского. В данном случае мы имеем дело не только с отсутствием подтверждения одного источника другими, но имеем прямое опровержение рассказа этого единственного источника тремя другими.

Мы уже видели, что рассказ приписки о мятеже несовместим с рассказом приписки о тайном заговоре. Кроме того, некоторые данные этой приписки несовместимы с данными письма Грозного от 5 июля 1564 г. Наконец, летописи, в том числе и Синодальный

³³ Сб. РИО, т. 59, стр. 452—453, № 29; ср. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. II, стб. 146.

³⁴ ААЭ, т. I, № 289, стр. 347.

³⁵ ПСР, т. XIII, ч. I, стр. 230—231.

список Лицевого свода и даже Царственная книга, совсем иначе повествуют о царской болезни в 1553 г., чем приписка в Царственной книге. Вот что пишут летописи: «И то прииде грех ради наших и за превозношение наше: бог милосердие свое показал над Казанию, и в нас явились гордые слова, а не благодарные, и учили особ мудры быть, забыв евангельское слово: кто хочет в мире сем мудр быти, буй да будет. За многое за наше неблагодарение и в то время прииде грех ради наших, посети немощь православного нашего царя, прииде огнь велий, сиречь огневая болезнь; и збысться на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца Он, государь, добрый пастырь, егда возмог, тогда у бога милости просил и нас добре хранил и благорассудным его утверждением всегда сохранены есмя; и на мало время премолче к богу о нас моления простирати и нас на благое утвержати и вся злая и скорбная пострадала есма. Егда же бог не по нашим грехом свсим праведным судом, не хотя грешных смерти, въздвиг от болезни праведного нашего рачителя всяя Руси государя, и благочестивая оная душа, приав от бога ослабу телесным своим болезнем, просить ж вкупе и душевных облегчений и на молитву ся к богу простирает, и вся чины и суды и управы земские по бозе строяше и в Казань и в иные области своея державы соутвержением посылалше, праведных миловать веляще, а злых наказывати з запрещением веляще». ³⁶ Это описание царской болезни, удовлетворившее царя при первой правке им летописи, не имеет ничего общего с рассказом приписки, заменившей это описание в Царственной книге. Мы увидим ниже, как царь попытался совместить свою приписку с этим рассказом.

Теперь обратимся к самому рассказу о событиях 1553 г., содержащемуся в приписке к Царственной книге. ³⁷ Рассмотрим вопрос о расстановке сил или, лучше сказать, о распределении ролей между участниками событий, согласно рассказу этой приписки. Некоторые историки стараются усмотреть за выступлениями тех или иных участников происходивших волнений борьбу основных социальных группировок в правящих кругах того времени. Нам кажется, что в данном случае подход к рассказу о событиях 1553 г., ставящий целью определить поведение участников этих событий их социальным положением, обречен на неудачу. Как мы ниже увидим, в данном случае источник не дает достаточных оснований для такого подхода к анализу событий. С. В. Бахрушин в своей статье «Избранная рада Ивана Грозного» ³⁸ высказывает мнение, что в выступлениях против принесения присяги царевичу Дмитрию князей Ивана Михайловича Шуйского, Ивана Ивановича Пронского (Турунтая), Петра Михайловича Щенятева, Семена Лобанова-Ростовского, Дмитрия Ивановича Немого выразились настроения удельной знати, недовольной внешней политикой правительства и ограничением местничества. ³⁹ Далее С. В. Бахрушин пишет: «На особой, совершенно принципиальной позиции стоял отец Адашева, окольный Федор Адашев. Выступление отца временщика носило иной характер, чем оппозиция удельной знати. костромской дворянин отражал настроения широких кругов дворянства, много пострадавшего в годы боярского правления». ⁴⁰

И. И. Смирнов в книге «Иван Грозный» также усматривает в поведении героев приписки о 1553 г. проявление настроений двух груп-

³⁶ Там же

³⁷ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

³⁸ «Исторические записки», т. XV, стр. 28—69.

³⁹ Там же, стр. 52—53

⁴⁰ Там же, стр. 53—54

пировок. С одной стороны, по его мнению, «перспектива перехода власти к Захарьиным в случае смерти Ивана Грозного и подняла на открытый мятеж виднейшие боярские роды. Но эта же перспектива имела то последствие, что другая группа руководящих политических деятелей, во главе с Адашевым и попом Сильвестром, опасаясь своего оттеснения от власти Захарьиными, в свою очередь выступила против них, став тем самым на путь сближения с княжеско-боярской оппозицией». ⁴¹

Отметим, что названные исследователи приходят в противоречие друг с другом. С. В. Бахрушин подчеркивает, что Федор Адашев, говоривший от лица широких кругов дворянства, стоял на «особой, совершенно принципиальной позиции», особой от позиции удельных князей и бояр. И. И. Смирнов, наоборот, подчеркивает, что обстоятельства сблизили позиции виднейших боярских и княжеских родов с позициями «другой группы руководящих политических деятелей». Нам кажется, что и та и другая точка зрения недостаточно основательна, так как построена на неточном использовании источников (некритическое соединение рассказов обеих противоречивых приписок).

Тем не менее мысль И. И. Смирнова о сближении позиций всех «мятежников» мы считаем более верной, чем их разъединение по «особым позициям». Мы постараемся показать, что эта мысль более точно отражает если не самые события, то разбираемый нами рассказ о них. В самом деле. В чем выразилась особая принципиальная точка зрения широких кругов дворянства, изложенная, согласно рассказу приписки, Федором Адашевым? Вот что он говорил: «Ведает бог да ты, государь; тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрею крест целуем, а Захарьиным нам Данилу с братиею не служивати: сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу с братиею, а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия». ⁴² Но если это и есть принципиальная точка зрения широких кругов дворянства, то придется признать, что еще более яркими идеологами этих дворянских кругов были как раз те, кого С. В. Бахрушин совершенно справедливо называет представителями удельных князей — хотя бы князь Иван Пронский и пресловутый Семен Лобанов-Ростовский. Они, по принуждению поцеловав крест на верность Дмитрию, заявили: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам лучше служить государю малому и мы учнем служить старому — князю Владимиру Андреевичу». ⁴³

Оказывается, что основа недовольства как тех, так и других состоит в нежелании служить Захарьиным при малом государе. Одни называли лицо, которому они хотят служить предпочтительно, другие (от лица которых говорил Ф. Адашев) его не называли, но несомненно имели в виду ту же кандидатуру. Тут нет не только принципиальной разницы, тут нет вообще никакой разницы, на основании которой можно было бы говорить об «особых позициях» и т. п. Нам представляется, что распределение ролей между персонажами приписки, согласно ее рассказу, не дает оснований для рассуждений о разделении их соответственно по социальным группировкам. В самом деле: кто были самыми ревностными сторонниками царя и противниками «мятежников»? Потомок удельных князей князь Владимир Иванович Воротынский и незнатный дьяк Иван Михайлович Висковатый. Если следовать

⁴¹ И. И. Смирнов, Иван Грозный. Л., 1944, стр. 86.

⁴² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 524.

⁴³ Там же, стр. 525.

методу С. В. Бахрушина и на основании слов каждого конкретного лица делать вывод, что эти слова отражают точку зрения той социальной группы, к которой он принадлежит, то на примере В. И. Воротынского можно с успехом утверждать, что родовитые князья были ревностными сторонниками царя и в своей верности были готовы на самопожертвование.⁴⁴ Понятно, что это неправильно. Вообще оба борющихся лагеря на основании данного рассказа нельзя разделить на социальные группы. Вот как описывается кульминационный пункт спора: «И бысть мятеж велик и шум и речи многие во всех боярах, а не хотят пеленичнику служить И которые бояре государю и сыну его царевичу Дмитрею крест целовали почали тех бояр встречати и говорити им, чтобы они государю и сыну его царевичу Дмитрею крест целовали. Бояре же, которые не захотели целовати государю и сыну его царевичу князю Дмитрею, с теми бояры, которые государю и сыну его крест целовали, почали браниться жестоко, а говорячи им, что они хотят сами владети, а они им служить и их владения не хотят И бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многие бранные».⁴⁵ Как видим, в представлении автора приписки оба враждующих лагеря одинаково боярские. Спор идет внутри самой боярской думы. Далее мы видим в рассказе, что именно бояре принуждали Владимира Андреевича целовать крест. «почали нныя бояре (т. е. кроме В. И. Воротынского, выступившего раньше — Д. А.) говорити, чтобы князь целовал, а не учнет князь креста целовати и ему отгудова не выйти»⁴⁶

Когда Сильвестр пытался поддержать Владимира Андреевича, бояре ему отвечали «на чем они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, потому и делают, как бы их (т. е. Ивана Грозного и его наследника — Д. А.) государству было крепче И отголе бысть вражда межи бояр и Селивестром и его советники».⁴⁷ Несомненно, что, употребив слово «бояре», автор подразумевает весь основной состав Боярской думы, за исключением «возшатавшихся», которые поименованы. Естественно, что в числе «бояр» имеются в виду многие представители родовитых фамилий. Из приведенного выше текста явственно вытекает, что сторонники Сильвестра в представлении автора приписки противопоставляются «боярам», т. е. основному составу Боярской думы. Но кто же они такие, если судить по данному рассказу и верить ему? В сторонники Сильвестра, как мы знаем, попадают князь Иван Иванович Пронский, князь Семен Лобанов-Ростовский, князь Дмитрий Иванович Палецкий.⁴⁸ Зато в противники Сильвестра и его советников попадает (если верить, подчеркиваем, данному тексту) Алексей Адашев, который был как раз в числе тех, кто целовал крест на верность царскому сыну и «встречал» тех, кто не желал целовать. Согласно этому же тексту Адашев-отец и Адашев-сын при всем равенстве их происхождения ведут себя по-разному.

После всего сказанного ясно, что разделение участников событий

⁴⁴ Там же, стр. 523.

⁴⁵ Там же, стр. 524.

⁴⁶ Там же, стр. 526.

⁴⁷ Там же, стр. 524.

⁴⁸ В этом же рассказе Грозный говорит о том, что Сильвестр был давним другом Владимира Андреевича и что будто бы именно Сильвестр в свое время выхлопотал освобождение из тюрьмы князя Владимира Андреевича и его матери. Как доказали еще Н. М. Карамзин (указ. соч., т. VIII, прим. 378) и М. П. Погодин («Царь Иван Васильевич Грозный». СПб., 1859, стр. 14—17), это место приписки не соответствует действительности, и Сильвестр не мог иметь отношения к освобождению этих узников, происшедшему 4 декабря 1542 г.

1553 г на группировки в данном рассказе не совпадает с их разделением по социальному происхождению, по занимаемому общественному положению. Поэтому всякое распределение их по графам той или иной предвзятой схемы является искусственным, противоречащим источнику и навязывающим автору рассказа то, чего он не хотел сказать. Автор приписки делит героев своего рассказа на две, и только на две, группы: на тех, кто оставался верен царю, и на тех, кто оказался враждебным ему и его роду, проявив свою измену в той или иной форме. Как в ту, так и в другую группу совершенно одинаково попадают родовитые князья и бояре наряду с дворянами весьма незнатного рода. Мы уже видели в группе преданных царю лиц князя Владимира Воротынского, дьяка Ивана Висковатого, дворянина Игнатия Вешнякова. В группе колеблющихся и противящихся мы видим также совершенно разнородный состав — от удельного князя Владимира Андреевича до казначея Никиты Фуникова.

Между тем, согласно приписке к Синодальному списку о бегстве Семена Лобанова-Ростовского, участники событий 1553 г вовсе не были так разношерстны. Достаточно указать на то, что лица, названные там заговорщиками, все как один — князья. Там, как мы помним, пересказываются показания Лобанова-Ростовского о том, как он в 1553 г. во время болезни царя вел тайные переговоры с другими лицами о возведении на престол Владимира Андреевича. Все эти заговорщики поименованы в приписке: князь Семен Микулинский, князь Иван Пронский, князь Куракины (родом), князь Петр Щенятов, князь Дмитрий Немой, князь Петр Серебряный.⁴⁹

Следующее затем добавление: «и иные многие бояре и дети боярские и княжата и дворяне с нами в той думе были»⁵⁰ — не меняет дела. Естественно, что главные поименованные заговорщики имели какую-то опору в числе боярских детей, дворян. Но организаторы заговора, заслуживающие персонального поименования, в отличие от «иных многих», — все исключительно однородны и высокородны. По словам князя Лобанова-Ростовского, заговор объединял представителей знатных родов, недовольных тем, «что их всех государь не жалует великих родов, бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит».⁵¹ Совершенно ясно, что сама причина недовольства объединила именно людей «великих родов» и исключила из числа заговорщиков худородных «молодых людей», против которых заговор и был направлен. Поэтому худородные «молодые люди», которые действительно были приближены царем и вершили делами, оказались на противоположной стороне, в числе тех, кто вскрыл заговор и судил заговорщиков. Это были, среди прочих, Алексей Адашев, Никита Фуников, дьяк Иван Висковатый. В таком толковании (т. е. в толковании первой приписки о 1553 г.) правильно отражено действительное положение вещей и действительные социальные связи. Оно не имеет, как очевидно, ничего общего с той ситуацией, которая якобы сложилась в 1553 г., если верить приписке, сделанной несколькими годами позже, уже к тексту Царственной книги. Таким образом, прежде чем выяснять расстановку социальных сил в событиях 1553 г., необходимо установить подлинный ход событий, а не делать этого на основании источника, не дающего достаточных данных.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 238, прим. 2.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

Нам кажется, что, описывая «мятеж» 1553 г. в приписке к Царственной книге, царь руководствовался отношением к героям своего рассказа, которое было у него в момент написания рассказа, т. е. в 1567—1568 гг. Что же в глазах автора рассказа объединяло к этому времени представителей «великих родов», этих заговорщиков, выявленных при допросе князя Семена Лобанова-Ростовского, с некоторыми из «худородных», «молодых», с Сильвестром и его сторонниками? Это хорошо известно. Если в 1554 г. подверглись опале только первые, поименованные представители «великих родов», то время прибавило к ним и Сильвестра с его сторонниками, и Федора Адашева, того самого, возвеличение рода которого и возмутило в 1553 г. родовитых заговорщиков. За время, отделяющее болезнь царя 1553 г. от составления царем, задним числом, рассказа о сопровождавших ее событиях, произошло немало перемен. Например, бывший член «судной комиссии», пытавший в 1554 г. заговорщиков 1553 г. — князь Дмитрий Иванович Курлятев, в 1562 г. «за свои великие изменные дела» попал в опалу, был насильно пострижен в монахи, а затем очень резко охарактеризован Грозным в письме к Курбскому (1564). В 1566 г., т. е. накануне написания приписки, различные компрометирующие князя Курлятева документы были взяты из архива к царю.⁵² Если иметь это в виду, то не удивительно, что князь Курлятев, под пером Грозного, из числа лиц, вскрывших заговор, сам попадает в число мятежников. Совершенно такой же переход из расследователей в мятежники совершил Никита Фуников, что, повидимому, связано с участием его и его людей в каком-то (неясном для нас) «неметцком деле» и взятием поручной записи на него.⁵³ В 1570 г. Фуников был казнен вместе с другими заговорщиками, постепенное разоблачение которых происходило с 1567 г.⁵⁴ Третьим лицом, перекочевавшим, под пером Грозного, из числа членов «судной комиссии» в мятежники, является князь Дмитрий Федорович Палецкий. Грозный отвел ему двойственную роль в рассказе. С одной стороны, он в числе первых целует крест на верность царю и его сыну. Но одновременно он ведет тайные переговоры с Владимиром Андреевичем, выражая готовность служить ему. Интересно, что это двойственное отношение к Дмитрию Федоровичу Палецкому сказывается не только в этом рассказе. Вспомним приписку редактора к рассказу Синодального списка под 1542 г. о мятеже Шуйских. С одной стороны, специальной припиской царь указывает, что в мятежном совете был и князь Дмитрий Федорович Палецкий.⁵⁵ Однако тут же к рассказу летописи о том, что Шуйские хотели убить митрополита Иоасафа, Грозный делает вторую приписку о том, что их отговорил от убийства «боярин князь Дмитрей Палецкой». ⁵⁶ Мы наблюдаем, таким образом, что наряду с указанием на участие князя Дмитрия Палецкого в различных злокозненных «советах» автор приписок стремится сказать о его роли и что-нибудь хорошее, обеляющее, оправдывающее. Это последнее стремление Грозного становится понятным, если учесть, что князь Дмитрий Палецкий являлся царским родственником: его дочь была замужем за братом царя Юрием Васильевичем. В тот момент, когда писалась приписка о мятеже 1553 г., согласно которой Дмитрий Палецкий из числа членов «судной комис-

⁵² ААЭ, т. I, № 289, стр. 352.

⁵³ Там же, стр. 345.

⁵⁴ Ср. А. И. Малеин. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 38—39.

⁵⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 141, прим. 2.

⁵⁶ Там же, стр. 141, прим. 7.

сии» переключал сам в число заговорщиков, он был уже только бывшим родственником царя, так как их родственная связь оборвалась 24 ноября 1564 г. со смертью царского брата князя Юрия⁵⁷ Самым преданным царю человеком из числа князей оказался в 1553 г., как рассказывает приписка, князь Владимир Иванович Воротынский. Не стоит ли факт столь дружелюбного его описания в связи с тем, что в интересующий нас период времени — от 1553 г. до момента написания приписки — князь Владимир Воротынский ничем себя не опорочил, так как умер в 1553 г., вскоре после царского выздоровления. Надо полагать, что если бы князь Владимир Воротынский оставался в живых и оказался в числе опальных лет опричнины, он не удостоился бы столь лестного описания в разбираемой нами приписке⁵⁸

Подобные заключения о влиянии взаимоотношений между царем и героями его рассказа на содержание этого рассказа могут быть, как бы они ни запрашивались, только гадательными, ибо у нас нет достаточных данных для характеристики отношений царя к каждому из этих лиц в каждый интересующий нас момент. Но тем не менее имеющихся данных вполне достаточно для общего вывода о том, что рассказ приписки в значительно большей степени отражает связи и отношения, сложившиеся к моменту написания рассказа, чем связи и отношения, действительно имевшие место в 1553 г.⁵⁹

Проследим теперь, как рассказ о мятеже во время царской болезни согласуется с известными нам событиями, последовавшими за мартом 1553 г. Казалось бы, столь резкое выступление против царя группы мятежников, воспользовавшихся его беспомощностью, должно было после выздоровления царя вызвать преследование, наказание, опалу хотя бы главных виновников. Между тем ничего подобного не произошло. Никаких опал не последовало. Историки, обратившие на это внимание, говорят об этом в таких выражениях, в которых сквозит их собственное удивление по поводу полной безнаказанности виновников. Н. М. Карамзин, рассказав о мятеже и о выздоровлении царя, пишет: «Что же сделал Иоанн? Встал с одра, исполненный милостью ко всем боярам, благоволения и доверенности к прежним друзьям и советникам дал сан боярский отцу Адашева, который смелее других отвергал царское завещание; честил, ласкал князя Владимира Андреевича; одним словом, не хотел помнить, что случилось в болезнь его и казался только признательным к богу за свое чудесное исцеление»⁶⁰ С. М. Соловьев пишет по этому же поводу: «Понятно, как Иоанн должен был смотреть на людей, ведших семейство его прямо к гибели, а в числе этих людей он видел Сильвестра и Адашева!»⁶¹ Летописец

⁵⁷ Там же, ч. 2, стр. 372. О смерти князя Дмитрия Палецкого существуют противоречивые известия. Ср. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. II, стб. 195, и М. Спиридов. Записки о старинных службах русских благородных родов, рукопись Гос. публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, т. IV, 61/3, стр. 61.

⁵⁸ Брат кн. В. И. Воротынского М. И. Воротынский в 1566 г., т. е. накануне работы царя над приписками к Царственной книге, был возвращен царем из ссылки и приближен.

⁵⁹ Академику И. Н. Жданову принадлежат справедливые слова: «Иван прежде всего государь. Он брался за перо или говорил речь только тогда, когда это так или иначе вызывалось его государственной деятельностью. Стало быть, изучение государственных отношений времен Ивана IV — вот первый отдел тех предварительных работ, которые являются необходимыми для объяснения его сочинений» (И. Н. Жданов, Соч., т. I, СПб., 1902, стр. 155—156).

⁶⁰ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VIII, стр. 129—130.

⁶¹ С. М. Соловьев соединяет имена Сильвестра и Адашева, соединяя известия приписки и письма Грозного.

справедливо говорит, что с тех пор пошла вражда,⁶² но летописец не говорит нам о непосредственном выражении этой вражды, о скорой мести, тяжелые чувства затаились пока на дне души; выздоровление, неожиданное, чудесное избавление от страшной опасности располагало к чувству иному — радость, благодарность к богу противодействовали чувству мести к людям»⁶³ Однако другие историки совершенно справедливо полагали, что за преступлением должно было последовать наказание. И они пытались во что бы то ни стало это наказание найти. А так как в действительности наказания не было, то они впадали в ошибки. Так, например, М. М. Щербатов впал в ошибку, отмеченную еще Карамзиным: «ссылаясь на Царственную книгу, он (Щербатов — Д. А.) пишет, что Иоанн по выздоровлении своем велел дьяку Захарову исследовать по чьему наущению бояре не хотели присягать царевичу Димитрию, казнил дворецкого князя Ивана Ивановича Кубенского, Федора и Василия Воронцовых и князя Дмитрия Курлятева (?)»⁶⁴ Щербатов забыл при этом, что казнь этих же лиц он уже описывал под 1546 г. Внешней причиной ошибки Щербатова могла быть некоторая путаница в листах Царственной книги, но не заметил он этой путаницы и впал в ошибку потому, что не мыслил, не допускал, что после такого мятежа никого не казнили. Увидев на листе, лежавшем рядом с листами, где был рассказ о мятеже, сообщение о казни Кубенского и Воронцовых, Щербатов не задумываясь и в своем изложении расположил казнь непосредственно за мятежом.

На подобном ходе мыслей основана аналогичная ошибка издателей «Собрания государственных грамот и договоров», которые в примечании к крестоцеловальной записи Владимира Андреевича пишут, что царь по выздоровлении требовал смерти для провинившихся бояр.⁶⁵

Но особенно показательной является ошибка, в которую на той же почве впал А. Е. Пресняков в исследовании «Царственная книга, ее состав и происхождение». Рассматривая приписку к Синодальному списку под 1554 г. о пытке князя Семена Лобанова-Ростовского, А. Е. Пресняков решил восстановить отрезанные при переплете рукописи слова. Прочитав в приписке, что основным обвинением против князя Лобанова-Ростовского было его участие в заговоре во время царской болезни и увидев тут же список лиц, которые, согласно другой приписке (в Царственной книге), были мятежниками, А. Е. Пресняков естественно предположил, что перечисляются сообщники князя Семена по заговору 1553 г. Вот как на этом основании он восстановил испорченный перед этим списком текст: «и царь и великий князь [за такую] злую измену пос[а]дил за сторожи»⁶⁶ и далее идет указанный список лиц. Совершенно понятно, почему А. Е. Пресняков «посастил за сторожи» числящихся в этом списке князя Дмитрия Ивановича Курлятева, Дмитрия Федоровича Палецкого, Алексея Адашева и Никиту Фуникова. Он по царскому письму и по приписке к Царственной книге знал их как заядлых мятежников 1553 г. В действительности же испорченный текст восстанавливается совсем иначе. «и царь и великий князь [видя его такую] злую измену, пос[лал] бояр своих»⁶⁷ и т. д. Затем идет известный нам список членов «судной комиссии», куда, как мы знаем,

⁶² Об этом говорит как раз приписка, сделанная много лет спустя.

⁶³ С. М. Соловьев. Указ. соч., т. VI, стб. 141.

⁶⁴ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VIII, прим. 381.

⁶⁵ СГГ и Д, стр. 460, прим. к № 167.

⁶⁶ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 18.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 238, прим. 2.

действительно входит ряд лиц, которые, согласно более поздней приписке, сами оказались мятежниками

Учитывая ошибки, допущенные историками в поисках наказания мятежников, мы все же не можем удовлетвориться тем объяснением безнаказанности виновников, которое дали Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, сославшиеся на богобоязнь Ивана и его умиление по случаю выздоровления. Факты показывают, что обстановки безнаказанности ни до, ни после 1553 г. при московском дворе не было. Недаром летописный рассказ о болезни сообщает, что не успел царь поправиться, как распорядился повсеместно наказывать преступников.⁶⁸ Вполне понятно поэтому, что С. В. Бахрушин, поскольку он не сомневается в самом факте мятежа, так уверен, что в основе известия об этом «несомненно лежит следственное дело по поводу мятежа».⁶⁹ Между тем у нас нет никаких оснований говорить о следствии по делу 1553 г. До нас не только не дошло такое дело, но и в описи царского архива, где значились все дела такого рода, нет никаких указаний на то, что оно существовало. Отметим это совпадение: нет никаких следов именно того дела, которое вызывает, как мы видели, столько сомнений и по другим, совершенно не зависимым от этого обстоятельства причинам. И если С. В. Бахрушин утверждает несомненность существования следственного дела 1553 г., то, нам кажется, можно найти весьма реальные основания для обратного утверждения, что такого следственного дела не существовало.

Посмотрим, кто мог фигурировать в таком деле в качестве обвиняемого. Возьмем каждого из мятежников, названных в приписке к Царственной книге. Князь Дмитрий Иванович Курлятев не мог быть под следствием в 1553 г., так как еще в 1554 г. он сам был в числе лиц, вскрывших заговор 1553 г. Таким образом, он в 1554 г. был в числе карающих, а не наказанных, и это видно как раз из следственного дела, которое несомненно существовало. По той же самой причине не могли фигурировать в следственном деле 1553 г. князь Дмитрий Федорович Палецкий и Никита Фуников. В этом деле не мог фигурировать и князь Семен Лобанов-Ростовский, ибо если бы он оказался подследственным в 1553 г., то, естественно, не возникло бы его дела в 1554 г. На тех же основаниях можно утверждать, что в этом следственном деле не фигурировали его сообщники — князья Петр Щенятев, Дмитрий Немой и Иван Турунтай Пронский. Интересно отметить, что мятежники Дмитрий Федорович Палецкий, Никита Фуников, Дмитрий Иванович Курлятев, Дмитрий Иванович Немой, Петр Михайлович Щенятев еще в 1554 г. (т. е. после мятежа, но до ареста князя Лобанова-Ростовского) занимали почетнейшие места на самых почетных церемониях, точно так же, как они занимали их в 1552 г., т. е. до болезни царя. Об этом свидетельствуют официальные акты протокольного характера, свободные от всякой тенденциозности и заслуживающие несомненного доверия.⁷⁰

К тому же, если допустить, что по этому делу привлекались к обвинению столь яркие фигуры мятежа, указанные в приписке, как Федор Адашев и тот же Семен Лобанов-Ростовский, то придется признать, что результат следствия был для обоих на редкость благоприятным. Федор Григорьевич Адашев, как напоминает С. В. Бахрушин,⁷¹ в том

⁶⁸ Там же, ч. I, стр. 231.

⁶⁹ С. В. Бахрушин. Указ. статья. «Исторические записки», т. XV, стр. 52.

⁷⁰ Выписки о приезжих на Москву царевичах, черкасских и ногайских мурзах с 1552 по 1618 г. — РИБ, т. XXII, стб. 54—58.

⁷¹ С. В. Бахрушин. Указ. статья. «Исторические записки», т. XV, стр. 52.

же 1553 г., вскоре после болезни царя, был пожалован в бояре, тогда же был пожалован в бояре и Семен Лобанов-Ростовский. Но интересное всего, быть может, в этой связи то, что заядлый мятежник Петр Щенятев, не желавший (как говорит приписка) целовать крест в 1553 г., не только не оказался в опале, а напротив, в 1554 г. «по государеву указу приводил всех к присяге в верности государю, царице и царевичу Ивану Ивановичу». ⁷² Боярин Иван Михайлович Шуйский, проявивший непокорство в 1553 г., судя по рассказу приписки, после этого остается крупнейшим военачальником, а в 1556 г., например, сидит не в тюрьме, а царским заместителем на Москве, во время отсутствия Грозного. Что касается Владимира Андреевича, то именно в годы, следующие за 1553 г., он наиболее обласкан царем, а в летописях, составлявшихся именно в это время, неизменно именуется «государевым братом». Сильвестр, как хорошо известно, также еще долгое время был в прежнем почете, а не под следствием.

Итак, следственное дело о мятеже 1553 г. незнакомо нам не потому, что оно потерялось без следа, а прежде всего потому, что оно не существовало, ибо не имело ни подследственных, ни наказанных. Таким образом, если считать, что мятеж 1553 г. имел место, то следует признать, что он прошел не только безнаказанно, но и что самые активные его участники были вскоре после того возвышены царем. Тем самым пришлось бы возвратиться к точке зрения Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, что «радость и благодарность к богу противодействовали чувству мести к людям». Нам это не представляется возможным. Тем самым в факте отсутствия следствия и наказания мятежников мы лишним раз усматриваем факт отсутствия тогда подлежащих наказанию лиц и действий (сверх тех, конечно, которые были поводом для возбуждения известного нам дела в 1554 г.).

IV

12 марта 1553 г. от князя Владимира Андреевича Старицкого была взята крестоцеловальная запись на верность царю и его новорожденному сыну Дмитрию. ⁷³ Не поможет ли исследование этой записи в решении вопроса о мятеже? К сожалению, наличие этой записи свидетельствует только о том, что Владимир Андреевич таковую дал, но ничего не говорит о тех обстоятельствах, при которых она появилась. Было бы глубоко ошибочным видеть в наличии этой записи подтверждение факта боярского мятежа накануне ее составления. Владимир Андреевич дважды давал еще большие по размеру и по обязательствам крестоцеловальные записи в 1554 г. ⁷⁴ Однако из этого вовсе не следует, что в 1554 г. дважды имели место волнения, аналогичные тем, которые описываются в приписке к Царственной книге под 1553 г. Причины для взятия крестоцеловальных записей Иваном Грозным изыскивались и без предварительных мятежей. Совершенно очевидной, например, причиной для взятия крестоцеловальной записи у Владимира Андреевича в апреле 1554 г. явилось рождение у Ивана Грозного нового наследника — Ивана Ивановича, на верность которому теперь следовало присягать. Так же точно и в 1553 г. сама болезнь царя в момент рождения сына Дмитрия являлась, конечно, достаточным основанием для составления крестоцеловальной записи и присяги. Известно, что впоследствии Иван Грозный связывал клятвой своего младшего сына Федора не вставать

⁷² М. Спиридов. Указ. соч., т. I, стр. 231.

⁷³ СГГ и Д., т. I, № 167, стр. 460—461.

⁷⁴ Там же, № 168 и 169, стр. 462—468.

на старшего брата Ивана Ивановича в случае смерти отца. Таков был обычай⁷⁵

Обратимся к высказываниям Курбского о событиях 1553 г. Известно, что Иван Грозный в своем письме от 5 июля 1564 г. ни полусловом не приписывает ему личного участия в волнениях. Курбский ничего не ответил по поводу этого факта, иллюстрирующего мятежное поведение бояр, как не ответил на многие другие примеры, приведенные царем. Но зато позднее Курбский дважды высказался на эту тему. Вот что он пишет в «Истории о великом князе Московском» после описания взятия Казани: «Приехав же до Москвы, аки по двух месяцев, или по трех, разболелся зело тяжким огненным недугом так, иже никто же уже ему жизни надеялся. Не по малым дням, по малу оздравляти почал»⁷⁶

О политических событиях, будто бы сопровождавших эту болезнь, Курбский не говорит ни единого слова. Новое совпадение о том же самом факте, о котором нет ни малейшего упоминания в московских летописях и официальных документах, именно об этом же — гробовое молчание в «Истории», вышедшей из-под пера Курбского, т. е. в антиправительственном документе. Это дружное молчание враждебных авторов следует признать красноречивым еще тем более и потому, что сам царь и в писаниях и в действиях 10 лет молчал об этом, а когда трижды потом высказался, дал факту три разноречивых описания.

В своем последнем письме Грозному в 1579 г. Курбский, отвечая на упрек царя, что он со своими сторонниками (Сильвестром и Адашевым) хотел посадить на престол Владимира Андреевича,⁷⁷ отвечает: «А о Владимире брате воспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство — воистину о сем не мыслил, понеже и не достоин был того. А тогда же есмь угодал грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насильем от меня взял еси за того то брата твоего, наипаче же могу поистинне с дерзновением, в тот ваш издавна кровопивственный род»⁷⁸. То, что Курбский лично не причастен к мятежу или заговору 1553 г., — факт несомненный. О его участии в «мятеже» не говорят ни письма Грозного, ни приписки. К тому же, если бы Грозный действительно подозревал Курбского в желании свергнуть его с престола в пользу Владимира Андреевича, то он не питал бы к нему такого доверия и такой дружбы до момента совершенно не ожидаемого для царя бегства Курбского. Это расположение царя к Курбскому, как известно, продолжалось еще несколько лет после падения Сильвестра и Адашева, еще около года после суда, летом 1563 г., над Владимиром Андреевичем и его матерью. Таким образом, обвинения против Курбского в намерении воцарить Владимира Андреевича появились у царя уже позднее. Узнав Курбского как изменника и ярого врага, Грозный обвинил его тогда и во всех изменах прошлого. Курбский, однако, в приведенном отрывке отвергает несправедливое обвинение не только за себя, но и за своих единомышленников — Сильвестра и Адашева, и нам кажется, что в его словах по этому поводу нет фальши. Из них скорее видно, что человек, написавший их, как бы отмахивается от обвинения совершенно нелепого, существо которого его волнует гораздо меньше, чем вызванное при этом воспоминание о насильственной женитьбе Владимира Андреевича на его сестре.

⁷⁵ Возможно, что Владимир Андреевич и его мать активно участвовали в тайном заговоре во время болезни царя. Как бы то ни было, уже давно замечено, что позднее «имя Владимира Андреевича... припутывалось ко всяким делам» (Е. А. Белов, Об историческом значении русского боярства, стр. 116).

⁷⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 206—207.

⁷⁷ Там же, стб. 121; письмо Грозного 1578 г.

⁷⁸ Там же, стб. 133—134, Письмо Курбского 1579 г.

V

Мы приходим к выводу, что достоверность рассказа приписки к Царственной книге под 1553 г. об открытом мятеже во время царской болезни является во многих отношениях сомнительной и не находит тех подтверждений, которые можно привести в пользу достоверности приписки к Синодальному списку под 1554 г. Рассматривая рассказы о событиях 1553 г. в этих двух противоречащих один другому источниках, мы вынуждены отдать предпочтение рассказу, который появился раньше, т. е. рассказу приписки к Синодальному списку под 1554 г. о попытке князя Семена Лобанова-Ростовского. Элементы этого рассказа (иначе говоря, элементы действительности) содержатся в рассказе об открытом мятеже. И именно в этой мере его можно считать соответствующим действительности. Все, что сверх того, нам кажется позднейшим порождением хорошо понятной тенденции, на определении которой мы остановимся ниже. Какие же элементы действительности, совпадающие с данными рассказа первой приписки о тайном заговоре, мы находим в рассказе об открытом мятеже?

Несомненно реальным фактом является сама «болезнь огненная», которой был охвачен царь в марте 1553 г. Не вызывает сомнений и то, что в связи с болезнью царя происходило крестоцелование на верность царевичу Дмитрию. Наконец, самое главное: несомненно, что во время болезни царя имел место тайный заговор группы князей, рассчитанный на возведение Владимира Андреевича на престол в случае смерти Грозного. Этот заговор раскрылся уже после выздоровления царя, частично через доносы посвященных, а полностью на допросах князя Семена Лобанова-Ростовского в 1554 г. Именно это и отражено в нижеследующих словах рассказа о мятеже. «А после того (т. е. после крестоцелования и, видимо, после того, как царь поправился. — Д. А.) государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров,⁷⁹ что говорили с ним бояре, а креста целовати не хотели князь Петр Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской «вед де нами владети Захарыным, о чем нами владети Захарыным, а нам служити государю малому и мы учнем служити старому — князю Володимеру Ондреевичу». Да государю же сказывал околничей Лев Андреевич Салтыков,⁸⁰ што говорил ему, едучи на площади боярин князь Дмитрий Иванович Немой: «Бог то де знает нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали; а как служити малому мимо старого? а вед де нами владети Захарыным». ⁸¹ Это место рассказа не противоречит, а вполне соответствует рассказу приписки Синодального списка о показаниях Семена Лобанова-Ростовского. Там именно и говорится, что «после того», т. е. после царской болезни, выяснилось, что во время нее имел место сговор именно этих лиц, рассуждавших именно так: «вед де нами владеть Захарыным, а мы учнем служити князю Володимеру Ондреевичу». Пассивную или активную роль в этом тайном заговоре играл Владимир Андреевич — судить трудно.

В чем следует видеть искажение действительности автором приписки о мятеже 1553 г.? Прежде всего в том, что под влиянием событий, происшедших в период между 1553 г. и временем составления

⁷⁹ К моменту написания приписки — покойник.

⁸⁰ Лев Андреевич Салтыков в 1564 г. был «выведен» из состава Боярской думы, что в данном случае не означало его смерти. В 1565 г. по нем была взята поручная запись. В 1570 г. Л. А. Салтыков участвовал в царском походе под Тулу (см. С. Б. Веселовский, *Синодик царя Ивана как исторический источник «Проблемы источниковедения»,* Сб. 3, 1940, стр. 335).

⁸¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 525.

рассказа о мятеже, к числу действительных заговорщиков автор рассказа присоединил и других лиц, на самом деле не причастных к заговору, и в большей своей части как раз борющихся в то время с заговорщиками на стороне царя. Этими другими лицами, присоединенными царем в приписке и в письме к заговорщикам, являются Сильвестр, Адашев «и их советницы». К моменту написания рассказа Сильвестр, Адашев и их советники были тоже уже опальными, и раздражения против них у царя было даже больше, чем против «старых изменников» — родовитых князей типа Лобанова-Ростовского и Пронского. Именно поэтому рассказ об открытом мятеже направлен против Сильвестра и его советников в большей степени, чем против «старых» заговорщиков — Щенятева, Пронского, Немого и других.

Мы теперь сталкиваемся еще с одним важным вопросом. Адашев, Сильвестр и их сторонники были в опале уже и к 1563 г., когда писалась приписка о пытке Семена Ростовского. Их опала, следовательно, могла отразиться уже и в приписках первой редакции. Между тем, в приписке, сделанной, видимо, в 1563 г., в числе членов «судной комиссии» названы Алексей Адашев, умерший к тому времени в ссылке, и Дмитрий Курлятев, сосланный в 1562 г. «за его великие изменные дела», а князья-заговорщики выступают не вместе с Адашевым и Сильвестром, а против них, этих «молодых людей», которыми царь их «истеснил». Это обстоятельство, с одной стороны, только подчеркивает и подтверждает сравнительную объективность приписки, сделанной в первом случае, и меньшую объективность приписки, сделанной позднее, а с другой стороны, ставит нас перед вопросом: чем объяснить рост тенденциозности автора приписок, обострение его враждебности по отношению к своим политическим противникам? Ответ на этот вопрос фактически уже дан в первой части настоящего исследования.⁸² Он заключается в хронологии, во времени написания первых приписок к Синодальному списку, а затем новых — к Царственной книге. Мы считаем, что приписки, сделанные при первом редактировании, появились в 1563 г., во всяком случае до опричнины, до бегства Курбского, до объявления царем открытой борьбы со старыми и новыми изменниками, борьбы, которая стала лишь потом проводиться в грандиозных размерах, со всей беспощадностью, всеми видами оружия — и пером и топором. Приписки к Царственной книге делались именно в годы этой борьбы, в суровые годы между установлением опричнины (1564) и московскими казнями (1570).

Известно, как под непосредственным влиянием событий этого времени менялись описания фактов и лиц в летописях. Если в специальной приписке к Синодальному списку царь изобразил Михайлу Тучкова — деда Курбского — жертвой боярской усобицы, то под влиянием бегства Курбского Царственная книга (не приписка, а даже текст) изобразила Тучкова уже не жертвой, а зачинщиком кровавых местнических споров.⁸³ Таких примеров можно привести много. Да и самый факт появления множества новых приписок к тексту, уже отредактированному ранее, является первым и очевидным признаком того, что приписки, сделанные в первом случае, оказались недостаточно наступательными, недостаточно тенденциозными, наконец, недостаточными по количеству указанных в них обвинительных материалов и обвиняемых лиц. Нужно вспомнить, что опричина, грянувшая как раз в период между обеими

⁸² Д. Н. Альшиц, Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. «Исторические записки», т. XXIII.

⁸³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 98, прим. 3 и ч. 2, стр. 432.

редакциями, открылась не чем иным, как письменным исчислением всевозможных провинностей и измен царских приближенных, вершивших до этого момента делами государства: «...Генваря в 3 день прислал царь и великий князь из слободы список, а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его, до его государьского возрасту, после отца его блаженные памяти.. Василия Ивановича всея Русии».⁸⁴ Далее исчисляются вины бояр, всевод, приказных людей, казначеев и иных представителей правящего аппарата. Этот отрывок вскрывает исключительно интересную сторону провозглашения опричнины. Из него ясно видно, что опале царя против своих изменников дано историческое объяснение, значительная тяжесть обвинения лежала в их прошлых делах, которые они делали «до его государьского возрасту», т. е. во времена его малолетства и юности. Таким образом, основной принцип широкого объяснения карательных мероприятий и обвинений состоял в привлечении для этой цели максимального исторического материала и в объяснении настоящего прошлым.

Нет надобности доказывать, что приписки к Царственной книге есть летописное переложение и продолжение этого составленного царем списка измен, опровергающее подобный же список царских «злодейств», провозглашенный противной стороной в письме князя Курбского. Само это письмо явилось, естественно, сильнейшим стимулом для возбуждения обвинительных настроений царя и, прежде всего, против его автора и против той политической среды, из которой он вышел. Известно, что царь объединял в одну группу Курбского с Сильвестром и Адашевым «Вы с Алексеем да с попом», — постоянно упрекает он Курбского. Между тем Курбский до самого момента своего бегства оставался в большом фаворе, несмотря на то, что и «Алексей» и «поп» были удалены несколькими годами раньше. Надо полагать, что это высокое положение Курбского, его близость к царю и большое влияние определяли в известной степени то, что к памяти Адашева и Сильвестра было (по крайней мере внешне) вполне лояльное отношение. Да и самое удаление их обоих прошло при совсем ином отношении, чем то, которое сложилось позже и проявлялось в гневных ругательствах царя по их адресу. Можно думать, что новое озлобление царя против ранее подвергшихся опале Адашева, Сильвестра и их сторонников, тесно связано с изменой и письмом их бывшего друга и соратника Курбского. Кроме того, несомненно, что начавшиеся с опричниной многочисленные аресты, пытки, допросы и доносы вскрыли многие, неизвестные ранее «измены и убытки», чинившиеся бывшими приближенными. В свете этого вполне понятно, почему приписки к Синодальному списку, появившиеся до всех этих изменений, носили иной характер по сравнению с приписками к Царственной книге. Если в первом случае мы наблюдаем тенденциозный подбор фактов, то во втором случае накалившаяся обстановка породила сверх того и тенденциозное обращение с фактами некоторое искажение исторической перспективы. Словом, разница в тенденциозности приписок вполне объясняется разницей времени их появления.

Тенденциозность приписок не подлежит никакому сомнению и доказывать ее не приходится. Однако в целях большей ясности нам представляется небезынтересным заполнить это определение конкретным содержанием, тем болсе, что автор приписок сам чрезвычайно прозрачно указал на ту цель, с которой он эти приписки делал. Приписки

⁸⁴ Там же, ч 2, стр 392.

к Синодальному списку под 1554 годом, о допросе князя Семена Лобанова-Ростовского, царь заключает «следующими словами «и от того времени быс вражда промеж государя и людей»⁸⁵ Этой заключительной мысли подчинена вся предшествующая этим словам приписка, назначение которой и было показать на ярком примере, что «вражда промеж государя и людей» началась давно, и не по вине государя, а по вине «людей».

Приписка к Царственной книге под 1553 г. об открытом мятеже заканчивается еще более ясным объяснением того, зачем она написана. Изложив все детали «мятежа» и указав под конец, что князья Иван Пронский, Петр Щенятев, Семен Лобанов-Ростовский, Дмитрий Немой целовать крест не хотели, царь написал «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Владимиром Ондре...»⁸⁶ Затем решив, что для обоснования вражды нужно добавить красок, он зачеркнул эти слова и написал дальше длинный рассказ о том, как Владимир Андреевич и его мать противились присяге царевичу Дмитрию. Уже после того, видимо, удовлетворившись теперь убедительностью рассказа, царь написал: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимиром Ондреевичем, а в боярах смута и мятеж, а государству почала быти во всем скудость».⁸⁷

Прежде всего, отметим слово «оттоле». Если верить первой приписке, то «вражда» началась с 1554 г., с факта измены князя Лобанова-Ростовского и в результате данных им показаний. Вражда эта была с кем угодно, но только не с Адашевым, Фуниковым, Курлятевым, Палецким, которые сами, согласно той приписке, были на стороне царя. Теперь начало «вражды» отодвигается на год назад, связывается с другим фактом, и врагами царя оказываются его соратники, указанные в первой приписке. Если бы мятеж 1553 г. имел место, то непонятно, почему не с него начинал царь «вражду», делая приписки в первый раз. И здесь, в этой детали лишний раз проглядывает то, что в период первого редактирования (1563) открытый мятеж 1553 г. еще не существовал в сознании автора (поскольку не существовал и в действительности) и что рассказ этот был создан позднее: предварительно и глухо в письме Грозного к Курбскому и ясно в разбиравшейся нами приписке к Царственной книге.

Из приведенных заключительных слов приписки ясно видно также стремление автора показать, что вражда царя с Владимиром Андреевичем носит давний характер и что виновен в ней именно Владимир Андреевич, давно интриговавший против Грозного и пытавшийся захватить власть. Желание снять с себя ответственность за вражду с Владимиром Андреевичем сквозит и в словах, которые, согласно рассказу приписки, говорит больной царь, увещающий князя покориться: «што ся станет, мне до того дела нет».⁸⁸ Если считать, что царь действительно говорил эти слова в 1553 г., то они не имеют существенного значения. Если же учесть, что писались они в 1567—1568 гг., т. е. между 1566 г., когда произошла смена земель у Владимира Андреевича (свидетельство новой перемены отношений в сторону ухудшения) и между временем его казни в 1569 г., то значение этих слов становится совершенно не двусмысленным.

Заслуживают внимания и последующие слова заключения о том, что «оттоле бысть .. в боярах смута и мятеж». В них заключена важная

⁸⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 238, прим. 4.

⁸⁶ Там же, ч. 2, стр. 525.

⁸⁷ Там же, стр. 526.

⁸⁸ Там же, стр. 525.

мысль царя, которую он приводит настойчиво почти во всех своих приписках. Она заключается в намеренном подчеркивании того, что ожесточенная борьба происходила внутри самого боярского лагеря, а не между царем, с одной стороны, и боярством вообще — с другой. Этим подчеркивалось, что причина «смут и мятежей» лежит только внутри самого боярства, что, борясь с этими «смутами и мятежами», царь борется не против боярства как такового, а всегда во главе лучшей части бояр, против изменников. Этим царь отводил от себя обвинение в «побиении» лучших родов, лучших своих бояр и воевод, показывая, что виновники «смут» заслуживают своей участи и что борьбу с ними ведет не он один, что сами же бояре оказывали противодействие «недоброхатам» и карали их.

Далее в заключительных словах говорится, что с тех пор «царству почала быти во всем скудость». Иначе говоря, все беды, которые только случались потом в Московском государстве, имели своим началом и причиной события 1553 г. Неудивительно, что, создавая рассказ с намерением возложить на него такую большую задачу, автор его должен был сделать все, что было в его силах, чтобы рассказ эту задачу выполнил. А так как действительность 1553 г. не могла быть ни началом, ни причиной всех последующих бед, то неизбежно пришлось дополнить ее некоторым вымыслом.⁸⁹ Этот вымысел сложился на почве несомненных фактов, которые в богатом воображении царя сгруппировались вместе. Соединение известных ему в момент написания рассказа данных: болезнь, крестоцелование, тайный заговор в это время, последующая вражда с Адашевым, Сильвестром, Курлятевым и многими другими, непримиримость борьбы в момент написания — все это легко сливалось теперь при описании событий прошлого, событий 1553 г., в единую яркую картину. Внимательно вглядываясь сейчас в эту картину, мы должны уметь отличать среди ее удачно сочетавшихся красок разные слои, нанесенные в разное время.⁹⁰

VI

В свете вышеизложенного большой интерес приобретает одно обстоятельство, не обращающее обычно на себя внимания историков. Дело в том, что до нас дошло несколько листов Царственной книги, продолживших переписывание текста Синодального списка далее того места, к которому сделана приписка о мятеже. До нас дошли листы Царственной книги, переписавшие прежний рассказ о царской болезни,

⁸⁹ Как известно, Грозный не доверял окружавшим его боярам. (Ср. А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского, как исторический материал. Киев, 1889, стр. 138—140, 209—210). Число таких примеров может быть увеличено, а убедительность их может быть усилена. Взять, например, знаменитое утверждение царя, будто из-под Казани бояре его «аки пленника всадив в судно везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю! Аще бы не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы» (РИБ, т. XXXI, стб. 64). Вся эта риторика совершенно фальшива. Путешествие Грозного из-под Казани было сплошным триумфальным шествием (как он сам писал в своих приписках к Царственной книге), и вместе с ним ехала в «судах» половина его войска (ср. П. Н. Миликов. Древнейшая разрядная книга. стр. 157—158).

⁹⁰ Рассмотрение именно тех памятников, о которых мы говорили в данной работе, навело А. Е. Преснякова на справедливую мысль: «Пересмотр «повествовательных» источников, и в частности летописного материала, мог бы многое дать для уразумения общественных и политических понятий и отношений, для лучшего понимания московской жизни» (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 10, прим. 13).

имевшийся в Синодальном списке, рассказ, как известно, ничего общего не имеющий с сообщением приписки об открытом мятеже. Царь, закончив свой красочный рассказ о мятеже во время его болезни в 1553 г. и перевернув еще несколько листов Царственной книги, заметил переписанный из Синодального списка прежний летописный рассказ о своей болезни, где все описывалось в совершенно безмятежных тонах.⁹¹ Мы можем заключить по его работе над этим рассказом, что наличие его в летописи оказалось для царя неожиданностью и что он, следовательно, когда делал свою приписку о мятеже, совершенно забыл об этом рассказе, который он читал несколько лет назад, когда правил Синодальный список и который он тогда оставил без изменений.

Увидев, что согласно летописному изложению рассказ о болезни должен быть именно здесь, а не раньше, где он поместил свою приписку, Грозный на листе, где начинается эта приписка, вычеркнул стоящие перед ней слова: «то место написат тут где таков же крест».⁹² Он решает отнести приписку назад, к летописному рассказу о болезни и пишет на полях, возле этого рассказа: «тут написати то, што там писано».⁹³ Но естественно, что просто поставить рядом совершенно разноречивых рассказа царь не мог, и поэтому он принялся переделывать прежний летописный рассказ, приводя его в соответствие со своей припиской. Он вычеркивает начало летописного рассказа и взамен его пишет свое, подходящее к смыслу приписки. Рассказ летописный (цитированный нами выше) начинался обычным летописным стереотипом, долженствовавшим объяснить то или иное божье наказание, в данном случае царскую болезнь: «и за превозношение наше. » Царь взамен написал: «и за нашу разность и неединомышление и нестрое-ние». Эти слова, как видим, вполне согласуются с тем «неединомышлением», описанию которого посвящена приписка. Дальнейшие слова, вписанные царем вместо зачеркнутых строк рассказа летописи, прямо перекликаются с рассказом приписки о мятеже: «..почали о собе мудри быти и храбри, а строения ни о чем не смышляху, но только в гордости своей хваляхомся..»⁹⁴ Эти строки почти дословно сходны со строками приписки о мятеже, начинающейся рассказом о том, как бояре в думе «Казанское строение поотложиша» и стали «сидети» о кормлениях.⁹⁵ Внеся эти переделки и превратив тем самым летописный рассказ о своей болезни в предисловие к приписке о мятеже, царь снова написал рядом: «тут написати о государственной болезни и то все, што там писано».⁹⁶ Однако этим дело не ограничилось. Прочитав, видимо, еще раз и летописный рассказ и приписку вместе, царь не удовлетворился этим сочетанием даже после произведенных им исправлений рассказа летописи, настолько по-разному звучали эти два описания одного и того же факта. Во всяком случае обе свои приписки: «тут написати то, што там писано», царь вычеркивает. Тем самым приписка о болезни и мятеже осталась без указания, куда ее вставить.

Летописный рассказ о болезни недописан в Царственной книге до конца, вернее — следующий лист, на котором было написано окончание рассказа, до нас уже не дошел. Таким образом, на этом месте и обрывается видимая для нас работа царя по редактированию Лицевого свода. Нам осталось поэтому неизвестным, к какому окончательному

⁹¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 528—529, в рукописи л. 660 об.

⁹² Там же, стр. 522.

⁹³ Там же, стр. 528, в рукописи л. 660 об.

⁹⁴ Там же, стр. 528.

⁹⁵ Там же, стр. 523.

⁹⁶ Там же, стр. 528, прим. 1.

решению пришел Грозный, стараясь согласовать между собой эти два рассказа — прежний и новый. Скорее всего, что он решил вообще выбросить прежний летописный рассказ — во всяком случае его рассказ о мятеже не был изменен ничуть и буква в букву был переписан на чисто полууставом. Эти переписанные листы до нас дошли. На этом примере с предельной ясностью виден очень важный принцип редакционной работы Грозного. Он состоит в том, что прежние летописные известия, не согласующиеся с новыми толкованиями событий, данными в приписках, приводились в соответствие с этими новыми толкованиями.⁹⁷

Отсюда следует, что если бы Царственная книга продолжила свою работу по переписке Синодального списка хотя бы до 1554 г., то приписка к Синодальному списку о бегстве князя Семена Лобанова-Ростовского не осталась бы в прежнем виде. Как противоречащая более поздней приписке — об открытом мятеже, она была бы соответствующим образом исправлена, согласована с ней, и до нас дошло бы совершенно лишенное всяких противоречий, связное изложение событий. В случае окончания работ над Лицевыми сводами черновики со следами приписок были бы, вероятно, уничтожены, и всявидная нам теперь сложная история приготовления летописного рассказа осталась бы навсегда скрытой от нас ровными строчками полуустава. Нет сомнений в том, что немало чистовых листов наших летописей имеют свою черновую историю и что, памятуя об этом, нельзя без соответствующей критики принимать их известия.

Рассмотрение приписок, излагающих события 1553 г., дает подтверждение выводам, которые неизбежно вытекают из самого факта признания Ивана Грозного автором приписок к Лицевым сводам. Совершенно ясно, что двукратное и столь активное вмешательство царя в дело составления летописной истории царствования было предпринято им не для того, чтобы просто количественно увеличить число подробностей в летописных рассказах. Проводя решительную борьбу со своими политическими противниками и совершенно основательно считая себя правой стороной в этой борьбе, Грозный применял против врагов все доступные ему виды оружия. Рассматриваемые приписки не являются, конечно, обычными летописными известиями. Это публицистические произведения, насыщенные свойственной Грозному политической страстностью. И было бы неправильно ожидать, чтобы в этих документах ожесточенной схватки царя с реакционными боярами и их «советницы» Грозный оставался равнодушным наблюдателем событий, «наивным летописцем» (каковых и вообще не существовало). В приписках Грозный нередко сбивается с летописной манеры изложения и рассказы его приобретают характер острых памфлетов. Оставаясь при написании этих рассказов непримиримым борцом, Грозный иногда нарушает действительную связь и последовательность событий в целях придания этим сообщениям максимальной политической заостренности, и нам, естественно, не следует закрывать на это глаза. При всем том объективная правота Грозного в его борьбе обеспечила полную правильность его оценок событий и деятелей. К тому же из всего изложенного было бы неправильно делать вывод, что все приписки Грозного неверно передают исторические факты, которым они посвящены. Приписок — много десятков, но лишь некоторые могут быть признаны искажающими действительность. Большинство приписок Грозного является результатом

⁹⁷ Это подтверждается и рядом других примеров: см. ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 98, прим. 3, ч. 2, стр. 432, 443—444, 444, 445, 448—449, 455—457.

его работы с документами и отражает своим содержанием подлинные документы его времени. Даже множество мелких поправок к тексту летописи свидетельствует о том, что главное направление его редакторской деятельности вело к восстановлению правильности изложения, к уточнению истины. Мы же останавливаемся подробно именно на искажающих действительность приписках, а не на тех, которые верно передают факты, потому что последние и впредь, без особых оговорок, могут быть использованы исследователями.

Выяснение тенденциозности некоторых приписок не снижает их значения как исторических источников, а увеличивает это значение. Сверх ценности тех подробностей, которые они сообщают для ранних лет царствования Грозного и точный вид которых историки сумеют восстановить, они приобретают значение важнейшего источника, раскрывающего связи и отношения 60-х годов XVI в., т. е. времени их написания, времени наиболее напряженной борьбы царя с реакционным боярством. Приписки приобретают также новое значение как группа наиболее многочисленных и наиболее интересных произведений Ивана Грозного. Предстоящее пристальное изучение их с этой точки зрения, несомненно, обогатит историческую науку многими ценными наблюдениями.⁹⁸

⁹⁸ К числу наблюдений, подтверждающих принадлежность приписок на листах Лицевого свода Ивану Грозному, необходимо добавить следующие данные, обнаружившиеся в последнее время в неизвестном ранее списке XVII в. первого послания Грозного в Кириллобелоозерский монастырь воспроизведены приписки, указания и вычеркивания, сделанные на полях и в тексте чернового варианта послания. Эти приписки и указания по своему характеру совершенно аналогичны припискам на листах Лицевого свода и сделаны, несомненно, тем же лицом. Между тем, принадлежность приписок к тексту послания в Кириллобелоозерский монастырь собственной руке Ивана Грозного прямо указана переписчиком XVIII в. и специально подчеркнута им старательным выделением редакционных поправок (даже линий вычеркивания) кинжаварью. Благодаря этому еще раз подтверждается принадлежность приписок на листах Лицевых сводов именно Ивану Грозному, а также и то, что собственноручная правка представляемых ему текстов, имеющих существенное значение, была обычной писательской манерой Грозного.

Указанный список послания в Кириллобелоозерский монастырь хранится в Ленинградском отделении Института истории Академии Наук СССР (собрание П. Н. Лихачева, № 332).

Соответствующее исследование его готовится к печати Д. С. Лихачевым, любезно ознакомившим меня с изложенными выше данными.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Л. В. ЧЕРЕПНИН

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ», ЕЕ РЕДАКЦИИ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЕЙ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ

1. А. А. ШАХМАТОВ, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И КРИТИКИ

«Повесть временных лет» — ценнейший источник по истории Киевской Руси X—XII вв.. «Повесть временных лет» — замечательный памятник русской культуры и политической мысли. Неудивительно, что «Повести» посвящали свои исследования очень крупные ученые, историки и историки литературы. По количеству написанных о ней трудов «Повесть временных лет» может соперничать только с одним еще источником Киевского периода — знаменитым памятником древнерусского права — Русской Правдой.

Эпоху в изучении «Повести временных лет», как и вообще русских летописей, составили многочисленные труды А. А. Шахматова. Недавно изданный Академией Наук СССР сборник «А. А. Шахматов» (М.— Л., 1947) дает всестороннюю оценку деятельности этого замечательного ученого. Это избавляет меня от необходимости детально останавливаться на характеристике его работ. Я хотел бы только подчеркнуть их общее значение.

А. А. Шахматов уничтожил ту грань, которая отделяла историческое источниковедение от исторического исследования. Он показал, что если к источнику не подходить формально, то он сам по себе представляет историческое явление, тесно связанное со всеми другими явлениями социально-экономической и политической жизни.

А. А. Шахматов рассматривает каждый отдельный источник в тесном взаимодействии со всеми его окружающими. Для него характерны необычайный размах исторической мысли и грандиозные масштабы работы, привлечение максимального количества как летописных списков, так и других памятников письменности.

А. А. Шахматову присуще стремление использовать все виды критики источников: наблюдения над языком, литературной формой, хронологическими данными, именами, географическими названиями, политическими идеями и т. д. Такого рода разносторонний подход был возможен лишь со стороны ученого, сочетавшего в одном лице историка, языковеда, литературоведа.

Каждый источник А. А. Шахматов рассматривает как нечто целостное, отличающееся определенным идейным содержанием и своеобразным литературным жанром. В то же время Шахматова источник интересует в движении, он вскрывает его творческую историю, пути развития, определяет источники этого источника и т. д.

С исключительной смелостью и интуицией, которая никогда не переходила в фантазию, реконструирует А. А. Шахматов не дошедшие до

нас летописные тексты. Это делается на основе сопоставления между собой и с другими литературными памятниками многочисленных летописных списков. Так, в результате грандиозной работы по обследованию «Повести временных лет» А. А. Шахматов пришел к выводу о существовании трех редакций этого памятника начала XII в. и трех предшествующих ему сводов (30-х, 70-х и 90-х годов XI в.).

Метод Шахматова далеко выходит за пределы изучения летописных текстов. Его применение к анализу памятников законодательства и актового материала дает блестящие результаты.

В настоящее время в исторической науке существуют два течения. Одно из них отрицает правомерность метода А. А. Шахматова на том основании, что всякая попытка реконструкции несохранившихся источников, вскрытия протографа ряда позднейших списков отличается некоторой гипотетичностью. Представителем этого течения является В. В. Мавродин, который порицает Шахматова и его школу за «непомерное, нездоровое, граничащее со снобизмом, стремление во что бы то ни стало построить свою гипотезу» и призывает к «защите источника от «источниковедов».¹

Такого рода заявление свидетельствует только о слабости научной мысли, об отсутствии исканий и дерзаний. Гораздо более плодотворен другой путь, очень ярко намеченный в трудах Б. Д. Грекова. Последний указывает, что «гипотезы в науке вообще и в частности в исторической науке оправдали себя полностью». Б. Д. Греков только справедливо считает, что «историко-научные гипотезы должны состояться не отвлеченно, путем хотя бы и совершенно безукоризненных логических построений, а непременно с учетом возможно широкого охвата реальной обстановки, в которой протекает процесс и рождаются те явления, которые за отсутствием точных данных могут освещаться только предположительно».² Именно такой «возможно широкий охват реальной обстановки» отличал А. А. Шахматова как исследователя летописания. Он редко прибегал к чисто «логическим построениям». Поэтому вряд ли правильной является характеристика его метода, как метода прежде всего «логически-смыслового анализа».³

Ближайшим учеником и последователем А. А. Шахматова был М. Д. Приселков. Пользуясь методом своего учителя, он внес очень много нового, особенно в дело изучения областного и общерусского летописания XIII—XV вв. В отношении «Повести временных лет» М. Д. Приселков воспринял не только шахматовский метод, но в основном и его схему истории данного памятника. Сам А. А. Шахматов отмечал это как недостаток и писал о М. Д. Приселкове: «Автор должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью; между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах... Разумеется само собой, что исследователь не только может, но и должен считаться с предшественниками и результатами их работ. Но отношение к ним должно быть прежде всего критическим»⁴

¹ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 66—67.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, стр. 877—878.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 17.

⁴ Научный исторический журнал, 1914, № 4, стр. 45.

Новое, что внес М. Д. Приселков в изучение «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов, заключалось в попытке более глубоко (чем это делал А. А. Шахматов) связать основные моменты в истории русского летописания с главнейшими этапами социально-экономической и политической истории Киевской Руси. По словам самого М. Д. Приселкова, «желая вывести наши летописные своды из круга памятников литературы в круг памятников исторических», он пытается «дать, когда это возможно, уже намеченным трудами А. А. Шахматова этапам нашего летописания их исторический облик, т. е. исторически объяснить происхождение этих памятников летописания, вскрыть политическую обстановку времени их появления, указать назначение их и преследуемую цель».⁵

Несомненно, что М. Д. Приселков смог еще более заострить исторический метод Шахматова потому, что использовал достижения советской историографии в области изучения процесса феодализации в Киевской Руси. Исходя из результатов исследований Б. Д. Грекова, М. Д. Приселков говорит, например, об изменении социальной политики киевских князей в 90-х годах XI в по сравнению с более ранним временем и останавливается на оценке этой политики в летописном своде той поры.

Но в концепции М. Д. Приселкова по истории русского летописного дела наблюдается известная односторонность, выражающаяся в том, что он рассматривает наше летописание под углом зрения преимущественно русско-византийских церковных отношений, и самое возникновение летописания целиком приписывает инициативе первого греческого митрополита на Руси.

В 1947 г. вышла книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение». Во введении к своему труду автор останавливается на историографии вопроса и особенное внимание уделяет трудам А. А. Шахматова. «Можно смело сказать,— пишет Д. С. Лихачев,— что только А. А. Шахматов явился настоящим создателем научного изучения истории русского летописания. Им внесены в изучение летописания совершенно новые методы, введены в научный оборот многочисленные новые рукописные материалы, опубликованы новые важные списки летописей и сделаны смелые опыты восстановления утраченных летописных текстов XI—XII вв.,— опыты, которые не знают себе равных в мировой науке по математической точности и почти художественной интуиции»⁶

Являясь, как и М. Д. Приселков, последователем А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев, подобно М. Д. Приселкову, сделал дальнейший шаг на пути углубления и совершенствования его метода. Если М. Д. Приселков обратил особое внимание на социально-политические условия появления летописных сводов, то Д. С. Лихачев подчеркнул их значение как памятников культуры и литературы. Своеобразна его попытка вскрыть устные истоки летописания, которые он видит в родовых преданиях. Очень интересно выделение в составе «Повести временных лет» двух слоев: церковных христианских сказаний и народных языческих преданий. Самое ценное в труде Д. С. Лихачева — это критика теории М. Д. Приселкова о византийском происхождении древнейшего русского летописного свода, о подчинении его византийской исторической схе-

⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 13—14.

⁶ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 14.

ме. Д. С. Лихачев, напротив, доказывает «народный, глубоко национальный характер русских летописных памятников».⁷

Иначе, чем А. А. Шахматов, рассматривая начальный момент в истории русского летописания, Д. С. Лихачев, однако, начиная со свода 70-х годов и до создания «Повести временных лет», подчиняется в основном, как и М. Д. Приселков, схеме А. А. Шахматова, и это естественно несколько снижает (в указанных пределах) ценность его труда как самостоятельного исследования.

В целом М. Д. Приселков и Д. С. Лихачев внесли серьезный положительный вклад в разработку проблем истории летописного дела в древней Руси. Плодотворность их изысканий объясняется тем, что они следовали критическим приемам А. А. Шахматова, поставив их на еще более твердую почву.

Другая группа ученых выступила с критикой как метода, так и конкретных построений А. А. Шахматова.

В. М. Истрин представляет себе историю создания «Повести временных лет» как механический придаток греческих хроник вначале и как механический отрыв русских известий от греческих — в дальнейшем.⁸ По концепции В. М. Истрина, русская переделка хроники Георгия Амартола (Хронограф по Великому изложению) была дополнена событиями русской истории. «Так создавалось первоначальное русское летописание, первоначальная русская история. Она тесно еще примыкала к истории «всемирной», под которой подразумевалась история христианская, т. е. греческая, с подготовительной к ней древней историей. Мысли о создании своей самостоятельной истории, стоящей независимо от чужой, пока еще не было».⁹

Затем, когда у русских книжников явилось сознание своего достоинства и желание составить собственную историю независимо от чужой, при Ярославе, в 1054 г., возник новый свод — «Повесть временных лет». Путь для ее создания был ясен. «Стоило только оторвать русские события от греческих, придать им самостоятельность — и русская история была готова».

Первый летописный свод получал постепенные продолжения на протяжении второй половины XI и XII вв. На их основе, в начале XII в., выросла вторая редакция «Повести временных лет» (около 1113 г.). С нее в 1116 г. была снята копия игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. В дальнейшем из этого сильвестровского текста была случайно утрачена целая тетрадь; так исчезли летописные статьи 1110—1116 гг. в Лаврентьевском списке.

Вся схема В. М. Истрина отличается исключительной упрощенностью. В противоположность А. А. Шахматову, который рассматривал процесс создания летописных сводов как органическое явление русской жизни, тесно связанное со всем историческим процессом, В. М. Истрин в истории летописания видит целую цепь случайностей и чисто формальных напластований на основе переводов и переделок греческих хроник.

Гораздо больший интерес представляет труд Н. К. Никольского «Повесть временных лет как исторический источник для истории начального периода русской письменности и культуры».¹⁰ Н. К. Николь-

⁷ Там же, стр. 62.

⁸ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода, П., 1922; его же. Замечания о начале русского летописания, П., 1924.

⁹ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы, стр. 43.

¹⁰ Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1, Л., 1930.

ский не согласен с концепцией А. А. Шахматова. Но ведь дело не только в концепции, но и в методе. Методологически Н. К. Никольский дает новое в сравнении с Шахматовым. Поэтому я не согласен с Д. С. Лихачевым, который считает, что исследование Н. К. Никольского представляет собой «в методологическом отношении шаг назад».¹¹ Во-первых, Н. К. Никольский подчеркивает, что если А. А. Шахматов искал в летописных сводах отражения политических идеалов отдельных летописцев, то столь же необходимо наблюдение над историографическими схемами, которым подчиняется летописное изложение. А. А. Шахматов «не подметил той грани, которая отделяет *личное* отношение писателя к текущим событиям от того *средневекового идейно-тенденционного творчества*», которое «вызывало в области летописания изобретение причудливых историографических построений».¹²

Второе существенное замечание Н. К. Никольского методологического характера. А. А. Шахматов преимущественно занимался наблюдением над «приростом и осложнением» летописных сводов; важно также присмотреться к «преднамеренным пропускам и умолчаниям».¹³

Пользуясь своим методом, по существу не исключающим, а дополняющим методологию А. А. Шахматова, Н. К. Никольский пришел к ценному выводу о существовании очень древней повести о судьбах полян-руси, известия которой были вытеснены из позднейших сводов «варяжскою и курсунскою легендами и греко-монашескою окраскою».¹⁴ Это — поправка к трудам А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, считавших, что толчок зарождению русского летописания был дан приездом греческим митрополитом.

В статье С. А. Бугославского «Повесть временных лет»¹⁵ речь идет не столько о методе изучения «Повести временных лет», сколько о приемах ее издания. Однако автор ставит и вопрос об исследовательских приемах А. А. Шахматова, так как подготовка памятника к печати всегда в какой-то мере связывается с изучением его состава и происхождения. Считая А. А. Шахматова «замечательным ученым, умевшим гениально воссоздавать старинные памятники русского народа», С. А. Бугославский в то же время ставит под сомнение правильность тех путей, которыми шел А. А. Шахматов. Три недостатка критической методологии Шахматова отмечает С. А. Бугославский:

1. Применение методов «преимущественно конъектуральной критики». А. А. Шахматов, по словам С. А. Бугославского, «не опирается на всю совокупность вариантов позднейших списков «Повести временных лет», а исходит чаще всего из анализа смысла, связи, логики автора, нередко усваивая последнему свое мышление».

Если речь идет об изданном А. А. Шахматовым тексте «Повести временных лет», то это в какой-то мере верно. Но абсолютно неправильно утверждение С. А. Бугославского, если ставить вопрос о характере творческой лаборатории А. А. Шахматова в целом. Для А. А. Шахматова характерно как раз стремление в целях реконструкции ранних памятников летописания привлечь предельное количество списков позднейших летописных сводов. Но сопоставляет он их не механически, отмечая формальные расхождения, а стремится понять смысл,

¹¹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 33.

¹² Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1, стр. 24.

¹³ Там же, стр. 29.

¹⁴ Там же, стр. 30.

¹⁵ С. А. Бугославский. Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст). Сб. «Старинная русская повесть», под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, стр. 7—37.

причины всех изменений, объясняет их историческими условиями возникновения летописных текстов. Если это С. А. Бугославский называет «конъектуральной критикой», то надо прямо сказать, что она дала очень много историкам для изучения прошлого.

2. Модернизация памятников прошлого. «Шахматов предполагает у каждого редактора-переписчика наличие безупречного литературного мастерства, законченности формы, стиля и четких формулировок». В то же время А. А. Шахматов «предъявляет к летописцу чрезмерно повышенные требования строгой логичности, последовательности мышления; он не допускает у него возможности противоречий, забывчивости, неумения синтаксически ясно построить свое изложение». ¹⁶

Здесь С. А. Бугославский прибегает к достаточно ходячему возражению. Но если не следует переоценивать «логичность» мышления и «литературное мастерство» авторов летописных сводов, то нельзя делать и обратного: слишком упрощать наших летописцев как мыслителей и художников слова. А. А. Шахматов не делает ни того, ни другого. Он вообще не исходит из заранее предвзятых точек зрения. Он руководствуется наблюдениями над множеством списков, и такой метод себя оправдывает. Изучая текст «Повести временных лет», А. А. Шахматов наткнулся на ряд противоречий и задумался над вопросом. Первоначальный ли это текст, не лежит ли в его основе более ранний летописный свод? А затем наблюдения над Синодальным списком Новгородской первой летописи подтвердили эту рабочую гипотезу, так как в Синодальном списке отсутствует ряд мест, признанных А. А. Шахматовым позднейшими вставками в «Повесть временных лет».

3. Гипотетичность построения. «Предполагая на основании ряда остроумных заключений существование документально не засвидетельствованных летописных сводов, А. А. Шахматов часто принимает высказанную им догадку за истину, за исторический факт, на который он опирается в дальнейшем исследовании». ¹⁷

Да, А. А. Шахматов допускал научные гипотезы, призывая исследователей относиться к ряду своих построений именно как к гипотезам и подвергать их критике. Но гипотеза гипотезе рознь. А с А. А. Шахматовым случалось не раз так, что предположенные им «на основании ряда остроумных заключений» своды оказывались реально существовавшими, так как находились ранее неизвестные «документально засвидетельствованные» списки этих сводов. Не лучшая ли это проверка метода? Укажу для примера хотя бы на свод 1479 г.

Что же предлагает сам С. А. Бугославский взамен не удовлетворяющей его методологии изучения летописания, разработанной А. А. Шахматовым? С. А. Бугославский считает возможным производить анализ «Повести временных лет», отрешаясь от целостной истории тех сводов, в составе которых она до нас дошла. «Мы вправе выделить и анализировать только текст «Повести временных лет» из состава различных сводов, не касаясь истории этих летописных сводов в целом». ¹⁸ Это возврат к старине, отказ от *исторического подхода* к сложению летописных памятников и переход на позиции чисто *формального* их изучения, механического выделения вариантов, разночтений и т. д.

Неудивительно, что в результате таких приемов критики С. А. Бугославский пришел к очень бедным выводам. «Вся совокупность вариантов» дала ему право «классифицировать списки «Повести временных

¹⁶ Там же, стр. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 13.

лет», объединив их в три *хорошо и ранее известные группы* (курсив мой.— Л. Ч.): 1) Списки новгородского извода; 2) Группа Ипатьевского, Хлебниковского, Погодинского и родственных им списков; 3) Группа Лаврентьевского, Троицкого, Академического и родственных им списков. Каждая из этих групп восходит к одному общему для всех списков тексту, который Бугославский называет архетипом. Ближе всего к оригиналу стоит архетип Лаврентьевского и сходных с ним списков.¹⁹ Оригинал относится ко времени после 1113 г. Вот предел, далее которого и не может пойти формальная критика. Если этого достаточно для подготовки «Повести временных лет» к изданию, то подобные выводы ни в какой мере не могут удовлетворить историка. Поэтому я не могу согласиться с характеристикой работы С. А. Бугославского, данной Н. К. Гудзием: «автор сопоставил все списки Повести временных лет... и в результате тщательного их изучения попытался установить историю текста памятника, одновременно пересмотрев и существенно уточнив работу над текстом Повести временных лет А. А. Шахматова, который и сам свою конъектуральную работу над «Повестью» считал не окончательной и подлежащей пересмотру и проверке».²⁰

Еще больше возражений вызывает брошюра И. П. Еремина «Повесть временных лет». В предисловии автор указывает, что он стремится избежать «ненужной модернизации». Однако вся его работа представляет яркий пример такой модернизации памятников прошлого, мешающей правильному их пониманию.

И. П. Еремин начинает свой труд с указания на «загадочность» «Повести временных лет» как литературного произведения. Она «резко отклоняется от того, что в нашем сознании уже давно успело отложиться как некая «норма», — уводит нас в мир какого-то особого своего художественного измерения, — мир, в котором многое для нас, людей XX века, загадочно, странно, непонятно».²¹ Но что же, собственно говоря, удивительного в том, что памятник XI—XII вв. отличается от «нормы» XX в.? И почему вообще нужно устанавливать какие-то «нормы», анализируя исторические источники?

Все в летописном изложении является для И. П. Еремина «загадкой», и, конечно, только потому, что он подходит к «Повести временных лет» с позиций скептика XX в., удивляющегося «миру художественного измерения» XII в. «Загадочны люди в его (летописца.— Л. Ч.) изображении. Поражает странная алогичность их поведения, ... странная автоматичность их поведения, ... поражает их удивительная способность перевоплощаться».²² Человек в изображении летописца — «экзотичен», «однолинеен», т. е. одновременно быть и «добрым» и «злым» не может; всегда «статичен», несмотря на внешнюю свою подвижность, т. е. характер свой приобретает в прямой зависимости от того или иного заданного стилистического плана повествования, отражая все его перебои; почти всегда *репрезентативен*, т. е. обычно является «живым» носителем той или иной летописца морально-политической сентенции или доктрины».²³

¹⁹ Там же, стр. 14. В статье «Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв.» С. А. Бугославский говорит о двух летописных сводах: 1039 г. и «Повести временных лет» («Ученые записки МГУ», вып. 118, М., 1946, стр. 5).

²⁰ Сб. «Старинная русская повесть», стр. 3.

²¹ И. П. Еремин. Повесть временных лет, Л., 1946, стр. 3.

²² Там же, стр. 4.

²³ Там же, стр. 91; курсив автора.

Когда читаешь характеристику «Повести временных лет», данную И. П. Ереминым, то получается впечатление, что перед нами не исторический источник, насыщенный ярким, живым, конкретным материалом, а какая-то схема, лишенная плоти и крови. И все это потому, что И. П. Еремин не хочет понять того, что «Повесть временных лет» — *памятник исторический*. Лиц, ею изображаемых, надо рассматривать в связи с условиями места и времени, их действия, поступки определяются исторической действительностью. Кроме того, «Повесть временных лет» — *памятник русской публицистики*. У летописца были свои политические взгляды, которые определяли его отношение к современным ему явлениям, событиям, людям, определяли его оценки. Наконец, «Повесть временных лет» — это *художественное произведение*, подчиняющееся законам *своего* времени. Тот схематизм летописного изложения, о котором говорит И. П. Еремин, — плод его формального подхода к источнику.

Подходя вне времени и пространства к изучаемому памятнику, И. П. Еремин прибегает, по-моему, к недопустимому для научного исторического исследования его сравнению с приключенческим фильмом, да еще таким, на который попадаешь в середине и поэтому с трудом разбираешься в том, что происходит на экране. «Действие в разгаре, герой мечется на экране, спешит, торопится, но куда и зачем спешит и торопится — непонятно». ²⁴ Можно ли придумать более показательный пример уже не модернизации, а настоящей вульгаризации памятников прошлого!

Задав самому себе ряд «загадок», И. П. Еремин пытается дать их разрешение с позиций иногда открытой, иногда прикрытой критики метода А. А. Шахматова. А. А. Шахматов считал, что «Повесть временных лет» — это памятник, над которым трудился не один автор; памятник, которому предшествовал ряд более ранних летописных сводов. И. П. Еремин находит, что эту проблему генеалогии, родословия летописных текстов можно вообще снять. «анализ художественной структуры «Повести» должен «предшествовать решению генеалогической проблемы» Надо рассматривать «реально дошедший до нас» и поэтому «безусловно достоверный» текст «Повести». ²⁵ Если принять то, что предлагает И. П. Еремин, то надо зачеркнуть все достижения в области изучения русского летописания, которым мы обязаны А. А. Шахматову и его школе. Для А. А. Шахматова проблема сложения, творческой истории летописного свода была не отделима от его внутреннего анализа. И именно благодаря такому *историческому* подходу к памятнику получили разрешение все его «загадки», говоря словами И. П. Еремина. Последний считает возможным ограничиться наблюдениями над «реально дошедшими» и поэтому «безусловно достоверными» памятниками. Но почему все, что до нас «реально дошло», является безусловно достоверным? Подобное определение вообще отрицает необходимость критики источников, так как «реально дошли» до нашего времени и такие подделки, как Краледворская рукопись, Сулакадзевские «гимны» Бояна и т. д.

К каким же выводам приходит И. П. Еремин? Отказ от метода А. А. Шахматова логически связан с отказом от взгляда на летописные своды как целостные исторические и литературные произведения, проникнутые определенным единством содержания и формы. Летописные памятники в понимании И. П. Еремина представляют собой цепь механически нанизанных фактов, связанных лишь единством времени. «Про-

²⁴ Там же, стр. 5.

²⁵ Там же, стр. 9.

това в отношении «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов. Пересмотру некоторых из этих выводов и посвящено дальнейшее изложение.

2. ТРИ РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Несомненным достижением исторического источниковедения в области изучения древнерусских летописных сводов надо признать вывод о существовании трех редакций «Повести временных лет», из которых ни одна не сохранилась до нашего времени в чистом виде. Этот вывод был получен авторами, писавшими о русских летописях, не сразу. До сих пор у исследователей имеются колебания и расхождения по вопросу о датировке отдельных редакций изучаемого памятника.

В классической работе А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшей в 1908 г., речь идет о *двух* редакциях «Повести временных лет» — 1113 и 1118 гг. — и о промежуточном между ними труде игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра. «Повесть временных лет в первой своей редакции, — писал А. А. Шахматов, — быть может, принадлежавшей Нестору, доходила до 6621 (1113) года и оканчивалась, как кажется, известием о кончине Святополка. Эта первая редакция была переработана в 6624 (1116) году игуменом Сильвестром, ...опустившим... события 1111—1113 гг. В 6626 (1118) году составлена вторая редакция Повести временных лет, положившая в свое основание Сильвестровскую редакцию». ³⁰

В исследовании А. А. Шахматова «Повесть временных лет и ее источники», опубликованном уже после смерти автора, в 1940 г., но относящемся еще не к последней стадии его научного творчества, замечаются колебания по вопросу о количестве редакций «Повести временных лет». Вначале автор называет две редакции: первоначальную (Несторову), оканчивающуюся 1110 г., и вторую, доведенную до 1117 г. Что касается промежуточного труда игумена Сильвестра, относящегося к 1116 г., то он представлял собой, по определению А. А. Шахматова, «список» с редакции Нестора. Однако ниже А. А. Шахматов пишет: «Отмечу еще, что вполне возможно допущение, что названная нами вторая редакция Повести временных лет произошла не непосредственно из первой, а из переработавшей эту первую редакцию Сильвестровской; таким образом, мы в Сильвестровской редакции имели бы вторую редакцию, а в редакции, доведенной до 1117 г., — третью». ³¹

В статье «Нестор летописец», относящейся к 1914 г., А. А. Шахматов совершенно отчетливо говорит о *трех* редакциях «Повести временных лет»: «первой, первоначальной, составленной в Киево-Печерском монастыре и доведенной до 1110 года; второй, Сильвестровской, копии с первой, составленной в Михайловском [Выдубицком] монастыре в 1116 году; третьей, основывающейся... на первой и продолжившей летописный рассказ до 1117 года включительно». ³²

Полное развитие и очень детальное обоснование (хотя и не без внутренних противоречий) взгляды А. А. Шахматова получили в его труде 1916 г. «Повесть Временных Лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примеча-

³⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 2.

³¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, вып. IV, М.—Л., 1940, стр. 23—24.

³² А. А. Шахматов. Нестор летописец. Записки Наукового товариства імені Шевченка, 1913, тт. CXVII и CXVIII, Львов, 1914, стр. 35.

ния». А. А. Шахматов здесь сначала указывает, что «основная или первая редакция «Повести временных лет» составлена в 1111 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором». ³³ Но несколько ниже А. А. Шахматов, противореча сам себе, настаивает, что труд Нестора был закончен во всяком случае после 25 января 1112 г., а вернее всего — в начале 1113 г. ³⁴ Не дошедшая до нас первая редакция «Повести временных лет» «должна была с особенною подробностью говорить о событиях Святополкова княжения..., должна была выдвигать его бранные подвиги и изображать его благочестие». ³⁵ Преемник Святополка по киевскому княжению — Владимир Мономах, призванный на княжеский стол в Киев в 1113 г., «не мог не обратить самого серьезного внимания на этот памятник предшествующего княжения. Необходимо было восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении; политический интерес требовал изъятия из обращения многих частей Киево-Печерского Летописца». Мономах обратился к Сильвестру, игумену основанного его отцом Всеволодом Ярославичем Михайлова монастыря на Выдубиче. Тот в 1116 г. переделал труд Нестора. Так возникла вторая редакция «Повести временных лет». ³⁶ «Переход княжеского летописания в другой монастырь не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло: Святополк был забыт, о его сыне Ярославе не было нужды думать; все мысли и надежды перенесли на Владимира Мономаха. В Печерском монастыре оказались горячие приверженцы бывшего переяславского князя. Одному из них... было поручено составление нового летописного свода взамен утраченного или сокрытого под спудом. Этому летописцу пришлось обратиться к Сильвестровскому своду (так как основная редакция Повести временных лет уже не обреталась в монастыре); но он сумел связать свой труд с трудом своего предшественника по монастырскому летописанию», т. е. Нестора. ³⁷ Таково происхождение третьей редакции «Повести временных лет» 1118 г. Ее составителем А. А. Шахматов считает одного из постриженников Киево-Печерского монастыря, бывшего духовником при князе Мстиславе Владимировиче — сыне Владимира Мономаха. ³⁸

М. Д. Приселков, опираясь на исследования А. А. Шахматова, говорит, как и последний, о трех редакциях «Повести временных лет», датируя их 1113, 1116 и 1118 гг. «Ряд наблюдений,— пишет М. Д. Приселков,— ...как и древняя (XIII в.) литературная традиция, ведут нас к представлению о том, что автором... первоначальной, не дошедшей до нас редакции Повести временных лет был монах Киево-Печерского монастыря Нестор... Труд Нестора, который он закончил 1113 годом, был проредактирован начальником другого Киевского монастыря в 1116 г.» М. Д. Приселков имеет в виду составителя второй редакции «Повести временных лет» — игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра. «Кроме редакции Сильвестра, в Киеве же, в 1118 г., была составлена еще другая (т. е. третья по счету.— Л. Ч.) редакция, которая значительно переработала редакцию Сильвестра и, кажется, р~~е~~по-

³³ А. А. Шахматов Повесть временных лет. Т. I Вводная часть. Текст Примечания П, 1916, стр. XV.

³⁴ Там же, стр. XXI, XXXIV и XXXVI.

³⁵ Там же, стр. XV—XVI.

³⁶ Там же, стр. XVII.

³⁷ Там же, стр. XVII—XVIII.

³⁸ Там же, стр. XXXIX.

лагала при этом первоначальной редакцией Нестора 1113 г.»³⁹ Третья редакция составлена для сына Владимира Мономаха — князя Мстислава Владимировича, причем автором некоторых летописных заметок является сам Мстислав.⁴⁰ То же самое (в основном) представление об истории «Повести временных лет» как летописного свода положено М. Д. Приселковым в основу изложения политики князей Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича Мономаха в его более ранней работе по церковно-политической истории Киевской Руси.⁴¹

Д. С. Лихачев развивает далее построения М. Д. Приселкова. Повесть временных лет в первой редакции — это летописный свод монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, оконченный около 1113 г. Идейно он связан с князем Святополком Изяславичем. «...Святополк начинает поддерживать печерское летописание, и княжеская поддержка необычайно поднимает авторитет печерских летописцев».⁴² Мономах «изымаает из Печерского монастыря ведение летописания, которое теперь стало уже одним из важнейших общественных явлений русской действительности. Он передает его в свой княжой Выдубицкий монастырь, основанный в 70-х годах XI в. его отцом Всеволодом Ярославичем. После этого литературная работа Печерского монастыря надолго замирает». Переработка Повести временных лет была возложена Мономахом на выдубицкого игумена Сильвестра, закончившего свою работу в 1116 г.⁴³ Третья редакция «Повести временных лет» возникла в 1118 г. при ближайшем участии сына Владимира Мономаха — Мстислава. «Летописание Мстислава — Повесть временных лет в третьей редакции — имело огромное значение для всего последующего летописного дела на Руси. Ее имели во главе своих княжеских летописей все представители рода Мономаха. Третья редакция Повести временных лет легла в начало летописания Новгорода, где первоначально княжил Мстислав, а затем его сын Всеволод; она легла в начало княжеского летописания Переяславля Русского, где также одно время княжил Мстислав, и, наконец, — Киева, куда Мстислав перешел княжить после смерти отца. Из Переяславля Русского Повесть временных лет в третьей редакции (редакция Мстислава) в соединении со второй (Сильвестровской — Сильвестр с 1117 г. был епископом Переяславля Русского) передалась на северо-восток — во Владимиро-Суздальскую землю, где впоследствии отразилась в летописании Москвы».⁴⁴

Наличие трех редакций «Повести временных лет» доказывается всеми упомянутыми мною выше авторами на основе целого ряда конкретных наблюдений над источниками и не может быть поэтому оспариваемо. Однако вопрос о времени и условиях происхождения каждой редакции, так же как о политической их направленности, является спорным и в отдельных случаях может быть пересмотрен. Этому пересмотру и посвящено последующее изложение.

3. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Согласно очень древней и достаточно обоснованной традиции, составителем первой (основной) редакции «Повести временных лет» считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Его имя сохрани-

³⁹ М. Д. Приселков. Указ соч., стр. 16.

⁴⁰ Там же, стр. 44.

⁴¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 318—326.

⁴² Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 147.

⁴³ Там же, стр. 169—170.

⁴⁴ Там же, стр. 180.

лось в Хлебниковском и сходных с ним списках «Повести временных лет» «Се Повести Временных Лет Нестора черноризца Федосьева монастыря Печерского». Другие списки (Радзивилловский, Академический, Ипатьевский), опуская имя Нестора, говорят безыменно о «черноризце Федосьева монастыря Печерского». ⁴⁵ Свидетельство названных летописных списков подтверждается дополнительными указаниями Патерика Киево-Печерского монастыря в той его части, которая сохранила «Послание» монаха начала XIII в. Поликарпа к епископу владимирскому Симону. В «Слове о Никите затворници, иже по сем бысть епископ Новуграду», в числе лиц, пришедших к Никите в его пещеру, назван «Нестор, иже написа Летописець» ⁴⁶ В «Слове о святем и блаженнем Агапите, безмездном врачу», имеется сравнение Агапита с прежними угодниками, со ссылкой на свидетельство о них летописца Нестора: «яко же блаженный Нестер в Летописци написа о блаженных отцах о Дамиане, и Еремии, и Матфеи, и Исакии». ⁴⁷ Действительно, в «Повести временных лет» под 1074 г. находим данные о печерских старцах Дамиане, Иеремии, Матфее и Исакии, ⁴⁸ и это обстоятельство подтверждает принадлежность «Повести» Нестору. Наконец, показательно 30-е «Слово» Патерика: «О преподобнем Моисеи Угрине», в котором содержится рассказ о смерти польского короля Болеслава и «мятеже» в Польше. «В едину убо ночь Болеслав напрасно умре, и бысть мятеж велик в всей Лятельской земли. И вставше, людие избиша епископи своя и боляры своя, яко же и в Летописци поведаеть». ⁴⁹ Сравнивая Патерик с «Повестью временных лет», встречаем в последнем памятнике аналогичное сообщение под 1030 г.: «В се же время умре Болеслав великий в Лясах, и бысть мятеж в земли Лядьсте вставше, людие избиша епископы, и попы, и боляры своя, и бысть в них мятеж». ⁵⁰ Значит, ссылаясь на Летописец, Патерик имел в виду «Повесть временных лет». Поскольку автором Летописца Патерик дважды называет Нестора, постольку предположение о составлении Нестором «Повести временных лет» (в первой редакции) приобретает большую долю убедительности, и его поэтому придерживаются ряд ученых, в частности А. А. Шахматов и его последователи М. Д. Приселков и Д. С. Лихачев.

Материал для датировки первой редакции «Повести временных лет» дает прежде всего статья под 852 г., в которой расчет лет, начиная от Адама, доводится до смерти Святополка Изяславича, т. е. до 1113 г. ⁵¹ Значит, «Повесть временных лет» закончена не ранее 1113 г. Наиболее поздней датой завершения названного летописного свода является 1116 г., так как в это время труд Нестора, судя по приписке к Лаврентьевскому списку, был переписан (и, вероятно, переделан) игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестром. ⁵²

Таковы чисто формальные данные, относящиеся к первой (Несторовой) редакции «Повести временных лет». Попробуем же восстановить общий облик этого летописного свода и выявить историческую обстановку, вызвавшую его создание. Мое расхождение с А. А. Шахматовым и

⁴⁵ ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 1.

⁴⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря, изд. Археографической комиссии СПб., 1911, стр. 91.

⁴⁷ Там же, стр. 96.

⁴⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 240 и сл.

⁴⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 105.

⁵⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 190.

⁵¹ Там же, стр. 18.

⁵² ПСРЛ, т. I, стр. 123.

его последователями сводится, прежде всего, к тому, что я не вижу оснований противопоставлять редакции «Повести временных лет» Нестора и Сильвестра с точки зрения их отношения к князьям Святополку и Владимиру Мономаху. Меня не убеждает версия о том, что свод Нестора защищал интересы Святополка в ущерб Владимиру Мономаху, а свод Сильвестра Выдубицкого держался совершенно противоположной ориентации. Совершенно не обоснованным представляется мне имеющееся в литературе мнение об обостренности отношений между Владимиром Мономахом и Киево-Печерским монастырем. Наиболее резко эту точку зрения выдвигает М. Д. Приселков. «По вступлении своем на золотой Киевский стол,— пишет он,— Мономах должен был открыть свое истинное направление в делах церковных, и мы видим, что... он сразу вступает в резкую борьбу с монастырем»⁵³ В то же время Святополка М. Д. Приселков считает князем, близким к Киево-Печерскому монастырю. «К 1098 г. Святополк сумел завоевать симпатии всех слоев Киева, не исключая тех, с кем как со сторонниками Мономаха имел столкновения в первые годы своего правления: и с первой дружиной и с Киево-Печерским монастырем».⁵⁴ Исходя из этой предпосылки, М. Д. Приселков признает Нестора летописцем, благожелательно относившимся к Святополку и несочувственно — к Мономаху. «...Нестор воспевал не только благодатную помощь монастыря, но и доблести руководителя походов — Святополка, тогда как новый киевский владелец (Владимир Мономах.— Л. Ч) себе желал приписать всю славу половецких разорений.. Именно эта часть работы Нестора над летописанием встретила резкое осуждение со стороны Мономаха».⁵⁵ В результате Мономах передал летописный свод Нестора на переделку игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру. Эта точка зрения не выдерживает критики при проверке ее показаниями источников. Достаточно пересмотреть все рассказы Киево-Печерского Патерика, в которых упоминается имя Владимира Мономаха, чтобы убедиться, что этот памятник, отражающий идеологию монастырской братии, сохраняет неизменно благожелательное отношение к названному князю. Приведем все, что говорит о Мономахе Патерик.

1. Слово первое. Речь идет о варяге Шимоне, передавшем Антонию печерскому принесенные с родины золотой пояс и венец с изображением Христа. Шимон был первый похоронен в основанной им Печерской церкви. «Отголе сын его Георгий велику любовь имевше ко святому тому месту. И бысть послан от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сий Георгий, дасть же ему на руце и сына своего Георгия. По летех же мнозех седе Георгий Владимирович в Киеве, тысяцькому ж своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую».⁵⁶ Итак, подчеркивается близость Владимира Мономаха и его сына Юрия Долгорукого к потомству варяга Шимона — строителя Печерской церкви.

2. Слово четвертое. Владимир Мономах явился очевидцем чудесного сошествия с неба огня, который выжег землю и создал основание для закладки Печерской церкви. Заболевший Владимир получил исцеление от золотого пояса, принесенного к Антонию варягом Шимоном. По выздоровлении Владимир построил церковь по образцу

⁵³ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 325.

⁵⁴ Там же, стр. 298.

⁵⁵ Там же, стр. 318.

⁵⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 5, 89.

Печерской в Ростове, а его сын Юрий Долгорукий — в Суздале. «Благоверный же князь Владимир Всеволодич Мономах, юн сый и самовидец быв тому дивному чудеси, егда огонь с небеси спаде и выгорияма, иде же основание церковное положиша поасомъ И се слышаша по всей земли Руской. Сего же ради Всеволод с сыном своим Володимером из Переяславля приеха видети такового великого чудеси. Тогда Владимир болен сый и тем поясом златым обложен бысть,— и ту абие здрав бысть молитвами святую отцю нашею Антониа и Феодосиа. И во своемъ княжении христороубець Владимир, взем меру божественна тоа церкви Печерьскыя, всемъ подобиемъ създа церковь в граде Ростове. Сын же того Георгий князь слыша от отца Владимира оже о той церкви сотворися, и той во своемъ княжении създа церковь во граде Суждале, в ту же меру». ⁵⁷

3. Слово 27. «О святемъ и блаженнемъ Агапите, безмездномъ врачю». Будучи болен, Владимир Мономах послал к печерскому игумену Ивану с просьбой отправить к нему врача Агапита. Но последний отказался, так как дал обет никогда не выходить за пределы монастыря. Тогда Владимир попросил, по крайней мере, прислать ему лекарство, и просьба его была удовлетворена Агапитом. По выздоровлении князь направился в монастырь, желая одарить Агапита золотом. Тот вначале отказался от подарка, затем, чтобы не огорчать Мономаха, взял золото, но выбросил его из кельи, а Владимиру велел передать, чтобы он все свое имение роздал нищим. «Князь же не сме преслушатися старца, но все имение свое раздасть нищим, по словеси блаженного». ⁵⁸

4. Слово 28. «О святемъ Григории чудотворци». В этом «Слове» благородное поведение Мономаха в отношении печерской братьи противопоставляется поведению его брата Ростислава. Ростислав наслыхался над иноком Григорием, и за это его постигла божья кара: он утонул во время похода на половцев. Владимир же Мономах, который приезжал в Киево-Печерский монастырь для молитвы, благополучно перебрался через ту самую реку Стугну, в волнах которой погиб его брат. «Владимерь же прииде в монастырь молитвы ради. И бывшии им у Треполя, и полком снемшимася, и побегоша князи наши от лица противных. Владимиръ же прееха реку, молитв ради святых и благословения. Ростислав же утопе с всеми своими вои, по словеси святаго Григориа Им же бо, рече, судом судите, судитися вам; в ту же меру мерите, възмерится вам». ⁵⁹

5. Слово 31. «О Прохори черноризци». Рассказывая о преследовании князем Святополком печерского игумена Иоанна, о ссылке его в Туров, Патерик подчеркивает, что игумен был освобожден благодаря Владимиру Мономаху. «Его же (Иоанна. — Л. Ч.) ем, Святоплък в Туров заточив, аще бы Владимиръ Мономах на сего не востал, его же убояся Святоплък встания на ся, скоро възврати с честию игумена в Печерьский монастырь». ⁶⁰

6. Слово 34. «О Алимнии иконнице». Темой «Слова» является, между прочим, чудо от «богонаписанных» икон, уцелевших во время пожара одной киевской церкви. Весть об этом событии дошла до Владимира Мономаха, который «иде видети бывшего тамо чудеси, еже о иконах: како не изгоре и како написашася божиимъ мановением». Одну из икон, спасшихся от огня, Владимир Мономах взял в Ростов и по-

⁵⁷ Там же, стр. 9, 194.

⁵⁸ Там же, стр. 94, 196—197.

⁵⁹ Там же, стр. 98, 200.

⁶⁰ Там же, стр. 109, 208.

ставил в церкви, им самим созданной. Там произошли новые чудеса во время падения ростовской церкви «та икона без вреда пребысть» Икону перенесли в деревянную церковь, которая скоро сгорела, но икона опять «без вреда пребысть, ни знамена огненнаго на себе имущи». ⁶¹

Итак, на протяжении всего Патерика сохраняется тон уважения к князю Владимиру Мономаху. Он относится, по рассказам Патерика, с исключительным благоговением к печерским святыням, он поддерживает самые близкие отношения с печерскими иноками, благодаря его авторитету Святополк вынужден прекратить преследования игумена Иоанна и вернуть его из ссылки из Турова. С показаниями Патерика относительно близости Мономаха к Киево-Печерскому монастырю в полном согласии находится и «Повесть временных лет». Так, под 1109 г. мы читаем в «Повести» о погребении в Киево-Печерском монастыре сестры Мономаха Евпраксии Всеволодовны. ⁶² Поэтому мне представляется правильным утверждение А. С. Орлова, что «Владимир Мономах и весь его род пользовались в Печерском монастыре благосклонным вниманием». ⁶³ Свою характеристику взаимоотношений Мономаха с Киево-Печерским монастырем М. Д. Приселков строил на предположении о грекофильских настроениях Мономаха, в то время как Киево-Печерский монастырь отстаивал идею автокефальности русской церкви, ее независимости от церкви греческой. Но, как замечает А. С. Орлов, «эта сфера взаимоотношений Руси и Византии наиболее загадочна и требует от исследователя особой осторожности и, так сказать, «чтения между строк». Постоянное напряжение поиска при недостаточности фактов грозит вылиться в подозрительность, в необоснованный скепсис. И нам думается, что именно такое умонастроение М. Д. Приселкова имело результатом скептическое отношение к действиям Мономаха и, в частности, обвинение его в грекофильстве». ⁶⁴

А. С. Орлову критика концепции М. Д. Приселкова была нужна для реабилитации Мономаха, оправдания его от обвинений в грекофильских тенденциях. А. С. Орлов не занимался историей летописания и из своих наблюдений не сделал никаких выводов относительно идеологии летописных сводов. Но если рушится утверждение о разрыве между Мономахом и Киево-Печерским монастырем, то нет никаких оснований противопоставлять свод Нестора, как дружественный Святополку, своду Сильвестра Выдубицкого, как отражавшему интересы дома Мономаха.

Отношение братья Киево-Печерского монастыря к Святополку все не было более доброжелательным, чем к Мономаху. Правда, в девятом слове Патерика с удовлетворением отмечается участие Святополка в подготовке канонизации Феодосия печерского. ⁶⁵ Но в слове 31 «О Прохоре черноризце» Патерик не жалеет красок для описания тяжелого режима Святополка в Киеве, облегчившего половцам возможность нападения на Русскую землю. «Бысть убо в дни княжения Святополча в Киеве. Много насилия людемъ сътвори Святополк, дома силныхъ до основания без вины искоренив, имениа многихъ отъем. И сего ради попусти Господь поганымъ силу имети над нимъ, и быша брани многы от половецъ. К сим же и усобица бысть в та времена,

⁶¹ Там же, стр. 124.

⁶² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 331.

⁶³ А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 55.

⁶⁴ Там же, стр. 63—64.

⁶⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 60.

и глад крепок, и скудета велиа при всем Руской земли». ⁶⁶ Еще раз напомню, что по Патерику только боязнь Мономаха заставила Святополка освободить из заточения обличавшего его игумена Иоанна. Поэтому вряд ли нужно придавать особенно большое значение, как это делают исследователи школы А. А. Шахматова — М. Д. Приселкова, заключительному замечанию «Слова о Прохоре черноризце» о том, что Святополк изменил свое поведение и стал с уважением относиться к Печерскому монастырю. «И оттоле убо Святополк, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и прихождаше в монастырь с благодарением поклоняся святей богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору, и всем преподобным отцем поклоняся, и исхождаше в путь свой» ⁶⁷ Достаточно указать, что в изложении того же Патерика поведение Мономаха было все время абсолютно безупречным, у него не было никаких колебаний в его взаимоотношениях с братьей и он не допускал никаких позорящих его поступков.

Если теперь принять во внимание, что А. А. Шахматов совершенно справедливо считал Патерик (именно ту его часть, которая восходит к «Посланию» Поликарпа) трудом, основанным на первой (Несторовой) редакции «Повести временных лет», ⁶⁸ то станет совершенно очевидной необоснованность квалификации свода Нестора как произведения, возмечивавшего Святополка в ущерб Мономаху.

Я в дальнейшем попробую ответить на вопрос, в чем заключалась разница между редакциями «Повести временных лет», принадлежащими Нестору и Сильвестру. Сейчас же для меня важно установить, что труд Нестора вовсе не был продиктован желанием возмечить Святополка и умалить значение деятельности Мономаха. Нестора можно считать человеком, сочувствовавшим Мономаху, и подходить к его труду следует как к произведению, задуманному вместе с Мономахом по вокняжении последнего в Киеве.

Что же могло послужить поводом для создания свода Нестора? Думаю, что сама «Повесть временных лет» дает на этот вопрос совершенно определенный ответ. На период, в течение которого могла быть окончена «Повесть временных лет» первой редакции (1113—1116), падает одно большое событие — освящение нового каменного храма в Вышгороде и перенесение туда рак с мощами Бориса и Глеба в 1115 г. Достаточно внимательно прочитать летописное описание события, ⁶⁹ чтобы убедиться, что это было не только крупное церковное торжество, но большой национальный праздник. Борис и Глеб рассматриваются летописцем как «заступники земли Русьстей», неуклонно оказывающие поддержку тем князьям, которые являются «поборниками отчъству своему». Поэтому акт торжественного перенесения мощей был совершен в присутствии князей из домов Всеволода и Святослава, митрополита, ряда епископов и игуменов и множества народа. Праздник продолжался три дня и сопровождался милостями народу.

Акту перенесения мощей Владимир Мономах придавал большое политическое значение. Права на старейшинство в Русской земле связывались с покровительством, оказываемым той или иной княжеской линии со стороны «заступников земли Русьстей» Бориса и Глеба. В этом отношении заслуживает внимания тот междукняжеский

⁶⁶ Там же, стр. 106, 206.

⁶⁷ Там же, стр. 109, 209.

⁶⁸ А. А. Шахматов, Повесть временных лет, стр. XII—XV.

⁶⁹ Там же, стр. 352—355.

инцидент, который разыгрался в Вышгородской церкви. Владимир Мономах хотел поставить мощи Бориса и Глеба посредине церкви, воздвигнув над ними «терем сребрен». Но это желание Мономаха встретило противодействие со стороны черниговских князей Давыда и Олега Святославичей. Они настаивали на том, чтобы мощи были расположены в правой стороне церкви, «в комару, иде же отць мой, рече, назнаменал». Имеется в виду отец Олега и Давыда князь Святослав Ярославич черниговский. По предложению митрополита и епископов спор был решен по жребию, причем жребий выпал Святославичам. Надо сказать совершенно определенно, что этот спор не носил случайного характера, а являлся разногласием большого принципиального политического значения. Он не впервые возник в 1115 г., а имел давнее происхождение. Борьба за первенство между отдельными линиями потомства Ярослава Мудрого сопровождалась попыткой отдельных претендентов на старшинство заручиться покровительством наиболее популярных национальных святых Бориса и Глеба. Еще Святослав «умысли [в Вышгороде] създати церковь камену святыма и създав ю до 50 лакоть възвышен, преставися». Его дело продолжал Всеволод Ярославич, который почти закончил постройку: «и яко бысть свершена, и абие на ту ночь врутися ей верх и скрушися вся». ⁷⁰ Святополк Изяславич «на много времена творяще праздник, часто приходя Вышегороде летом». С ним соревновался Мономах, который в 1102 г. позолотил раки Бориса и Глеба. ⁷¹ Олег Святославич в 1111 г. достроил в Вышгороде каменную церковь. Желая превзойти Олега Святославича, Мономах устроил в новой церкви великолепный «терем сребрен», восхищавший очевидцев: «яко не могут сказати оного оухыщрения, по достоянию довольне, яко многом приходящим от грек и инех земель глаголати: нигде же сиея красоты бысть, а многих святых раки видели есмы». ⁷² Несмотря на неблагоприятное разрешение жребием соревнования со Святославичами в 1115 г., Мономах продолжал свои заботы о распространении культа памяти Бориса и Глеба, считая это своим политическим делом. «Повесть временных лет» указывает, что по окончании торжественного праздника в Вышгороде в 1115 г. «разидошася къждо в свояси. Володимер же окова раце сребрьмь, и позлати, такоже и комаре покова сребрьмь, и украси гроба ею, има же поклоняються людие, просяще прощения грехом». ⁷³ В 1117 г. Владимир заложил каменную церковь на Альте — месте убийства Бориса. ⁷⁴

Итак, несомненно, что Мономах, придавая большой политический смысл культу памяти Бориса и Глеба, стремился свои собственные действия в качестве киевского князя освятить авторитетом этих русских святых. Мы вправе поэтому думать, что и создание летописного свода, дающего определенную концепцию русской истории (первой редакции «Повести временных лет»), было связано с церковно-политическим торжественным праздником 1115 г.

Если мой вывод является правильным, то тогда становится понятным и привлечение Нестора в качестве составителя «Повести временных лет». Как известно, Нестор кроме «Повести временных лет» является автором еще двух литературных произведений: 1) «Чтения о жи-

⁷⁰ И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе, Сильвестровский сборник XIV в., СПб., 1860, стр. 81

⁷¹ Там же, стр. 84—85.

⁷² Там же, стр. 85.

⁷³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 355.

⁷⁴ Там же, стр. 358.

тии и погублении блаженную страсотерпцю Бориса и Глеба»; 2) «Жития отца нашего Феодосия игумена Печерского монастыря». Для моих целей интерес представляет прежде всего первый памятник, так как он по тематике имеет непосредственное отношение к событию 1115 г. По вопросу о его датировке в литературе имеются разногласия. А. А. Шахматов относит его ко времени между 1081 и 1088 гг.⁷⁵ С. А. Бугославский убедительно оспаривает этот вывод и датирует «Чтение» временем около 1108 г., и во всяком случае после Любечского съезда 1097 г.⁷⁶ Точка зрения С. А. Бугославского представляется мне более правильной уже потому, что, исходя из нее, можно все три произведения Нестора отнести к одному, зрелому периоду его творчества. Если принять версию А. А. Шахматова, то придется допустить разрыв между «Чтением» и «Повестью» по крайней мере в четверть столетия. Правда, сам С. А. Бугославский отнюдь не руководствовался такими соображениями. Напротив, считая «Чтение» и «Житие» Феодосия памятниками начала XII в. и обнаруживая некоторые различия между ними и «Повестью временных лет», С. А. Бугославский был склонен отрицать авторство Нестора в отношении «Повести временных лет». Но об этих неосновательных сомнениях С. А. Бугославского я скажу несколько слов ниже.

В пользу датировки «Чтения» о Борисе и Глебе временем около 1118 г. можно привести следующие соображения. Все исследователи сходятся в признании «Чтения» и «Жития» Феодосия памятниками, близкими по времени. А в «Житии» Феодосия имеются указания, которые прямо ведут нас к названной дате — около 1108 г. Именно говорится о праздновании памяти Феодосия как святого, если еще не канонизированного, то во всяком случае признанного церковью святым. В начале «Жития» читаем: «начатъкъ словоу съписаниа [аз] положих еже о житии преподобного отца нашего Феодосия бывша игумена манастиря сего святаы владычице нашаа богородице, его же и день оупение ныне празднуююще память творим».⁷⁷ Цитированное место «Жития» непосредственно связывает его с 1108 г., когда Святополк, по просьбе игумена Киево-Печерского монастыря Феоктиста, распорядился вписать имя Феодосия в синодик, и его стали поминать во всех церквах. Это было частичное признание святости Феодосия, но не полная канонизация.⁷⁸ «Повесть временных лет» рассказывает об этом так: «В семь же лете вложи бог в сьрдьце Феоктисту, игумену печерьскому и нача възвещати князю Святопълку дабы вписал Феодосия в синодик; и рад быв, обещаюся се сьтворити. И повеле митрополиту вписати и в синодик, еже и сьтвори митрополит повеле же вписувати по всем епискупиям. Вси же епископи с радостию вписаха, и поминають ѿ на въсех съборех».⁷⁹ Обращаю также внимание на слова «Повести временных лет» о том, что Святополк «веды житъе его (Феодосия)» и «нача оузвещати житъе Федосьево», т. е. Святополк начал распространять какое-то, очевидно специально составленное, жизнеописание Феодосия. Все данные говорят за то, что речь идет о труде Нестора. Приведу еще содержащееся в «Житии»

⁷⁵ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 56, его же. Повесть временных лет, стр. LXXVII.

⁷⁶ С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. «Известия отд. русск. языка и словесности АН», 1914, кн. 1, стр. 131—186; кн. 3, стр. 153—191.

⁷⁷ Сборник XII в. Московского Успенского собора, изд. А. Шахматовым и П. Лавровым. М., 1899, стр. 41.

⁷⁸ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 316.

⁷⁹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 330.

обращение к Феодосию одного боярина «веде, отче, яко свят еси и се время пришло есть»⁸⁰ Это высказывание можно понять тоже только в связи с летописным сообщением о вписании имени Феодосия в синодик в 1108 г. М. Д. Приселков, датирующий «Житие» вслед за А. А. Шахматовым 1081—1088 гг., объясняет появление памятника в это время ожиданием скорой канонизации Феодосия, которая не состоялась.⁸¹ Но никаких данных, подтверждающих эту точку зрения, у автора нет

«Житие» Феодосия написано после «Чтения» о Борисе и Глебе. Об этом говорит сам Нестор: «Се бо исперва ми исписавшу о житии и о биении и о чудесех святых и блаженных страстотерпец Бориса и Глеба, понудихся и на второе исповедание приити».⁸² Следовательно, вывод С. А. Бугославского о появлении «Чтения» в период после 1097 г. и близко к 1108 г. вполне совпадает с предложенной выше датировкой «Жития». Создание «Чтения» Нестором в начале XII в. становится понятным в свете тех мероприятий русских князей (Святополка, Олега, Владимира) по увековечению памяти Бориса и Глеба, которые, как мы видели, падают как раз на указанное время. К 1107 г. летопись относит особенно близкие отношения между Святополком и Киево-Печерским монастырем. После похода против половцев Святополк в августе 1107 г. «приде в Печерський монастырь на заутрню на успение святыя богородица, и братия целоваша и с радостию великою, глаголюще, яко врази наши побезени быша молитвами святыя богородица и святого отца нашего Феодосия». Рассказав об этом посещении, летопись прибавляет: «так бо обычаи имеяше Святопѣлк: коли идяше на воину, или инамо, ноли поклонився у гроба Феодосиева и молитву възметь у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой».⁸³ Предание приписывало перемену в поведении Святополка вмешательству Бориса и Глеба.⁸⁴

Итак, я представляю себе историю создания первой (Несторовой) редакции «Повести временных лет» следующим образом. Еще в княжение Святополка, в начале XII в., около 1108 г., в период близости Святополка к Киево-Печерскому монастырю, Нестор написал два произведения: «Чтение» о Борисе и Глебе и «Житие» Феодосия. После вокняжения Мономаха, когда готовилось торжественное перенесение мощей Бориса и Глеба, Мономах решил отметить это событие созданием летописного свода. Естественно, он обратился к Нестору, известному ему своими литературными трудами в области той тематики, которая имела в то время особенно актуальное, широкое общесоциальное значение. Ведь «Чтение» о Борисе и Глебе отражало тот злободневный интерес к личности двух князей, патронов Русской земли, который особенно ярко выявился в начале XII в.

«Чтение» о Борисе и Глебе было не просто «житием» церковного типа. Это было произведение философско-исторического характера. В нем давалась определенная концепция мировой истории. Язычество — общий удел человечества. «Умножемся человеком по земли и видев ненавидя рода человека диявол умножения человек, сотвори им кланятися идолом, а не богу». Возвращение к христианству всех народов произошло через апостолов, но Русская земля долгое время

⁸⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 55.

⁸¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 229—232.

⁸² Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 14.

⁸³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 329.

⁸⁴ И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 84.

оставалась вне христианства. Это была не ее вина, это объясняется тем, что в Русь не ходили апостолы. «Не беша бо ни апостоли ходили к ним, никто же бо им проповедал слова божья». В связи с этим Нестор приводит притчу о хозяине виноградника, который призывал к себе работников в разное время, но награждал их одинаково. Русскую землю бог призвал к себе в последнюю очередь. Это случилось во времена Владимира, который крестился сам, по собственному желанию и прозрению: «Сему Владимиру явление божие быти ему христиану сотвори же». Столь же добровольным было и крещение русского народа. Никто не сопротивлялся, ни бояре, ни простые люди «ни единому супротивящеся, но акы издавна научены, тако течаху, радующеся, к крещению». Призванный последним к богу, русский народ тем не менее занимает первое место на всемирно-исторической арене. Такова одна идея произведения.

Другая идея — это обоснование принципа старейшинства. Высокий пример погибших Бориса и Глеба должен был внушить князьям спасительную мысль о необходимости покоряться старшему князю и прекратить распри. «Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста к старейшу брату. Си аще бо быста сопротивилися ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена ют бога. Мнози бо суть ныне детскы князи не покоряющеся старейшим и супротивляющеся им и убиваемы суть. ти не суть такой благодети сподоблени, яко же святая сия».⁸⁵

М. Д. Приселков рассматривает «Чтение» о Борисе и Глебе как публицистическое произведение 80-х годов XI в. Тезис Нестора о независимости русского христианства от апостольского учения М. Д. Приселков считает ответом на письмо византийского императора Михаила Дуки Всеволоду, в котором заключался намек на просвещение Руси апостолом Андреем. Укор «детским князьям», не покоряющимся старейшему брату, содержит, по мысли М. Д. Приселкова, намек на события 1078—1079 гг. — выступления князей Романа и Олега Святославичей и Бориса Вячеславича против Всеволода.⁸⁶ Между тем те мысли, которые мы находим в «Чтении», непосредственно сближают его с «Повестью временных лет» и заставляют говорить о близости и по времени появления и по идейной направленности обоих названных памятников. Действительно, в параллель выше приведенным рассуждениям Нестора о борьбе язычества с христианством как явлении общем для всех стран и об отсутствии апостольской проповеди на Руси, что не помешало ей прийти к христианству, — можно привести два текста из «Повести временных лет». В них также речь идет о дьяволе, изгнанном из всех христианских стран и собиравшемся найти пристанище в Русской земле в надежде, что сюда не дошло учение апостолов, но потерпевшем поражение. Первый текст — это рассказ о варягах-мучениках: «Бяху бо тьгда челоуеци невегласи и погани. И диявол радовашеся сему, не веды, яко близь погыбель хотяше быти ему. Тако бо и преже тьшася погубити род хрьстияньскыи, нъ прогоним баше крьстьмь чьстьнымь в инех странах; съде же мьняшеся оканьнии, яко съде ми есть жилище, сде бо не суть учили апостоли, ни пророци прорекли... Аще бо и тельмь апостоли не суть съде были, нъ учения их акы трубы гласять по вселеней в църквах, чьмь же учениемь побежаем противнаго врага, попирающе под но-

⁸⁵ Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Жития Бориса и Глеба, под ред. Д. И. Абрамовича, П., 1916, стр. 2—10.

⁸⁶ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 233—234.

«е». ⁸⁷ Второй текст относится к крещению Руси Владимиром. Приводятся сетования дьявола. «Увы мне, яко отсюду прогоним есмь! Съде бо мьнеях жилище имети, яко съде не суть учения апостольска, ни суть ведуще бога, нъ веселяхся о службе их, еже служаху мне. И се уже побежаем есмь от неведглас, а не от апостол, ни от мученик; не имам уже цесарьствовати в странах сих». ⁸⁸ Я думаю, вряд ли можно отрицать, что два только что рассмотренных места «Повести временных лет» проникнуты теми же самыми мотивами, что и «Чтение» о Борисе и Глебе, с его концепцией борьбы язычества и христианства и победы последнего во всем мире. позднее всего в Русской земле, которую дьявол напрасно рассматривал как свое последнее убежище.

Сближает «Повесть временных лет» с «Чтением» о Борисе и Глебе также общее обоим памятникам стремление осудить княжеские усобицы. Это стремление было особенно актуальным в период после событий, связанных с Любечским и Витичевским съездами. Я хочу привести один только пример, который, по-моему, великолепно показывает органическое единство обоих изучаемых произведений и свидетельствует, что идеи «Чтения» находили практическое применение в политической действительности начала XII в. (когда, очевидно, «Чтение» и было создано). Под 1101 г. в «Повести временных лет» говорится о рати князя Ярослава Ярополчица против Святополка. Последний «оковал» Ярослава и привел его в Киев «И молися о немъ митрополит и игумены и умолиша Святопълка и заводиша и *у раку святою Бориса и Глеба*, и сняша с него оковы и пустиша и». ⁸⁹ Междукняжеский спор разрешается у раки Бориса и Глеба, и запись о ликвидации распри вносится в летописный свод Нестора. Перед нами лишнее подтверждение выдвинутого положения о создании «Повести временных лет» первой редакции в связи с общерусским праздником перенесения мощей Бориса и Глеба.

Последний вопрос, по поводу которого надо сказать несколько слов, — это вопрос о некотором различии (по литературной форме и содержанию) между «Повестью временных лет», с одной стороны, и «Чтением» о Борисе и Глебе и «Житием» Феодосия — с другой. Исходя из этого различия, С. А. Бугославский пришел к выводу о невозможности считать Нестора одновременно автором всех трех произведений. Поскольку о принадлежности Нестору «Чтения» и «Жития» имеются прямые указания в тексте самих памятников, постольку С. А. Бугославский оспаривал авторство Нестора в отношении «Повести временных лет.» А. А. Шахматов объяснял фактические и стилистические расхождения между «Чтением» и «Житием», с одной стороны, и «Повестью» — с другой тем, что первые два произведения от третьего отделяет 25-летний промежуток времени. Но если даже датировать «Чтение» и «Житие» началом XII в., то это вовсе не противоречит нашему представлению о Несторе как составителе «Повести временных лет». Надо учитывать, что по своему характеру и задачам «Повесть временных лет» — произведение иного типа, чем «Житие» и «Чтение», требующее иных литературных приемов и иного подбора исторических фактов. С другой стороны, при составлении «Повести временных лет» Нестору пришлось считаться с готовыми, более ранними летописными сводами, которые он положил в основу своего произведения и которые предопределили в известной мере его собственный творческий путь как в смысле средств литературного оформления, так и фактического запаса.

⁸⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 101.

⁸⁸ Там же, стр. 150.

⁸⁹ Там же, стр. 320.

4. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Вторая редакция «Повести временных лет», как явствует из приписки к тексту Лаврентьевского списка, относится к 1116 г и принадлежит игумену Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестру. После трудов А. А. Шахматова считается, что работа Сильвестра выразилась в редакционной переработке текста Нестора в части, главным образом относящейся к княжению Святополка. Сильвестр «устранил из Несторовой летописи все то, что могло быть неприятно новому князю, и вставил в свой свод несколько статей, благоприятных Мономаху». ⁹⁰

Выше я старался показать необоснованность традиционного взгляда на первую редакцию «Повести» как на труд, близкий по своим симпатиям Святополку и враждебный Владимиру Мономаху. Я привел данные, указывающие на то, что составление «Повести временных лет» могло быть поручено Нестору в княжение Мономаха самим Момахом. Поэтому у нас нет оснований думать, что редакция Святополка выразилась в устранении из произведения Нестора того материала, который выдавал в нем приверженца Святополка в ущерб интересам Мономаха. Очевидно, переработка шла по другой линии.

Я обращаю внимание на то, что в Лаврентьевской летописи, содержащей приписку Сильвестра, полностью отсутствуют (по сравнению с летописью Ипатьевской) события за 1110—1116 гг., т. е. все события княжения Мономаха. Редакция Нестора, возникшая в связи с перенесением мощей Бориса и Глеба в 1115 г., конечно, заканчивалась описанием этого торжественного акта. Значит, по каким-то причинам Сильвестр выпустил материал, относящийся к вокняжению Мономаха и первым годам пребывания его на киевском столе, намереваясь подвергнуть этот раздел переработке, но не осуществив своего намерения. В каком направлении должна была идти переработка? Можно только догадываться, что в двух: политическом и социальном.

Политически, насколько это можно судить по статье 1115 г., наиболее острый вопрос представляло отношение Мономаха не к умершему Святополку Изяславичу, а к живым (в момент составления труда Нестора) и сохранявшим права и притязания на киевский стол Святославичам. Отсюда знаменитый спор в церкви за место, куда надлежало поставить раки с мощами Бориса и Глеба. Перенесение мощей было в мае, а в августе 1115 г. умер давний и многолетний противник Владимира Мономаха, знаменитый представитель черниговской княжеской линии, князь Олег Святославич. ⁹¹ Это совпало с походом Владимиром Момахом против Глеба Минского в союзе с Давыдом Святославичем (братом Олега) и Ольговичами (в 1116 г.). ⁹² Я думаю, что именно эти события междукняжеских отношений: устранение с политической арены крупнейшего соперника и перегруппировка политических сил в лагере Всеволодовичей — Святославичей — дали возможность пересмотреть труд Нестора в части, наиболее близкой к современности. Такой пересмотр был вызван не недостатками самого труда, а изменившейся политической конъюнктурой, давшей Момаху возможность более определенно заявить свои права на Киев. Что политическое соревнование двух ветвей потомства Ярослава Мудрого — Всеволодовичей и Святославичей — сохраняло свое значение в начале XII в., об этом свидетельствует сопоставление заголовков к Правде Ярославичей по Краткой и Пространной редакциям Русской Правды.

⁹⁰ Там же, стр. XXVII.

⁹¹ Там же, стр. 355

⁹² Там же.

В Пространной редакции князя — участники совещания, принявшего устав, перечислены в порядке реального старшинства. Изяслав, Святослав, Всеволод. В Краткой редакции — порядок иной. Изяслав, Всеволод, Святослав. В этой нарочитой последовательности можно усмотреть намеренное желание выдвинуть потомство Всеволода на первое место по сравнению с линией Святослава. Если принять гипотезу о составлении Пространной Правды во время княжения в Новгороде внука Мономаха — Всеволода Мстиславича, то тогда станет ясным, что в заголовке к Правде Ярославичей и в летописании Мономаха нашли отражение одинаковые политические тенденции.

Ниже я постараюсь доказать, что предшествующий «Повести временных лет» Нестора более ранний летописный свод (так называемый Начальный) был доведен до описания Любечского съезда, на котором разбиралось поведение Олега Святославича. Это очень показательно. Значит три последовательных свода (Начальный, «Повесть временных лет» первой редакции, «Повесть временных лет» второй редакции) относились с интересом к личности Олега и его взаимоотношениям с Мономахом. Согласно своду Нестора, повидимому, хозяином торжества 1115 г. являлся Олег; у него обедали собравшиеся в Вышгороде князья и духовенство.⁹³ После смерти Олега об этом можно было сказать иначе.

Вторая тема, разработка которой в труде Нестора могла не удовлетворять Мономаха, — это социальная политика данного князя. Известно, в какой напряженной обстановке Мономах занял киевский стол. В городе было восстание. Киевляне «разграбиша» двор тысяцкого Путяты и собирались так же поступить с монастырями.⁹⁴ Угроза в отношении монастырей, о которой говорит Ипатьевская летопись, была, повидимому, достаточно реальной, поэтому сведения о «мятеже» 1113 г. сохранились в некоторых церковных памятниках «..много мятежю и крамоле бывшии в людех и молве не мале, и тогда совокупившися вси людие, паче же большии и нарочигии мужи, шедшие причтомь всех людей и моляху Володимира, да вшед уставить крамолу сущюю в людех; и вшед, утоли мятеж и голку в людех»⁹⁵

После водворения в Киеве Мономах, как известно из Пространной редакции Русской Правды, издал в селе Берестовом устав, к которому безусловно относятся законоположения о «резах», «закупах» и, повидимому, некоторые другие разделы Русской Правды. Поражает полное отсутствие прямых упоминаний об этих мероприятиях в «Повести временных лет». Между тем в своем «Поучении» Мономах ставил себе в заслугу, что он «худого смерда и убогие вдовице не дал есмь сильным обидети».⁹⁶ Митрополит Никифор в своем «Послании» называл Владимира «устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду посреде земля»⁹⁷ Очевидно, Мономах придавал значение своей репутации социального преобразователя.

Умолчание «Повести временных лет» о реформах Мономаха не случайно. Повидимому, вопрос о том, как изложить эти реформы, был не столь простым. Мы не знаем точно, в какой мере устав Мономаха удовлетворил и удовлетворил ли вообще народные массы. Б. Д. Греков, уделивший много внимания деятельности Мономаха, отмечает, с одной стороны, «революционное происхождение законодательства о

⁹³ Так сейчас рассказывается в Ипатьевской летописи.

⁹⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 348.

⁹⁵ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде М.—Л., 1941, стр. 148.

⁹⁶ А. С. Орлов. Указ соч., стр. 210, Сборник XII в. московского Успенского собора, стр. 39.

М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 211.

закупах», с другой — говорит скорее о «декларативности» этих законодательных статей, «рассчитанной на политический эффект», о гарантиях чисто «словесного» характера.⁹⁸ Мы не знаем, что писал и писал ли что-либо вообще прямо по этому поводу Нестор под 1113 г. Но при переработке свода Нестора вопрос об уставе Мономаха вряд ли был совсем безразличной темой для составителей.

Я думаю, что следы этого интереса к уставу Мономаха (правда, не в части закупок) сохранились в «Повести временных лет», только не под 1113 г., а под 996 г., где содержится следующий рассказ летописи о временах князя Владимира Святославича: «Живяше же Володимер в страхе божии, и умножишася разбоеве, и реша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почьто не казниши их? Он же рече. боюся греха. Они же реша ему: ты поставлен еси от бога на казнь злым, а на милование добрым; достойти ти казнити разбойника, но с испытанием. Володимер же отвырг виры, нача казнити разбойники. И реша епископи и старьци: рать многа, а еже вира, то на оружии и на коних буди. И рече Володимер: да тако буди. И живяше Володимер по устроению дедню и отню».⁹⁹

Данный летописный текст подвергался неоднократно комментариям. Исследователи при этом слишком доверчиво подходили к нему, не сомневаясь в его достоверности для X в. Между тем представляется весьма вероятным, что летописный рассказ является продуктом письменности XII в., вышел из-под пера летописца — современника Владимира Мономаха и навеян социальной действительностью этого времени. «Разбой» (как и «грабеж» и «татьба») был одной из форм протеста социальных низов против гнета, порождаемого процессом феодализации. Описывая борьбу с разбоями Владимира Святославича с благословения епископов, летописец тем самым давал религиозную и моральную санкцию карательным мероприятиям своего времени, направленным к подавлению социальных выступлений.

Законоположения, которые нуждались в оправдании летописца путем ссылки на прошлую деятельность князей, сохранились в ряде статей Русской Правды. Они довольно свободно выделяются из текста и связываются в целостный устав о вине и об ответственности верви за преступления (ст. ст. 4—8, 18—22, 35, 70, 77, 83, 84). Обращаясь к анализу указанной группы статей, мы сразу попадаем в атмосферу классовой борьбы в феодальном обществе, знакомой нам по вотчинному регламенту Ярославичей XI в. Наиболее резкие проявления этой борьбы — разбой, поджог гумна или двора и татьба коня — влекут за собой суровую «казнь». Поток и разграбление, выдачу князю преступника с семьей и имуществом. Поток и разграбление — акт феодальной юстиции, для которого летописцу понадобились религиозная санкция и историческая аргументация. Особо выделяется и повышенно наказывается наряду с разбоем злоумышленное убийство («разбой без всякой свады»). Много внимания уделяется вопросу об ответственности верви за преступление, совершенное ее сочленом, о коллективной уплате виры («дикая вира») за убийство. Такова же статья, предписывающая верви платить продажу за укрывательство «татя», обвинявшегося в уничтожении земельных знаков или охотничьих приборов («аще будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя, ли платити продажу»). Наконец, к той же группе постановлений относится статья, возлагающая на вервь, к которой приведут следы

⁹⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 4-е изд., М.—Л., 1944, стр. 116.

⁹⁹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 161.

скрывшегося «татя», обязанность или отвести («отсочить») от себя эти следы или же, в противном случае, взять на себя платеж «татьбы и продажи». Под 996 г. речь идет о двух не исключających друг друга, а дополняющих реформах. поток и разграбление — за разбой, виры — за простое убийство, т. е. о том, о чем говорит Русская Правда.

Я думаю, что все разобранные статьи Русской Правды входили в устав Мономаха (наряду со статьями о закупах), и их имел в виду летописец, вспоминая о Владимире Святославиче и перенося настоящее в прошлое. Во всяком случае летописный текст под 996 г. совершенно отчетливо выдает свое позднее происхождение. Достаточно сравнить его с предисловием к «Софийскому временнику» (по А. А. Шахматову — Начальному своду), чтобы убедиться в целом ряде общих мотивов.¹⁰⁰ Я считаю, что в летописной статье под 996 г. имеется ответ со стороны «Повести временных лет» (Нестора или Сильвестра — сказать трудно) составителю Начального свода. Последний ставил вопрос об «оскудении» земли в результате сбора многих вири и продаж. А «Повесть временных лет» под 996 г. проводит другую точку зрения: виры нужны, ибо «рать многа, а еже вира, то на оружии и на коних буди». Составитель Начального свода говорил о бескорыстии прежних дружинников, не требовавших с князя злата. «Повесть временных лет» под 996 г. отвечает: старые князья сами понимали, что с дружиною они «доншутся» серебра и злата, но серебром и златом себе дружины не «налезут».

Итак, устав Мономаха 1113 г. поставил перед русским летописанием заново большую тему социальной политики. Чем отличалось ее решение Нестором от решения, которое хотел дать Сильвестр, сказать, за неимением материала, нельзя. Но интерес к этой теме, вероятно, в такой же мере определил появление второй редакции «Повести временных лет», как и интерес к взаимоотношениям князей Всеволодовичей и Святославичей. «Рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей» о закупах (Б. Д. Греков) в «Уставе» Мономаха сочеталась с проведением ряда мероприятий, направленных к закреплению классовых позиций феодалов. Эта внешняя противоречивость законодательства Мономаха делала сложным и ответственным его летописное изложение.

5. ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Третья редакция «Повести временных лет» датируется на основе сопоставления известий 1096 и 1114 гг. Под 1096 г. находим сообщение о том, что один из составителей «Повести временных лет» за четыре года до написания своего труда слышал рассказ новгородца Гюраты Роговича о северных народах: Печере, Югре, Самояди.¹⁰¹ Под 1114 годом тот же летописец, будучи в Ладогe, собирал сведения о странах, лежащих за Югрой и Самоядью.¹⁰² Очевидно, в обоих случаях имеется в виду одно путешествие летописца для пополнения своих знаний, падающее на 1114 г. Поскольку труд написан через четыре года после путешествия, постольку можно его датировать 1118 г. Такова дата третьей редакции «Повести временных лет», согласно изысканиям А. А. Шахматова.

Обстоятельства создания третьей редакции «Повести временных лет» в литературе, по-моему, еще разьяснены недостаточно.

¹⁰⁰ Софийская первая летопись. ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 8—9.

¹⁰¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 293.

¹⁰² Там же, стр. 349.

М. Д. Приселков пишет так. «В 1117 г. Владимир Мономах, по каким-то, нам неясным, соображениям решил вызвать на юг своего старшего сына и наследника по Киеву — Мстислава, занимавшего тогда новгородский стол. На смену Мстиславу Мономах послал в Новгород сына этого Мстислава, своего внука, а самого Мстислава удержал подле себя в Киеве до самой своей смерти. Вот с этим событием Мономаха находится в связи появление новой обработки и продолжения «Повести временных лет», теперь называемой третьей редакцией «Повести временных лет». ¹⁰³ Из приведенного текста ни причины вызова Мстислава из Новгорода в Киев, ни причины создания новой редакции «Повести временных лет» неясны. Не прибавляет нового материала в этом отношении и исследование Д. С. Лихачева. Он только подчеркивает, что «Повесть временных лет» в третьей редакции является личной летописью Мстислава. «Таким образом, Мстислав в своей заботе о личном летописании поступал по заветам своего отца Мономаха. Так же, как Мономах, он озабочен ведением официальной летописи своего княжения, возможно, что, так же, как Мономах, он лично ведет летописные записи». ¹⁰⁴

Между тем сама «Повесть временных лет» дает указания на условия создания третьей редакции памятника. Очень важно обратить внимание на то, в какой связи говорится о переводе Мстислава из Новгорода. Под 1117 г. читаем: 1) «Приведе Володимер Мьстислава из Новагорода, и дасть ему отць Белгород, а Новегороде седе Мьстиславичь, сын его, внук Володимеров»; 2) «В се же лето иде Володимер на Ярослава к Володимерю, и Давыд и Ольговичи и Володарь и Василько, и отступиша и в городе Володимери, и стояша дньи шестдесят, и створиша мир с Ярославьм. Ярославу покорившюся и ударившю чельмь пред стрьемь своимь Володимерьмь». ¹⁰⁵ Из анализа приведенного текста делаю сразу два вывода: 1) Замена Мстислава в Новгороде Всеволодом Мстиславичем и переход Мстислава на юг объясняются желанием Мономаха иметь при себе сына ввиду ушибы, которую начал в 1117 г. Ярослав, сын Святополка Изяславича. 2) Составление третьей редакции «Повести временных лет», падающее на 1118 г., время вслед за ликвидацией выступления Ярослава, в какой-то мере связано с этой ушибой и ставило своей задачей дать ее освещение под определенным углом зрения. Вот когда должна была сделаться предметом внимания летописца проблема взаимоотношений между Святополком Изяславичем и Владимиром Всеволодовичем, а не в 1113—1115 гг., когда более актуальное значение имели противоречия Всеволодовичей со Святославичами. Сейчас естественно мог быть осуществлен и пересмотр некоторых событий княжения Святополка.

Если так понимать задачи третьей редакции «Повести временных лет», то становятся понятными многие ее особенности. Так, под 1096 г. в Лаврентьевской летописи помещено «Поучение» Мономаха. Оно находится как раз перед рассказом новгородца Гюряты Роговича о северных народах, а этот рассказ относится, как мы видели, к третьей редакции «Повести временных лет». ¹⁰⁶ Значит, связь «Поучения» с третьей редакцией совершенно несомненна. Представляет интерес, что перечь походов Мономаха в автобиографической части «Поучения» заканчивается борьбой с Ярославом Святополчицем в 1117 г.: «и потом

¹⁰³ М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 43.

¹⁰⁴ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰⁵ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 357.

¹⁰⁶ Там же. стр. VIII.

ходихом к Володимерю на Ярославца не терпяче злюб его». ¹⁰⁷ Это подтверждает данное выше определение задач редакции 1118 г. как труда, освещающего борьбу Мономаха с Ярославом и его отцом Святополком.

А А. Шахматов и его последователи считают, что место, занимаемое «Поучением» в Лаврентьевской летописи, случайное; «Поучение» попало под 1096 г в силу ряда внешних причин. «Представляется вероятным,— пишет А. А. Шахматов,— что и Поучение и статья о беседе летописца с Гюрятой Роговичем вставлены в Л[аврентьевский список] из одного общего источника (причем перенесение вместе с названною статьей текста Поучения обязано какой-нибудь механической причине, например, перебивке листов в «подсобном» источнике)». ¹⁰⁸ Согласно предположениям М. Д. Приселкова, в оригинале Лаврентьевской летописи «Поучение» было вложено вначале, а затем механически переложено в случайно открытое место книги, а Лаврентий так его и скопировал.

Меня эти объяснения не удовлетворяют. По-моему, место, занимаемое «Поучением», осмысленно. Оно не только связано с рассказом Гюряты Роговича (это связь по происхождению, так как оба текста внесены в «Повесть временных лет» составителем третьей редакции), но и с рассказом об ослеплении Василька Ростиславича в 1097 г. В литературе уже давно выяснено, что описание ослепления Василька и последующих событий под 1098—1099 гг. представляет собой особую повесть, принадлежащую перу галицкого попа Василия. Она была внесена, как думает А. А. Шахматов, во вторую (Сильвестровскую) редакцию «Повести временных лет». ¹⁰⁹ Я не могу с этим согласиться. И «Поучение» Мономаха, и рассказ Василия относятся к одной (третьей) редакции «Повести временных лет», так как они органически между собой связаны. «Поучение» Мономаха не случайно помещено в Лаврентьевской летописи как раз перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы этого времени.

Я обращаю внимание на три обстоятельства.

1) Поучение Мономаха начинается с сообщения о том, как князя-автора встретили на Волге послы от его братьев, с предложением выгнать Ростиславичей из их волости. Кончается перечень походов Мономаха известием о выступлении его против Ярослава Святославича. Значит, корни усобицы 1117 г. Мономах возводил глубоко, к событиям еще Любечского съезда, после которого пострадали Ростиславичи (Василько и Володарь), и пострадали в результате политики Святополка, отца Ярослава. Таким образом, объясняется соседство в Лаврентьевской летописи «Поучения» и повести попа Василия и роль этих источников в освещении событий XII в.

2) В походе Владимира Мономаха 1117 г. против Ярослава участвовали Давыд Святославич, Ольговичи, Ростиславичи (Володарь и Василько), т. е. действующие лица драмы конца 90-х годов XI в. или же их потомки. Эта расстановка сил указывает на то, что мысль составителя третьей редакции «Повести временных лет», направляемая самим Мономахом, от 1117 г. углублялась в прошлое — к событиям 1096 и следующих годов.

3) В изложении попом Василием событий ослепления Василька вина падает на Святополка. Мономах же в союзе с Олегом и Давыдом Святославичами выступает против него в защиту Ростиславичей ¹¹⁰

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 104.

¹⁰⁸ А. А. Шахматов, *Повесть временных лет*, стр. VI.

¹⁰⁹ Там же, стр. XXXI—XXXVI.

¹¹⁰ Там же, стр. 305—306.

А в 1117 г. Давыд Святославич, сыновья Олега Святославича, Ростиславичи помогают, в свою очередь, Мономаху в борьбе с сыном Святополка. Отсюда я заключаю: поскольку вторая редакция «Повести временных лет» особенно фиксировала свое внимание на расприх Всеволодовичей и Святославичей, постольку третья редакция центр тяжести переносила в область политических столкновений Всеволодовичей и Изяславичей. В отношении Владимира Мономаха и Олега Святославича третья редакция, напротив, стремилась сгладить их прежние разногласия. Этим в значительной степени я объясняю появление в «Повести временных лет» наряду с «Поучением» Мономаха его письма к Олегу. В нем звучат примирительные нотки: «оли то буду грех створил, оже на тя шед к Чернигову, поганых деяя, а того ся каю; да то языком братии пожаловах; и паки е поведях, зане человек есмь». ¹¹¹ Или другое место письма, в котором Мономах гибель своего сына в битве с Олегом объясняет его собственной виной перед Олегом: «Дивно ли муж умерл на полку ти? Лепше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжого — ни мене в сором, ни в печаль ввести. Научиша и бо паропци, да быша собе налезли... Но оному налезосоа зло». ¹¹²

4) В редакции Нестора проводилась идея о непротивлении старейшему брату и в качестве идеала выставлялось поведение Бориса и Глеба, погибших от руки Святополка Окаянного. «Повесть временных лет» третьей редакции (на основе своего источника — повести попа Василия) подходит к вопросу междукняжеских отношений с других позиций, с позиций осуждения старейшего брата в лице Святополка Изяславича. Идеалом княжеского поведения является деятельность Мономаха, выступающего в ответ на злодеяния Святополка со следующим предложением Давыду и Олегу Святославичам: «придета к Городыцю; да поправим сего зла, еже ся створи на Русьстей земли и в нас братии, оже вьвържен в ны ножь; да аще сего не поправим, то большее зло встанеть в нас, и начьнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Русьская, и врази наши половци, пришьдше, вьзьмутъ землю Русьскую». ¹¹³ Поучение Мономаха под 1096 г. должно было нарисовать облик идеального князя — такого, каким не был Святополк.

Итак, помещение в «Повести временных лет» «Поучения» Мономаха под 1096 г. было продиктовано задачами, которые ставила перед собой третья редакция этого памятника.

6. НАЧАЛЬНЫЙ СВОД

Большой заслугой А. А. Шахматова перед русской наукой является то, что он сумел доказать наличие летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет». Ближайший из них к «Повести» падает на середину 90-х годов XI в.

К мысли о существовании свода 90-х годов XI в. А. А. Шахматов пришел путем сличения текстов «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи младшего извода. Близость этих двух памятников не может быть объяснена, как доказывает А. А. Шахматов, заимствованиями, сделанными одним из них из другого. Единственно правильным объяснением ряда совпадений между «Повестью временных лет» и Новгородской первой летописью младшего извода автор признает то, что они восходят к общему источнику. А. А. Шахматов назвал этот источник Начальным сводом. Ставя вопрос о времени создания

¹¹¹ А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 159.

¹¹² Там же, стр. 160.

¹¹³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 305—306.

Начального свода, А. А. Шахматов исходил из предпосылки о том, что он начинался с предисловия, сохранившегося в настоящее время в «Софийском временнике» и посвященного обличениям русских князей в «несытстве», «алчности», стремлении к обогащению, плохом управлении. Противопоставляя современных Начальному своду князей князьям древности, «Предисловие» подчеркивало, что последние думали о славе Русской земли и «расплодили» Русскую землю. Политика же современных князей привела к тому, что бог навел на Русь «поганных», т. е. половцев. А. А. Шахматов сравнивает это предисловие со статьей «Повести временных лет» под 1093 г., где приведены длинные благочестивые рассуждения в связи со страшным половецким нашествием. Усматривая определенную идейную близость между предисловием к Начальному своду и содержанием летописной статьи 1093 г., А. А. Шахматов приходит к выводу, что Начальный свод был составлен в связи с поражением русских половцами в 1093 г. и заканчивался именно этим годом. Подтверждение своей мысли А. А. Шахматов видит в свидетельстве В. Н. Татищева о том, что в некоторых летописных списках за рассуждениями по случаю половецкого разорения в 1093 г. читалось слово «аминь». Оформление Начального свода А. А. Шахматов относил ко времени несколько позднее 1093 г. — приблизительно к 1095 г.¹¹⁴

Признавая всю убедительность доводов А. А. Шахматова в пользу существования Начального свода — доводов, принятых нашей наукой как крупное достижение исследовательской мысли в области изучения русского летописания, я все же считаю, что вопросы о годе, на котором обрывался Начальный свод и о дате его написания требуют пересмотра. Сам А. А. Шахматов признавал всю условность своих выводов в этом направлении. «Высказываюсь относительно времени составления свода неопределенно: это время около 1095 года», — писал он.¹¹⁵ М. Д. Приселков уже не различает конечную дату Начального свода от года создания памятника и говорит о «своде 1093 г.»¹¹⁶ В исследовании Д. С. Лихачева замечаются противоречия относительно датировки Начального свода: речь идет то о «своде 1093—1095 гг.», то о «своде 1093 г.»¹¹⁷

Анализ текста «Повести временных лет» в сопоставлении с другими литературными памятниками приводит меня к выводу, что Начальный свод заканчивался описанием Любечского съезда 1097 г. и возник около этого времени и в связи с указанным событием. Прежде всего, мне кажется мало вероятным, что половецкое нашествие *само по себе* могло послужить поводом для составления летописного свода. Скорее под его влиянием могло возникнуть какое-либо поучение, назидательное «слово» и т. д. Очень вероятно, что те благочестивые рассуждения, которые мы находим в «Повести временных лет» под 1093 г., первоначально представляли собой отдельное поучение, написанное под впечатлением половецкого разорения; лишь позднее это поучение было включено в состав Начального свода. Тогда становится понятным и слово «аминь», которое В. Н. Татищев встречал в некоторых летописных списках. Оно заканчивало не Начальный свод, а поучение 1093 г. Что касается Любечского съезда 1097 г., то он представлял собой важное событие в политической истории Киевской Руси. Устанавливался новый порядок «отчинного» владения княжествами. Этот порядок должен был прекра-

¹¹⁴ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 5—11.

¹¹⁵ Там же, стр. 11.

¹¹⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 34.

¹¹⁷ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 41, 171.

тить княжеские уособицы и сделать Русскую землю обороноспособной, сплотить ее силы прежде всего для борьбы с половцами В связи с этим естественно могла возникнуть мысль о написании летописного свода, который давал бы определенную концепцию русской истории под углом зрения междукняжеских и русско-половецких отношений. А Начальный свод действительно давал такую концепцию. Тогда понятно и содержание «Предисловия» к Начальному своду, реконструируемого по тексту «Софийского временника». Его основные идеи навеяны именно обстановкой Любечского съезда и событий, ему предшествующих.

Но все эти соображения общего порядка, конечно, далеко не достаточны для разрешения поставленного вопроса о Начальном своде. Гораздо более убедительным мне представляется то наблюдение над «Повестью временных лет», что содержание летописных статей 1094—1097 гг. органически связано и со статьей 1093 г. и с «Предисловием» к Софийскому Временнику (т. е. Начальному своду). На всем указанном протяжении летописного текста развивается одна и та же идея: Русская земля гибнет от княжеских распрей. Очень показательно совпадение (не только идейное, но даже текстуальное) двух рассказов о княжеских совещаниях под 1093 и 1097 гг.:

...В лето 6601...Володимеру же приишдшу Киеву, съвѣкупистася у святого Михаила, и взята межю собою распрѣя и которы, и уладившася, целоваста крѣст межю собою, а половьцем воюющем по земли. И реша има мужи смыслини: «почѣто вы распрѣя имата межю собою, а поганиа губять землю Русьскую, последи ся уладита, а ныне придета противу поганым, любо с мирѣмъ, любо ратию.¹¹⁸

...В лето 6605 придоша Святоплѣк и Володимер, и Давыд Игоревичъ, и Василько Ростиславичъ, и Давид Святославичъ, и брат его Ольг, и сняшася Любичи на устроение мира, и глаголаша к собе, рекуще: «почѣто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще, а половьци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да ныне, отселе имемся в едию сѣрдьце и блюдем Руськие земле, кѣждо да държитъ отчину свою¹¹⁹ ...

Можно привести и другие сопоставления. Так, благочестивые рассуждения в связи с поражением русских половцами в 1093 г. имеют много общего с размышлениями, которым предается автор, описывающий набег половецкого хана Боняка на Киев в 1096 г. Мы вправе поэтому возвести обе названных статьи «Повести временных лет» к Начальному своду.

Текст 1093 г.

...Тако Господь сътвори нам: създания падшая въсташа..., яко же ны виде на право пребывающа, нанесе нам сущию рать и скѣрбь, да хотяще и не хотяще, всѣяко в будущи век обращем милость; душа бы съде казнима, всѣяко жжлость в будущи век обращеть и льготу от мук...¹²⁰

Текст 1096 г.

...Бог кажетъ рабы своя напастѣми ратьными, да являться яко злато искушено в гърну; хрѣстьяном бо многими скѣрбѣми и напастѣми внити в цесарство небесное...¹²¹

¹¹⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 276.

¹¹⁹ Там же, стр. 299—300.

¹²⁰ Там же, стр. 282—283.

¹²¹ Там же, стр. 291—292.

В обоих случаях мы находим одинаковую мысль, иногда даже выраженную одними и теми же словами. Нашествие половцев — наказание за грехи, которое бог посылает людям в этой жизни для того, чтобы избавить их от вечной муки в жизни будущей.

Но для доказательства моей мысли о возникновении Начального свода около 1097 г. могут быть использованы летописные статьи, посвященные событиям не только конца, но и начала XI в.

Я считаю, что тот рассказ о завещании Ярослава Мудрого сыновьям, который мы находим в «Повести временных лет» под 1054 г., восходит к Начальному своду, причем редакция этого рассказа, несомненно, отражает те начала междукняжеских отношений, которые были приняты на Любечском съезде и изложены в Начальном своде. Ярослав Мудрый, по словам летописи, «наряди сыны своя, рек им: «се аз отхожу света сего, сынове мои; имейти в собе любовь, понеже вы есте братия единого отьца и матере. Да аще будете в любви межю собою, бог будеть в вас, и покорить вы противныя под вы и будете мирно живуще; аще ли будете ненавистно живуще, в распрях которающесе, то погынете сами, и землю отьць своих и дед своих, погубите, иже ю налезюша трудьмь великъмъ, нъ пребывайте мирно, послушающе брат брата»¹²² Мораль, положенная в основу «наряда» Ярослава, ясна «любовь» между князьями-братями — условие мирного существования и целостности Русской земли; «распри» и «которые» неизбежно приведут к гибели как самих князей, так и Киевского государства, созданного «великим трудом» их отцов и дедов. Центр Киевской Руси — град Киев. Там находится стол старейшего брата, блюстителя единства. К нему обращается перед смертью отец со словами: «аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты пмогаи, его же обидят».¹²³

Рассматривая то же завещание в свете некоторых параллелей, взятых из летописного описания событий, связанных со съездом в Любече, мы убедимся в единстве концепции автора Начального свода, пронизывающей его изложение на протяжении 1054—1097 гг. Показательно, например, предложение, полученное в 1096 г. Олегом Святославичем от лица Святополка Изяславича и Владимира Мономаха: «иди к брату своему Давидови, и придеца Киеву, на стол отьць наших и дед наших, яко то есть старейший град в земли в вьсен Киев, и ту достойно снятися и поряд положить».¹²⁴ Здесь та же мысль, что и в наставлении Ярослава: Киев — старейший город Русской земли, символ ее единства, отсюда исходит идея нерушимости наследия отцов и дедов, здесь «достойит» преодолеть междукняжеские «которые» и «поряд положить» на основе того «наряда», который восходит к Ярославу. Характер этих междукняжеских отношений, опять-таки в соответствии с завещанием Ярослава, раскрыт в летописной статье 1097 г., где речь идет о Любечском съезде: «отселе имемся в едино сьръдце и блюдем Русьские земле; къждо да държить отчину свою», «да аще кто отселе на кого вьстанеть, то на того будем вьси и крѣст чьстныи».¹²⁵ Условие о совместной помощи князю, пострадавшему в результате «вьстания» на него со стороны нарушителя общего крестоцелования, вполне отвечает завету Ярослава, согласно которому его старший сын должен взять на себя инициативу заступничества за «обидимого» брата. Формула «къждо да държить оть-

¹²² Там же, стр. 204.

¹²³ Там же, стр. 205.

¹²⁴ Там же, стр. 289.

¹²⁵ Там же, стр. 300.

чину свою» тесно связана с «заповедью» Ярослава сыновьям «не преступати предела братья, ни сгонити». ¹²⁶

Итак, несомненно, по-моему, что автор Начального свода, воспроизводя текст завещания Ярослава Мудрого, раскрывал его содержание на основе принципов Любечского соглашения 1097 г. и что, следовательно, Начальный свод продолжался до 1097 г.

Помимо доказательств относительно появления Начального свода в связи с событиями Любечского съезда, которые я заимствую из анализа текста «Повести временных лет», я хочу еще привести аргументы в пользу своего тезиса в виде сопоставления «Повести временных лет» с замечательным произведением — «Словом о полку Игореве». Сличение обоих памятников, производившееся в литературе, показывает: 1) что в основе «Слова о полку Игореве» и свода, предшествующего «Повести временных лет» (т. е. Начального), лежит один общий источник — какая-то летопись, касавшаяся событий черниговских, тмутараканских, полоцких, 2) летопись эта обнимала период со времени Ярослава Мудрого до 1097 г., т. е. как раз до того момента, к которому я предположительно возвел составление Начального свода. Этот источник восстанавливается путем выделения из текста «Слова о полку Игореве» тех летописных известий, которые автор «Слова» приводит в поэтическом оформлении в качестве аналогий к современной ему действительности или по контрасту с ней. Как показывает обращение к «Повести временных лет», эти же известия читались и в Начальном своде.

1) В самом начале «Слова», говоря о музыкально-поэтическом искусстве «вещего Бояна» и сравнивая его с образами соколиной охоты, автор указывает: «тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю» ¹²⁷

«Старый» Ярослав — Ярослав Мудрый, «храбрый» Мстислав — его брат. О том эпизоде, который связан с личностью Мстислава, — его единоборстве с касожским князем-богатырем Редедей, — имеется под 1022 г. рассказ (в былинном стиле) в «Повести временных лет». ¹²⁸ «Красный» Роман Святославич — сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь тмутороканский. Согласно данным «Повести временных лет», он был убит в 1079 г. половцами, которых сам же привел на Русь для борьбы с князем Всеволодом Ярославичем. «И суть кости его и доселе тамо лежаща, сына Святослава, внука Ярослава», — читаем в «Повести временных лет». ¹²⁹ Эта концовка указывает на наличие каких-то легенд, героем которых являлся Роман Святославич.

2) Большой отрывок «Слова» посвящен воспоминаниям о временах и деятельности брата «красного» Романа — знаменитого черниговского князя Олега Святославича (Гориславича). «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. Ты бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше. Ступает в злат стремежь в граде Тмуторокане. Ты же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладываше в Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе,

¹²⁶ Там же, стр. 205.

¹²⁷ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е изд., М — Л., 1946, стр. 66.

¹²⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 186.

¹²⁹ Там же, стр. 159.

и на ковылу зелену попоному постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святоплѣкъ полелея отца своего между угорскими иноходцы ко святеи Софии к Киеву». ¹³⁰

О «полках» Олега в «Повести временных лет» речь идет под семидесятыми годами XI в. В 1077 г. он был у своего дяди Всеволода в Чернигове, а в 1078 г. бежал в Тмутаракань. Вместе с князем Борисом Вячеславичем Олег привел из Тмутаракани половцев и при их помощи выгнал Всеволода из Чернигова. Всеволод прибег к помощи своего брата Изяслава, и оба князя вместе со своими сыновьями выступили против племянников. Под Черниговом, «у села на Нежати-не ниве», произошла «сеча зла» Олег хотел избежать боя и предлагал обратиться к дядьям «с мольбою». Борис же хвалился победить противников, «не веды, яко бог гърдым противиться», и пал на поле брани. «първое убиша Бориса сына Вячеславля, похвалившагося вельми». ¹³¹ Те же события, только в поэтическом изложении, приводит и автор «Слова»

В связи с битвой «на Нежати-не ниве» «Слово» вспоминает другой эпизод. убийство в сражении между русскими и половцами на реке Трубеже в 1096 г. половецкого хана Тугоркана (тестя князя Святополка Изяславича) и привоз его тела в Киев. «Повесть временных лет» рассказывает об этом в следующих выражениях: «побежени быша иноплеменици, и князя их убиша Тугорткана и сына его; и инии князи мнози, врази наши, ту падоша. На заутрие же налестоша Тугорткана мъртва, и взял ѿ Святоплѣкъ, акы тѣста своего и врага; и привезъше и Киеву, погребоша и на Берестовемъ, на могыле, межю путемъ, идущимъ на Берестовое, и другимъ, на монастырь идущимъ». ¹³²

3) В связи с поражением князя Игоря Святославича и печальными размышлениями о той беде, которую принесли Русской земле половцы, автор приводит песни «готских дев»: «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брези синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю» ¹³³

Девы воспевали в своих песнях половцев, которые жестоко отомстили русским, нанеся в свое время поражение половецкому хану Шарокану и взявшим его в плен. Пленение Шарокана «Повесть временных лет» датирует 1068 г. («яша Шарукана»). ¹³⁴

4) Большой отрывок «Слова» посвящен политической биографии князя Всеслава полоцкого, представленной в ряде поэтических образов. «На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицю себе любу. Тѣй клюками подпръ ся околи и скочи к граду Киеву и дотчеса стружнем злата стола киевскаго. Скочи от них лютым зверем в плѣночи из Белаграда обесися сине мыгле, утре же возни стрикусы, отвори врата Новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепы харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брези не бологом бяхуть посеяни, посеяни костыми русских сынов Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъкомъ рыскаше; из Кыева дорискаше до кур Тмугторкана; великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому в Полотъске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыеве звон слыша. Аще и вещь душа в дрѣзе теле, нѣ часто беды

¹³⁰ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 69.

¹³¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 253—255.

¹³² Там же, стр. 290.

¹³³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 71.

¹³⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 218

страдаше. Тому вещей Боян и пръвое припевку, смысленый, рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божна не минути». ¹³⁵

«Слово» дает биографию князя Всеслава не в хронологической последовательности. По «Повести временных лет», события, связанные со Всеславом, как действующим лицом, разворачивались в следующем, не соответствующем «Слову» порядке. В 1067 г. он захватил Новгород, затем был разбит тремя братьями Ярославичами на Немиге и заточен в Киеве. ¹³⁶ В 1068 г., во время киевского восстания, Всеслав был освобожден из тюрьмы и в течение семи месяцев занимал княжеский стол в Киеве, пока не вернулся с польской помощью изгнанный из Киева Изяслав Ярославич. ¹³⁷ Узнав о приближении Изяслава, Всеслав выступил ему навстречу, но дойдя до Белгорода, «бывши нощи, утаився кыян, бежа из Белгорода Полотъску». ¹³⁸ В «Слове» те же факты раскрыты в виде нескольких художественных картин, вне реальной временной связи, с повторениями (пребывание Всеслава в Киеве) и поэтическими обобщениями. Легендарный образ Всеслава в «Слове» находит некоторую параллель в характеристике «Повести временных лет» под 1144 г., где Всеславу присваиваются волховские чары: «Сего же роди мати от вълхования; матери бо родивши его, бысть ему язва на главе его: «се язвю навяжи на нь, да носите до животы своего», еже носить Вьсеслав и до сего дьне на собе, сего ради немилостив есть на кровопролитие» ¹³⁹

Итак, параллельный сравнительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Повести временных лет» дает право на вывод, что оба памятника («Слово» непосредственно, «Повесть» — через Начальный свод) пользовались общим источником, содержащим материал о деятельности князей черниговских, тмутараканских, полоцких, начиная со времени Ярослава Мудрого (1019—1054) и кончая 1096 г. (эпизод со смертью и погребением Тугоркана, в изложении «Слова»). Этот вывод, уточняющий дату появления Начального свода (после 1096 г., т. е. около 1097 г.), подтверждается и общностью идейных мотивов (а не только фактического материала) «Слова» и «Повести временных лет» (в части, восходящей к Начальному своду: 1093—1097 гг.). Возьмем классическое место «Слова», посвященное характеристике княжеских усобиц и того зла, которое они приносили Русской земле: «Усобица князем на поганяя погыбе, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же». И начаша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себе крамолу ковати. А погани со всех стран прихождаху с победами на землю Рускую». ¹⁴⁰ По существу та же самая мысль выражена и в словах «смыслених» мужей, укорявших, как свидетельствует «Повесть временных лет», в 1093 г. русских князей: «почъто вы распъря имата межю собою, а погани губять землю Русьскую! Последи ся уладита, а ныне поидета противу поганым любо с миръмь, любо ратию». ¹⁴¹ Та же мысль о губительных последствиях для Руси княжеских крамол, облегчающих половцам возможность их наступления, чувствуется в укор, с которым Святополк Изяславич и Владимир Мономах обращаются в 1096 г., по сообщению «Повести временных лет», к Олегу Святославичу: «да се ты ни на поганяя идеши с нами, ни на съвет к нама, то ти зломысли-

¹³⁵ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 73—74.

¹³⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 211.

¹³⁷ Там же, стр. 217—218.

¹³⁸ Там же, стр. 219.

¹³⁹ Там же, стр. 196. А. С. Орлов указывает на параллели «Повести» и «Слова».

¹⁴⁰ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 70.

¹⁴¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 276—277.

ши на наю, и поганым помагати хоцещи; а бог промежу нас будетъ». ¹⁴² Наконец, формула «се мое, а то мое же» — это образное выражение того «отчинного» принципа, который нашел свое отражение в постановлении Любечского съезда («къждо да държит отчину свою»). ¹⁴³ «Слово» не раз возвращается к больной теме: крамолы князей и победы половцев — это явления, находящиеся в причинной связи. «А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами с победами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по беле от двора». ¹⁴⁴

Возьмем замечательную картину половецкого опустошения в «Слове о полку Игореве»: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьдбожа внука, в княжих крамолах веци человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче; а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие» ¹⁴⁵ В Начальном своде последствия половецкого нашествия изображены (под 1093 г.) также достаточно ярко: «гради вьси опустеша и села; преидем поля, иде же пасома беша стада конь, овця и волове, вьсе тьще нине видим; нивы поростыша зверьм жилища быша» ¹⁴⁶

Таким образом, близость идейного содержания и соответствие некоторых фактических данных «Слова о полку Игореве» и Начального свода делают весьма вероятным предположение о том, что оба памятника пользовались одним источником. Что он собой представлял? Думаю, что это была своеобразная поэтическая летопись того типа, который так хорошо выяснен Д. С. Лихачевым, — типа саги, представляющей «переход от исторического устного предания к историческим письменным произведениям». ¹⁴⁷ Постараюсь подкрепить эту характеристику некоторыми соображениями. Автор «Слова о полку Игореве» образцом для своего произведения берет творчество «вещего», «смысленного» Бояна. Автор Начального свода пользовался рассказами «смысленного» старца Яня Вышатича. Он умер в 1106 г., и летописец записал в связи с его смертью: «В се же лето преставися Янь, старьць добрый, жив лет 90, в старости мастите... от него же и аз многа словеса слышах, яже и вписах в летописании семь». ¹⁴⁸ Возникает вопрос: нельзя ли думать, что «смысленный» Боян и Янь — это одно лицо. В одном из списков «Слова» выражение «бо Янь» могло быть принято за имя собственное «Боян», и это имя затем заменило всюду старое «Янь». Действительно, что мы знаем о Бояне? Очень мало, но то, что нам известно, отмечено в литературе; вполне укладывается в биографию Яня Вышатича. Боян — поэт, воспевавший тмутараканских князей. Янь также был в Тмутаракани. Под 1064 г. в «Повести временных лет» читаем: «Бежа Ростислав Тьмutorоканю, сын Володимерь, внук Ярославль, а с ним бежа Порей и Вышата, сын Остромирь, воеводы новгородскаго». ¹⁴⁹ А в статье под 1043 г. «Повесть временных лет» называет Вышату «отцом Яневым». ¹⁵⁰ Значит Янь Вышатич мог вместе с отцом побывать в течение какого-то времени в Тьмutorокани.

¹⁴² Там же, стр. 289.

¹⁴³ Там же, стр. 300.

¹⁴⁴ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 70.

¹⁴⁵ Там же, стр. 69.

¹⁴⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 282.

¹⁴⁷ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 101.

¹⁴⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 328. См. также Повесть временных лет под 1093 г., где Янь Вышатич выступает в числе «смысленных» мужей (там же, стр. 276).

¹⁴⁹ Там же, стр. 207.

¹⁵⁰ Там же, стр. 195.

В дальнейшем мы видим Яня в качестве дружинника черниговского князя Святослава Ярославича; около 1071 г. он, по поручению Святослава, усмирал восстание волхвов на Белоозере.¹⁵¹ Переход из Тмутарокани в Чернигов вполне естествен, поскольку Тмутаракань входила в состав черниговских владений и служила обычно местом убежища для черниговских князей-изгнанников.

Если отождествить Яня с Бояном, то станет понятным интерес «Слова» к прошлому черниговской княжеской линии, в частности к личности знаменитого Олега Святославича — Гориславича. Наконец, то, что мы знаем об идеологии Яня, не противоречит гипотезе о его тождестве с Бояном. В 1093 г., в числе «смыслених мужей», он указывал князьям на губительность разрозненных действий против половцев, на необходимость дружного общекняжеского союза «Смыслении» мужи сказали Святополку: «не кушаися противу им (т. е. половцев. — Л. Ч.), яко мало имаши вои». В ответ Святополку, указавшему на наличие у него 800 отроков, «смыслении» мужи привели новый аргумент: «аще бы пристроил их и 8 тысящ, не лихо ти есть наша земля оскудела есть от рати и от продаж; нъ послися к брату своему Володимеру, дабы ти помогл».¹⁵² В «Слове о полку Игореве» идея общерусского союза против половцев нашла свое выражение и в призыве к ряду князей выступить «за землю Русскую», и в беспомощных словах киевского князя Святослава Всеволодовича, обращенных к Игорю и Всеволоду Святославичам с упреком за самостоятельные разрозненные действия: «О моя сыновця, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати...»¹⁵³

Тождество Яня — Бояна должно объяснить одно обстоятельство: наличие в «Слове о полку Игореве» наряду с преданиями черниговскими также преданий полоцких, связанных особенно с личностью Всеслава Брючиславича. Объяснение лежит в восстановленной Д. С. Лихачевым генеалогии рода Яня Вышатича. Его отец Вышата, как указано, был сыном новгородского посадника Остромира, Остромир — сыном посадника Константина, Константин — сыном посадника Добрыни. Сестра Добрыни, ключница Малуша, была матерью князя Владимира Святославича.¹⁵⁴ С именем Добрыни связан рассказ о сватовстве Владимира к дочери полоцкого князя Рогволода — Рогнеде, помещенный в Лаврентьевской летописи под 1128 годом.¹⁵⁵ Свatom выступает Добрыня, «храбор и наряден муж». При помощи Добрыни Владимир добывается руки Рогнеды. Статья 1128 г. заканчивается фразой: «И оттоле мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославим внуком». Речь идет о вражде между потомством Изяслава — сына Владимира от Рогнеды — и потомством Ярослава Мудрого. Вселав Брючиславит полоцкий, о выступлениях которого против сыновей Ярослава читаем в «Слове о полку Игореве», был правнуком Владимира, внуком Изяслава.

Вполне понятно, что Янь Вышатич в числе целого ряда преданий своего рода мог сохранить и предания, связанные с полоцкими князьями.

¹⁵¹ Там же, стр. 222.

¹⁵² Там же, стр. 276.

¹⁵³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, стр. 71.

¹⁵⁴ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 102—103.

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. I стр. 131.

7. ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1072 г.

Представляется весьма правдоподобной мысль А. А. Шахматова о существовании летописного свода 70-х годов XI в. (предшествующего Начальному). Указание на это имеется в «Повести временных лет» под 945 г., где находим рассказ о местах Ольги: «град же бе Киев, иде же есть *ныне* двор Гърдятин и Никифоров, а двор княжь бяше в граде, иде же есть *ныне* двор Воротиславль и Чюдинь». ¹⁵⁶ Слово *ныне* указывает, несомненно, на 70-е годы XI в., когда жили названные в статье лица. Так, Чудина летопись упоминает в 1068 г., в связи с описанием восстания в Киеве. Тот же Чудин, а также Никифор, являются участниками съезда трех Ярославичей начала 70-х годов XI в., на котором была принята новая Правда (сохранившаяся в Краткой редакции). В 1072 г. Чудин — дерзатель Вышгорода. ¹⁵⁷

А. А. Шахматов датирует предполагаемый свод началом 1073 г. Основанием для него служит то обстоятельство, что в летописной статье 1073 г., рассказывающей об изгнании Изяслава из Киева Святославом, имеются общие мотивы со статьей 1054 г., передающей содержание завещания Ярослава Мудрого сыновьям. ¹⁵⁸ Считая, что обе статьи принадлежат одному автору, Шахматов высказывает предположение, что свод 1073 г. возник после того, как разгорелась в марте этого года усобица между Изяславом и Святославом. Автор свода, обличая князей, внес под 1054 г. рассказ о «наряде» Ярослава, считая его идеалом междукняжеских отношений.

Я считаю неправильной эту датировку и связываю реконструируемый свод с первым перенесением мощей Бориса и Глеба в Вышгороде в мае 1072 г. Выдвигаю следующие основания:

1. «Наряд» Ярослава, как я доказывал выше, внесен в летопись составителем Начального свода под влиянием событий, предшествовавших Любечскому съезду. Имеются все основания приписать этому составителю и изложение под 1073 г. «которые» среди Ярославичей. Действительно, такие выражения, как «Святослав седе в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отню», или «не добро бо есть преступати предела чюжаго», ¹⁵⁹ воспроизводят формулу Любечского съезда: «къждо да държить отчину свою». ¹⁶⁰

2. Если исключить статью 1073 г. (как принадлежащую Начальному своду), то, следовательно, реконструируемый сейчас свод 70-х годов заканчивался описанием перенесения мощей Бориса и Глеба в мае 1072 г. Это описание идет непосредственно перед изложением «которые» Ярославичей. Получается полная параллель между возникновением изучаемого летописного памятника и «Повестью временных лет» первой редакции 1115 г.

3. Перед описанием перенесения мощей, под 1071 г., составитель свода собрал целый ряд рассказов о волхвах. Это естественно, если считать поводом к составлению свода вышгородское торжество 1072 г. Это была, по мысли составителя, победа христианства над последними вспышками сопротивляющегося язычества. Но этой концепции борьбы христианства с остатками язычества составитель придает политический оттенок и под этим углом зрения воспроизводит события княжеской усобицы 1068 г. Он дает обоснование необходимости быть верным кре-

¹⁵⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 63.

¹⁵⁷ Там же, стр. 217, 231.

¹⁵⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 403, 441.

¹⁵⁹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 232.

¹⁶⁰ Там же, стр. 300.

стному целованию, так как крест побеждает бесов. «Бог же показа силу крестную на показание земли Русьстей, до не преступают чьстнаго крста целовавшие его; аще ли преступить кто, и съде принять казнь, и на приидущимъ веце казнь вечную. Понеже велика есть сила крстьная, крстьмъ бо жбежены бывають силы бесовьския, крст бо князем в браньх победа, крстьмъ огражаеми верьнии людие побеждаютъ супостаты противьныя». ¹⁶¹ Итак, мысль автора такова: перенесение мощей национальных русских святых — это символ окончательного поражения бесовских сил и показатель «силы» креста в отношениях между князьями.

4. Как хорошо показал М. Н. Тихомиров, на съезде князей в Вышгороде, в мае 1072 г., была принята Правда Ярославичей. Одновременное создание летописного свода подтверждается наличием в нем указаний на некоторые нормы Правды. Так, в последней имеется статья, запрещающая «муку» смерда без «княжа слова». Из летописи мы узнаем, что таково было требование смердов во время восстания около 1071 г. Так, когда усмиритель восставших на Белоозере — Янь Вышатич обратился к волхвам с вопросом, что предсказывают им их боги, волхвы, являвшиеся смердами князя Святослава, отвечали «нама стати пред Святославъмъ, а ты нама не можеши сътворити ничто же». Янь подверг волхов телесному наказанию, но это не помогло, и они упорно отвечали: «стати нама пред Святославъмъ». Летопись представляет это как упорство закоренелых язычников. Но здесь, несомненно, чувствуется и уверенность в своих правах, закрепленных позднее, в 1072 г., Правдой Ярославичей.

Итак, ряд соображений приводит к датировке летописного свода, предшествующего Начальному, временем около мая 1072 г.

8. НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

А. А. Шахматов древнейшим русским летописным сводом считал свод, составленный в 1039 г., в связи с окончанием постройки Софийского собора в Киеве и учреждением русской митрополии. «Не перешла ли к нам из Греции,— задает вопрос А. А. Шахматов,— эта связь епископских и митрополичьих кафедр с летописным делом? Не следовал ли митрополит Феопемпт освященному на родине своей примеру, когда, сделавшись первым русским митрополитом, побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись?» ¹⁶² Мысль А. А. Шахматова о влиянии Византии на начало русского летописания была еще более усилена в труде М. Д. Приселкова. Древнейший свод он датирует 1037 г. и объясняет его создание обычаем церковной византийской администрации составлять при открытии новой кафедры (епископской или митрополичьей) «записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего Синода в Константинополе». ¹⁶³

Несколько иначе представляет себе начало русского летописания Д. С. Лихачев. Первым памятником летописного дела он считает не свод позднейшего типа, а ряд сказаний, посвященных первым русским христианам: Ольге, варягам-мученикам, Владимиру, Борису и Глебу, Ярославу. Все эти сказания объединены единством темы, идеологии, стиля и в совокупности образуют одно целостное произведение, которое Д. С. Лихачев называет условно «Сказанием о распро-

¹⁶¹ Там же, стр. 218.

¹⁶² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 416.

¹⁶³ М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 26.

странении христианства на Руси». Сравнивая это «Сказание» со «Словом о законе и благодати» Илариона, Д. С. Лихачев находит много общего между обоими памятниками в идейном отношении: богоизбранность русского народа, аналогия между деятельностью Владимира и Константина Великого, символическое толкование посвящения Благовещению церкви на Златых воротах Киева и т. д. Поэтому автор относит «Сказание», как и «Слово», к началу 40-х годов XI в и признает его составителем Илариона или «тесный круг ярославовых книжников, проводивших политические идеи Ярослава». «Сказание» было «направлено против византийской государственной идеологии и тесными узами связано с подъемом политического самосознания русского народа при Ярославе Мудром». «Сказание о распространении христианства на Руси» Д. С. Лихачев считает лишь одним «слоем» русского летописания. Другой «слой» — это «народные предания о первых русских князьях-язычниках». Но когда эти два слоя были объединены вместе, из изложения Д. С. Лихачева не вполне ясно.¹⁶⁴

Мне кажется, что есть основание возвести начало русского летописания ко времени ранее Ярослава Мудрого. Я исхожу прежде всего из наблюдений над «Памятью и похвалою князю русскому Володимеру» мниха Иакова, которая использовала какие-то летописные заметки, послужившие А. А. Шахматову для восстановления текста Древнейшего свода. А. А. Шахматов приводит их в хронологическом порядке. После крещения Владимира указаны следующие события: «По святем же крещении пожи блаженный князь Володимер 28 лет. На другое лето по крещении к порогу ходи; на третье Кърсунь город взя; на четвертое лето църквь камяну святыя богородица заложи; а на пятое лето Переяславль заложи; в девятое лето десятину блаженный христолюбивый князь Володимер в да църкви святей богородици и от имения своего. О томъ бо и сам господь рече: иде же есть съкровище ваше, ту и сръдье ваше будет. И успе с миромъ месяца июля в 15 днь, в лето 6523...»¹⁶⁵

Бросается в глаза, что, зная о двадцативосьмилетнем княжении Владимира после крещения, «Память и похвала» Иакова ограничивают перечисление событий этого княжения указанием на пожертвование церкви богородицы десятины «в девятое лето», а затем отмечает лишь смерть Владимира. Возникает естественное предположение, что летописный свод, которым пользовались «Память и похвала», заканчивался именно известием о передаче десятины Киевской церкви через девять лет после крещения Владимира.

В «Повести временных лет» этому факту посвящена специальная статья 996 г., написанная в торжественном тоне: «И помолившюся ему (Владимиру. — Л. Ч.), рек сице: «се даю църкви сеи святей богородици от имения моего и от град моих десятую часть». И положи, написав, клятву в църкви сеи, рек: «аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ». И в дасть десятину Анастасу Кърсунянину».¹⁶⁶

Весьма вероятно, что Древнейший летописный свод (если пользоваться терминологией А. А. Шахматова) был создан в связи с выдачей грамоты о десятине Киевской церкви. Очень может быть, что к составлению этого свода был причастен Анастас Корсунянин.

¹⁶⁴ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 58—76.

¹⁶⁵ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 21—22. Память и похвала князю Владимиру и его житие, изд. В. И. Срезневским. СПб., 1897, стр. 7.

¹⁶⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 158.

Детальный анализ так называемого церковного устава Владимира, произведенный С. В. Юшковым, привел его к выводу, что в основе этого устава лежит грамота о десятине Киевской церкви, которую упоминает и летопись. Правда, предположение о своде 996 г. является гипотезой, не менее, однако, обоснованной, чем гипотеза о существовании свода 1037—1039 гг.

В основе этого Древнейшего свода X в. лежит какая-то старинная повесть о полянах-руси, существование которой предполагал Н. К. Никольский. Если исключить из «Повести временных лет» все позднейшие заимствования из греческих источников, из новгородского летописания и т. д., то останутся отчетливые контуры этой повести, которая говорит: 1) об отношении полян с древлянами (при Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, Ярополке и Олеге) и другими славянскими племенами; 2) об отношении полян к хозарам; 3) о славянском происхождении руси. Такие выражения, как «суть поляне Кыеве и до сего дьне», «владеють бо козары русьстии князи и до дньншьяго дьне», ведут ко времени Владимира, ко второй половине X в.¹⁶⁷ Вряд ли хозарская проблема могла быть актуальной в XI в.

* * *

Предшествующий анализ приводит меня к следующим выводам. Концепция истории русского летописания, предложенная А. А. Шахматовым, требует некоторых поправок. Нет оснований говорить о том, что первая (несторова) редакция «Повести временных лет» отражала интересы князя Святополка Изяславича. Эта редакция возникла при Владимире Мономахе, в 1115 г., в связи с перенесением мощей Бориса и Глеба. В это время серьезное политическое значение имела проблема взаимоотношений между Мономахом и князьями Святославичами. После смерти в 1115 г. Олега Святославича, давнего соперника Мономаха, в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. Переделка шла: 1) по линии политической (после смерти Олега можно было иначе изложить его взаимоотношения с Мономахом); 2) по линии социальной (по вопросу о так называемом уставе Мономаха). Третья редакция «Повести временных лет» 1118 г. порождена борьбой между Мономахом и сыном Святополка Ярославом. Эта борьба вызвала воспоминания о прошлой вражде Святополка и Владимира Мономаха, освещение которой под определенным углом зрения было решено дать в «Повести». «Повесть временных лет» непосредственно предшествовал Начальный свод 1097 г., возникший в связи с событиями Любечского съезда. Несколько ранее Начального свода, в 1072 г. составлен киево-печерский свод, поводом для составления которого послужило перенесение в этом году мощей Бориса и Глеба. Наиболее ранним летописным сводом являлся свод 996 г., обработанный одновременно с выдачей Владимиром Святославичем грамоты о десятине Киевской церкви и включивший в себя старинную повесть о полянах-руси.

¹⁶⁷ Там же, стр. 9, 17. М. Н. Тихомиров также предполагает существование подобной ранней повести (М. Н. Тихомиров Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», «Советская этнография», т. VI—VII, стр. 65).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

А. Л. СИДОРОВ. Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей Родины	3
Н. Р. ПРОКОПЕНКО. Борьба за возрождение угольного Донбасса в 1920 году	24
Я. А. МАНАНДЯН. О местонахождении Caspia via и Caspiae portae . . .	59
А. В. СОЛОВЬЕВ. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве»	71
К. Н. СЕРБИНА. Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII веке.	104
В. С. ВИРГИНСКИЙ. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года . .	135

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

В. П. ВОЛГИН. Пеккёр.	169
-------------------------------	-----

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года.	240
Д. Н. АЛЬШИЦ. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.	266

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Л. В. ЧЕРЕПНИН «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды	293
--	-----

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

*Редактор Ц. М. Подгорненская
Технический редактор М. Л. Темерлин
Корректор Н. Н. Морозов*

*

РИСО АН СССР № 3123. А—06914. Издат. № 1592.
Тип. заказ № 396. Подп. к печ. 20/VII 1948 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 21+1 вкл.
Уч.-изд. л. 29,6. Тираж 4000.
Цена с переплетом 25 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шувальский пер., д. 10

О ПЕЧАТКИ

<i>Стр</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
17	24 св.	бельгийских	бельгийцев
83	27 св.	Юкраине	Украине
130	12 сн	таблицы 22	(См. таблицы 1 и 19)
139	28 св.	между	«между
139	33 св.	дороги	дороги»
186	18 сн.	прошедших	пришедших
187	1 сн.	181	182
199	33 св	human	humanе
199	1 сн.	181—182	182—183
210	3 сн	185	186
228	2 сн	222	223
262	9 св	и летописи	в летописи
276	18 сн	лучше служить	служити
311	22 св	1118 г.	1108 г